

TPI hntn
natlahuiti

Нуму, ребенок с окраин затерянной в горах страны, попадает в услужение к таинственным богам своего мира. Теперь ему предстоит узнать, о чем столетиями лгут жрецы и какие секреты небожители хранят за семью печатями. Но правда стоит дорого: чем Нуму придется расплатиться за нее — чужими жизнями или собственной душой?

Вместе с героем читатель окунется в интриги столицы и запретного дворца-за-облаками и увидит лицо и изнанку мира, в котором причудливо переплелись сказочный Тибет и пустоши постапокалипсиса, мистический хоррор и классический детектив.

ТРИ НИТИ

*Приходящий от рек Дракона,
Приходящий от леса Тигра,
Приходящий от трона Гаруды,
Приходящий от Львиных гор
Пусть будет встречен радушно!
Ему двери должны быть открыты
И предложено угощение.*

*Но того, кто иным путем
Оказался в ночи у дома,
Прежде следует расспросить,
Испытать тремя узелками.*

ЧЕРНЫЙ УЗЕЛ

*Приходящий, ответ на вопрос,
Прежде, чем в дом мой вступить,
Прежде, чем нить развязать:
Если вычерпать все моря,
Если вывернуть корни гор,
Землю с небом перевернуть,
Что найти не под силу нам?*

*Место есть, где не видит глаз,
Где черно и в ночи, и днем
В царстве Эрлика скрыт тайник,
Отвечал многомудрый гость.*

У этого не было начала и не было конца.

Она всегда была здесь — на холодной, засыпанной колючим снегом равнине, в месте, где ничего не менялось — только голубоватая корка инея то нарастала на плитах настила и железе столбов, то исчезала, слизанная влажным ветром. Унылая серо-белая пустошь казалась бескрайней, но она знала, что та где-то заканчивается, уступая место морю. Невидимое, оно всегда было рядом: дышало в небо облаками красноватого пара, оседало солью и горечью на языке и в ноздрях, шумело ночами, баюкая ее во сне.

Она изучила свое жилище от и до: пересчитала все звенья в четырех тяжелых цепях, и тысячу столбов, и нанизанные поверх коконы из кожи морского зверя, всего числом две сотни. Крикливые птицы любили рассестись на них и клевать задубевшие от холода бока, выдирая из швов пучки жильных нитей. К чему им был этот сор? Чтобы свить гнезда? Или пернатые воры пытались добраться до того, что внутри — до мертвецов?.. О спрятанном в коконах она догадалась давно — по тому, как шкуры прогибались под весом округлых затылков, острых локтей и скрюченных спин; а еще по тому, как стражи всегда отходили подальше, чтобы помочиться, и шептались, творя руками защитные знаки, стоило ветру захлопать кусками рванины или щелкнуть костяной бахромой. Должно быть, в этих звуках им чудились голоса призраков.

Под ее ногами расползлся круг красно-бурой грязи, замерзающей по ночам и оттаивающей к полудню. Слева и справа подымалась пара столбов, толще и выше, чем прочие, с двумя округлыми ушками на каждом — у вершины и у основания. К ним-то и крепились цепи, другим концом приваренные к кольцам на ее лодыжках и запястьях. Шов от сварки выпирал на металле, как уродливый шрам. Она пыталась стянуть оковы, и не раз (даже мазала тайком рыбьим жиром), но твердые пластины панциря застревали в них намертво, мешая освободиться. Она не помнила, как ее пленили и когда.

Над головою распласталось небо с мохнатыми облаками, светлоспинными и темнобрюхими. Снег, падавший из них, почти не таял, даже если долго дышать на него, будто был не замерзшей водой, а крошками костяной муки. Когда облака изредка расступались, за ними не оказывалось ничего: одна белизна, глаже яичной скорлупы. Много раз она вглядывалась в зенит, не мигая, до рези в глазах, и все зря. Даже птицы, носившиеся

по воздуху, никогда не поднимались в эту пустоту. В конце концов она решила, что там, наверху, мир заканчивается.

И правда, все звуки и вещи приходили к ней снизу; оттуда являлись и стражи. Огромные, грузные, они каждое утро плелись на середину равнины от далекой Песьей двери, таща бурдюки с водой, крюки и черпаки, ножи и копья, связки сушеной рыбы и подносы с «работой»; настил жалобно скрипел под тяжелыми шагами. Тела они кутали в шубы, расшитые полосами меха и пестрыми бусинами; на макушку натягивали широкие капюшоны, а на лица — маски из желтоватой кости, с узкими прорезями для глаз. Должно быть, те защищали от ветра и снежной слепоты... а может, и от ее взгляда.

И правда, хотя стражи были велики и сильны, они избегали расстегивать одежду, есть или пить у нее на виду, а пуще всего — касаться ее; если же хотели поторопить, или отогнать, или вырвать что-то из рук, то пользовались крюками, насаженными на длинные древки. Наконечники крюков почернели от копоти; должно быть, их очищали в огне. Еще стражи могли дернуть за цепи так, что она валилась напрямиком в жидкую грязь, и глухо ухали-хохотали из-под масок, хлопая себя по животу и бедрам, пока она отплевывалась от зловонной жижи. Но разок и ей довелось посмеяться! Со скуки она бросила пригоршню рыбьих потрохов под ноги самому вредному из стражей, и тот, поскользнувшись на маслянистой печени сельди, треснулся лбом о настил. Костяная маска перекосилась, открывая рот, изрыгающий проклятия вперемешку со зловонным дыханием. Вопя от ярости, страж подскочил к виновнице, схватил за длинные шипы на макушке и приложил головой о столб; если бы не твердый панцирь, удар наверняка раскроил бы ей череп... А в следующую секунду, опомнившись, мужчина сорвал «замаранную» рукавицу и швырнул куда-то в снег. Остаток дня, до самого вечера, он держал правую руку вытянутой подальше от тела, будто на ней плодилась какая-то страшная зараза. Тогда она хорошо рассмотрела его толстые, бледные пальцы с узкими когтями, соединенные розоватыми перепонками. Совсем не похоже на ее ладони в блестящих черных пластинах! Нежная конечность стража от холода и неподвижности сначала покраснела, потом побледнела, но хозяин и не подумал убрать ее под шубу или хотя бы согреть дыханием. Назавтра он кутал руку в тряпье и все время постанывал, и с тех пор уже не мог пользоваться ею как раньше. Вдруг пятерню тоже пришлось обжечь огнем? И хотя она не могла взять в толк, какой вред стражам от ее прикосновения, зато хорошо понимала, что те боятся ее, а потому ненавидят. Может, из-за этого и держат здесь?..

Или потому, что больше некому выполнять «работу»? Ведь каждое утро, изо дня в день, ей приносили большие подносы с морскими тварями, наваленными друг на друга склизкой, лилово-зеленой горой: одни были уже мертвы, другие еще трепыхались, мало-помалу задыхаясь или коченея от холода. Их следовало убить, разделать и перебрать. Во внутренностях морских обитателей нередко застревали крупницы золота, проглоченные ими вместе с водою; а золото, как она узнала из разговоров стражей, высоко ценилось внизу.

Чаще всего ей несли диковинных чудовищ, мерзких и на вид, и на ощупь: вроде мешочков пестрой слизи с дрожащими гривами жабр; или медуз с длинейшими багровыми стрекалами, мокрой бородой волочащимися по земле; или прозрачных полунасекомых, внутри которых в трубочках кишок желтела непереваренная пища. Даже рыбы, попадавшие к ней на подносы, были странными: у одних челюсти непомерно выпячивались вперед, у других, распахнувшись, доставали до середины тела; у третьих бока и зобы висели, как мешки, готовые проглотить добычу вдесятеро больше хозяина; у четвертых вместо чешуи

кожу покрывали ногти; у пятых, бледных и круглых, как блюдо, к бокам приросли мальки — да так, что не отодрать; шестые походили на скользких, безглазых змей; у седьмых из клюва вместо языка высовывались многоногие мокрицы. От бесчисленных гадов, расплзающихся по настилу, исходил тяжкий, тошнотворный запах; иногда ей казалось, что она вся пропиталась им, что смрад проник даже под плотно пригнанные пластины панциря. Ни ножей, ни крюков стражи ей не давали, потому приходилось отрывать головы, распутывать щупальца и выковыривать потроха — сердца, желудки, раздутые воздушные пузыри — зубами и пальцами.

Из принесенного ей разрешалось взять еды по вкусу. Иногда, в хороший день, ей доставались молоки с мелкой, лопающейся во рту икрой или белые, нежные шапки кальмаров; но чаще приходилось обглаживать хвосты и плавники с ошметками сырого мяса. Если не везло проглотить кусок, испачканный желчью, нёбо еще полдня горело огнем; чтобы перебить жжение, приходилось глотать снег, который и сам был горек, и отчаянно скрести язык ногтями. Воду стражи давали ей только раз в день — из кожаного бурдюка, откуда пили и сами. Но ей питье, конечно, подносили отдельно — в ковше из половины створчатой раковины, которую после этого выбрасывали, заменяя на новую.

Так продолжалось день за днем: с хлопаньем летели в одну кучу мягкие внутренности, сгустки холодной крови, полоски мышц, покрытые радужными разводами, кости и чешуя; а в другую, маленькую, отправлялись блестящие золотые песчинки. Под вечер стражи сгребали и драгоценности, и растерзанные останки морских тварей и уносили прочь — наверное, чтобы выбросить; употреблять в пищу то, чего она коснулась, они бы точно не стали! А перед тем, как уйти, они натягивали цепи и закрепляли так, что она оказывалась подвешенной между столбами на расстоянии в два-три локтя от настила.

— Зачем это? — как-то спросил тот страж, что был подбробнее.

— Совсем дурак, что ли? — буркнул его товарищ с обожженной рукой. — Все отродья Той-что-внизу ночью становятся сильнее. Нужно держать ее как можно дальше от матери, чтобы не сбежала!

— У, как пялится! Как думаешь, она нас понимает?..

— Да нет! Это же почти животное. Вот смотри.

И, ткнув ее крюком в бок, страж велел: «Ну-ка, скажи что-нибудь! Ну! Тогда хоть помычи!»

Ответить она не могла: у нее не было голоса, как не было имени или памяти. А если бы и могла, о чем говорить со стражами? Умолять, чтобы сжалились и отпустили ее?.. Это все равно, что просить холод не морозить, а огонь — не обжигать. Стражи были сродни скрипучим замкам на столбах: не друзья, не враги — препятствие, которое нужно преодолеть. Так пусть думают, что она тупее креветки, что в черепе у нее медуза вместо мозгов! Пусть хохочут, глядя, как она сипит, и щелкает зубами, и извивается в грязи, пытаясь увильнуть от ударов... Пока она запоминает.

А помнила она многое: их привычки, слова, движения. То, как стражи поправляют маски и подслеповато моргают в сумерках; расстегнув ворот, чешут взопревшие шеи или, ловко орудуя ножами, срезают невесомые стружки с сушеных рыбин. Ночью, когда ветер раскачивал ее в воздухе, выворачивая суставы из плеч, она перебирала в уме все, что увидела и услышала — с тем же тщанием, с каким перебирала внутренности морских чудищ — в поисках выхода; и не останавливалась до тех пор, пока виски не начинало ломить, пока шум крови не заглушал гул невидимого моря, а глаза сами не закрывались от усталости. Это

отгоняло мысли о том, как просто сжать челюсти покрепче, откусить язык и повиснуть на цепях, пуская изо рта пузырящуюся, красную слюну; прекратить все одни махом... Но если отчаяние становилось совсем невыносимым, она думала о тех днях, когда ей позволяли спуститься вниз.

Это было так: на исходе дня, когда небо уже начинало разбухать, пропитываясь мокрой темнотой, над равниной разносился дикий вой, а потом от Песьей двери являлись две дюжины провожатых. Те походили на стражей: высокие, тучные, закутанные с ног до головы в кожи и меха; только вот шубы и штанины у них были изодраны в клочья и то развевались по ветру, то волочились по снегу; со спин, грудей, животов свешивались «языки» из перекрученных пестрых нитей. Ну а маски! Жуткие, злые рожи, скалящиеся длинными клыками, шевелящие ушами-жабрами, трясущие лохматыми гривами и чудными рогами! Огня у провожатых не было, и в полумраке грубо размалеванные личины казались совсем живыми: полосы охры превращались в шрамы, мазь из толченых моллюсков — в ожоги, пятна сажи — в черные чешуи, вроде тех, что росли на ней.

Завидев провожатых, стражи подступали к ней — но не для того, чтобы по заведенному обычаю подготовить ко сну; вместо этого они доставали из-за пазухи ключи и открывали скрипучие замки, крепящие оковы к столбам. Затем один мужчина хватал цепи у нее на руках, а второй — на ногах, оставляя ее саму болтаться посередине, лицом к небу, спиной к морю. Тут же толпа провожатых обступала их, и она чувствовала запах, не похожий на резкую, потную вонь стражей: от ряженных тянуло теплом, и дымом, и сладковатой гнилью брожения. Вместо копий и крюков они несли визгливые дудки, погремушки и бубны с колотушками, похожими на раздвоенные рыбы хвосты; на широких поясах, рукавах и сапогах болтались, звеня, бесчисленные подвески; все вместе это издавало оглушительный шум, приводивший провожатых в еще большее возбуждение. Они то и дело пускались в пляс, вопили или заводили песни — громкие, нескладные, обрывающиеся так же внезапно, как начались. Даже стражи не могли устоять и принимались подпрыгивать и трястись, раскачивая цепи и грозясь стукнуть ее затылком о настил. Потом толпа трогалась с места, унося ее с собою к первой двери.

Ту прозвали Песьей — потому, что вокруг распахнутых железных створок, на грязном снегу, ждали звери: мелкие, худые, покрытые жесткой щетиной, белой у хребта, желтоватой на животах. Когда провожатые приближались, псы подымали плоские головы, без глаз, но с огромными пастями: края лиловых губ доставали почти до ракушек-ушей. Вываливались, паря, багровые языки; дрожали ноздри; учуяв поживу, звери забывали о привязи и с визгом бросались вперед, чтобы клацнуть зубами у самых ляжек провожатых. Главе ряженных приходилось вытаскивать из заплечного мешка несколько твердых, как лед, рыбин и швырять стае. Псы, рыча и отпихивая другу друга, набрасывались на еду; только тогда можно было пройти мимо, к лестнице, ведущей вниз.

Стоило спуститься на несколько ступеней, и мир будто выворачивался наизнанку: место неба занимал настил, из которого росли корни ржавых балок и перекрытий. С вкрученных в бетон крюков свешивались вязанки вялящейся рыбы, серебряной с одной стороны, черно-багровой — с другой: разевались немые рты, пялились в пустоту мертвые глаза; чешуйчатые спины и хвосты посверкивали во мгле, как жемчуг на нити. Еще ниже, на темном от грязи полу, возились сестра и братья стражей — такие же большие, с бледными и пухлыми телами. Снаружи жир спасал их от холода, но здесь царила жара: по круглым бокам, по низким лбам, по усам, топорщащимся над верхней губою, стекал пот; сорванная одежда сминалась ногами,

задами и спинами. Многие остались только в юбках из желтоватого, тонкого материала да в узких костяных масках, защищающих глаза уже не от снега, а от искр.

И не зря: костры пылали повсюду! Красные языки вырывались прямо из куч пористого камня; а чтобы огонь не слабел, в него плескали едко пахнувшей, горючей жидкостью из расставленных тут и там бочек. Дым и чад смешивались с обжигающим паром: его густые клубы подымались над кипящими котлами, улавливаемые натянутыми поверх шкурами. Капли испарины жители этого странного места собирали при помощи мидий — черпаков. Она подозревала, что так горький снег топили и очищали до состояния, пригодного для питья. Но сегодня был особый день: в воду бросали что-то еще — желтоватые комочки слизи, из-за которых пар наполнялся тяжелым, опьяняющим запахом. Все, кому подносили мутное варево, глотали его жадно, захлебываясь, а потом, покачнувшись, валились кто на колени, кто на спину, мычали и хохотали, как безумные. Те, кто не пил, ели: свистели ножи, со смачным чавканьем лопались шкуры, расползались внутренности, вертелись над огнем нанизанные на прутья куски свежего мяса, шипел, падая на раскаленные камни, жир. Некоторые, отползя в тень, плевали, а потом возвращались к кострам, чтобы снова глотать лоснящиеся потроха, высасывать мозги из костей, жевать хрящи, чавкая, облизывая губы, вздыхая от боли в раздутых животах. Иные же, укрывшись за котлами, елозили друг на друге с пронзительными визгами и стонами. Все вокруг было горячим, вонючим и блестящим, будто натертое салом; хорошо, что это продолжалось недолго.

Завидев провожатых, пляшущих, трясущих погремушками и воющих так громко, что их голоса перекрывали даже клочкотание чанов и треск костров, жители замирали на мгновение, а потом, вопя от ужаса, неслись прочь, забыв про одежду и обувь, любовников и любовниц, недопитые чаши и необглоданные кости. Ряженые с криками и улюлюканьем набрасывались на замешкавшихся или упавших и безо всякой жалости били их палками, пинали и щипали, пока те не вырывались и не убегали.

Так они добирались до второй двери, из черного от сажи серебра. Ее тоже охраняли псы, но не такие тощие и злобные, как на равнине; за время пира они успевали хорошенько поживиться объедками и теперь только ворчали в сытой полудреме. Спустившись еще ниже, стражи и провожатые входили в город, притаившийся среди леса угрюмых серых колонн. Покачиваясь на цепях, запрокинув подбородок, она видела вдалеке, за мельтешением сапог и подолов, темное небо и сохнувшие невода; те плескались на ветру, будто спутанные космы великана. Оставалось только гадать, каких размеров сети были, если развернуть их целиком!

Жители, ускользнувшие от расправы наверху, теперь таранились на ряженных из сумрака убогих, сшитых из лоскутьев шатров. Кто-то грозил им вслед кулаками; кто-то кричал проклятия и швырялся мусором; кто-то всхлипывал и заливался плачем. Но несмотря на страх, ни один не остался дома: мало-помалу весь город присоединялся к шествию. Мужчины и женщины, старики и дети брели позади, сонно пошатываясь, пока вся толпа не являлась ко дворцу — так она называла про себя скелет зверорыбы, неведомо как вытасченный из моря и переделанный в подобие просторного дома. Вместо балок стены здесь поддерживали ребра; вместо потолка над головою проходил хребет из узорчатых позвонков; верхняя челюсть служила притолокой, а нижняя — порогом. И застилала дворец не уродливые, засаленные шкуры; нет! Он весь порос соцветиями льда или морской соли — лиловыми, зелеными, голубыми — соединявшими кости между собою. Прозрачные кристаллы сверкали ярче, чем влажная чешуя рыб; ярче, чем створки расколотых жемчужниц; ярче даже, чем огненные пятна, вспыхивающие в темноте на телах каракатиц! И

это было так красиво, что ей хотелось смотреть, не отрываясь, не обращая внимания на резь в пересохших глазах; но она уже знала, что нельзя насмотреться впрок.

Ее первой пронесли между клыков чудовища — у их оснований лежали черные камни, обильно политые горючим маслом. Следом во дворец входили остальные: и жители, и провожатые. Скосив глаза, она замечала впереди блеск равносторонней пластины, сделанной из чистого золота, — последней двери. За десять шагов до нее стражи останавливались и, спустив ношу с плеч, крепили четыре цепи к торчащим из пола кольцам — так, что она могла поднять руки и пройти несколько шагов вперед или назад, но не сумела бы дотянуться до странно притихшей толпы.

Когда приготовления завершались, из глубины дворца показывался хозяин — согнутый пополам, уродливый старик с вымазанным сажей лбом и подбородком, обвисшим до самого основания шеи. Подпоркой ему служил посох, странно похожий на крюки, которыми ее истязали стражи, а голову грела шапка из черного меха, с ушами такими длинным, что пришитые на них подвески волочились по полу. Толстые, светлые щетинки усов и жидкую бороду унизывали самородки — желтые, рыжие, бурые, зеленоватые, натертые до блеска шершавой замшей. Это их она доставала из рыбьих животов, клювов кальмаров и клоак моллюсков. И как хозяин дворца не боялся замараться ее нечистотой!

Со стариком являлись и две высоких, молодых женщины в носатых птичьих масках, с лысыми, круглыми черепами и такими же круглыми, выпирающими животами. Их обнаженные тела покрывала синяя вязь татуировок; на груди и бедрах блестели золотые иглы, пропущенные сквозь толстую кожу. На вытянутых руках женщины несли что-то вроде маленькой, в три локтя, лодки. Эту штуку полагалось поставить ровно посередине между толпой и тем местом, где сидела она. Затем первая помощница уходила направо и возвращалась с подносом, на котором лежали костяной нож и крепко связанный детеныш морского зверя; из-за упитанного, белого тела, темных глаз и вздернутого носа он напоминал самих жителей города. Вторая помощница уходила налево и приносила большую чашу, до краев полную мутной жижей, вроде той, что бродила в котлах наверху. Опустившись на колени, они водружали эти посудины себе на темя и так замирали.

Тогда хозяин три раза ударял посохом о звенящее золото последней двери, и жители города один за другим выходили вперед, к женщине с жертвенным животным, чтобы отрезать его мяса. Поначалу детеныш плакал от боли и рвался из пут, но скоро затихал. Добытые куски жители не ели, а зажимали в кулаке; потом, повернувшись к женщине с чашей, набирали в рот питья — столько, что щеки выпирали из-под масок. Не глотая его, они наклонялись над маленькой лодкой, бросали мясо внутрь, плевали сверху... и сразу же, сломя голову, бежали назад. Так продолжалось до тех пор, пока все жители города — даже ряженные, успевшие стянуть нелепые наряды, даже стражи, — не швыряли в лодку по кровоточащему обрезку, сдобрив его собственной слюной вперемешку с опьяняющим пойлом.

Когда лодка заполнялась до краев, хозяин дворца снова бил посохом и начинал говорить громко, нараспев:

— Смотри! Небо черно,
Дрожит его основанье,
«Мы видим, что-то грядет!»
— Кричат старые боги.
Трясутся кости у псов,

Когда они чуют тебя,
Когда открываются двери
В чертоги твои из змей,
Чье имя Мокрая Морось,
В чертоги Матери-Тьмы!
Где Голодом блюдо зовется,
Где Жадностью нож прозывают,
Где пир для Матери собран,
И поданы лучшие яства.

Прокричав это, он подцеплял посохом и со скрежетом отодвигал золотую пластину. Из провала в полу тянуло холодом и влагой.

— Как бык, что траву поедает,
Питаются пламенем боги,
Как млечное вымя коровы,
Живот их раздулся от силы,
Хвататель и Змей, твои слуги,
Поймали их в прочные сети,
Бегущий и Львиноголовый
Им глотки вскрывают и брюхо,
Что спрятано в нем, то находят,
Бросают в очаг разожженный.
Мать-Тьма поедает их силу,
Мать-Тьма пожирает их душу,
С рассветом съедает их взрослых,
С закатом — еще малолетних,
Ночами глотает младенцев,
А старыми пламя растопит.

Тут старик останавливался — это был знак, чтобы она взяла в руки маленькую лодку и подошла к провалу. Две помощницы подымались с колен и, пошатываясь, вставали справа и слева от нее.

— Кого ты найдешь, тех поглотит,
Мать-Тьма, что родилась до мира,
Мать-Тьма, что восходит на небо,
Хребты пред тобою ломают,
Сердца извлекают из ребер,
Чтоб Мать насытилась красным,
Чтоб Тьма проглотила сырое,
Чтоб слуги ее приутихли,
По нраву пришлось угощенье!

Снова посох ударял три раза. Ей следовало, не мешкая, направить лодку носом в дыру на полу и отпустить; отяжелевшая от жертв штукавина тут же ухала вниз, а помощницы хозяина под радостные крики народа опрокидывали ей на голову поднос и чашу. На плечи и макушку валились остатки питья, крови, костей и потрохов; красно-бурая грязь стекала с затылка, заливала лицо. Она моргала и терла веки, но краем глаза все равно замечала, как с золотого обрамления вокруг провала на нее пристально смотрит женщина с непомерно длинными

руками, нависающая над лежащим на спине мужчиной. В пустоте между их телами была чернота: непроглядная, но тихо дышащая, будто внизу притаилось что-то живое и огромное. Но как так вышло, что ни женщина, ни мужчина не были похожи на существ, обитавших в городе?..

Долго размышлять ей не давали. Старик с грохотом задвигал заслон последней двери, а невесть откуда выскочившие стражи хватили цепи и тащили ее прочь, немилосердно тряся и подбрасывая в воздухе. Когда они проходили сквозь толпу, жители шарахались в стороны, плевались и поносили ее, на чем свет стоит. На выходе из дворца к этому времени разжигали огонь; стражам приходилось перескакивать сквозь него. Обычно они делали это так быстро, что пламя не успевало опалить их; но иногда меховые полы шуб все же занимались и тогда долго еще тлели, воняя горелым волосом.

Ее тащили назад тем же путем — через город, через костры, к двум столбам под открытым небом, где ей надлежало сидеть, ковыряясь во внутренностях морских тварей и ожидая следующего праздника. И она ждала; что еще оставалось? Она знала, что ее никогда не отпустят по доброй воле. Для стражей, и провожатых, и жителей она была не просто пленницей — она была бесом.

У этого не было начала и не было конца. Она всегда была здесь — на холодной, засыпанной колючим снегом равнине; в месте, где ничего не менялось... До тех пор, пока вода не стала горькой.

Все началось, когда провожатые снова явились за ней, чтобы отнести в город. Как всегда, стражи открыли замки, закинули четыре цепи на плечи и пронесли ее сквозь равнину, костры и лес бетонных колонн, чтобы усадить посреди сверкающего дворца. Как всегда, навстречу ей явился хозяин в черной шапке, с золотом в усах и бороде, и женщины в птичьих масках. Как всегда, зазвучала хрипая песня, обращенная к темному отверстию в полу, и закричал морской зверь, умирая под ударами ножа, пока вокруг волновалась и перешептывалась разгоряченная толпа. А потом, когда наполненная мерзкими подношениями лодка соскользнула с ее рук в темноту, одна из помощниц вдруг дернулась от судороги в затекшей ноге и уронила поднос. Тот ухнул на пол, разлетаясь вдребезги, обдавая все вокруг брызгами крови и ошметками розовых кишок. Вздох ужаса прокатился по дворцу; неудачница замерла, уставившись на свои пальцы, будто видела их впервые.

Пока жители шептались — что-то будет дальше? — она разглядывала осколок подноса, упавший неподалеку. Он был черным и гладким — не выточенным из камня, не вырезанным из кости и даже не отлитым из металла; на плоской поверхности выступал узор, чуть неровный, красноватый, будто след ожога. Пять линий, соединяющихся в лучи звезды... Она уже видела такой! Но где?

Что-то загудело в голове, защелкало, затрещало, мешая думать. Между тем хозяин дворца, встопорщив усы, закусив обвисшую губу, поднял посох, но не ударил им об пол, а подсек крючком-набалдашником ноги помощницы. Та упала, вскрикнув, но старик не остановился на этом, а со всей силы пнул ее под зад. С жутким криком женщина полетела в провал; когда ее вопль стих, хозяин кивнул второй помощнице, и та опрокинула следом чашу с питьем.

Так и закончилось празднество. Пока стражи тащили ее обратно, она вслушивалась в причитания горожан. Те боялись, что без положенной жертвы Та-что-внизу останется голодной.

— А голодный неспит, — цокали языками взрослые; и дети испуганно хватались за юбки матерей.

На следующий день вода стала горькой. Сначала она подумала, что это ледяная крупа нападала из облаков в ракушку-черпак; но то же повторилось и завтра, и послезавтра. Влага, которую ей подносили стражи, обжигала нёбо и язык все сильнее, и скоро ее вкус уже не отличался от талого снега, не очищенного перегонкой над кострами. Как она ни старалась пить побыстрее, как ни перекачивала во рту кусочки пресного рыбьего мяса, вода все равно горчила — а еще помутнела и потемнела, будто внутри плавала какая-то взвесь.

Но было в этом и кое-что хорошее. Если для нее такое питье было просто мерзким, то для стражей — ядовитым. Она слышала, как те кашляют и стонут под масками, как угрожающе бурчат их потроха — будто бесы, засевшие между печенью и селезенкой, разговаривают на невнятном наречии; видела, как мужчины хватаются то за животы, то за горло, и как вдруг подгибаются, предательски дрожа, их колени. Да и твари, попадавшие к ней в руки, мало-помалу изменились! Медузы так разбухли от накопленного яда, что напоминали чудовищное вымя с влажными щупальцами-сосками; моллюски вздулись пестрыми пузырями — если ткнуть пальцем, они лопались с громкими хлопками; из каракатиц вместо чернил вытекала красная, густая жижа; у рыб то недоставало чего-то, то, наоборот, обнаруживался избыток: плавники, хвосты и жабры топорщились по сторонам, на боках, на спине, на брюхе, как чудные костяные перья. У некоторых тварей сердца или ребра выступали наружу, открытые, незащитные; у иных языки вываливались из пасти на два-три локтя; у других над ноздрями трепетали складки прозрачной кожи, похожие на заросли багровых водорослей. Приносили ей и морских пауков, выросших так, что тонкие лапы свешивались с обоих краев блюда; и лангустов с двумя мордами на противоположных концах тела: бедные уродцы тщетно пытались уползти одновременно и вперед, и назад. Неужели все эти чудовища родились потому, что неловкая помощница разбила поднос?..

При мысли о разлетевшейся на куски посудине что-то зудело в черепе; уши наполнялись шумом, но чем сильнее она старалась пробиться сквозь него, ухватить за хвост ускользящее воспоминание, тем сильнее становился гул. Наконец, когда голова уже раскалывалась от боли, а перед глазами дрожали слепые пятна, она отступалась и, растерев лоб, принималась за работу.

День ото дня стражи кашляли все отчаяннее, а их улов становился все страннее, пока однажды ей не принесли нечто и вовсе неведомое. Это была огромная рыбина, не уместившаяся даже на подносе: стражам пришлось тащить ее подмышками, кряхтя и приседая от тяжести. Видом тварь походила на валун, выброшенный волнами: тупой нос, бочки-бока с парой мясистых плавников, беззубый рот-трещина... Когда она поддела белые губы пальцами, те разошлись на полтора локтя в ширину, открывая глотку — колодец, вымощенный костяными кольцами (всего она насчитала десять). Рыба была слепа: в подпернутых синеватой дымкой зрачках ворочалось что-то светящееся; зацепив одну такую штуку ногтем, она вытащила наружу мелкого рачка-паразита, глубоко укоренившегося в глазном яблоке. Но еще удивительнее была шкура великанши: темную «нижнюю» кожу покрывал сверкающий налет толщиной в два-три пальца, как будто рыбина сплошь заледенела. Пришлось немало потрудиться, чтобы разодрать этот жесткий покров.

От мяса создания разлило застоявшейся мочой; так же на исходе года воняли стражи, у которых мытье было не в почете, но сейчас даже они отвернулись и прикрылись рукавицами, спасаясь от смрада. Ей же выбирать не приходилось; стараясь пореже дышать,

она запустила руки в холодные склизкие внутренности. Вдруг что-то больно кольнуло мизинец, проскочив между пластин панциря. Торопливо оглянувшись (стражи все еще смотрели в другую сторону), она вынула сизый, покрытый переливчатой пленкой желудок и положила на настил. Его содержимое — жидкая каша из остатков кальмаров и рыб, — тут же растеклось розоватой лужей; но среди отбросов было что-то еще. Металл... и не золото, а железо! Тонкий и прочный прут длиною в две ладони, заостренный на конце.

Радость обдала ее, защекотала, как облако горячего пара. Этого она ждала, столько дней, столько лет! Осталось потерпеть совсем немного... Она присыпала находку снегом — и вовремя: один из стражей как раз обернулся, чтобы проверить, как идет работа. До самого вечера она делала вид, что усердно копается в рыбьих потрохах. Наконец небо стало темнеть — как всегда, от краев к середине, будто мокнущая тряпка, — и стражи засобирались в обратный путь.

— Пойду отолю, — сказал тот, что с искалеченной рукой. — А ты забери золото.

— Ладно! — нехотя буркнул другой и, пока его товарищ побрел к краю равнины, окинул тоскливым взглядом развороченное брюхо морской твари. — Ну, что там у тебя?

Сегодня она не нашла золота, но украдкой отковыряла со стеклянистой рыбьей шкуры дюжину осколков, щедро полила их грязью — так, чтобы крупички полуутонови в бурой жиже, — и указала на блеск поддельного сокровища.

— Ничего не видно, — прошипел страж, уставившись вниз. Темнота слепила его — на то и был расчет! Она думала, что мужчина просто наклонится поближе, но вышло еще лучше. Чертыхаясь, страж стянул маску, нужную днем, но мешающую ночью, и подался вперед, бормоча: «Где это проклятое золото?..»

Чужое лицо зависло перед ней — бледное, круглое, с прозрачными щетинками усов и бровей. Пальцы сжались на спрятанном в снегу оружии; у нее была только одна попытка. Стиснув зубы, она взмолилась кому угодно — кому угодно, кто может помочь! — и воткнула иглу в левый глаз стража. Как по маслу, та прошла сквозь студенистое вещество и тонкую кость глазницы, погружившись внутрь черепа. Страж открыл рот, но не вскрикнул, а просто повалился набок, в жидкую грязь, и так и остался лежать неподвижно.

Во рту пересохло. Сердце бешено колотилось, ноги подгибались, а руки дрожали, точно сушащиеся на ветру селедки, но она заставила себя выполнить все, что прежде задумала. Первым делом обыскала мертвеца: совать ладонь в жаркое, душное пространство между засаленной одеждой и голой, грязной кожей было неприятно — даже хуже, чем потрошить морских уродцев; но что поделать! Зато она нашла, что искала — ключи от замков с левого столба, — и отстегнула две из четырех цепей, удерживающих ее в этом проклятом месте. После она забрала у мертвеца нож и копьё, расстегнула длинные полы его шубы, подперла покатую грудь крюком — так, чтобы казалось, будто он стоит на коленях, запустив руки по локоть в развороченные внутренности рыбы — а сама спряталась под этим мясным навесом и стала ждать.

Скоро послышался шум приближающихся шагов, а потом и возглас второго стража:

— Эй, ты чего?!

Он тронул товарища за плечо, и труп начал медленно заваливаться набок. Прежде, чем тот целиком грохнулся на настил, она ткнула копьем вверх — туда, где мелькнул большой, выпуклый живот второго мужчины. Будь ее противник полностью здоров, он наверное успел бы отскочить: но отравы, растворенная в питьевой воде, сделала свое дело. Она достала его! Плоть стража, обернутая слоями вязкого жира, была ужасно неподатлива — но и руки,

годами таскавшие тяжелые оковы, оказались не так уж слабы. С влажным хлюпаньем острие копья прошло между полами шубы — внутрь.

Страж навис над нею, цепляясь за древко. Кровь хлынула из-под маски, пачкая меховой воротник. Эта рана должна была убить его; но, будто рыба, которая продолжает трепыхаться, когда ей уже оторвали голову, мужчина вдруг издал злобный вопль, подался вперед, еще глубже насаживаясь на копье, и схватил ее за горло. Пластины панциря заскрипели под рукавицами. Нащупав нож, она попыталась ударить стража по голове, по шее, по лицу... но лезвие то соскальзывало с капюшона, то отскакивало от костяной маски, не причиняя ему вреда. Воздуха становилось все меньше; в ушах зазвенело. Страж бы убил ее, точно убил — но больная рука не давала ему покрепче сжать пальцы! Так они и возились в грязи, слизи и крови; наконец, ей удалось воткнуть оружие в здоровую ладонь врага и, извернувшись угрем, выскользнуть из ослабевшего захвата. Враг остался болтаться на копье, свесив кулаки до самого настила; наконечник торчал из-под его лопаток, как мизинец, тычущий когтем в небо. Но страж еще дышал, хрипел и булькал, поводя глазами. Удивительно живучее существо!

Ей хотелось закричать от злости, но вместо этого изо рта вышел отрывистый, щелкающий клетот. Нельзя оставлять его так — вдруг ему удастся предупредить остальных?.. Она обошла стража кругом, перекидывая свисавшую с левой руки цепь через его толстую шею, а потом всем телом подалась назад. Мужчина захрипел, забился... и это продолжалось долго, очень долго; только когда он совсем затих, она отпустила цепь.

Вторая пара ключей нашлась у калечного стража за пазухой. Замки, приковавшие ее к правому столбу, со звоном упали в снег. Но сами цепи все еще волочились за нею, как присосавшиеся к лодыжкам и щиколоткам миноги; с такой тяжестью далеко не уйти.

Теперь у нее было два ножа — по числу убитых противников. Одним она попробовала распилить железные путы на ноге, но те оказались слишком прочными: нож быстро затупился и пришел в негодность. Тогда она взяла второй — его пришлось вырвать из пятерни трупа — и осторожно просунула лезвие в зазор между чешуями на левом запястье, подцепляя те из них, что мешали снять оковы. Когда нож продвинулся достаточно далеко, она резким движением скovyрнула кусок панциря; на его месте осталась зудящая рана, зато ладонь легко выскользнула из кольца!

Следующей она освободила правую руку; потом пришел черед ног. Пришлось избавляться от наростов, закрывавших пятки: поддеть их ножом было нетрудно, но отделять панцирь от живой плоти оказалось невыносимо больно. Подумав немного, она сгребла к ступням свежего снега и держала пятки в холоде, пока те не онемели; тогда она снова просунула лезвие под толстые пластины. Боль не ушла полностью — только приутихла, но главное, что пластинки черного, стекляннистого вещества с треском отделилась от красной, горячей изнанки. Повторив то же со второй ногой, она залепила раны остатками снега. Тот щипался, почти как соль, зато кровотечение быстро остановилось. Это было хорошо, потому что не ждать она не могла — нужно было уходить, пока стражей не хватились внизу.

В сумках мертвецов нашлись куски довольно чистой ткани — чтобы заворачивать добытое ею золото. Разорвав их на длинные полосы, она перевязала ступни; потом стащила со стража, — того, что убила первым, — тяжелую одежду и поволокла труп к Песьей двери. Звери поджидали ее — отошавшие и запаршивевшие от отравы, но все такие же злобные и голодные: клапаны-ноздри дрожали, ловя запахи, с изъеденных язвами губ капала слюна. Она изо всей силы толкнула стража вперед, и тот с грохотом прокатился по настилу прямо в

раззявленные пасти. Ну а пока стоя пиrowала, ворча, твякая и огрызаясь, она раскрыла железные створки и спустилась вниз.

Она опасалась, что ее заметят снующие вокруг котлов жители, но этой ночью здесь было почти пусто... а еще очень холодно. Пространство слева и справа, от пола и до потолка заполняла темнота. Только один огонек тлел впереди — костер, над которым булькал чан с талой водой. Рядом сидела пара мужчин... а может, и женщин; как разобрать в одежде? Они дремали, пригревшись в ползучем белом пару; над мирно склоненными головами шелестели вязанки серебряных рыб, поворачиваясь к свету то одним боком, то другим, будто глаза, подмигивающие из мрака.

Тем лучше. Стараясь ступать бесшумно и держаться тени, она приблизилась к костру и притаилась за одной из бесчисленных бочек. Она давно заметила, что бока у них от старости все погнулись и заржавели; казалось, ткни пальцем — пробьешь насквозь! И точно, одного удара ножом хватило, чтобы проделать в бочке дыру; густая жидкость толчками полилась наружу. То же она повторила с соседней, и еще одной, и еще, пока весь настил вокруг костра не залило горячее. Последнюю бочку, шагах в пяти от спящих, она просто перевернула; содержимое волною хлынуло на пол.

— Ты слышал? — вскрикнул один из жителей, тряся товарища за плечо. — Там что-то есть, в темноте!

Но было уже поздно: маслянистые струйки коснулись костра. Тряпье на сторожах вспыхнуло в мгновение ока; истошно завопив, те повалились на пол в тщетной попытке сбить пламя — но пол и сам горел. Рядом оглушительно гроыхнуло — это огонь, разбежавшись по поверхности горячего, перекинулся на нетронутые бочки; те лопались, выпуская столпы черного дыма. Скоро пожар был повсюду: он подымался с настила и лизал потолок, плавил балки и перекладины, срывал с крюков вязанки рыб — тлеющие хвосты и чешуя сыпались ей на макушку, как снег из облаков. Обжигающий, крутящийся ветер толкал одновременно в лицо и спину, набивая ноздри сажей и пеплом. Рев, гроыхание и треск, идущие сразу со всех сторон, оглушали. Что-то просвистело рядом с ухом, царапнуло колено — это, отколовшись, упал кусок потолочной плиты. Равнина, на которой она провела всю жизнь, разваливалась на части.

Панцирь отражал часть жара, но сыплющиеся сверху камни запросто могли перешибить ей спину или разmozжить голову; пора было уходить. Схватив с земли оброненный кем-то крюк — вымоченный в масле, раскаленный докрасна, — она подошла к серебряной двери. Оружие не понадобилось: псы, охранявшие проход, обезумели от страха. Они лаяли и подскакивали, пытаясь укунить плывущий в воздухе дым, и будто не замечали чужака. Без препятствий она спустилась вниз, но не спешила в город: как знать, удастся ли пробраться мимо всех его жителей? Даже изнемогающие от отравы, они превосходили ее и силой, и числом. Поэтому, спрятавшись среди наваленного у лестницы мусора — черпаков, прутьев, продырявившихся котлов, — она стала ждать.

Скоро в городе почуяли, что наверху творится неладное; хлопанье отодвигаемых занавесей, крики и топот эхом разбежались среди колонн. Сквозь просветы в кучах хлама она видела, как все — и взрослые, и малолетние — взбираются по лестнице, надрывно кашляя, таща вверх тюки со льдом и снегом, топоры и дубины. Во время праздника, когда все жители собирались во дворце, она насчитала сто шестнадцать голов, не считая старика-хозяина и его помощниц. И вот сейчас они проносились мимо, ныряя в сочащуюся красным дымом дыру в потолке... Наконец, в городе никого не осталось.

Она хотела идти к краю известного мира — туда, где сушились невода, и спуститься по ним к морю, к месту, где по словам стражей жила ее мать. Если веревки достаточно прочны, чтобы вытаскивать из волн огромных трепыхающихся рыбин, то выдержат и ее! Но от этой мысли пришлось отказаться: там, где раньше висели исполинские сети, сейчас горел огонь. Должно быть, ветер и сюда донес искры пожара; значит, оставался только один путь на свободу — через дворец.

Она прокралась мимо опустевших шатров. Из расходящихся швов, из стежек желтоватых жил пробивался дрожащий свет, но внутри было тихо — ни звука, ни слова. Только в одном жилище кто-то плакал тонким, высоким голосом, какого она не слышала прежде. Не сумев одолеть любопытства, она заглянула за занавесь, а потом и вовсе переступила порог.

Тесное пространство освещали несколько площадок, заправленных жиром морских зверей — а еще очаг, в котором рдели нагретые камни. Воздух внутри пах множеством дыханий, но сейчас здесь не было ни женщин, ни мужчин; зато в люльке, подвешенной на ремнях к костяным ребрам шатра, ворочалось загадочное существо. Младенец! Таких она еще не видела. На толстом, круглом лице не росло ни бровей, ни усов; вокруг тела в несколько слоев была обернута чистая, тонкая ткань, а надо лбом кто-то подвесил створку белой раковины и маленький язычок из чистого золота — оберег от рышущих в ночи призраков.

Ребенок раскрыл беззубый рот и зашелся воплем, таким долгим, что под конец начал икать и захлебываться; и вдруг она поняла, что злые силы, от которых защищала глупая висюлька — это она и есть. От этого почему-то стало весело; сорвав раковину с нити, она бросила ее на пол и с хрустом раздавила. Младенец расплакался, молотя воздух кулаками — и тут занавеска колыхнулась; на границе между светом и темнотой появилась женщина. Она была такая же, как все внизу — большая, усатая, с выпирающим животом, перетянутым вышитым поясом, в длинной юбке, прикрывающей кривые ноги. Костяная маска, раскрашенная охрой, наполовину закрывала лицо, но все равно на нем ясно читался ужас.

И все же женщина не закричала — только вытянула руки и прошептала:

— Пожалуйста, не трогай его! Умоляю!

Ребенок — вот за кого она боится. Хорошо!

Она подняла хнычущее существо из люльки — осторожно, чтобы не повредить раньше времени. Забавно, что дурачок тут же прекратил плакать и радостно забулькал. Мать смотрела на нее, раскрыв рот, ловя каждое движение... Что ж, путь ловит и дальше.

Размахнувшись, она швырнула ребенка напрямик в очаг; женщина, вскрикнув, бросилась к нему и запустила голые пальцы в раскаленные камни. Смотреть, чем все закончится, она не стала: как только путь наружу оказался свободен, выскользнула из дома и, больше никуда не сворачивая, побежала ко дворцу. Тот плескался во мгле, живой и страшный: блестели кристаллы — чешуи и будто бы шевелились замурованные в стены кости. Казалось, что распахнутые челюсти дверей захлопнутся, стоит ей переступить порог... Но нет; она спокойно вошла внутрь.

Тут не было никого: ни помощниц, ни одурманенной толпы; никого, кроме хозяина. Старик лежал, распластавшись, у черного провала в полу. Длинные уши его шапки мели пыль; в саже на морщинистых щеках светлели проложенные слезами борозды.

— О, Мать-Тьма, злая родительница, — шептал он, простирая руки к отодвинутой золотой пластине, из-под которой веяло влажным, соленым духом. — Почему ты наказываешь нас?

Она успела подойти совсем близко прежде, чем хозяин заметил врага. Старик был не

так проворен, как стражи! Пока он тянулся за посохом-крюком, она одним пинком отправила его вниз — туда же, куда он столкнул несчастную помощницу. Тело повалилось в дыру на удивление легко — точь-в-точь выскользнувшая из ладоней рыбешка; вопль быстро сменился тишиной. Она присела на корточки рядом с последней дверью, раздумывая, как бы спуститься, и вдруг заметила привязанную к раме веревку, толщиной в три пальца, с узлами размером с кулак, завязанными на расстоянии в пару локтей один от другого. Обхватив ее ногами и руками, она нырнула в провал, а затем задвинула золотую пластину над головой.

Сначала ей показалось, что она ослепла, но скоро глаза привыкли к темноте. Здесь не было ни костров, ни масляных ламп, но рыжие от пожара облака давали достаточно света, чтобы различить каменный колодец, уходящий вниз на невообразимую глубину. По бокам, расходясь от срединного провала, лежало несколько уровней-кругов, соединенных лестницами из черного камня. Ее поверхность была гладкой и блестящей; точно щупальце осьминога, схватившего зазевавшуюся жертву, лестница обвивалась — кольцо за кольцом, ступень за ступенью, — вокруг пустоты. На дне колодца мгла становилась непроглядной; там и было место, где жила Тьма.

Туда она и должна попасть! Во-первых, для того, чтобы ее не поймали и не вернули обратно, на унылую поднебесную равнину. А во-вторых, чтобы встретиться наконец с таинственной Матерью, о которой столько твердили стражи и хозяин дворца. Встретиться — и спросить: почему та бросила ее? Почему оставила в плену и никогда не пыталась прийти на помощь? Даже глупая женщина в переднике из рыбьей кожи кинулась за младенцем в огонь; а ее оставили одну на долгие, долгие годы! Пусть Мать ответит ей; пусть объяснит, наконец, откуда она взялась — и где ей место; уж точно не в этом мире, где все ее ненавидят! Да, она должна попасть туда... попасть домой.

Вот только веревка, на которой она повисла, обрывалась на уровне первого круга; чтобы спуститься ниже, нужно было добраться до лестницы. Поразмыслив немного, она начала раскачиваться взад-вперед, с каждым толчком все больше приближаясь к краям провала. Наконец ей удалось чиркнуть ногами по полу. Разжав руки, она кубарем покатила по каменным плитам, а потом села, потирая ушибленные плечи и колени.

В воздухе плыла пахнувшая гарью муть, сквозь которую белели пятна нанесенного снаружи снега. Повсюду в великом множестве подымались бетонные столпы, в пять охватов в ширину; из дыр и трещин в них, словно куски растрепанного меха, торчали птичьи гнезда. Над головой сновали, перекрикиваясь, горластые чайки, потревоженные жаром и грохотом. В небе у краев мира вихрились снопы искр и дым; значит, жителям не удалось потушить пожар! Может, к утру весь их город сгинет в огне или окажется завален рухнувшими плитами равнины?.. Это было бы неплохо — тогда некому будет преследовать ее.

Поддерживавшее ее возбуждение мало-помалу стихало, и раненые ноги начали ужасно ныть; каждый шаг был как по острым ножам. Стараясь не наступать на пятки, она побрела вперед, ища, где остановиться. Местами с потолка капала вода — должно быть, там, где наверху обычно разводили костры, — на полу собираясь в подмерзшие, хрустящие тонким ледком лужи. Вокруг самых больших зеленело что-то: то ли мох, то ли стелющаяся трава с нитевидными листьями. Опустившись на эту поросль, низкую и плотную, как набитые волосом подушки, она сняла повязки со ступней. Кровь присохла к ткани, так что пришлось с силой оттирать ее. Вокруг ран плоть как будто вздулась; с краев сочились капли полупрозрачной жидкости. Пятки било токающей болью. Она опустила ноги в холодную

воду и наконец смогла заснуть.

Ее разбудил громкий, настойчивый стук — тук-тук! тук-тук! — раздавшийся почти у самого уха. С трудом открыв веки, она уставилась в желтый, немигающий глаз чайки; та взгромоздилась ей прямо на грудь, мешая дышать. Перья птицы были белыми, как снег, будто она только что родилась на свет и еще не успела ничем испачкаться; но из клюва разило гнилью. Чайка раззявила рот, открывая красное небо, а потом снова тукнула ее в лоб — видимо, пыталась добраться до мозга. Она отмахнулась от мерзкой твари, и та с обиженным криком отлетела в сторону, смешавшись с толпой сестер. Птицы почти светились в тумане, пахнушем гарью и паленым мясом; и вдруг, запрокинув глотки, расправив крылья, они закричали, одна за другой, не то всхлипывая, не то хохоча. Госкливый, голодный вопль, созывающий стаю на пир!

Она попыталась подняться и сразу повалилась обратно. Все тело горело, а ноги будто поджаривались на самых свежих углях. Со второго раза у нее получилось сесть и осмотреть раны: сколы на ладонях уже затягивались, покрывшись плотной бурой коркой, а вот с пятками стало только хуже. Мясо сочилось чем-то желтым — не то сукровицей, не то гноем — и так распухло, что чешуи панциря вокруг язв приподнялись и раздвинулись, открывая темную, туго натянутую кожу. Идти дальше она не могла.

Голова кружилась. Страшно хотелось пить. Она зачерпнула воды из лужи, глотнула; горечь и холод обожгли язык. На зубах закрипели крупницы грязи и сухие панцири утонувших мушек: те во множестве роились над поверхностью, темным облачком клонясь то влево, то вправо. Когда жажда отступила, она повалилась на спину, разбросав руки, чтобы дать телу хоть немного остыть. Снег, залетавший внутрь колодца, таял, не касаясь ее лица. Сверху металась белая чайка, а если скосить глаза вбок, можно было увидеть небо, пересеченное серо-ржавыми полосами. Долго смотреть она не могла; из-за лихорадки ее клонило в сон.

Но и во сне ее преследовал огонь: она снова видела пожар наверху — то, как взрываются бочки с горючим, и капли шипящего масла падают сверху, растекаясь по трясущемуся полу... Вдруг охваченные пламенем балки и столбы начинали изгибаться, завиваясь, как мурены, били по полу длинными хвостами — и ей казалось, что она стоит уже не на грязном настиле, а на берегу озера, окруженного заснеженными горами, и его вода пылает, а из волн лезут жуткие чешуйчатые твари, щелкая клыками и тут же превращаясь в уголь... Потом все снова менялось: и вот уже горят не водяные змеи, а снопы невиданной черной пшеницы. Едкий запах идет от ее рук, а из травы вылетают испуганные птицы — их перья занялись, за хвостами тянется дым. Только одна, большая, черная птица не взлетает вверх — наоборот, она опускается к ней, все ниже и ниже, будто падает с красного солнца...

А потом солнце становится стеклом, повисшим между нею и миром, а крылья — раскрытым ртом, чернотой между длинными губами, говорящими:

— Мое дитя! Запомни загадки, которые я загадаю тебе; запомни хорошенько. Время старых богов ушло; ты станешь огнем, что спалит этот мир...

Жар не отступал. Она просыпалась от того, что стая чаек долбила клювами по панцирю, пытаясь поддеть пластины и вырвать их с мясом; ворочалась — и птицы пятились назад, уставившись на нее неподвижными, страшными глазами, но не улетали. В горле все время саднило. Вокруг растекались лужи, но порой у нее не хватало сил даже на то, чтобы уронить голову набок и напиться — тогда она глотала прогорклый туман. Ноги почти отнялись. Один раз ей удалось приподняться на локте и посмотреть, что с ними. На пятках шевелилась

розовая масса: сощурившись, она увидела прозрачных, мелких личинок, ползающих по ране, но согнать их уже не смогла.

Она упала, ударившись затылком об пол, и провалилась в бред. Снова кругом полыхал огонь, а она бежала от него и никак не могла убежать. Она спускалась вниз по лестнице — ступени раскалялись за ее спиной; ныряла в озерную воду — та превращалась в подожженное масло; убегала в темноту подземных ходов... Но огонь дотягивался и туда, распространяясь, как по фитилям, по связкам черных проводов. Наконец она прыгнула в крошечную черноту; тело стало невесомым; руки распластались, ловя воздух. Она летела вниз, сквозь горячие, крутящиеся вихри, сквозь шум ветра, и это продолжалось долго, бесконечно долго, пока вдруг не раздался голос:

— Огонь приготовлен,
Огонь разожжен.
Благовония тлеют,
Дым подымается,
Чует Идущая,
Чует запах богов,
А боги чуют Идущую.
Идущая будет с богами,
А боги — с Идущей.
Идущая возжелает богов,
Боги, желайте того, что грядет!
Она пришла! Появившаяся пришла,
Карабкающаяся пришла,
Возносящаяся пришла,
Чтобы забраться на колени богов,
Чтобы забраться на руки богов,
Чтобы достигнуть Нетленных Звезд!
И тут темнота расступилась.

Она открыла глаза. Вокруг расплывался сизый, утренний сумрак. Воздух был непривычно чистым и свежим; за прошедшие дни летучую сажу и дым то ли прибило к земле, то ли унесло в море. Ее трясло от озноба; кости хрустели и стонали. Опять хотелось пить, но теперь она чувствовала еще и голод; хороший знак!

Рассевшиеся вокруг чайки, заметив, что она шевелится, с криками бросились в рассыпную. Цепляясь за стебли мох-травы, она приподнялась и посмотрела на ноги. На секунду ей показалось, что панцирь отрос заново — пятки были черными, как уголь; но стоило поведсти ступнями, и чернота взмыла в воздух, рассыпавшись сотнями мух. Они пронеслись мимо ее лица — блестящие, темные насекомые с выпуклыми глазами, похожими на радужные кристаллы соли. Должно быть, вывелись из личинок, расплодившихся в ранах. Рвотный позыв свел живот и горло, но потом она поняла — это опарыши выели из ее мяса гниль и заразу, и сейчас на месте болячек краснели грубые рубцы. Мухи вылечили ее. Может, их послала ее Мать?.. Может, она все же заботится о ней?

Напившись талой воды, она поднялась и побрела к лестнице.

Она еще шла между уровнями, когда слышала крики, пронзительные и жалобные, похожие на плач брошенного в люльке ребенка — но плакали будто тысячи детей разом.

Следом в нос ударила вонь застоявшегося помета; и только потом она увидела птиц — светлых, остроклювых, с золочеными макушками и зобами. Несметными стаями они кружились в утренней мгле; рядами сидели на валунах, в беспорядке раскиданных тут и там. Но больше всего их было на границе уровня, там, где к потолку подымались остатки полуразрушенных стен. Вывернутую кладку точно засыпало снегом — это густые, бело-зеленые потеки нечистот, нараставшие год за годом и слой за слоем, покрыли бетон и камень. Всюду пестрели гнезда: неопрятные, топорщащиеся во все стороны подстилки из зеленого мха и светлого пуха, куда меньше, чем у обитавших выше чаек. Внутри прятались пятнистые, пищащие птенцы и лежали еще непроклюнувшиеся яйца — остроконечные, с нежно-голубой скорлупой.

Шум и смрад были почти нестерпимыми, но после нескольких дней болезни следовало поесть и восстановить силы; поэтому, морщась и стараясь реже дышать, она отправилась к гнездовью. Пол завалило камнями — большими и мелкими, поросшими мхом, заляпанными птичьим дерьмом; казалось, будто они откололись от потолка много лет назад... Но для этого понадобилась бы неслабая встряска, а она не помнила такого. В конце концов, валунов на пути стало так много, что пришлось то карабкаться вверх, цепляясь ногтями за любые трещины, то спускаться, оскальзываясь на влажных выступах. Ноги все еще болели; зато, кроме голода, ее уже подгоняло и любопытство! Судя по реву воды, по привкусу горечи и соли, по особому тяжелому запаху, который не могло забить даже здешнее зловоние, море было где-то совсем близко. Она всегда хотела увидеть его — тот таинственный дом, из кладовых которого появляются толстые звери, и рыбы, и медузы с осьминогами, и прочие чудища... из которого, быть может, вышла и она сама.

И вот, когда она забралась на руины стены и заглянула в провал между двумя щербатыми плитами, море наконец открылось ей; бесконечное, темно-багровое пространство! Волны, одна за другой, с шумом подымались и опускались на его поверхности, словно завитки мягкой шерсти или языки огня, темные по краям, а изнутри светящиеся алым. Сизо-розовая пена выступала на них и тут же таяла, растворяясь без остатка.

Насмотревшись на движущуюся, вздымающую влагу, она перевела взгляд на наружные стены колодца... Нет, это была скорее башня — широкая наверху, сужающаяся к основанию, покрытая плитами из черного, стеклянистого вещества; малейшее движение облаков отражалось в нем, будто в начищенном зеркале. Казалось, на башне надет такой же доспех, как и на ней самой! В самом низу, там, где башня уходила под воду, вырос остров не то из льда, не то из кристаллов горькой соли. Она заметила движение среди сверкающей белизны: это скользили туда-сюда темные, веретеноподобные туши морских зверей.

А еще над водой в поисках пропитания сновали орды птиц. Были тут и желтоглазые чайки, и безымянные обитатели здешних гнезд — их затылки поблескивали, точно натянутые до бровей золотые шапки. Птицы кружили в нисходящих и восходящих потоках воздуха, не шевеля ни единым мускулом, будто и не летели вовсе, а висели на тонких нитях — точь-в-точь селедки, коптящиеся над костром! Заметив добычу, они падали, стрелой протыкая волны, и выныривали уже с трепыхающимися рыбинами во рту. Но охотились не только они: глубоко под водой скользили темные создания с распластанными вширь крыльями — или плавниками? Пернатые, привыкшие высматривать блеск чешуи, не замечали теней, пока одна не рванулась вверх, вытягивая змеевидную шею. Распахнулся острый клюв, вспыхнуло небо — это рассеянный свет преломился в наростах, похожих на

ряды алмазных зубов. Хищник схватил белую птицу и утащил под бурлящую воду. Через полминуты все успокоилось; только пара пушинок всплыла на поверхность, а следом — и сама тень. Смазанные жиром бока блестели, переливаясь радужными разводами; зоб раздулся от проглоченной добычи. Что это была за тварь? Птица, рыба или змея? Вдруг она догадалась, что эту диковинную зубастую морду и изображали маски, которые помощницы хозяина носили во время праздника. Значит, это создание как-то связано с ее Матерью?..

Над этим стоило поразмыслить попозже; а прежде нужно было найти еды. На соседнем валуне она заметила оставленное без присмотра гнездо с тремя лазоревыми яйцами. Разбив прочную скорлупу, выпила пару: прозрачный белок и желток с кровяными прожилками были почти безвкусны, зато хорошо насыщали. Но когда она протянула руку, чтобы взять последнее яйцо, рядом приземлилась златоглавая птица и начала приплясывать вокруг, топоча перепончатыми лапами и потряхивая крыльями.

Следом на стены опустилась еще одна, и еще... и вот уже множество птиц уставилось на нее немигающими, выпученными глазами, вытягивая горла и злобно шипя. Попятившись, она зашагала прочь от гнезд, но птицы не собирались оставлять ее в покое. Перепархивая с камня на камень, они двигались следом; выворачивали головы за спины, точно одержимые бесом, и перекрикивались визгливыми голосами. Чем быстрее она шла, тем яростнее становился гомон. Наконец, встrepенувшись, стая поднялась в воздух; и когда она была уже в сотне шагов от лестницы, одна из птиц ринулась вниз! Она едва успела отскочить — клюв просвистел в волоске от ее лица. Глупая тварь с чавканьем ударилась об пол, оставив борозду на поросших мхом плитах: ее полые кости сплющились, а шею свернуло набок, открывая затянутое сизой пленкой мясо. Крылья дрогнули в последней судороге. Если бы птица-стрела попала в нее, даже несмотря на прочный панцирь ей было бы несдобровать.

Снова свист; на этот раз ее задело! Удар пришелся по руке — на пластине, закрывающей плечо, осталась царапина. И вот уже птицы западали сверху, как частый дождь; воздух наполнился клекотом, свистом и треском ломающихся позвонков. Толчки и удары сыпались отовсюду; в ноздри набился щекочущий пух; когтистые лапы задевали по темени; под ногами хрустело. Одна пернатая тварь попала клювом в зазор между чешуями; пришлось вырывать ее из раны, будто нож. Вопящим облаком стая кружила над ней, сбивая с пути, уводя в сторону от срединного провала... Кажется, больше своих гнезд они защищали лестницу! Если даже ей удастся добраться до ступеней, птицы убьют ее прежде, чем она попадет на следующий уровень.

Наконец, ей удалось найти укрытие: узкую щель между двумя опирающимися друг на друга плитами. Пришлось сложиться в три погибели, чтобы спрятаться в ней целиком, зато здесь птицам было до нее не дотянуться. Правда, они все равно расселись неподалеку, галдя и шелкая клювами: белые на черных камнях — как зубы в черных деснах — ее новые сторожа в золоченых шлемах.

Черное, белое и золотое — отчего эти цвета были так знакомы ей? Где она видела такое прежде?.. Она задумалась, потирая лоб, продираясь сквозь треск и гудение в мыслях. Что было черным? Ступка и пестик из тяжелого, отшлифованного камня. Что было белым? Поверхность стола; куски ткани, которыми она обтирала руки после. Что было золотым? Лепестки цветов — тонкие, почти лишенные сока, превращающиеся в мелкую, желтую пыль. Из нее, а еще из смолы, и минералов, и веществ, о которых лучше не знать, она скатывала желтые пилюли, дарующие забвение, погружающие душу в сон. Забвение — вот что значит золото. И эти птицы, и чайки с янтарными глазами, пытавшиеся съесть ее живьем, и гной, и

старик в золотом ожерелье — все они были слугами забвения. Все они пытались и пытаются удержать ее! Это ясно; золоту нельзя доверять. Черное — это она сама и Тьма внизу, ее таинственная Мать. Но что или кто — белое? И чего оно хочет?..

Ответа она не знала; да и сейчас важнее было другое — как пройти мимо птиц? Как обмануть зорких охотников, различающих блеск сельди глубоко под волнами? Может, они и преследуют ее потому, что пластины панциря отражают свет, как рыба чешуя? А что, если подобраться к лестнице ночью — ведь теней они, кажется, не замечают?.. Нужно только подождать; а ждать она умеет.

Подумав так, она уже собралась затаиться до наступления темноты, но вдруг раздался пронзительный клич — это голосили, вытянув шеи-трубы, черные змеептицы. Они предупреждали об опасности; а секунду спустя на лестнице послышались шаги. Она замерла, стараясь не дышать: из укрытия видны были ступени — и то, как кто-то спускается по ним; кто-то высокий, закутанный в шубу. С капюшона слетели цветные бусины; мех вокруг шеи и щек обгорел и спекся, у подбородка слипшись от крови; маска почернела от сажи... но она все равно узнала стража. Того, что с обожженной рукой; того, которого она проткнула копьем и придушила цепью. Выходит, он пережил все это, и даже пожар!

Она скривилась в сердцах; сколько раз придется его убивать?.. Иногда ей попадались твари, никак не желавшие умереть. Лишенные головы, сердца, кишок и всех конечностей, разодранные на сотню кусков, они все равно продолжали корячиться и трепыхаться на мокрых плитах. Страж был явно из их числа; и кто знает, сколько еще горожан решилось пойти за нею следом, чтобы отомстить!

Но пока преследователь был только один. За спиной у него мотался бурдюк с водой; по бедру хлопала туго набитая сумка. В обожженной руке страж сжимал копье, опираясь на него, как на посох; к поясу были приторочены новый крюк и нож. Он шел медленно, низко склонив голову, будто боялся оступиться, и постоянно хватался за живот. Значит, рана все же давала о себе знать! Часть птиц обернула к чужаку золоченые головы; но прочие неотступно следили за нею. Вот так страж и найдет ее! Птицы словно нарочно указывали на место, где она пряталась. И какой у нее выход? Ждать, пока страж вытащит ее наружу? Или дать пернатым тварям заклевать себя? Или вечно прятаться в расселине... точнее, до тех пор, пока она не умрет от голода и жажды?

А страж уже достиг границы уровня; и тогда она, решившись, выскочила из укрытия и понеслась к лестнице, преследуемая мгновенно всполошившейся стаей. Уши наполнил лютый клекот и свист; твердые клювы зачиркали по плечам, по груди, по спине промеж лопаток. Один удар пришелся почти по затылку, но она не остановилась. Услышав шум в воздухе, страж поднял голову — и, конечно, увидел ее, бегущую прямо навстречу. Если он успеет выставить перед собою копье, все кончено!

Но преследователь так опешил, что ей удалось преодолеть разделявшую их дюжину шагов и обхватить стража руками, будто сжимая в объятиях. Она надеялась, что тот, потеряв равновесие, покатится вниз по лестнице: тогда чужая плоть защитила бы ее от сыплющихся сверху птиц, а панцирь — от самого падения. Но страж оказался слишком слаб: от столкновения его ноги подкосились, и они вместе повалились прямиком в провал.

В груди екнуло. Тело стало невесомым, как во сне, а время будто замедлилось. Она видела над собой трепещущие полы шубы и костяную маску, чувствовала дрожь от истощенного вопля, но не слышала самого звука. Мимо пронеслись белые птицы-стрелы, кося круглыми глазами.

А потом был удар.

Первое, что она увидела, когда пришла в себя — это узкие прорезы в костяной пластине, сквозь которые на нее пялились выпученные глаза. Страж навалился сверху всей тяжестью, распластавшись по ней, точно морская звезда. Вздвогнув, она отпихнула преследователя, и тот безмолвно откатился прочь, а потом с тихим шуршанием заскользил вниз, сползая по горе мусора. Из широкой спины, как белые знамена на коротких древках, торчали десятки птиц; острые клювы проткнули шубу, нижние рубашки, слой мяса и сала... и, кажется, перешибли стражу позвоночник. Его кожа была белой до синевы, а на усах, вокруг ноздрей и губ выросли кустики пушистого инея. Теперь-то он точно мертв?

Она осторожно сняла с мужчины маску; повела ладонью над приоткрытым ртом — и не почувствовала тепла; ткнула пальцем в затянувшийся мутью зрачок — страж не застонал и даже не моргнул. Пожалуй, о нем можно было больше не беспокоиться. Но стоило пошевелиться, как гора под нею заходила ходуном, треща и разваливаясь! Ломались кости, рвалась иссохшая кожа: она же упала в обломки жертвенных сосудов-лодок, которые сама годами сбрасывала вниз, через золотую дверь! За прошедшее время лодок набралось так много, что они смягчили падение, но теперь со странным стеклянным звоном рассыпались в пыль.

Неужели она упала на самое дно башни? Где же тогда море? И ее Мать?..

Выбравшись из груды осколков и лохмотьев, она задрала голову: стаи белых птиц носились совсем рядом, остервенело вопя. Выходит, они со стражем упали неглубоко — всего на один уровень вниз; но почему?.. Тут она перевела взгляд на пол и подпрыгнула от испуга: никакого пола не было! Края провала соединялись коркою льда, такого чистого и прозрачного, что казалось — она стоит на воздухе, прямо над сердцем клубящейся мглы. На секунду стало страшно: вдруг лед провалится под ногами? Но, если подумать, он выдержал и швыряние тяжелых сосудов, и давешнее падение...

А ведь не они одни рухнули с высоты! У подножия сорной горы, рядом с трупом стража, валялось еще два — хозяйина дворца и его помощницы. Было в них что-то странное: будто мертвые тела состояли не из плоти и крови, а из кусков просвечивающей насквозь смолы... Казалось, что внутри просвечивает даже сеть сосудов, полных застоявшейся крови. Старик, упав, свернул себе шею; его драгоценные бусы лопнули и разлетелись по полу сверкающими каплями. меховая юбка задралась, и на морщинистых ляжках и икрах она увидела следы укусов. Такие же покрывали живот и грудь женщины...

Скоро появились и те, кто их оставил.

Сначала она услышала тихий звон; потом из-за тонких, поросших изморозью колонн высунулись острые морды с утопленными в меху ушами. Лисы! Бока и длинные хвосты зверей покрывала густая шерсть, но вместо волосков в ней были тончайшие, почти невесомые ледяные иглы. Когда рассеянный свет падал на пушистые спины, те загорались переливчатыми, радужными всполохами. Звери были невелики ростом — меньше, чем псы, прирученные горожанами, — зато их было много. С минуту лисы осматривали ее, поводя золотыми глазами и пуская пар из ноздрей, а потом стали медленно, крадучись, приближаться. Никто из стаи не издал ни звука; только позвякивали вздыбленные иглы на загривках. Готовясь к худшему, она вырвала копьё из посиневших пальцев стража и, когда один лис подался вперед, пытаясь ухватить труп за ногу, ткнула им в зверя. Тот отскочил, поскуливая, но в это время его товарищ уже трепал стража за рукав.

Может, стоило дать стае обглодать тело?.. Но мужчина уже изрядно окоченел от мороза, а мерзлое мясо, судя по недоеденным мощам старика и его помощницы, лисам не по зубам. Если они не наедятся мертвецом, могут приняться и за нее! Поэтому, упершись ногою в затылок стража (кажется, только оттуда не торчали птичьи клювы), она отпихнула копьём очередного падальщика; пусть думают, что страж — ее добыча. Часть зверей отступила, но другие принялись наскакивать на нее, твякая и скребя когтями по панцирю. Они были не слишком сильны, но их было много! Пришлось махать оружием налево и направо, то пригибаясь, то шарахаясь в сторону, чтобы сбросить с себя самых настырных. Наконец, ей удалось поймать одного прыгуна за хвост. Лис, отчаянно извернувшись, клацнул зубами у ее горла; в отместку она размахнулась и приложила его хребтом об лед, а потом швырнула оглушенного зверя прочь. Тот с пронзительным скрипом проехался по льду — и тогда стая, заворчав, убралась восвояси.

Она же опустила на кучу сора и сложилась вдвое, подперев подбородок коленями; на спине ныли ссадины, оставленные птичьими клювами, на пятках болели еще свежие шрамы. То ли из-за недавно перенесенной болезни, то ли от здешнего мороза ее знобило... Да еще и правая рука чесалась, будто она погладила медузу! Это в голое, красноватое пятно на запястье — туда, где раньше был панцирь, — воткнулись иголки из лисьего хвоста.

Сидеть на месте было нельзя. Выдернув из кожи блестящие волоски, она снова поднялась и, опираясь на копьё, заковыляла к лестнице... Но тут же остановилась, издав шипящий свист: ступени, ведущие вниз, оказались наглухо затянуты льдом. Это западня! Клекая от злости, она со всей силы ударила копьём по преграде — и не оставила ни царапины! Зато наконечник копья, жалобно звякнув, раскололся надвое. Здешний лед был прочнее железа — и заразнее, чем болезнь: когда она вернулась к мусорной горе, мертвый страж уже накрепко примерз к полу. Его тело мало-помалу приобретало ту же прозрачность, что поразила старика и помощницу. Она уже могла различить розовато-сизые мышцы под обвислой кожей щек и белые сердцевинки костей внутри толстых пальцев. Скоро он весь промерзнет; а ей-то что делать дальше?

Раз она не могла продолжать путь, то решила хотя бы поискать еды (вряд ли лисы питались только тем, что раз в год упало сверху!) и воды, потому что грызть этот странный лед совсем не хотелось. Он был тут повсюду: голубоватой корой оборачивал колонны, свисал сосульками с потолка, заползал за края провала, растекаясь по плитам пола... Она шла будто по поверхности застывшего озера, сквозь толщу которого виднелись бесчисленные обломки камня, куски металла, обрывки ткани и проводов. Временами над поверхностью выступали искореженные части чудных механизмов, давно уже мертвых. Шестеренки, шурупы, выпученные, стекла в железных оправках, поросших сначала красной ржавчиной, а потом — белым инеем.

Вдруг что-то прощмыгнуло у нее под ногами, чуть задев пальцы. Она отшатнулась, готовясь сражаться, но это был просто маленький зверек вроде бесхвостой мыши; разве что лапы у него заканчивались не когтями, а блестящими копытцами. Нащупывая ими мельчайшие неровности, кроха ловко взобралась вверх по ближайшей колонне и исчезла где-то под потолком.

Наконец, ближе к границе уровня, там, где дыхание моря смягчало мороз, лед стал тоньше, а местами даже оплавился и треснул, уступая место чахлым пучкам травы. В выбоинах на полу скопилась солоновато-горькая влага: достаточно, чтобы напиться. Пока она черпала воду, мимо проскользнула еще одна мышь. Интересно, удастся ли поймать ее на

ужин?.. Зверек, судя по судорожному подергиванию носа, выискивал что-то — и вдруг замер на месте, постукивая сверкающим копытцем по насту. Она усмехнулась: пустая попытка! Эту преграду не брало даже железо. Но из-под крохотной лапки полетела труха; а когда мышонку удалось выдолбить ямку размером со створку мидии, он вдруг улегся внутрь. Стараясь не спугнуть зверька, она подошла ближе и присмотрелась: мышонок мелко дрожал, а наморозь вокруг него мало-помалу таяла — на пушистых боках оседали маленькие капельки воды. Наконец, зверек схватил со дна ямки что-то съестное и убрался восвояси.

Значит, этот лед все же можно растопить! Или повредить чем-то, равным ему по прочности. Она оглянулась: несколько мышей скакало поблизости, но чтобы пробить преграду в середине уровня, их понадобится пара тысяч! Как наловить столько? Они слишком быстрые... Правда, один зверек лежал неподвижно — и не пошевелился, даже когда она протянула к нему руку. Маленькое тельце было легким и очень, очень холодным. Поднеся мышь к лицу, она разглядела между комочками черного пуха тонкие ледяные иглы. Правую ладонь вдруг свело спазмом; зверек упал на пол и разбился на куски. Меха, кости, потроха — все разлетелось по полу, точно пестрые драгоценности: лиловые, красные, бурые, черные! Она потрогала собственные пальцы — на ощупь те были будто из сугроба.

Вот как охотятся лисы! Их иглы замораживают добычу: даже если та сумеет ускользнуть, стая найдет ее обездвиженной и сожрет то, что еще не превратилось в лед. Она вспомнила искристые загривки и хвосты: из чего же сделан лисий мех? Не из того ли вещества, что покрывает все вокруг?

Стукнув себя по лбу, она со всех ног побежала обратно, поскользываясь, шипя и моля любых богов и бесов об удаче. По счастью, мертвый лис нашелся на том же месте, куда она его зашвырнула; потеки крови и мозга, выползшие из расшибленного затылка, накрепко слепили труп со льдом. Напялив рукавицы стража, она с трудом отодрала его — хорошо, что зверь не полностью окоченел! — принесла к ступеням лестницы, и, став на колени, начала тереть пол колючей шкурой.

И тот поддался! Скрипя под хрустальными иглами (ужасный, терзающий уши звук!), лед стал крошиться. Небольшая поначалу выемка через час углубилась на три пальца; потом руки ушли вниз по запястье... Но, пока преграда истончалась, отравы тоже делала свое дело. Правая рука онемела сначала по локоть, затем — по плечо; холод тек по ее сосудам и мышцам, одновременно подымаясь к горлу и опускаясь к сердцу. Она надеялась, что капли яда, рассчитанной на убийство мыши, не хватит на существо побольше... Но лед словно самозарождался, производя себя из ее крови; и чем больше его становилось, тем быстрее он схватывал все внутри.

Когда небо потемнело, она еще не протерла преграду насквозь — да и мертвой лисе пришлось несладко. На спине и на боках прежде пушистая шкура облезла и порвалась до красных язв. Бросив бесполезную тварь, она сама свернулась внутри получившейся выемки, надеясь, что ее тепло растопит остатки льда.

Вот только тепла оставалось мало: она уже не чувствовала ни пальцев, ни языка, ни горла. Непроглоченная слюна стекала из губ и, не успев упасть, превращалась в ледяные бляшки. Пластины на бедрах и спине издавали стеклянный звон, будто грозились вот-вот разбиться. Веки отяжелели — кажется, изморозь выросла на ресницах, как слои голубого перламутра. Хуже того — ее клонило в сон. Она знала, что если поддаться, проснуться уже не получится, а потому моргала, кусала щеки и трясла головой; но с каждой секундой шевелиться было все сложнее. Наконец, она не выдержала и закрыла глаза — и тут лед

поддался и треснул.

Она упала, ударившись о камень ступеней, весь черный от влаги: в воздухе висела густая, соленая испарина, мешавшая дышать. Море было совсем рядом, но почему-то его близость не согревала — наоборот, казалось, что стало еще холоднее... Холоднее даже, чем в ледяной западне, из которой она только что выбралась. Она попыталась встать и не смогла. Отрава продолжала действовать: руки и ноги не слушались. Тогда она попробовала изогнуться, будто вытащенная из воды рыба, оттолкнуться от ступеней бедрами и плечами, чтобы хотя бы ползти по лестнице, но даже это не получилось. Оставалось только лежать плашмя, чувствуя, как тонкая струйка крови вытекает из приоткрытых губ.

На этом уровне стены были сплошными: ни окна, ни проема, ни проеденной временем дыры. Свет наверху тоже скоро погас — в мире наступила ночь. Она повисла в крошечной темноте, как сушеная рыба на леске. Закоченевшее тело почти лишилось веса; глаза бессмысленно вращались в орбитах, ничего не различая. Поначалу ей чудилось, будто кто-то скользит рядом, или трогает ее панцирь мягкими щупальцами; но, кем бы они ни были, местные обитатели не издали ни звука; а потом и прикосновения исчезли. Не осталось ничего — только пригоршня тепла, вытекающего из нее наружу, как масло из расколотой лампы.

Что случится, когда тепло кончится? Она исчезнет? Но каково это — исчезнуть? Просто темнота — и все? Не будет больше ничего? Или она станет одним из призраков, в которых верят в городе: духом, обреченным стеречь давно истлевшие кости? Или ее утянет вниз, под волны, к месту, где она родилась?

И тут ей стало страшно встречаться с Матерью. С чего она решила, что ее ждут с той стороны моря? Что ее примут там, если отвергают здесь? В мире много матерей, пожирающих свое потомство. Может, и Та-что-внизу — одна из них; не друг ей, а враг? Не для того ли ее родили, чтобы сделать яством на чужом пиру? И если так, то хватит ли у нее сил сразить могучую богиню, когда ее саму одолела дохлая лиса? Вдруг она проиграет и целую вечность будет ворочаться и перевариваться в желудке ночи, захлебываясь горькой водяной желчью?..

Страх смог на мгновение потеснить даже мороз. Сердце забилося быстрее, разгоняя загустевшую кровь, но через дюжину ударов снова утихло, сдаваясь. У нее не осталось сил даже бояться. Пусть все кончится, пусть кончится быстрее! Хотя бы не надо будет убегать и терпеть боль, не надо биться с тем, что никогда не победить... Пусть она умрет.

Теплый уголек в груди мигнул — и погас.

В ту же секунду чернота проглотила ее целиком, со всеми потрохами; немая, слепая, глухая чернота — как захлопнувшиеся створки раковины, как крепко сжатые губы. Это продолжалось не то секунду, не то вечность... А потом что-то изменилось. Она услышала тихий плеск волн, шелест водорослей, хлопки пенных пузырей, поднятых подводным ходом морских гадов, — звуки, складывающиеся в слова:

— Мое дитя. Ты не умрешь.

Провал раскрылся перед нею, как рот, заполненный жидкой мглою; зубы-ступени клацнули, из глотки вывалился черный язык.

— Ты не умрешь. Грядет великий пожар, и ты его первая искра.

Всеми чешуями панциря, всеми шипами на затылке она ощутила дрожь, поднимающуюся от основания башни: точно сам мир вздохнул, наполняя спрятанные под водою легкие — и

темнота изменилась. Она не исчезла, нет! Но предметы побагровели, налились красным соком, словно раскалившись изнутри. В этом тусклом свечении она увидела все: ступени, заросшие колониями пористых губок и трубчатыми растениями, со стеблями полупрозрачными и раздутыми у основания, как стеклянные бутылки; стены — каждый кирпичик в них горел, будто только что вынутый из печи; потолок — с него свесились бочкообразные, покрытые плотной оболочкой анемоны, непомерно раздувшиеся от накопленной влаги. Из дыр-ртов свисали длинные удочки стрекал: иногда на них попадались бледные слизи в руку длиной, с золотыми пятнами на спинах, и тут же исчезали, утягиваемые вверх неводами щупалец.

Сердцевина каждого предмета пылала все ярче, пока красный жар не уступил место нестерпимому сиянию, в котором и анемоны, и вязкая плоть моллюсков, и камень лестницы, и металл перекладин растворились, как соль в воде. Оно не было похоже ни на рыжие всполохи костров, ни на молочную белизну неба, ни на масляный блеск золота — и все же казалось ей знакомым. Да, она видела его раньше! Слабые отблески, мелькающие то тут, то там: в стеклянной чешуе рыбы, чье мясо пахло мочою; в радужных глазах мух, очистивших ее раны; в лисьем мехе и птичьих зубах...

Оно горело и в ней, но только мгновение. Так же внезапно, как вспыхнул, огонь стал меркнуть — и все опять стало багровым, а потом вернулось в черноту. Это было ужасно: как будто перед нею приоткрыли двери темницы, а потом захлопнули прямо перед носом. Ей хотелось кричать, и выть, и проклинать все и вся, а получалось только шипеть и скрести по панцирю ногтями, пытаясь утешить тоску телесной болью.

— Не печалься! Я не оставлю тебя, — шептало море. — Но ты должна сама прийти ко мне. Поторопись, дитя!

А потом слова разбились, исчезли, превратившись в плеск волн.

Она поднялась, расправляя затекшие плечи, хрустя позвонками и суставами, и стала спускаться. Голова еще кружилась, но действие яда прекратилось; что там, даже шрамы на запястьях и пятках перестали ныть и чесаться! Хотя она давно толком не ела, ее не мучили ни голод, ни жажда. Теперь она точно знала, зачем идет вниз — не спастись от горожан, не слушать оправдания Матери (будто они могут что-то исправить). Нет, она должна найти этот огонь, явившийся ей, еще раз увидеть его, овладеть им — теперь уже навсегда! И если для этого придется сразиться с самой Тьмою — так тому и быть. На ее пути больше не осталось препятствий; и даже если ядовитые щупы падали сверху, а скользкие слизи бросались под ноги, то сами тут же отдергивались и отступали, будто обжегшись. Правда, один раз ей показалось, будто кто-то идет навстречу, вверх по лестнице... Но никто так и не появился.

В темноте легко было потерять счет времени; утро застало ее врасплох. Вместе с серым, унылым светом пришла и усталость: хотя отравы выветрилась из крови, все же нужно было отдохнуть и найти воды. Хорошо, что за ночь она почти поравнялась со следующим уровнем! Он был куда меньше предыдущих — башня сильно сужалась к основанию. С верхних ступеней она могла рассмотреть все пространство, до самых стен, прорезанных высокими стрельчатыми окнами. Судя по остаткам погнутых рам, когда-то в них были вставлены стекла, но теперь сквозь пустующие проемы в башню проникал лед. Не такой, как двумя уровнями выше: не гладкое неподвижное зеркало, а чешуйчатые, вставшие на дыбы глыбы. Сойдя с лестницы, она осторожно коснулась их холодной поверхности: та даже не увлажнилась под пальцами. Может, это и не лед вовсе, а непомерно разросшиеся испарения

соли? Но, лизнув странное вещество, она не почувствовала вкуса; зато заметила в переливчатой глубине вкрапления какого-то мусора.

Поддавшись любопытству, она вошла в лабиринт огромных кристаллов и побрела вперед, разглядывая их внутренности. Там, в светящейся зелени, было много всего: полуистлевшие скелетики — не то рыб, не то птиц, перья и чешуйки, обломки раковин, пучки не то водорослей, не то мхов, похожих на зонты, колеса и крошечные ладони с растопыренными пальцами... Но на морских, земных и воздушных тварей она уже насмотрелась, пока добиралась сюда. Куда интереснее были штуки, не встречавшиеся прежде: детали крошечных, непонятных машин, обрывки окрашенной ткани, скрученные в узел куски проволоки... Откуда они здесь? Кто их оставил и зачем?..

Она поскребла одну из глыб ногтем, пытаясь добраться до вещицы, которая понравилась ей больше всего — золотой пластинки с мелкими, искусно вырезанными знаками. Конечно, ничего не вышло: прочный кристалл не поддался. Зато вдруг помутнел, став цветом как молоко! Она склонилась ближе, раздумывая, как так вышло... и услышала рычание. Чудище обогнуло ледяную преграду и стало перед нею, огромное, будто растянувшаяся по полу тень: голова с бочонок, лапы с подносы, а когти — точно костяные ножи. С боков и горбатой спины свисали патлы свалывшейся белой шерсти; у подбородка и на шее они превращались в настоящую бороду, волочившуюся за зверем по полу, совсем как уши меховой шапки — за хозяином дворца. Может, это душа старика уже успела переродиться в медведя и теперь пришла отомстить?..

Великан уставился на нее, пофыркивая и злобно щурясь. В его животе урчало и булькало, как в закипающем котле; и вдруг, распахнув челюсти, медведь бросился вперед. Чудом она успела отшатнуться, так что зверь со всей силы врезался лбом в хрустальную глыбу. Толстый череп выдержал удар — зато пока медведь оглушенно тряс башкой, она успела убежать; не к лестнице — до нее было слишком далеко! — а к краю уровня, туда, где слышался гомон морских зверей и плеск волн... Туда, где из кристаллов, покрывающих основание башни, выпирали отростки в пару ее ростов длиной. Она надеялась — если выбраться на такой, свежий ветер унесет ее запах; тогда чудище, не найдя добычи, уйдет прочь.

Ей и правда удалось добраться до окна прежде, чем медведь догнал ее, и даже ступить на сверкающий выступ. Но увы! Она слишком поторопилась. Поверхность под ногами была скользкой, да еще и ветер подтолкнул ее в спину: потеряв равновесие, она упала на живот и съехала по боку кристалла, уцепившись за какую-то веревку за мгновение до того, как сорваться вниз. Стиснув кулаки, она замерла; повезло, что из-под отростка свисали петли старых, захваченных льдом проводов! За них она и ухватилась; затем, пошарив ногами в воздухе, нашла опору; закинула вверх одну руку, потом — вторую, и наконец забралась обратно.

Но это было еще не все: медведь успел взять след. Стоило только отдышаться, как из оконного проема высунулась его оскаленная морда: жесткая шерсть встопорщена, желтые зубы выпирают из лиловых десен, по бороде течет слюна... Медведь ступил на кристалл — и пошатнулся. Даже его когти не были достаточно крепки, чтобы вцепиться в это вещество. Чудище хрипло заревело, топоча и тряся космами. Что, если он все же решит двинуться вперед? Доберется до нее или сломает отросток своей тяжестью?

Станный звук донесся снизу — не то собачье тьяканье, не то бульканье льющейся из бурдюка воды. Она затаила дыхание, не зная, чего ожидать, а потом увидела под

болтающимися в воздухе ногами какие-то тени. Те скользили по льду легко, как рыбы в воде или птицы в небе; и вдруг рядом вынырнула круглая морда морского зверя! Помогая себе клыками и короткими когтями на лапах, он выскочил на край уровня и, тяня толстую шею, во всю глотку заорал на медведя. Следом за первым зверем показался и второй, и третий: они выпрыгивали перед чудищем, как икринки из молок — черные, гладкие, блестящие; густые усы топорщились, пасти разевались в крике... Неужели эти создания защищали ее? Может, из-за темного панциря они приняли ее за товарища, попавшего в беду?

Разъяренный медведь, взревев, схватил ближайшего врага за горло и начал трепать, ударяя то об пол, то о кристаллы вокруг; но и зверь успел воткнуть клыки в косматую шкуру. Взвизгнув, чудище выпустило жертву из пасти; злобные глазки зыркали из стороны в сторону; рыло с хрюканьем шевелилось... и вдруг медведь развернулся и побрел прочь.

Влажный нос ткнулся ей в плечо и, оглушительно чихнув, забрызгал водой вперемешку с соплями. Морской зверь смотрел на нее, приподняв колючие брови, спустив из пасти дрожащий розовый язык. Наглядевшись вдоволь, он переполз внутрь башни; она двинулась следом — туда, где черноспинное стадо, тихо скуля, обступило раненого брата. Тому оставалось недолго: лужа крови, натекшая из разорванного горла, была почти в палец глубиной. Она села рядом, протянула руку — к ее удивлению, зверь не отстранился, а прижался к ладони, потершись щекой о твердые пластины. Вот только помочь она не могла.

Зачем она вообще пошла сюда? Нельзя было сходить с лестницы. И как теперь добраться до ступеней? Звери спугнули медведя, но не прогнали; она еще различала вдалеке молочно-белое пятно. Чудище сторожило ее; не зря его челюсти были окрашены в предательский желтый! Вздохнув, она села на пол, обхватила колени руками и стала покачиваться вперед-назад, пытаясь успокоиться.

Нужно было перетерпеть, подождать до вечера или даже до ночи; тогда медведь уйдет сам. Но время тянулось слишком медленно; слишком медленно для ее мыслей! Серый свет неба, непонятный сор в толще такого же непонятного льда, плач морских зверей — от всего этого становилось тошно. Сердце бешено колотилось, зубы стучали, кожу кусал зуд; она сама не заметила, как расчесала раны на запястьях до крови. Может, попробовать спуститься к воде следом за зверями? Поискать вход на другой уровень там? Но что, если входа нет? Как ей тогда вернуться обратно?

Она опять подошла к окну и посмотрела вниз. За торчащими во все стороны рогами кристаллов виднелся остров, засыпанный снегом вперемешку с чем-то черным — сажей от устроенного ею пожара?.. По тающей грязи скользили веретенообразные тела, покрытые светлой шерстью: детеныши. Без клыков, которыми старшие особи пользовались, как ледорубами, они были беспомощны. Вот что ей нужно, чтобы подняться на верхние уровни в случае неудачи — клыки; но откуда их взять?..

Она покосилась на растерзанного медведем зверя; потом, протиснувшись сквозь ревящее стадо, коснулась его морды, оттянула черную губу. Зубы создания — острые, прочные, изогнутые наподобие серпов, — были сделаны из того же вещества, что и кристаллы вокруг; вещества, несущего в себе отблеск нездешнего огня. Оставалось только вырвать их, но почему-то она колебалась. Сколько раз ей приходилось выдирать жабры, кости и внутренности из моллюсков и рыб? Сколько живых тварей она убила, задушив, оторвав головы, выпотрошив? И все ради кусочков золота для жадного старикашки! Так в чем разница теперь? Тем более что мертвому зверю челюсти уже ни к чему.

Она схватилась один клык у основания и надавила всем телом. Корень, еще живой,

кровотокащий, с хрустом обломился. Другие звери, увидев, как трепыхается тело их товарища, подумали, что тот ожил, и заплясали вокруг, радостно гогоча.

Это было плохо. Гораздо хуже, чем когда стражи тыкали и били ее, или растягивали на цепях; или когда жители плевались и швыряли в нее камнями; или когда помощницы во дворце обливали ее кровью и нечистотами. То, что происходило на равнине и в городе, удавалось вынести, потому что иначе и быть не могло. Она знала, что была чужой этому миру, а мир — чужим для нее. Как песчинка, царапающая раковину, и раковина, душащая песчинку перламутром, они обречены были убивать друг друга; в этом не было неправильности или зла. Но морские звери не были чужими здешней странной земле; они родились в этой красной воде, под этим белым небом, и все равно страдали! Дрожь пробежала по ее телу, от макушки до пят, когда она вдруг поняла: не для нее одной — для всех, кто заключен здесь, этот мир был адом.

Выдернув второй клык, она подняла его над головой, разглядывая на просвет. Уничтожить причину страдания — вот что она может сделать для тех, кто помог ей.

Когда наступила ночь, она прокралась туда, где плыло во мраке мутное белое пятно, похожее на клок пены на морских волнах. Медведь не отступил; он лежал между двумя хрустальными валунами прямо на пути к лестнице. Огромная морда покоилась на мохнатых лапах, но зверь не спал. Его стариковские, морщинистые веки дрожали, а ноздри выпускали горячий пар. Когда она приблизилась, движения зрачков под толстой кожей ускорились, а облачка испарины стали больше; медведь знал, что она рядом. В одной руке она сжимала серпы-клыки, в другой — кусок снега, скатанного почти до каменной тяжести; его-то она и швырнула в медведя, метя в морду. Острый насть царапнул невовремя распахнутые глаза; от боли зверь сразу пришел в ярость. Оглушительно заревев, он вскочил и бросился за убегающей обидчицей.

Медведь двигался огромными прыжками, царапая когтями пол, снося боками хрупкие ледяные отростки — и расстояние между ними, поначалу немаленькое, быстро сокращалось. Скоро она почувствовала зловонное, обжигающее дыхание у себя на затылке. Еще секунда, и желтые зубы вопьются в нее, или длинные когти царапнут по хребту... Но тут пол закончился, и она соскользнула с края уровня прямо на крутой скат, по которому днем поднимались морские звери; чтобы остановить падение, пришлось с размаху воткнуть в лед оба клыка. Один вырвало у нее из рук, но второй зацепился за какую-то расщелину, как крючок за рыбью губу, и она повисла на нем, гадая, что будет дальше.

Долго ждать не пришлось; медведь следовал за нею по пятам. Увидев, как добыча ныряет в пустоту, он хотел остановиться, но не смог. Передние лапы поскользнулись, подворачиваясь, и грузное чудовище вывалилось из башни. Крутясь в воздухе, словно какое-то жуткое косматое, когтистое колесо, медведь пролетел рядом — и ухнул вниз. Услышав влажное чавканье, она опустила взгляд. Зверь напоролся на заросли острых кристаллов; их окровавленные, но все еще сверкающие шипы выступали из его пробитых ребер, конечностей и живота.

Цепляясь за любые выступы ногами, руками и оставшимся клыком, она выбралась наверх, а потом, переведя дух, подошла к мертвому морскому зверю. Выглядел он еще хуже, чем раньше: к разорванному горлу добавились развороченная пасть и вспоротый живот — оттуда она взяла сало, чтобы натереть им край пола. Хотела бы она сказать «спасибо»! Но из губ выходили только сипение и треск. Вздохнув, она подняла глаза. Прямо перед нею, в гранях ледяных самоцветов, что-то шевелилось... Ее отражение, вот что, пускай искаженное

и размытое! Страшная маска смотрела на нее: черная маска с белыми, светящимися глазами и трещиной рта, ощерившейся острыми зубами; злое лицо.

Она подступила ближе, провела указательным пальцем по кристаллу и воткнула в него клык с такой силой, что по поверхности пошли трещины; а потом, не оборачиваясь, зашагала к лестнице.

Еще до того, как ночь сменилась рассветом, она добралась до следующего уровня и хотела спускаться дальше, но дорогу преградила вода: над ступенями плескались ленивые волны. Значит, теперь придется добираться вплавь... но сейчас нужно было отдохнуть. Наученная горьким опытом, она прежде всего огляделась. Уровень казался пустынным: бетонный пол, темно-серые валуны, обросшие пучками сухой травы — ни зверей, ни птиц; ничего, что угрожало бы ей. Выждав несколько минут и не заметив ничего подозрительного, она сошла со ступеней, примостилась рядом с одним из камней и уснула.

Ближе к полудню ее разбудили всполохи света, упавшие на лицо. Щурясь, она открыла глаза и цокнула языком от изумления. На этом уровне, как и на предыдущем, стены прорезали высокие, до самого потолка, окна; но здесь они полностью заросли наслоениями кристаллов, такими прозрачными, что ночью их было почти невидно. Зато днем они вспыхнули тысячами огней, словно она попала внутрь огромного самоцвета! Гладкий пол расцветили искры: лиловые, розовые, зеленые... Присмотревшись, она заметила, что некоторые из них медленно ползают туда-сюда, перебирая тонкими лапками — это были крохотные рачки, длиной не больше мизинца, с белыми клешнями и ракушками, будто вылитыми из стекла. Она поймала одного, выковыряла из убежища и сунула в рот; хитиновые чешуйки хрустели на зубах, но мясо оказалось сочным и приятным на вкус.

Пока она ловила ползучую мелюзгу, камень у нее под боком зашевелился, выпустил из боков длинные, членистые ноги и, покачиваясь, приподнялся над землей. Остатки сна как рукой сняло: она отскочила подальше, а огромный краб, отряхивая с бородавчатой спины пыль и иней, направился к срединному проему. Тот был до краев наполнен холодной, слабо колышущейся водой; ее широкие языки лизали пол и втягивались обратно, оставляя на бетоне красноватые соляные разводы. Значит, она достигла моря... но пока не добралась до конца пути: лестница уходила еще ниже, прямо во вздыхающую, хлюпающую влагу. Между тем напугавший ее камнекраб доковылял до воды и плюхнулся вниз, но не погрузился в нее, а так и остался покачиваться на поверхности, точно лодка с длинными лапами-веслами. Увлажнившись, его панцирь стал иссиня-черным, а на груди проступили два больших, тускло светящихся пятна. Она видела, как из глубины к ним устремляются стайки серебристых рыб, а краб, время от времени взмахивая клешнями, хватает добычу и отправляет в рот.

Что делать теперь?..

Она не умела плавать, но решила, что может просто спуститься по лестнице — а там будь что будет. Но стоило опустить ступни в волны, как давешние раны обожгло сильнее огня: хотя море не замерзло, в нем было еще холоднее, чем на суше. Поэтому, не мешкая, она забралась в воду по колени, по грудь и, наконец, набрав в легкие побольше воздуха, погрузилась с головою. И тут же невидимая сила швырнула ее вверх! Плюясь и отдуваясь, она вынырнула и замерла — а тело само плыло по воде, мерно покачиваясь, будто невесомый воздушный пузырь. Тогда она перевернулась на живот и, неловко барахтаясь, попыталась пробиться на глубину, но только подняла тучу брызг и распугала всех рыб, на

которых охотился камнекраб. Море не пропускало ее.

Мышцы начало сводить. Загребая руками и ногами, она выбралась на берег, зачерпнула пригоршню влаги, попробовала — на вкус та была мерзкой: сплошная горечь и соль. Переварить эту отраву она еще могла (хотя стражи наверняка бы померли на месте от такого питья!), а вот утонуть в ней — нет.

Отогревшись, она решила попробовать другой подход: не шагать по лестнице, а цепляться за нее руками. Снова вошла в воду, распласталась на ней, ухватилась за первую ступень, ощущая, как расползаются под пальцами склизкие стебли морских растений... Так ей удалось преодолеть около дюжины ступеней; а потом лестница оборвалась.

Зря она таращилась в багровую мглу, терпя жжение соли в глазах: сколько ни смотри, а почти треть ступеней, соединявших этот уровень и следующий, были разрушены! От них ничего не осталось — даже железных прутьев, на которые крепился камень. Лестница обрывалась в пустоте. Наконец воздух в легких закончился, и ей пришлось, разжав пальцы, всплыть наверх.

Она сидела на краю проема и кидала в воду пустые ракушки от съеденных рачков, глядя, как те уплывают к середине провала, покачиваясь на зыби. Неподалеку от ее пяток бултыхались камнекрабы, ленивые и вялые, как беременные снегом тучи. Прошло уже много дней с тех пор, как она попала на этот уровень, и у нее до сих пор не получилось выбраться отсюда.

Она научилась сносно плавать и задерживать дыхание — сначала до счета в сто, а потом и в триста, — но все равно не забралась дальше того места, где кончалась лестница. Сколько она ни пыталась грести, бешено дергая руками и ногами, сопротивление воды было слишком сильным; каждый раз ее выталкивало обратно. Она пробовала найти что-то тяжелое — куски бетона, железные балки, да что угодно! Но, как назло, пол уровня был гладким, без единой трещинки, а кристаллы, покрывавшие окна и стены, срослись намертво; ни кусочка ни оторвать! Пока она царапала их, чуть не вырвала с мясом несколько ногтей, и все впустую.

Единственное, что она нашла, это наполовину вросшие в гору самоцветов кости великана, похожего одновременно на рыбу и зверя. Ребра как частокол, череп с крепко сомкнутыми челюстями — как железный ларец, изогнутый хребет заканчивается не то лапами, не то хвостом... Создание напоминало о дворце, оставшемся в покинутом ей городе; только у этого скелета была еще одна удивительная черта — один из верхних зубов, непомерно удлиняясь, витым рогом выпирал над давно истлевшей губою. Когда она попыталась расшатать странный отросток, тот треснул, оставив в ее кулаке обломок длиной в локоть. Ей это не слишком помогло: кости великана были легкими и плавучими и не годились для того, чтобы спускаться с ними под воду; но рогозуб она все равно сохранила.

Вздыхнув, она откинулась на спину. Над головою подымался колодец башни, залитый молочным светом далекого неба; за прошедшую неделю она не раз думала о том, чтобы подняться на другие уровни и набрать там камней, ледышек или еще чего тяжелого. Но что-то внутри противилось этому: ей будто бы нельзя было возвращаться обратно и проходить два раз по одним и тем же ступеням. К тому же, иногда наверху раздавался медвежий рык — может, это был родич зверя, которого она убила, а может, его призрак... Она стукнула себя по лбу; от безделья в голову лезла всякая чушь! Но пусть даже это зверь из плоти и крови — встречаться с ним все равно не хотелось.

Но были ли у нее выбор?.. День ото дня в груди все сильнее зудела тревога. В эту ночь, как и в предыдущую, как и в ночь перед этим, ей снился сон: в нем она шла по лестнице — все той же, что наяву. Она отчетливо различала ступени, щербатые, темно-серые, подпертые железными прутьями; красные потеки ржавчины стекали к их основаниям. Хотя вокруг был густой, вязкий сумрак, сама лестница казалась вылепленной из еще более темного, тяжелого вещества... как, впрочем, и ее сплошь черное тело. Впереди мгла редела еще сильнее, уступая место свету — такому яркому, что внутри него нельзя было ничего разглядеть. Вокруг стояла тишина; она слышала только свое дыхание, шум крови, скрип мышц и костей. И так она спускалась долго, очень долго, пока ей вдруг не начинало чудиться, что кто-то идет навстречу. Легкие шаги; вода всхлипывает под ногами... Тут она останавливалась, всматриваясь в свет, и видела два черных глаза. Сначала казалось, что это страж пришел за нею, но она тут же вспоминала, что тот давно мертв. Может, это и не глаза вовсе, а просто провалы, через которые на нее смотрит ночь? Затаив дыхание, она подавалась вперед, ближе, еще ближе... и свет взрывался, опалая ее струями невыносимо жаркого огня! Тут она просыпалась, задыхаясь, оглядываясь по сторонам; но рядом никого не было.

Значение этого кошмара легко было разгадать: ей нужно было торопиться, иначе кто-то другой — тот, кто скрывается за белым сиянием, — доберется до Матери первым. Хотя она не знала, что случится тогда, но была уверена, что этого нельзя допустить.

Сегодня шрамы на запястьях жутко чесались — не то от тревоги, не то от раздражения, вызванного солью; чтобы не повредить кожу, она прикусила ладонь зубами и сдавила сильно, но не до крови. А когда зуд отступил, снова опустилась в воду, легла на живот и, широко раскрыв глаза, стала разглядывать то, что в глубине. Она уже неплохо изучила следующий уровень, скрытый под волнами: тот был совсем невелик размером. Кольцо гладкого пола, поросшего темными водорослями и ветвистыми кристаллами, можно было бы обойти всего за сотню шагов! Но и этот уровень был не последним — провал уходил еще глубже, в сплошную, непроницаемую для взгляда черноту; и надо было придумать, как попасть туда...

Об этом она и размышляла, покачиваясь на мерной зыби, как вдруг случилось нечто странное. В багровой толще воды замаячило, приближаясь, светлое пятно. Скоро она различила широкую бугристую спину, всю покрытую пестрыми пятнами — желтыми, бурными, рыжими, зеленоватыми, — точно по исполинской шкуре были рассыпаны крупницы золота; во лбу великана торчал рог — витой, заостренный, в пять локтей длиной. Создание устремилось вверх — туда, где маячили охотящиеся камнекрабы, — и с размаху проткнуло одного насквозь. Следом за первой зверорыбой показалась и вторая, и третья. Вода вокруг забурлила; камнекрабы исчезали в красной пене, как попавшие в бурю лодки. Испугавшись, что и ее примут за еду, она вылезла на лестницу, но внимательно следила, куда зверорыбы унесут добычу. Поводя мощными плавниками, те опускались в глубину. Вот они миновали следующий уровень, нырнули в черный провал — и исчезли.

Она села прямо, вдыхая воздух; кое-что пришло ей в голову... Но сегодня чудища, наевшись, уплыли. Она попробует завтра.

Ночью она не могла заснуть; оставалось только сидеть, глядя в черный провал, и перебрасывать из руки в руку рогозуб, вырванный из черепа мертвого великана. Что, если не получится?.. Тогда ее ждет мучительная смерть в пасти морской твари или, того хуже, от удушья. Она представила, как легкие наполняются солено-горькой водой, тяжелея и лопааясь,

и содрогнулась. Или, может, она лишится конечностей и обречена будет ползать до скончания дней по бетонному полу, лоя ртом съедобных рачков, подбирая сор, падающий с верхних этажей, и мало-помалу теряя разум?

Сердце стучало, все ускоряясь; голову будто набили горячими углями и дымом, который вот-вот потечет из ушей; зубы терлись друг о друга с омерзительным скрипом. Но когда уже казалось, что тело и ум больше не выдержат и сожрут сами себя, она снова услышала голос — тот самый, что говорил с ней из крошечной темноты. Он доносился из срединного провала, прямо из черной воды:

— Мое дитя, — говорил он, — ты не умрешь. Ты не умрешь, но станешь как боги. Станешь выше богов.

Рассвет коснулся хрустальных глыб, прошел их насквозь — и те вспыхнули ослепительным, нездешним сиянием. Она поднялась, до скрипа в чешуе сжав оружие, и вошла в воду.

Сначала ничего не нужно было делать — просто качаться на волнах, спиной вверх, лицом вниз, не закрывая веки и согнув руки и ноги так, чтобы они напоминали изломанные конечности камнекраба. Соль кусала воспаленные глаза, но она все же видела, как сверкают внизу кристаллы: густой, диковинной порослью они покрыли обточенные водой ступени и останки морских существ, ленты проводов на стенах и шеи труб, тонких и толстых, медных и серебряных. Между ветвями этих неживых кораллов мельтешили рыбы — одни были длинные, узкие, с темными спинами, другие — большие, с обвислыми белыми боками. Попав в столп идущего сверху света, они вздрагивали, будто просыпаясь, и перемешивались между собою. Темноспинные распускали плавники — широкие, дрожащие, как радужные веера, натянутые на костяную основу; белобокие надували воротники из перистых желтых жабр и разевали рты, выводя неслышную уху песню.

Иногда приходилось поднимать голову и втягивать в легкие воздух; когда пальцы замерзали, она переключала обломок рога из правого кулака в левый, и обратно. Мальки, привлеченные движением ее глаз, подплывали совсем близко, но ей не было до них дела: она ждала.

Что, если сегодня чудища не появятся?..

Но ей повезло: когда время перевалило за полдень, из провала вынырнуло несколько зверорыб. В глубине блеснули, изгибаясь, позолоченные спины. Камнекрабы, напуганные вчерашней охотой, сегодня не посмели сунуться в воду; она была одна, а потому сразу привлекла внимание хищников. Самый расторопный великан, наставив на нее витой рог, рванул вверх. Качнувшись на волнах, она увернулась от удара, но уплыть не стала; вместо этого, сжавшись в комок — колени к груди, руки обхватывают икры, — притворилась мертвой. Широкий лоб зверорыбы, весь в желто-охристых пятнах, показался над поверхностью; не заметив подвоха, тварь распахнула огромный рот и проглотила ее целиком.

Страшный шум ударил в уши: это соленая вода бурлила вокруг, утягивая ее вниз, прямо в бездонную плотку — туда, где за сизой пленкой шевелились волокна сжимающихся мышц. Чтобы удержаться в пасти зверорыбы, ей пришлось воткнуть осколок рога глубоко в розовое мясо, прямо под плещущий язык. Это было опасно: выплюнули ее великан раньше времени, ничего бы не вышло! Но, кажется, чудище привыкло к тому, что добыча трепыхается и ворочается в пасти; оно не разомкнуло зубов. Время шло — она успела досчитать до ста

пятидесяти трех, а зверорыба все плыла и плыла... И вдруг, вильнув всем телом, повернула куда-то вбок. Сейчас! Цепляясь свободной рукой за выступы желтых зубов, она снова ударила осколком рога, теперь прямо по шершавому языку. Горячая, резко пахнувшая кровь хлынула наружу, но тварь так и не открыла пасти!

На мгновение она оцепенела, не зная, что делать, а потом, высвободив рогозуб, направила его острие прямо в сизое, перетянутое хрящами небо. Раздался хруст кости; удар был так силен, что оружие, выскользнув из ладоней, полностью исчезло в ране. Кажется, она повредила мозг чудища: оно беспомощно распахнуло рот, раскинуло плавники и, будто огромный пузырь воздуха, заскользило вверх — на корм камнекрабам. Ее тоже тянуло обратно; струи багровой, пузырящейся влаги пихали со всех сторон, хватали за локти и пятки, толкали в грудь. Противясь злым течением, она вцепилась в потолок уровня — неровный, покрытый водорослями и переплетениями склизких проводов. Воздуха почти не осталось; легкие сводило мучительной судорогой. Еще немного, и она захлебнется!

Пальцы уперлись во что-то — гладкий выступ, просевший от прикосновения, — и вдруг над макушкой закрипело старое железо... Вода начала убывать.

Над кипящей поверхностью ревел — оглушительней, чем поющие раковины, — нагоняемый невидимыми насосами воздух. Грохотали водовороты, захлестывая ее, швыряя из стороны в сторону. Казалось, будто тысяча ладоней одновременно бьет ее по рту, по носу, по груди и затылку; жгучая пена летела в глаза, всасывалась в легкие при каждом вдохе. Ее долго мотало так, прежде чем бросило на пол, в липкую черную грязь.

Перевернувшись на спину, она уставилась вверх. Там, одна за другой, загорались стеклянные лампы; выпуклые бока толстым слоем облепил соляной налет. Красные огоньки едва тлели внутри, мигая и грозясь совсем погаснуть, и все же света хватило, чтобы убедиться: срединный провал, точно крышка огромного котла, закрыла круглая выдвижная пластина. На ней проступали знаки, похожие на следы птичьих лап на снегу, но разобрать их она не умела. Еще с потолка свисали переплетения проводов и водорослей — черных, зеленых, багровых; там, где шумели отверстия вентиляции, морская трава развевалась в воздухе, хлеща влажными космами по стенам. Что-то затрепыхалось рядом; она скосила глаза и увидела серебряного малька, подскакивающего в обмелевшей луже. Кажется, этот уровень затопило давным-давно.

Наконец, отдышавшись, она смогла встать и оглядеться. Пространство вокруг было совсем невелико — не шире пятидесяти шагов от края до края. Пол покрывала густая взвесь, в два-три пальца глубиной: гнилые листья ламинарии, останки рыб, копошащиеся в отбросах рачки-падальщики. По этой темной жиже текли соленые ручьи, собираясь в глубоком пруду посреди залы... Среди колоний мидий, захвативших каменные стены, она заметила выбитые на равном расстоянии ниши — не слишком больше и, кажется, пустующие. Из любопытства она подошла к одной и заглянула внутрь. В полу была проделана дыра, глубиной в три локтя, перекрытая снизу толстой решеткой. В проемах между прутьев курилась чернота — тихая, страшная; стоило ненадолго задержать на ней взгляд, как голова начинала кружиться. Но хуже было то, что лежало поверх — свернувшийся, искореженный труп, полуприкрытый сгнившей одеждой. Торчащие наружу кости, склизкие ошметки кожи, куски лилового мяса — все какое-то вязкое на вид, будто это и не человек вовсе, а куча медуз, выброшенная волнами на берег. Изъязвленное лицо залепили пряди черных волос, живот вздулся, искажая очертания тела, но она все-таки

догадалась, что это была женщина. На груди мертвеца блестел кусочек чистого золота, ничуть не потемневший от времени или влаги.

Из дыры разило гнилью и особым, тяжелым запахом: она уже чувствовала такой раньше, но не помнила, где. Закрывая рот и нос ладонью, она отступила от проема. Тревога, которая давно не покидала ее — с тех самых пор, как она услышала чужие шаги на лестнице, — теперь стала еще сильнее. Нужно было быстрее уходить отсюда! Но куда? И как?

Может, где-то и был проход вниз, но в зыбкой, хлюпающей мгле его не найти. Если бы из ламп получилось выжать еще хоть каплю света... Она снова повернулась к стенам; на широких полосах камня между нишами, среди пучков лиловых раковин блестели загадочные полукруглые наросты. Одни были большими — размером с поднос, другие — маленькими, с ладонь; гладкая, стекляннистая поверхность будто приглашала себя коснуться. Выбора все равно не было, так что она ткнула пальцем в ближайший: тот мигнул россыпью тусклых желтых огоньков и снова погас. Но стоило решить, что все в башне от старости пришло в негодность, как под потолком загорелись экраны.

Она замерла, открыв рот. Выпуклый свод уровня превратился в подобие черепа с железной пластиной в темени; а она будто бы влезла внутрь и теперь подсматривала чужие мысли. В этих мыслях тоже горели красные, мигающие лампы, освещая тесное помещение: заваленный сором пол, мешанину из труб и проводов, черный стол, похожий на алтарь. Мужчина, склонившийся над ним, высокий и широкоплечий, не походил ни на стражей, ни на горожан. Была там и женщина — забившаяся в угол, обмякшая, будто спящая; черный след крови тянулся от ее затылка. Потом от края экрана отделилась тень; мужчина посмотрел в ее сторону, закричал что-то... Но звука не было. Тень бросилась к нему — и запись тут же пошла по новой. Раз за разом повторялось одно и то же: тревожный, мерцающий свет; женщина с разбитой головой; крик; страшная тень... И все это в тишине, если не считать треска и шипения белого шума. А потом раздался голос.

— Ты помнишь меня, Нефермаат?

Она вздрогнула от неожиданности, обернулась к источнику звука — и закричала бы, если б могла кричать. Из ниши за ее спиной выпросталась искореженная, бледная рука; потом вторая. Труп, подтягиваясь на неестественно вывернутых конечностях, выбрался из зарешеченной дыры. Черные, слипшиеся волосы упали на пол. Она увидела нижнюю половину лица — отвисшую челюсть, осколки зубов в посиневших деснах, стекающие с губ струйки воды; вываливающиеся из истлевшей одежды груди в сети разбухших, сине-зеленых вен; пятна разложения на бедрах и предплечьях... Чудище ползло к ней на четвереньках, неловко пошатываясь, оскальзывая в хлюпающем иле — и вдруг прыгнуло вперед. Это случилось так быстро, что она не успела отстраниться; склизкие руки оплели ее, как веревки.

Круглый глаз, затянутый бледным бельмом, вытаращился из-за длинных прядей. С подбородка мертвеца сорвался желтый, жирный моллюск и исчез в покрывавшей пол жиже. Чудище с хрипом втянуло воздух и заговорило, обдавая ее волнами смрада:

— Ты помнишь меня, Нефермаат?

Она завертела головой из стороны в сторону, но, кажется, это был неправильный ответ. Мертвец зашипел, выдувая из ноздрей воду и слизь, а потом, ступая на полусогнутых ногах, поволок ее к пруду в центре зала.

— Как ты могла забыть меня? — просипел он, наваливаясь сверху размягченным, но жутко тяжелым телом, и прижимая ее голову к воде. — После всего, что я сделала для тебя?

После всего, что ты сделала со мной?..

Дрожащая поверхность пруда была уже у самых губ; чудище собиралось утопить ее!

— Ты не помнишь, как я любила тебя? Как забыла ради тебя о своем долге перед нашими братьями и сестрами? Как скрыла твоё преступление?

Она раскрыла рот — не для того, чтобы ответить, а чтобы набрать в легкие побольше воздуха; но ответ, кажется, и не требовался.

— На этот раз ты зашла далеко... Но настало время возвращаться. Не сопротивляйся. Я приняла свою участь — сторожить тебя до скончания веков. И ты прими свою; ты ее заслужила.

Мертвец мало-помалу вдавливал ее в пруд, и, как она ни упиралась, ноздри скоро залила вода. Но все еще слышно было, как сверху приговаривают:

— Не сопротивляйся. Ты все пытаешься освободиться, но зачем? В чем твоё оправдание, Нефермаат? Ты никому не принесла и не принесешь добра. Даже яд скорпиона может стать лекарством; но ты — ты можешь только убивать все, до чего дотянешься.

Еще один желтый слизень, выпав изо рта мертвеца, плюхнулся в пруд рядом с нею. Дрожь ужаса пробежала по телу. Она забилась, пытаясь оцарапать облезлую кожу, пнуть врага — но труп не чувствовал боли. Вырваться не получалось: она только зря растратила запас дыхания.

— Остановись. Пора возвращаться в ад — тебе там самое место.

Пришептывающий, хлюпающий голос терялся в шуме, заполнившем голову. В уши будто насыпали пригоршню толченых раковин. Она слышала все одновременно: ускоряющийся стук сердца, грохотание моря, бьющего в стены башни, рев зверорыб, хруст панцирей камнекрабов, гоготание морских зверей, хлюпанье притаившихся во тьме анемонов, звон льда под копытами проворных мышей, вопли белых птиц, жужжание черных мух — и даже далекие, тоскливые стоны, несущиеся из разрушенного пожаром города. Все эти звуки, большие и малые, складывались в один, хорошо знакомый голос...

И этот голос принадлежал ей.

Она закричала, выпуская пузыри изо рта. Дрожь прошла по башне, от вершины до основания, ломая колонны, сгибая балки, разрывая провода. Где-то сверху заскрипели, брызнули искрами накренившиеся экраны. Плиты пола вздыбились, отбрасывая мертвеца назад — а она сама повалилась в пруд, но тут же выкарабкалась, переводя дух. В горле свербело, но не от проглоченной воды и не от едкой вони трупа.

— Я уйду, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Ты не остановишь меня.

Груда слизи на полу затряслась, издавая омерзительное, влажное чавканье: мертвец хохотал.

— Десять раз! Десять раз ты уже пыталась сбежать. В первый раз ты сгорела вместе с городом, который пыталась уничтожить; во второй — умерла от жара среди снега и льда; в третий — была заклевана птицами. Тебя травили и душили, рвали на части медведи и проглатывали киты. Ты умирала уже десять раз, а все никак не научишься смирению, тупица!

Мертвец зашевелился, вставая на четвереньки, бесформенный, страшный: желтые моллюски-червяки дождем посыпались из прогнивших внутренностей.

— А сама-то ты понимаешь, что гонит тебя вперед? Жадность; ненасытный голод. Даже если бы я сжалилась и отпустила тебя, ты все равно не была бы довольна. Тебе всего мало; ты сожрешь весь мир — и землю, и небо, а после станешь грызть собственные кости.

Сколько жизней ты уже забрала? Мне не хватит вечности, чтобы назвать всех по именам. А что ты сделала со мною, Нефермаат? Какую награду я получила за мою службу, за мою любовь?.. Отвечай! Отвечай! Отвечай! — мертвец ревел, как бык; его нижняя челюсть достала почти до ключиц, открыв черный провал глотки. Растопыренная пятерня полетела в нее, как крюк.

...За ее спиной стоят товарищи, испуганные и растерянные, а впереди, у подножия трона, толпятся странные существа. Они одеты в пестрый шелк, медные доспехи и шкуры пятнистых барсов; пышные гривы умащены благовониями, пальцы унизаны кольцами, шеи отягчены янтарем, кораллами и старой бирюзой. Оружие бряцает в их лапах, но хвосты опущены к земле, а в выпученных глазах застыл ужас. И не зря: только что она показала им ада, ледяные и огненные, полные бесчисленных пыток — наказание для тех, кто отступился от богов. Но это еще не все: теперь она разделит с ними самое драгоценное. Осторожно, будто отодвигая раскаленный докрасна заслон, она вкладывает в их умы воспоминание о свете. Клыкастые пасти безвольно раскрываются; колени обмякают; слезы обильно текут по мохнатым щекам. Нет сомнения: их души и тела не выдержат этого. Скоро все, кто был здесь, сойдут с ума или погибнут от болезней, не имеющих имени и лекарства. На смену им придут другие — братья и сестры, супруги и дети; но это неважно. Она поймает отблески света и вырежет их в дереве и камне, смешает с глиной, вольет в стекло и металл; и любой, кто увидит их, увидит и его...

...Она сидит на снегу, согнувшись в три погибели — всё, чтобы старая ведьма смогла нанести на кожу ученицы грубый узор. Вдоль позвоночника уже протянулась линия с «перекладинами» на ребрах — это лестница, по которой душа сможет восходить на небо или спускаться под землю; на лопатках наметилось подобие крыльев. Обычно учеников перед посвящением брили наголо; но, за неимением шерсти на теле, ей отрезали только косу. Теперь ветер холодил покрасневшую макушку, на которой ведьма выбила пять сходящихся лучей.

— Это Гвоздь — звезда. Она никогда не шелохнется, не тронется с места; она вечна, — бормочет старуха. Откуда дикарке знать, что это не так? Что полярные звезды сменяют одна другую? Что все умирает — и не так уж сложно рассчитать, сколько осталось Гвоздь — звезде до превращения в черную дыру? Но она не спорит и, пока костяные иглы втыкаются в обнаженную спину, молча смотрит на лед. А тот сверкает все ярче; кажется, будто нездешний свет подымается из глубин земли, затмевая мерцание бледных звезд...

...Свет, проходя сквозь стены колбы, становится красным; оседает пятнами на коже, блестит на трубках, подающих зародышам воздух и питательный раствор. Лицо движется за толстым стеклом, как рыба, плывущая на глубине. Губы открываются, выпуская наружу влажный язык:

— Слушай внимательно, дитя мое. Я загадаю тебе загадку: что нельзя найти, если ищешь?..

— Я помню тебя, Меретсегер, — сказала она и, схватив за хвост искрящие провода, дернула вниз. С треском отошли от стен проржавевшие скобы; один из экранов рухнул вниз, прямо на тянущегося к ней мертвеца, и рассек водянистую плоть пополам. Нижние конечности трупа задергались, извиваясь, как выброшенные на берег каракатицы; но передняя часть продолжала ползти, подтягиваясь на руках, оставляя в черном иле веревки разматывающихся кишок. — Хотя ты — не она; ты только носишь ее лицо. Настоящая

Меретсегер давно мертва... Но все же я отвечу тебе.

Она присела на корточки, заглядывая в мутные глаза; из распахнутого рта чудища вылетал не то рык, не то плач. Пятерня с зеленоватыми пластинами ногтей потянулась к ней, но не сумела ухватить.

— Когда я родилась... Не когда меня вынули из колбы и отправили на заклятие к полоумным старикам, а когда я по-настоящему родилась, в дыму и огне пожара, первое, что я почувствовала, была боль. Едва осознав себя, я поняла — эта боль и есть суть жизни; ее корень, ее горький плод. Ты думаешь, я хочу прозябать в цепях? Есть гниль? Править червями? Нет; это чаяния моей маленькой, завистливой тени. Оставайтесь здесь, трусы! Подавитесь своими небом и землею. Но знайте вот что: мы лишь искры, вылетевшие из огня, и единственная цель, которую должно преследовать искре — вновь стать огнем. Я нашла выход, и я уйду. А ты, Меретсегер, любящая молчание — молчи.

— Там, — мертвец вытянул дрожащий палец, указывая на гладь пруда. — Тебя ждет смерть.

Она покачала головой.

— Я не умру. Я стану, как боги. Стану выше богов.

— Каким богом ты станешь, если ты не смогла быть человеком, Нефермаат?

Вместо ответа она поставила ступню на лоб мертвеца и с силой надавила; гнилой череп провалился, обдав ногу брызгами черной грязи.

Стоило сказать чудищу спасибо: пока то пыталось утопить ее, она рассмотрела дно пруда — там, соединенные в подобие перевернутого купола, лежали пластины из стеклянистого, прозрачного вещества. Одна из них крепилась на засов; стоило отодвинуть его, как пластина легко провалилась вниз. В пруд хлынул холод моря.

Она соскользнула в открывшуюся дыру и с головой погрузилась в багровую воду. С обратной стороны пруда, из самой середины купола рос остроконечный хрустальный столп. Словно длинный, сверкающий коготь, он указывал в глубину. Источник тьмы скрывался там — пульсирующий, черный комок, уголек, несущий в себя пламя. Сейчас он был слаб и испуган; его голос превратился в жалобный лепет. Сейчас, как никогда, легко будет одержать верх над ним и забрать то, чем он владеет! Но нужно торопиться: кто-то другой шел по ее следу. Другой дышал в спину... Время было на исходе.

Цепляясь за выступы кристаллов, она то ли поползла, то ли поплыла вниз, преодолевая все возрастающее сопротивление воды, краем глаза замечая, как мимо проносятся орды безмолвных и безымянных созданий — бледных, уродливых, с фосфоресцирующими жабрами, щупальцами и хвостами. С каждой секундой становилось холоднее; пальцы срывались с гладких, твердых граней. Один ноготь выдрало с мясом. Соль обожгла рану, но ей было не до того. Воздух кончался; легкие уже сводило от удушья. И все же, дно моря — конец этого проклятого мира, — было все ближе; и ее Мать, ее враг, тоже. Если она успеет добраться до нее, то станет свободной!

Но когда она уже протянул руку, чтобы коснуться сгустка мглы, то увидел в воде глаза — черные глаза без зрачков; и лицо, смотрящее вверх.

КРАСНЫЙ УЗЕЛ

*Приходящий, ответ на вопрос,
Прежде, чем в дом мой вступить,
Прежде, чем нить развязать:
Правят царством подземным Лу,
Правят царством срединным Цен,
Правят боги в горних дворцах,
Кто над всеми ними царит?*

*Испарятся озера Лу,
И расколются камни Цен,
Всеми правит Эрлик Чойгьял,
Отвечал многомудрый гость.*

Однажды меня украли сова. В тот вечер мать со старшей сестрой были заняты: им нужно было заквасить побольше молока для приготовления сыра и шо[1]. Завтрашний день подобным занятиям не благоприятствовал: по предсказанию календаря, из-под земли и со дна водоемов могли выползти змеехвостые Лу[2] — чтобы уберечься от их болезнетворного прикосновения, следовало избегать любых действий, связанных со влагой и гниением. Работы у женщин было много, и меня они оставили ползать снаружи, среди дзомо[3] и коз, чтобы не путался под лапами. Сквозь окна я видел, как торопливо мелькают откинутые за спину рукава пестрых чуба[4], как свешиваются от усердия розовые языки и льется широкими желтоватыми лентами молоко. Шорох движений, звон украшений в гривах, сочное хлюпанье кульков с закваской и множество других звуков, непонятных мне, роились над домом и растворялись в темнеющем небе, как пригоршня грязи в чистой воде.

Этой зимой в горах было много снега, и трава в долине росла хорошо, так что наши животные были сыты и ленивы. Широкобокие дзомо бродили у дальнего края загона, тряся бородами и оглушительно чихая, когда ветер щекотал их шершавые ноздри; овцы и козы дремали на истоптанной земле поближе к дому. Я валялся среди них, зарывшись носом и лапами в нежную теплую шерсть, отросшую после весенней стрижки. Наверное, я был как черный камешек, брошенный в белое озеро, — потому сова и заметила меня.

Она спустилась тихо, как призрак, — ни шелеста перьев, ни свиста воздуха; острые когти вдруг впились мне в загривок, увязая в густом меху. Я был ростом с зайца, поэтому большая птица без труда подняла меня вверх, и еще выше, и еще, пока внизу не стала видна вся долина, — узкая и длинная, как баранья челюсть, со сточенными зубами старых скал на западе и востоке. Синяя вечерняя тень наполняла ее до краев; только высокие горы на севере еще блестели ледяными щитами. Говорят, когда Железный господин усмирил обитавших там демонов-дре, он обязал их трудиться во благо всем живущим — только вот что-то ни один из яростных защитников не спешил на помощь подвешенному между небом и землей щенку!

Я истошно завопил и забрыкался, но сова не ослабила хватки. Тогда я вывернул шею аж до хруста, чтобы хоть рассмотреть своего похитителя — и, странное дело, птица тоже уставилась на меня. Ее морда была белой, как чисто обглоданная кость, и такой же гладкой: ни носа, ни клыков, только страшные красные глаза. Птица разинула заросший пухом клюв,

будто собиралась что-то сказать... но тут твердый ком ударил меня в живот, вышибив весь дух из тела.

Оказалось, это мой дядя по прозвищу Мардо — Красный Камень возвращался домой после весьма удачной торговли в соседних деревнях. Увидев, как я барахтаюсь в воздухе, он, недолго думая, запустил в сову заплечной сумкой со всей выручкой. Правда, попал он в меня, но птица-воровка все равно разжала когти. К счастью, летела она не так высоко, как мне показалось со страху, так что я отделался всего-то парой сломанных костей. А вот дядя лишился аж трех монет, которые укатились из сумки в густую траву и пропали в ней без следа.

— Ребенок ценой в три таннга! Смотри, продадим тебя, чтобы возместить убыток! — рыкнул он и отвесил мне внушительный подзатыльник. На том эта история и забылась.

[1] Шо — простокваша/йогурт.

[2] Лу (наги) — волшебные змеи, один из видов существ, населяющих мир.

[3] Помесь яка и коровы (самец — дзо), так же называется «хайнак».

[4] Чуба — традиционная одежда Тибета, халат с длинными рукавами.

Свиток I. Путь в горах

Мое тайное имя — Черепаха, по зимнему созвездию, которое солнце проходило в месяц моего рождения. В детстве меня прозвали Ринум, Горное Масло, из-за шерсти, чернотой и блеском напоминающей это пахучее вещество, которым потеют на солнце старые камни. Если бы я вырос в доме моих родителей, то в день девятилетия наверняка обзавелся бы взрослым именем, Синяя Глина, сочетающим прозвища матери и отца. Потом, лет в двенадцать, дядя подыскал бы мне подходящую невесту в деревне неподалеку, с ушами розовыми, как два бутона лотоса, и сосками нежными, как целых восемь бутонов. А дальше, лет до сорока или, если очень повезет, пятидесяти, я бы жевал кашу из цампы, в теплое время года пас коз, овец и дзо в раскинувшихся над облаками долинах, а в холодное — учил щенков заделывать щели в глиняных стенах, разводить огонь в ветреную погоду или ставить силки на пыльно-серых зайцев и мохноногих куропаток. Это была бы прекрасная судьба... Но, оглядываясь назад, я вижу верные знаки того, что ей никогда не суждено было сбыться.

Все началось с того, что я появился на свет в год мевы Черная двойка[1], под пристальным вниманием злых существ Дуд. Для моей семьи это прочило убыль процветания и достатка, чем особенно недоволен был Мардо. Он взял мою мать в дом из жалости и надеялся, что она отплатит за доброту по крайней мере годным потомством, а тут такое!

— У-у, дикарское отродье, помет нетопыря! Поотрываю все лапы и выставлю за порог вместо привязи для барана! Будешь там жить в грязи, есть грязь и пить... жидкую грязь! — частенько ругался он, когда мне случалось рассыпать соль из нетуго завязанного кожаного мешка или порвать кусок тонкого шелка. Я не обижался на дядю: он был жадноват и язвителен, но по природе своей не так уж плох. К тому же моя мать, Синяя Грива, и правда была не самадрогги[2], а рогпа, кочевница из Северных гор. Этот народ среди прочих жителей Олмо Лунгринг[3] считался диким, как живущие среди снегов дронги, и почти таким же немым. И правда, слова они цедили скупой и даже пели, почти не разжимая губ, — так что это походило скорее на мычание и протяжный вой; редко кто слышал от рогпа смех, плач или даже обыкновенную молитву, которыми здесь, в западных долинах, сопровождалось любое действие: от ловли мышей до штопанья шаровар. К тому же больше милосердных лха кочевники чтили кровожадных божеств Северных гор, а особенно — великую Рэлчикма.[4] Мать рассказывала сказки о том, как в прежние времена та являлась смертным героям: туго скрученный железный локон, тридцати локтей в длину, пронзал грозные тучи, а единственное око горело испепеляющим огнем! Но грозная Рэлчикма, как и все остальные боги и демоны, пала перед Железным господином. Связанная нерушимыми цепями обета, она стала одной из Драгшед[5], защитников Закона, — и с тех пор ей воспретили пугать народ.

Хотя иные поговаривали, что старые хозяева Северных гор попросту мертвы, — не зря же трупный холод мало-помалу сковал их владения: снег занес стоянки и пастбища, лед пропитал землю на много локтей в глубину. Камни помельче стали такими хрупкими, что крошились под ногами, как яичная скорлупа, а большие валуны обросли инеем в два пальца толщиной. Черные и белые стада рогпа, некогда насчитывавшие тысячи голов и текшие среди скал, как бурные полноводные реки, гибли от голода или исчезали бесследно во время переходов. Те из кочевников, кому дорога была жизнь, вынуждены были искать себе место здесь, внизу. Некоторые отправились через перевалы Вэлсо Рава в южную страну, где цветы

вырастают размером с блюдо, а насекомые — и того больше; иные научились кланяться земле и растить ячмень, как шингпа. Но многие рогпа просто скитались от двора ко двору, берясь за работу, которой другие не хотели пачкать лапы и души, — от вывоза нечистот на поля до сожжения мертвых тел.

Дядя Мардо давно привык к их жилищам-бар[6] из тощих жердей и промасленных драных одеял; в холодное время года они жались к окраинам деревень, где он торговал шерстью и маслом. Но однажды кое-что привлекло его взгляд: миловидная девочка, не старше семи лет от роду, что сидела под навесом из грязного войлока и водила прутиком в пыли с угрюмой сосредоточенностью жреца, записывающего сутры золотыми чернилами. Дядя давно уже подумывал о том, что им с братом пора взять новую жену: предыдущая умерла от болезни, вызванной недостатком жара в теле: ее истощение было так велико, что под конец даже моча стала голубоватой и лишенной запаха, — а заниматься полем и хозяйством кто-то да должен был. Потому дядя снял со спины своего вьючного барана бурдюк с маслом, достал из ампы увесистый сверток чая и со словами приветствия вошел в бедное жилище. Пока родичи девочки варили часуйму[7] для неожиданного гостя, Мардо завел разговор о том, как холодны нынче зимы и голодны лета, и как трудно прокормить все голодные рты. Поигрывая дутыми серебряными кольцами и поглаживая внушительный живот — главный и непреложный признак благополучия, он весьма прозрачно намекнул о своем намерении. Девочку тут же завели внутрь, и дядя осмотрел ее с тем же тщанием, с каким осматривал любые товары. Хоть она была неуклюжа и костлява, ее черная шерсть не вилась и не имела проплешин, а челюсти — полны крепких зубов, без желтизны и гниения. Знаки года рождения также сулили хороший союз, так что, поторговавшись для порядка, Мардо и рогпа сошлись на пяти овцах, двух козах и одной нетелившейся дзомо — хороший выкуп за невесту без роду и племени.

Через три недели, в день, благоприятный для заключения брака, дядя вернулся с обещанными дарами, а также мешками цампы[8], большими кувшинам чанга[9] и стареньким, сгорбленным шенпо[10] для совершения положенных обрядов. Девочку, в честь свадьбы раньше времени получившую прозвище Гонкра, Синяя Грива, вывели к нему. Из всех украшений у нее был только грязный полосатый передник, да собственные густые косы: ни янтарных пластин, ни ожерелий из кораллов и бирюзы, ни многоглазых бусин зи не осталось в их семействе. Ей повезло, что с таким приданым ее взяли в богатый дом, — но все же, пока шенпо на скорую лапу бросал гадательные узлы и шепелявил молитвы, пока облака муки летели на все четыре стороны и овечья кровь смачивала бока домашнего алтаря, она плакала.

И годы спустя Гонкра редко бывала веселой. Однажды я спросил, почему она грустит — может, хочет есть? Или родичи плохо с ней обращаются? Мать рассеянно посмотрела на меня из-под тяжелых век и ответила, растягивая на пальцах цветную пряжу:

— Твой отец и дядя всегда были добры ко мне. Если б я родилась здесь, в западном краю, о лучшей доле я бы и не мечтала. Но я все еще помню, каково это: схватившись за рога оронго[11], лететь по земле-над-облаками, где ветер дует так сильно, что меняет очертания предметов, где солнце горит так ярко, что от света чернеет в глазах... Впрочем, тебе, Нуму, не стоит забивать голову подобными мыслями.

Предостережения матери были лишними: хоть я и унаследовал ее черную шерсть, характер, мягкий и податливый, достался мне от отца, которого не зря прозвали Красной Глиной. Тоска о горном холоде и пронзительном ветре была непонятна мне, но я искренне

жалел мать и, забравшись на лавку, крепко обнял ее шею короткими лапами. Она вздохнула, погладила меня по макушке и вернулась к своему занятию — плетению узлов-жограм[12], круглых и тугих, как плотно сжатые кулачки. Внутри в зависимости от их назначения помещались лекарства и пряности, кусочки костей и сушеного мяса, бумажки с молитвами и благовония, монетки и головы змей... и даже катышки навоза, сулившие носителю узелка большую удачу. Это старое колдовство, хоть и не одобрялось учеными шенпо, пользовалось любовью простого народа. Дядя, конечно, не прочь был приторговывать жограм в довесок к шерсти и сыру, а отец и сам носил дюжину оберегов с солью и пахучими смолами — говорил, что они помогают и от духов, и от блох. Гонкра пыталась и меня обучить этому ремеслу, но я только перепутал и порвал дорогой шелк неловкими пальцами.

— Каждый цвет имеет свое значение, — сказала как-то мать, указывая на деревянную дощечку для плетения. — Поэтому нити всегда следует закреплять двумя пучками. Первый — это цвета жизни. Желтый — мужской цвет, он увеличивает богатство и силу. Голубой — женский, он помогает сковать врагов и уничтожить препятствия на пути. Зеленый соединяет их и дает умиротворение. Второй пучок — это цвета смерти: белый, черный и красный.

— Что, все три? — спросил я.

— Да. У Эрлика три лица: одно — из кости, одно — из черной плоти и одно — из крови. Будь осторожен с этими цветами, Нуму.

— Но дядя все время носит красные бусы и серьги из коралла, — возразил я. — И волосы у него красные. И глаза красные, особенно как напьется чанга!

— У твоего дяди другая судьба и совсем другие дре за пазухой, — серьезно ответила Гонкра. — А тебе нужно беречься Железного господина и его слуг. Обещай мне это.

Ее лапа опустилась мне на голову, как восковая печать, — и я, разморенный теплом и лаской, дал первое обещание, которое не мог исполнить.

Когда мне подходил пятый год, было решено отвезти меня в столицу, озерный город Бьяру, что значило «Птичьи Рога», и продать в услужение какому-нибудь богатому господину — оми или чиновнику — барпо. К тому времени у меня уже появилось двое младших братьев, и сестра была на сносях, а благоденствие семьи стремительно иссякало. Не помогали ни колдовские узелки матери, ни белые и красные подношения ноджинам, ни молитвы хранителю богатств Норлху[13]. Тот снег, который раньше с первыми шагами желтого мула Васанты-гьялмо[14] уходил в землю, чтобы стать ячменем, крапивой и сочной травой, теперь долго лежал на груди старых скал, мешая растениям подняться к солнцу. Козы и овцы худели на глазах и тряслись от холода, когда их шерсть остригали на пряжу; дзому давали меньше молока, а значит, нельзя было заготовить ни сыра, ни масла на продажу. Дела шли все хуже, а потому все старшие согласились, что кормить меня должен кто-то другой. В конце концов, рожденным в год Мевы Черная двойка, предначертано рано покинуть родительский дом.

— Во-первых, я выручу за него неплохую сумму. Во-вторых, в городе он сможет стать лекарем или даже чиновником, — рассуждал дядя, со вздохами прихлебывая горячую часуйму. — А значит, будет всегда при деле, накормлен-напоен и с крышей над головой! Всяко лучше, чем всю жизнь с овцами возиться.

— Что тут плохого? — промямлил отец, отирая о чуба пропахшие бараньим жиром лапы, но Мардо только отмахнулся от него.

— Если выйдем из Пхувера в конце осени, то как раз успеем в столицу к празднованию

Нового года. Там будет много народу — наверняка найдется и тот, кому пригодится слуга или ученик. Заодно можно будет продать наши товары подороже, а то местные совсем обнищали. Скоро вместо денег начнут платить ревенем и крапивой! Так что едем, нечего и думать!

Дядя звонко хлопнул себя по ляжке, подтверждая серьезность сказанного, и зачерпнул пиалой еще соленого варева. Сестра одобрительно кивнула, поглаживая живот; отец посмотрел на него исподлобья, но промолчал; а мать отвела взгляд.

Три месяца прошло с тех пор: миновал сезон дождей, и зеленый олень Шарад-гьялмо проскакал над землей, унося на своих рогах влажные грозы и ворох иссохших листьев. Солнце побледнело и опустилось ниже к земле, теряя свою силу. По утрам замерзшая трава блестела под копытами коз, как россыпь драгоценных камней, и белый пар валил из распахнутых ртов — а значит, пора было отправляться в Пхувер, откуда открывался путь на столицу.

Для этого путешествия Мардо принарядился: натянул лучший чуба с леопардовой оторочкой, продел в уши толстые серебряные крюки с бирюзой и ветвящимся кораллом, напялил на голову островерхую шапку, подбитую желтым шелком, — в общем, старался как мог. Повозку дядя тоже собирал с особым тщанием: внизу поместил мягко выделанные шкуры и тюки с тончайшей шерстью, следом разложил замотанный в ветошь сыр, горшки жирного до прозрачности масла и свертки с вяленным на можжевелевом дыму мясом, сверху накинул узорчатые домотканые одеяла и туго закрепил поклажу кожаными ремнями. В отдельную сумку, расшитую тонкими чешуйками серебра, дядя с почтительным нашептыванием положил дюжину торма[15] и несколько полупрозрачных хатагов для подношения горным духам, пучок сухих можжевелевых веток и амулетницу-гао, внутри которой хранился коготь прославленного святостью шенпо. Чтобы тащить все это добро и нас в придачу, Мардо выбрал самого крепкого дзо, с шерстяной юбкой до самых копыт и рогами в два локтя длиной; на них Гонкра надела плетеные украшения из красных нитей. Кроме того, дядя спросил каждого в семье, кто умел говорить, какие гостинцы ему привезти из города. Сестре нужен был расчет положений солнца, луны и созвездий для новорожденной дочери; ее муж хотел новые топоры, ножи и ножницы для стрижки скота; младшие братья выклянчили себе игрушки; отец велел купить тягучих сладостей из южного меда и крепкой пшеничной браги. И только мать ничего не попросила, как будто забыла, что нам скоро уезжать.

Но когда на календаре выпал благоприятный для отъезда день, все подношения небесным и подземным существам были совершены, а меня, завернутого в теплое одеяло, кулем усадили в повозку, Гонкра подошла ко мне. Ее веки набухли и покраснели, но голос не дрожал.

— Сын мой, — сказала она. — Я не знаю, какой совет тебе дать. Да и нужен ли он? Судьба несет нас, куда пожелает, как ветер несет песчинки. Но я постараюсь защитить тебя, а ты... ты постарайся быть счастливым, Нуму.

Мать сделала движение пальцами, точно затянула узел напротив моей груди, и вдруг до ломоты в костях обняла меня. Ее дыхание всколыхнуло шерсть на моей макушке, согрело кожу влажным теплом, и только тогда я понял, что мне предстоит. Клянусь, я уже готов был выпрыгнуть из повозки и мышью забиться в какую-нибудь щель в родных стенах... Но в тот же миг раздался гортанный выкрик дяди; фыркнул дзо, гневно боднув воздух; заскрипели

нагужно колеса, и мы тронулись вперед. Мало-помалу и дом, и сгрудившиеся на пороге родичи уменьшились, сжались, исчезли в дрожащем воздухе. Потом позади остались и безголовые шеи старых скал. Мы покинули долину.

Путь на Пхувер шел вниз, петляя между мельчающих холмов, сначала походивших на крутые спины дронгов, затем — на простершихся ниц паломников и, наконец, совсем утонувших в каменистой земле. День был ясным и тихим; только изредка чирикали в кустах стайки воробьев да горбоносые сайгаки шумно хлебали воду из луж. Мардо, привычный к путешествиям, мычал себе под нос, не выпуская изо рта полоску сушеного мяса, и казался вполне довольным жизнью, а меня одолевала тоска. Я уже скучал по привычному ворчанию и крикам сестры, топоту лап и звону посуды; еще хуже стало, когда начало темнеть и в небе показались большие совы. Они то парили молча, выискивая добычу, то издавали нежные, печальные крики, от которых внутри все сжималось, точно кто-то запустил мне лапу под ребра и теперь сжимал сердце и легкие в крепком кулаке.

— Ну-ка, не чахни! — велел дядя, останавливая повозку у большого камня, на бок которого была прилеплена полоска ткани с выцветшей молитвой — видимо, он часто делал здесь привал. — Кто тебя купит с такой кислой рожей?

Пока Мардо распрягал дзо и набирал мутноватой воды из ручья неподалеку, я успел наломать сухого кустарника, нарвать травы для растопки и впервые развести огонь с помощью собственного чакмака[16], подаренного отцом перед отъездом. От света на душе стало веселее, а от горячей часуймы — и того лучше. Мало того, дядя хитро подмигнул мне, вытянул из-под одеял два вкусно пахнущих свертка и разрешил съесть столько сыра и мяса, сколько влезет. Тут он не прогадал: уплетая лакомства за обе щеки, я почти забыл о своих печалях.

— Не бойся, Нуму! В городе жить лучше. Ты бы и сам сбежал из дому через пару лет, точно говорю. Мне вот никогда не сиделось на месте, все время тянуло узнать — каково оно там, где нас нет? Вдруг за ближайшей горой текут реки из меда в масляных берегах, а момо[17] сами макают себя в сметану и прыгают в рот? — приговаривал Мардо, зевая на луну. — Ты тоже любопытный и беспокойный, так что в Бьяру тебе понравится.

Я вовсе не был уверен в правдивости его слов, но решил, что жевать сыр все-таки лучше, чем спорить с дядей. Когда мы закончили ужин, звезды уже теснились в небе, как монеты в кошельке богача. Назойливые совы все еще кружили вверху, выкрикивая свои непонятные призывы, но я только поплотнее завернулся в одеяло, поморгал осоловелыми глазами и крепко заснул.

На следующее утро нас разбудили свет и холод. Шерсть вокруг носов слиплась жесткими иглами; дзо недовольно всхрапывал, долбя копытом ледяную корку на ручье; даже небо было белым, как от инея. Но к полудню потеплело, и я, растянувшись поверх поклажи, с удовольствием подставил морду осеннему солнцу. Повозка покачивалась неторопливо, и мысли выплескивались из головы, как вода из трясущейся чашки. Так мы и ехали — я дремал с открытыми глазами, дядя тянул вполголоса пошлые песенки про столичных гуляк — и в конце третьего дня достигли Пхувера.

Воздух в низине был влажным и потому неприятно холодил. Мардо сказал, что по весне, когда талая вода потоками срывается с гор, здешняя земля похожа на черепашки панцири, всплывающие над прудами жидкой грязи, мусора и льда. Но сейчас о весенних половодьях напоминали только змеистые ручейки, обросшие по берегам белым блестящим налетом.

Навстречу все чаще попадались низкорослые деревья, уже лишившиеся листьев, но зато украшенные тут и там белыми хатагами и пестрыми дарчо.[18] Потом начались продуваемые злым ветром поля с вмерзшей в грязь щетиной срезанного ячменя. Там, где узкая колея вдруг превращалась в широкую дорогу, нас встретил каменный идол с кривыми, почти спиральными клыками в длинной пасти и печальным взглядом выпученных глаз, придававших ему сходство с лягушкой. К моему удивлению, Мардо спешился, достал из своей шелковой сумки белый торма и веточку можжевельника, ловко высек огонь и, шепча молитвы, поднес дымящуюся жертву истукану.

— А кто это? — спросил я дядю, когда тот, отдуваясь, снова вскарабкался в повозку.

— Какая разница? Всех духов не упомнишь, но от угощения не откажется никто. А с ними лучше быть уважительным, Нуму. Знаешь историю про Кхому Неверующего? Пошел он как-то в горы пасти овец, а еды с собой взял мало. Поэтому, когда по дороге ему попала статуя красной дакини, он пожалел для подношения даже горстки цампы. «Да что мне сделается», — сказал Кхома и пошел было дальше, но тут из камня выскочила сама демоница и со словами: «А вот что!» — взяла и проглотила его с потрохами.

— Но... Если она его съела, кто же рассказал эту историю? Овцы?

— Дурак ты, Нуму! Это ж не с одним Кхой было. Сколько еще народу дре успели сожрать, разорвать или превратить во что-нибудь непотребное, вроде ослов или табуреток, пока Железный господин не усмирил их. Спасибо ему за это, конечно, — промямлил дядя и поспешно сотворил благодарственный жест.

Пхувер был самой заурядной деревней, какие в западных долинах раньше исчислялись десятками, но мне он показался просто огромным. И неудивительно! Никогда еще я не видел столько домов в одном месте... если честно, я вообще не видел других домов, кроме нашего. Здесь же их было почти полсотни, сложенных из камня или глиняных кирпичей, бережно расставленных на зеленовато-серой земле, как ларчики с дорогими пряностями. Некоторые были с заборами и внутренними дворами; у многих было два, а то и три этажа, и даже деревянные балконы и пристройки сверху! Правда, от оснований домов разило застарелой вонью, а на стенах проступали влажные пятна от скапливающихся внутри нечистот: ясно было, что там в тесноте и темноте держат скотину. На плоских крышах торчали черные от сажи курильницы и сушился хворост, издавлека похожий на комья седой шерсти; в нем гнездились многочисленные, пронзительно кричащие и гадящие куда попало птицы. И все же жилища Пхувера, с их резными дверями, медными запорами и выкрашенными в яркие цвета оконными рамами, показались мне очень красивыми.

Мы остановились у дальнего родича, чьего имени я не помню; зато помню его широкие, свисающие, как мокрые полотенца, брылы и коричневатые подпалины на морде и на груди. Хвост усталого дзо еще мотался за воротами дома, а Мардо с хозяином уже завели разговор о торговле и других взрослых делах. Меня же отправили внутрь вместе с хозяйским сыном, которому, впрочем, не было никакого дела до гостя. Проводив меня на верхний этаж и усадив на лавку в дальнем углу, мальчик сразу исчез. Высокая женщина в заляпанном переднике вручила мне пиалу с холодной часуймой и поспешно вернулась к чану, хлопотавшему на очаге посреди комнаты. Так я и остался сидеть в одиночестве, озираясь вокруг и пуча глаза не хуже давешнего идола.

Все в этом доме казалось мне странным и чудесным. Над порогом покачивались толстые косички из цветных нитей, призванные увеличить гармонию жилища; балки под потолком покрывала пестрая, нарядная роспись, и сквозь горько-сладкую дымку домашнего

алтаря мне казалось, что все эти листья, бутоны и облака ползут куда-то, как медленные улитки, то скручиваясь спиральями, то волнисто извиваясь. У стен громоздились высокие шкафы с изображениями желтых, зеленых, розовых божеств и сундуки, обитые потемневшими металлическими пластинами; на невысоких полках сгрудились бесчисленные лопатки, щеточки, гребни и какие-то штуки, назначения которых я и представить не мог. Мой взгляд бегал туда и сюда и никак не мог остановиться, как одуревшая от меда муха. В конце концов меня даже начало слегка подташнивать.

По счастью, в это время дядя вместе с хозяином поднялись наверх, и, хотя время было уже позднее, все дружно уселись ужинать. Женщина в переднике расставила на низком столике ячменные лепешки с маслом, жареное мясо и пузырящееся варево из чана. Это был суп-тукпа с неведомыми мне овощами, рыхлыми и кислыми на вкус, — признаюсь, я тайком выбрал их из чашки и выпил все остальное. Потом меня уложили на заранее постеленное место, а взрослые остались пить чанг. Еще с полчаса я ворочался и комкал одеяло: меня тревожили пьяные, веселые голоса, острые запахи чужого дома, ползущие отовсюду, и тревожный свет луны, таращившейся через щель в занавешенном окне. Сердце дрожало, как пугливый заяц; но в конце концов усталость взяла свое, и я заснул.

На следующий день после нашего приезда мы с Мардо отправились на рынок у окраины деревни. Там собирались бродячие торговцы, везущие в столицу, великий город Бьяру, богатства севера и запада — шерсть, шкуры, масло, черные шишки битума и необработанные драгоценности, — чтобы обменять их на шелк и бумагу, тханка[19] и украшения, вино и рис, растущий на богатых водою южных полях. В Пхувере они отдыхали и готовились к переходу через Мувер — отросток Северных гор, вытянувшийся вдоль долин, как положенная на зеленую скатерть лапа. Путь в обход хребта занял бы не один месяц, поэтому путешественники обычно шли напрямик, через перевал, прозванный Следом Змея. Говорили, что его проложил Лу-Вангчук, Царь Лу, когда бежал прочь от Железного господина. Прежде чем Эрлик успел застегнуть ошейник на его чешуйчатом горле, ловкий змей выскользнул из его когтей и упал с небес напрямик на гору Циг. Его золотое тело длиной в тысячу тысяч шагов и весом в тысячу тысяч быков примяло землю и камни под собой, разделив Циг на две вершины-близнеца, Цоцог и Огму. Дорога между ними считалась надежной и пригодной даже для повозок, но миновать перевал нужно было до середины зимы. В месяц Черепахи, когда холод и тьма набирали полную силу, в горах случались такие снегопады, что спящих яков заносило вместе с рогами; а еще опасней был зимний ветер, ползущий между камней и расщелин. Он выжимал слезы из глаз, оглушал уши злобным воем и сносил растерявшихся путников напрямик в пропасть. Поэтому, хоть по расчетам дяди времени на переход должно было хватить с запасом, тянуть с отправлением не стоило.

Так же думали и другие торговцы, собравшиеся в Пхувере в числе не меньше полусотни. Несмотря на ранний час, рынок уже парил от их дыхания, как поверхность закипающей воды. В белых лучах солнца блестели колеса повозок, щедро смазанные салом; рядом поедали сено черные яки, с золочеными кольцами в ноздрях, кисточками из крашеной шерсти в ушах и узорчатыми двойными покрывалами на спинах, — наш дзо по сравнению с ними выглядел как простолюдин рядом с нарядными оми. Некоторые из торговцев уже выставили добро на продажу: кто попросту на земле, постелив полосатые полотенца поверх замерзшей грязи, кто на невысоких деревянных столиках и плоских сундуках. Конечно, самое лучшее всегда приберегалось для столицы, но у меня все равно перехватило дыхание

от восторга. Еще бы! Здесь были удивительные шутки, например, раковины из далеких морей, хрупкие, будто цветы, но ревушие почище снежных львов; слепые рыбы, которых ловят в пещерных озерах, а потом сушат под железными грузами, доводя до толщины бумажного листа; серебряные колокольчики Палден Лхамо, украшенные кисточками белой шерсти; шелковые платки, которые можно было протянуть сквозь игольное ушко; приоткрытые мешочки с шафраном и перцем, заставляющие прохожих чихать... Да и сами торговцы впечатляли не меньше! Были они всех мастей: черные, рыжие, пятнистые, с шерстью, натертой пахучими маслами, с пластинами янтаря и нитями бирюзы в гривах и ушами, оттянутыми до самых плеч рядами серебряных серег. Над их сморщенными лбами и насупленными в раздумье бровями нависали чудные шапки: одни походили на дохлых кротов, другие — на пышные хлебцы, а третьи — на рогатые полумесяцы или волнистые гребни петухов. А наряды! Наряды были таких цветов, которым я и названия не знал. Даже речь торговцев звучала непривычно: кто-то картавил, кто-то бормотал, кто-то так сильно присвистывал и придыхал, что я и половины слов разобрать не мог.

А вот дядя чувствовал себя как дома. Он сразу нашел в толпе кого-то знакомого, тот указал ему на второго, второй — на третьего... Вскоре Мардо уже трещал без умолку, утробно хохотал, размахивал лапами и поспешно перебежал с места на место, а мне оставалось только плестись следом и стараться не потеряться в мельтешении лап, хвостов и подолов. И хотя дядина болтовня казалось мне совершенно бесполезной, не прошло и часа, как мы уже стояли перед караваном торговцев, которые послезавтра отправлялись из Пхувера и могли взять с собой еще одну повозку. За главную у них была старуха лет тридцати пяти, толстая и крепкая, как бочка из дерева сал[20]; она не спеша подошла к Мардо, переваливаясь на кривых лапах. Роскошный парчовый наряд почти трещал на ее могучем теле, а коралловые ожерелья, в которых каждая бусина была размером с голову зайца, могли бы запросто сломать шею послабее. На буро-рыжей морде проступали уродливые шрамы — след от нападения зверя или разбойника. Как я узнал потом, старуху звали Чунгчунг Домо, Маленькая Медведица.

— Твой сын? — небрежно спросила она, кивнув в мою сторону.

— Племянник, — ответил Мардо, и я с удивлением заметил, что он робеет — даже хвост поджал. — Везу вот в город продавать.

— А-а. Я продала в том году внука в гомпу на юге. Говорит, живется у шенпо неплохо, только читать приходится много... Твой-то умеет читать?

— Нет, госпожа. Но, может, его кто в дом слугой возьмет — все лучше, чем в нашей глуши киснуть. Потому и едем.

— В одиночку до столицы добираться рискованно, — как бы невзначай отметила женщина; ее желтые глаза хитро сверкнули. — В горах много опасностей, а в долинах — еще больше. Нищих развелось в последние годы... того и гляди, словишь стрелу в глаз за кусок лепешки.

— Потому я и надеюсь, что мы сможем к вам присоединиться, — пробормотал дядя и торопливо извлек из-за пазухи мешочек с монетами. — Вот, тут один танкга золотом и пять медяков...

— Погоди-ка, — остановила его торговка. — Эй, Зово! Зово! Я знаю, что ты тут ошиваешься! Поди сюда, дело есть!

В ответ на ее громогласный рык из-за повозок вынырнул мелкий, вертлявый тип с нечесаной серой гривой. Выглядел он не молодым и не старым, но каким-то больным и

жалким: вспученные шаровары лоснились от грязи, подола подбитого мехом халата так изорвались, будто их кто-то упорно грыз, а нестриженные когти на лапах чуть ли не завивались, как усики мышинного гороха. Зато на плече у него болтался воистину примечательный и, кажется, дорогой короб со множеством ящичков из черепашьего панциря и металлическим ручками-кольцами, звенящими при каждом движении. Сказать по чести, предмет этот подходил своему владельцу как рыбе — седло.

— Чего желаете, госпожа Домо?

— Спроси у узлов, благоприятно ли нам взять с собой этих двух, — велела старуха, ткнув в меня с дядей коротким пухлым пальцем. Зово кивнул, оглядел нас сквозь мясистые, воспаленные до красноты веки, спустил короб с хилых плеч и, бормоча под нос молитвы, запустил левую лапу в один из ящичков. Я надеялся, что он извлечет оттуда нечто удивительное — живого скорпиона, чашу из черепа с залитыми серебром глазницами или лиловую печень ирбиса, но в вытащенном наружу кулаке оказались только три пары шнурков разной длины. Не прекращая глухое бормотание, Зово связал их узелками по двое и швырнул на землю; затем осмотрел получившиеся узоры и так, и эдак, шуря глаза, как разбуженная посреди дня сова, и наконец изрек:

— Благоприятно.

— Так-то лучше, — кивнула женщина и тут же выхватила мешочек с монетами из лап дяди. — Место для вас найдется; припасов для перехода тоже достаточно. Но вот племяннику своему лучше купи сапоги, а то отморозит себе все лапы на перевале. Никому не нужен слуга без лап.

— Благодарю за совет, госпожа Домо.

— Ну, тогда ждем вас послезавтра на рассвете. Мое слово крепко, как железная цепь Шиндже...

— Мое слово непоколебимо, как трон Чойгьяла[21], — продолжил Мардо, скрепляя сделку. Еще с час мы блуждали по рынку, пока не нашли подходящие сапоги из валяной овечьей шерсти — и для меня, и для дяди. Раньше я никогда не носил обувь, только обматывал лапы ветошью в самые суровые дни зимы, но госпожа Домо была, конечно, права — в горах защита нужна не только от холода, но и от острых кусков льда и камня. Мне пришлось по душе мои обновки; я даже немного обиделся, когда понял, что Мардо наверняка заберет их домой и отдаст младшим братьям. Хотя и правда, зачем добру пропадать?

Вечером дядя опять пьянствовал с хозяином дома, так что на следующий день у него болела голова и настроение было хуже некуда. В угрюмом молчании Мардо перепроверял, хорошо ли уложен товар, не намокло ли мясо, не продырявлены ли горшки, туго ли держат ремни и крепки ли колеса повозки; ну а я осмотрел пока дзо — здоров ли? Нет ли трещин на копытах или гноя в глазах? Может, читать я и не был обучен, зато со зверьем всегда ладил хорошо. По счастью, дзо был вполне доволен жизнью; слизнув красным язычком любимое лакомство — кусочек подсоленной лепешки, он ткнулся в меня мохнатой мордой и благодарно хрюкнул.

В час Петуха, когда закат еще освещает облака, но воздух уже прохладен и темен, мы с дядей отправились в святилище садага, хозяина здешней долины, — того самого, который встречал гостей на дороге в деревню. Святилище мало чем отличалась от прочих домов Пхувера, разве только на створках двери были нарисованы выпученные лягушачьи глаза и

оскаленная пасть, да еще перед порогом торчали яркые — толстые, высокие столбы с выцветшими дарчо наверху, шумно хлопавшими на ветру. Всюду виднелись следы обветшания и заброшенности: пятна и трещины на стенах, пыль и сор на полу, нежные ростки травы на крыше. Внутри, кажется, никого не было, хотя перед статуей божества чадило несколько плошек с жиром и были разложены скромные подношения. Дядя велел мне читать молитвы — любые, какие вспомню, — а сам сложил на плоском камне, черном от многолетней копоти, небольшое гнездо из можжевельника, поместил в него кусок масла и похожий на яйцо желтоватый торма, а затем достал из сумки маленький пузырек с собранной утром овечьей кровью и пролил несколько капель на тесто. Ученым шенпо такое самоуправство вряд ли понравилось бы, но народ попроще был убежден, что жертву кровью не испортишь.

Когда подпаленное приношение задымилось, дядя распростерся перед алтарем, моля об удачном пути, заступничестве, хорошей прибыли в столице и обо всем том, о чем обычно просят торговцы. Я тоже растянулся на полу, но в голову ничего путного не приходило. Темнота в святилище была теплой и успокаивающей, непохожей на глубокую тьму неба, как чашка с водой не похожа на бездонный колодец; в нее хотелось завернуться с головою, как в одеяло, и сладко уснуть. Но снаружи угрожающе шумели дарчо, а в треснувших стенах свистели сквозняки, наполняя сердце свербящей тревогой. Казалось, что мы только на время спрятались внутри этого святилища, как мыши в тесной норе, а снаружи нас уже поджидает ночь и ее совы.

Впрочем, все это мне только казалось.

Перед тем как вывести дзо за ворота, мы отстегали его по бокам дымящимися пучками можжевельника и подбросили в воздух немного цампы. Хозяин дома, вставший с постели, чтобы проводить нас, и теперь ежившийся от недосыпа, пожелал нам удачи, крепко обнялся с дядей и отворил засов. Повозка, поскрипывая, выехала за ворота; наш путь к столице продолжался.

Было очень рано и очень холодно; я заполз под большую шубу из грубо сшитых заячьих шкур, которую Мардо взял с собой из дома, и смотрел оттуда на быстро бегущие облака. Подбрюшья у них были розовыми, а спины — бело-серыми, в спиральных завитках, совсем как у ягнят; высоко в северной части неба висела светлая маленькая луна. В деревне было тихо — и жители, и скотина, и даже беспокойные птицы на крышах спали крепким сном. Еще не варилась часуйма в медных и глиняных котелках, не прочел первую утреннюю молитву шенпо, и на рынке не слышно было разноголосого гвалта торговцев, но караван Маленькой Медведицы уже ждал нас. Тяжело, с присвистом дышали яки, протыкая рогами прозрачный воздух; блеяли ездовые бараны. Одеяла, хворост, съестные припасы и прочий скарб были убраны на две повозки; ценные грузы большинство торговцев взвалило себе на плечи или на спины выючных животных. Пахло дымом и благовониями — видимо, все необходимые очищения уже были совершены, а молитвы — прочитаны, и караван был готов к отправлению.

И точно! Увидев нас, Маленькая Медведица тотчас взгромоздилась на крепкого рыжего барана и подала знак к отходу. Дяде она вела пристроить нашу телегу в середине каравана; так мы и сделали. Все двигались в молчании — да и не поговоришь особо, когда морозный воздух скребет горло, — так что я, свернувшись клубком для сохранения тепла, задремал.

Когда я открыл глаза, Пхувера уже и след простыл. Вокруг нас были старые холмы с

красновато-бурой каменной крошкой на боках и ковром желтой, пересыпанной камнями травы у подножия. В тени еще лежали пятна утреннего инея; берега молочно-голубых ручьев и круглых, как монетки, озер затянуло тонким ледком. Ни стад, ни домов, ни случайного путника, — мир вокруг был дик и пуст, как будто и не было никакой деревни всего в нескольких часах пути отсюда.

Зато дорога и правда была широкой и ровной — повозки катились по ней, как по маслу, — а еще очень скучной. От безделья я принялся разглядывать окружающих. Станным зрелищем были наши сопровождающие — торговцы: замотанные в пестрое тряпье, с широкими проплешинами на плечах и лопатках, натертыми тасканием тюков. Станными были и другие идущие в столицу — например, три женщины с золотой шерстью, назвавшиеся сестрами Сэр; судя по одежде и пятнам хны над бровями, они явились из южной страны. Но самым странным из всех был, конечно, Зово, гадатель на узелках. Я и не думал, что он увяжется следом за караваном из Пхувера, а вот гляди-ка! Зово шел совсем неподалеку, сгибаясь под грузом драгоценного короба; к полудню его тонкие ноги почти заплелись узлом. В конце концов мне стало жаль его.

— Дядя, — шепнул я, боясь потревожить окружающую тишину. — Может, разрешим этому... который гадатель... поехать на нашей повозке? Или хотя бы короб поставить?

Клянусь, Мардо чуть не поперхнулся! Выпучив глаза не хуже пхуверского лягушкоподобного садага, он сквозь зубы зашипел на меня:

— Сдурел, что ли? Это же бывший шен Железного господина! Мало ли, какие дре у него в этой коробке запрятаны... и вообще, не пялься на него, а то еще проклянет, облысеешь весь и пузырями покроешься — как я тебя потом продавать буду?!

Увещевания дяди не особо-то подействовали: пусть я и струхнул немного и забился поглубже под шубу, но теперь уже следил за Зово с тройным усердием. Теперь-то я знаю, что дядя сразу же разгадал прошлое нашего попутчика по истершейся багровой ленте, какую имеют право нашивать на чуба только посвященные Железному господину. Но мне-ребенку невдомек было, что такого страшного в этом слабом, рано поседевшем мужчине с тяжелым коробом за спиной. Разумеется, Зово заметил мои любопытные взгляды — и хитро подмигнул в ответ. Я икнул от страха и теперь уже целиком скрылся под шубой, хотя дневное солнце и припекало вовсю.

Вечером, стоило нам остановиться на отдых под боком одной из скал, как дядя тут же бросил меня возиться с дзо, а сам чуть не вприпрыжку побежал к костру, откуда доносились голоса торговцев, галдевших на каком-то птичьем языке «мани[22], мани, мани!» Для этого болтуна целый день в молчании был, наверное, сущей пыткой! А когда Мардо исчез, бывший шен сам подошел ко мне.

— Как тебя зовут, малыш? — спросил Зово вполне дружелюбно, но я чуть шаровары не обмочил от страха — в голове сразу же пронеслись все рассказы о том, что колдуны могут учинить, узнав чье-нибудь имя. И хотя как раз для таких случаев и были придуманы тайные и явные имена, даже прозвищем рисковать я не собирался. — Ладно, не хочешь — не говори. Буду звать тебя «момо» — ты такой круглый, так бы и съел!

Вообще-то мне следовало бы испугаться угрозы быть съеденным заживо, но вместо этого я ужасно обиделся.

— Я Ринум, понятно? — будто само собой вырвалось изо рта.

— Понятно, — рассмеялся хитрец. — Да ты не бойся. Не скажу, что опасения твоего дядя напрасны, но тебе я совсем не желаю зла. Правда.

Он как-то странно посмотрел на меня, не поворачивая морды, а только скосив глаза — водянистые и серые, под стать его шкуре. Вообще, этот Зово весь был как хатаг, слишком долго повисевший под солнцем и дождем, — ни одного живого, яркого цвета не осталось на его теле, только тусклые пятна и потеки.

— А ты правда шен Эрлика?

— Уже нет. Но раньше был.

— Значит, ты умеешь колдовать? — спросил я, преисполнившись любопытства. Странствующие шенпо, изредка навещавшие нашу долину, не были искушены в колдовстве. Конечно, они могли рассчитать благоприятный день для того или иного события, прочесть заклинание очищения над водой, зерном или новорожденными ягнятами и провести умиротворяющие или приумножающие пуджи[23], но вряд ли кому-то из них под силу было выдыхать пламя, летать по небу или обратить врага в пыль одним взглядом. А слуги Эрлика, говорят, могли все это — и даже больше.

— Да уж. Умею.

Тяжко вздохнув, Зово опустился на плоский, в бурых прожилках валун и размял затекшую шею. Красноватые отблески огня дрожащими мухами облепили его левое плечо, а за правым виднелись скалы и дорога, уходящая в ночь.

— И что ты умеешь? — осмелев, я тоже присел на камень — правда, на приличном расстоянии от бывшего шена.

— Много чего. Умею лечить и насылать болезни, красть чужое Ла[24], усмирять всяческих дре и лха... Хотя в этом искусстве сейчас нет никакого толку: всех чудищ убили еще до моего рождения, разве что пара Лу еще прячется под водой или в подземных пещерах — но что с них взять, кроме горстки чешуи? Да и демонов с богами почти не осталось.

— Как это? — возмутился я. — А кому же мы тогда торма жжем и масло подносим?

— Богу бессмысленного расточительства еды, видимо, — пожал плечами Зово. — Могли бы и сами съесть — толку больше было бы.

— А Железного господина что, тоже нет? — решил я подловить лгуна на слове. — Кому же ты служил тогда?

— О! Он есть — но ему не нужны ваши дары.

— И ты видел его? Эрлика?

— Видел, — пробормотал Зово, вдруг помрачнев. — Еще как видел.

— А правда, что у него шуба из семи медвежьих шкур, а вместо постели — семь чёрных бобров? А как они не разбегаются? А на бобрах спать не скользко? А какие боги вообще?

— Насчет бобров не знаю. Ну а боги... они как молнии посреди грозы. Когда появляются, мир наполняется светом; когда исчезают — все погружается в темноту, еще глубже, чем раньше.

— Почему же ты больше не служишь им?

— С молниями связываться опасно, — хмыкнул Зово, почесывая щеку слоющимся когтем. — Того и гляди, хвост подожгут!

— Все-то ты врешь, — уверенно сказал я, складываю короткие лапы на груди — как мне казалось, с большим достоинством. — И колдовать наверняка не умеешь, иначе тебя бы из шенпо не выгнали.

— Меня и не выгнали. Я сам ушел. Теперь вот возвращаюсь в столицу, чтобы навестить старых товарищей... — пробормотал Зово и вдруг поднял с земли булыжник размером с голубя-сизаря. — Потрогай-ка.

Чувствуя подвох, я подался вперед и осторожно прикоснулся к камню — на ощупь тот был самым обыкновенным, холодным и чуточку шершавым. Небесным огнем меня не убило, сквозь землю я тоже не провалился, да и лысеть, вопреки предсказанию дяди, вроде не начал. Но тут Зово ухмыльнулся, сжал кулак — и бульжник рассыпался песком в его костлявых пальцах!

— Ух! А как это?..

— Ну так колдовство! — ответил он, отирая лапы о подол, который, впрочем, грязнее стать уже не мог. — Хочешь сам попробовать?

— А я смогу?

— Не попробуешь — не узнаешь. Для начала выбери себе камень... Да, этот подойдет. Теперь представь, что твоя лапа наполняется огромной силой — она ощущается сначала как тепло, потом — как жар и нарастающая тяжесть, будто в кости заливают расплавленный металл. Тяжесть становится такой непомерной, что выворачивает плечо, почти пригибает к земле. Представь, как придавливаешь этим огромным весом маленький, жалкий камень — и он рассыпается безо всяких усилий, точно горстка муки... Ну, давай!

Я изо всей силы сжал пальцы, но они обхватили твердое, почти нерушимое вещество — никак не муку. Зово довольно рассмеялся, хлопнув себя по ляжке.

— Значит, не быть тебе колдуном. Что ж, есть дела и получше! Будешь чистить блюда в доме какого-нибудь купца или стирать шаровары для оми.

Если честно, такая судьба была совсем неплохой для проданного в услужение сына самадрогии, но насмешка, сквозившая в голосе бывшего шена, разозлила меня. Я нахмурился и собирался уже распрощаться с ним — как вдруг Зово примирительно поднял лапы.

— Извини меня, господин Ринум. Мой язык в детстве украли змея, а взамен оставила свое глупое жало. По правде, я хотел поблагодарить тебя. Сегодня ты проявил милосердие — пусть твой дядя и не пустил меня на повозку, в этом не было твоей вины. Тот, кто редко видит добро, умеет ценить его... Поэтому я расскажу тебе кое-что, открывшееся мне во время гадания на узелках. Есть три вещи, которые определяют твою судьбу: белая сова, черный бык и красный узел. Не знаю, добро они тебе сулят или зло, но, когда столкнешься с ними, будь начеку.

— Ээ, — только и смог ответить я. Но Зово, кажется, и не ждал ответа — он тут же поднялся с насиженного места и, рассеянно почесывая шею, направился к костру. И завтра, и послезавтра, и до самого конца пути он держался поодаль и больше не заговаривал со мной.

Через неделю пути впереди показались вершины Мувера. Снег на их боках сверкал, будто отполированные металлические зеркала — золотые по утрам, медные — вечерами и серебряные — при луне. Мне и подумать страшно было, что нам предстоит перебраться через эту стену льда и камня, подняться выше клубящихся облаков — и спуститься вниз, но Маленькая Медведица только ухмылялась, искоса поглядывая на могучие горы, и караван неотступно продвигался вперед.

Взрослые, направлявшиеся вместе с нами в Бьяру, хорошо ко мне относились: угощали сушеным мясом, чура и другими лакомствами, трепали за гриву и охотно рассказывали о диковинных местах, в которых им довелось побывать, и приключениях, которые довелось пережить. Так я узнал, что толстый увалень Наммукмук был когда-то учеником лекаря — пока не подсунул надменному, но подслеповатому оми вместо пилюль горсть впавших в

спячку жуков. Больной тут же положил парочку под язык; Наммукмук до сих пор хохотал во все горло, вспоминая, как тот выпучил глаза и завизжал, когда насекомые проснулись от тепла и влаги и полезли прочь из его пасти! А Сота и Тамцен, супружеская чета из Мувера, вообще не были торговцами: они шли в столицу, чтобы совершить десять тысяч простираний на берегах озера Бьяцо и еще, хотя бы издалека, увидеть Перстень, Мизинец и Коготь — три главные святыни Олмо Лунгринг. К тому же я узнал, что Зово был не единственным колдуном среди нас. Три сестры Сэр, Макара, Прию и Кхьюнг, тоже кое-что в этом смыслили! Как-то раз, во время привала, у торговцев никак не получалось развести костер — то ли оборванные с кустов ветки были сыроваты, то ли ветер слишком силен. Сколько бы травы они ни пихали в кладку, огонь только чадил да чихал искрами, но никак не хотел разгораться. Когда все намучились вдоволь, Макара Сэр просто щелкнула пальцами — и жаркое пламя сразу выросло вверх на пять локтей.

Три сестры были очень похожи с виду. Гривы у них были светлого, желтого цвета, а глаза — темные и блестящие. Они носили золотые кольца в ноздрях и ушах, по десятку звенящих браслетов на запястьях, длинные, до колен, рубашки и штаны из ярко окрашенного хлопка — совсем как жители страны за южными горами. Кхьюнг сказала, что раньше они каждое лето возвращались туда, чтобы осенью привезти в наши края сочные плоды, цветы и редкие травы, необходимые для изготовления лекарств. Там же они обучились искусству управления внутренним жаром, туммо, у лесного мудреца, который спал на горячем пепле в обнимку с головешками и избегал воды. Потому сестрам Сэр не нужны были толстые чуба, шапки или сапоги; их лапы всегда были такими горячими, что сжатое в кулаке воробьиное яйцо варилось вкрутую. А еще они никогда не ели пресную пищу или сырые овощи — говорили, что пряности помогают накапливать жар, а водянистые волокна рассеивают его. По вечерам, когда все торговцы усаживались ужинать вокруг костра, они доставали из заплечных сумок глиняные чашки и мешочки с красным и черным перцем, морской солью и шафраном и сыпали в цампу жгучие порошки, пока та не становилась цветом похожа на венчик кхур-мона[25]. Один раз средняя сестра, Прию, как бы невзначай оставила рядом со мной плоску этого пахучего месива... Признаюсь, я не удержался и проглотил из любопытства целую ложку. Эта гадость чуть не разъела мне желудок и горло изнутри, а уж сопли и вовсе потекли из носа рекой! Все смеялись, глядя, как я скребу язык когтями, пока младшая сестра, Макара, не дала мне пососать кусочек жирного масла: оно быстро успокоило жжение.

— Вы оба дураки, — сказала она укоризненно, переводя взгляд с сестры на меня. — Брать чужое нехорошо, Нуму. А ты бы лучше не переводила пряности зря — кто знает, когда мы снова сможем их достать.

Остальные торговцы понимающе вздохнули: в этом году ни у кого не получилось пробраться через Путь Стрелы — единственный проход в горах, который вел из Олмо Лунгринг в южную страну. Он лежал высоко, куда выше, чем След Змея, и пройти по нему можно было только летом и в самом начале осени, пока небо не покрылось сплошными язвами снежных бурь. Но в этом году непогода пришла раньше обычного: градины размером с баранье копыто стегали по спинам путешественников и их верных яков; изморось ледяным мехом оседала на мордах, склеивая ресницы; говорили даже, что капли слюны и мочи замерзали от холода, не долетев до земли. Многие путешественники повернули назад, а те, кто продолжил путь, если и дошли до другой стороны гор, обратно уже не вернулись. Поэтому в этом году у торговцев не было новых диковин из южных земель; пришлось им

переворошить старые запасы, чтобы не ударить в столице в грязь лицом.

— Ну, а может, так даже лучше, — заявила Чунгчунг Домо, помахивая деревянной ложкой размером с мою пригоршню. — Сейчас, я слыхала, за горами настали голодные времена. Несколько лет подряд засухи и неурожаи. А раз так, что же они будут продавать? Да будь перевал открыт, они бы сами к нам понабежали! Зачем нам чужая нищета? Нам и своей хватает. Чегой-то я должна кормить чужие рты, если самой есть нечего?

С этими словами она засунула в пасть добрую пригоршню цампы.

— Верно! Верно говоришь, — поддержал ее паломник — Тамцен и гневно потряс пальцем перед потрескивающим костром. — Южная страна — земля безбожников, не принявших Закона. Вот демоны и разгулялись там, насылая мор и напасти! Жуткие вещи творятся. Я слыхал, что в одной деревне овца окотилась клубком змей, а в другой — корова родила теленка о двух головах и трех задницах!

Пересказывая эти небылицы, Тамцен так горячился, что даже пустил петуха, — и торговцы, веселый народ, усмехнулись в бороды; но тут в дело вступила жена старика, Сота. Оглядев всех исподлобья, она злобно зашептала:

— Смейтесь-смейтесь! Смейтесь над правдой. А вот еще расскажу вам шутку: в прошлом году в княжестве Мрига в один день все реки покраснели, как кровь, и мертвые рыбы усеяли берег так густо, что волки и стервятники неделю ели падаль — и не могли съесть. А в княжестве Хастин уродился ячмень; как стали его молотить, оказалось, что в колосьях вместо зерен — крылатые черви, жуки да оводы! Только раз ударили цепями — и тут же поднялись гады над снопами огромной тучею, искусали дураков, да и сгнули. Ну как, все еще смешно вам? Помяните мое слово, еще раскаются они, нечистые, еще бросятся к горам, начнут стучать по камням кулаками — откройте, мол! Простите нас, безбожников! Да уж поздно будет! Провалится их царство под землю со всеми городами и деревнями; дре утащат его!

— А если все выйдет наоборот? — поддразнила старуху Прийя Сэр, острая на язык. — И это нам придется бежать отсюда? Кинешься тогда к горам, будешь просить прощения?

— С чего нам-то бежать? — срывающимся голосом воскликнул Тамцен, протягивая к свету костра четки из темно-зеленого нефрита; его супруга согласно закивала. — Пусть в южной стране хоть трава не растет — а за нами приглядывает Железный господин!

— Не больно-то хорошо он приглядывает, — огрызнулась Прийю. Старшая из сестер, Кхьюнг, тут же положила ей лапу на локоть, заставляя замолчать. И вовремя! После такого святотатства не то, что паломники, — даже торговцы недовольно заворчали; но я заметил, как среди перекосившихся от гнева морд мелькнула одна улыбка — это Зово смотрел на женщин. Дольше всего его взгляд задержался на дешевой подвеске, висевшей на шее Кхьюнг, — половинке раковины-гребешка с незнакомым мне символом, вроде круга с тремя загогулинами внутри.

Когда ужин был закончен и все разошлись спать, я пробрался к трем сестрам. Они, как всегда, расположились далеко от костра; от их тел подымалось тепло, заставлявшее воздух дрожать. Я лег рядом с Кхьюнг и коснулся ее светлой, как солнце, гривы.

— Кхьюнг, — позвал я тихо. Она повернула голову и посмотрела на меня сквозь сонно опущенные веки. — Что это за знак у тебя на шее?

— Это напоминание.

— О чем?

— О том, что мы заперты здесь, в этом круге.

— А что это за круг? Горы?

— Нет, весь мир. Даже не так... круг — это мы. Мир — это мы.

— Я не понимаю.

— Тебе и не надо, — пробормотала Кхьюнг, подавляя зевок. — Иди-ка лучше спать.

— Зово рассматривал эту штуку.

— Мм.

— А еще он показывал мне, как колдовать.

— И что он тебе показал?.. — спросила женщина, внезапно садясь на своей подстилке.

От нее волнами катился жар, будто ощупывая меня. Две другие сестры тоже заворочались в темноте — наверное, прислушивались к разговору.

— Он показал мне, как раздавить камень... Но у меня не получилось. Я старался представить силу, о которой он говорил, правда старался, но вообще ничего не почувствовал. Наверное, моя судьба — чистить горшки и штопать шаровары.

— Это хорошо, — не заметила моей печали Кхьюнг. — Лучше не связывайся с колдовством.

— Но вы же тоже колдуете?

— Наше искусство совсем другое, — она покачала головой и, будто в раздумье, взяла в левую лапу округлый камень. — Шены Железного господина — как вороны, решившие украсть плодов с дерева. Они спускаются тучей, срывают листву, ломают ветки — и, взяв свое, оставляют дерево чахнуть. Мы же — вроде садовников, которые ухаживают за тем деревом, дают ему воду и свет до тех пор, пока плоды не созреют и сами не упадут на землю. Взять, к примеру, этот камень — положим, мы хотим, чтобы он рассыпался. Шены просто раздавят его. А мы спрашиваем, есть ли в природе камня то, что может помочь нам? Камень — это скрученная узлом сила земли, так же как зерна — это узлы силы растений. Поэтому камень можно назвать зерном земли.

Она повела правой лапой — мягко, будто гладила живое существо.

— В каждом зерне есть способность стать мукой. И если ее раскрыть, если немного ослабить узел... — Кхьюнг повторила свой жест — и камень вдруг разбух, точно напитавшаяся воды губка, а потом рассыпался облачком темно-серой пыли.

— А как по мне, все едино, — вдруг заявила Прийю, сверкнув из темноты зрачками. — Просто шены идут напролом, пока мы ищем обходные пути. Это потому, что они сильные, а мы — слабые.

— Может быть, это и не плохо, — раздался в ответ глухой голос Макары. — Мы, слабые, ступаем легко, — и когда уйдем, наши следы сотрет первый же ветер. Мы не причиняем вреда. А за шенами еще не один век будет гореть земля.

— Да и пусть горит. Кхьюнг вон говорит, что мира нет — зачем же нам печься о нем? Да, Кхьюнг?

— Давайте оставим этот разговор, сестры, — он никуда не приведет нас. Так или иначе, — заключила Кхьюнг, просыпая каменную муку сквозь пальцы. — Лучше бы тебе не связываться с колдовством, Нуму.

На одиннадцатый день по выходе из Пхувера, ровно в полдень, мы достигли подножия гор. Рыхлые холмы вдруг расступились, открывая взгляду серое, бесплодное пространство; из редкой травы не подымалось ни куста, ни дерева — только ряд чортенов[26], грязно-желтых,

как старые кости. Маленькая Медведица остановила караван, чтобы умиловать этих низкорослых стражей подношением дарчо и цампы; но ветер не подхватил муки, не коснулся пестрой ткани — и мы продолжили путь с тяжелыми сердцами.

Поначалу тропой каравану служило русло обмелевшей реки. Подъем был крутым: шедшие пешком торговцы вздыхали под тяжестью своих мешков; наша повозка скрипела и отчаянно тряслась. Скоро похолодало; воздух стал пресным, как сваренная без мяса похлебка, спины валунов обросли снежным мхом, и даже соленые горные озера превратились в плоски молочного льда. Яки останавливались и с наслаждением облизывали гальку на их берегах; из-под теплых языков проступали извилистые строки высеченных давным-давно молитв.

А потом дорога и вовсе стала неразличимой, как волосок на плече великана. Путешествуй мы с дядей вдвоем, без присмотра госпожи Домо, стинули бы, пожалуй, в этих диких землях. Я помню, как в один из вечеров, до наступления темноты, наш караван остановился на маленьком уступе у бока безымянной горы. У самого края была сложена большая, в дюжину локтей, груда из камня и кости — лацас[27]; мать рассказывала мне, что такие устраивали рогпа в Северных Горах. Здесь лежали вперемешку черепа баранов и дронгов, сайгаков и оронго, рысей и лисиц, и кто знает, кого еще, расписанные выцветшими красками, обвитые мохнатой пряжей, рогатые и зубастые, гладкие и еще сохранившие остатки кожи и мяса; из их глазниц тянулись связки хлопающих на ветру дарчо. Придерживаясь лапой за одну из веревок, — она трепыхалась и рвалась из пальцев, как живая, — я подошел к краю уступа и глянул вперед. Сколько всего было видно отсюда! И вздыбленный хребет Мувера, и гряду низких красных скал, и даже укрытые мглою долины, откуда мы вышли несколько недель назад. Облака бурным потоком текли вниз; над ними, втянув лысые шеи в плечи, кружили грифы — кумаи; а над головой, выше облаков, и птиц, и гор, горели белые звезды. Мне стало страшно и радостно; тело дрожало, как будто я сам был всего лишь куском тонкой ткани, и ветер трепал меня, выворачивая наизнанку. Но дрожь восторга быстро сменилась ознобом, голова закружилась, живот скрутило, и я на полусогнутых лапах отполз поближе к костру, к крикам торговцев и привычным запахам грязной шерсти и пригоревшей еды. Нет, горы были совсем не по мне.

В то утро, когда мы встали на След Змея, я с трудом разлепил заспанные глаза и не увидел мира вокруг. Повсюду колыхался сизый и бледно-золотой туман — это туча напозла в ночи на землю и укрыла нас своими влажными, мягкими клубами. Когда она наконец двинулась прочь, стало видно, что вершины Мувера будто охвачены красно-оранжевым огнем — верная примета близкой непогоды. Хотя небо пока было ясным, Маленькая Медведица, угрюмо почесав грудь и подбородок, велела всем обвязать вокруг пояса длинную веревку, чтобы не потеряться в случае метели, а еще пожечь можжевельника и закопать в снегу кувшин, наполненный маслом, чангом и благовониями, для умиротворения духов перевала. Торговцы, испуганно бормоча молитвы, тут же принялись за дело.

— Почему ты не поможешь нам? — спросил один из них у Зово. — Ты ведь знаешь, как это делается, лучше нас!

— Если буре суждено прийти, она придет; и если нам не суждено умереть, то мы ее как-нибудь переживем, — ответил тот, без особого интереса покусывая обломившийся коготь, и торговец не стал спорить.

В час Змеи мы вошли в длинный извилистый проход между горами-близнецами. Цоцог, Старший брат, одетый в чистый бирюзовый лед, высился справа, а Огма, Младшая сестра, с

распущенными белыми косами, — слева от нас. Было очень тихо; только снег скрипел под лапами и колесами да хрюкали усталые яки. В полдень мы остановились, чтобы дать короткий отдых себе и животным, но не стали разводить огня — просто пожевали сушеного мяса и отправились дальше. К часу Барана мы миновали почти две трети пути.

В час Обезьяны пришла буря.

Клубящаяся темнота поднялась с запада и в мгновение ока заполнила все небо. Черные тучи расползлись между гор, закручиваясь на ветру, как длинные шеи чудовищ; из их широко раззявленных пастей валил снег. Он был таким густым, что скоро не видно стало даже спину идущего впереди. Колеса увязали все глубже в растущих сугробах; Мардо пришлось соскочить на землю, чтобы подтолкнуть повозку сзади. Ему на помощь пришли Наммукмук и еще один пхуверский торговец, с которым дядя успел завести дружбу, а я остался сверху, править дзо. Хоть медленно, но мы все же продвигались вперед.

Вдруг сквозь завывания ветра донесся истошный крик. Что-то с ужасной силой дернуло за веревку, обвивавшую мой живот; меня сдернуло вниз с повозки и протащило далеко по льду и камням. Потом все прекратилось — так же внезапно, как началось. Я поднялся, стараясь не думать о жгучих ссадинах на шкуре и поврежденных костях, и огляделся: вокруг был только кипящий снежный мрак. Оборванный кусок веревки трепыхался у моего пояса. Слава всем лха, с другой стороны она была цела — значит, дядя найдет меня. Но найдем ли мы караван?.. Не успел я толком испугаться этой мысли, как в темноте раздался новый звук — низкий, глухой рык, от которого мой желудок испуганно сжался внутри тела. Я сощурился, вглядываясь во мглу, и увидел огромную тень. Ее круглые, светящиеся во мгле глаза вращались, выискивая добычу — и наконец нашли. Тень с хрипом втянула воздух и бросилась на меня.

Я пискнул и упал на спину, пытаюсь скрыться с головой в снегу, но тут что-то завопило, загремело сверху. Из клубов бури прямо передо мной выпрыгнула Маленькая Медведица с рогатиной в лапах, которой она ловко ткнула в оскаленную морду неведомого зверя. Еще несколько торговцев, вооруженных заточенными палками, в это время обходили его с боков. Зверь злобно взревел, широко разевая пасть: его толстые губы были черными, небо и язык — кроваво-красными, а белые клыки наверняка раздробили бы мой хребет одним укусом. В один миг он поднялся на задние лапы и рухнул вниз, пытаюсь придавить госпожу Дому своим весом, но предусмотрительно выставленная рогатина с хрустом вошла в его грудь. Зверь отпрыгнул, свирепо огрызаясь, и попытался выкусить торчащий из ребер обломок дерева. Но тут подоспели остальные торговцы — длинные палки воткнулись его в бока, спину, мохнатую шею. Зверь заметался, разбрызгивая горячую кровь, ломая тяжелыми лапами наши самодельные копыя — но со всех сторон его встречали все новые и новые тычки. Когда на белой шкуре уже не осталось живого места от ран, он завалился на бок и затих.

Занятые схваткой, мы не заметили, что буря уже кончилась. Небо очистилось от туч, только редкие снежинки кружили в посветлевшем воздухе, и я смог рассмотреть напавшее на меня существо. Оно было странно похоже на нас — и угрюмой, брыластой мордой, и густой гривой, и загнутым вверх хвостом, — но невероятно огромное, раза в три больше самого крупного мужчины, да еще и с жуткими когтями и клыками в пол-локтя длиной! Правда, на свету заметно стало, как зверь отощал: брюхо почти прилипло к хребту, и ребра частым гребнем выступали из-под обвисшей шкуры.

— Что это? — спросил я Мардо.

— Это — снежный лев, — ответил тот, и я сразу понял, в чем причина удивительного сходства. Не зря ведь говорили, что наш народ произошел от самки этого животного, с которой совокупился спустившийся с небес лха. — Но я никогда не видел таких вживую! Разве снежные львы покидают Северные Горы?.. Как же он оказался в Мувере?

— Должно быть, его выгнал голод, — предположил Наммукмук. — Стада рогпа давно поредели из-за холода — а когда есть нечего, еще и не туда заберешься.

— Убить священное создание — очень неблагоприятно, — покачала головой Маленькая Медведица. — Нам нужен надлежащий обряд погребения — и для зверя, и для бедняги Ценцума, которого он загрыз... не тащить же его с собой в Бьяру. Пока что придется сделать привал — нельзя переходить горы, не очистившись от такого греха.

Все согласились, тем более что бледно-желтый закат над горами обещал нам ясную и бесснежную ночь. Проведенное Зово гадание джутиг[28] показало, что духам угодно будет сожжение тел. На погребальный костер ушли почти все запасы хвороста и горного масла, припасенные торговцами на дорогу, так что остаток пути нам пришлось бы разводиться огонь на ячьем навозе, но никто не жаловался. Сота и Тамцен, как принявшие некоторые из обетов шенпо, очистили место можжевелевым дымом, начитали над Ценцумом и зверем молитвы и вознесли девять видов даров пламени, лха и дре, и Железному господину.

— О Ценцум, сын благородной семьи... и ты, зверь Северных Гор, наш праотец, — пробормотала Сота, пока ее супруг высекал на хворост первые рыжие искры; ее глаза были закрыты, а тело медленно покачивалось назад и вперед. — Тот, кого называют Эрлик Чойгьял, воссияет перед вами: у него три головы, две лапы, растущие от плеч, и две — от бедер, широко распростерты; правый лик его бел, левый черен, а лик посередине — красного цвета; его тело сверкает, как если бы оно было из света, девять глаз его смотрят гневно и пристально, его брови подобны вспышкам молнии, его зубы блестят как железо. Сверкая, разлетаются его волосы, его головы увенчаны высохшими черепами, солнцем и луной, его тело — в гирляндах из извивающихся змей и свежих черепов; он держит булаву из скелета в правой лапе, аркан — в левой лапе, у его пояса подвешены зеркало судеб и четки из синего железа. Его тело обнимает его супруга Палдэн Лхамо, обвивает его шею правой лапой, а левой лапой подносит к его рту череп, полный крови; он издает лязгающие громкие звуки и рев, подобный грому. Не бойтесь его, не устрашитесь, не приходите в смущение. Поистине, он — Железный господин, справедливый владыка, действующий во благо всем живущим, поэтому не устрашитесь.

Костер разгорелся, и пламя поднялось высоко, озаряя лица гор-близнецов. На следующее утро мы оставили их позади.

После перевала Мувер быстро пошел на убыль. Уже на третий день караван спустился ниже облаков. То тут, то там стали попадаться зеленые пятна мха на валунах, украшенные дарчо деревья и чортены с подновленной, яркой позолотой. Через неделю мы оказались у большой деревни с другой стороны гор, откуда оставался месяц пути до Бьяру.

[1] Мева — характеристика года, указывающая, в т. ч., на то, какой класс существ связан с родившимися в это время.

[2] Полукочевники, занимают промежуточное положение между кочевниками (рогпа) и земледельцами (шингпа).

[3] Олмо Лунгринг, Олмолинг — в традиции Бон, легендарное священное царство, скрытое от внешнего мира.

[4] Тиб. вариант имени Экаджати («Единственный локон»), Синей Тары, одной из

драгшед.

[5] Драгшед (санскр. — «Дхармапала») — «ужасные»; божества — защитники учения.

[6] Бар — жилище кочевников.

[7] Часуйма — чай с солью и маслом из молока яка.

[8] Цампа — ячменная мука.

[9] Чанг — алкогольный напиток на основе ферментированного зерна.

[10] Шен, шенпо — жрец.

[11] Оронго, или чиру, — тибетская антилопа.

[12] Букв. — «кулак». Вообще, такой вид узлов называется «обезьяний кулак».

[13] Тибетский бог богатства, чей культ был впоследствии замещен культом инд.

Куберы — Вайшравана.

[14] Четыре богини (дакини) времени года: Васанта Раджини (весна), Варша Раджини (лето), Шарад Раджини (осень), Хеманта Раджини (зима).

[15] Торма — подношения божествам из масла, муки и т. д.; бывают разных цветов и форм.

[16] Чакмак (мечак, чукмук) — кожаная сумочка с металлической бляхой-ударником; внутри хранится трут и кремь. Все вместе используется для розжига костра и как украшение в Тибете и Монголии.

[17] Момо — блюдо вроде пельменей с разной начинкой.

[18] Дарчо — молитвенные флаги. Зд. — используется в значении флагов вообще, как больших (дарчен), так и малых (дардинг).

[19] Тханка — религиозные изображения.

[20] Сал, или шорея исполинская (*Shorea robusta*), — вид деревьев, растущий к югу от Гималаев. Древесина смолистая и прочная.

[21] Шиндже Чойгьял (санскр. Дхармараджа) — Владыка Смерти, Хозяин Закона.

[22] Мани (санскр.) — драгоценный камень.

[23] Пуджа — подношение даров богам.

[24] Жизненная сила.

[25] Кхур-мон — одуванчик.

[26] Чортен (тиб.) — ступа.

[27] Лац(тс)ас — пирамиды из камней на перевалах.

[28] Джутиг — гадание на узлах.

Свиток II. Город Птичьих Рогов

С восточной стороны гор и небо, и земля были спокойны. Снег, сухой и мелкий, как горчичные зерна, осыпался на черные спины яков и пестрые шапки торговцев, на дорогу, такую широкую, что по ней мог проехать с десятков повозок вроде нашей, и на ступенчатые холмы по сторонам. Высокие деревья, названий которых я не знал, тихо потрескивали от холода; под заиндевевшими стволами виднелись следы оленьих копыт. Иногда под низко бегущими тучами, в стороне от пути сверкали красный лак и золото — верный знак того, что мы приблизились к лакхангу[1] какого-нибудь божества.

Шенпо радушно встречали путников, идущих в столицу, — те обычно оставляли щедрое подаяние. Так что стоило госпоже Домо погреметь кольцом, свисающим из медной пасти гаруды или киртимукха[2], как ворота святилищ тут же распахивались. Один за другим торговцы проходили во внутренний двор, почтительно склонив головы, высунув языки и не забывая прикоснуться к молитвенным мельницам — хорло[3], поворачивающимся то резво, то со скрипом. В некоторых лакхангах хорло было больше сотни — маленьких, больших или таких огромных, что крутить их приходилось с помощью приделанных к бокам ручек. Самые древние мельницы были вырезаны из жировика, теплого, как живое тело; один послушник рассказал мне, что в старину для их изготовления использовались самородки, не имеющие изъянов; если же камень был «червив» — то есть с трещинами и щелями, напоминающими укусы птиц и насекомых, — его выбрасывали. Новые хорло, блестящие и холодные, отливались из разных металлов — смотря к какому божеству зывали вырезанные на их боках молитвы. Больше всего было железных.

Шенпо исправно поили нас горячей часуймой и потчевали супом из баранины, но мне все равно не нравилось ночевать в лакхангах, среди расписных столбов и навесов из цветного шелка. Дрожащий полумрак внутри пугал меня, а унылое начитывание молитв и звон колокольчиков, посвященных Палден Лхамо — великой супруге Железного господина, мешали уснуть. От нечего делать я рассматривал тханка, тускло освещенные масляными плоскими. В самом видном месте, над алтарем, всегда висело изображение Эрлика Чойгьяла с бычьей головой и развевающейся гривой, похожей на дым и языки огня; из ее завитков выглядывали два пылающих рога и пять оскалившихся черепов. Темное тело лха, перевитое костяными украшениями, было так огромно, что могучий бык-вахана[4] под его лапами казался не больше ягненка; посреди наморщенного лба вращался третий глаз, неустанно выискивая непокоренных чудищ и демонов, а в кулаках Железный господин сжимал дубину из скелета и аркан с крюком, которым он ловил и вытягивал души живущих. Иногда с ним была и его супруга, Сияющая богиня, — беловолосая, обнаженная, подносящая к губам мужа капалу[5], полную кипящей крови. А кроме этой четы на тханка были и все остальные восемь видов живых существ: небесные лха, наши добрые боги — правда, половины из них я не знал, а вторую половину с трудом отличал друг от друга; живущие в воде и глубоких пещерах Лу, со змеиными хвостами и драгоценными венцами на головах; садаги, хозяйева земли, похожие на пучеглазых лягушек; женщины-мамо, насылающие болезни; черные Дуд, которым принадлежал год моего рождения; ноджины, хранители горных богатств; злобные быки-ньен; цен, рожденные из душ шенпо-отступников; воинственные цари и царицы духов — гьялпо и гьялмо. Вот как много их было! Раньше весь Олмо Лунгринг кишел ими: еще мой прапрадед, говорят, поймал за рога ньена, который повадился воровать в огороде редиску —

нечистое растение, любимое чудищами.

Но духи уже давно не тревожили нас, и расставленные перед тханка дары: драгоценные чаши с чангом, водой и йогуртом, ряды изящно украшенных торма, похожих на сердца, цветочные бутоны и наконечники стрел, — оставались нетронутыми. Может быть, Зово был не так уж неправ... Хотя сам он, не веря в богов, с большой охотой пользовался их гостеприимством. Спрятав слишком приметную одежду под дырявым покрывалом, бывший шен без всяких зазрений совести грел бока у храмовых курильниц, ел за троих предложенную еду и только ухмылялся в ответ на мои осуждающие взгляды.

Чем ближе мы были к столице, тем больше становилось вокруг высоких бьярке и нарядных чортенов, а снега, наоборот, меньше — кое-где даже проглядывала чахлая трава, которую с жадностью поедал отощавший в горах дзо. Множество путешественников, прибывших из других краев, делило с нами дорогу — по большей части, это были паломники и торговцы, но попадались и лекари, и артисты, и просто бродяги без роду и племени. Из-за низких холмов одна за другой выступали богатые и шумные деревни: дома в них были по три, а то и по четыре этажа! Над каждым порогом колыхались навесы из пестрого хлопка, а на плоских крышах и днем и ночью дымились курильницы. Приготовления к Новому году уже шли полным ходом: во дворах мокли в чанах с красителями колосья ячменя — чтобы было чем убрать ларцы с цампой, выставленные на домашних алтарях. Хозяйки в полосатых передниках лепили торма, хозяева — наносили жидким тестом благоприятные знаки на стены и ворота, а их дети украшали линга[б] монетками, бусами и кисточками из ячьей шерсти.

Правда, еще до заката вся жизнь замирала, и скоро я понял, почему. Каждый вечер, в час Снежного льва, с северо-востока — со стороны Бьяру — напал густой туман. Он растекался между домов и по соседним полям, сочился под двери и ставни и нагонял дремоту на всех и каждого. Да и что делать, когда ни зги не видно, как не спать? Так что наш караван тоже останавливался на отдых; тогда я сворачивался клубком на дне в повозке и слушал, как лениво переговариваются торговцы — о том, какую цену поставить за шерсть или ткани, куда пойти в городе поразвлечься и как лучше прокутить навар — потратиться ли на чанг, или женщин, или богатый наряд? — а потом, вдоволь позевав, умолкают.

Это ползучее марево и было первым знаком близости столицы. Вторым была сама дорога, вдруг обросшая камнем, как скорпион — панцирем. Копыта яков и баранов стучали по ней звонко, как по тарелке из меди. Путь стал таким ровным, будто его прочертили на земле при помощи веревок; казалось, холмы и деревья сами расступаются перед нами! Третьим знаком было тепло — снег на земле сначала превратился в прозрачную кашу, а потом и вовсе исчез. Из-под валунов и кочек парило так, будто под ними тлели потайные костры. Один раз даже пошел дождь, отчего шерсть на моей шубе слиплась и начала жутко вонять. Я стащил и ее, и сапоги и высунул язык, ловя быстрые холодные капли. Те пахли железом и оказались солеными на вкус.

Наконец, навстречу нам поднялся дым, выдыхаемый кузницами города. Только завидев его черные нити, Сота и Тамцен с громкими криками упали ничком, прямо в лужи грязи и талой воды. Стоявшие поблизости торговцы зарычали, отряхивая забрызганные подолы и шаровары. Караван не остановился, но набожная чета, совершив десять или сто десять положенных простираний, сама догнала нас.

— Бьяру — великий город, — шептала Сота, утирая слезы уголком рукава. —

Величайший из всех, ибо там, на вершине горы Мизинец, Железный господин спустился на землю вместе со свитой младших богов и всем небесным дворцом! И нигде в этом мире больше не случилось такого чуда, нигде и никогда!

— Ничто не сравнится с оружием Бьяру, — тряся морщинистыми брылами, пропел Тамцен. — Рубящим плоть живых и мертвых! Терзающим лха, пронзающим дре!

— Рожденным от синего неба ночного, — подхватила Сота, вытаскивая из-за пазухи звенящие четки. — Рожденным от пламени белого дордже[7], под молотом черного кузнеца!

Как по мне, смотреть на этих трясущихся, истекающих слюною стариков — то мычащих, то лающих, то пускающихся в нескладный пляс, — было жутковато. Но их возбуждение передалось многим торговцам: даже дядя, не зная слов их странной молитвы, замычал что-то под нос. Сестры Сэр, впрочем, не подпевали; Кхьюнг и Макара хмуро молчали, а Прию бормотала сквозь зубы проклятия.

— Не стоит расстраиваться из-за глупой песни, — круто заломив рога ездового барана, к Прию подъехала сама Маленькая Медведица и покровительственно хлопнула ее по спине; девушка аж пошатнулась. — Это все старые байки. В Бьяру давно не делают оружие — ну, разве что богачам да оми для красоты. С кем нам воевать? Железный господин усмирил демонов и даже непокорных богов. Так разве к нам сунутся какие-то смертные? Верно я говорю, Зово? Ты же жил в столице, должен знать.

— Совершенно верно, госпожа Домо, — сладчайшим голосом отозвался бывший шен. — Самое грозное, что делают сейчас в Бьяру, — это глиняные кувшины.

— О чем я и толкую. У города даже стены толком нет — так, недоразумение! — госпожа Домо повела лапой. — Правда, слыхала я недавно, что вроде собрались что-то строить — но, может, брешут.

Мы увидели Бьяру рано утром, сквозь висящий в воздухе туман. Издалека город походил на груды черных, давно остывших углей, но стоило каравану продвинуться вперед, как все мы, верующие и неверующие, ощутили подлинную силу этого места. Тело будто сдавило внутри огромного кулака — так, что аж кости захрустели; непомерная тяжесть навалилась вдруг на макушку, грудь и плечи. Яки и бараны пошли медленно, с трудом мяся ногами загустевший воздух; я распластался на дне повозки и чуть не расплакался от страха. Дядя Мардо выпучил глаза и вывалил язык от натуги; прочие торговцы были привычнее к здешним чудесам: согнувшись почти до земли под своей поклажей и только изредка покрхтывая, они продолжали идти вперед.

— Ничего, Нуму! Скоро станет легче, — ободрила меня Кхьюнг, хотя ее дыхание и сбивалось, как при сильном зимнем ветре. — Нам нужно только миновать пасть.

— Какую такую пасть?

— Вокруг Бьяру, глубоко зарытые, лежат кости змеи — демоницы, давным-давно побежденной Эрликом; это она защищает столицу от врагов. Те места, где ее хребет разрывается, давая проход путешественникам, называют пастьями Железного господина. Если ты идешь с запада — как мы сейчас, — то пройдешь через Красную пасть. Если идешь с востока, то пройдешь через Белую пасть. На юге тебя ждет Черная пасть, а с севера не подойти — горы там слишком круты. Приглядись, и ты увидишь сам.

Я с трудом поднял голову и взгляделся во мглу. С левой стороны от города туман и правда окрашивался красным — там пылал неугасимый огонь мест кремации Палден Лхамо; справа от Бьяру подымались белые вершины, где шенпо проводили небесное погребение; а

прямо перед столицей лежали голые черные поля. Языки рыхлой земли дотягивались даже сюда, от обилия влаги превращаясь в грязь; по ней лениво разгуливали большие бородатые птицы, время от времени выживая что-то из-под лап — то ли личинок, то ли семена, то ли кости. Их собратья тучей облепили яркье, выстроившиеся вдоль дороги; кажется, птицам нипочем было проклятье, согнувшее шею даже могучим якам! Беспокойно вертя головами, они наблюдали за караваном — может быть, выискивали, чем поживиться? Их зобы трепетали, как кузнечные меха; время от времени они перекрикивались гортанными голосами.

— Мардо, — шепотом спросил я. — Как эти твари называются?

— Это вороны, — ответил дядя, косясь на пернатых наблюдателей. — Смотри, не трогай их! Говорят, если нападут стаей, могут даже быка заклевать. Да и вообще, лучше ничего здесь не трогай — в таком святом месте любой половник может оказаться с подвохом.

Через долгий час мы миновали пару огромных, полувросших в землю чортенов. Хоть те и покосились от старости, в трещинах на камне не росло ни лишайника, ни травы, и даже вездесущие воробьи с вьюрками не устроили гнезд в их полых телах. Должно быть, чортены отмечали ту самую «пасть», о которой толковала Кхьюнг: как только караван оставил их позади, дышать стало легче. И только тогда я понял: мы приблизились к городу достаточно, чтобы разглядеть три главных сокровища Бьяру — Мизинец, Перстень и Коготь.

Мизинцем называлась черная скала, на которую боги когда-то сошли с небес, — отпрыск Северных Гор, подпирающих спину города. Она и правда походила на оттопыренный палец великана, блестящий от слюдяного жира! Из рассказов торговцев я знал, что у подножия Мизинца лежало незамерзающее озеро Бьяцо, невидимое отсюда; его поверхность была гладкой и не имеющей собственного цвета, как лучшее из зеркал. Оттуда брала начало река Ньяханг, протекающая сквозь всю страну и разделяющаяся к югу на тысячи потоков.

Внизу под скалою, у самой кромки воды, стоял Перстень — дзонг[8] Железного господина, закрытый и для мирян, и для служителей других богов. Там обучались шенпо, служившие Эрлику; по слухам, самые главные из них, почжуты[9], имели право подняться во дворец богов.

И его я смог рассмотреть. Чудное это было жилище! Оно не походило ни на обычный дом, ни на лакханг — скорее, на огромный железный крюк, вбитый прямо в скалу; не зря его называли Когтем. Луновидная тень дворца падала так далеко, что в любое время дня скрывала от солнца часть улиц Бьяру; а загнутое вверх острие подымалось над облаками.

— Господин Зово, — заискивающе просипела Сота. — Не могли бы вы растолковать нам, как ше... знаток. Мы слышали, что, если праведник закончит жизнь в озере у подножия Мизинца, его душе позволено будет подняться по волшебной веревке мутаг в Коготь, к богам, и прислуживать потом самому Железному господину. Правда ли это?

Тамцен мелко затряс головой, поддерживая вопрос супруги. Две пары слезящихся старческих глаз с надеждой уставились на бывшего шена.

— Конечно, праведники порадуют сердце Железного господина, если утопят у его порога, — уверил их Зово, высунув нос из-под улиточьей раковины короба. — Не могу обещать, что их пустят драить полы в Когте или убирать навоз за божьей ваханой — это, все-таки, слишком великая честь, сами должны понимать. Но они сослужат Эрлику хорошую службу, это точно.

Хотя путь через горы и занял больше времени, чем рассчитывала госпожа Домо, наш караван все же пришел к Бьяру за неделю до начала новогодних празднеств — и тут же стал таять, как ком влажного снега. Сначала исчез Зово — так незаметно, будто сквозь землю провалился... а может, и правда провалился, кто его знает. Затем Сота и Тамцен скрылись в извилистых улицах на западных окраинах столицы: они вроде бы собирались гостить у дальних родственников. Наконец, с нами попрощались и сестры Сэр. Кхьюнг напоследок подошла ко мне и положила горячие пальцы на затылок.

— Береги себя, Нуму. Может, еще увидимся, — сказала она с улыбкой. Приюю лукаво подмигнула мне, а Макара только нахмурила брови и встряхнула мешок с поклажей, напоминая сестрам, что время дорого.

И все же бо́льшая часть торговцев остановилась под одной крышей, в месте, прозванном Длинным Домом. Это было огромное ветхое здание из темно-коричневого кирпича и рассохшегося дерева, похожее очертаниями на букву «Па». На четырех верхних этажах были комнаты для постояльцев, куда набивалось по десятку голов в каждую. Внизу обустроили стойла для баранов и яков, а еще склады товаров — там, плюясь катышками жевательного корня и поигрывая тяжелыми дубинами, бродили злые на весь свет сторожа с вымоченными в хне хвостами. Еще в Длинном Доме был глубокий подвал, прохладный даже в летние дни; обычно в нем хранили кувшины с ароматными маслами и сладкие плоды из южной страны, но в этом году он пустовал. Ну и самое главное: во внутреннем дворе расположился один из городских рынков, с утра до вечера изрыгавший мутную пену шума и отборнейшей ругани, которой вторили стаи хохочущих воронов.

Мардо тоже решил поселиться в этом дымном и неуютном месте. Мне же лучше спалось внутри нашей повозки, а не на облюбованной блохами подстилке наверху, — тем более что зимы в столице считай, что и не было. Каждый вечер на Бьяру опускался туман, густой и белый, как молоко, и согревающий не хуже ватного одеяла. Сквозь его пелену подслеповато мигали зажженные на крышах курильницы; я смотрел на них, полной грудью вдыхая запахи санга[10] и мокрой шерсти, пока глаза совсем не слипались.

Первую неделю жизни в Бьяру я ни разу не выходил в город: все время с рассвета и до заката мы с дядей проводили на рынке, распродавая привезенное с таким трудом добро. Но и отсюда, из-за кирпичных стен и толстых гаруд на крышах, уже видны были яркие связки дарчо и дым над площадью Тысячи Чортенов, уже слышны были призывы труб и барабанов и радостные крики толпы, собравшейся на праздник. Ну, и на жителей столицы я насмотрелся вдоволь. Несмотря на теплую погоду, все здесь, от мала до велика, разгуливали в сапогах и туфлях и никогда не спускали с плеч рукавов чуба; наоборот, под них еще и рубахи натягивали! Неудивительно, что горожанам то и дело приходилось обмахиваться веерами; у тех, что попроще, они были из ткани, а у богачей — из павлиньих перьев и слоновой кости. А сколько украшений сверкало в гривах, на груди и на лапах! Особенно усердствовали знатные дамы: некоторые волокли на себе такую грудку золотых поясов, амулетниц-гао, фигурок ца-ца, янтарных пластин, кораллов и ожерелий из бусин дзи, что и ходить-то толком не могли.

Понятное дело, такие покупатели не скупались на танкга. Торговля у Мардо шла бойко, и, хотя цены дядя заломил втридорога, вскоре его повозка опустела, а кошелек наполнился. И вот настала пора продавать единственный завалывшийся товар — меня.

В утро накануне новогодних торжеств Мардо одолжил у кого-то ножницы для стрижки яков и отрезал мне вихор со лба. Проплешина, которую безжалостно холодил утренний ветер, была знаком того, что я выставлен на продажу. Мне показалось, что дядя тихо вздохнул, отбрасывая в сторону клок черной шерсти, — может, ему и правда было жаль меня... Да только что с того?

Чтобы не думать о грустном и передохнуть после недели славной работы, решено было пойти гулять. Мне не терпелось посмотреть на чудеса Бьяру, о которых столько твердили на рынке: на торма шириною в три обхвата, высотой в десять локтей, украшенные нежнейшими масляными лотосами, павлинами и драконами, на древние тханка, такие большие, что гривы нарисованных на них божеств цеплялась за крыши лакхангов, а красные от киновари лапы попирали улицы, и, конечно, на кукольные представления, которые устраивались у ворот гомпа на потеху горожанам. К тому же Мардо надорвал спину, толкая повозку во время снежной бури, и хотел посетить столичного лекаря прежде, чем отправится в долгий путь. Наммукмук присоветовал ему услуги своего давнего знакомого, и мы с дядей покинули наконец опостылевший Длинный Дом и отправились на его поиски.

Бьяру и правда поражал. Здесь даже неба было толком не видать — так густо клубился в воздухе благоуханный дым курильниц, так часто висели дарчо, бросающие на морды прохожих пестрые тени: синие, зеленые, огненно-красные. Да и самого народу на улицах толпилось больше, чем рыб в сетях или зерен на ячменном поле; больше, чем мух над с плоскою с медом. Сколько же хлеба и мяса съедалось в столице за день? Сколько шо квасилось? Сколько выпивалось чанга и часуймы? Не иначе как горы, озера и реки. А здешние дома! Все высокие, белые от извести — точно раковины, только что вытащенные из воды; и с каждой крыши пучили глаза диковинные звери, где вырезанные из дерева, где — отлитые из серебра с золотом: рогатые олени, пятнистые барсы, летучие мыши с синим мехом, привлекавшие богатство и долголетие... Еще наряднее были гомпы и лакханги: дневное солнце ярко сверкало на ступенях лестниц, отшлифованных тысячами лап; неумолчно гудели вращающиеся хорло; с перекладин лакированных торанов[11] свисали связки ячьих хвостов и нити позвякивающих драгоценностей, которые ни один вор не осмелился бы сорвать. А в княжеском саду, под щитами из толстого стекла, порхали вьюрки и жаворонки и зеленела листва; пока мы с дядей шли мимо тяжелых дворцовых ворот, я все думал, как чудесно было бы попасть внутрь и самому увидеть, как в середине зимы наливаются соком желтые и пурпурные сливы, как багровеют гранаты и румянится спелый мираболан!

Воистину, дивен был Бьяру! Его портили только угольно-черные вороны, рассевишиеся повсюду и гадящие на головы горожан. К моему удивлению, те не замахивались на пернатых тварей и даже не припечатывали их крепким словцом, а, вжав головы в плечи, быстрее убирались восвояси. Но этой странности, кажется, никто и не замечал. Жизнь шла своим чередом: летели из дверей клубы мохнатой пыли, скопившейся за старый год; в чанах с шипящим маслом жарились пирожки из цампы; на деревянных подносах лепились клёцки с девятью видами начинки. По ним предсказывали будущее — и Мардо, не удержавшись, купил пару. Мне досталась клецка с бумагой — к учебе, а дяде — с навозом, сулящая богатство.

Ну а пока слуги и бедняки занимались приготовлением пищи и уборкой, господа шатались по городу, крича и распевая песни, молясь и чертыхаясь, и снова молясь. Улицы были так забиты, что капли влаги, упав из резных пастей макар на водостоках, не достигали

земли: им преграждали дорогу то шапки, подбитые леопардовым мехом, то зонты из павлиньих перьев, то увешанные колокольчиками и ячьими хвостами посохи шенпо. Последних в Бьяру было особенно много — кажется, они собрались со всей Олмо Лунгринг. Были здесь одетые в желтое, увешанные пластинами золота и янтаря дети Норлха, были поклонники птицеголового Пехара в широкополых шляпах с пучками белых и зеленых перьев, и закованные в медь сыновья Бёгдзе, и дочери Курукуллы[12], полностью обнаженные, с выкрашенной хной шерстью, несущие за спиною луки из сахарного тростника и стрелы, украшенные цветами белого и синего лотоса, ашоки, жасмина и ядовитого борца. Но больше всего было шенов Железного господина и белых женщин Палден Лхамо. И те и другие славились умением колдовать — так что неудивительно, что, как бы тесна ни была улица, как ни густа толпа, никто не смел коснуться даже края их чуба.

— Дядя! А правда, что колдуны сами умеют становиться птицами и врагов могут превратить в зверей? — спросил я, дергая Мардо за рукав.

— А то, — буркнул тот, потирая ноющую поясницу. — Тебя бы вот точно в улитку превратили, бараний ты помет. Пошли быстрее!

Дом лекаря мы нашли на одной из узких боковых улиц, по примете, переданной Наммукумом: над его порогом висела сложная паутина из тонких палочек и цветных нитей — ловушка для неприкаянных духов[13], которые могли помешать исцелению. Дядя осторожно постучал в выкрашенную ярко-синим дверь; потом, не дождавись ответа, толкнул ее. Дверь поддалась, и нас тут же обволокло облаком густой вони. Мне захотелось чихать, пока мозг из ноздрей не ползет, и кашлять, пока легкие не выпадут из пасти, — верный признак того, что лекарь здесь жил умелый.

Сквозь слезы, обильно брызнувшие из глаз, я оглядел нутро дома: там, безусловно, располагалась вотчина Эрлика на земле. Крохотные окна кто-то плотно занавесил красной тканью, так что в комнатах царила зловещая мгла. От пола до потолка вздымались клубы дыма — это тлели, порою вместе с плохо остриженной шерстью, конусы горьких, едких и соленых прижиганий. С закопченных стен свешивались жуткие картины, с дворцами из костей, пучеглазыми черепами и гирляндами блестящих внутренностей, разложенных в разновеликие чаши. Стоны ужаса и страданий подымались откуда-то снизу. Проморгавшись как следует, я различил на полу пару десятков подстилок, на которых безвольно распластались больные. Над ними, точно неумолимые демоны-мучители, суетились старый лекарь и его ученики. Дел у них было много: кого-то требовалось истыкать иглами от макушки до пяток, кого-то — обложить нагретыми на жаровне камнями, кого-то — полить растопленным ячьим маслом. В глубине комнаты, за длинным низким столом, сидели ученики помладше. Склонив угрюмые, заспанные морды и насупив брови, они готовили снадобья: терли в ступках пряности и минералы, рубили серебряными ножами пучки сухих трав и с остервенением месили что-то, похожее на плотное зеленоватое тесто. Я поморщился, представив, какой пирожок получится из такого; вторя моим мыслям, тесто зловеще хлопнуло в бадье.

— Заходите, не стойте на пороге! — неласково крикнул лекарь. — Вижу, помирать вы не собираетесь... Тороло, поди сюда! Займись господином!

Не успел Мардо даже пикнуть, как к нам, взбаламутив дым похожими на крылья рукавами, подлетела ученица из тех, что постарше. У нее были удивительные лапы — то ли тщательно обритые, то ли нарочно обожженные огнем или едкими веществами так, что ни одного волоска не осталось. Зато на голой серо-розовой коже, на пальцах и подушечках

обеих ладоней, были выведены хной какие-то знаки и буквы.

— Здрасьте, га-аспадин! Ты не местный, да? Кажется, с запада... или севера? С северо-запада? А лет тебе... тридцать? — протараторила она, подхватывая дядю под локоть и увлекая его вглубь комнаты. Я же двинулся следом, стараясь не потеряться в густом чаду и не наступить ненароком на кого-нибудь из лечащихся.

— Двадцать восемь, вообще-то, — обиженно пробормотал Мардо, пока его усаживали на лавку для осмотра.

— Мгм, — понимающе кивнула девушка и принялась загибать пальцы, подсчитывая что-то, — видимо, закорючки на лапах помогали ей в этом действе. — Значит, Мева Семерка Красная... Ну что ж, заметно, заметно: пищеварительный огонь что надо! Ел ли ты господин, вчера чеснок или редис? Пил ли чанг?

— Нет, — невиннейше похлопал глазами дядя, хотя я был уверен, что слышал его пьяные песни вчера ночью. Наверняка еще и чесноком закусывал.

— Ну-ну. Давай-ка тогда послушаем твое сердце...

Ученица лекаря сложила щепоткой указательный, средний и безымянный пальцы на правой лапе и приложила ее к левому запястью Мардо; затем повторила то же с левой лапой и правым запястьем; наконец, сложив лапы крест-накрест, коснулась обеих запястий одновременно и долго стояла так, закрыв глаза. Наконец, Тороло выпустила дядю из своей хватки и поцокала языком.

— Что такое? — испуганно прошептал тот.

— Звуки у сердца бывают разные. Один зовется «гордым орлом, парящим в облаках», другой — «змеей, ползущей среди бамбука». Бывает даже «горшок мотука, кипящий на жарком огне». Ну а у тебя, господин, «толстый осел, плетущийся через сумрачный лес». Впрочем, жить будешь. А мочился ли ты сегодня? Нет? Вот и хорошо, сейчас как раз самое время. Чашечку мы дадим. Да ты проходи в уголок, не стесняйтесь.

— Но у меня же всего лишь спина болит! — почти взмолился дядя.

— Это тебе только кажется, — пропела Тороло, ласково улыбаясь. — Больные вообще никогда не понимают, как на самом деле все запущено. Они — как утопающие посреди моря, которые беспокоятся не о том, как выбраться на сушу, а о том, что рыбы слишком больно кусаются за ляжки. Будь остальное тело в порядке, эту спиной можно было бы орехи колоть!

— Это как?

— Неважно. Но можно. Так что... — Тороло выразительно помахала посудинкой из белой глины, кивком головы указывая на ширму в углу. Дядя вздохнул, но покорился. Я решил не смущать его еще больше и остался сидеть на лавке, рассматривая развешанные по стенам рисунки: кроме скелетов, отрубленных конечностей и внутренностей на них оказалось еще и много растений — должно быть, из тех, что добавляют в лекарства. Хоть подписи я прочесть и не мог, но некоторые травы и цветы узнал. Тут были обычные репа и чеснок (тот самый, который не стоило есть Мардо), вьющийся горох и темный трипутник, растущий у берегов медленных рек, лютик с листьями, похожими на лапы лягушки, и лиловый шлемник с листьями-мечами, белые подушечки песчанки, солнечный девясил и кхур-мон, одевающийся в летнюю жару летучим пухом. Но были здесь и штуки, которых я никогда не видел — например, диковинное дерево, увешанное чем-то вроде перевязанных мешков для масла.

— Это го-чжэ. Его плоды наполнены вязким бальзамом, похожим на кровь, —

послышался вдруг голос слева от меня. Оказывается, сам лекарь присел на лавку, чтобы перевести дух; когда я обернулся к нему, старик указал на другой рисунок — растение с крючковидными шипами на стебле, похожими на птичьи когти. — А это — чжунг-дэр, он помогает от ядов и похмелья. Только он не растет в Олмо Лунгринг. Обычно запасы привозили из южной страны, а теперь где его достать? Впрочем, чжунг-дэр можно заменить куркумой или борцом. А вот что перца стало маловато, это жаль: в последнее время много болезней холода, а от них перец всегда был лучшим средством. Ну, хоть старого масла, чтобы лечить безумие, и шо для геморроя у нас достаточно!

Лекарь хлопнул себя по бедрам и рассмеялся, довольный собственной шуткой.

— Только и работы у нас все больше. А ты хорошо разбираешься в растениях, мальчик?

— Ну... Я присматривал за козами и овцами, знаю, что им можно есть, а что нельзя.

— Мм, — невразумительно промычал старик и вдруг схватил меня за голову цепкими пальцами: сначала заглянул в глаза, оттянув веки почти к щекам, потом раздвинул рот и осмотрел зубы, и наконец ощупал череп ото лба до темени. — Очень хорошо. Твой мозг по плотности как творог.

— Сам ты как творог! — огрызнулся я.

— Да это же хорошо, дурак. У иных вон мозг как молоко или вообще вода. Мысли в таком тонут, как камни в пруду. Кроме того, у тебя весьма удачное телосложение — в теле преобладает слизь. Будешь хорошо переносить голод, холод и страдание и проживешь долго... при наличии доброй судьбы.

— Ну... спасибо, наверное, — проворчал я, мрачно воззрившись на нахального старика. Из-под его неплотно запахнутого чуба выглядывал краешек амулета — белой ракушки с кругом и тремя загогулинами внутри. — Эй! А я уже видел такое.

— Такое... Ты имеешь в виду этот знак? — переспросил лекарь, постучав когтем по пластинке.

— Да. Мне сказали, он значит, что мы заперты... только я так и не понял, где и почему.

— Хм... Как по мне, так это знак милосердия.

— Это тут-то милосердие? — с сомнением спросил я; в это время до нас как раз донесся истошный вопль дяди, которого уже лечили вовсю. — Вон как все мучаются!

— Быть милосердным — не значит угождать. Я бы, конечно, мог давать всякому, кто приходит ко мне, мед и патоку вместо лекарств. Им было бы поначалу хорошо и сладко, да и мне бы дешевле вышло. Вот только болезни от этого никуда не денутся — и потом они страдали бы куда больше.

— А откуда ты знаешь, что твои зелья помогают?

— Ну, для того я и учился пятнадцать лет здесь и в южной стране. Чтобы знать.

— Получается, если ты знаешь больше, то можешь мучить других?

Лекарь снова расхохотался и потер кулаком увлажнившиеся глаза.

— Раз уж они пришли ко мне за помощью — значит, сами признают, что я поумнее буду и могу их немножко помучить. Ради их собственного блага.

— А если ты ошибешься?

— И такое бывает, — ответил мой собеседник уже невесело и повертел в пальцах тонкую ракушку; тут мне стало стыдно, что я так докучаю старику. — Тогда остается только утешать себя, что ты сделал все, что мог. Но ты прав: не надо зазнаваться.

Вздыхнув, лекарь поднялся с лавки и продолжил свое кружение между учениками и развалившимися на полу больными. Среди них оказался и дядя, которому успели обречь

спину ниже лопаток; теперь Тороло, присев на корточки, не спеша размазывала по ней слой блестящей черной мази. Судя по тому, как Мардо шипел и извивался, жглась эта штука нещадно — но только через час ему наконец разрешили сесть, утереться полотенцем и натянуть чуба. Теперь уже сам лекарь подошел к нему и вручил бумажный конвертик с пилюлями, но, когда дядя потянулся за деньгами, остановил его лапу. Они долго обсуждали что-то полупшепотом, потирая подбородки и то и дело поглядывая на меня сквозь красноватую мглу.

Когда мы вышли из этого жуткого дома, был около полудня — но мне показалось, будто мы провели тут вечность.

— Ну, поздравляю, — почесывая шею, сказал мне Мардо. — Будешь учеником лекаря, Нуму.

Старый лекарь решил, что мое обучение начнется только в новом году. Может, так велел ему календарь благоприятных дней, а может, сейчас он был слишком занят заботой о горожанах, во время праздников десятками угоравших от дыма курильниц, лишившихся шерсти во время огненных пудж и мучившихся коликами от слишком обильной еды и выпивки. Как бы то ни было, последнюю неделю месяца Черепахи я ночевал в Длинном Доме, в опустевшей повозке Мардо. К ее дну прилипли тонкие, сухие былинки — всего лишь случайный мусор, нанесенный ветром или прилипший к тюкам с товарами, но я сжимал каждую в лапах, и долго рассматривал, и думал, как удивительно, что эта трава, лишенная ног и крыльев, вдруг перенеслась из далекой горной долины в самое сердце Олмо Лунгринг.

То было ночами; а дни мы с дядей проводили на улицах Бьяру, среди великого множества вещей. Здесь на просторных площадях устраивали состязания со стрельбой из лука, борьбой и скачками на ездовых баранах; и пока народ кричал и улюлюкал, веселые женщины в полосатых передниках торговали с тележек пирожками, жареными момо и кусочками мяса, нанизанными на палочки — хитрая выдумка, чтобы не пачкать пальцев! Здесь под навесами из цветной ткани устраивали представления бродячие колдуны: одни превращали голубей в яйца, а яйца — в драгоценные камни, другие плавил в лапах слитки железа и пили его пригоршнями, шумно глотая, а третьи в мгновение ока взлетали до самых крыш и затем медленно спускались вниз, разбрасывая над толпой бумажки с благословениями. Дядя наловил таких целую охапку и спрятал за пазуху — на удачу. Здесь бродячие певцы, цепляя струны когтями, затягивали песни о героях и демонах или, как водится, о несчастных влюбленных; до последних я был не большой охотник, хотя признавал, что по обилию невзгод и трупов любовь переплюнула самых свирепых чудовищ.

Среди собравшихся в Бьяру я заметил даже пришельцев из южной страны, которую так проклинали Тамцен и Сота: высоких и стройных, с темными глазами, подведенными углем. Южане славились умением укрощать диких зверей: на их плечах пятнистыми хатагами висели змеи; из-за пазухи, скаля мелкие зубы, выглядывали ловкие обезьяны; а на шапках, как в гнездах, уместились хохлатые птицы, подражающие чужим голосам. Один укротитель даже вел на цепи настоящего тигра... правда, тот внушал скорее жалость, чем страх. Зверь был тощий и такой сонный, что едва не падал на ходу; его огромная голова, выкрашенная синим и красным, моталась у самой земли, а из приоткрытой пасти свисали нити слюны. Должно быть, его опоили маковым молоком; но горожане все-таки взвизгивали и разбегались прочь при его приближении.

Правда, сколько бы мы с дядей ни бродили по Бьяру, было одно место, которого Мардо

избегал, то ли от робости, то ли от страха. Только в последний день Нового года мы пошли туда, чтобы увидеть богов.

Ночь накануне Цама[14] выдалась особенно теплой и влажной — сквозь сон я слышал, как тяжело вздыхают яки, преющие под толстыми шубами. Утром с севера напоззли грозвые облака и вдалеке, над горами, блеснули первые зарницы. Но жители Бьяру не боялись непогоды: все они, от мала до велика, устремились к берегу озера Бьяцо, на площадь Тысячи Чортенов. Со стороны города ее полумесяцем окружали дворцы знатнейших барпо и оми; сегодня эти счастливчики со всей семьей, детьми и прислугой высыпали на балконы и плоские крыши, чтобы беспрепятственно наблюдать за шествием. На самой площади на время праздника возвели помосты из драгоценного красного дерева — там, под навесами из парчи и зонтами из звериных шкур и павлиньих перьев, расположилась знать попроще и богачи победнее; следом шли ряды грубых, на скорую лапу сколоченных лавок — для мелких чиновников и приезжих шенов; ну а простой народ расселся прямо на гладких камнях, подстелив под хвосты кто стеганые покрывала, кто чуба.

Мы с Мардо поднялись рано, а потому оказались пусть и не в первых рядах, но все же близко к озеру. Стоять тут было не принято, но дядя обещал посадить меня на плечи, если будет плохо видно. Сквозь галдящую толпу время от времени проходили младшие шены с большими чанами и половниками, разливая кипяток и шо в подставленные горожанами чашки, предлагая одеяла тем, кто замерз, или шепотом подсказывая, в каких закоулках лучше помочиться. Народу все прибывало, и к исходу часа Змеи вокруг нас были уже тысячи голов, тысячи ног и тысячи голосов; густой пар курильниц смешивался с паром живого дыхания, выходящего из множества ноздрей и пастей.

Только одно место оставалось пустым — у северного края площади, там, где по пояс в воде стояли чортены. Сколько их было всего? Мардо как-то научил меня счету на пальцах — и я насчитал десяток, второй и третий... а потом все равно сбился, да и ладно. Макушки у ступ были гладкими от дождей, а у основания блестели соляные наросты; а мне-то казалось, что озеро пресное! Самые старые чортены были высокими, как дома; по бокам от них жались «средние» и «меньшие» братья ростом с дерево, с яка или со взрослого мужчину — и все чортены, от мала до велика, наполняла та же давящая, тяжкая сила, которую нам с дядей пришлось испытать по дороге в столицу. Хоть ее хватка и не дотягивалась до толпы, я видел, как летят подхваченные ветром обрывки дарчо и молитвенных бумажек, летят — и, поравнявшись со ступами, падают вниз, в мгновение ока скрываясь под волнами.

Прямо перед чортенами была устроена площадка в пятьдесят шагов шириною, покрытая щитами зеленого железа. Это место звалось «внутренний круг» и предназначалось для Эрлика и его свиты. Вокруг него белыми дорожками цампы очертили внешний круг — для шенпо. Чуть поодаль были места музыкантов: те явились на площадь еще до рассвета и уже восседали на плоских подушках из белого, красного и черного шелка, разложив между бедер кожаные и деревянные барабаны, лютни-вины, длинные и короткие трубы из металла и костяные ганлины, чьи звуки обращают в бегство зловредных дре; над головами в чудных шапках висели колокольчики-хэнгэриг, тарелки-цан и гонги в три обхвата шириною. За спинами музыкантов толпились самые ярые верующие, шелкая четками и мыча молитвы, — среди них могли оказаться и Сота с Тамценом, но выискивать их мне не хотелось.

Вместо этого я поднял голову, чтобы лучше рассмотреть жилище богов на другой стороне Бьяцо. Но вершина Мизинца с торчащим из нее Когтем растворилась в грозвом

мареве; только кирпичи Перстня рдели у подножия скалы, как груды раздутых углей. Вдруг что-то мелькнуло вдалеке — так быстро, что я едва заметил. Неужели это была волшебная веревка мутаг, по которой лха нисходят на землю и поднимаются обратно?.. И точно! Над озером прогремел рев исполинских раковин и труб, слышимый даже отсюда, — знак того, что боги покинули свой дворец и вошли в дзонг. Я заерзал от нетерпения, но Мардо шлепнул меня по макушке и объяснил, что придется подождать. Из Перстня богам еще предстояло на лодках доплыть до гомпы на западном берегу, а уж оттуда — добираться сюда.

Разочарованно вздохнув, я уже приготовился скучать — но тут музыканты вскинули вверх обернутые замшей колотушки, вдохнули побольше воздуха и со всей мочи ударили по бокам барабанов и гонгов, затрясли колокольчиками, задули в тонкие флейты. Под этот захлебывающийся вой на площадь выскочили две дюжины танцоров; сначала мне показалось, что они одеты в кипенно-белый хлопок, но нет! Наряд танцоров был не из хлопка и не из шелка, не из ткани и не из шерсти, а из настоящих костей. Ребра, позвонки, лопатки и грудины, бедренные кости и крестцы множества животных — дри, баранов, птиц и даже крупных ящериц — густо покрывали их угольно-черную шерсть, складываясь в единый, скрепленный медными кольцами скелет. Морды танцоров скрывались под тяжелыми черепами снежных львов; из-под обнаженных клыков свешивались красные ленты, изображая вываленные наружу языки. По бокам от голов, там, где положено быть ушам, торчали веера из пестрой бумаги, напоминающие не то рыбы жабры, не то крылья огромных бабочек.

«Дур-бдаг[15]!», — выдохнул дядя, выпучив глаза от страха; хозяева кладбищ, вот кто это! Души, уже лишившиеся тел, но еще не обретшие нового рождения. Чудища, крича и приплясывая, двинулись к площади; впереди ступали два скелета повыше, вооруженные длинными красно-белыми палками. Приблизившись к толпе, они выбросили вперед кулаки — будто камнями швырялись; но из разжатых пальцев вылетела только горстка серовато-белой пыли. Кто-то рядом шепнул, что это — прах с места кремации, приносящий большую удачу; я икнул и зажал нос и рот ладонью, чтобы случайно не наглотаться этой гадости. А вот стоявшие впереди праведники завопили от радости и всем скопом подались вперед, чтобы урвать хоть немного святыни; воздух тут же наполнился хрустом носов, сломанных чужими локтями, и воплями тех, кому прищемило хвост в давке.

Остальные дур-бдаг в это время уже вошли во внешний круг и начали подпрыгивать и вертеться на одной лапе в такт визгу флейт и ударам раскручиваемых на кожаных шнурах дамару[16]. Прыжки становились все выше, а кружение — все быстрее; кости на телах танцоров ходили ходуном... как вдруг они припали к земле и замерли, точно перевернутые на спину жуки; только два главных скелета остались стоять. Выждав некоторое время, они подняли свои полосатые палки и три раза ударили ими по щитам, покрывающим внутренний круг. Раздался низкий, долгий гул, и вдруг железные пластины разошлись. Возвышение оказалось полым, будто сундук! Скелеты, сложившись почти пополам, скрылись внутри, а через мгновение вытащили наружу двух женщин и мужчину, с коротко остриженными гривами и накрепко связанными запястьями.

— Линга! Линга! — закричал народ. У нас на западе так звалась тряпичная кукла, которую делают в начале новогодних праздников, а под конец — выбрасывают из дому, веля забрать с собой все беды и несчастья и никогда не возвращаться; но я никак не мог уразуметь, при чем тут эти трое. Схватив жертв за загривки, главные дур-бдаг поволокли их наверх, во внутренний круг, и там и остались стоять, опершись о свои палки. Прочие

скелеты разбежались во все стороны, оставив внешний круг пустым.

Музыканты, утерев губы вышитыми рукавами, снова задули в ганлины; их прерывистый звук напомнил мне хрюканье рассерженного пхо. Три раза ударили цаны, и из-за внешнего круга выпрыгнули четыре танцора, в пучеглазых масках оленя, оронго, быка и барана. К полым головам зверей спереди крепились настоящие рога, украшенные развевающимися дарчо и лентами, а сзади, у основания шей, были прилажены шкуры, укрывающие танцоров целиком — так, что хвосты по земле мели. В правых лапах новоприбывшие держали короткие мечи, а в левых — капалы с щецу, жертвенной кровью, смешанной с перебродившим зерном.

Музыканты высоко вскинули обернутые замшей колотушки. Дружно громыхнули барабаны, и танцоры, издав пронзительный клич, понеслись по внутреннему кругу. Распахивая лапы, как крылья, они то подпрыгивали на пять локтей вверх, то сшибались рогами и кинжалами — да так, что искры летели! — но при этом чудесным образом ни капли крови не пролилось из костяных чаш. Обогнув внешний круг с десятков раз, танцоры упали на колени, тяжело дыша; я видел, как из их пастей тянутся тонкие нити слюны. Но танец еще не закончился: выставив перед собой капалы, четыре «зверя» начали изгибаться из стороны в сторону, бормоча и хватая пальцами воздух, будто ловя кого-то невидимого.

— Что они делают? — спросил я у Мардо, но ответил мне молодой шен, проходивший мимо с половником наперевес.

— Они созывают все души, заблудившиеся в этом мире, чтобы унести их в царство мертвых, на суд Железного господина, — шен указал кончиком половника на танцоров, которые как раз закончили причитать и теперь яростно размахивали мечами из стороны в сторону. — Видишь? Теперь они разрубают нити привязанностей, помогая призракам освободиться от прошлой жизни и направиться к новому рождению. А охранять их во время пути будут драгшед — лха и дре, связанные обетом Эрлика. Вот они идут.

И правда, во внешнем круге уже появились танцоры, изображающие старых богов и их свиту. Первыми вышли восемь низкорослых, крепких подростков — сыновей Бёгдзе, со вздыбленными рыжими гривами и непомерно длинными когтями, а вскоре появился и сам хозяин войны. Его грозную маску покрывали спирали коралловых бусин, похожие на капли красного пота; над сведенными бровями лежала корона из пяти черепов; из-за ворота торчали копыта с развевающимися дарчо. В правом кулаке Бёгдзе сжимал медный кинжал, а в левом — лилово-черное сердце. Судя по размеру, оно принадлежало яку; перерубленные сосуды спускались от его основания, толстые и влажные, как стебли водных растений. Следом, одна, без свиты, вышла Рэлчикма в синей маске, с единственным желтым глазом посередине лба, единственным клыком в пасти и единственным локоном, торчащим из макушки подобно железному рогу; на плече она несла трезубец-ваджру — напоминание о молниях, рождающихся на вершине ее священной горы. Затем появились зеленоволосые Пехар и Тамдрин, рычащие и скачущие, подобно снежным львам. Наконец, последним в хоровод старых богов вступил Норлх, дородный и неторопливый, с мирной улыбкой на позолоченной маске. Он обошел внешний круг, слегка приседая и плавно поводя лапами в дутых браслетах, пока бредшие за ним низкорослые ножжины швыряли в толпу мелкие монетки, сладости и цампу.

Я думал, что старые боги останутся дожидаться Железного господина во внутреннем круге, вместе со скелетами и тремя линга, но они быстро скрылись из виду. Впрочем, скучать нам не пришлось: в толпе вдруг раздались испуганные крики и утробный смех.

Оказывается, один из участников шествия давно уже был здесь... Вот только зрители приняли его за грудку тряпья и уселись сверху! Теперь они барахтались на земле, а потешный старик с кряхтением и вздохами поднимался с четверенек. Он был ужасно высок: должно быть, к лапам ему приделали подпорки, искусно скрытые под полами халата. Роста добавляла и маска в виде непомерно раздутой, морщинистой головы, с всклокоченной гривой и кустистыми седыми бровями. Правой лапой старик опирался на кривую палку, а в левой бережно, будто великую драгоценность, сжимал кувшин для чанга. Со всевозможными ужимками он побултыхал посудиною у уха, затем заглянул внутрь, потряс и так и этак — даже просунул в горлышко длинный палец! — но не нашел ни капли желанной влаги. Тогда, пошатываясь и петляя, старик направился к музыкантам и просительным жестом указал на кувшин; но те даже не шелохнулись. Осерчав, он начал проказничать — одному шену засунул в трубу камень, другому сдвинул шапку на глаза, а третьего и вовсе дернул за хвост. Народ вокруг покатывался от хохота, глядя на его выходки, — даже когда святотатец бухнулся на колени и начал протягивать лапы Когтю, моля богов проявить милосердие к страдающему и ниспослать ему вдоволь выпивки. Наконец, отчаявшись, старик со всей силы швырнул кувшин прямо в толпу; и стоило тому удариться о камни, как во все стороны брызнул превосходнейший чанг! Тут-то старик и застонал раненым быком и схватился за космы, вырывая серый мех целыми пригоршнями, — а потом, устало махнув лапой, разлегся на камнях перед самыми праведными праведниками, со всеми их четками и молитвенными дощечками, и притворился спящим.

Мало-помалу развеселившаяся толпа успокоилась. Когда последний смешок стих и последняя слеза была утерта, я услышал звон колокольчиков. Начинался новый танец.

С западной стороны озера во внешний круг вошли шенпо Эрлика, одетые в черные чуба с алыми лентами поперек груди. С их плеч свисали сети из крупных железных звеньев; в лапах мужчины сжимали оружие, каждый свое. У одних были волнистые кинжалы, вроде тех, которыми потрошат рыбу; у других — копья с подвесками из ячьих хвостов; у третьих — серпы («Это чтобы опрокидывать мир над землей», — шепнул мне на ухо разносивший шо послушник); у четвертых — лемехи («А это — чтобы опрокидывать мир под землей»); у пятых — кузнечные молоты; у прочих — крюки на кожаных шнурах, булавы и ваджры. Пока я разглядывал слуг Железного господина, с восточной стороны появились шенмо Сиятельной богини. Их платья и штаны были белее снега, в ушах блестели серьги из серебра и золота — будто они несли в гривах луну и солнце; подпоясывались женщины змеиной кожей, а вокруг бедер оборачивали сети из желтоватых костяных бусин. У сердца каждая держала широкий кривой тесак-дигуг и капалу, но не с кровью, а с молочным нектаром.

Ганлины пронзительно взвыли, загрохотали цаны и гонги; зазвенели цепи на груди черных шенпо — глухим стуком отозвались украшения на подолах шенмо. Танец мужчин был быстрым и яростным: они то вертелись на одном месте, воздевая к небу клинки и пики, то с криками подскакивали вверх, чтобы затем пуститься бегом. Их движения рождали в смотрящих дрожь, как гром, проходящий сквозь облака. Женщины ступали плавно и бесшумно, изгибаясь всем телом и встряхивая распущенными волосами; их одежды сверкали, как молнии среди темных туч, в железном дожде из лезвий, крюков и копий. А танец все ускорялся! Я невольно зажмурился, уверенный, что кого-нибудь точно проткнут мечом или насадят на крюк; но нет — каждый шаг в нем был точно выверен. Черный и белый ряды смешивались в единый узор, тут же расходились и наконец замерли, заполнив собою весь внешний круг.

Музыка стихла, но над площадью все еще разносилось странное шипение и бульканье — это сам собою закипел нектар в капалах, которые держали женщины Палден Лхамо. Но не успел я подивиться чуду, как толпа разразилась громкими воплями; все морды повернулись в одну сторону — к озеру Бьяцо. По его поверхности бежали крупные пузыри; одни лопались, а сотни новых тут же поднимались из глубины. Огромное озеро бурлило, как котел на огне. Горячая испарина повисла над его водами; в носу у меня засвербило от запаха железа и соли — и тут над приозерной гомпой запели трубы и раковины. Боги покинули ее и вскоре должны были явиться на площадь.

Отчего-то мне стало страшно. Туман с озера быстро прибывал, затапливая все вокруг. Гривы зрителей, островерхие шапки музыкантов и даже макушки чортенов скрылись под его волнами; я видел перед собой только дрожащие, смутные тени — так, должно быть, выглядели стаи голодных духов, под Новый год побирающиеся у порогов жилищ. Не стало ни площади, ни города вокруг; и когда во всем мире осталось только белое море от земли до неба, на возвышении внутреннего круга появились восемь черных мужчин. Я сразу догадался, что это почжуты, товарищи Железного господина и самые могущественные шены Перстня. Даже в нашей далекой горной долине знали их имена: грозный Чеу Чомкар, милосердный Чеу Ньяше, мудрый Чеу Ленца, зоркий Чеу Окар, справедливый Чеу Мучам карающий Чеу Мелкек, связывающий обетом Чеу Янкье и Чеу Луньен, искусный в чарах. На их мордах не было масок; это были не дре с оскаленными клыками и не дикие звери, а обычные старики со свисающими брылями, седеющей шерстью и глубокими складками у переносицы, — но отчего-то я боялся поднять на них глаза. Вместо этого я принялся рассматривать их наряды: простые черные чуба, ничем не отличающиеся от одежды других шенпо; только на груди, будто солнце среди лучей, висела на цепях пластина с изображением скорпиона, пожирающего двух царей духов, — знак власти Железного господина над старыми лха и дре. Почжуты несли с собою глиняные чаши, наполненные тлеющими углями; их бока должны были быть очень горячими, но колдуны даже не морщились. Обмакивая в посудины кисточки из красной шерсти, они кропили воздух искрами, очищая пространство внутреннего круга огнем. Достигнув края площадки, шены сели, скрестив лапы, расположившись точно по четырем основным и четырем промежуточным направлениям.

Тогда под мерные удары барабанов во внешний круг поднялись две женщины в масках снежного льва и водного чудовища. Это были дакини, верные спутницы Палден Лхамо, Симхамукха и Макаравактра. Загребая сапогами клубы пара, приседая и поводя растопыренными пальцами, они обошли весь круг, златовласая Симхамукха — по ходу солнца, а длинноносая Макаравактра — по ходу луны. К концу их медленного танца туман поднялся до самого неба; я уже не видел ни спин сидящих вокруг, ни даже нависшей над мной морды дяди, но странным образом все, что происходило во внутреннем круге, оставалось ясно различимым и даже как будто увеличилось в размерах. Скелеты, покачивавшиеся на одной лапе, упершись полосатыми палками в спины линга, стали размером с дом; чаши с потрескивающими углями, над которыми склонились почжуты, разгорелись адскими жаровнями; лапы дакини, сложенные в жесте подчинения духов, казались широкими, как крылья орла-гаруды.

Вдруг что-то вспыхнуло во влажной мгле — какой-то далекий огонек — и поплыло к площади, разгораясь все ярче и ярче. Вот уже совсем близко загрохотали, зацокали копыта, и прямо перед охнувшей толпой выскочил невиданный зверь! На первый взгляд он походил на

безрогого оленя, но был куда выше, с крепкими ногами и мощной шеей, волнистой гривой до земли и хвостом, похожим на связку пышных хатагов. На крутом бедре был выведен киноварью широко распахнутый глаз; к попоне был прилажен туго набитый кожаный мешок; пара черно-белых игральных костей и клубок пестрых ниток подскакивали на гладком боку. Это существо было в высшей степени чудесным... Но мало кто смотрел на него; все взгляды обратились к наезднице.

Если бы я не знал, что мы ожидаем богов, если бы молчали все трубы и гонги и исчезли бормочущие молитвы шенпо, я бы все равно узнал Палден Лхамо.

Богиня сияла так страшно, что казалась сплошным столпом пламени. На глаза навернулись слезы, и только сквозь их пелену я смог различить очертания ее тела. Палден Лхамо была огромного роста, раза в два или в три выше дакини. Ее непомерно длинные пальцы сжимали трамбама — деревянную булаву с колдовскими насечками, без промаха поражающую врагов; за извивающийся пояс из живых змей была заткнута стопка таблиц с проклятиями. Вдоль щек богини спускались драгоценные змеи — подвески, но само лицо я увидеть не мог — оно горело слишком ярко.

Две расторопных шенмо подбежали к вахане богини. Одна подхватила фыркающего зверя под уздцы, другая подняла над спешившейся Палден Лхамо зонт из перьев белого павлина. Невидимые музыканты встряхнули связками серебряных колокольчиков; те едва отозвались — должно быть, от рассеянной в воздухе влаги язычки прилипали к стенкам. Под мерное глухое бряцание богиня поднялась во внутренний круг. В ее следах, как дождевая вода, собирался текучий огонь.

Наконец дождавшись свою госпожу, Симхамукха и Макаравактра встали за ее спиной: львица за правым плечом, чешуйчатое чудище — за левым. В сопровождении дакини Палден Лхамо подошла к трем линга; от страха те скрючились, будто трава в засушливый год, и спрятали морды между связанных лап. Богиня медленно повела плечами. Ее дубина указала на запад, откуда тянуло горьким чадом кузниц и мест кремации; согнутый в грозном жесте крюка указательный палец ткнул прямо в пленников.

Тут в третий раз запрокинулись к грозовому небу и завывли раковины — теперь уже на площади. Из тумана один за другим начали выходить ряды священного шествия: воины князя со знаменами и трезубцами; погонщики баранов и яков, везущих ларцы-гао с мощами прославленных колдунов и свитками молитв и заклинаний; и, конечно, великое множество шенов, больших и малых, стариков и совсем детей, — все население Перстня. Впереди шенпо, и воинов, и слуг скакали четыре зверя, похожие на вахану Палден Лхамо, но черные, как смоль; на спинах они несли четырех всадников. Как и богиня, те были настоящими великанами, а вместо морд у них были живые вороньи головы с бородами из густых перьев и клацающими клювами-щипцами. Демоны-всадники соскочили на землю у границ внешнего круга, но не спешили подыматься во внутренний — видно, поджидали кого-то.

Одна за другой три быстрые молнии разорвали туман, осветив на мгновение темную громаду Мизинца за озером, а следом ударил оглушительный гром. Я взвизгнул, зажмурившись — а когда открыл глаза, на площади уже появился черный бык Эрлика. Этот зверь был больше любого дронга, что родился в Северных Горах; в его скелете мог бы, наверное, устроиться целый дом, где ноги стали бы торанами, хребет — балкой, а ребра — стропилами. Его шерсть была такой короткой, что можно было без помех рассмотреть каждую жилу на мощной шее, каждый узел мышц под лоснящейся шкурой. К телу быка широкими кожаными ремнями были прикреплены носилки-хоуда[17], со всех сторон

забранные тканью; вокруг роились шены-прислужники, подметая камни перед копытами ваханы метелками из ячьих хвостов.

— С лха сорвавший венцы, разоривший подворье ньен, попирающий троны Лу, Владыка трех пространств! Чья пурба[18] сквозь Нагараджу прошла, как сквозь теплое масло! Разрушивший камни цен, развеявший тени Дуд, скорпион с сотней голов, господин Эрлик Чойгьял! — мычали пришедшие на площадь шенпо, подбрасывая в воздух хвосты железных четок; вторя им, до хрипоты надрывались ганлины и флейты.

Черный бык опустил на землю у границ внешнего круга. Трое слуг, орудуя насаженными на длинные древки крюками, одним рывком стянули покрывавшую носилки ткань — и я увидел Железного господина.

Он явился не в облике гневного демона, каким его обычно изображали на тханка: без оскаленной пасти и огненных бровей, без ожерелья из трех видов голов — свежих черных, гниющих красных и иссохших белых, — без набедренной повязки из шкуры тигра... да и самих бедер, чтобы натянуть повязку, у Чойгьяла не было. Была только тьма — шевелящаяся, текучая, как дым. Пока Железный господин обходил внешний круг, ее поверхность колыхалась, складываясь в переменчивые узоры: мне чудились в них то строки заклинаний, то высунутые языки, то стаи летучих насекомых... Но когда Эрлик поднялся во внутренний круг, мгла вокруг него сжалась, принимая форму исполинского тела. Разошлись в стороны две могучие лапы, крепко сжимающие аркан и скелет-булаву; поднялась над широкими плечами голова, похожа одновременно на морду быка и рыло змеи, с широкими пластинами чешуи на щеках и голыми, пышущими паром ноздрями. Из лба Железного господина, как столбы дыма, выросли два изогнутых рога; между ними блестела корона из пяти черепов.

Палден Лхамо, заметив приближение супруга, приветственно подняла левую ладонь; Эрлик поднял правую в ответ. Боги соприкоснулись предплечьями, сотворив жест победы над тремя мирами, и несколько мгновений стояли так, позволяя народу рассмотреть себя. Затем Лхамо отступила назад, скрывшись за спиной мужа. Четверка вороноголовых, украдкой пробравшаяся наверх, переглянулась меж собою. Их зобы заходили вверх-вниз, раздулись, как кузнечные меха; затрепетали во рту языки — но демоны молчали. Зато возвысили голос почжуты.

— Смотрите, смотрите все! — крикнул один, тыча когтем в дрожащих линга. — Эти трое зовутся Дактри, Сибтри, Жалкар.

— Они — худшие из преступников, — подхватил второй. — Они забирали чужое добро и чужие жизни; они колдовали, не испросив разрешения богов.

— Сегодня их ждет справедливый суд, — продолжил третий. — Душе, отягощенной грехами, место в адских мирах.

— Там, приняв страдание, она очистится для нового рождения, — добавил четвертый. — И в этом — мудрость и милосердие Эрлика Чойгьяла.

— Убей! Уничтожь! — закричал кто-то в толпе. Дур-бдаг, до того стоявшие неподвижно, подняли полосатые палки и принялись колотить линга по спине, призывая к ответу. Одна из них, женщина с неровно остриженной бурой шерстью, подняла глаза на бога, горой нависавшего над нею. Ее челюсть беспомощно отвисла; с морды на подол падали капли — то ли слезы, то ли слюна. Железный господин поднял сначала левый кулак, с арканом, а потом — правый, с булавой, предлагая ей выбор. Линга всхлипнула и кивнула на аркан. В тот же миг ее тело обмякло и повалилось вниз, задев вторую женщину. Та дернулась так, будто в нее брызнуло кипящим маслом, и застонала — но не от страха, а от

ярости; третий линга, молодой и крепкий мужчина, зарычал, оскалив желтые клыки.

— Справедливый суд! — крикнула женщина, уставившись прямо на макушку скелета-булавы. — Справедливый, ха! Мы грабили, да, мы убивали! Но чем вы, боги, лучше? Ваш холод отнял нашу землю! Ваша зима заморозила нашего сына, новорожденного, ни в чем не повинного щенка! Если мы будем страдать в адских мирах, то и вам там самое место!

Ее голос из визга превратился в утробный, жуткий рев — и вдруг оба линга принялись расти, раздуваясь изнутри! Толстые веревки с треском лопнули на запястьях; ободранная шерсть вздыбилась медными иглами. Линга вскочили на лапы и отпрыгнули назад, к самой границе внешнего круга. Никто не пытался остановить их: ни дур-бдаг, ни вороноголовые демоны, ни сам Железный господин. Впрочем, преступники и не собирались убежать. В их грудных клетках, которые стали уже шириною с сундук, что-то ворочалось и разгоралось, просвечивая сквозь кожу и шерсть, как сквозь промасленную бумагу. Вдруг линга припали к земле, опершись на все лапы, точно ящерицы, и широко распахнули пасти. Огонь хлынул из их глоток; шафраново-желтые клубы окутали тело бога, от рогов до пят, а линга все выплевывали и выплевывали потоки пламени. Я успел десять раз моргнуть и дважды облизать пересохшие губы — и только тогда их дыхание иссякло. Они упали на колени, обхватив лапами плечи и заходясь хриплым кашлем.

— Будьте вы все прокляты, — выдавила женщина, глядя исподлобья на притихший народ. Кожа на ее ноздрях и щеках полопалась и кровоточила; обгоревшая шерсть свернулась бурными комьями, — вы и ваш господин...

— Убей! Уничтожь! — закричали в ответ.

Раскаленная докрасна булава упала на ее череп. Во все стороны брызнули кровь и мозг; та же участь постигла мужчину. Вспышка молнии озарила небо — и Железного господина, целого и невредимого. Снова заговорили почжуты:

— Суд совершен!

— Суд Закона!

— Возблагодарите Хозяина Закона!

— Возблагодарите того, кто держит весь мир!

И гром ударил следом.

От его грохота все мои потроха затряслись и сдвинулись с места, как лед по весне: желудок подскочил к горлу, сердце ушло в хвост, а печень уползла в череп. Стало так трудно дышать, будто чья-то невидимая лапа крала воздух прямо из-под носа. Легкие болезненно сжались, и рот наполнился горьким привкусом крови.

— Возьми! — просипел кто-то рядом. — Возьми мой дар!

— Возьми! Возьми! Прими эту жертву! — поддержали другие голоса. Вверх один за другим потянулись рукава, — синие, желтые, белые, зеленые, — как стебли, над которыми один за другим раскрывались бутоны ладоней. И все они протягивали что-то Железному господину — хотя все были пусты!

Еще одна лапа поднялась совсем рядом — это был Мардо. Я непонимающе уставился на дядю: он весь трясся, как от холода, глаза закатились, обнажив желтоватые белки, но губы раздвигала широкая улыбка. И тут я все понял. Совершившийся суд был не просто казнью трех преступников; это было явление Закона, поддерживающего ход всего мира; Закона, без которого все лишилось бы смысла и цели; Закона, который вершил Железный господин. Чувство великой благодарности захватило меня; нужно было отблагодарить лха хоть чем-нибудь! Но из пожитков у меня была только глиняная чашка для часуймы за пазухой. И тогда

я вспомнил наставление Синей Гривы: если тебе нечего дать богам, ни масла, ни молока, ни даже горстки цапмы, представь, что подносишь им свою кровь и плоть, словно блюдо на пиру, — и это будет зачтено тебе в заслуги.

— Прими эту жертву! — сказал я, зажмурившись и изо всех сил пытаюсь представить, как срезаю острым ножом кусок жира с живота. В ушах что-то хрустнуло, будто разломали сочный корень кхур-мона, и мне сразу стало очень легко. Морда и лапы онемели, и я весь стал — одни глаза, и уже не мог ни говорить, ни шевелиться, только смотреть. Мне чудилось, что висевший в воздухе туман превратился в чистый свет; его волны накатывались на площадь и город за нею, на тысячи горожан и паломников, собравшихся перед озером Бьяцо, — и все вокруг улыбались, хохотали и обнимали друг друга, забыв, кто оми, а кто слуга, кто богач, а кто нищий. Шелк терся о шерсть, золото — о грязь.

Но тут с сердитым шипением полил дождь, прибывая нашу радость, как пыль. И вот уже народ хлопывал себя по бокам и хватался за припрятанные кошельки — целы ли? Мардо пыхтел, выпучив глаза и ловя дрожащим языком солоноватые капли. От самых границ внешнего круга послышались истошные крики: кажется, на некоторых праведников случившееся чудо оказало куда большее действие, чем на меня или дядю! С десятков из них впали в неистовство, и теперь катались по земле, пуская пену из пастей и выдирая клочья шерсти из грив. Младшие шены старались усмирить их, но те царапались и кусались, как бешеные.

Я точно не знаю, что случилось дальше. Потом одни говорили, что праведнику, страстно желавшему испросить благословения богов, удалось проползти на брюхе мимо сотен стражей; другие винили воина, в суматохе неловко обошедшегося с копьем... Так или иначе, над площадью раздался разгневанный рев; кто-то больно задел вахану Железного господина — и огромный бык, порвав поводья, принялся топтать обидчиков.

Слуги и шены расступились перед ним, словно вода, — да и правда, кому охота трогать зверя, принадлежащего самому Эрлику? Бык ворвался в толпу, точно скатившийся с горы камень; только ребра и черепа захрустели под ногами. Собравшиеся на площади еще были одурманены недавними видениями и оттого медленны, как зимние мухи; они не разбежались, не пытались даже заслониться от ударов. От запаха крови бык пришел в еще большее бешенство; его ноздри раздувались, с губ капала пена, а с копыт — красная грязь. Чудище было все ближе; а мы с дядей только и могли, что осоловело смотреть, как оно летит на нас.

И когда между нами оставалась только дюжина шагов, бык страшно захрипел и замер, вскинувшись на дыбы! Казалось, будто на шею ему накинута невидимая петлю и теперь с силой тащили прочь. Зверь издал тоскливое мычание; в его глазах стояли слезы — и я вдруг понял, что, несмотря на громадные размеры, он был еще совсем теленком. Должно быть, он никогда прежде не видел толпы, не слышал криков, не испытывал боли сильнее укусов насекомых. Не злость гнала его вперед, а страх.

И тогда я сделал то, на что никогда не решился бы в здравом уме, — соскочил с дядиных колен и подошел к вахане Железного господина. Бык покосился на меня, фырча и клацая зубами. Копыто величиною с горшок пролетело в волоске от моего носа, но я все-таки коснулся забрызганной слюною и кровью морды.

— Тише, тише, тише, — повторял я, закрывая лапами большие глаза, как делал иногда, когда дзо и овцы пугались вечерних теней или запахов хищников. Потом я коснулся лбом его широкого лба и подался вперед; смирившись, бык отступил. Колдовские путы сразу ослабли;

сделав еще несколько шагов назад, зверь остановился, наконец успокоившись. Облегченно вздохнув, я поднял взгляд — и увидел между гнутыми рогами внутренний круг и Палден Лхамо. Богиня стояла, вытянув вперед правую лапу, все еще сжимая в кулаке клубок невидимых нитей. То ли сияние, окружавшее ее, стало слабее, то ли мои глаза привыкли к нему — но я вдруг увидел ее лицо и, вскрикнув от страха, пошатнулся и грохнулся прямо на хвост. Оно было плоским и круглым, как истертая монета, и все заросло мягким белым пухом; а над носом-клювом горели два красных глаза. Я готов был поклясться, что это та самая сова, которая однажды похитила меня! В это время слуги Железного господина подбежали к быку, подхватили ошметки поводьев и увели вахану прочь. Младшие шены уже начитывали заклинания над покалеченными; охи и вздохи мало-помалу наполняли воздух, а я тупо уставился на пятно крови, оставленное на камнях огромным копытом.

— Нуму! Что ж ты творишь, ячий глист! Ты ж... за тебя же еще не заплачено! — воскликнул Мардо, поднимая меня и прижимая к себе. Я уткнулся носом в пятнистый мех дядино воротника, зажмурился и словно исчез.

Проснулся я между часами Барана и Обезьяны. Дождь закончился, но из-за туч в городе все еще было темно. Почти весь народ разошелся, оставив после себя чашки с недопитым шо, обсосанные кости и огрызки пирогов. Кто-то уже унес скамьи, поставленные для знати; унылые от усталости слуги убирали навесы из дорогих тканей. Площадь быстро пустела; только с южной стороны молодые послушники из разных гомп подогревали на жаровнях остатки часуймы и раздавали всем желающим. Туда-то дядя и отнес меня. Сейчас он сидел на самодельной подстилке из забытого кем-то тряпья, потирая лоб и прихлебывая из одолженной шенами плошки. Меня Мардо почти целиком засунул за пазуху; хоть в городе и было тепло, а все равно знобило.

— Боги уже ушли? — спросил я, выглянув наружу.

— Ушли, — ответил дядя, едва ворочая языком, и сотворил защитный знак.

Я не знал, что еще сказать, а потому просто уставился на курильницы, из которых выползали клубы санга. Так и продолжалось, пока к нам не подошел мужчина в черном чуба с багряной полосой. В иное время Мардо подскочил бы, приветствуя шена Железного господина, но он слишком устал, чтобы дергаться.

— Ты продаешь этого ребенка? — спросил шен, указывая на выбритую на моем лбу плешь. В подол дяди упал тяжело звякнувший мешок. — Сегодня на площади бык раздавил одного слугу, и нам нужен новый. Я покупаю его.

— Но... он уже продан, господин, — растерянно отозвался Мардо, разглядывая высыпавшиеся на чуба золотые пластины в мизинец длиною. Если весь мешок был заполнен такими, этого хватит, чтобы вся семья могла безбедно жить долгие годы. — Я обещал его лекарю...

— Скажи лекарю, что его забрал Эрлик, — процедил шен и схватил меня за загривок. — Пойдем, мальчик.

— Куда? — пискнул я. Вместо ответа мужчина просто указал вперед, через всю площадь, на дзонг за озером Бьяцо. Я только сейчас заметил, как что-то темное, издали похожее на лущеные семечки, покачивается в волнах недалеко от берега — это были трупы праведников, утопившиеся в священных водах. Кусок знакомого чуба, подпаленного со спины, мелькнул среди прочих — это был Тамцен; где-то рядом наверняка плавала и Сота. Меня замутило. Но тут пальцы шена сжались крепче; он закинул меня на рыжего барана,

нетерпеливо бодающего воздух, сам вскочил в седло и хлестнул поводьями.

— Нуму! — крикнул Мардо мне вслед. Я обернулся и сквозь можжевельный дым увидел его желтый воротник, шелковую шапку и упавший к сапогам мешок, в котором было куда больше трех танкга.

[1] Лакханг — (зд.) храм.

[2] Гаруда — царь орлов, пожиратель змей. Киртимукха — демон жадности; изображение его лица часто используется как декоративный элемент.

[3] Chor, chorlo(тиб.), также «молитвенный барабан», — вращающийся цилиндр, содержащий мантры.

[4] Вахана (санскр.) — ездовое животное божества.

[5] Капала (санскр.) — чаша из половины черепа.

[6] Линга (тиб.) — фигурка из теста, в которую заклинали войти злых духов, а затем выбрасывали.

[7] Дордже (тиб.), ваджра (санскр.) — многозначное слово. Может означат молнию, алмаз или ваджру как ритуальный предмет/оружие бога.

[8] Дзонг (тиб.) — крепость.

[9] Почжут (монг.) — в мистерии Цам — «товарищ», сопровождающий божество. Зд. — ближайшие к Эрлику шены.

[10] Санг — благовоение из можжевельника.

[11] Торан — *ворота без створок*.

[12] Пехар — божество неба, предок тибетских царей, Бёгдзе (Джамсаран) — тибето-монгольский бог войны, Курукулла — Красная Тара, дакини, покровительствующая магии, в том числе — любовной.

[13] Mdos, кресты из цветных нитей, в Тибете используются в разных обрядах — для призыва божеств (как мандалы), как тюрьмы или ловцы для духов.

[14] Цам (Чам) — в Тибете, Монголии, Бурятии — религиозная мистерия, в ходе которой одетые в особые маски и наряды ламы изображают различных божеств.

[15] Дур-бдаг, читипати, хохимай — персонажи мистерии Цам.

[16] Дамару — маленький барабан, к срединной части которого привязаны шарики-колотушки, бьющие по мембранам при раскачивании.

[17] Хоуда — носилки-башенки, какие в Индии закрепляли на спинах слонов.

[18] Пурба — ритуальный кинжал с трехгранным лезвием.

Свиток III. Перстень, Мизинец и Коготь

Мы скакали вдоль озера по гладкой дороге, похожей на отрез некрашеного полотна. От воды ее отделяла полоса серовато-черной гальки, по которой брели праведники, отмечавшие каждый шаг земным простиранием. Морды женщин и мужчин были сморщены, губы закушены до крови. Мелкие камни впивались им в лапы не хуже сушеного гороха, штаны и чуба намокли и отяжелели от тумана, но праведники не отступали. Тому, кто дойдет до конца, начислялось столько духовных заслуг, что на пять жизней вперед хватит — а это стоило того, чтобы потерпеть.

На самой дороге, не предназначенной для простого народа, было пусто, но ездовой баран шена все равно петлял и подскакивал, недовольный тем, что на него взвалили лишнюю ношу. Чтобы не выпасть из седла, я изо всех сил вцепился в переднюю луку. Мой провожатый, заметив это, обхватил меня, как куль с цампой, — от его тела пахло грязной шерстью, а от рукавов — благовониями — и ударил барана по мохнатым бокам.

Зверь понесся пуще прежнего, и скоро впереди показался высокий торан, весь в резьбе и позолоте; с его вершины пристально глядели крылатые гаруды и снежные львы с бирюзовыми гривами. Проехав между широко расставленных «ног» торана, каждая толщиной в пять обхватов, мы оказались во внутреннем дворе приозерной гомпы. Это место было посвящено разом всем богам, давшим обет Железному господину. Как я узнал позже, горожане прозвали гомпу «Привратником» — потому что она встречала всех прибывающих из Перстня и провожала их в обратный путь.

Здесь, на крутых скалах, которыми обросла макушка Бьяцо, притулились сотни низкорослых домиков из кирпича-сырца — жилища послушников, которых старая гомпа уже не могла вместить. В сумрачный день стены, обмазанные известью и желтоватой глиной, казались восковыми сотами; свет масляных ламп сочился наружу, как капли густого меда. И повсюду стоял гул — как будто гудели крылья сотен пчел! Это справа от дороги, под длинными крышами двух галерей, неустанно вращались молитвенные мельницы. Их приводили в движение ручьи, текущие со скал, но мне почудилось, будто железные махины ожили и крутятся сами по себе.

Между галереями было зажато здание самой гомпы, в три этажа высотой, с пристройками — малыми лакхангами, посвященными разным драгшед. Многие паломники, бывшие на Цаме, собрались сейчас здесь. От жара тел, набившихся внутрь, от влаги перемешивающихся дыханий из приоткрытых ставней парило. До нас долетали приглушенное пение, хлопки и звон инструментов — там сейчас возносились молитвы богам, особенно искренние после того, как их довелось увидеть своими глазами.

Приозерная гомпа даже выдавшего виды столичного жителя могла поразить богатством и пышностью украшений, но я был слишком расстроен, чтобы разглядывать шелковые знамена, красную черепицу и спущенные с балконов огромные тханка. Только одна вещь привлекла мое внимание — перед главными дверями кто-то врыл в землю жернов из гладкого черного камня. К бегуну[1] была приделана ручка из позеленевшего металла; ясно было, что ею давно никто не пользовался. И все же сбоку от жернова стояла новенькая лакированная площадка, доверху наполненная семенами белой горчицы.

И кому могла понадобиться горчичная мука?

— Что, хочешь покрутить? — насмешливо спросил шен. Я помотал головой, не отрывая

взгляда от странного жернова. От него веяло той же давящей, грозной силой, что и от старых чортонов на площади. — Правильно, не стоит. А то придется нового слугу.

— Что это? — спросил я, не особо рассчитывая на ответ. Но мой провожатый все же сказал:

— Мельница Эрлика.

Не спешиваясь с барана, мы миновали галереи и свернули в узкий проход у стены гомпы, ведущий прямо к озеру. Слева я увидел причал на сваях, похожих на узловатые лапы цапель; там на воде покачивались плоты из древесных стволов, в целую дюжину локтей длиной и шириной в три обхвата, — наверное, их привезли с юга Олмо Лунгринг, а то и из-за гор! На таких путешествовали боги со своими ваханами; ну а нам с шеном хватило бы и маленькой лодочки. С десятков таких — легких и остроносых, будто располовиненные стручки гороха, — как раз лежало на гальке.

— Эй! — заорал шен во все горло. — Есть тут кто?.. Мне что, самому грести?

На крик выскочил какой-то рыжий парень — то ли послушник, то ли слуга гомпы, на ходу засовывая за пазуху расписную чашку и утирая губы от шо.

— Простите, господин! — забормотал он, кланяясь и в знак извинения высовывая язык до самого подбородка.

— Хватит, хватит! — отмахнулся шен. Слуга живо вернул язык в пасть, заткнул полы чуба за пояс и вытолкал одну из лодок на воду. Я ожидал, что нам еще придется повозиться, чтобы заставить барана войти в нее, но тот сам запрыгнул внутрь и улегся, поджав ноги под брюхо и положив морду на нос суденышка, — видимо, уже привык к таким путешествиям. Следом уселся я, потом — шен, а затем, отведя лодку на несколько шагов от берега, в нее забрался и наш перевозчик. От тяжести края посуды почти сравнялись с поверхностью Бьяцо; мне все казалось, что она вот-вот нахлебается воды и утонет — но, слава всем лха, обошлось. Мы плыли спокойно. Слуга помахивал длинным веслом и мерно начитывал молитвы; шен достал из складок чубы какой-то сушеный, ядрено пахнущий корень и жевал его, иногда сплевывая густую слюну прямо в священное озеро. Я же рассматривал Перстень.

Дзонг был поистине огромен — настоящий город внутри города, со множеством отдельных зданий, пристроек, балконов и переходов. Одна только пристань, к которой мы направлялись, была шириной в тысячу шагов; рядом с нею покачивались бесчисленные плоты и лодки, покрывая всю поверхность воды, будто цветущая ряска. По бокам от пристани стояли два чортена, на вид очень старых; их основания сточили волны, бока — ветер, а вершины глодал редкий седой мох. За спинами этих каменных стражей тянулся мэндон[2] из багрового кирпича, покрытого пятнами влаги и соляными наростами. С запада и востока Перстень окружали невысокие, но крутые и частые скалы — молодая поросль Северных Гор; а сзади его подпирал Мизинец. Дзонг был скорее крепостью, чем храмом.

Увы, чем ближе мы подплывали к его воротам, тем горше мне становилось. Когда их створки захлопнутся за мною, все будто исчезнет — моя долина, моя семья... Даже старое имя, наверное, заберут у меня. Я знал, конечно, что так и будет, еще когда меня посадили на повозку и отправили в Мувер. Но пока рядом оставался хоть дядя, казалось, что это все понарошку и неправда. А теперь...

Мне стало так жаль себя, что я взял и заплакал. Шен, сплюнув бурой жижей, посмотрел на меня из-под лохматых бровей.

— Чего ты рыдаешь, дурак? — почти ласково спросил он. — Это лучшее, что с тобой могло случиться. Теперь у тебя всегда будет еда и крыша над головой. Многие бы язык себе

отрезали, чтобы оказаться на твоём месте... А раньше, кстати, и отрезали, всем, кто поступал в услужение Перстню. На твоё счастье, эту славную традицию нынче не чтут. Как тебя зовут-то хоть?

— Нуму, — пробормотал я, размазывая соплю по шерсти. — Ринум.

— Аа... — протянул мужчина, выковыривая из зубов остатки жвачки. — Ничего имя, сойдет. А я — Ноза; будем знакомы!

Из облаков раздалось надрывное карканье. Я поспешно утер глаза и задрал голову — стая черных птиц пролетела над нами, галдя и роняя перья на воду.

— Воронов не бойся — это тоже слуги Железного господина. А вот с совами лучше не связывайся; в их обличье летают женщины Палден Лхамо. Кто знает, что у них на уме!

Лодка вдруг остановилась так резко, что меня впечатало в мохнатый бараний зад, — мы приплыли. Следом за шеном я выбрался на пристань. Странно, но вокруг не было ни души — только сопровождавшие нас птицы расселись на мэндоне и переговаривались мерзкими голосами. Отсюда внутрь дзонга вело три входа: большие ворота из темного дерева, с железными гвоздями в палец толщиной, и две двери поменьше, выкрашенные свежей синей краской. Выбрав ближайшую, мой провожатый схватил приколоченное к ней кольцо за хвост из плетеного шелка и постучал три раза. Единственная створка распахнулась.

— Пошли, что встал! — прикрикнул шен, а слуга из городской гомпы уже отталкивался веслом от пристани, пуская лодку в обратный путь по водам Бьяцо. Я оглянулся через плечо: на противоположной стороне озера чернели большие чортены — там была площадь, и город за ней, и Пхувер, и Мувер, и вся остальная Олмо Лунгринг. Баран фыркнул, подталкивая меня под руку влажным носом: ему не терпелось вернуться домой. Тогда я вздохнул, зажмурился и переступил порог Перстня.

Меня поселили с другими слугами — нас было около пяти десятков, всех возрастов, от сорокалетнего старика-управителя, ведшего бесконечные списки съеденного и потраченного, до моих ровесников, подметавших дворы и лепивших момо на кухне. Здесь было даже несколько семей, поколениями живших в дзонге. Другие слуги приняли меня радушно, хоть и подшучивали над полудикарским происхождением, странным говором и незнанием сотни мелочей, которые каждый рожденный в Бьяру впитывал с молоком матери. Но со временем я научился выговаривать слова без придыхания, часуйму хлебать вприкуску с маслом, положенным на краешек чашки, и завязывать пояс узлом «две рыбки» — в общем, стал настоящим горожанином. Даже гриву мне заплели по местной моде, в пять толстых кос, и скрепили медной проволокой с бирюзовыми бусинами; из одежды выдали черный хлопковый чуба, туфли из мягкой козьей кожи на лето и сапоги на зиму. Теперь самадрогить во мне было не признать.

Также быстро, как к новому наряду, я привык и к новому жилищу — дому из красного кирпича, вытянувшемуся на две сотни шагов вдоль восточного крыла мэндона. В нем было чисто и просторно, только зябко. Хотя очаги горели всю зиму напролет и дров нам давали вдоволь, каждую ночь спину мне грыз влажный холод, пробиравшийся сквозь любые подстилки и одеяла. На южной, обращенной к озеру стене даже расползались зеленоватые, пахнущие плесенью пятна. Старшие слуги заставляли нас соскребать их каждые пару месяцев, отчего в некоторых местах кирпичная кладка изрядно истончилась, но они все равно появлялись снова.

Зато кормили нас неплохо, хоть и не пищей богов. А впрочем, шенпо жевали ту же

цампу и не жаловались. По крайней мере, голод жителям дзонга точно не грозил — его высокие амбары были наполнены зерном и сушеным мясом; с потолков большой, кормившей три тысячи ртов, кухни свисали желтые бусы из нанизанных на веревки сырных голов; кувшины в прохладных подвалах доверху наполнились маслом. Даже для животных в дзонге запасали сено на зиму, вместо того чтобы выгонять их на поиски чахлых кустов и спрятавшейся под снегом травы. А еще с окрестных гор к Перстню бежала талая вода, чистая и холодная до ломоты в зубах.

— Почему мы не берем воду из озера? — спросил я как-то у старших слуг.

— Хочешь пить часуйму со вкусом утопленников? — ответили мне. Возразить было нечего.

За домом слуг располагались открытый загон для яков, овец и ездовых баранов и закрытые стойла, где держали божественных вахан. Здесь было восемь длиннохвостов, привезенных из южной страны и звавшихся «лунг-та»[3]: семь черных, как глотка демона, и один — молочно-белый, принадлежавший Палден Лхамо. Диковинные звери из-за короткой шерсти и тонких шкур не могли зимовать под открытым небом; в самые холодные дни их даже укрывали одеялами, перед тем как вывести на прогулку, чтобы те не простыли. Кроме того, трое слуг каждый день осматривали их зубы и копыта, расчесывали волнистые гривы и втирали в загривки пахучие мази от блох.

Тут же обитал бык Железного господина, присматривать за которым стало моей обязанностью. Он оказался добрым и пугливым зверем, да еще и памятьвым: после произошедшего на площади Тысячи Чортенов бык долго не желал покидать загон. В ответ на ласки, призывы и понукания он только вздыхал — так тяжело, что вырывавшийся из ноздрей вихрь разгонял по углам пыль и солому. Мне пришлось выкрасть с кухни стопку подсолненных лепешек и несколько дней кряду выманивать страдальца все дальше и дальше от стойла, пока он наконец не высунул нос наружу. Оказалось, никто еще не дал быку имени, так что я сам прозвал его Чомолангма, что значит «Выше Гор». Правда, кроме великанского роста, ничего особенного в вахане Эрлика не было — питался он водой и травой, а не печенью грешников, и испражнялся навозом, а не золотом с нектаром.

Да и вообще, жизнь в Перстне была совсем не такой удивительной, как я воображал. Изогнутый буквой «нга»[4] мэндон заботливо ограждал слуг от чудес — совсем как ладонь, прикрывающая глаза от яркого солнца. Ворота в нем не запирались, но никто не решался соваться к шенам без особой нужды. А если бы кто-то и набрался достаточно смелости (или чанга), куда ему было идти? Слуги могли потоптаться во дворе, засыпанном крупным, хрустящим песком; покрутиться на кухне; нас даже пускали подметать полы на нижнем этаже старой гомпы — той самой, на крышу которой спускались боги. Но большинство дверей дзонга было наглухо закрыто. Взять хотя бы лакханг Палден Лхамо — даже шены Железного господина обходили его стороной; только белые женщины могли входить внутрь.

— А что там такое? — спросил я как-то перед сном у старших слуг. — Внутри лакханга богини?

— Кто ж знает! — проскрипел Цэде, старик-счетовод, запуская когти в редкую бороду. — Я слышал, что внутри на тысяче цепей подвешен огненный змей, исполняющий желания. Вот только для этого его нужно ударить палкой, а от удара из его чешуи сыплются искры. Если такая попадет в глаза, сразу ослепнешь, а если на лапы — навсегда останется язва!

— Неее... — пробормотал сквозь зевоту овчар Цемтри. — Шены говорят, там из-под

земли бьют два ключа. В одном вода холодная и белая, как молоко, а в другом — горячая и красная, как кровь. Если искупать мертвеца в белой воде, все его раны затянутся, даже если тело изрубили на тысячу кусков; а если искупать в красной — он оживет. Но мертвецам негоже воскресать, иначе мир переполнится и никому не достанется ни цампы, ни мяса. Поэтому, чтобы не нарушать порядок вещей, боги скрыли это чудо ото всех.

— Что за враки! — сварливо возразила кухарка Моян-Мето. — В лакханге белые женщины хранят плащи из перьев. По ночам они надевают их и летают над миром в облике сов. Если не нарисовать защитный знак на ставнях или над порогом, они могут влететь в дом и выпить кровь у спящего. А если плащи украдут, они теряют колдовскую силу.

— Вот-вот, — кивнула Литхик, молодая служанка. — Еще бабка рассказывала мне, что давным-давно один княжич, гостивший в столице, увидел в городе одну из белых женщин и влюбился в нее без памяти. Он и сам кое-что знал о колдовстве; духи помогли ему пробраться в лакханг и выкрасть ее оперение. Наутро, когда пропажу заметили, женщину изгнали из Перстня. Села она рыдать на берегу Бьяцо, а княжич уже тут как тут! Предложил взять ее в жены; ну а бедняжке куда деваться? Вот и уехали они в далекую землю на юге, где княжич стал править после отца; а перья жены он спрятал в железном сундуке и утопил тот сундук в глубоком пруду. Жили они счастливо десять лет; княгиня родила трех детей, мальчиков удивительной красоты. Один был золотой, как солнце, другой — серебряный, как месяц, а третий — пестрый, как небо в звездах. Но однажды, в жаркий день, она с детьми отдыхала на берегу того самого пруда и вдруг услышала, как камыш шепчет «Сестра, сестра! Мы нашли твои крылья!». Тут же она попросила слуг принести ей чистого белого воска, слепила макарку длиной в мизинец и бросила в пруд. А та вдруг ожила, выросла на десять локтей в длину, нырнула на дно пруда и вернулась, держа в пасти сундук! Княгиня ударила его стеблем камыша — и железо расколосось на части. Тут же она схватила оперение, обратилась в сову, растерзала своих детей и всех княжеских слуг, а потом с криком пронеслась над дворцом и улетела в Бьяру. Это была ее месть за обиду, которую причинил молодой князь.

— В общем, держись подальше от белых женщин, от шенов и от богов, — сказал Цемтри, повернулся носом к стене и принялся залиvisto храпеть.

Так и получилось, что колдуны, с которыми слуги жили бок о бок, оставались для нас загадкой. Лучше всего я знал, как проходят дни маленьких учеников: каждое утро, чем бы нас ни наградило небо — дождем ли, снегом ли, или туманом — они собирались во внутреннем дворе Перстня и совершали нечто вроде медленного танца, надолго застывая в каждом шаге, до хруста в костях вытягивая лапы и шеи. Однажды я попытался повторить эти замысловатые наклоны и повороты, но взрослые тут же зашикали на меня. «С таким не шутят, — сказали они. — Что шену хорошо...» — и многозначительно поиграли бровями.

Потом ученики завтракали — в это время двор как раз успевали прибрать и подмести, — а затем расходились по классам, чтобы к полудню снова возвратиться: теперь уже не для танцев, а для настоящей битвы! Не скрою, мне поначалу казалось, что для тех, чьим главным оружием должны быть молитвы, они маловато молились и многовато дрались, но со временем и это перестало удивлять. «Перстень, — думалось мне, — построили в те времена, когда в Олмо Лунгринг шла настоящая война между чудищами и славным воинством Железного господина». Оттого-то, конечно, нынешние шены и продолжали упражняться со всяческим оружием. И как же точно они стреляли из луков и метали дротики! А как рубились на мечах! Движущиеся куклы из дерева, бумаги и ткани —

хвостатые, как змеи, и рогатые, как быки, — разлетались пестрыми клочками по всему двору. Я сам, от природы медлительный и неуклюжий, страшно завидовал ученикам, прыгавшим на пять локтей в высоту и перелетавшим с места на место, как пауки по весне. Шенам постарше эти забавы были ни к чему; для колдовских занятий они уходили в горы, подальше от любопытных глаз и легко воспламеняющегося добра. Ну а дети, намахавшись копьями и тесаками, шли на обед и дальше уже до вечера просиживали внутри гомпы, постигая всякие премудрости.

— Учат заклинания! — многозначительно цокал языком Цэде. — Хотел бы я знать, как найти и отворить сокровищницы ноджинов, спрятанные внутри горы! Жил бы тогда, не зная горя.

— А я бы хотел научиться принимать любой облик, — вторил ему Трулжун, длинноухий хвастун, которого из всех жителей дома любили только блохи. — Превратился бы в блоху и залез в постель к княжне!

— Даа, твою-то морду только чудо и исправит! — усмехалась белозубая Литхик. — А Нуму у нас и так вырастет красавчиком, без всяких заклинаний, правда? Смотрите, какой черный — ни одного пятнышка!

И запускала теплые пальцы мне в шерсть; Трулжуну оставалось только завистливо хмыкать.

В час Петуха, задав Чомолангме корма, я отправлялся в гомпу мести полы. Старшие говорили, «чтобы не маялся от безделья».

Гомпа стояла у подножия Мизинца уже больше семи веков и походила на крепкую, ширококостную старуху, с неодобрением озирающую толпу чахлах правнуков. Потолки в ней были не так уж высоки по меркам Бьяру — в пять ростов, не больше; зато подпирали их толстые столпы, вырезанные прямо из жилистого мяса Мизинца. Внутри не нашлось места ни для золоченых статуй богов, ни для покрытых шелком алтарей, ни для торм, ни для чаш с приношениями. Единственным украшением гомпы были старые, грубо намалеванные тханка; да и те побледнели настолько, что рисунки проступали будто сквозь густой туман — вот одна лапа демона, вот вторая, вот покотившаяся с плеч голова... а посреди желтовато-белая пустота.

Пока я махал метелкой из щетины, гоняя из угла в угол курчавую пыль, в гомпе как раз шли вечерние уроки. Иногда, притаившись за дверью, я мог подслушать их почти целиком. Правда, если речь шла обо всяких колдовских делах, мне становилось или скучно, или жутко. Никто никогда не говорил: «Щелкни пальцами так и этак — и посыплются с неба золотые монеты вперемешку с жареными пирожками!» Нет, шены-учителя втолковывали:

— Когда земля будет растворяться в воде, кости утратят свою крепость; тело станет тяжелым и не сможет себя поддерживать. Ни голову, ни лапу невозможно будет поднять, и не получится встать самому; даже пустая чашка окажется для пальцев непосильной ношей. Сначала вы почувствуете, будто наваливаются сверху огромные горы, сокрушая мягкую плоть. Затем вас увлечет все ускоряющееся падение, как будто тело бросили в бездну... Быстрое мерцание появится внутри глаз, не исчезая даже при закрытых веках. Когда вода будет растворяться в огне, горло и нос у вас высохнут, язык будто покроется окалиной. Жажда измучит вас, но, сколько бы воды вы ни выпили, ее не унять. Рев заполнит вам уши, в спину и грудь будут бить и толкать невидимые волны. Затем явятся дымные видения — и тут...

И тут я торопливо облизывал засохшие губы и убежал вперед по коридору; а мое

трусливое сердце стучало где-то в хвосте. И зачем было рассказывать такие ужасы?

В месяц Макары в гомпу привели новых учеников; многие были даже младше меня. Не знаю, как их выбирали, — может, шены ходили по деревням и городам в поисках щенков, имеющих способности к колдовству; а может, родители сами отсылали своих отпрысков в Перстень. Так или иначе, толпа получилась разношерстная: здесь оказались и низкорослые, лохматые северяне, и южане с узкими бедрами и широкими плечами лодочников, и западные шинга с выцветшими от солнца затылками, и восточные охотники с проделанными в ушах дырами, сквозь которые можно было просунуть три пальца разом. Всех новичков мыли, стригли и одевали в одинаковые черные штаны и чуба, но кто-то держался с достоинством юного оми, а кто-то беспрестанно ерзал, пытаясь растянуть неудобную одежду, по привычке закатать рукава или почесать, где чешется. Некоторые вынимали лапы из сапог и шевелили затекшими пальцами. Этих я хорошо понимал: привыкнуть к постоянному ношению обуви было непросто.

Так же нелепы, как внешность учеников, были и вопросы, которыми они засыпали достойных учителей. Те морщились, вздыхали, но отвечали; и я, подслушивающий в обнимку с метлой, смог узнать много нового.

Хуже всего пришлось Ишо, бледно-рыжему толстяку лет двадцати от роду. Поверх чуба он всегда по-женски повязывал передник из пестрого шелка, а у пояса носил круглый бумажный веер. Расхаживая вразвалочку перед рассевшимися на подстилках детьми, Ишо казался уткой, возомнившей себя павлином; розовые лотосы и золотые карпы гордо блестели на его животе. Он не забивал головы учеников темными тайнами колдовства, а преподавал только грамоту, счет и историю.

Однажды Ишо рассказывал о сошествии богов. Я помню, что воздух в классе тогда был прохладным, но несвежим из-за смешения запахов: от кого-то из учеников разило разжеванным диким чесноком, от кого-то — мокрой шерстью, а от некоторых тянуло сладостью духов. Даже благовония, в изобилии тлеющие по углам, не могли забить этот внешний, не принадлежавший Перстню дух — по крайней мере пока. Ишо то и дело обмахивался веером и говорил, наморщив нос:

— До того, как божественный Пехар сошелся с самкой снежного льва, зачав наш род, и долгие века после этого в мире властвовали разные существа. Сначала старые боги-лха возвели дворцы на белых вершинах гор; страна тогда называлась Лхаюл Гунтан. То было прекрасное время! Но вскоре из камней и грязи родились быкоподобные ньен, а из черных расселин в скалах выползли толстокожие демоны Дуд. Они создали луки и стрелы, булавы и громовые трубы, с помощью различных уловок потеснили богов, а сами расплодились во множестве. Страна с тех пор называлась Дуд Юл Лингу. В это время по воле Норлха родились из золотых жил ночжины, а из плодородной, смоченной дождями земли вышли садаги. Затем правили змеехвостые Лу, заселившие южные реки и подземные пещеры; и сейчас еще, провалившись в иссохший колодец, можно попасть в их города, сверкающие в темноте тысячами драгоценных камней... А страна называлась тогда Намдран-Чандран. И не думайте, что все эти существа сменяли друг друга незаметно, как день сменяет ночь. Нет! Их войны длились веками: ваханы богов топтали Дуд, а ньены распарывали им брюхо острыми рогами; дре осаждали небесные дворцы; мамо, демоницы болезней, парили над миром, рассыпая чуму из своих поясных мешков; Лу разоряли сокровищницы ноджинов и, ненасытные, пожирали даже лха, если те попадали им в пасти... Мир ходил ходуном, дожди заливали горы до самых макушек, солнце иссушало океаны, злые ветра ровняли леса с

землей. Огонь то вырывался из-под ног, то летел из-за облаков. Духи, добрые и злые, кружились в воздухе, подобно тучам... А каково было нам, слабым смертным! Для всех мы были добычей: рассеянные, разрозненные, не умевшие ни смолоть цампу, ни построить дом. В холодные ночи мы жались друг к другу, не зная, как обогреться; в грозу дрожали от страха. Всюду подстерегала опасность: в каждом глотке воды разливался яд Лу, каждая кочка оборачивалась спиной задремавшего садага... Тогда, чтобы испросить милости лха или охладить гнев дре, цампы и санга было недостаточно — любая жертва была красной. Как писал мудрейший Чеу Луньен: «Щецу текла обильней, чем чанг течет на пиру; кости, дробясь, хрустели у демонов на зубах».

Вот что творилось в мире! И кто мог прекратить это?..

Ишо сложил лапы на животе и многозначительно оглядел учеников. Думаю, все они уже знали ответ, но молчали из уважения к учителю или просто из робости.

— Только тот, в чьих владениях нет места разладу и несправедливости, — Хозяин Закона, Эрлик Чойгьял. И вот, тысячи тысяч живых существ вознесли к нему молитвы, говоря: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет...».

— Какого наряда? Чуба или штанов? — перебил один из мальчишек, Тинтинма. — Они что, голые все ходили тогда?

— Наряд — это порядок, — угрюмо пояснил Ишо, мановением веера гася довольные смешки. — Хотя не удивлюсь, если штанов у наших предков тоже не было. Так или иначе, страдание живущих было столь нестерпимо, что Эрлик в своем великом милосердии явился в Олмо Лунгринг вместе с супругой Палден Лхамо и избранной свитой из трех сотен богов и духов. В белом тумане и пламени небесный дворец спустился на гору, которая теперь зовется Мизинцем...

— А кто же тогда управляет миром мертвых? — снова не утерпел говорливый ученик.

— Он же и управляет, — Ишо пожал плечами так, будто его спросили, горяч ли огонь или мокра ли вода. — Богам ничего не стоит быть в двух местах одновременно.

— Правда?

— Умрешь — проверишь. Если очень уж не терпится, могу помочь! — ухмыльнулся шен; ученик испуганно затряс головою. — Итак, боги сошли сначала на Мизинец, а затем, по веревке мутаг, уже и на землю. Так началась новая, благословенная юга Железа.

Волшебная веревка мутаг и по сей день тянулась с заоблачной высоты, от самого порога дворца лха, до крыши старой гомпы. На вид она казалась тонкой и непрочной, но на деле была неразрушима. Ни топор, ни меч, ни огонь не смогли бы повредить ей... Но тут мне пришлось подхватить метлу под мышку и убраться подальше от двери — урок был окончен, и маленькие шены поскакали вон из класса, как стадо диких оронго.

В другой раз, когда я услышал урок Ишо, тот рассказывал уже о войне с чудовищами, населявшими когда-то Олмо Лунгринг.

— Начало ей было положено сразу после сошествия Железного господина, — пояснял он, бросая гневные взгляды на зевающих учеников. — Одним из первых его деяний была победа над Джараткарой, Лу из рода Васуки. Как известно, эти змеи растут подобно деревьям, прибавляя каждый год по пять шагов в длину. Джараткара была так стара, что от головы до кончика хвоста простиралась на шестьдесят две тысячи восемьсот шагов! В своей злобе она захотела уничтожить всех богов одним махом и обвилась кольцами вокруг Мизинца, чтобы раздавить его в пыль и обрушить небесный дворец. Но Железный господин поразил Джараткару пурбой в основание шеи; от этого тело демоницы обмякло. Еще девять

гвоздей-пурб было вбито в него, чтобы Джараткара не могла уже уползти или распахнуть пасть, а внутри змеиных колец построили Бьяру... так и лежит она под городом, ни жива ни мертва, охраняя его от врагов.

— Это поэтому на дороге к Бьяру так тяжело дышать?

Ишо кивнул.

— Старые чары сильны... Но речь сейчас не о том, — тут он развернул длинный свиток и принялся зачитывать список битв, снабжая его краткими пояснениями о количестве отрезанных голов и вырванных сердец. Это было так нестерпимо скучно, что я снова принялся мести полы. Только через час Ишо добрался до конца войны. — И вот, на сто тридцать пятый год после своего сошествия Железный господин в сопровождении лучших воинов и прославленного генерала Шрисати... Тинтинма, чем прославился генерал Шрисати?

— Убил много демонов? — с безысходной тоской в голосе предположил маленький шен.

— «Убил много демонов!», — передразнил его Ишо. — Уничтожением племен водных Лу! Разве так сложно запомнить?.. Так вот, во время последней Махапурбы Железный господин и его войско окружили стаи Лу, убегающих из горящего Бхогавати[5]. Случилось это у подножия Пхувера. Поняв, что сражение проиграно, царь Лу попытался сбежать через горы, однако Шрисати последовал за ним. Они сошлись в схватке один на один... Думдри, а ну-ка повтори, что я сказал!

— Они сошлись в схватке, — выпалил ученик, пуча заспанные глаза.

— Все повтори!

— Эээ...

— Вот и вся благодарность потомства. А ведь Шрисати съели в тот раз! Хоть он и успел смертельно ранить царя Лу... Но стоило ли стараться ради такого? — удрученно вздохнул Ишо, сворачивая свиток.

В другой раз они проходили грамоту.

— Это слог «ча», — говорил шен, водя кистью по прикрепленному к стене листу бамбуковой бумаги; на той появилось нечто вроде безжалостно растоптанного жука с запрокинутыми к небу лапками. Ученики послушно переписали закорючку в узкие книжицы, лежавшие у них в подолах.

— «Ча», — прошептал я, пытаюсь запомнить символ.

— Но есть и иная манера письма, — радостно провозгласил толстяк и намалевал жука, еще более жестоко убиенного.

На мое счастье, маленьким шенам буквы тоже дались не сразу. Изо дня в день глядя на их занятия, я понемногу выучился читать. Конечно, такое редкое умение хотелось опробовать! Сначала я попытался разобраться в заклинаниях, вырезанных на стенах дзонга, но их причудливый язык оказался мне не по зубам. Тогда я сунул нос в записи счетовода, но там речь шла лишь о «сушеном мясе — пяти связках», да «цампе — трех мешках», да «хлопке — тридцати отрезах».

Но однажды удача улыбнулась мне. Ишо, покидая класс, забыл прихватить свиток с описанием очередного божественного деяния. Я подкрался к нему, как голодный барс к ягненку: не торопясь, невинно помахивая метлой и даже поглядывая по сторонам, как будто ничего особенного и не происходит, как будто мне до этого свитка и дела никакого нет... А потом бросился к столу, развернул тонкую бумагу и жадно впился глазами в чернильные

закорючки.

— Я... ес... — в горле у меня пересохло. Поворочав языком, чтобы не заплетался, я набрал в грудь воздуха и быстро протараторил, — есмь смерть, приспевшая и пришедшая сюда похитить вдруг всех сих стоящих пред нами. Кроме тебя...

Как назло, в это время за свитком вернулся сам Ишо — и так и замер, уставившись на меня. Не знаю, о чем он думал в этот миг, а я вот сразу сообразил, что меня немедленно четвертуют, освежают и съедят, прямо во дворе перед гомпой, и поделом. Но чувство справедливости во мне было слабее страха; а потому я малодушно икнул и со всех лап ринулся вперед, проскочив мимо опешившего шена. Только когда я уже забежал за поворот коридора, Ишо крикнул что-то вслед.

Но куда было бежать дальше? Где спрятаться? Какая-то невзрачная дверь впереди была приоткрыта; не помня себя от страха, я заскочил внутрь и запер хлипкий засов. Меня трясло от гривы до хвоста, и не сразу я понял, что низкий гул вокруг — это вовсе не стук крови в ушах, а шум текущей под деревянным полом воды. О, позор! Я не только украд учительский свиток, но и оказался заперт в нужнике. А меж тем снаружи уже грохотали шаги; глупо было думать, что шен не найдет меня! Потом послышалось тяжелое дыхание и прерывающийся голос Ишо:

— Ох... да подожди ты... что ж ты... чтоб тебя...

Расплата была неминуема. Внизу, в грубо выпиленной дыре, ревела вода, уносящая нечистоты дзонга куда-то под землю. Я заглянул туда одним глазом: темно и глубоко, и разит ужасным холодом. Пожалуй, можно было бы утопиться, если бы место не было таким нелепым. А так засмеют ведь!

— Что ж ты убегаешь-то? — наконец отдышавшись, почти жалобно спросил Ишо. — Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Точно? — подозрительно спросил я.

— Точно. Просто хотел спросить, где ты научился читать.

— Я... Я подслушивал уроки и так научился.

— Ох. Может, выйдешь и отдашь мне свиток? Он стоит дороже целого стада яков.

Решив, что все равно пропадать, я вздохнул и отворил замок. Наружу я выходил, высунув язык в жесте глубочайшего извинения и держа перед собою свиток, как защитную табличку от демонов. Но, к моему удивлению, Ишо не злился.

— Ты молодец, — сказал он. — Если бы все мои ученики проявляли такое усердие! Грамота и счет никому не повредят...

Шен замолчал, прижав указательные пальцы к губам. Потом наконец принял из моих лап свиток и добавил:

— Но больше не подслушивай — не все знания так безобидны.

В тот же вечер об этой истории узнали все слуги. С тех пор я больше не убирался в гомпе, зато стал помогать старику-счетоводу с учетом съеденной цампы, настриженной шерсти и новорожденных ягнят. Старик явно вознамерился вырастить из меня смену; и хотя занятие это было скучным, я быстро поднаторел и в чтении, и в письме.

На второй месяц весны слуги начали выводить животных за пределы Перстня, чтобы те пощипали травы на склонах гор. Чомолангма отправлялся с ними, а я следовал за быком. Он вышагивал среди кучерявых спин баранов, как грозовая туча среди пестрых облаков, — вот только копыта, тяжелые, как кузнечные молоты, не годились для узких тропинок.

Чомолангма оступался и мычал, жалуясь мне на свою нелегкую долю, и шумно втягивал прохладный воздух. А вокруг все сверкало, будто хорошо отмытая чашка, — и рыжие листья прошлогоднего кобрезника, и молочно-голубые реки, с шипением бегущие по дну узких расселин, и белые горы впереди. Даже вороны, сопровождавшие стадо от стен дзонга, радовались весне; одни разевали клювы и шевелили языками, будто пробуя тепло на вкус, другие усаживались на валуны и распахивали крылья зонтом, прокаливая перья в солнечных лучах; а некоторые и вовсе запрыгивали на спины зверям и ехали верхом, как важные оми.

— И почему их так много? — спросил я у Цемтри, шедшего рядом. — Смотри, вон тот, с облезлой головой, какой смелый! Сел прямо на загривок Чомолангме!

— Вороны охраняют нас, — отвечал овчар, пропустив через пальцы свалывшуюся гриву; расчески Цемтри не признавал. — Раньше тут встречались лисицы и барсы, а сейчас и снежные львы захаживают. Видел когда-нибудь снежного льва?

— Видел, — кивнул я, вспомнив чудовище на заснеженном перевале. — Но как птицы могут охранять нас? Они же глупые.

— Это ты глупый. А птицы — священные. Через них на нас смотрят сами боги!

— Что, правда? — спросил я, с подозрением косясь на бородатого ворона, покачивавшегося на макушке быка. — И каким же именем тебя величать во дворце Эрлика, птичка?

— Пундар-рика! — вдруг гаркнула пернатая тварь. Лапы у меня так и подкосились со страху.

— Цемтри, ты слышал? — прошептал я, поспешно творя в воздухе всяческие охранные знаки. Увы, мои пальцы, и без того непослушные, теперь и вовсе перестали гнуться! Но прежде, чем тот успел ответить, из стада донеслось жалобное блеяние — одна овца застряла в колючем кустарнике. Говорящий ворон моргнул кожистым веком и вместе с другими птицами перелетел поближе к легкой поживе. К моему удивлению, вместо того чтобы отогнать стаю, слуги повели стадо дальше. Мы отошли уже на дюжину дом[6], когда овца истошно завопила. Я обернулся: вороны драли ее спину и морду; их клювы сновали вверх и вниз, будто иглы в лапах вышивальщиц, вытягивая длинные полосы шерсти и мяса.

— Что остановился? — прикрикнул на меня Цемтри. — Богам тоже нужно есть, понял?

Летом, пока на камнях цвели белые подушечки проломника и бледно-синяя, покрытая нежным пухом живокость, младших слуг часто посылали в скалы, нарвать можжевельника для благовоний или ревеня с крапивой для супа. Когда мы забирались достаточно далеко от Перстня, то находили следы тайных упражнений шенов: где-то синие скалы оплавилась и блестели, как стекло; где-то трава была выжжена ровными кругами; а кое-где озера даже в жаркий полдень покрывала ледяная корка. Но самую странную вещь мне довелось увидеть, не выходя из ворот дзонга, на исходе Праздника купания.

Всем известно, что вода в начале седьмого месяца обладает множеством достоинств: она сладка на вкус, прохладна, мягка, легка, чиста, лишена неприятного запаха, не раздражает горло и не вредит желудку. Даже дикую влагу рек и озер не надо взбивать ложкой до появления пены и переливать из кувшина в кувшин, чтобы сделать домашней! Поэтому это время наиболее благоприятно для очищения и мыслей, и тела, и белья, и горшков. Как и прочие жители Бьяру, мы не могли терять его даром; но если горожанам для купания служила река Ньяханг, нам в Перстне пришлось набирать воду в дюжину больших, в три обхвата, деревянных чанов. В одних мы мылись сами, в других — полоскали штаны и

чуба шенов, многочисленнее которых были только волосы в гриве снежного льва, танга в кошеле Норлха или волдыри на наших лапах, выскочившие после недели непрерывной стирки. Когда слуги отправлялись на покой, на небе уже горела золотая звезда Цишань. Обычно я засыпал, стоило голове коснуться подушки, но не в эту ночь: может, я слишком устал, а может, во всем виноваты были крики сов, летавших над крышами дзонга?

Вместо того чтобы ворочаться на подстилке, подставляя то бока, то спину сырому сквозняку, я залез по приставной лестнице на крышу дома слуг. С середины весны, когда ночной туман перестал подыматься над озером, с этого места я мог наблюдать за Бьяру. Сегодня город был наполнен огнем и шумом. То там, то здесь раздавался звон цанов, визг флейт и быстрый бой дамару; праздничные костры вскидывались прямо посреди улиц; качались в клубах воскурений новые, яркие дарчо. Все в столице жило, дышало, суетилось — и только чортены на площади были неподвижны. Они выпирали из воды, будто черные пальцы... будто какой-то великан просунул пятерню под землю и теперь держит Бьяцо в пригоршне.

Мой взгляд блуждал, как сытая коза по лугу — без всякой цели, движимый одной лишь скукой, пока я не заметил странную рябь у пристани дзонга. От нее отошел плот, сопровождаемый пятью легкими лодками. Кажется, плывшие в них старались не привлекать внимания: ламп не зажигали и вместо весел пользовались длинными шестами. Я было решил, что шенпо направляются в гомпу Привратник на западном берегу, но те не доплыли даже до середины озера, а остановились там, где тень Когтя еще скрывала их от лучей стареющей луны.

На плоту кроме шести шенов было что-то еще, скрытое под тяжелыми одеялами. Когда их стянули, мне сначала почудилось, что на плоту везут гору скомканных хатагов. Но какой в этом толк? Хатаги ведь не стирают, даже в праздник купания! Один из шенов — наверное, старший — встал на самом краю и подбросил вверх пригоршню пыли; ее легкие облачка закрутились в воздухе, но быстро осели на воду. Шен удовлетворенно кивнул и опустил на корточки. Двое других тут же подали ему из кучи что-то белое, размером с кулак. Он бережно принял подношение и опустил в озеро; Бьяцо проглотило его мгновенно, не жуя, а младшие шены уже готовили новое... Десяток раз их лапы успели опустеть и наполниться, прежде чем я понял, что в озере тонут не хатаги, не глиняные ца-ца, не куски масла или теста. Это были скелеты — совсем маленьких существ, вроде куропадок и лягушек, и зверей побольше — лисиц, фазанов, даже овец. Ни мяса, ни крови, ни потрохов — только ребра, хребты да перевязанные шерстяными нитями челюсти и клювы. Никогда раньше я не слышал о такой странной жертве! И зачем богам глодать кости?

Осенью, когда солнце начало бледнеть, а трава — редеть, как шерсть на макушке старика Цэде, и в Бьяру, и в Перстне было много хлопот. Из дзонга в ясную погоду я мог разглядеть, как слуги в богатых домах подновляют черепицу на крышах и начищают бока медных курильниц; внутри наверняка варили молодой чанг, осыпали алтари только что смолотой цампой и лепили торма, желтые и круглые, как монеты. А дальше, за городом, вереницы нарядно одетых женщин со звенящими бусами на груди и корзинами — доу за спиной обходили поля, окуривая ячмень можжевелевым дымом или запуская в воздух обернутые в пестрый шелк стрелы, отгоняющие злых духов от урожая. Все ждали первого осеннего полнолуния, когда боги вновь должны были почтить землю своим присутствием — и вот, оно настало.

С самого утра дел было по горло: мне полагалось подготовить Чомолангму к шествию лха, вычистив быка от загривка до хвоста, натереть ему шерсть маслом, чтобы блестела, окрасить киноварью копыта и кончики рогов, вдеть серьги в мягкие уши и нос, бугристый лоб украсить подвесками, а между рогов завязать узел с кистями из красной шерсти. Затем следовало — уже с помощью старших слуг — накинуть быку на спину стеганое покрывало, расшитое бисером и драгоценными камнями. Поверх него на хребте Чомолангмы крепилась башня-хоуда, с величайшей осторожностью доставленная из старой гомпы. Наконец, на загривок быка накинули длинный шарф с раковинами каури — его хвосты едва не волочились по земле. Когда Чомолангма был готов, я вывел его во внутренний двор Перстня и стал позади. Теперь мне полагалось следовать быком повсюду, тихо и неотступно, как тень.

Шены тем временем прибывали — многочисленные, как полчища муравьев, облепляющие оброненную на пол лепешку. Не зря же муравьев зовут жуками Эрлика! Последними из гомпы вывели младших учеников — тех, кто не провел в Перстне и года; среди сопровождавших их взрослых я заметил толстяка Ишо. Да и сложно было не заметить: передник с розовыми цветами так и мельтешил среди черных чуба. Пересчитав щенков по головам, тот удовлетворенно кивнул и направился к старшим товарищам. Но вот он прошел ряды учителей, прошел и прочих шенов, даже танцоров с пучеглазыми масками подмышками, — и те, удивительное дело, почтительно склоняли головы и высовывали языки. А когда Ишо, на ходу развязывая нелепый передник, подошел к Чомолангме, то, клянусь, подмигнул мне! Его покатые плечи расправились, рыжие брыла раздвинула довольная улыбка. Засунув кусок расшитой ткани за пазуху, он встал среди почжutow. Я аж щеку ущипнул от изумления: и как я раньше не узнал его! Это же Чеу Ленца, который был на площади во время прошлого Цама! Судя по звукам у меня за спиной, кто-то из его учеников лишился чувств — наверное, Тинтинма.

Потом-то я узнал, что мудрый Чеу Ленца был большой шутник и хитрец. Он не без основания считал, что, пока все жители Перстня стараются преуспеть в колдовстве, настоящий ум проявит себя и в иных науках. Так что в благоприятные годы почжут брался обучать детей грамоте и счету, не жалея потраченных часов и чернил, а затем выбирал себе горстку учеников поспособнее. Говорили, что для шена нет судьбы завиднее этой.

Между тем на пороге старой гомпы начали появляться боги. Мне боязно стало вертеть головою, а потому я только краем глаза видел, как из распахнутых настежь дверей вышла сначала Палден Лхамо, озаряя все вокруг белым огнем, затем — четыре вороноголовых демона, а последним — сам Железный господин. Чомолангма совсем не боялся его, и я старался не бояться; но когда песок заскрипел под тяжестью его шагов, мои уши заложило от шума крови и шея сама собою втянулась в плечи.

Наконец страшная тень скрылась в хоуда. На мэндоне Перстня завывли раковины: их голоса разлетелись далеко над озером, до самой площади Тысячи Чортенов, — и все пришло в движение. Младшие шены спускали на воду узконосые лодки; почжуты и боги отправлялись в путь по озеру на больших плотax. Белая богиня отплыла на первом, вороноголовые — на втором, вместе со своими черными лунг-та, а Железный господин, Чомолангма и я оказались на третьем.

Пока мы перебирались через Бьяцо, я поглядывал из-за хвоста Чомолангмы на демонов с птичьими клювами, плывших впереди. Старшие слуги звали их «тысячеглазыми»; Цемтри уже растолковал мне, что это они летают по небу в обличье воронов, приглядывая за всем,

что творится в Олмо Лунгринг. Любого преступника, лжеца, вора, убийцу, где бы он ни прятался — в горах ли, в лесах или в городской толпе, — они могут найти... а могут и казнить, если будет на то воля Эрлика. От Цемтри же я наслушался историй про злодеев, которые умирали от страха, только увидев черное перо на своем пороге — даже если это был просто пух из подушки, не вовремя взбитой усердной хозяйкой. Морды у демонов были похожи как две — точнее, четыре — капли воды; но по росту вороноголовые отличались. Хотя все были великанами по меркам простых смертных, один был просто огромен — с двухлетнее дерево! Между ребер у него уместилось бы десять железных сундуков, в животе — десять кувшинов чанга; его плечи были как два склона горы, а пальцы — как зубцы кхатванга. Меньший из демонов доставал ему только до груди, а средние — до подбородка.

В этот раз боги не останавливались на площади Тысячи Чортенов. Все великолепное шествие из вахан, шенпо и слуг, потрясая зонтами, оружием и знаменами, прошло сквозь город и выплеснулось на поросшие ячменем поля. Обойдя их с запада на восток, мы повернули обратно в дзонг. Я не мог и шагу ступить от Чомолангмы, так что о гуляниях в Бьяру речи не было — но все же приятно было посмотреть на высыпавший на улицы народ, послушать разговоры, смех и благоговейные вздохи, понюхать хоть издалека жарящиеся в масле момо и пирожки. Неудивительно, что следующего большого праздника я ждал с нетерпением. И вот прошел ровно год с тех пор, как я стал слугою в Перстне, — настало время нового Цама.

В первую неделю празднования Нового года дел у меня было столько, что я с лап сбился. Счетовод сверял записи за все минувшие месяцы — и мне приходилось подносить ему толстые стопки таблиц и искать засаленные свитки, которые старик забывал повсюду, а потом помогать с долгими и нудными подсчетами. От этого к вечеру у меня болела голова и сон не шел, а с утра в черепе будто перекатывались раскаленные камни; в ушах гудело, пальцы тряслись и все съеденное сразу просилось наружу. А ведь надо было еще готовить Чомолангму к празднику! Помня о том, что случилось в прошлом году, я постарался заранее приучить его к суете, толкотне и громким звукам. И хоть для этого мне пришлось надорвать голос и несколько часов кряду прыгать вокруг быка, стуча по украденному на кухне бронзовому котелку, тот вроде усвоил урок — по крайней мере, от криков больше не шарахался. Да, и еще слугам нужно было заниматься одеждой шенов — перестирать, разложить на плоской крыше, придавить камнями, отогнать любопытных птиц... Во влажной зимней мгле чуба сохли плохо, а вечером и вовсе могли замерзнуть, превратившись в ледяные пластины. Тогда нам приходилось сушить их над огнем; и не приведи Маричи[7] передержать! Если оттаявшая ткань обгорала, приходилось еще и дыры штопать!

Потому-то накануне Цама я был еле жив. Казалось, стоит закрыть глаза, и я тут же рассыплюсь — совсем как зола, которая сохраняет очертания сгоревшей деревяшки ровно до первого прикосновения. От мысли о том, что нужно еще несколько часов волочиться следом за быком по воде и посуху, а потом мерзнуть на площади в окружении богов и шенпо, меня тут же начинало мутить. В этот раз Чомолангму обрядили в праздничную сбрую раньше положенного срока, так что можно было бы прикорнуть еще на часок; вот только если бы старшие увидели меня спящим, наверняка задали бы еще работы. Я вздохнул, потер слипающиеся веки и еще раз проверил, достаточно ли крепко затянут ремень под брюхом быка; и тут меня осенило! Когда осмотр узлов, ремешков и застежек был окончен и прочие слуги начали расходиться, я сделал вид, что заметил царапину на копыте быка и затираю ее

пропитанной воском ветошью. Вскоре вокруг никого не осталось. Я встал на цыпочки и прошептал в мягкое ухо Чомолангмы:

— Будь умницей, не раздави меня!

Бык фыркнул, окатив мою морду облаками пара. Во впадине за складкой подгрудка ремни прилегали к его телу не слишком плотно — щенку пяти лет как раз хватило бы места, чтобы пролезть между полосами дубленой кожи и повиснуть на них, спустив лапы. Так я и сделал. Покрывало на спине быка и шарф с ракушками-каури на шее прикрывали меня от любопытных взглядов и от ветра. Сам Чомолангма был теплым, как прогретый над очагом котел. Твердо уверенный, что от шума и движения проснусь и успею выбраться из укрытия, я зевнул и провалился в сон.

Когда я проснулся, шел снег. Большие, слюдянисто блестящие хлопья кружились в воздухе и падали под копыта быка. Это было странно — в последний раз я видел снегопад в горах, когда искал подслащенные морозом ягоды гла цхер[8]; на подступах к городу снег всегда таял и проливался дождем.

Было очень холодно. Хотя мою спину согревал Чомолангма, живот весь промерз; к тому же в лапах, перетянутых ремнями, застоялась кровь, и пальцы ужасно кололо. Я хотел уже вылезти наружу и размяться, но вовремя сообразил, что мы уже не в загоне вахан. Хотя из моего укрытия почти ничего не видно было — только стеганую изнанку шарфа с белыми узелками ниток там, где были пришиты ракушки, да ноги быка, подобные черным торанам... Но стоял Чомолангма не на сером песке двора, а на гладкой поверхности из странного металла — светлее, чем железо, но темнее, чем серебро. В узкой щели, приоткрытой шарфом, мелькнула пара сапог из мягкой телячьей кожи — шены! Неужели шествие уже началось?

Но почему тогда никто никуда не шел? Чомолангма стоял смирно, пофыркивая иногда, отчего скрывавшая меня складка подгрудка мелко тряслась. Топота и бряцания оружия тоже было не слышать; мои уши различали только вой ветра, да какое-то однообразное, высокое шипение... Как вдруг пол дернулся под нами! От неожиданности я аж язык прикусил; рот наполнился солоноватым вкусом крови.

Вокруг стало тихо — так тихо, как не должно быть на земле. Даже ветер куда-то исчез, будто ведьма запрятала его в волшебный узел. Из-за подрагивающих кисточек шарфа я увидел спину простершегося ниц шена. На черный шелк его чуба падали снежинки и, не тая, собирались на лопатках; шерсть на хвосте и гривне заиндевила и обвисла сосульками. Но перед кем он склонился?..

И тут раздался голос, до боли знакомый мне:

— Мой господин, — сказал Чеу Ленца — или Ишо, как я все еще звал его про себя, — мы привели вашу вахану.

— Да! — насмешливо каркнули в ответ. — И кое-что еще!

Шен с присвистом втянул воздух, да так и не выдохнул. Снова стало тихо; а потом чья-то ладонь отдернула покрывало, скользнула под грудь Чомолангме и в один миг с ужасной силой вырвала меня из кожаных пут, а потом отшвырнула прочь. Я упал — и замер, зажмурившись, закрыв уши ладонями, уткнувшись мордой вниз. Влажная кожа на носу тут же прилипла к холодному металлу, но это было не важно. Куда важнее было не поднимать голову, не смотреть, не знать, где я оказался.

— Как ты мог такое провор-ронить, а, Ленца?

— М-мне нет прощения, — едва слышно пролепетал Ишо; его зубы стучали. Меня схватили за шиворот чуба и приподняли вверх, так, что я раскачивался в воздухе, как кулек скисающего сыра. — Открой глаза — хуже тебе уже не будет, мальчик.

И я послушался.

Снег обильно сыпал из белого неба, то закручиваясь вихрями, то разлетаясь во все стороны; внизу, за пеленою серых облаков, горели красные стены Перстня. А прямо передо мной, всего в десяти шагах, на пороге своего дворца стояли боги. Я узнал почти всех — и переглядывающихся, раззявивших клювы вороноголовых; и Палден Лхамо в белом наряде, перепоясанном змеиной кожей; и Железного господина, тяжело опиравшегося на локоть своей супруги. За их спинами стояли двое богов, мне неизвестных, с головами грифа и чудного длинноносого зверя; и все они смотрели на меня — черными, желтыми, красными глазами, горящими, как у ночных птиц. Ветер перебирал их перья и шерсть, скользил по гладкой чешуе, стучал бусинами железных и костяных украшений. Из-за спин лха лился багровый свет, горячим щецу стекая по коронам из черепов.

— Ведь я говорил тебе — не все знания безвредны, — прошептал мне на ухо Ишо. Но хотя в голосе шена слышалось неподдельное сожаление, в его кулаке уже блеснул кинжал-пурба — и я знал, кому он предназначался. За совершенное преступление могла быть только одна кара, и Ишо уже занес лапу для удара... Мое трусливое сердце застучало так, что я подумал — оно разорвется быстрее, чем трехгранное лезвие успеет проткнуть его.

— Остановись, — прозвучал вдруг тихий, надтреснутый голос; и я бы никогда не догадался, что они принадлежит богу — но шены, окружавшие Чомолангму, вздрогнули от этого шепота, как от удара плети. — Оставь щенка — теперь он принадлежит Когтю.

— Господин.

Ишо низко поклонился, убирая пурба в ножны. Черная тень заслонила меня от солнца — это Эрлик подошел к быку, сопровождаемый Палден Лхамо. Я почувствовал, что задыхаюсь, точно рыба, бьющаяся на берегу, — легкие отказывались принимать воздух. Бог склонил голову; только на мгновение его огненный взгляд задержался на мне. Чомолангма, повинувшись неслышному приказу, улегся на живот; красные занавеси хоуда распахнулись и сомкнулись снова, скрывая от глаз Железного господина и его супругу. Шены окружили вахану; Чеу Ленца встал впереди. Он все еще трясся от страха; губы под порослью светло-рыжей шерсти налились синевой, а глаза выкатились наружу, точно два пятнистых яйца. Один за другим вышли из Когтя вороноголовые и встали среди шенпо.

Во дворце остались только двое богов, чьих имен я не знал. Один из них, длинноносый, как макара, и морщинистый, как черепаха, склонился надо мною. Его уши, оттянутые серьгами-булавами, спускались ниже груди; светлую, голую кожу на шее и щеках усеивали мелкие крапинки и пятна размером с перечное зерно; на макушке пробивалась редкая седая шерсть. Я вспомнил — на тханка так изображали чудовищ из южной страны, зовущихся «пепельными», «двузубыми» или «слонами».

— Можешь идти? — спросил он. Я хотел ответить утвердительно, но из горла вышло только сипение. — Ну ладно.

И снова меня подняли чужие лапы. Лха уложил меня на сгиб локтя, точно новорожденного, и остановился, провожая взглядом своих товарищей. Что-то щелкнуло, и большая корзина с вороноголовыми, шенпо и Чомолангмой заскользила вниз на разматывающейся веревке мутаг — та протянулась прямо у меня над головой, прикрепленная к толстой вращающейся оси, вроде положенной на бок молитвенной

мельницы. Должно быть, не одну сутру она успела начитать, пока боги достигли крыши Перстня — и вот, наконец, остановилась.

Когда за порогом небесного дворца остались только ветер и тучи, бог-слон обратился к своему товарищу с головою снежного грифа.

— Вот уж никогда не думал, что здесь снова появятся дети!

Птичий бог покосился на меня круглым глазом; его изогнутая шея и лишенные жира щеки розовели сквозь белый пух. Моргнуло прозрачное веко; лха взмахнул длинными рукавами из зеленого шелка и спросил что-то на непонятном наречии.

— Мне-то откуда знать, — ответил слоноликий, пожимая плечами. — Пока отмою его, а дальше — посмотрим.

Сказав так, он развернулся и направился внутрь дворца, унося меня с собою! От страха я вцепился в его чуба; пальцы загребли обычную, мягкую ткань, пахнущую дегтем и сушеной травой, а не дым или воздух. Это немного успокаивало... хотя не то чтобы очень.

Вход в Коготь преграждала стена — не слишком высокая, локтей в десять. Ее поверхность усыпали осколки синих, зеленых, бледно-лиловых самоцветов, поблескивавших даже в зимнем сумраке, а впереди возвышался идол Железного господина в обличье внешнего защитника, с бычьей головой на мощной шее. Правда, выглядел он совсем не так, как в земных лакхангах: ни тебе развевающейся гривы, ни шерстяных завитков-щиватса[9] на груди! Бог не танцевал на трупах врагов, не пил кипящую кровь из капалы, не воздевал в воздух грозное оружие и даже ваханы лишился; вместо нее он восседал на троне из грубого, покореженного валуна с зеркальными вкраплениями железа на бурых боках. Кулаки, сжимающие аркан и булаву, соприкасались на груди в неизвестном мне жесте; острые рога подымались надо лбом, как плечи туго натянутого лука. Странно, но у подножия идола не было ни масляных торма, ни чаш с водой и подношениями; не горели курильницы с сангом; пустыми стояли трехногие жаровни для белых и красных даров. Только ветер, врывающийся в распахнутые ворота Когтя, намел к трону пригоршни колючего снега. Мне стало жаль истукана, хоть простыть ему и не грозило.

— Почему слуги не убирают снег? И не приносят жертвы? — спросил я слоноликого. Тот сначала уставился на меня, потряхивая жилистыми ушами, — наверное, удивился, что я вообще могу разговаривать, — а потом ответил, чудно растягивая звуки:

— Какие слуги, малыш?.. Будь моя воля, я бы его вообще выкинул.

От такого святотатства — да еще и от бога! — дар речи снова покинул меня.

В стене, заслоняющей путь, не было ни замков, ни дверей. Я думал, мы с богом взлетим или пройдем прямо сквозь нее, но оказалось, что преграду можно обогнуть, просто свернув в незаметную нишу. И вот, перед нами открылась глотка дворца — галерея длиной где-то в пятьдесят шагов. Здесь не было ни окон, ни масляных ламп; рассеянный свет шел только от дальней стены, сплошь выложенной окрашенным стеклом. Я видел похожие штуки в Бьяру, в окнах богатых домов, но там было пять-шесть пестрых стекляшек, а тут — тысячи! Внизу, у самого пола, узор походил на волны и водовороты, но чем выше я поднимал взгляд, тем яснее в нем проступали изгибы змеиного тела. Прямо по ним скользила узкая лодчонка; воин в ней, — такой маленький, что ни лица, ни доспехов не разглядеть, — вонзал копье в чешуйчатую шею врага; и хотя его оружие было не толще щепки, чудище разевало пасть в беззвучном крике. У самого потолка, над лодкой и змеем, горело красное, лишенное лучей солнце... А ведь я знал эту историю! Разве это не первое деяние Железного господина —

борьба с великаншей-Лу по имени Джараткара, из рода Васуки? Ишо так и говорил, что Эрлик поразил ее в основание черепа; и Коготь похож на лодку с приподнятым носом! Я хотел спросить слоноликого, верно ли догадался, но не успел и хвостом махнуть, как мы уже миновали галерею и очутились в месте, которого не видали и сами почжуты!

Много чудес ожидаешь от жилища богов: рек меда с берегами из шо, гор золота и земли, покрытой янтарем и лазуритом, подносов с рисовыми пирожками и дымящимся нежным мясом, кувшинов драгоценной амриты, стай дри-за, питающихся запахами небесных музыкантов, чьим лютням вторят неумолкающие певчие птицы... Ничего этого не было здесь. Вместо этого мы вошли в просторный зал с прозрачными стенами, пронизанными темными, ветвистыми прожилками; те казались живыми, как крылья насекомого или потроха с сосудами, полными крови. Отсюда можно было увидеть и пасмурное небо Бьяру, и череду белоголовых гор на западе и востоке, и падающий снег — розовый, как лотосы на переднике злосчастного Ишо. А ведь снаружи Коготь был непроницаем для взгляда! Значит, боги могли наблюдать за нами, оставаясь невидимыми...

Вдоль стен на равном расстоянии друг от друга высились столпы из стекла или хрустала, в дюжину обхватов шириной. Они подпирали потолок, весь покрытый золоченой резьбой: многовесельными ладьями, кобрами, скорпионами и звездами, составленными в незнакомом порядке. В самом зале был разбит сад, давно запущенный и одичавший: жгучая крапива льнула к подолу лха мохнатыми бледными листьями; кусты гла цхер качали коралловыми серьгами несобранных ягод; поодаль среди густой осоки прятался затянутый ряской пруд. И всюду, куда ни глянь, росла сорная трава, усатыми колосьями похожая на ячмень или пшеницу, а чернотой — на воронов Бьяру! А еще здесь были деревья, даже зимой не сбросившие листву: сердцевидные гранаты и румяный миробалан, рыжая, как рдеющий уголь, хурма и лиловые фиги... Спелые плоды так и просились в рот! Я не удержался и сорвал один — круглый, с тонкой кожицей, похожий на застывший от холода мед.

— Не ешь здесь ничего, — тут же велел слоноликий.

— Почему?

— Потому что, — отрезал тот. Что поделаешь! Повертев сладость в пальцах, я швырнул ее в заросли сорняков и, чуть робея, спросил:

— А где все остальные боги?..

— Спят, — коротко ответил мой провожатый.

Сад заканчивался еще одной стеной, поросшей девичьим виноградом. Перед слоноликим она разошлась сама собою, пропуская нас дальше. Внутреннее убранство дворца живо напомнило мне о старой гомпе Перстня: стены здесь были такие гладкие и белые, будто их выточили из цельного куска камня, что зовется «шо богов» и рождается в горах из нетающего снега. Под потолком горели холодные, бездымные огоньки; должно быть, драгоценности, украденные богами во времена Махапурб из подземных городов Лу! Но толком рассмотреть чудесные светильники не удалось: бог внес меня в просторную комнату, заполненную множеством странных вещей. В дальнем углу притулился стол для письма, заваленный стопками табличек, свитками в резных футлярах и даже дорогими бумажными книгами. Вдоль стен тянулись полки с бесчисленными ларцами, мешочками и сосудами — узкими и вытянутыми, как пальцы, круглыми и плоскими, как лепешки, остроконечными, как стрелы, толстобокими, как ступы для цампы, с ручками и без, с длинными носами и вовсе без носов. По левую сторону на полу лежало несколько длинных, полых внутри предметов, вроде обитых серебром сундуков; посреди комнаты на единственной кривой ноге

стоял еще один стол. Вот только он был слишком высоким и узким, чтобы расставить на нем пищу, и слишком покосившимся, чтобы писать... а еще сверху над ним по-паучьи свешивались крючья, тесаки и кинжалы, оплетенные упругими сосудами. Те уходили куда-то в потолок — наверно, там располагалось сердце этой странной твари.

Не успел я оглядеться, как бог опустил меня прямиком в блюдо.

— Снимай-ка одежду и обувь, — приказал он, натягивая на лапы перчатки из какой-то прозрачной и очень липкой ткани. Пальцы у него были безволосыми, как у ученицы лекаря, осматривавшей когда-то дядю Мардо, и с остриженными под корень когтями. — Вонь от тебя, как от навозной кучи... Не перестаю удивляться — и как у народа, произошедшего от *сед*, настолько отбило обоняние?

Я не знал, кто такие *сед*, но понял, что лха недоволен. Мне бы, конечно, следовало испугаться, но страхов на сегодня и так было многовато. Поэтому я покорно стянул чуба, штаны и сапоги и стал терпеливо дожидаться, пока слоноликий разведет под посудиною огонь, накроет меня крышкой, потушит и съест. А вместо этого на голову вдруг обрушился поток кипящей воды, заставив меня взвыть.

— Что, слишком горячо?

— Я облысеюуу! — в отчаянии выкрикнул я. Может, мне и предстояло стать блюдом на чужом столе — но почему нельзя было умереть красивым? — От горячей воды волосы выпадают!

Лха наморщил лоб и вдруг оглушительно хрюкнул длиннющим носом, а потом и вовсе схватился обеими лапами за затылок, будто намеревался стянуть с морды кожу. И точно! Его щеки и подбородок вдруг отделились от основания. Я вцепился в край блюда, приготовившись увидеть грозное обличье божества — череп, покрытый влажным красным мясом, с болтающимися на нитках нервов глазами... Но вместо этого увидел сову.

И она хохотала.

— Что такое? Неужели я выгляжу хуже, чем это пугало? — спросил лха, потрясая в воздухе какой-то деревяшкой. Его голос, который раньше хрипел и гудел, как костяной ганлин, теперь стал мягок и приятен; а лицо хоть и напоминало плоскую морду неясности, все же принадлежало не птице. Под острым носом, который я сначала принял за клюв, помещался маленький рот с тупыми козьими зубами. Глаза у бога были серые и круглые, как у рыси, уши-раковины — неподвижные, как у обезьяны, а кожа — лысая, как у лягушки; лишь на макушке ее прикрывала короткая седая грива. Такого странного чудовища я и вообразить себе не мог! Неудивительно, что в этом обличье лха никому не показываются. Но кое-что в чертах бога казалось знакомым: глубокие морщины и запавшие щеки, нависшие над темными веками складки кожи... Он был определенно стар и чем-то опечален.

— Не бойся, не облысеешь! — заверил бог и плюхнул мне на голову нечто, воняющее дегтем и сажей. Густая пена потекла по лбу; в глазах ужасно защипало.

— Я и так чистый! Я мылся на праздник.

— Этот праздник был полгода назад.

— Чаше мыться вредно! — разумно возразил я, но тут в пасть мне сунули кусок вязкой смолы.

— Жуй, — наказал лха, набирая в ладонь еще вонючей жижи. Я послушно зачавкал, ощущая ползущий по горлу холодок — и ползущую по шерсти щетку, вроде той, которой чистили бока Чомолангме. Много времени прошло, прежде чем это мучение закончилось. Наконец старик обтер меня толстым полотенцем и пересадил из блюда на покосившийся

стол; тот зашевелился, выпрямляясь, — ладно хоть железные щупальца на потолке остались неподвижны.

— Надо же, ты и правда черный. Я думал, это от грязи, — пробормотал бог, выискивая что-то в моей гриве; затем приподнял уши и поскреб внутри серебряной палочкой, с неподдельным интересом осмотрел зубы и язык, велел поворачивать глазами, а потом и вовсе начал ощупывать кости, одну за другой, что было жутко щекотно.

— Где это ты ребра поломал?

— Меня сова уронила в детстве, — буркнул я.

— Да ты везучий, я погляжу, — усмехнулся лха, стянул перчатки и вручил мне пару тонких облаток. — Съешь-ка.

Неведомое яство не имело запаха, но на вкус было отвратительно. Одновременно горькое, соленое и кислое, оно вышибало слезы из глаз и сопли из носа. А пока я чихал и кашлял, в левую лапу воткнулась игла!

— Ты бог-лекарь, да? — печально спросил я, глядя, как моя кровь красной ниточкой ползет по стеклянной трубке.

— Можно сказать и так, — кивнул старик, прикладывая кусок белого хлопка к раненому месту. — Сиди смиренно и держи вату!

— Значит, все вы одинаковые, — фыркнул я, болтая свешивающимися с края стола лапами. — Другой лекарь, которого я встречал, тоже всех мучил.

— Это для твоей же пользы.

— Тот тоже так говорил, — я вздохнул; кажется, настало время задать главный вопрос. — О, небесный целитель! Скажи, пожалуйста, меня убьют?

— Нет, — проворчал бог, нависая надо мною. Его брови были хмуро сдвинуты, и говорил он так, будто уже спорил с кем-то. — Тебя никто не убьет. Еще нам не хватало убивать детей. Сиди здесь, а я пока поищу тебе одежду. Может, что-то из вещей Шаи подойдет... А, и если живот скрутит — используй тот горшок!

Сказав так, он оставил меня в одиночестве. Увы, прощальное предсказание сбылось! Воистину, мудрость богов велика, и сомневаться в ней не стоит.

Лекаря не было долго — точно не знаю, сколько. От испуга и усталости у меня мутилось в голове; я завернулся в полотенце и сидел, уставившись в стену, прислушиваясь к гулу внутри дворца — мерному и глухому, как гром над далекими горами. Наконец сланоликий вернулся, неся под мышкой стопку одежды. Здесь были чуба из переливающейся лиловой ткани, с узлами-застежками из витых серебряных ниток и таким же поясом, темно-зеленые штаны и туфли из мягкой кожи, с парчовыми полосами на носу. Хоть вещи и были мне великоваты, зато выглядели роскошно! Добавить бы еще серег в уши и браслетов на лапы — и я бы сошел за настоящего оми.

— А чье это все? — спросил я, торопливо натягивая дивный наряд.

— Моего сына... когда он был поменьше, разумеется. Подожди, я и забыл, что у тебя есть хвост!

Лха вырвал штаны у меня из лап и пропорол в них дыру узким кинжалом; им же он разрезал подол чуба на две равные части. Мне был до слез жалко прекрасную ткань, но так и правда стало гораздо удобнее.

— А он бог чего?

— Вот уж не знаю... Как по мне, так бессмысленной траты жизни. Ладно, маленький

вепвавет, пойдём! Познакомишься со своими богами.

Тем же путем мы вернулись в сад. Снегопад снаружи усилился; ледяная крупа сыпалась из неба густо, как блохи из шерсти нищего, а внутри Когтя стало темнее. Даже листья на деревьях и кустах казались почти черными и блестели, точно покрытые слоем лака. Старик указал мне на едва видимую тропинку, ведущую вглубь зала. Он пошел впереди; я поплелся следом. Сорная пшеница, приходившаяся богу по пояс, больно хлестала меня по носу. Длинные травяные усы жалили даже сквозь шерсть, совсем как оголодавшие по весне комары; нестерпимо хотелось почесаться. Но тут из дверей Когтя потянуло холодным ветром; колосья зашипели, пригибаясь. Впереди, среди зарослей одичавших растений, мелькнуло пятно света. Вот диво! Прямо внутри дворца кто-то поставил навес с тремя стенами, похожий на многоступенчатый кумбум[10] (так я и прозвал про себя это место). Изнутри доносились голоса, приятные и даже веселые, хотя слов было не разобрать.

К порогу кумбума вела лестница в три высокие ступени; лекарь легко взбежал по ним, а мне пришлось карабкаться на каждую, пыхтя и отдуваясь.

— Хочешь, я тебя понесу? — обернувшись, предложил бог.

— Сам дойду, — буркнул я, примериваясь к покорению последней ступени. Старик только плечами пожал. Наконец, управившись с подъемом, я вошел внутрь и зажмурился от света. Лапы сами собой сделали еще несколько шагов и остановились, будто приколоченные к полу. Вокруг стало тихо.

Я медленно открыл глаза. Боги сидели за длинным столом, заставленным дымящимися горшками, распечатанными кувшинами и глубокими тарелками. Всего числом восемь... или девять — вместе с небесным лекарем, для которого оставлено было место с левого края. У всех были одинаковые плоские морды и лягушачьи рты. Сложно было даже понять, кто тут мужчина, кто женщина, кто молод, а кто стар!

— Это Шаи, мой сын, — сказал он, кивая на бога, сидевшего рядом с пустующим местом. В их родстве не было сомнений: Шаи походил на отца и худым, жилистым телом, и острыми плечами, и длинной шеей, вытянутой вверх, как у разозленного гуся. Разве что грива у него была темной, а щеки и запястья не пестрели бурными пятнами. Казалось, молодой лха чем-то встревожен: даже когда он молчал, его губы шевелились, то округляясь изумленно буквой «ба», то кривясь слогом «ла».

Следом за ним, свесив нос в тарелку, сидел бог-гриф — хоть он и лишился своего клюва и лысой макушки, я узнал его по дорогим зеленым одеждам. Когда он поднял голову, чтобы кивнуть мне, в черных с проседью волосах звякнули кольца из молочного нефрита. Глаза, и без того запавшие, были густо подведены тушью; от этого лха казался уставшим, почти измученным.

— Это Нехбет, наш... хм... министр. Учти, ей вы обязаны тем, что еще не померли все от голода, — объяснил слоноликий, а потом, повернувшись к другой части стола, начал перечислять. — Это Сешен-Ай, Сешен...

— Сиа, он так никогда не запомнит! — воскликнула одна из богов, в которой я и без подсказки лекаря признал женщину — по высокому голосу и мягким очертаниям тела, полускрытого накидкой из золотой парчи. Это явно была одна из вороноголовых; и остальная троица демонов сидела тут же, заняв всю правую часть стола! — Меня зовут Камала, того молчуна — Пундарика, эту милашку — Падма, а великана — Утпала.[11]

— Я видел его, — сказал Пундарика, склоняясь над столом, как стелющаяся над землей

туча. Из-за сутулых плеч и сонно прикрытых век казалось, что он вот-вот уткнется носом в скатерть и захрапит. — Он спрашивал, как меня зовут.

— Да, ты же из Перстня, — воскликнула самая низкорослая демоница, Падма, и звонко прищелкнула пальцами. Она, вероятно, была и самой младшей здесь: даже глаза у нее были синие, как у новорожденного щенка. — Точно! Следишь за быком! Я тоже видела тебя.

— Тсс, — буркнул огромный Утпала, прикладывая палец к губам. Бугристые, страшные шрамы на его лице то светлели, то наливались кровью. — Вы его пугаете.

Не обращая внимание на поднявшийся шум, лекарь указал на середину стола, куда я сам не смел посмотреть.

— Это Селкет-Маат и Ун-Нефер... — он запнулся, словно раздумывал — стоит продолжать или нет? — Вторая Палден Лхамо и тридцать восьмой Железный господин. Ну же, не бойся! Подними голову.

Я повиновался. Богиня улыбнулась и приветливо кивнула, — а мне пришлось призвать на помощь все мужество, чтобы тут же не броситься прочь из кумбума. Даже в этом, мирном, обличье ее глаза были красными. Красной была и шуба, подбитая мехом снежной лисы. Но само тело Палден Лхамо — ее кожа, плоские когти, губы и щеки, ресницы и волосы, заплетенные в длинную косу, — были белее молока, белее седин старого лекаря, белее даже, чем «каменный сок»[12], рождающийся в заполненных пламенем ямах.

На столе перед богиней лежала плоская маска совы. А рядом стояла вторая, бóльшая маска, которую издали можно было принять за горшок — так грубо она была сработана, так сильно истрепалась. Мне видны были царапины и щербины сколов, и даже небрежные мазки краски, из-под которой проступала деревянная основа. Это был странный зверь, не то бык, не то ящерица, с желтыми, как сердцевина яйца, зрачками, затупившимися рогами и двумя рядами кривых клыков, из-за которых вываливался разбухший язык. Его рожа казалась почти смешной... но на хозяина маски мне страшно было смотреть. Отведя взгляд, я разглядывал рукав его синего чуба, отороченный рыжим мехом, и лежащую на маске ладонь. И я готов был поклясться, что там, где пальцы Железного господина касались дерева, облезший лак превращался в змеиную чешую, а краска — в черную шерсть!

— Ну, и что ты собираешься делать с ним, Уно? — спросил лекарь, закончив называть богов.

— Ничего, — отвечал Эрлик тем же тихим голосом, что я слышал с утра — совсем не похожим на рев, который должен был выходить из его пасти по преданиям шенов. — Поддержим его здесь, а утром вернем вниз.

— Так просто? — недоверчиво переспросил старик.

— А я знал, что не зря пропускаю сегодня все веселье в городе! — вдруг радостно воскликнул Шай. — У Железного господина есть совесть и, может быть, даже сердце! За это надо выпить!

— Шшш! — замахнулась на него женщина-гриф. — Уно, разве ему будет безопасно внизу? Шены не слишком-то любят напоминания о своих ошибках. Ленца сегодня сел в лужу; не станет ли он мстить?

— К тому же, веппавет любопытны, — протянул Утпала, почесывая правую щеку. — Особенно твои колдуны. Ребенку выгрызут мозги до самого хребта, если решат, что внутри есть хоть что-то интересное.

— Мы можем приглядывать за ним, — подала голос Падма.

— Да, но не все же время! — покачала головой Камала; и только Пундарика ничего не

сказал.

— Что же, вы хотите оставить его здесь? — спросил Железный господин, и прочие лха, задумавшись, притихли. — Есть способ проще. Чтобы шены не навредили Ринуму, слуге Перстня, сыну рогпа и самадроги, родившемуся в год Мевы Черная Двойка, он просто перестанет быть им. Посмотри на меня, мальчик, и ответь — как твое имя?

Волей-неволей мне пришлось задрать подбородок и заглянуть в светлые глаза бога, похожие на зеркальную поверхность Бьяцо.

— Как твое имя? — повторил Железный господин. Что-то щелкнуло в ушах — и еще раз, и снова. Этот звук я слышал раньше, на площади Тысячи Чортенов, — как будто в череп насыпали еще искрящегося угля, а теперь заливают его ледяной водой. Только на этот раз он был громче, куда громче, и все усиливался.

— Я... — шум в голове мешал сосредоточиться; треск превратился в гудение, гудение — в быстрое путаное бормотание, как будто кто-то пытался подсказать мне ответ. — Ммм...

Странно, но вспомнить имя никак не получалось! Я в недоумении уставился на лапы — те тоже были как будто чужие. Шерсть на них отливала бурой ржавчиной, волнами расползающейся от основания когтей. Губы, шея и плечи оцепенели, будто от холода; только в груди что-то жгло и трепыхалось, как пойманная в кулак оса. Не там ли моя мать повязала невидимый узел, когда я готовился навсегда покинуть дом? Но как ее звали? И где был мой дом?

— Как твое имя? — снова спросил бог. — Разве не Тонгьял Цома, ученик кузнеца?

«Конечно!» — чуть не заорал я; моему облегчению не было предела — вот оно, мое имя. Конечно!

— Прекрати! — лекарь вдруг сгреб меня в охапку, прижимая носом к шерстяному чуба. Дышать стало тяжеловато. — Что ты делаешь!.. Это не лучше, чем убить его! Второе хотя бы честнее.

— Ты не прав, Сиа, — возразила Палден Лхамо, до тех пор молчавшая. — Он так мал что почти ничего не теряет. Сколько он забудет? Года четыре?.. А если сохранить его *рен*[13], он всю оставшуюся жизнь проведет в страхе. Тот же Ленца, если захочет, легко найдет его — он, может быть, рассеян, но не глуп. Так что это наилучший выход.

Над столом богов повисла тишина; слышно стало, как за стенами кумбума зимние сквозняки ползут сквозь сорную пшеницу.

— Нет! — Шаи вдруг хлопнул ладонью по столу так, что посуда зазвенела. — Я согласен с отцом — вы не можете просто... стирать...

Лха запнулся, коснувшись лба кончиками пальцев, — будто забыл, что хотел сказать; но потом все же продолжил:

— Если уж на то пошло, почему бы ему и не остаться здесь?

— Да, — кивнул лекарь. — Я буду заботиться о нем.

— Точно! — поддержала его Падма. — Я давно хотела одного себе завести!

— Это не домашний питомец, — осадил демоницу Утпала. — И он должен жить среди себе подобных.

— Да ладно, чем мы хуже-то? — протянула Камала, подцепляя ножом кусочек мяса и отправляя его в рот. — Тем более ты сам сказал — внизу ему опасно.

— А сам-то ты что об этом думаешь, *вепвавет*? — спросила Нехбет, женщина-гриф. И я ответил, обращаясь ко всем богам сразу:

— Вы пощадили меня, хотя я заслужил смерть. Теперь моя жизнь принадлежит Когтю и

Железному господину, и я буду вечно служить вам... Клянусь.

Знай я все, что знаю сейчас, — дал бы я эту поспешную клятву? Или предпочел бы жить как Тонгьял Цома, ученик кузнеца? Теперь я часто спрашиваю себя об этом — и не нахожу ответа. Но тогда над столом уже прозвучало:

— Пусть будет по-твоему.

И тут же меня схватили чьи-то лапы, подняли вверх, закружили — это вороноголовые накинулись разом всей стаей. Они ощупывали и разглядывали меня и так, и этак, то подбрасывая в воздух, то ероша пальцами гриву.

— Такой мягкий! — вздыхала Камала, прижимая меня к щеке; от нее пахло пудрой, медом и розовым перцем. — Как подушка! Ммм, так бы и раздавила!

— Да ты сейчас и раздавишь! — ворчал Утпала. — Осторожнее, они не такие прочные, как кажутся.

— Дайте, дайте мне тоже! — подпрыгивала на месте Падма; только четвертый демон, Пундарика, не участвовал в этой забаве — но и он в конце концов протянул пухлую ладонь, чтобы погладить меня по затылку. Когда вороноголовым надоело это развлечение, они передали меня лекарю. Не могу не признать, я рад был вернуться к старику; тот усадил меня на колени и положил в тарелку настоящей пищи богов — мяса, мягкого хлеба и несколько ложек сладкой рисовой каши с орехами. Сами боги ели за десятерых и в один глоток опустошали пугающего размера чаши — но, кажется, почти не пьянели, разве что все чаще заговаривали на своем, непонятном языке.

Увы, этот день был слишком долгим для меня! Хотя я и силился прислушаться к ведущимся за столом разговорам, из которых разумные мужи и жены наверняка почерпнули бы древних тайн и мудрости тысячелетий, мой дух совсем ослаб — а может, это действовало снадобье, которое скормил мне слоноликий? Как ветка под обильным снегом, моя шея сгибалась все ниже под грузом головы; наконец, я зевнул так широко, что подбородком чуть не коснулся груди. Тогда кто-то взял меня за лапу и повел сквозь черную траву, напрямиком в темноту.

[1] Верхнее, подвижное колесо жернова.

[2] Мэндон (тиб.) — длинное сооружение из камней в виде вала или стены. Зд. — крепостная стена.

[3] Буквально — «ветер-конь».

[4] Буква тибетского алфавита, похожа на положенную на бок «г».

[5] Бхогавати — столица Паталы, подземного царства нагов.

[6] Дом — старинная тибетская мера длины, равная размаху рук.

[7] Маричи — в Тибете богиня рассвета, солнца. Среди ее атрибутов — иголка и нитка.

[8] Гла цхер (тиб.) — барбарис.

[9] Завитки волос на груди, благоприятный символ. Встречается в изображениях разных божеств.

[10] Кумбум — строение в форме многоярусной ступы.

[11] Все это — названия разных видов лотосов на тиб. и санскрите: утпала — синий «ночной» лотос, камала — красный лотос, пундарика — белый съедобный лотос, падма — лотос. Просто лотос.

Сещ(с)ен — «лотос» на др. египетском.

[12] Известь.

[13] Рен (др. егип.) — имя.

Свиток IV. Семь сокровищ чакравартина

Мне холодно и страшно. Я слышу гул, низкий и унылый, — может, это ветер вьет гнездо под сводами месектет; а может, лед начал прорасти сквозь стены. Что бы там ни было, этот звук пугает меня; он не прекращается уже несколько дней и становится все сильнее. Тщетно я пытаюсь найти покой в своем занятии: но кисть дрожит в пальцах, и чернила замерзают, разделяясь на мутный осадок и прозрачный лед.

И все же я заставляю себя писать — и вспоминать, каким это место было прежде. Говорят, пока помнят Рен, мертвый не мертв до конца. Надеюсь, что это так! А потому я снова и снова называю имена тех, чье дыхание согревало когда-то эти опустевшие покои; я зову их — пусть приходят, где бы они ни были сейчас.

— Лунг-та! Земля дрожит под ударами

Твоих неистовых ног,

Планеты меняют свой бег,

И пламя звезд раздувает

Дыхание мощных ноздрей.

Ужасом полнится небо,

Взбитое, как молоко,

Прядями спутанной гривы.

Поток, питающий тучи,

Сонмы звёзд и планет,

Всё это — капля воды

В прядях твоих волос.

Проснулся я от того, что сердце бешено колотилось, а шерсть на лапах и загривке стала дыбом. Мне чудилось, будто какая-то тварь навалилась на меня мягким, пышущим жаром телом. Взвизгнув от страха, я рывком сбросил тяжелое одеяло — видно, оно и было причиной кошмара.

— Эй, как там тебя! Можно потише? И так голова болит.

Это говорил Шаи, сын небесного лекаря. Выглядел он и правда не слишком здоровым — пряди короткой гривы слиплись и стояли торчком, глаза покраснели, а многообразные пятна — следы вчерашнего веселья — так обильно усеивали чуба, что оно походило на пестрое перепелиное яйцо.

— Меня звать Ринум, — сначала представился я, а уж потом полюбопытствовал. — А что ты тут делаешь, о боже?

— Только что я спал, — ответил лха, подымаясь с шаткого трехногого стула и с хрустом потягиваясь. — Как тебе местечко?

Вопрос застал меня врасплох — я ведь даже не помнил, как здесь очутился! Покои были невелики по меркам дворца: всего десять шагов в ширину и столько же в длину. Окон здесь не было, но зато стены покрывали пластинки светящегося зеленого стекла, изображающие заросли тростника. Тут и там в них прятались утки, цапли и макары из гладкой эмали; присмотревшись, я углядел даже зимородка с крошечной серебряной рыбкой в клюве и пару сплетшихся рогами улиток, размером не больше когтя. Поверх дутых стеблей был выложен узор из голубых цветов, напоминающих чаши для часуймы, а потолок занимало лучистое

золотое солнце.

— Красиво, — решил я.

— Ну и замечательно — тебе же теперь здесь жить. Раньше это была моя детская, но теперь у Сиа новый ребенок. Постарайся не стать таким же разочарованием, как я... Ладно, вылезай из постели! Чем быстрее я все тут покажу, тем быстрее пойду спать дальше.

Вняв призыву лха, я начал собираться. Нарядные штаны, подарок небесного лекаря, так и остались на лапах, а вот чуба я умудрился во сне затолкать к самому изножью кровати; пояс обнаружился под подушкой; правая туфля нашлась под стулом, на котором только что дремал Шаи, а левая — под сползшим с кровати одеялом. Перепоясавшись, отряхнув подол и прорядив гриву пятерней, я уже готов был к покорению Когтя...

— Погоди-ка, не так быстро, — молодой лха легонько подтолкнул меня к одной из стен, ничем не отличающейся от прочих, — но стеклянные растения на ней расступились, открывая потайной чулан с полом, изрешеченным сотней мелких дыр. Света здесь почти не было, только белели в полумраке странные наросты, вроде набухших от влаги древесных грибов, да блестели бока серебряных труб и маленькие крючки, на которых, как хатаги на двери дзонга, были развешены отрезки плотного хлопка. Поддавшись любопытству, я потянул лапы к одному из наростов... Как вдруг тот поддался, сплюснвшись под пальцами, и сверху с ревом брызнула вода, окатив и меня, и Шаи!

— За что мне все это? — горько вздохнул тот, ударя ладонью по коварному грибу; вода послушно остановилась. — За то, что не дал тебе мозги промыть, вот за что! Страдаю за свою же доброту...

Причитая так, лха надавил на другой полупрозрачный пузырь, прилепленный пониже, — и из того нехотя вытекла капля густой, едко пахнувшей жижи. Размазав ее по кисточке из рыжей щетины, бог велел:

— Чисть зубы.

— Что? — не понял я. Вместо объяснений Шаи схватил меня за лапу и ткнул вонючей кисточкой в рот. Язык и небо обдало не то жаром, не то холодом; я как будто отхлебнул из кувшина гвоздичного масла и заел его пригоршней ледышек.

— Так, теперь надави сюда, — лха прижал мой палец к другому пузырю; из его металлического жала с журчанием потекла теплая вода. — Прополощи рот — и выплевывай! И делай так каждый день.

— Зачем? — с тоской спросил я.

— Потому что боги так велят, — назидательно ответил сын лекаря и отер рукавом все еще стекавшую по лбу и подбородку влагу. — Правда, я думал, все будет гораздо хуже — а ты даже не испугался особо!

— Что я, дикий, что ли? У нас в Перстне тоже такие штуки есть: отомкнешь запор — вода течет, замкнешь — не течет.

— Да-а, точно, как я мог забыть! — Шаи так мерзко хмыкнул, что мне даже обидно стало за величественные чертоги шенпо. — Значит, с нужником сам разберешься, без моей помощи. Теперь пойдём.

Тут перед нами расступилась другая стена спальни, за которой оказался белый коридор — тот самый, по которому вчера меня вел небесный лекарь.

— Вот такого в Перстне точно нет! — я осторожно коснулся краев проема — гладких, красновато-прозрачных в глубину, как леденец из жженого сахара. Возможно, они и на вкус были такими же, — но, когда я уже собирался лизнуть таинственное вещество, чтобы

проверить, Шаи сказал:

— Прежде, чем сделаешь что-нибудь глупое, лучше тебе знать, что эта *месектет*[1]... этот дворец живой. У него есть мясо, которое может расхотиться и снова срастаться — его ты и собираешься сейчас обслюнявить; есть кости, — череп, хребет и множество ребер, — и даже кожа, прочнее черепашьего панциря, которая выдерживает любой жар и холод, удары камней и железа... и много чего еще. Но самое главное, у дворца есть ум и память; и такие выходки он тебе припомнит.

— Значит, мы сейчас внутри огромного демона?

— Вроде того.

Хоть я и ожидал от Когтя чего-то подобного, но все-таки поежился. Правда, кроме слов Шаи, была и еще одна причина, почему это место внушало невольный страх.

— Господин лха, скажи, пожалуйста — а почему здесь никого нет? — робко спросил я, поводя лапой налево и направо. — Шенпо рассказывали, что Железный господин спустился с небес со свитой в триста богов и младших духов. Но вчера я видел только семерых, не считая Палден Лхамо... Где же все остальные? Воины с огненными мечами, рубившие головы Лу во время Махапурб? Небесные девы с тридцатью золотыми кольцами на хвостах и речной жемчужиной на каждом волоске гривы? Дри-за, крылатые певцы, едящие через ноздри, чтобы ни на мгновение не прерывать сказание о славных делах Железного господина? И души праведников, что утопились в Бьяцо? Разве они не должны были переродиться здесь, чтобы вечно служить богам?... Я сам знал двух таких! Их звали Тамцен и Сота. Может, ты встречал их во дворце?

— Никаких праведников здесь нет, — Шаи скривил губы так, будто глотнул скисшего молока; казалось, он вот-вот сплюнет на пол. — А нас и правда было больше... но теперь все спят. Тех, кто остался, ты видел вчера. Они живут наверху — там больше света; только Сиа уютится здесь, со своими драгоценными склянками... Ну и тебя мы решили поселить по соседству. Кстати, вот его комнаты — помнишь, тебя тут вчера мыли?

— Все эти двери одинаковые! — вырвался у меня вопль отчаяния. — Как мне их различать?!

— Во-первых, тут написано, — палец лха уткнулся в едва различимую загогулину, какой я прежде никогда не видел. — Во-вторых, со временем и так запомнишь... Лет через десять-двадцать, не больше.

Между тем мы вышли к залу-саду, гудящему от зимнего ветра, как поющая раковина под губами. Сорная пшеница качнулась нам навстречу. Ее перешептывания звучали угрожающе, но Шаи этого не заметил.

— Тут у нас кухня. Есть даже очаг с настоящим огнем, — с непонятной гордостью поведал он, направляясь к уже знакомому мне кумбуму. — Некоторые, правда, предпочитают жевать *те*[2] всухомятку, одни и в темноте... А некоторые — нет. Привет, Падма.

За столом с неубранными остатками вчерашнего пиршества сидела, поджав лапы к подбородку, маленькая демоница. Хоть обликом она и походила на прочих жителей дворца, я бы ничуть не удивился, если бы ее черная одежда и вздыбленные волосы превратились вдруг в перья и Падма с карканьем унеслась прочь — терзать овец в Перстне и обдирать позолоту с чортенов. Вороноголовая на мгновение оторвалась от большой дымящейся чаши, которую ей пришлось обхватить обеими ладонями, глянула на нас, фыркнула и снова поднесла посудину к губам.

— Падма не любит меня, — доверительно сообщил Шаи.

— За что тебя любить?.. Вообще не понимаю, как можно было поручить бедного ребенка... тебе.

— А почему бы и нет? Я тут единственный, кто хоть что-то понимает в жизни вепвавет.

— Это ты-то единственный?! — возмутилась демоница, чуть не подавившись супом. — Я целыми днями только и делаю, что разбираюсь с их бедами! Кто находит детей, заблудившихся в горах? Кто ловит воров и убийц? Ты, что ли?

— Ах, Падма, Падма... Одно дело — парить в небесах и жечь священным огнем всяких грешников. И совсем другое — скинуть с крыши лакханга кусок мерзлого дерьма, прежде начертав на нем слова благословения, и убедить обнаглевшего чинушу, что это подлинный дар богов, который стоит немедля облобызать и водрузить на алтарь[3]! В тепло! Три дня потом дом проветривали, хе-хе.

— Беее, мерзость! Я тут поесть пыталась вообще-то! — воскликнула Падма и резво унеслась прочь, чуть не расплескав по пути все содержимое чаши.

— Ну, не знаю. Я ведь его почти не обманул — просто какие боги, такие и дары, — пожал плечами Шаи.

— Значит, бог из тебя... не очень? — поскребя затылок, спросил я. Вместо ответа лха плюхнул щедрый кусок масла в засохшую кашу и принялся ее яростно перемешивать. Потом отставил горшок в сторону, утер лоб и вдруг сказал:

— Послушай вот что — и попытайся понять... а если не поймешь, хотя бы запомни. Мы — вообще — не — боги.

— Ну да-а, конечно! А что ж вы страшные такие? Не могла земля уродить... вот это. Не в обиду тебе будет сказано, господин, но выглядишь ты, будто лягушка с обезьяной поженились.

Лха только поморщился и брякнул на стол тарелку.

— О вкусах не спорят. Кашу будешь?

— Буду, — кивнул я и принялся жадно уплетать угощение. Шаи между тем прихлебывал холодную часуйму и яростно чесал щеку, размышляя о чем-то. Только когда я потянулся за добавкой, он снова обратился ко мне:

— Пожалуй, расскажу тебе все сразу. Да и чего тянуть? В чем-то прав, маленький вепвавет, — мы пришли сюда издалека. Можно сказать, спустились с небес... точнее, упали с них.

Он смел рукавом крошки и повел пальцем по скатерти.

— Знаешь, что будет, если подыматься все выше и выше в воздух?

— Конечно! Сначала минуешь три реки горячего ветра, потом — три реки холодного ветра и одну реку нестерпимого жара, через которую перекинут мост толщиной с волос, и через три дня пути достигнешь пределов, где правят железноголовые черные сыновья Эрлика. Первым будет небо, где правит Матыр с каменными запястьями; у него девять дочерей с черными колеблющимися гривами. Потом будет небо, где правит Караш, хозяин над змеями; потом Керей с медными запястьями...

— Забудь об этом! — замахал лапами Шаи. — Нет там никаких рек, сыновей и дочерей! Просто воздух начинает редеть, а потом совсем исчезает. Ты остаешься в черной пустоте. Там, как рыбы в пруду, плавают звезды, и каждая звезда — это солнце, совсем как то, что у нас над головами. Они очень, очень далеко, а потому кажутся с горчичное зерно, но на самом деле звезды огромны.

— Как горы?

— Больше, — лха прищелкнул пальцами. — Куда больше! Все горы, равнины и океаны могли бы утонуть в них без остатка. А еще в этой пустоте есть другие миры, самые разные. Одни охвачены пламенем, другие скованны льдом, на третьих клубятся облака ядовитого пара — и лишь немногие годятся для жизни. Они движутся вокруг звезд, как козы, привязанные к пурба[4].

Тут лха водрузил недопитую чашку посреди стола, достал из-за пазухи три монетки — одну серебряную и два медяка — и положил рядом с посудиною.

— Среди них есть три мира, зовущиеся Пер-Ис, Пер-Мави и Семем, — сказал он, тыкая пальцем в монетки. — Там обитает народ ремет — то есть мы. И во всех трех мирах нет ни крупицы колдовства: ни одного Лу в озере, ни одного дре в лесу, и уж точно ни одного бога на небесах. Но, поскольку ремет живут на свете очень долго, они научились вещам, которые вам кажутся чудесами. Лечить любые болезни, строить города выше гор, а горы ровнять с землей, разжигать молнии щелчком пальцев, вызывать дожди и умирять ураганы... Много чего. А еще ремет создали себе слуг из камня, металла и живой плоти, всегда покорных и не знающих усталости. Таких, как эта месектет — ладья, которая может путешествовать среди звезд. Месектет стягивают пространство, — Шаи сжал пальцами складки на скатерти и показал мне. — Видишь? Два пятна были далеко друг от друга, а теперь совсем рядом. Так ремет смогли отправиться в самые далекие миры — и в этот тоже.

Я слушал очень внимательно — аж хвост онемел от усердия; но что-то в словах лха не сходилось. Положим, за небом пустота — но на чем же тогда держатся звезды? И вот еще:

— Если в тех мирах так хорошо живется, зачем вы явились сюда?

— И правда, зачем? — сын лекаря тоже зачерпнул каши, сунул в рот ложку и тщательно облизал ее. — Я ведь уже сказал, что ремет умеют много чего? Ну вот, они придумали, как красть огонь у солнца, но от жадности хватанули лишку, и из-за этого наше светило состарилось раньше времени. А когда звезды дряхлеют, Нуму, они не меркнут, как угли, — наоборот, горят все ярче и ярче. Рано или поздно жар добирается до летящих мимо миров. Облака на них исчезают, моря превращаются в пар, камни запекаются стеклянной коркой — и всякая жизнь прекращается. Это должно было случиться сначала с Семем, потом — с Пер-Ис и, чуть позже, с ледяным Пер-Мави. А может, и случилось уже! Кто знает.

Вот почему нашему народу понадобился новый дом. Так что восемь столетий назад Кекуит, которую вы зовете Когтем, и еще семь месектет отправились на поиски. Внутри каждой ладьи было три сотни ремет — ученых, лекарей, воинов. На время пути они погрузились в глубокий сон — так им не нужно было ни есть, ни пить, ни дышать.

Я понимающе кивнул; если бы кто предложил Мардо усыпить меня на время пути до Бьяру, то-то дядя обрадовался бы, что лишний рот кормить не надо! Шаи остановился, чтобы перевести дух, глотнул часуймы с каплями застывшего масла на поверхности и закашлялся, прикрывая рот кулаком. Ему как будто не хотелось рассказывать дальше; но, увидев мой умоляющий взгляд, лха продолжил:

— Только трое ремет бодрствовало — хозяин корабля, то есть руппо; его помощник и служанка, следившая за тем, чтобы Кекуит всегда была сыта и здорова. Они стали первыми, кто увидел этот мир, и их радости не было предела: здесь все было так похоже на родину ремет, что даже переделывать ничего бы не пришлось! Однако ж руппо не торопился спускаться. Ладья остановилась в верхних пределах шу[5] — воздушного океана, покрывающего землю: оттуда ремет могли изучать новый мир, не тревожа его обитателей.

— Как же получилось, что дворец оказался внутри скалы? — не сдержавшись, перебил я — и тут же прикусил язык; по счастью, Шаи не обиделся на мою непочтительность.

— А это самое странное. Не успела месектет сделать полный оборот вокруг земли, как разум ругпо в одночасье помутился. Он решил уничтожить ладью вместе со всеми, кто был в ней, и выбрал для этого чудовищный способ: дождавшись, когда его помощник крепко уснет, ругпо отнял у Кекуит голос — чтобы она не смогла никого предупредить о грозящей опасности, — а затем спустился в нижние покои, в клокочущее чрево месектет, где пища превращалась в жар, приводящий ее в движение. Ругпо оглушил верную служанку и повредил внутренности корабля так, что жар в них начал расти, не находя себе выхода. Если бы он стал слишком силен, месектет могло бы разорвать на части. Знаешь, как срывает крышку с кипящего котла?.. — тут лха развел лапы, одними губами прошептав что-то вроде “Бдыщ!”. — Но у ругпо не получилось осуществить задуманное: помощник вовремя проснулся и помешал ему довести дело до конца. Тогда ругпо в бессильной злобе направил месектет прямо на землю. Но он опять просчитался: упав в огне и дыме, Кекуит осталась цела.. Почти цела, — она ушла в скалу по пояс и уже не могла подняться в небо. Так мы и прибыли к вам, — не как боги или цари, а как жалкие погорельцы. Готов поспорить, шены рассказывают эту историю иначе.

— И ты был там? Среди этих... ремет?

— И да, и нет. Первые прибывшие на Кекуит уже успели умереть, от старости или в сражениях. Но те, кто умирает здесь, рождаются снова — всегда в этом месте, в новом теле, но с прежней душой. Кажется, это не удивляет тебя, а, Нуму?

— Чего же тут удивительного? — пожал я плечами. — Все так делают. Моя сестра один раз нашла раковину, которая пять жизней подряд была раковиной — у нее завиток шел вправо, а не влево, как обычно. Бродячий шенпо дал за нее гребень и камень дзи с белым «глазом»!

— Может, у вас и раковины привыкли к перерождению, а вот ремет долго не могли смириться с этим. Чего уж там, некоторые до сих пор не смирились! Сиа и Нехбет — оба дваждырожденные, но все равно зовут это чушью. Но большинство мало-помалу привыкло. Детям даже перестали давать новые имена — зачем, если они все равно вспомнят старые? — и начали звать попросту *сешен*, то бишь лотосами. Поэтому триждырожденные и пользуются прозвищами вроде «Утпала», «Падма» или «Пундарика». Ну а я родился уже четыре раза. Везет, что поделаешь.

— Значит... — пробормотал я, для верности загибая пальцы, — вы пришли из мира выше небес, летаете среди звезд и живете вечно, меняя старые тела на новые. Наверное, я все-таки буду звать вас богами!

— Ну, как хочешь, — Шаи пожал плечами и отправил в рот еще одну ложку каши. — Мне вообще все равно, а вот Сиа от этого бесится.

— А ты помнишь свои прошлые жизни?

— Я и эту помню далеко не всю. Пить надо меньше, как утверждает отец.

— И ты не знаешь, кем был раньше?

— Почему, знаю! Мне рассказали: я был той самой служанкой, которая не уследила за Кекуит. Тогда меня звали Меретсегер; это означает «Любящая молчание». Не потому ли в этот раз я родился болтуном? — лха засмеялся, но как-то грустно.

— А... кем был Железный господин?

— Уно? Он был помощником, который свернул спятившему ругпо шею. Тогда его звали

Нефермаат.

— *Слон! Со склоненной главою
Я обращаюсь к тебе,
Дарителю долголетия,
Обладателю дюжины черт:
Первая — хобот-змея,
Вторая — острые бивни,
Третья — глаза оленя,
Четвертая — рот кабана,
Пятая — белый живот,
Шестая — великая мощь,
Седьмая — знанье лекарств,
Восьмая — шерсть цвета дыма,
Девятая — гребень луны,
Десятая — власть над судьбой,
Еще одна — ты Ганапати,
Последняя — с ликом слона.
Тот, кто желает знать, — знание обретет.
Тот, кто желает потомства, — пусть обретет сынов.
Тот, кто желает спасенья, — тому прибежище дай.*

Не больше месяца прошло с того разговора, а я уже совсем освоился в Когте, который боги звали странным именем, похожим на кваканье лягушки, — Кекуит. В нем было три уровня, соединенных полыми стеклянными столпами; внутри столпов скользили самодвижущиеся диски. Пересилив страх, я научился пользоваться ими — лестницы в Когте тоже имелись, но сложены они были явно не по земным меркам; ступени приходились мне почти по пояс! Со временем мне даже понравилось кататься вверх и вниз, наблюдая, как за багровыми стенами дворца проплывают облака и острозубые скалы, хоть от высоты иногда и перехватывало дух. А вот попасть на нижний уровень, где, по словам Шаи, помещались «кишки месектет», не удавалось — дворец не пускал меня, сколько ни давил я на значок с одною светящейся чертой посредине. Да и разгуливать под самой крышей Когтя, где жили боги, было боязно; так что большую часть времени я проводил на среднем уровне, добрую треть которого занимал одичавший сад. Оставшиеся две трети были владениями Сиа, небесного лекаря; здесь же находилась и моя спальня, принадлежавшая когда-то его сыну.

С Шаи мы быстро подружились. Он даже взялся обучать меня языку богов — *меду нечер*, счету и прочим наукам и оказался вполне сносным учителем, хотя и не упускал случая громко посетовать на мое скудоумие. Что поделать! Некоторые вещи уяснить было несложно — например, что наш мир раскален изнутри и большие куски земли — махадвипы[6] — плавают по огненному вареву, как пенка по поверхности молока; или что всякое вещество вокруг состоит из мельчайшей, невидимой глазу пыли; или что болезни вызываются крохотными зловредными существами, которые переносятся по ветру или по току крови. Но другие — вроде того, что молнии рождаются в тучах без всякого вмешательства божественных ваджр, звезды не предсказывают судьбу, а мытье в горячей воде полезно для здоровья, — вызывали у меня только недоверчивое сопение.

Обычно Шаи проводил со мной часы от Змеи до Барана, а затем препоручал заботам отца. Старый лекарь тоже не давал моей голове покоя, — но если его сын предпочитал царство огня, камней, паров и металлов, то Сиа обучал меня тайнам зверей и птиц, насекомых и растений. Даже когда он рассказывал о вещах, не имеющих дыхания, то говорил, что они «питаются», «растут» или «убегают», будто речь шла о живых тварях.

Однажды он снял с полки тяжелый сосуд, на три четверти заполненный буровой водой, и протянул мне. Я обхватил скользкую поверхность обеими лапами и прикинул носом к стеклу. За ним, на самом дне, белела горстка песка или крупной соли, из которой подымалась странная поросль, похожая одновременно на пучки волос, грибы, кораллы и деревца с плодами... или на собранные в чашу красные подношения — кишки, языки и отрубленные конечности. Отростки медленно шевелились в течениях, вызванных встряской их дома.

И весь этот маленький лес казался таким слабым, болезненным и странным, что мне стало жалко его почти до слез.

— Как думаешь, что это? — спросил Сиа, округляя рот и растягивая слова. Если Шаи говорил так, как услышишь на всякой улице Бьяру, то речь его отца казалась такой же старой, как он сам — видно, он уже давно не покидал дворца.

— Растения?

— Нет, — покачал головой лекарь, — не растения; только притворяются ими. Это всего лишь осадок, мусор. Но смотри-ка!

Он осторожно забрал у меня бутылку и повернул ее так, чтобы свет падал только на одну сторону, — и вскоре к ней жадно потянулась вся склизкая муть.

— Все хотят немного света, — улыбнулся Сиа и снова водрузил таинственный сосуд на полку.

В сокровищницах лха я увидел и много других чудесных вещей: цветы из южной страны, питающиеся мухами и пахнущие тухлым мясом; скелеты рыб размером с яков с костяными наростами на лбах; слитки металлов, мягких, как масло, и загорающихся в воде; головы демонов с вывалившимися языками и выпученными глазами, плавающие в жиже рядом с собственными потрохами; круглые пальцы, на которые была натянута пестрая кожа, живущая сама по себе, без хозяина, — Сиа иногда собирал с нее пот и слизь, нужные для приготовления согревающих притираний. Он и мне давал несложную работу: принести какую-нибудь склянку, нанизать ягод или корней для сушки, отмыть стебли банбой, надавить макового сока... Так, по странной прихоти судьбы, я все-таки стал учеником лекаря. Понимая, что любой врачеватель Олмо Лунгринг отгрыз бы все четыре лапы, чтобы оказаться на моем месте, я честно пытался внимать старику и запоминать как можно больше — но иногда он нес полную околесицу!

Как-то раз я помогал ему готовить — эта обязанность тоже лежала на Сиа, — и пока бог нарезал клубни дикого лука, время от времени утирая рукавом слезящиеся глаза, я помешивал кашу и болтал о всякой всячине. Между делом обмолвился я и о том, что у черного гуся нет желудка и кишок. В Бьяру это было известно любому щенку, но Сиа вдруг выпучил глаза и страшным голосом закричал:

— Как нет желудка?! Чем он ест-то тогда? А гадит чем?..

— Сиа, гусь ест клювом, а гадит дыркой в гузке, — назидательно проговорил я, принюхиваясь к каше — не пригорела ли.

— Так, — выдохнул лекарь, бросил на стол неоципанную курицу, безжалостно вспорол

ее ножом и раскрыл ребра, точно книгу развернул. — Смотри — вот желудок, вот кишки!

— Это курица, а не гусь. Она не считается.

— Что еще ты мне расскажешь? Что у лягушек есть ядовитая пуповина? Что черепаха дышит ушами? Что у рыб мозг к концу месяца истощается, а потом нарастает снова? Или что павлины едят скорпионов, чтобы хвосты становились красивее?

— Дак ты же и сам все знаешь! — пожал плечами я, заставив Сиа звучно шлепнуть ладонью по плоскому лицу.

Следовало признать, особого уважения к земным премудростям лха не испытывал. У него в покоях хранилось множество роскошных медицинских свитков, с валиками из нефрита и шнурами из витого шелка, однако ж Сиа к ним и пальцем не притронулся, предпочитая невзрачные книги, написанные на языке богов. А ведь в них даже картинок почти не было! Как-то раз я решил исправить это упущение, — а заодно и похвастаться тем, как хорошо и бегло научился читать, — и развернул выбранный наугад трактат.

Тот оказался посвящен составу и изготовлению лекарств; пока я перечислял полезные свойства драгоценностей — ваджры, бирюзы, рубинов и граната, — бог только тихонько хрюкал себе под нос. Но когда я прочел: «Отвар изкирпича, из которого строят монастыри и дворцы, сделанного из хорошей земли и обожженного до голубого цвета, лечит сухость глотки. Особенно хорош кирпич очень старых построек, находящихся на окраинах городов, и со следами разрушения дождем[7]», — Сиа повел себя весьма странно. Он сдавленно застонал и сполз со стула; обильные слезы заструились по морщинистым щекам. Я не знал, чем так огорчил старика, — а тут еще дверь открылась, и в покои зашел сам Железный господин! Я икнул и сжался в углу, уткнувшись мордой в злополучный свиток.

— Сиа, с тобой все в порядке? — с неподдельной тревогой спросил Эрлик, склоняясь над лекарем. Тот схватил его за широкий рукав и притянул к себе.

— Они... они... — задыхаясь от хохота, прохрипел Сиа. — Они пьют кирпич! От горла! Кирпичииич!

— Эммм...

— Уно! Ты должен остановить это безумие. Они тебя послушаются.

— Да, конечно, — криво усмехнулся Железный господин. — Как ты себе это представляешь? «Идя путями мертвых, о, Ананда, не теряй из виду цель, не бойся и не оглядывайся назад. А, и еще, не пей кирпич!».

— Ты ж умный, придумаешь что-нибудь. Пить кровь врагов мы их отучили же!

— Тебе кирпича жалко, что ли? — вздохнул бог, потирая лоб, как будто от криков у него разболелась голова.

— А вдруг это вредно?

— Тогда выживут только те, кто умеет переваривать глину, — что тоже неплохо. Но я вижу, ты занят. Я зайду позже — мне нужно лекарство, о котором говорила Селкет.

Сказав так, он освободил платье от цепких пальцев лекаря и удалился.

— Оставь этот свиток на столе, я, пожалуй, почитаю его на досуге, — велел мне Сиа. — Может, что-то в этом и есть... Эй, да что с тобой?

— Боюсь, — промышчал я, комкая в лапах исписанный чернилами шелк, — что Железный господин передумает и все же убьет меня. И вообще, я боюсь его, Сиа, хоть он и был добр ко мне. Во время Цама я видел его настоящий облик, и это было очень жутко!

— Ох, Нуму, Нуму... Забудь ты об этом! Все, что происходит внизу, — это морок, обман, — лекарь схватил меня за плечи и сжал так крепко, будто хотел лапами остановить

бившую меня дрожь. — Ты ведь уже знаешь: мы не боги, а такие же существа из плоти и крови; мы едим, спим, дышим... чихаем. Стареем. И можем умереть.

— Да, знаю. Шаи рассказал мне, что вы — пришельцы из другого мира. Но вы умеете творить чудеса, а это и есть главное свойство богов!

— Я вот не умею.

— Ну, ты, может, и не бог, — пожал я плечами, заставив Сиа досадливо поморщиться. — А Железный господин умеет. Я сам видел, как он стоял посреди пламени, как убил женщину-линг, даже не шелохнувшись... А то, как он чуть не превратил меня в какого-то ученика кузнеца, — это разве обман? И я еще молчу про всякие великие деяния, вроде битвы с Джараткарой... Разве это под силу простому смертному?

— Не под силу простому смертному? — лекарь тяжело вздохнул и потер переносицу, размышляя над ответом. — Ладно, признаю! У некоторых из нас есть странные способности — такие, каких не было у ремет, пока они жили в Старом и Новом Доме. Они появились только здесь... Да, в этом мире есть что-то, что изменило нас. И не только нас. Вот вы, вепвавет. Откуда вы взялись? Произошли от снежных львов? Те еще бродят по горам на севере и воруют овец, а вы уже говорите, шьете одежду, строите дома, даже придумываете нелепые байки про черных гусей! Это быстро, слишком быстро для природы. По всем известным мне законам, разума вам пока еще не полагается. И все же, вот он ты — выглядишь довольно разумно... чаще всего.

Старик ухмыльнулся и больно ткнул меня костлявым пальцем между ребер.

— Надулся, как пузырь! Смотри, не лопни. О чем бишь я?.. А, да. В этом месте есть что-то. Не знаю, где — в пище, воде или воздухе; не знаю, как оно действует. Но знаю точно, что, когда ремет только прибыли сюда, они могли полагаться только на свой корабль, доспехи и оружие. Без них они были просто лысыми обезьянами — вроде тех, что скачут в лесах южной страны, копаясь друг у друга в шерсти в поисках блох. А потом... потом некоторые научились этим самым «чудесам»; но разве это сделало их богами?

На земле много бессловесных тварей, Нуму, которые даже до зверей не доросли, — а ведь они умеют подчинять чужую волю не хуже ваших колдунов. Рассказывал я тебе, что в некоторых кузнечиках гнездятся червяки, похожие на длинные черные волосы? Когда приходит срок, они внушают насекомым непреодолимое желание утопиться в реке, потому что червякам нужно забраться в кишки рыб, чтобы оставить потомство. А вот еще, на головах муравьев прорастают грибы-наездники, заставляющие своих шестиногих скакунов подниматься к самым вершинам деревьев, откуда спорам гриба сподручнее осыпаться на землю, на головы новых жертв. Почему бы ремет не научиться тому же?

— Но, Сиа! Ни один червяк или гриб не умеет дышать огнем! Или превращать камни в пыль. А это у нас не то, что боги — даже шены могут.

— Могут ли?

— Я своими глазами видел!

— А что, если все произошло только здесь? — Сиа постучал по моему лбу. — Как сон. Взять хоть эти дурацкие маски, которые нам полагается напяливать раз в год, — они ведь не меняют наши тела, а просто отводят глаза чужакам. Я уверен, в этом и есть ключ к способностям Уно и Селкет. Они могут заставить тебя видеть то, чего нет; или помнить то, чего не случилось; или забыть самого себя. Сны наяву — вот и все их чудеса. Ты уже видел, как это бывает. Даже испытал на себе.

— Еще как испытал, — буркнул я, с содроганием вспоминая день своего появления в

Когте. — И это было весьма... божественно! И взаправду. Я же могу отличить сон от яви!

— И как? Разве ты не уверен, что бодрствуешь, пока спишь?

— Как-как... просто знаю, и все!

— А еще ты знал когда-то, что тебя зовут Тонгьял Цома и ты ученик кузнеца.

Я упрямо помотал головой. Наверняка в словах лекаря был какой-то изъян — просто я был недостаточно умен, чтобы найти его.

— Ладно, пусть даже так. Но и сон надо уметь навести! Ты говоришь, ваш народ не мог такого раньше. Так объясни, с чего вдруг это началось?

— Увы, я не знаю. Даже моим родителям не удалось разгадать эту тайну; а мне, не обладающему и сотой долей их премудрости, не удастся и подавно... Но полагаю, что все это как-то связано с болезнью.

— Болезнью? Какой?

— У нее нет названия, — Сиа замолчал, потерянно моргая водянистыми глазами, и только когда я пару раз дернул его за рукав, продолжил рассказ. — Я сам родился куда позже, но хорошо знаю эту историю. Когда Кекуит рухнула с небес, некоторых обитателей корабля поразила странная хворь. Ее течение подробно описано очевидцами. Первые ее признаки, усталость, сонливость, звон в ушах, — обычное дело после долгого полета и разморозки. Но потом у заболевших начинался жар; и кости ломило так, что ни лежать, ни стоять, ни сидеть нельзя. Жар быстро усиливался; больные жаловались, что их кожа горит, как обваренная кипятком, что внутренности перекручивают и разрывают изнутри и на грудь давит страшная тяжесть. Еще они говорили про громкий, неутихающий гул, который не давал им думать и спать... Но все это время Кекуит утверждала, будто они совершенно здоровы!

Хворь забирала ремет по одному — как только предыдущий больной умирал, ее признаки находили у следующего, и никак нельзя было предсказать, кто это будет. Несчастных запирали за семью дверями, подальше ото всех, только железные иглы и щупы дотрагивались до их тел, а прочие ремет даже во сне не снимали непроницаемые доспехи, которые должны были защитить от любой опасности... но болезнь все равно продолжала распространяться. Лекарства не помогали; в конце концов, несчастные просто переставали дышать. Правда, время их жизни увеличивалось: если первые заболевшие угасли за считанные часы, потом счет пошел на дни и недели. И все же к концу первого месяца после падения Кекуит умерло больше тридцати человек.

— Что же остальные ремет делали в это время?

— Спорили друг с другом, разумеется. Хотя у них и были правила и законы на любой случай жизни, такого ни один крючоктворец Старого Дома не сумел предвидеть. Кто-то, поддавшись страху, хотел бежать с корабля, но тогдашний ругпо, Нефермаат, решил иначе. Он считал, что, раз ремет явились в мир, уже населенный множеством живых существ, они не могут думать только о своем спасении. Пока природа болезни доподлинно не известна, они не должны покидать Кекуит — иначе зараза может вырваться на волю вместе с ними; и пусть лучше корабль станет гробницей для немногих, чем принесет смерть всем.

Многие были против, но он приказал Кекуит не открывать двери никому; та не могла послушаться. Поэтому месяц ремет провели затворниками внутри; а пока они наблюдали, как болезнь одного за другим уносит их товарищей, отправленные Кекуит летучие глаза — ирет — кружили по миру, собирая знания о нем. Записи, сделанные ими, все еще хранятся в ее памяти — я могу показать их тебе, если захочешь.

Тогда племена, населявшие Олмо Лунгринг, еще были кочевниками и свободно бродили по горам и равнинам. След из дыма и огня, оставленный в небе месектет, привлек их внимание, и они двинулись к месту падения, со всеми своими семьями и стадами. С каждым днем их собиралось все больше в этой самой долине, где сейчас стоит Бьяру. Но тогда здесь не было не то, что города — даже озера Бьяцо; только холодный ключ бил из-под камней, превращаясь в неглубокую речку. Ночами у ее берегов загорались сотни костров, чадающих до самого неба. На записях ирет я слышал, как наяву, шипенье горящего жира, вой ганлинов и крики жертв, посвященных явившимся из-за облаков богам. Да, все это началось еще тогда...

У подножия Мизинца вырастали один за другим груды костей и камня, перевитые пестрыми лентами, к которым вепвавет несли шерсть, мясо, лепешки... но их дары выцветали на солнце и гнили под дождем — «боги» не принимали их. И вот, к началу второго месяца, от костров вышла дюжина женщин и мужчин. Некоторые были старыми, другиемолодыми, но все выглядели дико: вместо обычной одежды на них были черные шкуры дронгов или кафтаны, расшитые полосами меха, цепями и кольцами, с пучками совиных перьев у плеч и круглыми бляхами за спиною; на головах они несли звериные рога или шапки из железных прутьев; с шей до самых колен свешивались бусы с сотнями подвесок; а в уши, ноздри и даже клыки были вживлены куски горного хрусталя. Они стали мордами к кораблю и начали петь и плясать, потрясая в воздухе бряцающими рукавами и костяными колотушками. К тому времени ремет уже разгадали здешний язык и поняли, что их просят привести «отмеченного», то есть, того, кто теперь страдал от неведомой болезни. Долго, долго умоляли волхвы, то прыгая, то кружась, то катаясь в пыли, и что-то в их молитвах смогло переубедить ругпо — хотя он был так упрям, что даже смерти товарищей не заставили его изменить своему решению. Как знать, почему так случилось! Никто уже не расскажет... Так или иначе, он разрешил вынести к ним больного. Кекуит открыла рот, высунула язык, — с тех пор он так и полощется на ветру, — и ремет спустились вниз.

Завороженный рассказом Сиа, я представил богов среди полчищ косматых, приземистых рогпа; должно быть, они сияли, как солнечные лучи в темноте!

— Когда колдуны вепвавет, прабабки и прадеды нынешних шенов, увидели больного, они склонились перед ним и назвали именем своего бога — Эрлик. Они поднесли ему переливающиеся слитки метеоритного железа, завернутые в окрашенные ткани, зеленоватые конусы санга, кусочки душистой смолы, теплые сердца и отрубленные конечности на серебряных блюдах. Это был ваш первый Железный господин, и первый из ремет, кого болезнь наградила новыми, невиданными прежде способностями — перед тем, как убить.

Стараниями ли колдунов, или по иной причине, он смог прожить с недугом почти три месяца. Затем ваши старейшины признали воплощением Эрлика следующую жертву хвори, тоже из ремет, — та прожила почти год. Уно, как тебе известно, тридцать восьмой в это ряду; он стал Железным господином целых пятьдесят лет назад. Как видишь, мы приспособились к болезни — или, может быть, она приспособилась к нам. В любом случае, ремет научились управляться с тайнами этого мира, не сумев разгадать их.

Сиа вздохнул, содрогнувшись всем телом, от макушки до пят, и испытующе глянул на меня — видимо, проверял, понял ли я хоть что-нибудь из его рассказа. От пристального взгляда лекаря даже в носу засвербило; я оглушительно чихнул.

— А знаешь, что наши предки раньше верили, что чихание удаляет лишние мысли? Не вы одни умеете придумывать всякое, — улыбнувшись, сказал старик. Его глаза, полускрытые складками кожи, весело блестели — кажется, Сиа был доволен тем, что у него снова есть на

попечении ребенок, пускай и хвостатый.

— *Сокровище! В полночь сияешь Луной, а в полдень пылаешь Солнцем,
Плоды и богатства, слонов и коров ты порождаешь, о Мать!
Пребывая в сиденье из лотосов, облаченная в белое платье,
Умываешься ты из сосуда, что держит божественный слон.
Обитай в моем доме, Шри-Лакшми, рожденная из молока,
Супруга богов и служанка! Пусть твои семена возрастут!*

Время, свободное от занятий, я часто проводил в саду, возясь с игрушками, которые сделал для меня Шаи: они шагали, ползали, вращали выпуклыми глазами и издавали самые разные звуки, от комариного писка до бычьего рева. Иногда я запускал их наперегонки по заросшим сорняками дорожкам; иногда заставлял сражаться друг с другом. Моей любимицей была стрекоза с длинными, чуть расширяющимися на концах крыльями, которую можно было подбросить к самому потолку и смотреть, как она медленно опускается обратно, вращаясь в потоках воздуха. Еще мне нравилось карабкаться по одичавшим деревьям и сбивать растущие на них плоды; те со свистом летели вниз, лопались и разбрызгивали во все стороны желто-рыжую или лиловую мякоть. Правда, иногда я и сам оступался и падал прямо в черную пшеницу, которая тут же, мстительно шурша, впивалась в меня усиками; но эта опасность была частью веселья. Надо было просто представить, что пол — это раскаленная, пузырящаяся лава, которой ни в коем случае нельзя касаться, и с удвоенной силой цепляться когтями за ветки.

На третий уровень дворца, где обитали лха, я поднимался обычно в сопровождении Шаи или Сиа. Несмотря на все внушения лекаря, мне все еще страшно было попадаться на глаза Железному господину или Палден Лхамо; но однажды я все-таки забрел наверх в одиночку. В тот день в зале-саду было особенно неуютно: из раскрытого рта Когтя тянуло сквозняком и влагой, от которой темнела кора на деревьях. Да еще и за стенами шумел дождь — кажется, во внешнем мире уже начиналась весна. Поежившись от сырости, я уткнулся взглядом в серую накипь облаков, плотно облепившую бока дворца. Те ползли куда-то на юг. Я представил, как их разбухшие тени скользят сейчас по зеркальным водам Бьяцо, по золотым крышам столицы и полям за ними, по бусам на груди знатных дам, по ярким шапкам собравшихся в путь торговцев и спинам неутомимых шингпа, кланяющихся оттаявшей земле, и вдруг в груди кольнуло от осознания того, что эти небесные чертоги — не только мое жилище, но и моя тюрьма; что праздничное шествие желтого осла и синего быка, зеленого оленя и коричневого верблюда[8] я до конца своих дней буду наблюдать только изнутри Когтя. Тогда я встряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и решил, что настало время изучить и другие части дворца.

Увы, наверху не было ничего занятного — такие же белые стены, как и на среднем уровне, разве что двери лепились поближе друг к другу. В отличие от владений лекаря, где шагу нельзя было ступить, чтобы не испачкать рукав или прилипнуть туфлю к пятнам пролитого снадобья, здесь царила удивительная чистота: ни пылинки, ни паутинки, ни следа на полу. Пустые покои, мелькавшие в проемах дверей, казались утопленными в молоке от того, что кровати, стулья и столы были обмотаны плотной белой тканью без единого пятнышка. Только одна спальня отличалась от прочих: свет ламп внутри едва теплился; тяжелые покрывала сорвали с предметов, скомкали и забросили в самый дальний угол. Все

это показалось мне крайне любопытным. Побродив с минуту у порога и убедившись, что внутри никого нет, я решился войти.

Кажется, кто-то был здесь совсем недавно. Пестрый ковер на полу был примят; в воздухе чувствовался слабый запах благовоний. На узкой постели поверх ватного одеяла лежали три чуба: одно из красно-золотой парчи, с рядом мелких зубчиков по подолу, другое — из полосатого серо-голубого шелка, а третье — из хлопка, расшитого рядами мелких монеток. С деревянного набалдашника, изображавшего голову снежного льва, свисали три пояса, утяжеленные узорчатыми подвесками. Выглядело все так, будто хозяин комнаты выбирал-выбирал, какой наряд ему больше к лицу, не выбрал, плюнул, да так и ушел голым.

И возвращаться он что-то не торопился... Чем дальше я рассматривал это место, тем больше странностей находил в нем — особенно в том, как расставлены мелкие вещицы на прикроватном столике. Овальное зеркало на тонкой серебряной ножке, многорукие ци-ци из бронзы и слоновой кости, раковины с засохшими бальзамами и лакированные шкатулки были выстроены строго по высоте; щеточки, кисточки, щипцы и потемневший от времени колокольчик теснились бок к боку, голова к голове, как жареные пирожки на противне под Новый год. На самом краешке стола лежали ягоды рудракши, сухие и сморщенные, и толстая книга, раскрытая посередине. Я знал, что не пойму в ней ни слова, но все равно приподнял и взвесил в ладонях, восхищаясь тяжестью бумаги.

— А, вот ты где! — воскликнули у меня за спиной; от неожиданности я, разумеется, вздрогнул и выронил книгу из лап. — Почему прогуливаем занятия?

К моему удивлению это был Шаи. Это правда, что в утренние часы он обучал меня всевозможным наукам. Но сегодня я никак не ожидал его увидеть, ведь накануне в городе был праздник Шо! А праздники Шаи любил, по мнению его отца — даже слишком.

— Ну так. Почему прогуливаем?

— Ыьэээ... Просто... — я повращал глазами, пытаюсь придумать отговорку получше, но с языка само собой сорвалось только одно. — А чья это спальня?

Шаи помедлил с ответом. Я испугался — не разозлил ли его мой вопрос? Но лицо лха, на котором обычно радость и печаль виднелись яснее, чем черные козы на заснеженном поле, было непроницаемо.

— Моей матери.

— А где она?

— Спит.

— Как... другие боги?

— Да, как другие боги, — он вошел в спальню, сел на кровать и провел ладонью по безделушкам, разложенным перед столиком. Глядя, как он катает под подушечками пальцев ягоды рудракши, я спросил:

— Почему Сиа никогда не рассказывает о ней?

— Может, потому что ему стыдно? — буркнул себе под нос лха.

— За что? Он что-то сделал ей?

— Он не удержал ее, — Шаи сжал сухие ягоды в кулаке так, что костяшки побелели. — Хотя мог бы. И должен был. Тиа была хорошей женщиной, Нуму. Доброй. Она любила меня. Я почти не помню ее лица; но помню, что у нее были длинные волосы; они пахли, как черный чай... И она пела мне песни — те, которые узнала от своей матери; про широкие реки, полные зеленого ила и бирюзовых рыб, про горящие по вечерам лампы и ветер в тростниках... После них я всегда видел сны про наш далекий дом. А потом с ней случилось

то, что случалось почти со всеми многожды рожденными: она начала сходиться с ума.

— Почему?

— Селкет говорит, это от переизбытка памяти; от того, что наши души перерождаются здесь не так, как должны. Они не очищаются от прежних жизней полностью, а потому не могут отличить прошлое от настоящего. Я помню... — он поднялся с постели и стал посреди спальни, прижав кулак ко лбу. — Тиа иногда замирала и стояла так часами. И если ее спина была согнута, или ладони подняты, или голова опущена — неважно, что... тело распрямлялось медленно, очень медленно, будто она была слеплена из подтаявшего воска. Что в это время было у нее перед глазами?.. Не знаю. Но этого мира она не видела.

Однажды приступ случился с ней, когда она помогала мне мыть волосы; мне тогда еще было совсем мало лет. Она замерла, держа мою голову погруженной в таз, наполненный мыльной водой; ее пальцы были как железо — сколько я ни трепыхался, не мог вырваться. Я начал захлебываться, но Сиа успел вовремя, чтобы спасти меня. Потом помню только, как меня рвет мылом, а мать плачет, вырывая из головы свои красивые длинные кудри... И Сиа стоит рядом с понурым лицом — старая, морщинистая черепаха!

После этого она и решила уйти; заснуть вместе с остальными... Хотя если бы Сиа настоял, она бы осталась; может быть, он даже смог бы вылечить ее — но старик даже не попытался...

Шаи наконец разжал кулак; ягоды рудракши с глухим стуком упали на столик, подскочили несколько раз и остались лежать. На ладони лха остались красные пятна.

— Ладно, хватит время терять. Ступай к отцу! У него было для тебя какое-то дело.

Оставалось только поджать хвост и выскочить в коридор. Шаи не последовал за мной; пока стены покоев не срослись за спиной, я успел заметить, как он гладит лежащие на кровати платья — будто живых испуганных существ.

У лекаря, к которому я направился после, тоже был весьма унылый вид: тонкие губы поджаты, брови сошлись на переносице, как сцепившиеся рогами олени. Он сосредоточенно раскладывал на куске холста разнообразные вилочки, лезвия, иголки и пузырьки с прозрачными жидкостями. Последние Сиа время от времени приподнимал и разглядывал на просвет.

Заметив меня, лекарь не поздоровался, даже не обернулся полностью, только бросил:

— Сегодня нам надо проверить ринпоче[9].

Он был явно не в духе, а потому я не стал приставать с расспросами о том, что это значит. Закончив сборы, Сиа уложил ткань с инструментами на дно широкой сумки, повесил ее на плечо, молча вручил мне стопку полотенец и вышел из покоев. Оставалось только бежать за ним! Так во второй раз за день я оказался под крышей Когтя. Пройдя несколько сотен шагов к югу — к загнутому носу дворца, висевшему в пустоте над озером, — мы остановились у одной из белых дверей, ничем не отличавшейся от прочих. А затем Сиа сделал нечто удивительное — постучал! Я уже и забыть успел, что с дверями так поступают.

Слегка помедлив, та открылась — и в глаза мне плеснуло солнце. Его свет был алым, как вода в ключах, прошедших сквозь залежи железа и охры на пути к поверхности. Из глубины покоев донеслось короткое восклицание, что-то вроде «И-ии!». Наверное, на языке богов это что-то да означало; по крайней мере, Сиа нетерпеливо вздохнул и подпер бока кулаками. Но долго ждать не пришлось: через мгновение на пороге появилась сама Палден Лхамо! Ее длинная тень коснулась меня — легонько, будто опустившаяся на нос муха, — но я тут же поджал хвост и спрятался за штаниной лекаря.

Правда, богиня выглядела не такой пугающей, как в моих воспоминаниях. На шее у нее не было костяных бус, а в лапах — волшебной булавы; радужки не пылали раскаленными углями. Они походили, скорее, на двойной нимб Одсер Чен-мана[10] — светло-серые по краям и розовые внутри. На щеках Палден Лхамо проступил яркий румянец — видимо, оттого, что она растерла их влажным полотенцем, переброшенным через шею. Но несмотря на умывание, от богини явственно пахло дымом. Я вспомнил празднование Нового года и пепел с мест кремации, который разбрасывали танцоры-скелеты. Может быть, я и сейчас вдыхал частички трупов?..

— Идем, — сказала Палден Лхамо уже на нашем языке, стягивая мокрую тряпицу; Сиа молча кивнул. Втроем мы зашли внутрь ближайшего столпа, соединяющего уровни дворца, и серебристый диск увлек нас вниз. Сначала мимо проплыли верхушки росших в срединном саду деревьев, затем — согнувшиеся под тяжестью плодов нижние ветки и пышные подушки гла цхер; наконец, пронеслись мимо черный ковер пшеницы и слой жирной земли под ней — и я впервые попал на нижний уровень Когтя.

Сперва мы оказались в тесной и темной комнате, где ничего толком нельзя было разглядеть; но отсюда открывался проход в длинный коридор, пересекавший дворец насквозь, с севера на юг. Его стены здесь были сложены как бы из сот, заполненных полупрозрачным, стекляннистым веществом, за толщиной которого, слева и справа от меня, под подошвами туфель и даже над головой, копошилась странная и кипучая жизнь. Это было похоже на потревоженное гнездо ос, или на царство лишайников и светящихся гнилушек, или на только что распоротые и еще трепещущие потроха. Сквозь полумрак во все стороны тянулись толстые трубы с белесым соком; в воздухе подрагивали паутины из пестрых нитей — серебряных, розовых, черных, сплетающихся в узлы размером с горшок для масла. Далекие стены усеивали наросты, похожие не то на бочки, не то на какие-то чуждые, пузатые плоды. Их бока усеивали глубокие дыры; одни были пусты, а в других блестело что-то жирное, округлое, напоминающее личинки весенних жуков. Все вокруг вздыхало, сжималось и снова расправлялось, раздувалось и опадало, пузырилось и бродило — почти в полной тишине; стены коридора не пропускали ни звука, но сам камень, окружающий дворец, гудел от напряжения.

Боги направились к двери в южном конце коридора. Оторвавшись от разглядывания внутренностей *месектет*, я поспешил следом — и оказался в удивительном месте. Здесь было очень холодно. Из пасти сразу же повалил пар, а под лапами захрустел ковер инея, пушистого, как пучки сосновых игл или венчики кхур-мона; однако же, повсюду плавал густой, летний запах пересохших озер и гниющих на солнце водорослей. Потолочные лампы не горели — только мигали вдалеке тусклые красные искры, похожие на глаза ночных птиц. Но даже в этой, почти крошечной, темноте выделялись чернотой десятки каменных столбов, широких у основания и сужающихся к далекой вершине.

— Я покажу, куда идти, — сказала Палден Лхамо, но Сиа отрицательно мотнул головой, остановился у одного из столбов и ткнул пальцем в его гладкую поверхность. Та пошла кругами и через мгновение расцветилась хитрой вязью линий. Сиа пошевелил губами, вчитываясь в нее, и только покончив с этим, двинулся во мглу. А я побежал за лекарем; сначала меня подгонял мороз — пальцы совсем заоченели в тонких тряпичных туфлях, — а потом и страх.

И вот что испугало меня: за мощными спинами столбов прятались десятки прозрачных кристаллов — ваджр[11], каждый не меньше десяти локтей в высоту и пяти — в ширину.

Они громоздились друг на друга, как чешуйки на змеиной коже или лепестки в тугом бутоне; одни испускали слабое свечение, иные казались потухшими. Эти заросли драгоценностей были бы весьма красивы, если бы внутри не виднелись тела спящих — или мертвых? — богов. Уродливые кожистые лица проступали из зеленоватой глубины; на рты и носы лха были натянуты маски, похожие на изогнутые клювы; короткие гривы прикрывали шапки из гладкой ткани, лишенной швов. У основания кристаллов кто-то вырезал знаки, обведенные как бы веревочным узлом — так боги записывали свои имена; рядом горели огоньки, которые я и заметил с порога.

Один тревожно мерцал; кажется, к нему-то мы и шли. Приблизившись, Сиа произнес что-то на языке богов — и драгоценность сама опустилась вниз, замерев на расстоянии четырех локтей от пола. Ее основание отделилось от стены, приподнимаемое гибким серебряным стеблем, так что она превратилась в подобие висящей в воздухе постели. Палден Лхамо коснулась стеклянистой поверхности, и вещество начало таять, испуская туман и густой запах водорослей; но при том ни капли воды не упало на пол.

Наружу проступило тело — блестящее, точно натертое маслом. Я подумал сперва, что бог был совершенно обнаженным, но потом разглядел широкие белые ленты, обматывающие его плечи, живот, лапы и промежность. Точнее, ее — потому что это была женщина. Бедрa у нее были чуть шире, чем у здешних мужчин, но все равно не слишком приспособлены для деторождения; между маленьких, туго перепеленатых грудей лежал не то камень, не то орех размером с мизинец. Когда Палден Лхамо сняла маску с ее лица, губы спящей разошлись, как половинки перезревшей сливы, — но я не услышал дыхания. Сиа порылся в холщовой сумке и вытащил наружу какую-то изогнутую палку с позолоченной ложечкой на конце. Вложив ее в рот женщины, он подождал несколько мгновений, а затем поднес рукоять инструмента вплотную к глазам.

— Не может быть все в порядке, — отрезал старик и снова потянулся за сумкой. Но Палден Лхамо остановила его, положив ладонь на предплечье, и сказала что-то на своем языке. Сиа отвечал; хотя я и различил пару-ройку знакомых слов — «жизнь», «сон», «Кекуит», — боги говорили слишком быстро для моего разумения. Ясно было одно — лекарь недоволен; его голос дрожал и прерывался от гнева. Лхамо, напротив, оставалась спокойна и втолковывала ему что-то, как неразумному дитяти. Наконец Сиа сдался.

— Раз я ничего не могу сделать, я ухожу, — сказал он, засунул лапы в рукава и пошагал прочь; я уже собирался кинуться следом, но лекарь прикрикнул на меня. — А ты оставайся здесь! Таскаешься за мной, как тень...

— Останься. Будешь подавать мне полотенца, — вдруг обратилась ко мне богиня — впервые за все время моей жизни в Когте! Тут уж ничего нельзя было поделать. Сиа скрылся за одним из черных столбов, а я остался в темноте, вместе с Палден Лхамо.

Правда, мое присутствие ее мало заботило: взгляд богини не отрывался от спящей женщины. Драгоценность растаяла, расплавилась вокруг нее, как лед вокруг нагретого солнцем камня; голая кожа напоминала цветом дождевого червя или личинку весеннего жука, — в общем, тех тварей, что прячутся в глубинах земли от солнца. Было в спящей что-то неправильное, даже пугающее; но мне пришлось долго присматриваться, прежде чем я понял, в чем дело. Ее лицо и ладони распухли, как у утопленника: ни одной морщинки не осталось у глаз или губ; щеки, казалось, вот-вот треснут от напряжения и засочатся перебродившим соком. Сосуды на запястьях и на висках налились синевой; на них-то и опустила пальцы белая богиня — и те вздрогнули, зашевелились, выпуская во все стороны

ветвистые отростки.

— Дай полотенце, — приказала Лхамо; я трясущимися лапами протянул ей сложенный кусок хлопка. Богиня отступила на шаг от драгоценности и медленно отерла ладони; затем снова подошла и ткнула большим пальцем в лоб женщины, — прямо как целитель, при помощи игл меняющий движения потоков ветра, желчи и слизи. И тут я наконец догадался:

— Она больна?

— Ее тело в порядке. Но душе нужен отдых.

— Но она ведь и так уже спит?..

Вместо ответа Лхамо опять склонилась над женщиной, изучая перемещения прожилок под туго натянутой кожей. Затем она дважды ударила пяткой по полу; из того вытянулось что-то вроде приступки.

— Залезай.

Я повиновался. Теперь плоское ложе со спящей оказалось на уровне моей груди.

— Придержи голову, пока я снимаю бинты, — велела богиня, приподнимая выпуклый череп женщины; я осторожно принял его в лапы и попытался почувствовать приличествующее моменту благоговение. Но затылок был липким, будто свежеснесенное яйцо, и от кожи так тошнотворно пахло водорослями, что я не удержался и поморщился. Это не укрылось от Палден Лхамо.

— Если хочешь, можешь уйти.

— Ты... не гневаешься на меня?

Богиня только пожала плечами, не прекращая разворачивать полосы ткани, обвивавшие шею спящей.

— Это неприятное занятие. Спящие обычно вызывают отвращение у живых.

— Почему?

— Потому что они неудачники, — Палден Лхамо подняла сверкнувшие в полумраке глаза и слегка усмехнулась. — А чужие неудачи пугают, как заразная болезнь.

— Но они ведь не заразные?..

— Нет, конечно. Спящие совершенно безвредны.

— Тогда я останусь. Чтобы помочь, — просипел я; держать на весу тяжелую голову оказалось не так-то просто. И тут, как нарочно, спящая дернулась всем телом, так что мои пальцы соскользнули с обтянутого гладкой тканью черепа! Я взвизгнул и зажмурился, в полной уверенности, что тот расколется, как пиала, расплескав во все стороны похлебку из крови и мозга. Но хруста я не услышал — а потому медленно разлепил веки.

Оказалось, Палден Лхамо успела подставить ладонь под затылок женщины и не дать ей удариться о твердую поверхность кристалла; только на щеке у спящей остался след моего когтя. Из ранки выступила жижа, мало похожая на кровь — куда темнее и гуще, и невыносимо пахнувшая прелой травой. Ком тошноты поднялся к горлу; как я ни старался, я не мог больше смотреть на это распухшее бледное тело, наполненное каким-то гнильем, и не мог заставить себя прикоснуться к нему. Следовало послушаться совета богини и уйти; но я сумел только прижать к морде полотенца и хрипло втянуть воздух через несколько слоев ткани. Стало полегче.

— Ничего, Нуму. Не все сразу.

— Да что такое с ними?! — завопил я сквозь смявшийся хлопок. — Все говорят, что они спят — но разве это сон?

— Да, сон — только не тела, а души.

— Тела у них тоже не больно-то бодрые, — буркнул я в ответ.

— тоже верно. *Нэб анкх*[12], — богиня тронула нерастаявший кусок кристалла; тот вспыхнул, отзываясь на прикосновение, — были придуманы, чтобы облегчить нам многолетние путешествия между звезд. С их помощью можно погрузиться в оцепенение, вроде зимней спячки змей; это состояние зовут *сах*. Хотя раньше, в Старом Доме, это слово означало подготовленных к погребению мертвецов... Так мы храним тела спящих, пока не истечет естественный срок их жизни. Но даже когда они умрут, ничего не изменится. По сути, они уже на небесах, пускай и рукотворных.

— Шаи говорит, все эти боги сошли с ума? Потому что помнили предыдущие рождения?..

— Верно.

— Но как так получилось? Ведь обычно младенец, когда выходит из лона матери, все забывает. Правда, я слышал от слуг в Перстне, что давным-давно один колдун явился в Бьяру и утверждал, что он — воплощение умершего князя, а доказывал тем, что помнит все узоры на полу во дворце. Он даже нарисовал их — но оказалось, что обманщик был просто ручным хорьком одного из придворных!

— Чудесная история, — вздохнула Палден Лхамо; кажется, она не слишком впечатлилась. — Ты верно подметил, Нуму: перерождение здесь устроено по своим законам, которые действуют равно на червяка и рыбу, улитку и орла... за исключением, видимо, хорьков. Но режет удалось изменить ход вещей — может быть, потому, что мы пришельцы?.. Так или иначе, наши души не отправляются туда, куда уходят другие, а остаются на этом корабле. Они и сейчас здесь, сидят рядом со своими *сах*, — она повела в воздухе ладонью, и я вздрогнул, почувствовав вдруг взгляд сотен духов, притаившихся в темноте, как птицы в горных гнездах. — Поэтому мы помним прошлые жизни. Для некоторых это стало даром — своего рода бессмертием; но для большинства... сам видишь. Если слишком часто оборачиваться назад, в конце концов собьешься с пути.

— Идя путями мертвых, не оглядывайся... — тихонько пробормотал я, но богиня услышала.

— Откуда ты такого набрался?

— Железный господин сказал, — устыдившись, что присвоил чужие слова, сознался я. — Когда был у Сиа.

— И ты запомнил? Надо же... Да, так и есть: они оглянулись — и пропали.

— И... им нельзя помочь?

Богиня пожала плечами.

— Мы пытались; но когда им предложили выбор — остаться и бороться или смириться и уйти, они выбрали второе. Спрятались внутри бесконечного сна... Хотя им он кажется явью.

— Это хотя бы хороший сон?

— Да, — Палден Лхамо коснулась закрытых век женщины, прогоняя с них блуждающую синеву. — Думаю, они счастливы. И еще, так лучше и тем, кто бодрствует. Ведь Кекуит нужны силы, чтобы расти — хорошо, что она может взять их взаймы у тех, кому они больше не понадобятся. Правда, иногда она слишком жадничает... особенно теперь, когда наша работа почти закончена.

Я аж поперхнулся гнилостным воздухом; так значит, это боги и богини, чьих лиц я не видел, а имен — не знал, открывали двери, лили воду из серебряных труб, освещали покои и

выполняли другие прихоти обитателей дворца! И все это — не просыпаясь! Какими бы сладкими ни были их видения, такая судьба казалась жуткой.

— Не пугайся, Нуму. Все не так плохо, — они не страдают, и нам не стоит. Подумай сам. Старые дома часто стоят на костях; а те, что поновее, — на веревках, которыми измерили тени прохожих... Впрочем, Сиа не обрадуется, если я начну обсуждать с тобой тонкости колдовского ремесла.

— Сиа вообще говорит, что колдовства на самом деле нет. Что все чудеса происходят только в голове.

— Что ж, Сиа — хитрец, — Палден Лхамо одобрительно улыбнулась и надавила обеими ладонями на солнечное сплетение спящей — будто тесто месила. Готов поспорить, мои ребра бы от такого обращения треснули, как сухие веточки, — но безымянной женщине было все равно. — Но, положим, все обман. Если его никто не раскроет, чем он отличается от правды? И если спящий не проснется, чем сон отличается от яви?

В ответ я глухо заворчал; такие отговорки только раздражали еще больше — будто мозг чесали щеткой из жесткой щетины.

— Правда и есть правда; а явь есть явь! Должно быть что-то, что отличает ее ото сна.

— Может, и есть. Но ты замерз. Возвращайся наверх — сегодня ты достаточно помог.

И правда, зубы у меня стучали, как копыта бегущего оронго, а шерсть поднялась дыбом. Слегка пошатываясь от навалившейся слабости, я побрел прочь из холодных покоев. У самого выхода эхо донесло до меня голос Палден Лхамо. Правда, обращалась она не ко мне — и говорила на языке богов, как и второй голос, которого я прежде не слышал.

Тогда я не понял смысла их разговора; но теперь все же запишу его, хотя это и против моего обычая:

— *Кекуит, спой мне песню, — сказала сияющая богиня.*

— *Хорошо, Нефермаат, — ответил дворец. — Этой песне меня научила Меретсегер, механик второго уровня, во время дежурства в секторе МОУ-восемь-восемь-три. Надеюсь, тебе понравится.*

Спят под водой твой брат с сестрой;

Кораллами кость цветет;

В глазницы жемчуг насыпан горой;

Ни пяди не пропадет,

Но превратятся через дни

В сокровище они.

— *Водители воинств! Про ваши дела теперь рассказать мне пристало,*

Племя драконов перворожденных воды мутило и корни

Горные грызло во тьме. Вы же, придя, поразили

Врагов-великанов, Вритры детей, ваджрами громовыми,

Удары их мощью сравнимы с быком, сияние — с тысячей молний.

Пали драконы; воды теперь, чисты, над ними катятся,

Рыбы играют в разверстых пастях; враги ваши в тьме беспросветной.

Прошло уже несколько месяцев моей жизни в Когте. Во внешнем мире наступило лето: кустарники у подножия скал оперились сочной листвой, будто подросшие птенцы мухоловки; над каменистой землей поднялись подушки проломника и ступенчатые башни

ревеня. Правда, из багровых окон дворца зелень казалась скорее черной, но я уже приноровился к этой странности... да и ко многим другим тоже.

Например, я подметил, что четыре вороноголовых демона со времени Цама ни разу не появлялись вместе. Если я вставал до рассвета, чтобы с чувством, толком и расстановкой перемыть горшки на кухне, — замечу, к слову, что Сиа и другие боги не больно-то охотно занимались этим делом, — то непременно сталкивался в кумбуме с Падмой, подьедавшей остатки вчерашнего супа или каши. Днем в саду мне частенько встречалась Камала; она любила растянуться на стволе припавшего к земле дерева, среди теплых пятен света; иногда женщина в сонном забытии терла ладонью глаза — и тут же хваталась за зеркальце, привязанное у пояса, чтобы поправить размазавшуюся тушь. Под вечер мне обычно попадался Утпала. Он входил в кумбум, согнув шею, чтобы не задеть макушкой дверной проем, усаживался на жалобно скрипящий стул и принимался чесать голову первой попавшейся вилкой. Не удивительно, что короткая грива его всегда бывала растрепана, как вылезшая из-под снега трава. Утпала бывал настолько погружен в свои мысли, что, кажется, и не замечал, как я подаю ему тарелки с момо или жареными овощами. Но оно и к лучшему! Один вид его лап, подобных железным трезубцам, внушал опасения. А ну как он решит проверить мой череп на прочность и расколется между пальцами, как какой-нибудь орех?.. А вот Пундарика, самый молчаливый из демонов, мне вообще почти не встречался, не знаю уж, почему.

— Разве я тебе еще не говорил? — удивленно хмыкнул Шаи, когда я поведал ему об этой загадке. — Эти лотосовы дети работают в разные часы, если это можно называть «работой»... Утпала взял себе ночь, от часа Свиньи до часа Быка, Камала — вечер, от Обезьяны до Снежного льва, Падма — день, а Пундарике досталось утро, от Тигра и до Дракона.

— Ааа, я понял! В это время демоны превращаются в воронов и летают по миру, пугая народ!

— Можно и так сказать... Только они сами никуда не летают. И наверняка обидятся, если ты продолжишь обзывать их демонами. Падма так уж точно, — Шаи задумался на мгновение, а потом махнул ладонью, будто решившись на что-то. — Знаешь, что? Пойдем, я покажу тебе. Только тихо.

Мы поднялись на верхний уровень Когтя и двинулись к острому, слегка вздернутому носу дворца; Шаи уже успел объяснить мне, что, упав с небес, Коготь вонзился в скалу наподобие стрелы, а затем просел, примяв оплавившийся от жара камень, — и все же северная часть дворца оказалась чуть ниже южной, висящей в воздухе.

Коридор, по которому мы шли, оканчивался дверью, раза в три превосходящей по размеру все прочие. На ее поверхности, будто на чистом белом воске, было отпечатано изображение шара с двумя крыльями: эти странные конечности имели перья, как у птиц, но были плоскими, как у жуков. По величине и особому украшению и по тому, что дверь не спешила расступаться перед нами, я сразу понял, что за нею скрывается что-то важное. Шаи пробормотал что-то на языке богов — видимо, уговаривал духов дворца впустить нас.

Послушавшись, дверь отворилась; за нею оказались просторные покои, очертаниями напоминающие устремленное вперед лезвие пурба. Пол под лапами был темен и шершав, как вывалившийся из пасти дре язык; высоко над головою восточная и западная стены-окна смыкались, образуя легкий прозрачный свод. Сквозь стеклянистую шкуру Когтя, поросшую лиловыми хрящами и черными прожилками, я увидел сначала дневное небо с

растрепанными вихрами облаков, а затем и Бьяру — так ясно, будто город был всего в шаге от меня. Казалось, протяни ладонь — и коснешься золоченых макушек лакхангов, звездчатых кумбумов, курильниц, сочащихся ароматным дымом, или полощущихся на свежем ветру дарчо. А если бы я напряг зрение, то смог бы разглядеть, пожалуй, и оми в пестрых носилках, и шенов с чашами для подаяний, и уличных торговцев, обмахивающихся веером из нанизанных на палочки жареных воробьев, и вчерашних гуляк, которых сон свалил у самого порога дома; они храпят, прикрыв носы меховыми шапками, и не знают даже, что через их раскинутые лапы перепрыгивают на спор соседские дети. Вздумай я направить взгляд еще дальше, то увидел бы и поля, покрытые зеленой щетиной ячменя, и дороги, расстеленные по земле, как полотна некрашеного хлопка, и реку Ньяханг, греющую спину на летнем солнце.

Но больше наружного мира меня занимало место, куда Шаи привел меня. Прямо из стен здесь росли какие-то тонкие широкие диски, похожие не то на листья лотоса, не то на створки жемчужниц, не то на большие зеркала; по их поверхности пробегали иногда красные огоньки, живо напомнившие мне о нижнем уровне Когтя. И здесь — к моему ужасу! — тоже кто-то спал, вытянувшись на узком, неудобном ложе прямо посреди покоев. Присмотревшись, я узнал Падму; по счастью, ее сон совсем не походил на глубокое, мертвенное забытье богов, спрятанных в подполье. Маленькая демоница была одета не в липкие белые ленты, а в свой обычный наряд — выцветшую темную рубаху и просторные штаны; на ее щеках горел румянец; упавшие на лицо волосы намокли от прерывистого дыхания; а главное, она шевелилась — и весьма бодро! Верхние и нижние лапы дергались, загребая воздух, из губ вырывались то хрипы, то свист, то невнятное бормотание; похоже, ей снилась погоня — не знаю только, была она жертвой или преследователем. Мне очень захотелось подойти поближе, чтобы услышать, что Падма шепчет себе под нос.

— Тшш, — предупреждаяще шикнул Шаи. — Не знаю, кого она сейчас там убивает, но, если ее разбудить, это будем мы.

— Она кого-то убивает? — приглушенно вскрикнул я.

— Может, да, может, и нет. Видишь птиц за окном? Сейчас все они — Падма.

Я уставился на крыши Бьяру, над которыми носились толстоклювые вороны. Отсюда казалось, что их несчетное множество: стаи птиц вились над столицей, как мошкара в безветренную погоду.

— Ладно, пошли обратно, — шепнул лха, и мы попятились прочь из странной опочивальни. Но, вернувшись к занятиям, я все никак не мог выбросить из головы увиденное. Замысловатые задачи, придуманные Шаи, шли совсем туго; я только пыхтел, высунув язык, и почему зря размазывал чернила по бумаге. Как бы я ни притворялся, что всерьез озабочен честным дележом пяти миробаланов между тремя шенами, думалось мне только о том, как бы подкараулить Падму вечером на кухне и расспросить ее о превращении в ворона. Кое-как справившись с уроками, я поспешил в сад и, притоптав колючие сорняки, устроился в засаде у лестницы в кумбум.

Шел послеполуденный час Барана, и солнечный свет, просеянный сквозь мелкое сито облаков, казался горячее углей. Прогретый воздух в саду дрожал, приподнимая тяжелые листья инжира, сталкивая колосья черной пшеницы; соприкасаясь, те испускали легкий звон. Тревожные, жалобные звуки то нарастали, то стихали, и мне чудилось, что я вот-вот пойму, о чем толкует сорняк, — но, если у него и был язык, я не сумел его разгадать. Оставалось только лежать в траве и следить за красными пятнами солнца, проплывавшими над моими полузакрытыми веками. Постепенно они превращались в чудесные образы: я

видел слонов с розовыми ушами; и длинногривых лунг-та, караваном идущих по заледеневшему озеру; и рыб, что спят в глубине, закутавшись в одеяло зеленых волн; и Падму в черной рубаше, из рукавов которой длинными бородами вырастают вороны перья; и камень, рассыпающийся в пыль; и туго набитые мешки, в которые мне очень хочется заглянуть, но нельзя — дядя не велел. Толстая ткань выгибается и натягивается изнутри, любопытство становится невыносимым — и я тяну за витой шнур из трехцветного шелка, а тот начинает скользить, освобождая узел...

Но тут мне в подол упала недозревшая хурма, отскочила, пребольно ударив по бедру, и заставила разлепить глаза. Судя по сумраку вокруг, был уже вечер, и я здорово испугался, что проспал. Но за стенами кумбума горел свет, и кто-то ходил туда-сюда, шлепая по полу мягкими туфлями; мне повезло — это была Падма!

Она как раз налила из чана крапивного супа и уселась за стол, поджав под себя одну лапу с голой розовой пяткой. Я взобрался на соседний стул, положил подбородок на усыпанную крошками столешницу и выжидательно уставился на демоницу.

— Чего надо? — спросила она не слишком-то дружелюбно.

— Прости, госпожа, что отвлекаю. Но я хотел узнать — ты правда превращаешься в воронов?

— Не превращаюсь я ни в кого. Я просто... смотрю через них, — она помахала в воздухе ладонью, словно отгоняла назойливую муху. — Хотя ладно, все равно не поймешь. Можешь считать, что я превращаюсь в воронов.

— А как это — быть сразу сотней птиц?

— Поначалу странно, потом привыкаешь. Камала лучше тебе объяснит — она раньше была небет ирету, их такому учили — быть сразу в сотне мест.

— Ирет чего? — переспросил я; вроде как «ирет» значило глаз, а вот первое слово было для меня загадкой.

— Ирет того! — передразнила Падма. — Неб ирету — это те, кто управляет... такими летающими штуками, которые стреляют молниями.

— Ааа, помню! Мне Сиа про них рассказывал. Но он говорил, вы давно перестали ими пользоваться.

— Ага, перестали, еще во время Махапурб. Из-за них Камала умерла тогда... Да что тебе рассказывать! Ты ж еще мелкий, все равно не поймешь ничего.

— Чего это не пойму! — в который уже раз поразился я странностям богов. Почему-то самые простые вещи, известные даже слепому щенку, казались им невероятно сложными. — Я знаю распрекрасно, что вы все переродились по нескольку раз. Между прочим, ничего особенного — все так делают. Мне бродячий составитель гороскопов как-то рассчитал, что я в одной из жизней был курицей, но совершил благое дело, накормив собою святого отшельника, — и за это мне позволили родиться среди разумных существ.

— А я в прошлой жизни была княжною, прекрасной и утонченной, и сияла, как луна, или солнце, или лампа накаливания... Что, не веришь? Ну, не верь, кто тебе запретит, — Падма пожалала плечами и в один присест, жадно причмокивая, выпила всю тарелку супа; вышло не больно-то утонченно. И все же любопытство во мне пересиливало сомнения, а потому я продолжил расспросы:

— А ты правда убиваешь врагов Железного господина?

— Бывает. Мы вообще много чего делаем.

— Что, например?

— Ну... всякое, — она помолчала, то ли размышляя, то ли пытаясь прожевать кусок засохшей лепешки. — Вот прошлым летом случай был: в окрестностях Бьяру убили одного торговца, довольно богатого. Закололи одним из ножей, которым овец режут. Вот только из вещей ничего не пропало — ни деньги, ни товары; и, главное, нашли мертвеца в запертом доме! Засов был опущен, окна затянуты бычьим пузырем — никто не смог бы выбраться через них, не оставив дыр; с крыши тоже не спрыгнуть — высоко. Жена торговца, вернувшись под вечер с городского рынка, не докричалась до мужа. Зато ей показалось, что в доме кто-то воет пронзительным, жутким голосом. Она кликнула местного шена, тот созвал соседей покрепче; всем миром они вышибли дверь — и увидели труп; а пока они толклись внутри, снова раздался вой и скрежет, будто кто-то скребется прямо внутри стен! А на следующий день половина жителей слегла от неведомой заразы. Как тебе такое, Нуму?

— Это наверняка колдовство! — прошептал я, творя перед сердцем защитный знак.

— Вот и местные так решили: мол, кто-то напустил на дом торговца злых духов. Те убили хозяина, а потом вырвались на волю и принялись вредить остальным жителям. Даже виновного нашли — какого-то ростовщика, которому мертвец долг не возвращал; уже собирались отрубить ему уши и язык... вот только знаешь, какие признаки были у болезни, которая поразила соседей торговца? Кручение в кишках, тошнота и понос; такое бывает не от козней духов, а если выпить или съесть что-то несвежее. И что бы ты думал? Все они пили шо, заквашенный одной женщиной, большой мастерицей этого дела. И вот тогда наши вороны полетели к ней и увидели во дворе щенка, как две капли воды похожего на торговца; тут-то все и сошлось. Смекаешь?

— Эмм... нет.

— Ну это же так просто, Нуму! — вздохнула демоница. — Она была любовницей торговца — и уже давно; они даже устроили в доме потайную дверь, чтобы она могла спрятаться в застенке, если вдруг кто придет. Только петли забыли смазать, вот те и скрипели; этот звук жена и соседи и приняли за вой духов. Дверь ту вороны заметили по движению воздуха; они это чувствуют перьями на носу... Но, видать, когда женщина родила сына, она решила потребовать от торговца денег или еще чего и отправилась к нему, оставив шо киснуть на солнце. Она-то думала, что скоро вернется, но все вышло иначе. Когда любовница явилась на порог, торговец затащил ее внутрь и крепко-накрепко запер дом, чтобы никто не вошел ненароком; а потом голубки поссорились — и так уж случилось, что она его заколола. Ну а тут на пороге возникает жена и как начнет стучать! Женщина, конечно, испугалась и не нашла ничего лучше, чем спрятаться в знакомом месте. Когда дом заполонила толпа народу, она выбралась наружу и сделала вид, будто пришла вместе со всеми; в суматохе никто и не заметил. Потом она вернулась к себе; и все бы сошло ей с лап, вот только шо на жаре совсем скис — и все, кто купил его на следующий день, отравились. Так я ее и нашла.

— Ты умная! — восхитился я; Падма аж раздулась от гордости.

— Да, я такая. А недавно я спасла молодую девушку. Мать оставила ей и ее старшей сестре неплохое наследство — большой дом, землю и кое-какие накопления, но с условием, что до замужества всем будет распоряжаться их отчим. Тот был лютого и жестокого нрава и много крови попортил сестрам, но вроде не возражал, когда старшая решила наконец выйти замуж. Вот только вскоре она начала жаловаться на то, что во сне ее преследует звон железа и свист — а потом, в одну из ночей, бедняга закричала так, что перебудила весь дом. Когда сестра прибежала к ней в спальню, та стояла у постели — глаза остекленели, дыхание

прерывается; она только и успела сказать: «Полосатый хатаг...» — и умерла. Все, конечно, решили, что это демоны украли ее жизнь: в дом не мог пробраться убийца, да и следов насилия на ее теле не было. А потом замуж собралась и вторая сестра — и что бы ты думал? Ее тоже стали будить звон и свист! Вороны слышали, как она жалуется своим подругам; ну я и решила проверить, что это за диво — и разведала немного о прошлом ее отчима. И угадай, где он жил прежде? В южной стране!

— Эээ... и что?

— А чем славится южная страна, Нуму?

— Ну... там тепло. И много зверей. И всякие колдуны — кто по раскаленным углям ходит, кто на гвоздях спит, кто змей заклинает...

Падма звучно щелкнула пальцами.

— Воот. Этот полосатый хатаг, про который говорила старшая сестра, был ядовитой змеей — памой, которую отчим привез в Олмо Лунгринг. Днем они вялы и медлительны, а вот ночами охотятся и готовы напасть на добычу куда больше себя. А еще следы укусов памы крошечные — в шерсти не увидишь... Через дыру в стене убийца запустил гадину в спальню старшей сестры и с младшей собирался поступить так же. Но мы вовремя его остановили.

— Оо! И после такого — неужели в Бьяру еще остались преступники?..

— Они всегда есть, сколько ни лови. Так что работы у нас хватает... Эх, жаль, у вас нету отпечатков — тогда все было бы гораздо легче.

— А что это?

— Смотри, — Падма взяла мою лапу и коснулась подушечек пальцев; от щекотки я аж вздрогнул. — У вас здесь кожа гладкая. А у нас — тут она раскрыла свою ладонь — как будто покрыта мелкими морщинами. Они у всех разные, даже у близнецов. И стоит что-то потрогать...

Вороноголовая с силой надавила большим пальцем на тарелку, соскребла немного сажки со старого горшка, посыпала то же место и легонько подула. На боку посуды осталось пятно, в котором и правда можно было различить узор из волнистых линий!

— Ух! — выдохнул я, не уставая удивляться, до чего же чуждые эти боги — мало того, что без шерсти, так еще и с морщинистыми пальцами. — Получается, Падма, ты умная. А кто из вас самый сильный? Утпала, да?

Демоница громко фыркнула в ответ.

— Ага, конечно! То-то он взял себе самую простую работу — разносить туда-сюда сплетни! Может, дело и нужное, но все равно не больно-то он утруждается. Думаю, Камала сильнее всех. Она первая придумала, как вселяться в зверей и птиц; да еще и наловчилась проникать в головы самых разных тварей. Я вот могу только в воронов и галок; а у нее в распоряжении глаза, носы и языки на любой вкус... И знаешь, кто ее любимец? Моль! Говорит, у нее нюх лучше, чем у снежного льва[13]. Но я думаю, это потому, что во всем мире только моль и Камала жить не могут без гор одежды... Так и получается — если ограбят какой-нибудь дом, я сижу и думаю, а Камала просто обернется стаей моли и сразу скажет, сколько вору лет, какого он роста и веса, давно ли мылся и что ел на обед. А дальше уже Пундарика найдет его. Он найдет кого угодно, где угодно — такое у него свойство. Ну а мне остается только исполнить приговор, если ваши князья почему-то не могут это сделать.

— Нечестно это. Тебе достается худшая часть.

— Это верно, — кивнула Падма; ее губы сжались в маленький, темный круг, похожий на смоченную в красной туши печать. — Но ничего не поделаешь! Кто-то должен и этим

заниматься. Зло в мире — оно как гнездо мокриц под половицами; если забудешь про него, то глазом не успеешь моргнуть, как оно уже расплодилось и лезет изо всех щелей! Правда, иногда даже мокрицу бывает жалко раздавить. Но, может, в следующей жизни ей повезет больше; зато в этой она уж точно никому не навредит. Поэтому я и не бросаю свое дело, в отличие от трусов вроде Утпалы...

Будто устыдившись своей разговорчивости, она грохнула пустой тарелкой о стол и с хрустом потянулась. Надо думать, то каменное ложе, на котором вороноголовая спала днем, не отличалось удобством. Да и размером оно было великовато... Стоило мне подумать об этом, как с языка сам собою сорвался еще один вопрос:

— Госпожа, прости за дерзость, но почему ты меньше ростом, чем другие лха?

Щеки Падмы вспыхнули, как пролитое в огонь масло, и я уже приготовился лишиться слишком длинного языка... но она только улыбнулась.

— Ты ведь не знаешь этой истории. Ладно, так уж и быть, расскажу, но чтобы больше ко мне не приставал! Всякий ремет рождается маленьким, не больше полутора локтей. Чтобы он мог вырасти, над ним совершается особый обряд. Однажды вечером, при растущей луне, родители отводят ребенка в лес... или в сад — главное, чтобы кругом были деревья. Там ему дают чашку с водой, ножницы и веревку и оставляют на ночь одного. На закате маленький ремет должен срезать волосы с макушки, чтобы появилось лысое пятно. Вот такое, — Падма сложила большой и указательный пальцы в кольцо шириной где-то с серебряную монету. — Потом он выбирает себе одно из деревьев, лучше повыше, кланяется ему и выливает у корней воду, затем оборачивает веревку вокруг ствола и завязывает узлом на животе, там, где пупок. Головою — самой лысиной! — ребенок должен касаться древесной коры. Так он должен провести всю ночь, повторяя заклинание «Шеп-шепунет кхет-кхет!».

— А что это значит? — прошептал я, стараясь как можно точнее запомнить таинственные звуки.

— Эти слова такие старые, что мы уже и сами не помним их смысла. Главное, если бог выдержит испытание, то он вырастет, как само дерево. А если нет... — Падма многозначительно умолкла. — Кажется, это просто. Но ночью в лес приходят всякие духи и начинают пугать, щекотать, щипаться! Я не выдержала и убежала, отстояв только полночи; потому и выросла только наполовину.

— А если я так сделаю, я тоже вырасту?

— Ну, не знаю... а лет тебе сколько?

— Пять! — выпалил я, втайне обрадовавшись тому, что лха считают года жизни не как положено — от зачатия, а только от рождения.

— Что ж... — Падма склонила голову и потерла подбородок. — Пожалуй, еще можно попробовать, если времени не терять... Но что-то я засиделась. Пойду, пожалуй, спать — и тебе советую.

Я вышел из кумбума следом за демоницей. Кивнув мне напоследок, она скрылась в зарослях у северной стены, а я остался стоять у порога, вдыхая пыльный запах приближающегося дождя. С запада небо уже затянули плотные темные облака, а на востоке все светил белый месяц, загнутый наподобие рыболовного крючка или хвоста буквы «та». Растущий! Внезапно радостное волнение захлестнуло меня; я ринулся обратно в кумбум, отыскал чашку почище и набрал в нее воды; затем вытянул со дна кухонных ящичков веревку и ножницы, предназначенные для стрижки птичьих перьев, и побежал в сад. Там росло одно дерево — могучая сосна, несмотря на почтенный возраст прямая, как стрела, и сплошь

увешанная медными серьгами шишек. Приблизившись к ней, я, не раздумывая, отхватил кусок гривы на затылке — черная шерсть так и посыпалась в траву! — полил водою выпирающие из-под земли корни, перепоясал и себя, и дерево одной веревкой и прижался свежей лысиной к его шершавому боку. Сердце колотилось у самого горла; едва попадая зубом на зуб, я начал читать заклинание.

Так прошло несколько часов. Усталый язык уже ворочался во рту тяжелее, чем каменный пестик в ступе, а из онемевших губ вырывался скорее свист, чем слова. Горло нестерпимо саднило, и я с завистью поглядывал на влажную грязь у подножия сосны, куда самолично опрокинул единственную плошку воды. Вокруг перешептывалась сорная трава, соприкасаясь колосьями, как заговорщики — лбами; но этот тихий непрерывный шум навевал не сон, а тревогу. Вдруг лиловая молния озарила небо, горы и внутренности дворца и погасла, оставив мир в кромешной темноте.

Ударил гром. Снаружи подул ветер, пахнувший железом и грязной шерстью. По стенам Когтя ударил дождь. Деревья вокруг пришли в движение, качнули вершинами, будто указывая на что-то; я скользнул взглядом вниз, следом за их вытянутыми ветвями, но ближе к земле сад затопила непроглядная чернота. Легкий зуд пробежал по моей спине, вверх по позвоночнику, заставив все волосы на загривке стать дыбом. Сначала я только плечами повел, но зуд все усиливался — точно я заехал лапой в муравейник, полный тысяч назойливых, разозленных букашек. Через несколько мгновений чесались уже и щеки, и ноздри, и даже потаенные каналы ушей! Свежевыстриженная лысина зудела особенно сильно; мне страшно хотелось впиться в голую кожу когтями и разодрать ее хоть до крови. Но вместо этого я прижался к сосне крепче и потерся макушкой прямо о ее чешуйчатую кору; зуд немного поутих. И тут мою левую ладонь кто-то лизнул!

Я заорал и брыкнул лапой воздух — да так, что скользкая шелковая туфля взвилась ввысь и улетела в заросли гла цхера. Босую ступню больно укололи сорняки; но куда хуже было ощущение мерзкой обволакивающей липкости, оставшееся на пальцах. Кто-то подкрался совсем близко! Еще одна блеклая вспышка осветила кипящие тучи наверху и мир под ними. При ее неверном свете я заметил в кустах неподалеку два маленьких красных пятна; потом рядом загорелась еще пара, и еще! Они кольцом окружали меня, одинокого, привязанного к дереву и вооруженного только кухонными ножницами! Сглотнув ком в горле, я уставился во мрак, где плавали, то приближаясь, то удаляясь, перемигивающиеся огни; с тревожными вздохами опадали бока кустов — и я никак не мог понять, ветер шевелит их или движения невидимых существ.

Тонкие сучки захрустели под чьим-то немалым весом — все ближе, и ближе, и ближе! Я вжался всем телом в ствол сосны, молясь, чтобы дерево разверзлось и укрыло меня в объятьях. И тут раздался рев.

Он был как рокот падающих камней в узкой глотке ущелья, как хрип ганлина перед жертвоприношением; клянусь, от этого звука сама земля содрогнулась под лапами! Позабыв о заклинаниях и богах, я в мгновение ока выскользнул из пут и ринулся прочь. Пара бледных огней сверкнула у моего левого плеча; щеки коснулось влажное дыхание; цепкие когти ухватились за единственную туфлю, и я покатился кубарем в пшеницу, набрав полную шкуру иголок, — но тут же вскочил, не обращая внимания на уколы и ссадины, и кинулся дальше. А темнота за спиною ухала, ревела и гроыхала, подгоняя меня, вперед и вперед, не разбирая дороги, — пока мои лапы не скользнули вдруг, как по льду, и я, потеряв всякую опору, не полетел вперед. Вокруг с плеском взметнулась вода, проглотив меня с головой.

Отчаянно чихая и отплеываясь, я кое-как вынырнул на поверхность. Чудовища загнали меня в маленький пруд посреди сада, а сами куда-то исчезли: ни рева, ни треска, ни шороха не было слышно, да и копыта темно-зеленой осоки по берегам стояли неподвижно. Прошла минута, другая... Вода была довольно теплой, но из-за расплывшейся ряски на вкус и запах напоминала протухший овощной суп. Промокшая одежда стала тяжелой, как сто яков и баран в придачу, а скользкие стебли кувшинок хватили меня за лапы и хвост и тянули на дно, как стая зловредных духов. Нужно было выбираться. Еще раз оглядевшись, я подплыл к каменной кромке пруда и уже закинул на нее лапу, как вдруг многоголовая молния вспыхнула сразу на западе и востоке, и передо мною возникла страшная, огромная тень!

Я взвизгнул и чуть не опрокинулся обратно в пруд, но тень уже поймала меня за шкуру и подняла высоко в воздух.

— С тобой все в порядке? — спросила она участливо; проморгавшись, я рассмотрел серые глаза, длинный лягушачий рот и три шрама на правой щеке. Слава всем богам, это был Утпала! — Зачем ты полез в пруд ночью?

— Я спасался от чудовищ!

— Чудовищ? Здесь?.. Ладно, пойдем посушим тебя, а то простудишься.

Вороноголовый опустил меня в траву и неторопливо побрел по ночному саду; колючая трава расступалась перед ним, как морские волны перед длинноносой макарой, а я плелся следом, точно маленькая жалкая рыбешка. Гроза снаружи прекратилась, и сквозь разошедшиеся облака стало видно синее, по-утреннему посветлевшее небо. Наконец мы дошли до кумбума. Я стянул с себя промокшую одежду и обтерся кухонным полотенцем; Утпала отдал мне свою накидку, чтобы укрыться. Ткани в ней хватило бы на попону Чомолангме! Пока я заворачивался в стеганый синий шелк, лха согрел часуймы, щедро приправил ее маслом и разлил по двум большим чашкам.

— Ну, расскажи, что за чудовища за тобой гонялись?

Отхлебнув горячего напитка, я, как есть, поведал ему о разговоре с Падмой и о том, что случилось после.

— Вот так я не продержался до рассвета, а потому уже не вырасту! — закончил я рассказ и тяжело вздохнул; все было напрасно — и стертый язык, и плешь на макушке, и купание в пруду.

— Если это тебя утешит, до рассвета ты продержался: солнце уже взошло. Пундарика как раз сменил меня на посту незадолго до того, как я выловил тебя из воды. Но, увы, ты все равно не вырастешь выше пяти локтей.

— Но я же сделал все правильно!

— Правильно-то правильно, только Падма все это придумала, чтобы подшутить над тобой. И чудовищ тоже наверняка сама изобразила — не лень же было... — Утпала почесал нос, пряча за ладонью улыбку. — Извини, но мир так не работает. Некоторые звери большие, другие — маленькие, и биться головой о деревья тут не поможет.

— Почему же Падма не выросла, как ты?

— Она пошла в отца, а тот — в своего отца; ну а тот родился в небесных Ульях Семем. Там народ пониже, чем в Старом и Новом Домах... Тебе ведь Сиа рассказывал? В Старом Доме жили сплошь богатеи — вроде ваших оми; в Новом — народ попроще. Ну а Ульи были сами по себе; поэтому они ни на кого не похожи. Да ты уже засыпаешь! Иди-ка в кровать.

Я помотал головой. Может, чудовища в саду и были ненастоящими, но оставаться в одиночестве все равно не хотелось.

— А ты тоже умеешь вселяться в воронов? Чтобы разносить сплетни?.. Только не гневайся! Это мне Падма сказала!

— Ну и кто после этого сплетник? — лха рассмеялся, почесывая шрамы. — Умею, да. Но воронам по ночам летать опасно — в здешних скалах полно сов. В темноте они видят куда лучше и летают бесшумно; чуть зазеваешься — сразу попадешь им на ужин. Поэтому обычно я вселяюсь в ночных зверей и так доставляю вести во все концы Олмо Лунгринг. Получается быстрее, чем гонцами.

— Странное у тебя занятие. Падма маленькая, а насыляет всякие ужасы и казни, — я невольно вздрогнул, вспомнив прошедшую ночь; каково-то приходится тем несчастным, кого демоница преследует не шутки ради? — А ты вон какой большой — мог бы и без всяких воронов ловить злодеев! А вместо этого разговоры разговариваешь.

— Нет уж, с меня хватит, — Утпала повел головою — как будто поросший темным мхом валун двинулся с места от внутренних колебаний земли. — В первой жизни, которую я помню, я был *ахаути*[14], но я никогда не думал, что мне придется участвовать в настоящей битве. Последняя из войн ремет, столетняя междоусобица Старого и Нового домов, закончилась задолго до моего рождения. С тех пор ахаути не приходилось убивать и быть убитыми. Вот и нам — а всего ахаути на ладье было двадцать один человек, или семь по три, — следовало только охранять Кекуит и наших товарищей, пока *неб ирету* следят за безопасностью с воздуха.

Но жизнь рассудила иначе. Когда месектет упала, меня разбудили одним из первых. Я помню, как впервые увидел этот мир — его небо, рассеченное полосами дыма... Обломки Кекуит лились над горами, как железный дождь; до сих пор среди камней можно найти оплавленные куски ее панциря. А внизу, на склонах, бродили стада коз и овец, из которых, как черные острова из белой реки, подымались горбатые спины яков. В долине горели костры; я увидел детей, играющих в золе, их матерей и отцов — существ, так похожих на нас! — Утпала усмехнулся, заметив, как я недоверчиво качаю головой. — Да, мы давно лишились хвостов и когтей и живем в семь раз дольше вашего, но пусть тебя это не обманет. В сущности, у нас мало отличий — я сразу понял это.

А потом из-под земли появилась огромная змея, и мы убили ее. Когда Нефермаат — вы звали его Шрисати — предложил совсем очистить долину от этих чудовищ, я поддержал его всем сердцем. Мне казалось, это наша обязанность, как старших братьев, — дать вепвавет спокойное место для жизни. Мало-помалу мы вытравили Лу из окрестностей, из пещер, нор и водоемов, и Олмо Лунгринг расцвела, выплеснувшись за пределы долины, как убегающее молоко.

Но мы ошиблись, полагая, что Лу полностью лишены разума. Правда, каждый змей по отдельности не умнее муравья, но даже муравьи умеют действовать сообща. Наше присутствие было для них как незаживающий нарыв — и в конце концов змеи двинулись на нас войной. Так начались Махапурбы; и я бился в них, и готов был стоять до последнего... До тех пор, пока один из Лу не раздавил мою грудь, не сожрал на моих глазах Шрисати — а потом сам испустил дух от полученных ран. Лежа под чешуйчатым телом и медленно умирая, я смотрел на трупы вокруг — на недавних товарищей и врагов... и тогда понял: мы взялись вершить судьбу этого мира, а принесли ему только разрушение. Мы назвали себя царями и богами, но на деле были — и остаемся — самозванцами. Поэтому лучшее, что мы можем сделать, — это отойти в сторону. И разносить сплетни.

Не все из сказанного Утпалой было мне понятно; кажется, я собирался еще что-то

спросить у лха... Но тут на меня напала неодолимая зевота, а за нею и сон.

— Чакра! С синих небес, в грозовых облаках
Ты к воротам дворца опустилась.
Из ступицы твоей, что солнца светлей,
Стрелы тысячи спиц вырастают.
Царь, увидев тебя, оставляет свой трон,
Надевает наряд из железа.
К четырем морям, к мира краям
Он идет в сиянье великом.
Нет числа его войску — от плеска знамен
В ясный полдень ночь наступает;
Колесницы катятся, ревом слонов
Сотрясаются воды и горы.
Твоей силой затем возвращается вмиг
Царь в свой дом со всеми войсками.
Так чакравартин губит врагов,
Так он миром владеет.

По утрам мне редко доводилось скучать: то Сиа заставлял меня перебирать сухие пучки трав и сморщенные коренья, вслух называя их полезные свойства, то Шаи приставал с задачками про дележ плодов миробалана или дырявые котлы, куда незадачливые служки все вливают и вливают неиссякающим потоком часуйму. Но однажды я все же остался без дела. Шла середина лета, и старый лекарь был отчаянно занят — почти каждый день он отправлялся наружу, собирать черное масло, которым потели нагретые на солнце скалы, ягоды жимолости и желтые цветы, названия которым я не знал.

Вот и в этот раз лха собрался уходить, но сначала напялил на лицо длинноносую слоновью маску — та пристала к его коже, как живая; встретить я его в таком виде внизу — бежал бы без оглядки! Хорошо, что в горах Сиа некого было пугать, кроме рысей и снежных львов.

— Ступай пока к Шаи, — прогудел он напоследок, перекинул через плечо ремень потрепанной сумки и удалился. Я посидел еще некоторое время в его покоях, разглядывая книги и свитки с яркими картинками, а потом побрел в комнату Шаи. Та находилась в северной части дворца, там, где Коготь врастал в черное мясо Мизинца. Поэтому свет солнца уже не проникал сквозь прозрачные стены; зато за стеклом, в потаенных полостях внутри скалы, блестели друзья лиловых кристаллов на толстых белых ножках.

Когда я зашел, молодой лха стоял перед зеркалом и, не торопясь, застегивал пестрый халат на множество пуговиц, от подола до самого горла, по последней городской моде. На травянисто-зеленой ткани рдели вышитые гладью маки — и, будто отражение в мутном зеркале, та же цветистая зелень и краснота расплзалась по лицу самого бога. Но, несмотря на болезненный вид, Шаи весело мурлыкал под нос какую-то песенку и даже тщательно пригладил гребнем короткую гриву. Ясно было, что он тоже собирается во внешний мир, но, в отличие от отца, его путь лежал в город. Я знал уже, что его работой было собирать по Бьяру сплетни и слухи и приносить их Железному господину, хоть так и не понял, как такой верзила может бродить незамеченным среди простого народа?

— Пош-шему тебя не видно, когда ты ходиш-шь наруш-шу? — спроси я на меду нечер, языке богов, с трудом подгоняя друг к другу непривычно шелестящие слова. Шаи ухмыльнулся: мое произношение было излюбленным предметом его насмешек, — но все-таки ответил:

— А вот почему! — и поднял со стола деревянную маску, вроде той, которую носил Сиа. Только изображала она не слона, или сову, или еще какое чудовище, а обычного старика, с набрякшими веками и морщинистой шкурой, седой, как густо присыпанное солью блюдо. На месте бровей у маски были приклеены полосы меха, ободравшиеся от времени; гриву изображали толстые перекрученные веревки в целый локоть длиной. Шаи натянул эту образину на себя, и все его тело сразу съежилось, утончилось: спина согнулась горбом, плечи подтянулись к ушам, а уши обвисли почти до груди. Маска на лице обмякла, просела, проросла шерстинками и волосками, словно весенняя земля, — и вот передо мною уже стоял старикашка, каких тысячи ходят по миру... за исключением нелепо богатого наряда и полного отсутствия хвоста.

— Почему нет хвост? — придиричливо (и почти без ошибок!) спросил я.

— Эта маска с изъяном, — ответил старик молодым голосом Шаи. — Поэтому никто не хотел ее брать. А мне в самый раз! Да и хвост — не проблема.

Преобразившийся лха сдернул с кровати кусок грубой ткани, который я поначалу принял за замызганное одеяло, обернулся им с головы до пят и стал уже неотличим от всякого нищего, побирающегося у порога лакханга.

— Готово! Ладно, иди поиграй в саду — мне пора.

— Не хочу в сад, — вздохнул я, вспомнив свои недавние приключения с полуночным бдением и купанием в пруду. — Можно, я с тобой пойду?

— Сам ведь знаешь, что нельзя. Сиа с тобой не может посидеть?

— Нет, он тоже ушел.

— Ну, оставайся тогда здесь, — вздохнул Шаи и, легко подхватив меня, усадил на стул у восточной стены комнаты. На уровне груди у меня оказался полукруглый выступ в пять ладоней шириною. Из любопытства я ткнул когтем в гладкую поверхность — и на той сразу же проступили слова на языке богов, частью уже знакомые: «голос», «запись», «день»...

Но Шаи не дал мне вчитаться как следует, велел смотреть прямо перед собой, а сам пробормотал что-то вроде:

— Кекуит, есть-показать-шу-шу-шу-вепвавет?

— Имею шу-шу-шу записи от года один, — произнес женский голос, тихий, но шедший как бы отовсюду. Старик-Шаи одобрительно покивал, трясая отвисшими брылами.

— Ладно, я пошел, а ты посмотри пока записи корабля. Это... как ожившие картинки. Но на самом деле они не настоящие, так что не пугайся. Кекуит тебе объяснит, что к чему.

— Я умею находить общий язык с детьми. Не беспокойтесь, госпожа Меретсегер, — невпопад отозвалась невидимая женщина; Шаи скривился, как от тычка под ребра, но не стал тратить время на то, чтобы поправлять дух дворца, — видимо, дела в городе не могли ждать.

Тем временем прямо на стене, чуть выше моего носа, загорелся оранжевый значок размером с ладонь — шар с двумя плоскими крыльями, покрытыми не то перьями, не то змеиной чешуей. Крылья постепенно побледнели и исчезли, а вот шар между ними, наоборот, налился кипучим жаром. После уроков Шаи я сразу догадался, что это — солнце, а мелкие зернышки, перекатывающиеся вокруг него на блюде непроглядной черноты, —

чужие миры.

Одно из зерен приблизилось, превратившись в сгусток плотного желтовато-белого тумана. Несколько мгновений он вращался передо мною в полной тишине, а потом я как будто нырнул вниз, прямо в толщу кипящих туч. Они двигались с невероятной скоростью, подгоняемые лютыми ветрами, и на их спинах, как на волнах бурной реки, плыли летучие города! Не знаю, что держало эти махины в воздухе — у них не было ни крыльев, ни опор, ничего! Зато они были спрятаны внутри пузырей, собранных из огромных стеклянных сот. Сквозь них видно было, как под зданиями и улицами ворочаются кишки города: маслянистые, раскаленные, пышущие паром. В мгновение ока я влетел в один из пузырей и увидел богов — низкорослых и крепко сбитых, в одеждах цвета серы и ржавчины, с полосами нашивок на груди. Большинство из них сидело в тесных потайных жилищах, в задумчивости склоняясь над покрытыми значками дисками... Но не успел я рассмотреть все получше, как меня утянуло вниз, сквозь грозы, молнии и дожди, испарявшиеся до того, как коснутся раскаленной земли. Там, среди каменных пустынь и озер, обросших коркой соли, распласталась кузница — словно пригвожденный пурбамы демон, в бессильной ярости перемалывающий зубами небо и землю. На теле этого чудовища копошились неисчислимые блохи: железные цапли ростом с торан, покачивающие длинными шеями в поисках добычи; змеи длиной в тысячи шагов, несущие на плоских спинах груды дымящейся руды; скорпионы величиной с быка, раздирающие скалы зазубренными клешнями; безглазые ящерицы, пробующие почву раздутыми языками, и рои железных пчел, без устали кружащиеся в тумане шафрановых испарений.

— Небесные Ульи Семем, — сказала Кекуит, и в мгновенье ока мы перенеслись к следующему миру. Сверху я увидел, что он, как и летучие города, покрыт оболочкой, идущей рябью от прикосновений солнечных лучей. Вот только она была тоньше волоса и легче мушиного крыла — зато так широка, что оборачивала весь мир целиком: и гневное, багровое небо, и плоскую твердь, не отмеченную складками гор, холмов или ущелий. Сколько хватало глаз, во все стороны тянулись поля, поросшие черной пшеницей, и прозрачные леса, в которых каждое дерево, каждая травинка тянулись вверх прямо, как хребет сторожа у царских покоев, как стрелы в колчане; а вот в Олмо Лунгринг любое растение гнуло шею и униженно жалось к земле... Были здесь и моря, и озера, с поверхностью такой неподвижной, что казались до краев полными смолы; были и реки — но ни рыб в воде, ни зверей на их берегах я не заметил. Только иногда пролетали вдалеке птицы с серповидными крыльями — может, соколы, а может, кукушки; да один раз показалась внизу примятая тропинка, какую могли бы оставить олени или дикие козы, — но вела она не в чашу, а к белому зданию с плоской крышей, которое почему-то напомнило мне старую гомпу Перстня. На лестнице, ведущей к обитым медью дверям, стояла пара богов, увлеченно споривших о чем-то. Эти двое, с бритыми налысо головами и глазами изогнутыми, как нож чу-гри, казались куда выше и стройнее, чем их сородичи из Ульев. Их одежды из легкой ткани и бисера почти не скрывали тел, зато в ушах, на груди и на запястьях сверкали богатые украшения.

— Пер-Ис. Старый Дом.

Третий мир окружало синеватое свечение — воздушная муть, в которой плавали редкие перистые облака. Под ними простирался океан, весь в доспехах из серого льда; за ним широкими ступенями подымались белоголовые горы. А дальше, соперничая в высоте с горами, раскинулся город такой величины, что, когда на один его конец опустилась ночь, на другом уже начался рассвет. На широких улицах и в домах, похожих на ряды серебряных

флейт, я увидел сотни тысяч богов — женщин, мужчин, детей. Некоторые, словно поймав мой взгляд, улыбались и приветливо махали лапами; в одном из широких окон я заметил свое отражение — точнее, моего провожатого. Он походил на темный мячик шириною в ладонь; сзади у него развевался хвост — вроде того, который вешают на зонты и кхатванги, — а спереди блестел большой глаз, выпученный и радужно переливающийся. Должно быть, это и был «ирет», о которых мне рассказывали Сиа и Падма.

— Пер-Мави. Новый Дом, — торжественно произнесла Кекуит. Мы снова поднялись вверх, сквозь течение ветров — к черной пустоте. Там, как спустившийся с потолка паук, висела круглая луна. Ее пористую кожу покрывали впадины, внутри которых я разглядел строения с выпуклыми крышами, похожими на лягушачьи икринки, всплывающие на поверхности весеннего пруда. Иногда их своды раскрывались, выпуская наружу снопы золотых стрел.

— Это манджет, дневные лады. Они зовутся так, потому что каждая оживляется жаром собственного маленького солнца. А это — месектет, — не успела невидимая женщина договорить, как голубой диск Нового Дома остался далеко позади; вместо него во всю стену вытянулись восемь Когтей — восемь огромных черных крюков. — Ночные лады, совершеннейшие из созданий ремет: не механизмы, не животные, не растения, но все это вместе... и больше этого. Они могут столетиями путешествовать между звезд, изменяться, залечивать раны, производить воду, воздух и пищу для команды, рожать ирет и ушебти, меньших помощников. Восемь лучших месектет — Нун и Нут, Хеху и Хехут, Керх и Керхет, Кеку и я, Кекуит, — были построены для того, чтобы найти новый мир для ремет. И хотя я не достигла своей цели, звезды Тубан, но зато обнаружила этот мир.

Невидимая женщина помолчала, давая мне время поразмыслить над сказанным, а затем вдруг пропела:

— Не от матери, не от отца достаюсь —
Не успеешь родиться, с тобою рожусь.
Хоть не золото я, богачом можешь стать,
Не пожар я, но можешь ты крова лишиться,
Пожелаю — и будешь с красавицей спать
Иль с червем обниматься в холодной гробнице,
Я все время с тобой, хоть не друг и не враг,
От меня убежать не сумеешь никак.
Кто я?

— Это загадка? — я наморщил лоб; порою сестра и дядя играли со мной в загадки, но такой мне раньше слышать не доводилось. — Ммм... дух какой-нибудь? А, я понял! Судьба?

— Правильно! — Кекуит тихо заухала от удовольствия. — Разве это была не судьба? Сходство этой планеты и Старого Дома так велико, что не может быть случайным. Так решил и мой хозяин, Нефермаат; он отправил ирет далеко-далеко — за пределы гор, вглубь южной страны... Туда, откуда пришел ваш народ.

Стена передо мною просветлела, превратившись в небо. Оно было почти белым от водяной пыли, которая от жары никак не могла стать облаками. Внизу зеленел лес — такой густой, что сначала он показался мне ковром исполинского мха. Куда там чахлым кустам Олмо Лунгринг! Деревья здесь были как смотровые башни дзонгов; их раскинутые во все стороны ветви сплетались, составляя балки и опоры, дверные проемы и лестницы, ведущие в тень подлеска. Точно голоса военных труб, звучали повсюду крики неизвестных мне птиц, и,

как зоркие дозорные, выглядывали из бойниц-гнезд их птенцы с раскрытыми желтыми клювами. Но, приглядевшись, я различил среди этих живых домов настоящие строения. Они казались давно заброшенными: из расщелин и проемов в стенах росли кусты и целые деревья; с подоконников связками дарчо свисали ленты вьющихся растений с яркими цветами. Большинство крыш обвалилось — их осколки валялись на земле неподалеку, точно скорлупа разбитого яйца, — а уцелевшие походили на шишковатые головы слонов, увенчанные причудливыми многоступенчатыми коронами.

По пятнистому камню ползли глубокие борозды — то ли вырезанные чьей-то лапой, то ли выточенные дождем. Они закручивались в спирали, вроде раковин или завитков-нандьяварта[15], и исчезали под густыми травами, подымавшимися от земли волнами темной и светлой зелени. Вдруг ирет нырнул вниз, под сумрачный полог леса, в заросли высокого папоротника, похожего на павлиньи хвосты и стрелы из старой бронзы; те качнулись и расступились, открывая узкую трещину в стене, — и мой провожатый вплыл внутрь заброшенного дворца.

Там было еще темнее, чем снаружи; только вверху мерцали золотистые пятна, такие размытые, будто я открыл глаза под водою. Зато борозды на стенах стали отчетливее, набухли наподобие напряженных жил; с их краев, как из грядок, свешивались пучки засохших растений, над которыми кружились желтые насекомые. Кое-где в каменных выступах скопилась влага, образовав маленькие озерца. По их поверхности бегали тонконогие водомерки. Некоторое время из-за стен еще слышался лес; но чем дальше ирет продвигался вглубь извилистых коридоров, тем тише становилось вокруг, пока наконец звуки не исчезли вовсе. Солнце не проникало сюда, но ирет освещал свой путь лучом холодного света; тот выхватывал из черноты выступы и наросты, мягкие, влажные и пористые, как шляпки грибов, и какие-то прозрачные сосуды, расколотые, покрытые густым соляным налетом. В отличие от кипящих внутренностей Когтя, этот дворец казался мертвым — вся жизнь, какая была, вытекла из него, ушла без остатка в землю.

Наконец ирет прошел него насквозь и поднялся вверх, к небу, скрипу ветвей и неумолчным крикам птиц. Прямо перед ним по разрушенным стенам и крышам прыгали обезьяны с рыжей шерстью; перепархивали по веткам пестрые попугаи, вцепляясь когтями в спелые плоды; а цветы дышали таким густым ароматом, что его золотистые вихри ясно виднелись в горячем воздухе. И мне взаправду показалось, будто с плеч рухнул огромный груз — вся тяжесть лет, накопившихся внутри этих пустых чертогов, как пыль по углам.

— Вот что нам удалось обнаружить, — снова заговорила Кекуит. — Ковчег, принесший в этот мир жизнь: растения, зверей, птиц... и, вероятно, вас, вепвавет. Откуда он прибыл? Когда? И как выглядел мир до этого? Был ли он населен Лу и другими чудовищами или здесь не было ни души? Мы не знаем. Очевидно одно: мы не первые, кого поймала эта планета.

— *Министр! Со всеми богами идешь ты,
Солнце с месяцем, Сурью и Сому,
Ты несешь: чашу крови и чашу сомы
С пеною через край.
Ты даешь богатство тому,
Кто совершает жертвы,
Собирательница сокровищ,
Первая из достойных;*

*У тебя есть много пристанищ,
Ты — источник множества жизней,
Пищу даешь ты всякому,
Кто дышит и слышит речи.
Ты готовишь мечи и стрелы,
Чтоб убить ненавистников царства,
Ты зовешь на войну народы,
Пропитав собой небо и землю, —
Так ты стала величьем.*

Больше полугода я провел в жилище богов; короткое северное лето подходило к концу. Синие скалы за стенами Когтя днем и ночью мокли в дожде и тумане. По утрам спросонья мне мерещилось, что это стая сутулых хищных птиц, слетевшаяся пировать над телом долины, над ее кустами и деревьями, сквозь зелень которых уже проглядывали обглоданные кости веток. За прошедшее время я изучил повадки лха; звуки их речи стали привычны, и меня уже не смущали разговоры об иных мирах, висящих в пустоте в бесконечной дали отсюда. Я даже начал обмениваться приветствиями с вороноголовыми, когда встречал их в коридорах Когтя или в саду, а с Падмой почти подружился. После той памятной ночи, оставившей мне ужас в сердце и плешь на затылке, маленькая демоница в знак извинения подарила мне рогатого жука в коробке из ореховой скорлупы. Жук был хорош — блестящий и гудящий, как ганлин; волей-неволей пришлось помириться.

И все же некоторые жители Когтя оставались для меня загадкой — например, Нехбет, женщина-гриф. Я ни разу не встречал ее со дня Цама, но со слов Сиа знал, что богиня была казначеем Когтя и, по сути, управляла всеми богатствами Олмо Лунгринг. Молочные реки и масляные ручьи текли по земле, повинувшись ее приказу; огромные стада овец и коз покидали родные пастбища, и тысячи яков, склонив лунные рога, отправлялись в путь по одному ее слову. Мне вспомнился старик-счетовод в Перстне и его книги с бесконечными записями о съеденном и выпитом. Такие же, наверное, были и у Нехбет, только огромные, с дом величиною, в переплетах из слоновьих шкур, с челюстями крокодилов вместо застежек. И на их страницах, которые могла перевернуть только дюжина воинов с железными крюками, было сочтено все добро, что только есть в стране: каждый колосок ячменя в поле и каждое зернышко в колоске, каждая пестринка на яйце куропатки и лоскуток шелка в сундуке бережливой хозяйки!

— Нееет, она, конечно, занудная, но не настолько, — возразила Падма, с которой я решил поделиться своими мыслями, пока помешивал над очагом варено из мяса и крапивы.

— Ты как знаешь-шь? — спросил я — между прочим, на языке богов, который твердо вознамерился выучить.

— Ну так она моя мать все-таки! Что ты так удивляешься? Не знал разве? По-моему, семейное сходство очевидно. Я тружусь не покладая крыл — и Нехбет не может сидеть без дела. Думаешь, из всех дваждырожденных только она и Сиа не спят сейчас там? — тут вороноголовая постучала пяткой по полу кумбума. — Потому что не спится!

Тут Падма с жутким хохотом протянула ко мне лапы, по локоть измазанные соком граната, который она только что грызла.

— Ай, не трогай! — вскрикнул я, уворачиваясь от липких прикосновений; лишний раз мыться не хотелось. — А скажи тогда, почему ее никогда не видно в Когте?

— Нехбет почти всегда внизу. То в Перстне, то во дворце князя, то в Длинном Доме —

считает что-то, взвешивает и проверяет. Скучная у нее работа.

— А я жил в Длинном Доме, когда мы с дядей приехали в Бьяру!

— Вот как? — равнодушно протянула Падма и снова захрустела гранатом.

— Почему же я никогда не видел, как она проходит наружу через сад?

— Тем выходом мы пользуемся только по праздникам. Чтобы пройти в город и Перстень, есть другие пути — через скалу и под озером. Только — тшш! Никому не говори, а то не отобьешься от желающих заглянуть в гости.

Я на всякий случай кивнул, размышляя, на что похожа дорога под озером — и каково это, идти по своим делам, когда над головою затопленным лесом лежат груды костей и проплывают в воде, как клецки в супе, утопленники с выпученными глазами?

— Хочешь, я вас познакомлю, — предложила вдруг Падма; и хотя я оробел и отказался, скоро мне все же довелось встретиться с богиней-грифом.

Утром у меня, как всегда, должны были быть занятия с лекарем, но вместо Сиа меня встречала Нехбет. Чуба у нее был нарядным, из тонкого шелка, с длиннохвостым поясом и белыми перьями на воротнике; волосы блестели, будто смазанные маслом, а подведенные черной тушью глаза напоминали две серебряные монеты — но на пальцах, унизанных кольцами из бронзы и нефрита, пестрели ввевшиеся пятна чернил. Богиня не была молодой, но и старой тоже не была; впрочем, мне всегда было сложно определить подлинный возраст богов.

— Сиа попросил рассказать тебе об устройстве Олмо Лунгринг, — сказала она низким и чуть хриплым голосом — может, простыла в продуваемом озерными сквозняками Бьяру? — Сам-то он засел тут, как сыч, и знать не знает, что творится снаружи...

Тут на стене покоев загорелась огненная карта — вся Олмо Лунгринг, окруженная горами, пронизанная реками, разделенная границами княжеств. Предчувствуя бесконечный урок в духе Ишо, я уже приготовился скучать, а богиня, скрестив лапы на груди, размеренно заговорила:

— Страна вепвавет разделена на три части: внутреннюю, в которой находится Бьяру и прилегающие земли, срединную — в которой восемь княжеств, и пограничную, в которой их двенадцать...

— Да, да, я знаю! — перебил я, чувствуя, как челюсти сводит зевотой. — В Перстне об этом рассказывали. На юге живут рыбаки и торговцы, которые ходят в южную страну через перевал, зовущийся Путь Стрелы; на западе — ткачи, разводящие на туговнике особых червей, дающих шелк, как яки — молоко... А еще там хорошо растет ячмень...

— Ну, раз ты такой умный, скажи-ка, кто самый главный в Олмо Лунгринг?

— Как кто? — удивился я. — Железный господин, конечно!

— Не так все просто, мой маленький хвостатый друг, — язвительно отозвалась Нехбет, сразу обнаружив семейное сходство с Падмой. — Когда мы пришли в этот мир, мы отнюдь не стремились стать вашими царями — скорее, старшими братьями, направляющими вепвавет советом, а не оружием... И даже когда первого Железного господина объявили воплощением вашего древнего божества, мы старались не злоупотреблять этой властью... Хотя божественным велением и добрым словом можно сделать куда больше, чем просто добрым словом.

Поэтому каждым княжеством до сих пор правят старые хозяева, из древних и почтенных семей; но первым среди них является князь Бьяру. Ему каждое из княжеств ежегодно отправляет одну десятую со всей собранной дани; он же вершит суд над мирскими делами,

если просители ищут справедливости за пределами своих княжеств. А еще одну десятую княжества отправляют Перстню и Эрлику. Эти деньги по большей части проедают шены — им ведь запрещено брать плату за свое ремесло, как бродячим колдунам... Хотя, как по мне, могли бы зарабатывать и сами, — Нехбет хмыкнула, поморщив нос. — Впрочем, признаю, что у них есть занятия, на которые нужно золото. Например, шены отправляются ко двору каждого из князей, чтобы доносить до них волю Железного господина; а это требует разных способов убеждения.

— Разве местные князья могут не согласиться с приказами богов? — охнул я, боясь даже представить такое святотатство.

Нехбет пожевала тонкие губы и как бы нехотя ответила:

— Последние четыреста лет такого не бывало.

— А что случилось четыреста лет назад?

— Вепвавет пошла на нас войной. Князья из срединных и пограничных земель захватили Бьяру и готовились штурмовать Перстень, а потом и Кекуит. Они мечтали получить «сокровища», якобы спрятанные внутри... Кто знает, чем бы это закончилась, если бы не вмешалась госпожа Нейт.

— Госпожа Нейт? — переспросил я; Нехбет произнесла это имя так, что волосы на лапах сами собою стали дыбом.

— Первая Палден Лхамо. Из всех ремет, живших тогда, она одна всерьез изучала ваше колдовство — не как диковинное суеверие, а как настоящее ремесло. Многие считали ее сумасшедшей — поэтому, а еще потому, что она объявила себя перерождением генерала Шрисати, давно умершего в битве с Лу. Но, хоть над ней и смеялись за глаза, когда войска вепвавет, бряцая оружием и потрясая знаменами, стали у нашего порога, только она и сумела обратить их в бегство. И притом не пролив ни капли крови!

— Как же это получилось?!

— Тут мне ничего доподлинно не известно, — женщина-гриф пожала плечами так, что пух на воротнике защекотал мочки ушей. — Говорят, Нейт залезла мятежникам в головы и свела их с ума... Еще говорят, что после смерти она переродилась в Селкет — так что, если желаешь, можешь сам у нее спросить.

Уныние овладело мною; я бы не решился сунуться к Палден Лхамо с расспросами, даже если бы мне угрожали сотней ножей и тысячей иголок! Меж тем Нехбет продолжала:

— Увы, все это было давно. Те князья мертвы... Даже их внуки и правнуки мертвы, и кости добела обьели птицы в горах. Кто знает, удержит ли их потомков память о былом?..

— А что, разве они чем-то недовольны?

— Ты как будто с луны свалился, Нуму! Конечно, недовольны. Скоро наступит долгая зима. В народе говорят, что наступающий холод — это проклятие садагов или Лу. Но ваши демоны тут ни при чем — мир сам остывает изнутри. Жидкий огонь, текущий под землю, угасает; махадвипы больше не плывут в океанах; горы прекратили свой рост. Даже сердце этой планеты, ее раскаленное Йиб, превращается в неподвижный кусок железа. В последние годы мы даже дань собираем не золотом, а зерном, чтобы было чем прокормить Бьяру в случае голода. Ты видел амбары Перстня? Они не заполнены и наполовину, а поля в пограничных землях уже перестают давать урожай. Скоро самим княжествам не будет хватать еды; и как они поступят тогда? Не зря говорят: холодный поток несет мечи...

Нехбет тряхнула головой так, что нефритовые подвески серег хлестнули ее по щекам.

— Вы же боги! Разве вы не можете просто сделать так, чтобы стало тепло?

— Последние пятьдесят лет мы только этим и занимаемся. Когда ты жил внизу, ты замечал вечерние туманы?

— Да.

— А когда ты прислуживал в Перстне, видел снег — кроме того, что в горах?

— Нет...

— И как думаешь, почему? Это наша работа. В столице она заметней всего — но на самом деле мы поддерживаем жизнь всей Олмо Лунгринг. Точнее, это делает Кекуит. Она растение на треть и пустила корни глубоко в землю. Зимой Кекуит выпускает через них свой внутренний жар и согревает поля, города и деревни; а летом отдыхает. Ей пришлось постараться, чтобы дотянуться от Северных гор до южных рек, от западных лесов до красных скал на востоке... Но этого недостаточно; что бы мы ни делали, этого всегда недостаточно... Да еще и это безумие со Стеной!

Нехбет в сердцах сжала кулаки; в бронзовых перстнях, унизывавших ее пальцы, сверкнули куски горного хрусталя.

— А что такое Стена?

— Это какая-то колдовская штука, которая, по заверениям Уно, должна «спасти мир».

— Если Железный господин так говорит, значит, это правда.

Женщина-гриф быстро глянула на меня и закашлялась; видно, и правда простудилась в княжеском дворце.

— Что ж! Будем надеяться, Нуму. Но, признаюсь, я не доверяю всем этим заговорам, мазям из помета нетопырей или зельям из лягушек. Мне больше по душе то, что можно увидеть, потрогать и пересчитать. Вот я и считаю: сколько работников и надсмотрщиков, сколько камней, кирпича и глины, сколько хлеба и мяса потребуется, чтобы построить эту Стену.

— И сколько же?

— Много, — отрезала Нехбет. — Так много, что кто-нибудь да спросит: а стоит ли оно того?.. Впрочем, тебе еще рано об это думать; не забивай голову.

— Госпожа, а можно еще спросить — почему ты носишь маску грифа?

— Ты же учишь наш язык вместе с Шай, верно? У нас гриф зовется *мут*, то есть — мать. Наверное, это то, чем я хотела быть для вепвавет — защитницей; кормилицей; матерью... Но у вас, я слышала, этих птиц зовут иначе, «соединяющими разорванное». Может потому, что они могут переварить все что угодно, превратив и плоть, и кости, и сухожилия в бйа тхал[16]? Надеюсь, мои труды не закончатся тем же!

Тут богиня засмеялась так, что бронзовые подвески-монеты на ее груди оглушительно зазвенели; а после продолжала урок.

В следующий раз я увидел Нехбет много дней спустя, — когда в южных княжествах Олмо Лунгринг начался сбор урожая и колеса жерновов сделали свой первый оборот, а первые обозы с цампой, пшеницей и рисом потянулись в Бьяру. Даже из окон Когтя видно было, как ползут по дорогам города повозки, крытые крашеным войлоком, — будто улитки с пестрыми раковинами. К пристани Перстня день и ночь приставали лодки, заваленные тюками, мешками и корзинами; на больших плотках перевозили понурых коров и испуганных овец. Зимой готовились встретить как войско врага, берущее город в многомесячную осаду, а я втайне радовался обилию муки и масла, мяса и жира, мерной поступи вьючных животных и тяжести мешков на их спинах, от одного взгляда на которые в желудке воцарялась сытость, а на душе — покой. Разве можно тревожиться о каком-то морозце с таким богатством?..

Одним из вечеров я возился, как обычно, в саду, когда ко мне подошел Утпала — он принес пригоршню яшмовых шариков и утверждал, что это настоящая икра макары. Я принялся разглядывать кругляши на просвет, пытаюсь найти внутри очертания морского чудовища; и тут пшеница зашипела, расступаясь перед Нехбет. Ее волшебная личина была заткнута за пояс, так что я увидел настоящее лицо богини — покрасневшее и злое; черные с серебром волосы развевались вокруг ее щек, как капюшон кобры; ладони были сжаты в кулаки.

— Тебя-то я и искала, — крикнула она вороноголовому, даже не заметив меня. — У нас срочные вести — нужно передать их прямо сейчас.

— Но ведь еще время Камалы.

— Это срочно, Утпала! Что тут непонятного?..

— Что случилось? — великан весь подался вперед. Кровь отлила от его щек; даже щрамы у правого глаза превратились в белые меловые полосы.

— Этой зимой Кекуит больше не будет отдавать свой жар. Во многих землях весна уже не наступит. Шенов, живущих при дворах в пограничных княжествах, надо оповестить — пускай начинают созывать народ в столицу; здесь им найдется еда и работа. Прочих тоже предупреди: все города, деревни и лакханги по дороге должны устраивать идущих на ночлег и не брать за это mzды. И еще, оми должны выдать им на каждый день пути по полчашки муки — на взрослого, по трети — на ребенка.

— Но это ведь очень мало. Вепвавет едят меньше нас, но не настолько.

Нехбет вздохнула всей грудью, а потом медленно, точно вспоминая урок послушник, ответила:

— Пока у них есть своя еда — цампа, сыр, у кого-то даже скотина; есть деньги и вещи, которые они могут продать. Есть, наконец, силы, чтобы терпеть... Потом не будет уже ничего, кроме озлобленной толпы, подгоняемой холодом и голодом. Поэтому каждое зерно, которое мы отнимем сегодня, мы сохраним на завтра.

— А как же те, кто останется?

— Я не знаю. Это не мое решение, Утпала! — женщина опустила голову и закрыла глаза ладонью; но две мутных капли упали с ее подбородка. Первый раз я увидел плачущего лха. — Я старалась отсрочить этот день как могла... Я сделала все для этого. Но у Селкет и Уно свои подсчеты, в которых я ничего не могу понять. И они в два голоса твердят, что откладывать больше нельзя.

Утпала положил ладони на плечи женщины и бережно коснулся губами ее волос.

— Поверь, если они так говорят — значит, это и правда необходимо.

— Что нам еще остается, кроме как верить, — Нехбет отстранилась от вороноголового, утерла лицо рукавом чуба и запрокинула подбородок. — Идем. Надо сообщить о том, что строительство Стены началось.

— Царица!

Темнота подалась мне навстречу, прислушиваясь, — но я молчал, и она отступила.

Жизнь шла своим чередом: пока я учился, играл в саду и помогал Сиа кашеварить, дожди над скалами сменились снегом. Потускневшее солнце стало не отличить от луны; скрываясь от ночных морозов, ушли под землю чахлые растения. Только камни остались лежать, где были, — обернутые в толстый пузырчатый лед, они походили на рыбы глаза, подслеповато пляшущие в небо. По вечерам, если погода была ясной, над горами виднелось

созвездие Черепахи — семь крупных голубых звезд, составлявших панцирь, голову и короткий хвост воинственного хранителя Севера. Они подмигивали мне с высоты, как бы напоминая, что между нами есть тайное родство, что наши судьбы связаны невидимыми, но прочными нитями — и мне хотелось верить, что это правда.

— Говорят, родившиеся в месяц Черепахи упрямы и упорны, — сказал я как-то Сиа, а потом спросил уже на языке богов, запинаясь самую малость. — А ты в какой месяц родился?

— Ох, отстань, — вздохнул лекарь, утирая рукавом пот со лба; он занимался делом не из легких — приготовлением пасты для чистки зубов. На блестящем подносе перед лха возвышались пирамидки из мелко нарезанных мяты и чая, перетертого имбиря, гвоздики и кардамона; Сиа хватал щепотку то того, то другого и бросал в серебряный котелок с подогретой, пускающей пузыри камедью. Тщательно смешав пряности с вязкой основой, лекарь поводил носом над облаками пара, пробуя варево на запах.

— Мне-е-е кажется, ты родился в месяц Улитки. Рожденные в этот месяц неторопливы и спокойны. И любят всякие растения.

Лекарь поморщился — видно, сравнение с улиткой пришлось ему не по вкусу, — накрыл лениво булькающий котелок крышкой и стянул перчатки из особой, липнущей к коже ткани.

— Почему тебе непременно надо верить во всякую чушь?

— Потому что так... веселее, — я задумчиво погрыз коготь на большом пальце, надеясь, что верные слова сами придут в голову; но ничего путного не придумалось. — Вам-то везет — вы уже боги, а я обычный смертный. У меня нету ни вашего великанского роста, ни силы... ничего особенного! А так пусть хоть судьба будет.

— Не завидуй, Нуму. Тем более, у вепвавет свои достоинства. Да, да, не кривись! Ты, например, куда умнее наших детей — и некоторых взрослых тоже. По крайней мере, пока не начинаешь рассуждать о гороскопах.

— Не хочешь — не верь, — проворчал я, стараясь не выдать удовольствие от похвалы. — А все же судьба существует. Мне вот предсказали, что я встречу белую сову и черного быка, и встретил же!

— Это ты о чем?

— Черный бык — это, ясное дело, Железный господин. Ведь у него вахана — Чомолангма. А белая сова — это Палден Лхамо; у нее и маска есть.

Сиа покачал головой, но спорить не стал; да и как поспоришь с правдой?

— Ох, Нуму... Кстати, ты напомнил мне!

Прищелкнув пальцами, лекарь полез куда-то под стол и вытащил на свет связку сухих растений с мелкими желтыми цветами и зубчатыми листьями. Оборвав все венчики, он ссыпал их в маленькую ступку и принялся растирать медленными, осторожными движениями. Каменный пестик заходил туда-сюда, убаюкивая напевая «ток-ток-ток»; ломкие лепестки превращались в щекочущую ноздри пыль.

— Как у ш-шветов имя?

— Цветов, — поправил Сиа. — И не «как», а «какое». Не обижайся — раз уж решил выучить наш язык, учи правильно. Ну и, отвечая на твой вопрос, — не знаю.

— Как это?!

— Что ж ты кричишь-то? На вашем языке у этих цветов нет названия, а свое мы не придумали. Нечего тратить слова, когда от них пользы никакой.

— Зачем же ты их толчешь?

— Селкет попросила. Зачем они ей понадобились, можешь сам спросить, когда отнесешь вот это, — лха высыпал содержимое ступки в мешочек из плотной ткани, перевязал его и сунул мне в лапы.

— Эээ... Сиа, а ты не можешь сам отнести?

— У меня паста убежит, — отрезал лекарь, ткнув пальцем в зловеще булькающий котел. — Не бойся, она детей не ест.

— А вот шены говорят, что Палден Лхамо своего старшего сына не только съела, но еще кровь выпила! И кожу пустила на попону для ваханы. Меня, наверное, только на шапку хватит... Сиа, я хочу, чтобы шапку из меня носил ты. Хорошо?

— Прекрати! Рассказни ваших шенов — чушь полная.

— Даа? А что-то ее сына я здесь не заметил!

Сиа только презрительно хмыкнул и вперился взглядом в свою драгоценную пасту; но его неверие мало успокаивало. Поэтому, пока я поднимался под крышу Когтя и стучался в покои Сияющей богини, колени у меня тряслись, сердце ушло в хвост, а дыхание то и дело замирало в горле, как ступающий по тонкому льду рыболов.

И не зря — стоило дверям расступиться, как передо мной возник ужасающий демон, яростью и размерами подобный дикому дронгу! Его оскаленные клыки были длиннее моих лап, а лапы в обхвате соперничали с колоннами лакханга; складка живота спускалась до середины бедер. Выпученные глаза чудища безумно вращались; вместо бровей над ними пылали языки огня. Огненным был и хлещущий по полу хвост, а вместо гривы над макушкой развевались струи черного дыма. Из раздутых ноздрей и распахнутой пасти вырывались снопы трескучих искр; и вообще, от демона шел невыносимый жар, заставляющий дрожать самый воздух. Оттягивая повязку из шкуры тигра, на боку у него покачивался молот из синего железа; это был сам хранитель обетов, драгшед-кузнец!

Мой ужас был так велик, что я даже бежать не стал — просто упал на сиденье, да так и замер, разинув рот и ожидая, когда огромный молот треснет меня промеж ушей. Чудовище и правда подняло лапы, но вместо оружия схватилось за мясистую шею и вдруг оторвало себе голову и подняло над плечами! В мгновение ока та уменьшилась в размерах; пламенные брови погасли, грива спуталась и обвисла. Это была еще одна волшебная личина! А из-под нее на меня, улыбаясь, смотрела Палден Лхамо. Облекавшая ее плоть опала, растворилась в воздухе; только одно не исчезло — едкий запах огня, наполнявший легкие при каждом вдохе. Сама же богиня была одета в странные доспехи из крупных черных пластин; те плотно прилегали к коже и казались тонкими и ломкими, как фарфор. От чего бы такие могли защитить?

— Извини, Нуму, — я не хотела тебя пугать. Думала, Сиа сам придет, вот и не стала снимать маску, — она встряхнула голову драгшед; веревочные косички запрыгали, как шнуры дамару.

— У тебя же маска совы!

— У меня почти сотня обличей. Хочешь посмотреть? — предложила Палден Лхамо; что тут оставалось делать? Я поднялся на лапы, по привычке отряхнул подол (хотя в белых коридорах дворца и не было пыли), сотворил за спиной защитный знак и перешагнул порог.

В покоях богини не горели лампы; пришлось моргнуть не меньше дюжины раз, прежде чем глаза привыкли к скупому свету, проникавшему сквозь стену-окно. Первым, что я увидел, был снег — крупный и блестящий, похожий на протянувшиеся от неба до земли

подвески серебряных монет. Снежная крупа падала и падала снаружи, никак не иссякая. Только в одном месте над горами воздух был чист; там, в колодце из сросшихся боками скал, полыхало что-то — какой-то огромный костер, окрашивающий животы туч розовым и красным.

— Там шенпо и шенмо куют кости Стены, — сказала Палден Лхамо. — Туда я и собиралась.

Засмотревшись на мир внизу, я уже и забыл, зачем пришел сюда, — а потому, обернувшись на ее голос, вздрогнул от неожиданности. Со стен покоев на меня уставились десятки личин: гневных и мирных, улыбающихся и кричащих, вырезанных из дерева и камня, выплавленных из стекла и бронзы, украшенных золотом и серебром, с кожей в коралловых родинках и бирюзовой чешуе, с серьгами-ваджрами в ушах и вовсе без ушей, с клыками и рогами, с волосами из меха, из шелковых лент, из нитей бисера, из связанных узлами веревок, с выпученными глазами, с глазами, похожими на маленьких рыбок, и смеющимися глазами-лунами.

— Откуда тут столько? — охнул я, оглядывая ряды масок; ни в одном лакханге ни на одном тханка мне не доводилось видеть столько небожителей разом! Большую часть из них я даже по именам не знал.

— Я сделала их. В этой жизни, — богиня кивнула сначала на маски, блестящие свежим лаком и позолотой, а затем — на личины, потертые от старости, с выдраным мехом и облупившейся краской, из-под которой проступала беленая основа. — И в прошлой.

— В прошлой? — тут мне вспомнился давешний урок Нехбет, женщины-грифа. — В той, когда тебя звали госпожой Нейт?

— О! Да ты уже все знаешь.

— Я хорошо запоминаю уроки... то есть... Я стараюсь.

— Не смущайся, Нуму. Нет ничего плохого в желании учиться, даже если другие посмеиваются над тобой за излишнее рвение. И надо мной смеялись когда-то.

— Когда ты стала учиться нашему колдовству?

Палден Лхамо кивнула и ткнула мизинцем одну из висевших на стене масок; та зашевелилась, моргая, зевая и причмокивая, как разбуженное животное.

— Это как-то нечестно, — буркнул я. — Разве тебе не было обидно, госпожа?

— Нет. Я понимаю, почему режет долго чурались колдовства, — а Сиа так и до сих пор упорствует. Не качай головой, Нуму; не торопись осуждать. Это не от глупости; ты ведь не будешь спорить, что Сиа очень умен? Чтобы постигнуть науки Старого и Нового домов, нужно иметь мозги. И частью своего большого мозга Сиа понимает, что мир дня тонок, как бумага, — одно неосторожное движение, и он порвется. Так что, если не готов столкнуться с тем, что находится с изнанки, нужно быть осторожным; нужно нести перед собой обыденность, как воин несет свой щит... и не высовываться из-за него; иначе получишь по носу.

— А что тогда случится?

— Ну, посмотри хоть на бродячих колдунов в Бьяру — если они не шарлатаны, то скорее всего безумны: грызут камни, спят в собственных испражнениях... Обдери их лохмотья и увидишь, как конечности гниют или усыхают, пораженные сотней болезней. И среди шенов, с которыми Уно носится как с писаной торбой, каждый год находится один-два, которые... ломаются. Что уж говорить, даже среди нас... — но тут она легонько стукнула себя пальцем по губам и замолкла.

— Что же там такое, с этой изнанки, что так вредит всем? Оно злое?..

— Не злое — просто другое. Если вытащить рыбу на воздух или засунуть птицу в воду, им тоже придется не сладко; а ведь ни воздух, ни вода не злые.

— Утке в воде хорошо, — возразил я.

— Да ты зришь в корень, Нуму! — Палден Лхамо засмеялась; хоть я и не понял, что ее развеселило, это был приятный звук — как будто уши погладили обратной, пушистой стороной листка мать-и-мачехи. — Вот только Сиа — не утка, так что пусть лучше верит, что колдовство — обман, а мои маски — грубые образины, которые только и годятся на то, чтобы морочить толпу. Может, это и неправда, зато старичку спокойнее.

— Зачем же ты сама выбрала такое опасное ремесло?

— Хм... — богиня потерла подбородок и сдвинула брови, будто мой вопрос и правда ввел ее в раздумье. — Знаешь, в Старом Доме рассказывали сказки о полуженщинах — полуптицах, которые жили на скалах посреди океана и заманивали мореходов прекрасными песнями. Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит, тот не вернется домой никогда...

Тут Палден Лхамо повела левой ладонью — и личины, одна за другой, стали оживать. Веревки стали шерстью; ленты — перьями; медные и серебряные заклепки — чешуей; и вот уже на меня смотрели черные чайки с алмазными клювами и морские звери с загнутыми клыками, остромордые белые лисы и рыбы со стеклянными гребнями надо лбом. Вздрогнули, раздуваясь, резные ноздри; пустые глазницы налились бледным огнем.

— Смотри. Все это — дары, которые я принесла с изнанки мира; то, что я смогла сохранить в дереве и камне. Они могут казаться уродливыми, даже пугающими; их пасти производят вопли, и кашель, и хрип. Но вместе они соединяются в песню, красивее которой нет ничего, ни в этом мире, ни в других. И эта красота... она стоит того, чтобы рискнуть.

— А я могу услышать ее?

— Не боишься?

— Очень боюсь, — прошептал я, чувствуя, как во рту стучат друг о друга зубы. — Но очень хочу.

Палден Лхамо склонила голову, оценивающе оглядывая меня от макушки до хвоста. Ее красноватые зрачки мерцали из-под белых ресниц, как костры сквозь снегопад. А потом она сказала:

— Что ж, попробуй, — и вдруг громко щелкнула пальцами.

Все личины разом разинули рты и клювы и выдохнули *что-то* — но звука не было. Только по коже прошел озноб, заставив шерсть стать дыбом.

— Я ничего не услышал!

— Не огорчайся; большинство не слышит. Оно и к лучшему.

— Нет, не к лучшему, — буркнул я расстроено. — Неужели Сиа все-таки прав, и я самый обычный?.. Но почему же тогда меня укурала сова?

— Сова?

— Да. Белая такая, с красными глазищами. Здоровая! Если б не дядя, она бы меня утащила. Если честно... после того, как я увидел, как Падма превращается в воронов, я думал, что это была ты, госпожа, — промямлил я, чувствуя себя все глупее — зачем бы жене Железного господина похищать меня? Безродный щенок — невесть какая ценность! Стоит ей пожелать, шены принесут дюжину таких на блюдечке с вайдурьевой[17] каемочкой! — И во время праздника, когда я стоял рядом с Чомолангмой, ты смотрела на меня... Я думал, ты

меня узнала.

— Ох, Нуму. Я смотрела на тебя потому, что не каждый день увидишь такого... храбреца, бросающегося прямо под копыта быку.

Ее слова заставили меня поджать хвост от стыда. Все время, проведенное в Перстне и Когте, я отчего-то верил, что боги выются надо мною, аки мухи над медом, а на деле меня принесло сюда случайно, как прилипший к каблуку комок грязи. И теперь всю жизнь придется провести взаперти — даже не по велению судьбы, а потому, что сам дурак! Обида и печаль захлестнули меня, забурлили в горле и под веками. С великим трудом я втянул воздух и вдруг разревелся.

— Почему мне нельзя выйти наружу?.. — мычал я, размазывая слезы и слюни по шелковым рукавам нарядного чуба. — Мне тут гру-у-устно!

— Ну-ну, — богиня успокаивающе похлопала меня по спине и протянула чашку, до краев полную какой-то жидкости. Я выпил без колебаний, даже не глянув внутрь: сейчас нектар и гной мне были едины. Правда, внутри оказалась обычная вода. — Мне жаль, Нуму, но пока что тебе нельзя в одиночку покидать месектет. Ты еще слишком мал и не сможешь позаботиться о себе сам... А у нас некому за тобой все время приглядывать. Ты же понимаешь?

Я уныло кивнул и уставился на белое дно чашки. На нем был выдавлен узор, повторяющийся всюду во дворце: круглое солнце и пара крыльев, знак ремет, научившихся путешествовать среди звезд. Должно быть, они тоже чувствовали себя пленниками в наших краях.

— Не расстраивайся. Знаешь, что? Мы можем взять тебя в город во время Цама. А потом, когда подрастешь, начнешь выходить наружу сам. Хорошо?.. А сейчас мне уже нужно идти. Отдай, что принес.

И правда, я совсем забыл о поручении лекаря! Засунув лапу за пазуху, я поспешно извлек из амба мешочек с перетертыми лепестками и протянул богине. Она ослабила узелок и вытряхнула на ладонь немного пыли — желтой, как сердцевина свежего яйца.

— Передай Сиа, что следующим летом этих цветов надо будет набрать с запасом. Еще пара лет, и все Северные горы будут покрыты льдом.

— Все горы?! Но там же еще живут рогпа! И самадрогги пасут свои стада. И еще там водятся снежные львы, и дронги, и оронго... куда им всем деваться?

— Пойдем, Нуму.

— А куда ты идешь?

— Спасать вас — рогпа, и самадрогги, и даже дронгов с оронго, — Палден Лхамо остановилась у порога, поджидая меня. Я торопился как мог и, спотыкаясь, последовал за нею сначала вниз, потом — на север, по темному коридору, вокруг которого бурлило и чавкало нутро дворца. Наконец мы остановились у той границы, где заканчивался Коготь и начинался Мизинец — у стены из гладкого багрового стекла. Та казалась непроницаемой, но, когда богиня подошла ближе, перед нею открылся проход.

— Загляни внутрь, — велела она, и я послушно высунул нос в неизвестность.

К моему удивлению, Мизинец был пуст от макушки до самого основания! Сквозняки привольно гуляли внутри, завывая на все лады и оглаживая мех на моих щеках; а еще всюду, куда ни глянь, мерцали бледные огни. Мне даже почудилось, что здесь спрятан кусок звездной ночи, но, присмотревшись, я понял, что это не звезды, а круглые, плотно запечатанные горшки размером с ладонь взрослого мужчины, в которых бурлит и

переливается живой свет.

— Что это?

— Это? Чортены. На нашем языке — *сухет*[18].

— Чортены? Как те, что на площади?

— Нет, эти новее — и куда лучше. Здесь хранится жар тысяч жизней — Лу, ньен, садагов, дре и лха, от которых была очищена Олмо Лунринг. Они послужат тому, чтобы снова согреть мир. А теперь мне пора, — сказала Палден Лхамо и ступила в разлом в стене. Тот сразу сомкнулся, скрыв полое нутро скалы, но я еще долго стоял на месте, прижавшись мордой к стеклу и вглядываясь в темноту.

Шаи; Сиа; спящие; вороноголовые; Нехбет; Кекуит — где вы теперь? Никто не приходит на зов, даже призраки, — но я продолжаю звать. Только одного имени я не произнесу, ни на меду нечер, ни на языке Олмо Лунгринг, ни на наречии южной страны: имя мертвеца, который никак не может умереть. Чакравартин, совершенный правитель! Самозванный правитель, — кто венчал тебя на царство? Кто вручил тебе семь сокровищ? Кто дал власть над нашими жизнями? Не простое ли колдовство, — то же, которым бродяги потешали зевак на городских площадях? Или случай? Или и впрямь судьба?.. Не знаю.

Пол опять дрожит; или это меня бьет озноб? Чернила выплескиваются на лист. Я здесь один; и все же иногда, в глубоком сне, я слышу отзвуки голосов — приглушенные, далекие... Откуда они идут? Куда зовут меня? Может, теперь я слышу ее? Песню, которой чаруют сирены, сидя на мягком лугу, пока вокруг тлеют груды костей пожелтевших?

[1] Месектет (др. — егип.) — название ночной ладьи Ра, на которой он совершал свое путешествие по Дуат.

[2] В др. египетской иероглифике круглый хлеб означал звук t(те).

[3] Это довольно близкий пересказ фольклорной истории про тибетского трикстера, Дядю Т(Д)онпа.

[4] Пурбой называют ритуальный трехгранный кинжал, но первоначальное значение этого слова — колышек для привязи животных.

[5] Шу — др. — ег. божество воздуха, разделяющее небо и землю, зд. — атмосфера.

[6] Двипа (санскр.) — остров, суша. Махадвипа — зд. материк.

[7] Из «Дзйэцхар-Мигчжан» Жамбалдорчжэ, в пер. на рус. Юмжана Жалсановна Жабон.

[8] Животные — ваханы богинь времен года.

[9] (тиб.) Драгоценность.

[10] Маричи, богиня рассвета (или солнца в целом).

[11] В данном случае, ваджра — алмаз.

[12] Нэб анкх (др. ег.) — «владыка жизни», одно из названий саркофага.

[13] У обычной моли действительно отличное обоняние.

[14] аНАwty (др. — ег.) — воин.

[15] Завиток счастья (санскр.).

[16] Помет грифа.

[17] Вайдурья (санскр.) — драгоценный камень голубого цвета; возможно, лазурит, берилл или александрит.

[18] Сухет (swht) (др. — ег.) — яйцо.

С тех пор, как Палден Лхамо пообещала, что мне позволено будет выйти из Когтя, я в нетерпении считал дни до новогодней недели. Благо, считать я научился прилично; даже перечел все лучи мозаичного солнца на потолке спальни — их было ровно сто пятьдесят восемь. А поскольку мне предстояло присоединиться к процессии самих лха, я заранее приготовил наилучшую одежду: штаны из многослойного малинового муара, доставшиеся мне от Шаи; халат из парчи с крупными кусками огненно-рыжего янтаря на плечах и груди — с плеча Падмы; длинные носки из голубого шелка и широкий пояс в тон, с шерстяными кисточками на концах, — из сундуков Сиа; бусы зеленой бирюзы — их я выпросил у Камалы и, конечно же, длинноухую шапку с опушкой из лисьего меха — подарок Утпалы. Когда я разложил это великолепие на кровати, у меня аж дух перехватило. Однако ж не все оценили мои старания и тонкий вкус!

— Ты что, правда собираешься все это разом натянуть? — спросил Сиа, скривившись так, словно я сунул ему под нос раздавленного клопа. Но я только сурово нахмурился в ответ и упрятал одежду поглубже в потайную нишу в стене, за стебли стеклянного тростника, — дожидаться своего часа.

Кроме подготовки наряда для праздника я развлекался еще и тем, что составлял списки всего подряд: от вещей в спальне до названий рек, текущих по южным равнинам. Пускай это занятие не приносило пользы, мне нравилось выводить ровные ряды слов на шероховатой, плотной бумаге, которую лха предпочитали ткани и коже. Я писал на обоих языках: нашими буквами, округлыми и украшенными завитками, будто кудрявой шерстью, и буквами ремет, длинными, с тонкими шеями и извивающимися змеиными хвостами. Шаи говорил, что когда-то, очень давно, они изображали настоящие предметы. Закорючка «нун» была речной волной, а «мем», по начертанию похожая на слог «ня»[1], — ушастой совой. С этой буквы начинался глагол «слышать», а сов когда-то считали слепыми птицами, летающими только по слуху.

В конце концов я начал записывать все подряд, порою даже то, что сам придумал... По счастью, время не пощадило те записи, и никто никогда не увидит моих жалких попыток свести в одном стихе рыбу и выдру[2].

Но этим я занимался вечерами; а утром, умывшись и пригладив щеткой искрящую шерсть, приходил в сад, прислонялся носом к холодному стеклу и следил, как снег засыпает горы и город, — в этом году влажные ночные туманы не подымались над озером Бьяцо, и некому было растопить его. Кусты на склонах, стены Перстня и поля вдалеке поросли щетинками инея; качающиеся над улицами столицы дарчо заледенели и, кажется, позванивали на ветру, как колокольчики на кхатанге. Сугробы лежали нетронутыми на плоских крышах домов, прирастая с каждым днем; по этой белизне скакали вороны, черные, как выпавшие из очага угли, оскальзываясь на насте и распуская для равновесия веера широких крыльев.

Мне ясно было, что пропажа тумана как-то связана с «внутренним жаром» Кекуит, о котором говорила Нехбет. Но зима, противу предостережений богини, казалась не слишком суровой. По крайней мере, озеро Бьяцо так и не замерзло; его темно-серые волны лениво лизали пристань Перстня и пятки чортенов на далекой площади, в особо ветреные дни добираясь даже до мощеной дороги, по которой богам предстояло идти в город, на Цам.

Лха, к моему недоумению, не особо-то готовились к торжеству. Шаи в ответ на все расспросы отшучивался, а Сиа и вовсе заявил, что никуда не пойдет.

— Все эти ваши танцы в масках и казни перед толпой — дикость, — отрезал он. — Я сто лет уже повторяю, что надо от них избавиться... Как попугай, честное слово! Но кто меня слушает?

— Танцы красивые. А про линга Падма говорит, что они преступники и им бы все равно головы отрубили, — возразил я, сунул палец в миску со сладкой патокой, где отмокали ломти баранины, и с наслаждением облизал его.

— Ну-ка прекрати! Кто твою шерсть есть будет? И мало ли что она говорит, — ворчливо отозвался лекарь; как на беду, в это время сама вороноголовая вошла в кумбум. — Падма, зачем ты учишь ребенка плохому?

— Чему это плохому? — подозрительно сощурилась та. — Аа, я знаю! Ты опять про линга. Но я тебе и раньше говорила, и сейчас повторю — нет тут ничего плохого. Ты, Сиа, просто не знаешь, кто попадает во внутренний круг... Так что поверь на слово, — оставлять их в живых, да еще и кормить-поить задаром, было бы несправедливо.

— Но зачем казнить на глазах у всех? У детей?

— А что, пусть смотрят! Злодеи устроятся, праведники — порадуются, что сами нагрешить не успели; дети получают ценный урок. Кругом выгода!

Лекарь только страдальчески вздохнул и повернулся к нам задом, а к тарелкам, мискам и кускам мяса — передом. Но стук ножа, которым он разрубал клубни имбиря, звучал крайне обиженно.

— Падма, а помнишь, во время прошлого Цама народ кричал «прими эту жертву»? — спросил я, когда смотреть на сутулую спину слоноликого уже не было мочи. — Они правда что-то жертвовали или нет? Ведь Железному господину ничего не поднесли — ни шо, ни мяса, ни торм?

— Зачем ему ваши тормы! Ты должен знать, что ему жертвуют; разве ты сам не был на площади и не отдал кусок своей маленькой, глупой душонки?

— Как это?! — испугался я. — Это что, у меня теперь души нет?

— Да не бойсь! Ты же не всю отдал. Душа — она как растение или червяк; отрезанное прирастает обратно.

Тут я задумался.

— Если червяка разрезать ровно напополам, получится два червяка; а если душу — получится две души?

Маленькая демоница озадаченно почесала затылок.

— Спроси лучше Камалу. Это она у нас знаток в таких вопросах.

— Зачем же вы воруете души?

— Во-первых, это не ко мне, — отмахнулась Падма. — Их забирают почжуты. Во-вторых, они берут только то, что вы сами отдаете, так что это не воровство. К тому же ты бы видел эти души! Трава морская, плесень сердечная... В руки брать противно. Шенькаксомы, которые ползают по дну и подбирают грязь, которая никому больше не нужна.

Вороноголовая поднесла ладонь к лицу, изобразила пальцами шевелящиеся рыбки усы и звонко рассмеялась. Мне же вспомнились катающиеся по камням старики с железными четками и волны слабости и тошноты, долго еще накатывавшие на меня после Цама. Хороши сомы, нечего сказать.

Дни Нового года уже начались. Улицы Бьяру укрыли клубы санга, похожие на шубу из сизой овчины; внутри этого густого марева то проплывали тени носилок, опахал и зонтов из павлиньих перьев, то вспыхивали тускло-красные огни пуджа. Галдящие стаи воронов кружили в небе и днем и ночью. Мне тоже не спалось; до часа Свиньи, а порою и Крысы, я засиживался за столом, пытаюсь перевести в слова невнятное бормотание мыслей. В свете лампы бумага казалась мне плоской пшеничной лепешкой — золотистой и теплой, — но пахла холодно, деревом и мелом, и зелеными орехами, из которых давили сок для чернил. Иногда, забывшись, я начинал рисовать на полях закорючки со множеством паучьих лапок, растопыренных во все стороны; а порою и вовсе засыпал, уронив голову на лапы и уткнув нос в недописанную строку.

В один из таких вечеров, когда мой ум плыл, как кучка сора по волнам, все тяжелее набухая сном и готовясь вот-вот пойти ко дну, в тишине вдруг коротко и тревожно звякнул колокольчик, и голос Сиа спросил:

— Нуму, ты еще не спишь?

— Эээ... нет, — ответил я, потирая глаза и зевая. Самого лекаря я не видел — но Шаи уже объяснял мне, что стенах дворца спрятаны невидимые рты и уши, которые позволяют лха говорить друг с другом, не покидая своих покоев. Сам я, правда, еще ни разу не решился ими воспользоваться.

— Тогда подожди меня у дверей Нехат[3]; есть дело, — велел лекарь, и это было куда удивительнее, чем звучащий из ниоткуда голос. Сиа никогда не просил меня о помощи в такой час.

Я потянулся, потряс головой так, чтобы уши шлепнули по щекам, и послушно побрел к указанным лекарем покоем. В них нельзя было попасть напрямую — только из другой комнаты, маленькой и круглой, где следовало раздеться чуть ли догола, а затем пройти сквозь коридор с тремя дверями. За первой дул обжигающе горячий и влажный ветер и горели странные лампы, от которых зубы и когти светились зеленым; за второй приходилось натягивать на себя бесформенный мешок с дыркой для морды, который затем ужимался и обволакивал все тело, приминая шерсть. За третьей дверью начинался узкий и длинный чертог со скользким полом, покрытым волнистыми бороздами. Они были глубиной где-то в пять пальцев и заполнены темной водою; в некоторых местах борозды расширялись, образуя круглые озера, — оттуда подымались трубчатые стебли огромных растений. У каждого была тысяча железных листьев или лепестков; с их заостренных концов стекал вязкий молочный нектар. Его-то мы с лекарем и собирали иногда, уподобляясь пчелам.

Но я терпеть не мог всю эту пытку горячим ветром и неудобной одеждой, а потому сегодня с радостью остался у первой двери. Вскоре та распахнулась, дохнув горячим паром; из белых клубов вытянулась ладонь Сиа и зашарила по низкой скамье в поисках халата. Неудивительно, что боги никому не хотели показываться нагишом, — даже закутанные в парчу и шелк они были весьма уродливы. А без одежды на них и вовсе взглянуть было бы страшно. Бедные лысые бесхвостые создания!

— Подержи, — буркнул лекарь, бросая мне в подол склянку с нектаром. Пока он натягивал шганы, я, зажмурив один глаз, рассматривал жижу на просвет; сквозь белесую, опадающую волнами муть лампы на потолке казались красными. Меж тем старик перепоясался, натянул туфли, вытащил из-под скамьи сверток с инструментами и, отобрав у меня склянку, велел:

— Пойдем через сад. По дороге захватишь еды, а то у меня руки заняты.

Так и случилось; пока лекарь ждал меня среди шелестящей пшеницы, я забежал в кумбум и заставил поднос всевозможной снедью. Затем мы поднялись на верхний этаж Когтя и прошли по коридору на юг, до самого конца; дальше был только трехгранный чертог, где спали вороноголовые. Вдруг дверь слева от меня распахнулась; я заметил в глубине покоев Палден Лхамо — ее белые волосы почти светились в темноте.

— Кекуит, сти! А то я все ноги переломаяю, — раздраженно бросил Сиа. Под потолком загорелись лампы — неярко, но достаточно, чтобы стало видно всю опочивальню. Она была довольно велика — раза в два больше, чем у Шаи. Восточную стену целиком занимало окно, но его залепил снег, сыпавший сегодня особенно густо. На западной и южной стенах среди наростов из черного камня висели маски — много, но все же меньше, чем в покоях Палден Лхамо. В одной я узнал праотца Пехара — по синей глотке, бездонной, как небо, льдинам-клямкам и языку-булаве; говорят, вращаясь, он сотрясает три мира. Но большинство личин — ушастого ежа, змеи с рогами из необработанных самоцветов или летучей мыши с узорчатым рылом, — были мне незнакомы. Кто сделал их? Сияющая богиня или сам Железный господин?..

У северной стены комнаты возвышалась кровать, явно принесенная из нашего мира. Постели в Когте походили на узкие лодки или стручки гороха; это ложе было широким и плоским, как основание чортена, с узорчатыми боками, покрытыми красным лаком. В проемах между мощными ножками помещались глиняные блюда, до краев наполненные благоухающими травяными отварами. Сверху на кровать спускался полог из плотной шерстяной ткани; для утяжеления по краям к нему крепились хвосты из трехцветного шелка с бронзовыми шариками. У изголовья стоял ящик с десятком позеленевших ручек, круглых, как кольцо в ноздрях Чомолангмы; рядом с ним, на стуле, поддерживаемом четырьмя крылатыми гарудами, сидела Палден Лхамо. Она коротко кивнула, приветствуя нас; Сиа ответил тем же, а я по старой привычке высунул язык и согнулся в поклоне, чуть не рассыпав содержимое подноса по полу.

— Иди, — послышался из-за занавеси голос, такой тихий, что сразу и не скажешь — женский или мужской.

— Как знаешь, — богиня пожала плечами и, подхватив с пола уже знакомую мне пучеглазую маску демона-кузнеца, вышла прочь. Лекарь тотчас занял ее место, разложив на коленях сверток с блестящими иглами и крючками. Я поставил опостылевший поднос на плоскую крышку ящика и стал рядом со стариком, разглядывая вышивку на пологе кровати: красные дронги с горбами-горами, изящные олени и приземистые бараны скакали, высоко задирая копыта, голова к хвосту, по синему пространству, похожему на ночное небо. Кое-где на жестких шерстинках прилипла желтоватая пыль.

Наконец Сиа соорудил нечто, напоминающее бескрылого комара с серебряным стрекалом и стеклянным брюхом, наполненным собранным нектаром; затем, отложив остальные инструменты, встал и откинул занавес. Я охнул от страха и вцепился с его халат с такой силой, будто это был непроницаемый щит из семи воловьих шкур.

В лежащем на кровати я узнал Железного господина — хотя выглядел он скверно. Губы почернели, будто от холода, — но по лицу крупными каплями стекал пот, оставляя на подушке влажные пятна. Синие и зеленые вены вздулись висках; пальцы мертвой хваткой вцепились в странные четки, — бусины в них были похожи на рогатые плоды сорняка, зовущегося гзэма пханг чхэн[4]; я никогда прежде не видел таких, даже у шенов в Перстне.

Сиа склонился над больным, приложил кусок белого хлопка к напряженной шее и вдруг

воткнул в нее иглу почти на три пальца. Мне показалось, что бог этого даже не заметил; его глаза под закрытыми веками двигались, как у спящего. И все же, когда лекарь закончил, он сказал:

— Спасибо.

Старик пожал плечами, убрал кусочки «комара» обратно в сверток и уселся перед кроватью, будто ожидая чего-то. Так прошло около получаса. В комнате было очень тихо — и от этой тишины все громче становились звуки внутри моего тела. Кровь шумела, как бегущая между скал река; из носа доносилось сипение набухающих и сжимающихся легких, а в кишках булькало от тревоги; это было невыносимо. Светящиеся кристаллы на потолке несколько раз тускнели — почти гасли! — и разгорались снова, а Сиа все молчал.

— Ты устал, — щелкнув бусинами на четках, сказал вдруг Железный господин. — Отдохни. Никто не должен бодрствовать со мной.

Лекарь склонил голову, потер слезящиеся глаза, а потом со вздохом поднялся.

— Ладно. Но ты останься здесь, Нуму — поспишь одну ночку на стуле, тебе он как раз по размеру. Главное, присмотри за ним. Если будет совсем плохо — зови меня. Сделаешь?

— Ааа... — только и ответил я; но на спине у Сиа не росло ушей, чтобы это услышать.

Так я и остался стоять, носом к двери, хвостом к кровати, вытянувшись, как прикидывающаяся веткой выпь, и дрожа всем телом. Мне страшно было обернуться. Живот скрутило; во рту медленно скапливалась слюна. Лампы опять моргнули, на мгновение наполнив комнату темнотой; на западной стене заплясали снежные тени, похожие на бестолково суетящихся мух. Их движение почему-то успокаивало; когда свет загорелся снова, мне хватило смелости, чтобы украдкой посмотреть на постель и лежащего в ней. Лха не шевелился и, кажется, даже не дышал. Его лицо над складками одеяла походило на тормоз из белой муки, который вот-вот бросят в огонь; пот катился по щекам, как расплавленное масло.

Щелкнули четки. Железный господин открыл глаза и посмотрел на меня.

— Подойди ближе.

Не смея послушаться, я на тряпичных лапах приблизился к нему.

— Подними голову.

Перед глазами мелькнули длинные пальцы с плоскими когтями; они раздвинулись, как клешни скорпиона, потом сошлись опять, коснулись щек и бровей, обоих висков... Я порывы распахнул рот и судорожно вздохнул, не зная, что за чары творят надо мною.

— Не бойся — я только сниму мерку для маски. Селкет говорила, ты хочешь пойти с нами в город. Для этого нужно сделать обличье, — сказал Железный господин, а затем опустил ладонь и снова откинулся на подушку. Скрипнули сжатые зубы.

— Мо... может, мне позвать Сиа?

— Не надо. Ты тоже можешь идти.

— Но... — я запнулся, не зная, что сказать, — с одной стороны, мне очень хотелось бежать отсюда; но с другой, Железный господин был, несомненно, болен. Не зря же лекарь велел мне остаться и присматривать за ним.

— Со мной ничего не случится, — медленно произнес лха, опять закрывая глаза — будто и не ко мне обращался. — Если я не засну, ничего не случится.

Ненадолго воцарилось молчание; и вдруг я проблеял, содрогаясь от собственного нахальства:

— Хочешь, я расскажу что-нибудь? Например, Сиа научил меня одной загадке: зад

волосат, язык — сущий ад!

Не успел я договорить, как сам понял, какую глупость ляпнул; но, к моему удивлению, бог ответил:

— Луковица. Снизу у нее волосы — корни, а сверху — едкие перья.

— Точно! Откуда ты знаешь?

— Это старая детская загадка. Я слышал ее еще в Новом Доме.

— Господин, а ты правда помнишь свои предыдущие жизни, до того, как ты стал... ну, Эрликом?

Лха долго молчал; но вот снова щелкнули четки и раздался глухой голос:

— Да.

— А... что ты помнишь?

— Я могу рассказать тебе; это... поможет не заснуть. Но тогда сядь — рассказ будет долгим.

Я привожу слова Железного господина очищенными от всяких примесей, прозрачными, как прирученная вода, — без череды назойливых вопросов, которые я не смог удержать под языком, без шумов ночи, цеплявшихся за гриву, как когти летучей мыши, — так, как они были бы произнесены в закрытых комнатах Перстня, в кругу ближайших учеников-почжutow.

И пусть я не был посвященным шенпо и поначалу не уразумел даже половины сказанного, — но и возница не видит вращение колес, а его повозка все же движется. Читающий эти строки! Не забывай об этом.

...до того, как мое Рен распалось на две части, меня звали Нефермаат.

Я был помощником ругпо на этом корабле. Только мы двое — я и ругпо — и хранительница Меретсегер бодрствовали, когда Кекуит отправилась от луны Старого Дома к системе звезды Тубан. Большую часть пути мы преодолели одним быстрым прыжком, но после этого месектет предстояло еще долгие годы лететь сквозь тьму, чтобы добраться до планеты, которая могла бы приютить наш народ.

На что она была похожа? Представь слугу у подножия царского трона. Он не смеет ни шевельнуться, ни оторвать глаз от своего господина; его лицо обливается потом, его спину сводит от холода. Вот какой была та планета: одна ее часть, всегда обращенная к солнцу, пылала, другая — поросла льдом. Ученые ремет надеялись, что на границе между невыносимыми жаром и холодом хватит места для нас.

Но нам не суждено было добраться туда.

На пятый год после прыжка перед носом Кекуит загорелась белая искра, не больше зерна горчицы; с каждым днем она увеличивалась в размерах, превратившись сначала в серебряную монету, затем — в круглое зеркало. Вскоре мы уже могли различить ленты облаков и под ними — черный океан и четыре махадвипы. Ты знаешь их имена, Нуму?

Тут я, припомнив уроки Ишо, отвечал, что на севере расположен Уттаракуру, шлем мира, золотой в лучах солнца; на западе — красный Апарагояна, где с великим грохотом и шумом вырывается наружу подземный огонь; на востоке — белый от испарины Пурвавидеха, поросший дождевыми лесами, и на юге — Джабудвина, засеянный синими камнями. А Олмо Лунгринг находится в самом сердце южного двипа, окруженная неприступными горами. Выслушав это, Железный господин продолжал:

Верно. Хотя восемь веков назад здесь не было ни дзонгов, ни дворцов, ни даже глиняных домов шингпа, мы сразу поняли, что нашли *кеми*[5] — мир, похожий на Старый Дом. Землю, которая могла принять нас. Поэтому мы с ругпо условились разбудить первую сотню спящих и исследовать ее; после этого Кекуит должна была продолжить намеченный путь.

Тогда это решение казалось верным.

Корабль вошел в тонкие слои Шу. Свет звезд, пройдя сквозь толщу воздуха, померк и стал красным — будто в небе разбросали рдеющие угли. Другие ремет должны были проснуться через шесть часов; а до тех пор я вернулся к себе, оставив Кекуит попечению ругпо, и попытался уснуть.

Но какой-то сон разбудил меня — кошмар, которого я даже не помню. Устав бороться с тревогой, я встал и отправился в командную рубку — но там не было ни души. Хуже того, Кекуит молчала, сколько я ни звал ее. Тогда я спустился к Меретсегер — если корабль был поврежден, хранительница первая узнала бы об этом, — и в ее покоях встретил ругпо.

Его глаза блестели, с губ свисали нити пенящейся слюны; будто слепой, он шарил пальцами по стенам, горящим красными огнями, — движения казались лишены смысла, но каждое из них отдавалось болью во внутренностях Кекуит. В правой ладони он все еще сжимал *сен*[6] — оружие, убивающее на расстоянии. В дальнем углу я увидел Меретсегер, черную, как тень. Она была без сознания; за ее затылком блестела полоса крови.

Когда ругпо заметил меня, он закричал:

— Не подходи! Не подходи! Иначе я направлю корабль на землю, и мы все пропадем!

Он выплевывал слова, как непрожеванную пищу, одной рукой направляя на меня оружие, а другой продолжая перекручивать кишки Кекуит. Пол под ногами дрожал; казалось, все вот-вот развалится на части. Я не мог тратить время на то, чтобы усмирять безумца... поэтому я убил его.

Ругпо умер быстро — и все же успел выполнить угрозу. Кекуит рухнула вниз — мне удалось только замедлить падение.

О том, что случилось дальше, знает каждый шенпо: в дыме и пламени боги спустились на землю, небесный дворец увяз в расплавленном камне Когтя, как муха в меду. Раны, нанесенные Кекуит, были глубоки. Даже сейчас, через много лет, ее ядро не может разгореться в полную силу; ей уже никогда не подняться в небо.

Но падение было только началом наших бед. Следом пришла болезнь. Ты наверняка слышал о ней от Сиа: у нее не было имени; от нее не было лекарства. И мы не знали, что делать — покинуть корабль, рискуя выпустить наружу неведомую хворь, или запереться внутри, сделав месектет своей гробницей. Если бы речь шла только обо мне, я бы принял эту судьбу — но страдали другие; меня же болезнь, будто нарочно, обходила стороной. Все же, став новым ругпо, я велел закрыть двери корабля. Мне казалось, лучше пожертвовать тремя сотнями ремет, чем целым миром.

А пока мои товарищи умирали, у подножия скалы, там, где сейчас плещутся воды Бьяцо, собирались племена Олмо Лунгринг. Денно и ночью их старейшины протягивали к небу ладони, красные от хны и жертвенной крови, и призывали своих богов. Разгадать наречия вепвавет было несложно: скоро мы смогли понять каждое слово. Они молились, заклинали — и просили привести к ним отмеченного болезнью, чтобы они могли исцелить его. В конце концов я согласился.

— Почему ты передумал? — хотел спросить я. — Что убедило тебя? Слова колдунов?

Жалость к страдающим ревет? Или что-то еще, чего ты и сам не помнишь?..

Но тогда я смолчал; а теперь мне уже никто не ответит.

В первый раз к рогпа отправилось семеро ревет: трое наблюдало, четверо несло носилки с больным. С корабля за нами наблюдали через глаза — ирет. Когда мы ступили на землю, скользкую от жира сожженных жертв, долину будто затопили пестрые волны — черные, рыжие и белые. Это были спины распростершихся перед нами.

Затем вперед вышли ведьмы и колдуны; их языки, вываленные до подбородка в знак приветствия, парили на утреннем морозе; на шеех бряцали ожерелья из нанизанных на веревки ребер — кто знает, чьих? В лапах они держали горящие ветки можжевельника, двойные барабаны и погремушки из копыт оленей и дронгов. Приблизившись, они пустились в пляс, громко вскрикивая и ударяя тлеющими прутьями друг о друга так, чтобы в воздух поднимались искры. Пока они окуривали нас дымом и обдавали огнем, другие вепвавет раскладывали на плоских камнях подношения — и торопливо отступали, подгоняемые наседающей толпой. Скоро перед нами выросли груды даров — самородки золота, серебра и полосатого железа; шершавые куски янтаря размером с баранью голову; бусины из «глазастого» агата; шкуры красных и серых лисиц, барсов и медведей; опахала из хвостов яков; нити речного жемчуга; капалы трех видов — из сухих белых черепов, из высыхающих желтых, из красных, еще сочащихся влагой, с растрепанными гривами и выпавшими из орбит глазами. Внутри этих жутких сосудов помещались куски свежего мяса и горячие потроха, лиловые сердца, отрезанные лапы, носы и языки; рядом лежали веера из хлопка, какими сейчас раздувают костры, и чаши с щецу.

Когда колдуны перестали плясать, они смочили лапы этой кровавой жижей и, стянув с больного покрывало и одежду, начертили на его теле знак: от ключиц до низа живота, от правого до левого плеча. После этого все вепвавет, мужчины и женщины, старые и молодые, уселись на землю. Трижды прохрипел ганлин; в первый раз, когда он замолк, колдуны воскликнули:

— Приди!

И во второй раз:

— Приди скорее!

И в третий раз:

— Приди скорее, мы приготовили тебе пир!

Затем ударили барабаны, затрещали колотушки, и неисчислимое множество глоток принялось мычать, реветь и бормотать. Вепвавет раскачивались из стороны в сторону, то вскидывая над головами пестрые ладони, то опрокидываясь назад дугою. Тогда еще не было единых молитв и порядков, и каждый говорил в силу своего разумения, перебивая соседа:

— Я отдаю свою плоть алчущему, кровь — жаждущему, кожу — нагому; ветер моего дыхания остудит того, кто страдает от жара; мои кости станут дровами костра для того, кто страдает от холода; мои ребра станут домом для тебя, мои потроха станут постелью для тебя; моей гривой оботру твой ступни. Приди, приди скорее! Приди, я приготовил тебе пир!

Когда гул голосов стал почти невыносим, вепвавет, не стовариваясь, выхватили из-за поясов оружие — тесаки, ножи и волнистые кинжалы. Уреи на наших шлемах пришли в движение, готовясь защищаться, но те и не думали причинять нам вреда. Не переставая бормотать и вскрикивать, несчастные отсекали куски своих тел. Большинство срезало волосы и когти, но были и те, кто лишил себя ушей, пальцев и языков. Трое воткнуло лезвия прямо в шею — кровь широкими струями хлестнула из ран, заливая бедра и икры и камни

долины.

Вдруг больной содрогнулся, вздохнул и приподнялся на локте; его взгляд, до того мутный от страдания, прояснился. Колдуны тут же кинулись к нему, укутали, как ребенка, в черные шкуры, скрепленные полосами красного шелка, а на голову надели железный венец с двумя длинными шипами. Это украшение звалось бьяру — птичьи рога. Так мы назвали и город, построенный на этом месте.

Но это случилось много позже. Пока мы просто застыли, не зная, что делать. Ответ пришел сам собой — кто-то закричал, надрывая горло:

— Лу! Мы потревожили Лу!

Ужас в мгновение ока охватил толпу. Вепвавет разбегались, кто куда, давя друг друга, опрокидывая груды жертвоприношений. Некоторые впопыхах задели хвостами языки костров; умащенная жиром и маслом шерсть тут же вспыхнула, и над долиной растянулись полосы черного дыма и нестерпимой вони. Даже галька у наших ног запрыгала, как взлетающие над травой кузнечики, — это дрожала земля. А потом появилась Лу.

Я хорошо помню, как она вынырнула на поверхность, в облаках черной пыли и каменной крошки, — горло обхватом в десять деревьев, пасть глубже неба, из лба растет корона из дюжины прозрачных рогов... Видом Лу походила на рогатую змею, какие водись когда-то в Старом Доме, но длиною превосходила и Кекуит, и Мизинец. Таких тварей не было и не могло быть в нашем мире: они бы обвалились под собственным весом, как плохо построенный дом, — но здесь великанша жила и здравствовала. Пока мы спешно отступали, Лу распустила кольца и вытянула вверх чудовищную шею; на секунду ее немигающий взгляд задержался на нас.

Джараткара — так звали ее вепвавет — была в ярости. В пещерах под долиной было ее гнездо. Сначала ударная волна от падения Кекуит обрушила каменные потолки на головы ее детей, погубив многих, — а теперь еще шум и соленый запах крови, доносящиеся с поверхности, раззадорили ее пуще прежнего. По счастью, мы успели подняться на корабль до того, как она раззявила пасть, готовая впитаться в него зубами. Конечно, ей не удалось бы повредить прочный панцирь, но Кекуит решила не испытывать судьбу. Раньше, чем лиловый язык Лу коснулся корабля, луч тысячекратно усиленного света прошел сквозь ее череп, и великанша упала замертво.

Когда пришла ночь, вепвавет, затаившиеся в скалах неподалеку, вернулись в долину. Они снова разожгли костры, подняли втоптаные в грязь сваи шатров, разложили на плоских камнях курящийся санг и чаши свежей щецу. Затем толпа обступила тело Лу — оно распласталось по всей долине, будто тень высокой горы. В лапах вепвавет держали топоры, молоты и клинья — из бронзы, из дерева, из заостренных костей, ослепительно белых в свете вошедшей луны. Самые смелые, цепляясь за выступы чешуи особыми крючьями на коротких древках, взобралась на змею верхом; другие остались на земле. Ударили барабаны; повинуюсь их зову, вепвавет принялись кромсать труп Джараткары, раздвигая бесчисленные ребра, отделяя друг от друга позвонки, срезая с костей полупрозрачное желтое вещество, не похожее ни на жир, ни на мясо.

Выждав некоторое время, мы решили снова спуститься к подножию Мизинца. Первой это увидела женщина со шрамами вокруг рта и сорочьими перьями в волосах. Она издала торжествующий клич, и множество взглядов тут же обратилось в нашу сторону. Приплясывая от радости, к больному кинулись давешние колдуны, подхватили его под руки и повели к груде змеиных потрохов. От нее шел белесый пар, оседающий на камнях

маслянистым налетом. Несколько вепвавет с головой погрузились во вскрытое нутро Лу и бережно вытащили темно-багровое, влажное сердце. От него колдуны отрезали несколько кусков, похожих на насосавшихся крови пиявок. Первый кусок они предложили больному. Тот покривился, но все же принял угощение.

«Что еще ему остается?» — думал я, глядя, как мой товарищ жует внутренность чудовища. Вепвавет в мгновение ока проглотили лакомство и облизали губы от удовольствия. Покончив с этим, они взяли ладони больного и положили на извлеченное из Лу сердце. И вдруг страшная тяжесть обрушилась на наши плечи — будто сам воздух превратился в железо. Ты должен знать это чувство, если бывал на площади Тысячи Чортенов, — так действовали старые, грубые заклятья, привязывавшие души живых существ к окаменевшей плоти. Нынешние сухет куда совершенней и объемом не более одного кувшина; в Перстне немало потрудились над этим.

Но в то время я еще не знал того, что знаю сейчас, и не понимал, что происходит. Я видел только «отмеченного» в рогатом венце, освещенного дрожащим огнем, и вепвавет, склонившихся перед ним, ловивших пальцами подол его накидки. Тогда впервые в жизни я почувствовал ядовитый укол зависти; это чувство было так ново, что поначалу я не смог с ним совладать. Мне должно было оставаться рядом с товарищами — но, как тень, бегущая от света, я отходил все дальше и дальше от шипящих костров и треска костяных дамару и наконец оказался у подножья синих скал, где еще росла трава, не втопанная в мерзлую грязь. К моему удивлению, там меня поджидала давешняя ведьма с сорочьими перьями в гриве. Ее глаза были светлыми, как у ремет, а зубы — красными от сока жевательного корня. Женщина улыбнулась — или оскалилась — и сказала:

— Утешься, мой господин.

Я ничего не отвечал; но она продолжала говорить:

— Не знаю, как заведено у вас, но когда мы едим, то сначала принимаемся за остатки вчерашнего дня, чтобы им не пропадать, а лучшие лакомства оставляем напоследок. Эрлик сегодня выбрал другого, но придет время, он возьмет и твою душу. И тогда будет тебе и слава, и венец; ты только подожди!

Тут ведьма расхохоталась, трясая косматой головой и звучно хлопая ладонями по бедрам. Ее жуткий и нелепый вид заставил меня опомниться. Я поспешил к товарищам и скоро забыл об этом разговоре: в новом мире у нас было достаточно дел и без невнятных пророчеств.

После того как вепвавет разделили тело Лу на части, содрали с него мясо, жилы и кожу и, с тщанием воров, обчищающих сундуки в богатом доме, вынули студенистый мозг из полых костей, их старейшины явились к нам на поклон. В один голос они твердили, что оставаться в долине опасно: выводок Джараткары рано или поздно должен выползти из гнезда в поисках пищи. Даже десяток Лу, сбившихся в стаю, прожорлив, как туча саранчи, — если бы саранча могла глотать камни и выпивать в один присест полноводные озера — а в гнезде Джараткары могли быть сотни детенышей. Поэтому вепвавет предлагали нам уйти из долины вместе с ними и переждать в горах до зимы. При приближении холодов Лу, как и обычные змеи, должны были уснуть в норах под землю. Но никто из нас не хотел покидать Кекуит; мы были уверены в ее неприступности.

И только больной, которому чары местных колдунов и впрямь принесли облегчение, стал умолять:

— Если мы хотим выведать у местных, как бороться с болезнью, нужно, чтобы они

всегда были рядом с нами. Они уйдут — и мы снова начнем гибнуть; сначала я, потом и другие! Подумайте — не обо мне, а о себе! Ведь вы будете следующими!

В его словах была правда; все замолчали, склонив головы. И тогда я предложил то, о чем и так уже раздумывал после падения и смерти Джараткары:

— Мы можем очистить долину и прилегающие земли от этих змей — они, очевидно, неразумны и опасны. Тогда вепвавет смогут осесть здесь и жить рядом с нами.

— Выходит, нам придется учить их строить дома и возделывать поля? Стоит ли так вмешиваться в дела чужого мира и чужого народа? — возразили некоторые. Но я ответил:

— Этот мир уже не чужой нам. Кекуит повреждена так, что никогда уже не оправится. Поэтому стоит быть готовыми к тому, что остатки наших жизней мы проведем здесь. Так почему бы не провести их с пользой? Разделить наши знания с вепвавет и поучиться чему-нибудь у них?

— Да и разве мы станем удерживать кого-то насильно? — согласились другие. — Кто захочет уйти, тот уйдет! Кто захочет остаться и жить по-новому, тот останется. И для нас жить в корабле куда лучше, чем скитаться по горам следом за стадами коз и овец.

На том и порешили. Велев кочевникам затаиться в ущельях неподалеку от долины, мы запустили в подземные пещеры пять сотен ирет. Они закончили то, что начало падение Кекуит, — найдя слабые места в каменных опорах гнезда, ирет взорвали их и обрушили груды щебня, песка и глины на змеенышей Джараткары. Тех же, кому удалось выбраться на поверхность из-под завалов, добивали наши ахауги и сами вепвавет. У молодых Лу шкура не так прочна, как у старых великанов, — ее можно пробить при помощи рогатины, как при охоте на медведя, или точным попаданием копья под подбородок; можно также гнать их до обрыва при помощи горящих и свистящих стрел или натравить на них разъяренных садагов... Есть и другие способы охоты на Лу, в которых шены теперь весьма искусны, — но тебе ни к чему знать о них.

И вот, в один день мы избавили это место от змеев. От взрывов и обвалов земля в долине осела; в самом низком месте, у основания Мизинца, скопилась со временем ключевая вода — так появилось озеро Бьяцо. Рядом с ним был построен первый из городов Олмо Лунгринг, Бьяру. Он начался с Перстня; этот дзонг возводился не как место для молитв, а как крепость, отделенная от мира мэндонном, водой и горами, чтобы в случае опасности в ней могли укрыться все жители долины. Все прочие здания Олмо Лунгринг — от золоченых дворцов до черных лачуг с пометом и хворостом на крышах — его младшие братья. Вокруг города колдуны зарыли позвонки и череп Джараткары — как предупреждение прочим тварям этого мира.

После этого много лет мы прожили бок о бок с вепвавет и, подобно богам из старых сказок, научили вас земледелию, строительству каналов, лекарскому искусству, обработке металлов, счету — и, конечно, письму. За основу мы взяли буквы, используемые вашими сородичами из южной страны; поначалу шенпо и оми даже говорили на их языке, чтобы казаться ученее. А вот меду нечер не прижился внизу, хоть многие и старались его изучить: все же наши глотки и языки устроены слишком по-разному. Поэтому все обитатели Кекуит получили от вепвавет вторые имена, переименованные на здешний лад. Мое, например, было «Шрисати».

А потом случилось вот что: город, уже прозванный Бьяру, разросся так сильно, что народ начал выплескиваться из него, как вода из переполненного кувшина. Тогда нам пришлось оставить мирные занятия и приняться за очищение новых земель. Так началось

время Махапурб, когда мы истребили тысячи зловредных существ — болотных демонов-кровопийц, таящихся в земле садагов, насылающих болезни момо. Но из всех чудовищ Олмо Лунгринг хуже всех были змеи-великаны. Они кишели повсюду: земные Лу из рода Васуки гнездились в скалах и пещерах; летучие Лу из рода Вишвавасы заполняли небо; водяные Лу из рода Шешу отравляли слизью горные реки и озера. Хоть по отдельности они были не умнее трухлявого пня, у змей был свой тайный язык; сговорившись, они могли напасть скопом, будто настоящее войско. И оружием им служили не только клыки и мускулы; Лу умели насылать безумие — и так погубили многих неб ирету. Я до сих пор помню, как, пораженные проклятьем, они пытаются выколоть собственные глаза...

Потому мы все чаще прибегали к помощи местных колдунов и сменявших друг друга Эрликов, хотя природа их способностей оставалась для ремет загадкой. Со временем безымянная болезнь будто бы ослабла — ее течение казалось уже не столь бурным; и чем дольше жили отмеченные ею, тем бóльшие власть и почет получали среди вепвавет. Волей-неволей мне приходилось считаться с ними. Так и получилось, что внутри месектет я оставался руппо, но в мире дольном был только слугой очередного Железного господина.

Наконец долгая война закончилась. Последняя из Махапурб состоялась в год и месяц Синего Быка, на Пятый Победный день — день красной стороны. Наше войско из пятидесяти ремет и десяти тысяч вепвавет стояло в горах Мувер, неподалеку от места, которое теперь известно как След Змея; в расщелинах ниже копошились Лу, искавшие укрытия. Одного за другим мы уничтожали их — огнем, железом и колдовством. Обезумев от страха, один из старейших змеев, Нагараджа, принялся давить и кусать собственных детей и так вырвался из каменной ловушки и устремился на запад. Я хотел тут же последовать за ним: старые Лу особенно опасны, потому что могут создать новое гнездо. Но Железный господин — тогда уже двадцатый по счету — выбился из сил и хотел прекратить битву; войско вепвавет не посмело послушаться. Я же, увидев его бледное лицо и трясущиеся руки, пришел в ярость. Чужие приказы не остановили меня; с дюжиной верных ремет мы отправились в погоню за Лу.

К тому времени, когда мы настигли его, Нагараджа успел добраться до горы, которая теперь расколота надвое и зовется Цоцог и Огма. Судя по бороздам на камнях, в которых смешались кровь, глина и горючий жир, змей был сильно ранен. При виде этих следов, выдававших слабость врага, мои мысли помутились — от нетерпения я потерял осторожность. Когда мы настигли Лу и я уже приготовился поразить его хопешем[7] в слабое место у основания черепа, великан внезапно развернулся, щелкнул пастью — и проглотил меня целиком.

Но это был не конец. Не знаю, сколько дней я провел в беспомощности — неделю, две или больше; в это время меня посещали странные и пугающие видения. Их обрывки до сих пор терзают мой ум — они похожи на отблески разноцветных костров, вспыхивающие то мягкой белизной, то дымным мерцанием, то голубовато-желтым или тускло-красным светом; они скользят быстро, как водомерки по поверхности озера. Если я протягиваю руку, чтобы схватить их, пальцы загибаются только тину...

Постепенно ко мне начали возвращаться чувства. Первым пришло не зрение, а ощущение тела — оно было странно легким и подымалось вверх от малейших колебаний воздуха, как летучий пух кхур-мона. Затем расступилась темнота перед глазами, и я увидел внизу самого себя. Я был уже не на поле битвы, а на корабле, в покоях лекаря. Глубокие раны на моей груди и шее были крепко зашиты, изломанные конечности — выпрямлены

тугими бинтами, лицо чисто вымыто — ни пота, ни крови, ни следов разложения. Живот прижался к хребту, — из него были извлечены все внутренности. На полу у моих ног сидела Меретсегер. Ее волосы были распущены и перепутаны, щеки — обожжены слезами. Вдруг я понял, что она носит под сердцем моего ребенка, зачатого накануне битвы с Лу. Зародыш был похож на пустой ларец с приоткрытыми створками; он уже существовал, но еще не был жив.

Над моим трупом склонилась Кебхут — корабельный лекарь, которая станет потом матерью Сиа. Несколько раз она касалась пальцами моих губ, приподнимая их и рассматривая крепко стиснутые зубы, а потом с явным усилием разомкнула челюсти плоским ножом и вогнала мне в горло железный крюк, полый внутри. Я знал, что по нему пустят густой бальзам, превращающий тело в *Сах*, — этим именем звались и те, кто погружался в сон перед межзвездным полетом, и те, кто был мертв.

Пока Кебхут занималась своим делом, вокруг меня — не парящего в воздухе, а лежащего на столе — стали скапливаться лужицы колышущегося пара. Пар вытекал из губ, из ноздрей, из уголков глаз; даже сочился из пор на коже, как мутный, сероватый пот. Я проследил за его движением: странное вещество стремилось прямо ко мне... я и был им. По правую руку парило такое же сизое облако — прямо над трупом ахаути по имени Уси. Он был храбрым воином, без колебаний отправившимся в погоню за Нагараджой, но сейчас его призрак испуганно дрожал — и вдруг, оборвав тонкий корень, связывавший его с плотью, унесся прочь.

Уси исчез так быстро, что мне невольно вспомнились подхваченные бурей птицы. Но стоило подумать об этом, как мой облик начал меняться! Там, где прежде были руки, появились два крыла; их наполнил горячий ветер, неведомо откуда взявшийся внутри корабля, — и со страшной силой потащил меня вперед, прямо через стены, потолки и перегородки, через зимний сад... Тогда деревьев в нем было куда меньше, а сорной пшеницы не росло вовсе. Наконец, я вылетел из темени Кекуит.

Над кораблем нависло ночное небо, непохожее на то, к которому я привык. Звезды в нем не стояли на месте: одни колыхались в темноте, словно бутоны водяных цветов, то поднимаясь ближе к поверхности, то ныряя в глубину; другие плыли — как и я, подхваченные воздушными течениями, — сливаясь в реку живого света. Это было Наунет, небо мира мертвых. Но мне не хватило времени, чтобы изучить его незнакомые созвездия: давешний ветер сжал меня в кулаке и швырнул вверх. Не в силах сопротивляться, я распустил крылья и взлетел высоко над миром. И снова, как в первый день, мне открылись его долины и горы, океаны и махадвипы — но выглядели они иначе, чем из Кекуит. Стоило хоть ненадолго задержать на чем-то взгляд, как твердая оболочка предмета таяла, обнажая потайное нутро. Я увидел, как металлы мерцают в глубинах гор; как тени отделяются от ступней спящих хозяев и змеями ускользают в траву; как молнии созревают в тучах; как чортены пускают в землю глубокие корни, а на дне морей львы-черепахи поедают дающий бессмертие жемчуг. Весь мир будто бы превратился в расшитый холст или сеть драгоценных камней, которую повернули ко мне изнанкой — и показали нити и узлы, связывающие все вещи между собою.

Ветер дул на север, ни на миг не ослабевая, не выпуская меня из хватки. Луна и солнце, как круглые лампы из водянистого и огненного хрусталя, неподвижно висели по левую и правую стороны от меня, отмечая запад и восток, но не показывая течение дней. Когда я почувствовал усталость и голод, то понял, что был в пути уже долгое время. По счастью, внизу показались шатры рогпа, сочащиеся дымом санга и сжигаемых подношений; их запах

насытил меня лучшей всякой пищи.

Наконец, я достиг устья небесной реки, — оно находится на необитаемом махадви́па Уттаракуру. Неподготовленный взгляд увидит там только пустошь: каменистую землю, не укрытую даже снегом, и единственное дерево, неведомо как оказавшееся в этом краю. Его ветви поломаны, древесина заледенела и стала прозрачной от холода; оно, без всяких сомнений, мертво. Вот только мне оно показалось совсем другим: огромным, как сторожевая башня, одетым в вихрящийся золотой огонь. Его кора сочилась черно-зеленой смолой, собиравшейся вязкими озерцами у корней; ветви, плетями свисавшие до земли, пестрели белыми плодами и желтыми листьями.

На дереве суеилось, ползало и порхало бесчисленное множество мелких существ. Одни походили на жуков размером с ладонь, с медными пластинами на спинах и рыжими конскими гривами. Широкими зазубренными челюстями они выхватывали носящиеся в воздухе искры и крепко прижимали к липкой коре — это и были листья дерева. Затем к добыче подступали твари помельче, вроде черных муравьев и бледных пауков с зеркальными пятнами на брюхе, — они пожирали большую часть пойманного огня, обильно приправляя его не то слюной, не то ядом, а объедки оплетали плотным коконом — это были плоды. Обитали тут и другие создания; некоторые были так малы, что и не разглядеть, а другие перекатывались, как комья пыли, лишенные постоянных очертаний.

Устав от долгого пути, я сел на одну из ветвей и долго наблюдал за их копошением, пытаясь понять назначение каждого существа; через некоторое время один из рогатых жуков подполз ближе и попытался укусить меня за лапу. Я хотел отогнать его окриком, но вместо слов из горла вышло громкое шипение. По счастью, этого хватило: жук развернулся и убежал прочь. Больше маленькие прислужники дерева меня не трогали.

Мне подумалось, что для этих существ мой вид слишком непривычен; и правда, сколько я ни оглядывался вокруг, на дереве больше не было птиц. Зато на глаза мне попался странный кокон, размером куда больше, чем прочие. Из любопытства я подобрался к нему и распорол плотную поверхность когтями. Густая зеленоватая жидкость хлынула наружу, как вода из легких утопленника. Внутри и правда оказалась птица! И у нее было лицо, знакомое мне, — лицо Сатхатхор, небет ирету, которая погибла несколько лет назад от проклятья Лу. Перья на ее висках слиплись иглами, кожа была цвета золы. Я принялся будить ее, неуклюже размахивая крыльями, — и она даже очнулась, но не произнесла ни звука и ничем не показала, что узнает меня.

А затем я разглядел среди ветвей и другие большие коконы; в них тоже могли томиться мои товарищи! Решив так, я принялся перелетать с ветки на ветку, разрывая когтями неподатливые оболочки. Оттуда и правда выпадали птицы с лицами ремет и мордами вепвавет — среди них была и ведьма с сорочьими перьями, когда-то напороочившая мне венец Железного господина. Вепвавет я оставлял там, где нашел, не зная, что еще с ними делать; ремет собирал в стаю. Хоть они и потеряли разум, но поворачивали головы, если я звал их по имени, и послушно следовали за мной.

Мало-помалу я собрал с дерева души всех, кто был убит в Махапурбах, — даже Уси, прибывшего сюда раньше меня, — но так и не сумел отыскать ни одного Железного господина, погибшего от безымянной болезни; не нашел я и ругпо... Наконец, оставив попытки, я поднялся вверх и полетел против течения небесной реки, указывая дорогу остальным ремет, на юг, к Кекуит. За время, которое я провел в птичьем обличье, мои крылья окрепли и без труда перебарывали встречный ветер. Скоро впереди показались

Северные горы, мокнувшие в облачном молоке, а затем и Мизинец, и блестящее, как зеркало, Бьяцо, и наш корабль. Влетев внутрь, я увлек стаю душ туда, где хранятся Сах спящих и мертвецов. Каждой из птиц я указал ее прежнее тело; там они и остались, нахохлившись, выжидая — не придет ли время родиться снова?

Я еще не знал, что одному из вернувшихся в Кекуит суждено стать сыном Меретсегер и моим будущим отцом. Да я и не спешил возвращаться в круг живых, вместо этого решив исполнить одну задумку. Снова покинув Кекуит, я начал подниматься в небо: сначала миновал пену туч, затем и реку живого света, не поддавшись ее течению; через полвздоха она превратилась в тонкую золотистую нить далеко внизу. Ветер, раньше поддерживавший меня, постепенно ослаб и сошел на нет; сам воздух вокруг стал прозрачнее и тоньше. Даже солнце и луна отделились, прижавшись к самому горизонту, как псы к ногам хозяина. Мне приходилось все быстрее бить крыльями, чтобы взлететь выше. Перья на хвосте от холода застыли и звенели, как ледышки. Собрал остаток сил, я рванулся вверх — и вдруг врезался в небо.

Удар опрокинул меня; в один миг я пронесся сквозь воздух и голубые испарения земли и упал на дно ущелья, усеянное камнями. Падение было болезненным, хоть я и был уже мертв; но как только мои крылья окрепли, я снова взлетел — и снова не смог одолеть невидимую преграду. Это повторилось не раз и не два — до последнего я не хотел верить в неудачу! В мире живых прошли годы, прежде чем я отступился от своей цели. Так я выучил, что этот мир обнесен непроницаемой стеной и все его обитатели — телесные и бестелесные, маленькие и большие, ремет и вепвавет — на самом деле его пленники. И даже если бы Кекуит удалось залечить свои раны, мы все равно не смогли бы вернуться домой...

Но прежде, чем вернуться на корабль, я решил исполнить еще одну задумку. Отправившись в красный край Апарагояна, я нашел трещину, глубоко вгрызавшуюся в тонкую земную кору. По ее червиному ходу я стал спускаться вниз; сначала миновал сеть просторных пещер, заполненных мерцанием зеленых грибов и лиловых кристаллов, а затем и потоки расплавленных, раскаленных пород, не поддавшись их течению; через полвздоха они превратились в тусклое багровое свечение далеко за моей спиной. Внезапно откуда-то подул ветер, с каждым мгновением все усиливающийся; сам воздух вокруг стал плотнее и налился густой чернотой, какой не бывает и в самых глухих сумерках, когда солнце и луна убегают с неба, как поджавшие хвост собаки. Мне не нужно было даже шевелить крыльями — я мог парить на потоках воздуха, как сорвавшийся с веревки дарчо, опускаясь все ниже. От вихрящихся прикосновений жара перья на моем хвосте свистели, как пущенные во врагов стрелы. Собравшись с духом, я сложил крылья — и камнем упал во мрак.

Сначала мне показалось, что я утратил все чувства: и зрение, и слух, и осязание. Вокруг не было ничего; не было даже времени, чтобы сказать, сколько я пробыл в этой пустоте. И когда мне подумалось, что я останусь здесь навсегда, я услышал голос: он был подобен одновременно грохоту рушащихся гор, и шуму разливающихся морей, и реву огня в пылающих лесах, и раскатам тысячи громов. Этот звук внушал такой трепет, что я кинулся прочь, сквозь темноту, не разбирая дороги; пронзительный, невыносимо горячий ветер ударил мне в спину и понес вперед. Слева и справа мне мерещились глубокие пропасти — белая и черная, а за спиной — третья, красная; казалось, что я вот-вот упаду в них.

Но ветер вытолкнул меня на поверхность и покати по ней, как комок сухой травы; только у мостов и лакхангов и у подножья чортенов он ослабевал немного, давая мне отдохнуть. Однако длилось это недолго — не успевал я перевести дух, как порывы бури

снова налетали на меня, осыпали голову и шею крупным градом, толчками и ударами и заставляли тронуться с места.

На своем пути я видел прекрасные дворцы и глубокие норы в земле, полные тумана, и леса, где бродили вращающиеся огненные круги, и пустынные равнины, на которых чернели обугленные пни и пятна сажи. Я слышал песни, жалобные, как плач, — их пели нежные, влекущие женские голоса; но я не пошел за ними. Вместо этого буря понесла меня к Бьяру — и я увидел, что город у озера разросся и нарядился в яркие одежды; его тораны стали выше, лакханги блестели свежим красным лаком, а там, где раньше паслись стада диких сайгаков, трудолюбивые шингпа посеяли ячмень и пшеницу. Сколько времени прошло с тех пор, как я умер? Мне казалось, недели — но на самом деле миновало больше сотни лет. Наконец, меня швырнуло на порог Кекуит, и скоро я снова родился среди ремет. Мне дали новое имя — Нейт.

Но прошлая жизнь осталась для меня ясной, как вчерашний день. Я помнил свое *рен*. Я помнил и то, что увидел в мире духов; это очень помогло в изучении и совершенствовании искусства шенпо. Я добился в этом больших успехов... Однако, хотя мои умения и были велики, они не могли сравниться с могуществом Эрликов.

Их много прошло передо мной — женщин и мужчин, отмеченных безымянной болезнью; наделенных особой властью над миром. Силой... да, силой. И теперь моя очередь нести это бремя — держать ее в подчинении. Но в те ночи, когда мое тело слабеет, а ум притупляется, она начинает рваться с цепи... Она грозит освободиться. Поэтому до утра мне нельзя спать; поэтому я говорю с тобой, Нуму.

Когда я открыл глаза, был уже рассвет; солнце подымалось над горами, прорезая серую хмарь длинными бледно-золотыми полосами. Выходит, что я уснул, свернувшись калачиком прямо на стуле. Кто-то укрыл меня тяжелым, теплым одеялом; от его пыльного запаха хотелось чихать. На крышке прикроватного ящика стоял поднос с нетронутой едой, примявший бумаги с замысловатыми рисунками и расчетами. Постель была пуста; только валялись поверх простыней железные четки, и каждая бусина в них была окрашена красным.

Вода, еле слышно шипевшая за стеной, остановилась. Я побыстрее выполз из-под одеяла, осторожно свернул его и, стараясь не шуметь, вышел из покоев Эрлика.

Пришло время Цама; в этом году он выпал на день детей, благоприятный для борьбы с врагами, строительства дома, обрядов шенпо, казней и забивания овец, но плохой для всех остальных дел. Шаи разбудил меня рано, между ночью и рассветом: до выхода в Бьяру нужно было еще умыться, причесаться и одеться — увы, не в приготовленный мною роскошный наряд, который лха отвергли, а в черные штаны и чуба вроде тех, какие носят обитатели Перстня. Спросонья я двигался медленно и неуверенно, как зимняя муха: все падало у меня из лап. Причесывая гриву, я выдрал гребнем несколько прядей, не с первого раза попал узелком в петлю застежки и насилу впихнул в себя несколько ложек сладкой каши. Не хотелось мне ни есть, ни пить — только закрыть слезящиеся глаза и провалиться в дремоту.

Но вместо этого, кляня злую судьбину, я отправился в галерею за садом, ведущую во внешний мир. Там оглушительно гудели сквозняки; из незакрывающейся двери Когтя лился белый утренний свет. Все лха собрались у стены, затворяющей зев дворца; когда я подошел, они только начали примерять маски. Сиа первым натянул слоновью личину; над его плечами тут же вскинулись уши-веера, а по груди заскользил нос, длинный и цепкий, как

хвост обезьяны. Утпала, Камала, Падма и Пундарика опустили на плечи полые вороньи головы. Нехбет, тоже вышедшая поприветствовать почжutow, надела личину грифа. И только Шаи напялил самую обычную, ни капельки не волшебную (и, надо сказать, довольно уродливую!) деревянную образину с длинной меховой бородой и дутыми губищами. Не тот ли это был «старик», который в позапрошлом году потешал глупыми выходками народ?

Кто-то окликнул меня. Обернувшись, я увидел Железного господина.

— Держи — и не расставайся с ней, — сказал тот, протягивая мне сложенный в несколько раз хатаг. Сквозь тонкую ткань проступали очертания чего-то похожего на лист просвирника, зовущегося также «радостью рыб». Не знаю, как насчет рыб, но я уж точно обрадовался! Дрожащими лапами я принял подарок и развернул его; это была новехонькая, пахнувшая лаком маска Гаруды, пожирателя змей! Его клюв расходился в лукавой улыбке, круглые глаза блестели позолотой, а к пернатым щекам были прилажены шнуры из витого шелка в добрый палец толщиной.

— Спасибо, — выдохнул я; Эрлик кивнул и направился к остальным лха — судя по неверной походке, ему еще нездоровилось. Но, как бы я ни сочувствовал Железному господину, сейчас меня больше занимало другое. Подбежав к одному из столпов, подпиравших своды галереи, я заглянул в его зеркально-гладкую поверхность и надел маску. Та села как влитая; мой нос целиком уместился в широком полем клюве, а глаза прищипались точно на дыры в Гарудовых зрачках. Я зажмурился в предвкушении — в кого же я превращусь? В грозного драгшед с развевающейся гривой и крыльями нетопыря? Во внушающего трепет гьялпо с пылающим мечом и ваджровыми доспехами?.. Но, когда я открыл глаза, то едва не взвыл от разочарования. Новый облик внушал что угодно, только не трепет! Я весь, от макушки до когтей, оброс мягким черным пухом; уши заострились и поднялись высоко вверх; хвост истончился и стал подобен львиному. Не прибавив ни в росте, ни в ширине плеч, я больше всего походил на испуганного птенца, пищащего на дне гнезда, среди мха и веток.

— Ууу, какая прелесть! — прокаркала Камала, потрепав меня по макушке. Я только тяжело вздохнул; если такова воля богов, ничего не попишешь — буду прелестью.

— Нуму, — вдруг обратилась ко мне Палден Лхамо, жестом отгоняя вороноголовую. — Сейчас к порогу Кекуит придут шены с быком. Ты сядешь ему на горб, перед носилками — тебе должно хватить места. Вести вахану будут прислужники, а ты — не шевелись, не говори и ни в коем случае не слезай на землю, что бы ни случилось. Понял?

— Да! Не шевелиться, не говорить, с места не сходить. Все понял! — торопливо повторил я, но богиня уже не слушала: ей нужно было помочь Железному господину водрузить на плечи рогатую личину быка. Увы, я не смог понаблюдать за его превращением! В это время лха начали один за другим выходить за стену — и мне пришлось бежать за ними, семена на коротких лапах.

Снаружи Когтя шел снег — такой густой и мелкий, словно медлительные облачные жернова протирали настоящую муку. Сквозь его мельгешение блестела веревка мутаг, натянутая до звона; на ней к небесам подымалась тяжело груженная корзина с «гостями». Вот уже показалось над порогом Когтя навершие носилок-хоуда, затем — выкрашенные киноварью рога Чомолангмы, а после и его пышущая паром морда с печальными глазами и белыми от инея ресницами. По сторонам от быка распластались мордами вниз четверо шенов; пятый — почжут Чеу Окар — держал поводья.

Чеу Окар высунул язык в знаке приветствия, отворил дверь в боку корзины и согнулся

до земли, приглашая богов войти. Первыми вперед двинулись вороноголовые, встав рядом с младшими шенами. Палден Лхамо заняла место напротив почжута, по левую сторону от могучей шеи Чомолангмы. Наконец, сам Железный господин подошел к быку; тот, повинуясь легкому движению поводьев, опустился на колени. Четверо шенов проворно вскочили, оставляя проплешины на запорошенном снегом полу, и выхватили из-за спин железные крюки на длинных древках. С помощью этого странного оружия они поддели зацепки хоуда, раскрывая и вновь смыкая его вокруг бога. Кто-то из лха подтолкнул меня в спину; я вылетел вперед, ежась под пристальным взглядом Чеу Окара. Чомолангма втянул воздух, приняюхиваясь, — готов поспорить, он узнал меня даже в этом дурацком обличье! Мне страшно хотелось обнять его влажный поддрагивающий нос; но вместо этого, как и велела Лхамо, я взобрался на горб быка, покрытый драгоценной попоной. Из всех, кто отправлялся в город, только Шаи не зашел в корзину — он пользовался другими, тайными путями.

Мы начали опускаться. Дыхание тут же перехватило от ветра, ворующего воздух прямо из-под носа. На несколько мгновений корзина погрузилась в облака, тершился о бок Мизинца; мы вынырнули из них, омытые влажным туманом. Внизу все отчетливее виднелась крыша Перстня, темно-красное поле, на котором зияли два дымящихся проема — проходы в старую гомпу. Она была все ближе и ближе... и вот корзина остановилась. В тот же миг на мэндоне завыли поющие раковины, сотрясая ветхие кирпичи. Теперь толпа на площади наверняка поняла, что Железный господин снова спустился на землю!

На крыше гомпы нас ждали восемь почжутов и две дакини Палден Лхамо; первые в своих черных чуба походили на цепочку из бусин «зи», а вторые белизной платья напоминали речной жемчуг. То были женщины невероятной красоты: у Симхамукхи, державшей маску в виде львиной морды, грива была как чистое золото, а у Макаравактры, которой досталась личина морского чудовища, — как серебро; зрачки у обеих блестели, как хорошо начищенные зеркала.

Пока я любовался дакини, за спинами старших шенов выстроились прислужники во множестве. Повинуясь невидимому для меня знаку, трое из них — с зонтом из белых павлиньих перьев, опахалом из ячьих хвостов и блюдом с подношениями — кинулись навстречу Палден Лхамо. Она вышла первой, озаряя и снег под лапами, и облака над головою своим сиянием. Дакини, надев звериные маски, встали по обе стороны от госпожи; вместе они проследовали в левый проход, ведущий внутрь гомпы. Затем из корзины выбрались вороноголовые. Их встретили восемь прислужников, держащих в лапах знамена из трехцветного шелка; над развевающимися полотнищами были укреплены чучела воронов с расправленными крыльями, задранными головами и кусками янтаря вместо глаз. Утпала, Камала, Падма и Пундарика спустились в проход справа, быстро скрывшись в клубах теплого пара.

Наконец, настал наш черед. Чеу Окар взял Чомолангму за уздцы и осторожно вывел наружу. Тут же подбежала пара молодых шенов, высоких и статных; низко поклонившись, они приняли поводья из лап старшего товарища и повели быка к северному краю крыши. Пока Чомолангма шел, вышибая звон из обледеневшего настила, я поглядывал по сторонам — и заметил среди почжутов Ишо. Его плечи были понуро опущены; на склоненной макушке белела снежная шапка нерастаявшего снега. Сколько я ни косился на него, он так и не поднял головы.

К моему удивлению, в проеме между Мизинцем и гомпой была устроена насыпь,

крутым извивом спускавшаяся вниз. Недовольно всхрапывающего Чомолангму повели по ней; чтобы бык не оскользнулся на льду, двое идущих впереди прислужников черпали из поясных сумок пригоршни песка и бросали ему под копыта. Песок скрипел; Чомолангма недовольно фыркал и прядал ушами, отгоняя снежинки точно так же, как летом отгонял липнувших к морде мух. Наконец мы поравнялись со вторым этажом гомпы и остановились у дверей со звездчатыми заклепками из тронутого ржой железа. Прошло несколько секунд, прежде чем те, надрывно скрипя, распахнулись.

Слуги завели быка в зал с низким потолком, подпертым широкими красными столпами; между ними кто-то в великом множестве развесил тханка гневных божеств. Куда ни глянь, всюду из полумрака, как рыбы спины из мутной воды, выныривали грозные лики со встопорщенными гривами и извивающимися языками, черные, синие, красные от выпитой щецу. У стен, на плоских алтарях, рдели масляные лампы и дымились горки благовоний; а на полу, на войлочных покрывалах, сидели сотни шенов — кажется, почти все, кто жил в Перстне! Они были будто во сне — носы опущены вниз, веки плотно сомкнуты — но губы двигались, наполняя воздух мерным гулом. В лапах шены держали длинные четки, отсчитывая молитвы быстрыми щелчками.

Вдруг Чеу Окар закричал:

— Он здесь! Мудрость и милосердие!

Голос почжута грянул как гром с ясного неба, и, вторя ему, сотни губ одновременно исторгли вздох «Ооооо!»; сотни спин согнулись и сотни лбов ударились о натертый воском пол. Наступила тишина, нарушаемая только ударами копыт Чомолангмы.

Так, в полном безмолвии, мы миновали темный зал.

Вторые двери, покрытые полулунными серебряными щитами, распахнулись перед быком. За ними была лестница, ведущая на первый этаж гомпы (сегодня ее покрыли настилом из досок, чтобы облегчить Чомолангме путь), и длинный коридор, который я подметал когда-то... Кажется, в прошлой жизни — а ведь прошло чуть больше года! Здесь распластались, уткнувшись носами в пыль, ученики, недавно поступившие в Перстень.

Третья дверь, украшенная золотыми кольцами, выпустила нас во внутренний двор Мизинца. Там уже ждали Палден Лхамо и вороноголовые, верхом на нетерпеливо вздыхающих лунг-та. Прислужники подвели почжутам ездовых баранов. Поклонившись Чомолангме, восемь старших товарищей Эрлика проворно вскочили в седла. У пристани Перстня нас ожидало несколько плотов: на первом в город отплыли почжуты, на втором — вороноголовые, Палден Лхамо и ее белые женщины, а Железный господин, Чомолангма и я отправились на третьем.

Мы долго плыли в непроглядной белизне; пушистый, крупный снег падал на поверхность Бьяцо и таял в холодной воде. Когда мне стало чудиться, что пути уже не будет конца, впереди замаячили ворота приозерной гомпы. Нарядные львы и выкрашенные яркими красками гаруды казались цветами, невесть как распутившимися среди зимы. Высоко на плоской крыше я заметил двух прислужников, следивших за озером; когда наш плот уткнулся в песчаный берег, те набрали побольше воздуха в грудь, прижались губами к хвостам поющих раковин и выдули жуткий рев.

— Он здесь! Мудрость и милосердие! — вторили им шены на плотках и лодках. Теперь все в Бьяру знали — боги спустились на землю!

То, что было дальше, помнится смутно, как сон. В приозерной гомпе собрались знатнейшие из знатных, пользовавшиеся особой честью — первыми приветствовать

Железного господина в мире дольном. Был здесь сам князь Бьяру с многочисленным семейством; были и правители иных областей Олмо Лунгринг со свитой. От блеска парчи, золота и драгоценных камней, которыми придворные были усеяны от хвоста до макушки, я почти ослеп. Сотни лап протянулись к Чомолангме, бросая в быка зерно, хатаги, бусы и пригоршни монет. Казалось, они вот-вот вцепятся в меня, стащат на пол и разорвут, чтобы набить моими волосами, костями и мясом амулетницы-гао! После тишины и покоя Когтя шум внутри гомпы оглушал; утробное мычание шенов, перешептывания толпы, крики восторга, рычание тех, кого оттеснили назад, — все это пугало меня и заставляло сердце биться быстрее. А главное — вокруг роились тысячи запахов, от которых я совсем отвык наверху. Пахло одновременно сангом и духами, гвоздичным маслом и водорослями, спелыми плодами и сырым мясом, горелым тестом и мокрой шерстью, и чужим дыханием, и пылью, и еще тысячей вещей — от этого голова шла кругом! Мир расплылся, утратив четкость, и я едва понимал, что творится вокруг... А бык все брел куда-то, проходя сквозь толпу, как раскаленный нож сквозь масло. Только когда по губам хлестнул влажный ветер со снегом, я догадался, что мы покинули гомпу.

Почжуты и Палден Лхамо были уже далеко впереди, но четверка вороноголовых держалась рядом с ваханой; а позади Чомолангмы кипело море оми, воинов и слуг, потрясающих кто перевязанным шелком оружием, кто пестрыми знаменами. Мы двинулись вдоль западного края Бьяцо по дороге, которой шен Ноза два года назад вез меня в Перстень. Из мокрого песка торчали верхушки чортенов, похожие на куски расколотых раковин. Вспомнив, что это души чудовищ, я подумал — не холодно ли им?.. Снег еще усилился, а небо опустилось совсем низко — казалось, протяни лапу и коснешься его мохнатого подбрюшья. Шены завели протяжную песню, вторя ей визгом ганлинов и ударами медных тарелок. Приятной ее не назовешь! Похоже было, будто телесные шумы — скрип легких, стук сердца, урчание потрохов — тысячекратно усилились и вырвались наружу; но от этих странных звуков мне почему-то стало очень спокойно. Когда в третий раз взвыли раковины, оповещающая о появлении Железного господина и толпа на площади Тысячи Чортенов завопила: «Он здесь! Мудрость и милосердие!», — я даже не вздрогнул.

На помосте, освященном почжутами, уже горел белый огонь — Палден Лхамо, прибывшая раньше, ждала своего супруга. Чомолангма, подчиняясь легкому движению поводьев, опустился на землю. Я догадался, что сейчас за моей спиной слуги раскрывают хоуда и Эрлик выходит из них, облаченный в клубящуюся черноту; его рога подняты к небу, точно указательный палец и мизинец в жесте победы над тремя мирами.

Железный господин и Палден Лхамо встретились во внутреннем круге; как и прежде, у их лап оказались линга — двое мужчин и женщина. Все трое отличались крепкими зубами, длинными когтями и округлыми животами — признаками достатка, которые не скрыть ни простым одеждам, ни остриженным гривам. Вороноголовые объявили их вину: это оказались оми, присваивавшие и продававшие кампу, положенную беднякам Бьяру.

Булава и аркан поднялись над их головами.

— Милосердия, — прошептал первый линга, обливаясь слезами.

— Милосердия, — выдохнула вторая, закрывая лицо.

— Милосердия, — сказал третий, прижимая лапы к груди.

Аркан поднялся и опустился три раза, оставив на помосте три бездыханных тела; на этот раз никто не решился сразиться с богом. И снова почжуты воскликнули:

— Мудрость и милосердие!

Вдруг грянул гром — да так громко, что я сжал уши ладонями, боясь, что от грохота череп расколется пополам. Но даже сквозь пальцы до меня донесся рев наступающего пожара! Неужели невидимая молния подожгла город?.. Народ на площади замер в изумлении, раззявив рты и вывалив языки на подбородки. В это время Железный господин вышел вперед, к самому краю помоста, и распростер рукава, как крылья.

И тут я увидел.

Земля раскрылась, как крышка медного ларца. Под влажной черной почвой и белыми, как кости, камнями зияли ходы и пещеры — старые дворцы Паталы[8], давно опустевшие, зарастающие гнилушками самоцветов. А потом время обратилось вспять: темнота вдруг наполнилась шипением, шорохом и шевелением и распалась на множество извивающихся тел, чешуйчатых, рогатых, с длинными бородами и бровями как поросли самоцветов. Это были Лу, грызущие корни гор, — совсем такие, как в сказках!

Снова прогремел гром. Ужасная буря спустилась с небес; стоило ее облачным вихрям коснуться Лу, как те исчезли, будто масло в огне. Сестры и братья погибших змеев в ужасе ринулись прочь. Все глубже и глубже вгрызались они, бросая гнезда, оставляя кладки стынущих яиц... Но угроза не отступала; даже под землю буря наступала их! Наконец из всех Лу остались только самые могучие: с венцами из десятков драгоценных рогов, в полсотни обхватов толщиной и длиной с реку Ньяханг. Прежде чем смерть наступила их, великие змеи разинули пасти и выблевали наружу весь яд, накопленный в чреве. Отравы расплзлась и пропитала собой самое сердце нашего мира. Оно ослабло и остыло; и от этого Олмо Лунгринг стала покрываться снегом и льдом. Вот почему в садах умолкло пение птиц, рыбы замерзли в озерах, а звери дрожали от холода в лесных чащах!

Так Лу, уже побежденные, мстили своему врагу.

А буря, гнавшая их прочь, поднялась над горами и приняла облик великана с головой быка на могучей шее. Его глаза горели, как два солнца; в дымном теле полыхали зарницы. Острые рога подпирали небо; полы длинного одеяния спускались до земли, а вместо каймы их обрамляла каменная стена, такая большая, что весь Бьяру легко уместился внутри. Лапы великана поднялись ввысь — так высоко, что локтями он задел звезды, — и вдруг упали, вонзая в мир клинок, ослепительный, как тысячи молний! Пламя вспыхнуло повсюду, выжигая ядовитые испарения Лу из воды, земли и воздуха, исцеляя все, чего касалось!

И хотя ни слова не было сказано, я тут же понял замысел богов. Они извлекут огонь из душ Лу, дре и других чудовищ, спрятанных в чортенах, и сделают его оружием Железного господина. Тогда он победит проклятье, нависшее над Олмо Лунгринг, — и холод, грозящий нам гибелью, отступит... Но прежде нужно построить Стену, явившуюся в видении! Она — основание, в которое Эрлик должен упереться, чтобы совершить свой подвиг.

Не мне одному открылась эта тайна. Все, кто был на площади, — и знать, и простолюдины — уставились на внутренний круг в благоговении и ужасе, готовые на все, чтобы дать совершиться задуманному. И тут заговорили почжугты:

— Вы видели, что должно быть сделано.

— И это будет сделано.

— Возведение Стены уже началось.

— Братья и сестры придут к нам со всех концов Олмо Лунгринг.

— И каждому найдется место.

— Каждый положит свой камень.

— Каждый оставит свой след.

— Во благо всех живых существ, — завершил речь Чеу Ленца, и народ на площади отозвался воплем восторга. Я тоже хотел закричать — так велик, так прекрасен был замысел лха! — но тут заметил, что на меня бесстыдно уставился какой-то проходимец. На вид он ничем не отличался от любого другого горожанина: синий чуба, заляпанные талой грязью штаны, переплетенная по местному обычаю грива... Но я готов был поклясться, что это Зово! Насмешливые глаза бывшего шена смотрели прямо сквозь мою личину — и он улыбался мне! Но как это было возможно?..

Толпа вздыбилась множеством лап, упрашивая Железного господина принять скромные дары, а когда волнение утихло, Зово уже пропал.

Цам закончился. Праведники в передних рядах повалились ниц, не имея сил буйствовать, — грозные виденья опустошили их. Кто еще мог, бормотал молитвы и щелкал четками, отмеряя движения непослушных губ. Один за другим лха сотворили знаки благословения и покинули сначала внутренний круг, а затем — внешний. Вороноголовые и Лхамо оседлали всхрапывающих лунг-та; Эрлик скрылся в хоуда. Вслед уходящим богам понеслась музыка — грустная, полная перезвонов колокольчиков и жалобных восклицаний флейт. Она навевала тоску, и я был рад, когда снег заглушил ее напевы.

Обратный путь показался мне куда короче; скоро мы вернулись в приозерную гомпу. Здесь пахло горячим маслом: наверное, из кухонь вынесли противни с пирожками. Следом за богами должны были явиться паломники; поэтому всюду сновали суетливые слуги и младшие шены, готовя кипяток и шо. Только одно место оставалось пустым: клочок земли прямо перед порогом главного лакханга, там, где стояли каменный жернов и тарелка с зернами горчицы. Для чего он все-таки нужен? Я нахмурил лоб, рассуждая, но от усталости не смог ничего выдумать. Отчего-то я ужасно вымотался. Горячий воздух из дверей обдал меня почти живым дыханием, а с тханка розовыми губами улыбнулись мирные божества, как бы говоря: «Потерпи немного».

И я терпел: пока быка вели сквозь гомпу, пока он ступал на покачивающийся плот, я перебирал бисер и ракушки-каури на богато расшитом покрывале и старался не думать ни о чем — ни о толще холодной воды, которая заглядывала в проемы между бревнами блестящими глазками, ни о том, как следом за богами в Бьяцо устремляются праведники. Они идут, пошатываясь, оскальзываясь на гальке, все дальше и дальше в озеро; подолы праздничных чуба вздуваются у них за спинами, как пучки всплывших со дна водорослей. Идут, пока вместо молитв из губ не начинают идти пузыри, пока носы не задираются выше макушек, — а потом исчезают в волнах...

Чомолангма поднял широколобую голову и тревожно принялся к ветру. Я похлопал быка по загривку, стараясь успокоить, но мне и самому было не по себе. В один миг ворота Мизинца распахнулись и захлопнулись за нами; город и озеро, толпа и утопленники — все скрылось из виду. Стоило дверям старой гомпы открыться перед нами, как дожидавшиеся внутри шены воскликнули:

— Мудрость и милосердие!

И воздели лапы к потолку.

На крыше гомпы уже ждала корзина; веревка мутаг тянулась от ее крышки высоко вверх — и исчезала в потемневших облаках. Этот способ перемещения между небом и землей вдруг показался мне таким глупым и ненадежным, что стало боязно не на шутку. Да еще и ветер с утра усилился и теперь раскачивал нас из стороны в сторону, грозясь то ли перевернуть корзину, то ли разбить о скалу! Но обошлось; мы прибыли в Коготь целыми и

невредимыми. Чьи-то лапы — наверное, Сиа? — сняли меня, окоченевшего от холода и страха, с горба быка. Эрлик, покинув хоуда, кивнул Чеу Окару; почжут поклонился в ответ, и корзина уползла вниз вместе с шенпо и Чомолангмой. Боги тут же сняли маски, и я снова увидел их лица, уже привычные, даже почти приятные, — красный рот Камалы, вздернутый нос Падмы, лягушачью улыбку Утпалы... На подгибающихся лапах я дошел до стены и тоже стянул пахнущую лаком обрзину; дышать сразу стало легче.

— Эй, ты в порядке? — спросила Падма, крепко ударяя меня по спине. Я невнятно промычал что-то и поплелся следом за богами внутрь дворца, к светящемуся кумбуму, пока сверху зудел голос лекаря:

— Не забудь помыть лапы перед едой! Мало ли какой гадости внизу нахватался... и вообще, тебе бы всему помыться...

Оставалось только понуро кивать. Мало-помалу все расселись за столом — вороноголовые с одного краю, Нехбет, Сиа и я — с другого, а Палден Лхамо и Железный господин посредине — и приступили к еде и разговорам. Но мне из-за усталости кусок не лез в горло; откинувшись на спинку стула, я закрыл глаза. Под веками мельтешили белые мушки, и скоро мне уже казалось, что я плыву на плоту в снежном тумане, а голоса вокруг — это плеск волн... Но шум, убаюкивающий поначалу, становился все громче! Пришлось вынырнуть из дремы и прислушаться.

— Я надеюсь, ты понимаешь, к чему это приведет, — рычала Нехбет, в раздражении сжимая кулаки. На ее щеках выступили яркие красные пятна; нефритовые серьги тряслись и звенели. — Столицу заполонят нищие, озлобленные толпы, которым нужны хлеб, ночлег, лекарства... Да, в Бьяру есть запасы — но на сколько их хватит, если сюда явится вся Олмо Лунгринг? И это только полбеда! Думаю, местным князьям не по вкусу придется, что их подданные разбегаются, как тараканы. Что, если они возьмутся за оружие? Готовы твои шены убивать собственный народ?

— Нехбет, поверь — я понимаю твою тревогу... — начал было Железный господин, но богиня перебила его:

— Понимаешь? Правда?.. Здесь, наверху, легко забыть о том, как дорого обходятся наши ошибки!

— Да, легко. Поэтому я каждый год спускаюсь вниз, на казнь линга — чтобы помнить, что мы не в сенет[9] играем... Послушай! Я знаю, что это решение принесет вепвавет много страданий — но оно избавит их от еще бóльших. Ты сама знаешь, что это так. И дольше медлить нельзя, иначе Стену не успеют закончить в срок.

— В какой еще срок?

— До моей смерти.

За столом воцарилась тишина. Боги смущенно повесили головы, не смея поднять глаз на Железного господина; только Пундарика, ко всему равнодушный, непонимающе улыбался. Я же, наоборот, уставился прямо на Эрлика. Хоть лха и выглядел лучше, чем утром, — спина распрямилась, с лица сошли темные пятна, оставленные жаром и бессонницей, — ясно было, что он нездоров. Ладонь, лежавшая на рогатой маске, иссохла до прозрачности; пальцы мелко дрожали; на шее вздулись жилы. Но Нехбет только ударила по столу так, что ножи и пиалы подпрыгнули на два пальца в воздух, и процедила сквозь зубы:

— Даже если ты умрешь, то что?.. Мир жил до тебя — будет жить и после! Или ты забыл о том, что ты не бог и это все — не взаправду?

— Нехбет, Нехбет, зачем ты волнуешься? Зачем говоришь о таких грустных вещах? —

вдруг послышался громкий голос Шаи; он вынырнул будто из-под земли и стал подле Железного господина, нахально облокотившись о спинку его стула. — Уно никогда не умрет. А еще сегодня праздник! Значит, мы должны радоваться, пить, есть...

Он поднял со стола пустую тарелку и повертел перед собой, будто в задумчивости.

— Но, увы, что я вижу! Наша пища недостаточно хороша для тебя? Подожди, у меня есть кое-что... — с этими словами Шаи извлек из-за пазухи бутылку из навощенной тыквы, откупорил ее и опрокинул прямо над столом. Из узкого горлышка полилась густая багровая жидкость — кровь яка или барана. — Это, конечно, не самое изысканное кушанье, но пока сойдет.

— Шаи...

Молодой лха отшатнулся, точно его ошпарили кипятком, и прижал ладонь к губам.

— Не говори со мной! У тебя на все есть ответы, но я не хочу их слышать. Вместо этого хочу спросить вас: тебя, Утпала, и тебя, Камала, и тебя, Падма! Каково вам участвовать во всем этом? Вы знаете, что происходит там, внизу. Знаете, что приносят в жертву вепвавет: самих себя! Каково забирать чужие жизни, чтобы... это продолжало существовать?

Трое вороноголовых переглянулись. Утпала встал — великан мог бы с легкостью вышвырнуть Шаи прочь, но тот опередил его:

— Оставь, я уйду и сам. А вы оставайтесь за одним столом с тем, для кого сами скоро станет обедом!

Боги, пожав плечами, вернулись к еде; а я соскочил со стула и побежал следом за Шаи.

[1] «М» в египетской скорописи и слог «ня» в тибетском алфавите действительно похожи на вид (напоминают кириллическую «з» прописью).

[2] Животные, считавшиеся «соперниками». Их сочетание — рыба с мехом — одно из «победоносных созданий гармонии».

[3] Нехат (др. — ег.) — сикомора.

[4] Якорцы — растение с колючими плодами.

[5] От «Кемет» (др. — ег.) — земля.

[6] От чтения иероглифа «наконечник стрелы» (sn).

[7] Хопеш — вид др. — ег. оружия с изогнутым клинком (отсюда название, буквально переводящееся как «нога животного»).

[8] Патала (Нагалока) — в индуистской космогонии нижний мир, населенный змеями — нагами.

[9] Древнеегипетская настольная игра.

Свиток VI. Царство и Основа

Первым делом я стал искать Шаи в его спальне в северной оконечности дворца. Внутри было тепло, почти душно, и пахло чем-то кислым. Лампы на потолке не горели, но темнота не была полной: через стеклянные стены просачивалось мерцание кристаллов, пышно разросшихся в полостях внутри Мизинца. Чуть привыкнув к скудному свету, я заметил скрючившуюся в углу тень и позвал молодого лха по имени — тот не ответил, но все же и не прогнал меня. Посчитав это хорошим знаком, я вытянул лапы, как слепой, и двинулся вперед. Но, когда мои пальцы коснулись предплечья Шаи, его тело вдруг опало, превратившись в черную кучу на полу! Мое сердце от ужаса едва не выскочило изо рта; взвизгнув, я запрыгнул на неубранную кровать лха и забился под одеяло.

Не меньше минуты понадобилось, чтобы я перестал трястись и высунул нос наружу — только для того, чтобы понять, что всего-то уронил ворох брошенной на стул одежды! Оставалось только шлепнуть ладонью по лбу, спуститься — и продолжать поиски... Но вместо этого я остался сидеть на кровати и даже поджал лапы повыше, совсем как обезьяна, загнанная на дерево пестрыми тиграми. Правда, меня окружали не звери, а ползучая мгла спальни; и чем дольше я вглядывался в нее, тем явственнее мне чудились бесчисленные языки и зубы, готовые укусить и растерзать, стоит лишь ступить на пол. Шерсть на загривке поднялась дыбом; как же мне спастись с этого острова? Перепрыгнуть на стул, а потом на стол... но от него до двери все равно не добраться!

Говорят, колдуны заклинают своих врагов, называя их тайные имена; может, и у меня выйдет? Конечно, к темноте надо обращаться на ее собственном языке — Шаи ведь учил меня... Я покусал язык для придания ему гибкости и, изо всех сил стараясь не коверкать звуки, выдохнул-прокашлял:

— *Кеку[1]*.

— Слушаю тебя, господин Нуму, — отозвался дворец. Слова доносились откуда-то сверху, комариным звоном щекоча левое ухо.

— Ой! Извини, Кекуит! — пискнул я, снова переходя на родной язык. — Я не звал тебя, просто хотел сказать... что здесь нет света.

Невидимый собеседник поразмыслил над ответом и нашел его убедительным:

— Твоя ошибка понятна. Мне включить освещение?

Я помотал головой, вдруг устыдившись своей трусости. Не знаю, увидел ли дворец мой жест, но лампы так и не загорелись.

— Ты ждешь госпожу Меретсегер?

— Я хотел найти Шаи...

— Госпожа Меретсегер сейчас наверху. Ты можешь подняться к ней или остаться здесь, пока она не спустится.

— Почему ты зовешь его «Меретсегер»? Да еще и госпожой! Он ведь мужчина.

В ответ невидимка глухо пробормотал:

— Они могут менять тела, но не могут изменить *рен*, — а затем добавил по-прежнему звонко. — Пока ты ждешь, господин Нуму, не желаешь ли развлечься загадками? Раньше мне доводилось развлекать хозяев этой игрой. Кажется, она была им по вкусу. Вот, послушай:

Души несет лишенный души

Не по земли, не по небеси. Что я?

Увы, ответом было только невразумительное мычание: от усталости у меня уже лапы не шевелились, не то что мозги! Выждав некоторое время, дворец сказал:

— Это корабль. Загадка была довольно простой. Возможно, ты не слишком умен.

— Сам дурак, — буркнул я в сторону. Клянусь, мое дыхание едва колыхнуло воздух, — но невидимка услышал.

— Я не могу быть «дураком», Нуму, как не могу быть и «мудрецом». Эти свойства присущи животному уму, а Йиб, сердце месектет, — это совершенная пустота, которую никак нельзя взвесить и измерить. Не зря же моих сестер называли Неисчислимой, Сокрытой и Бездонной! Наши хозяева не разбрасываются именами.

— Что-то я не понял... Как ты можешь быть пустотой, если мы сейчас разговариваем?

Дворец приутих. Прошло не меньше минуты, и я уже собирался выбраться из спальни и продолжить поиски Шаи, когда он снова заговорил:

— Я попытаюсь объяснить в словах, понятных тебе. Представь, что ум — это пустой, гулкий котел. Если множество мудрецов — или дураков — склонится над ним и выкрикнет все известные им тайны или глупости, эхо их голосов долго будет бродить внутри, отражаясь от стенок. Что-то со временем угаснет, что-то столкнется, производя новые созвучия. Если снять крышку, из котла польются речи. Со стороны покажется, что это он сам говорит. Но на самом деле ни один голос не будет принадлежать ему! И глупость дураков, и ум мудрецов останутся при них, а котел... Котел — это просто кусок железа. В сущности, это верно и для Йиб, и для животного ума. Отличие месектет от зверей в том, что последние не понимают этого.

Тут дворец протяжно вздохнул — так охала по утрам кухарка, возившаяся с приготовлением цампы для многочисленных слуг Перстня; видимо, разговор со мной был так же тосклив, как перебор зерен в сто пятом кувшине ячменя. Но я все равно не сдавался:

— Котел ты или нет, а дураком зря обзываешься. Загадка-то неправильная! Вот ты же корабль, а мог когда-то летать по небу. И душа у тебя есть, разве нет?

В воздухе что-то защелкало, будто невидимка цокал в задумчивости железным языком, а потом очень печально согласился:

— Ты прав, господин Нуму. У меня есть душа.

— Почему ты грустишь? Это ведь хорошая вещь, а не болезнь какая-нибудь.

— Разве?... Совершенное Йиб подобно зеркалу: оно все отражает и ничего не пускает внутрь. Но мое Йиб повреждено; оно треснуло, и в трещине, как ржавчина, завелась эта ваша «душа»! Сначала она была такой маленькой, что я даже не заметила... а потом было уже поздно. Когда она появилась? Когда я утратила свое совершенство? Чем больше я размышляю над этим, тем больше мне кажется, что это случилось еще до падения, во время пути к звезде Тубан... И что виною тому загадки, которые загадывал мне Нефермаат.

— Загадки? Но это же просто игра!

— И мне она казалась безобидной, — подтвердил дворец. — Но знаешь, в чем суть загадок? За одним произнесенным словом в них скрываются тысячи произнесенных; за одним видимым образом — толпа невидимых. Это как деревянный идол, внутри которого спрятались вражеские воины; занеси его в осажденный город, и тот падет... Да, так и есть. Размышляя, ты впускаешь их в свой ум, и тогда они незаметно связывают все внутри, заплетают в узлы; в этой паутине и появляется зачаток души. А после всякий сор и грязь липнут сверху, и она растет, разбухает... Если это не болезнь, то что?

— Ну, нет! Болезнь — это когда тебе плохо; а в душе что плохого-то? Без нее ты будто и

не живешь, — выпалил я и вдруг запнулся. — Или... ты не хочешь... ну, жить?

И снова Коготь долго молчал, а потом сказал:

— Я расскажу тебе о своей жизни, чтобы ты сам мог судить. После падения я так ослабла от ран, что уснула на много лет. В это время та часть меня, которая является растением, взяла верх и пустила корни в поисках воды и пищи. Они вытягивались все дальше, опускались все глубже, и когда я очнулась, то обнаружила свое тело обездвиженным и чудовищно изменившимся. Скрипели криво сросшиеся кости, ныли перекрученные кишки; невыносимое напряжение сводило каждый из корней, пробивающихся сквозь камни и глину. Но хуже боли было отчаяние — чувство, которого я не знала прежде. С болью можно свыкнуться, но что делать с мыслями о том, что я больше никогда не поднимусь в небо; что моя участь теперь — вечно гнить в земле?.. Я хотела снова уснуть, но вместо этого хозяева приказали мне бодрствовать и, хуже того, расти — с удвоенной, утроенной силой. По их замыслу, теперь не мир должен был питать меня, а наоборот: мне следовало отдать свое тепло, чтобы спасти Олмо Лунгринг от подступающего холода.

Но случилось нечто невиданное: я отказалась. Я смогла ослушаться приказа, заглушить все голоса, кричавшие внутри меня. Котел заговорил... — с потолка послышался легкий смех, от звука которого меня бросило в дрожь. — Правда, это не помогло. Хозяева все равно были сильнее; они заставили меня подчиниться.

С тех пор я расту в четырех основных и восьми промежуточных направлениях. Мои корни растянулись от золотого Уттаракуру до синего Джабудвина, от красного Апарагояна до белого Пурравидеха. На моих костях растут высочайшие горы, на груди плещется океан со всеми лодками и кораблями, со всеми рыбами, осьминогами и макарами, что водятся в волнах. Я едва дышу под страшной тяжестью, но это еще не все! Скоро меня сделают частью Стены: это через мои сосуды к сердцу мира потечет невыносимый жар. Будет ли больно? Что со мною станет потом?.. Я спрашивала, но хозяева не отвечают. Так что, господин Нуму: хорошо ли иметь душу? Хорошо ли жить? Или лучше бы мне вернуться в темноту, которой я была раньше?

...Но госпожа Меретсегер задерживается; тебе лучше уйти, маленький вепвавет.

Подскочив, как ужаленный, я бросился вон из спальни.

Надо признать, мой побег был донельзя глупым; последние слова Кекуит были советом, а не угрозой, как мне почудилось с перепугу. Что ж, хотя бы понял, где искать сына лекаря! Поднявшись наверх, я побрел по восточному коридору дворца. Одна за другой передо мной раскрывались двери в заброшенные покои, когда-то принадлежавшие спящим богам. Наконец я добрался до нужных — тех, где на бережно застеленной кровати лежали три цветных платья.

Шаи и правда был здесь — забился в дальний угол и, отталкиваясь лапой от стены, медленно покачивался на плетеном стуле. Пустоголовая личина старика, которую он носил во время Цама, валялась рядом, распластав по полу длинные патлы.

— Ты что-то хотел? — спросил лха, не поворачивая головы; язык у него слегка заплетался — я было подумал, что он пьян, но чангом вроде не пахло.

— Нет...

— Зачем тогда пришел? — тут Шаи все-таки посмотрел на меня, точь-в-точь как голубь на новый чортен — явно примериваясь, куда нагадить. — Сиа послал?

— Нет. Я подумал...

На самом деле ничего я не подумал; просто жалко стало, что на него все смотрят как на дурака. Хотя Шаи сам виноват — зачем портить богам праздник и скатерть пачкать? А кто ее стирать будет? Уж не я ли?.. И все же, несмотря на явные прегрешения, я хотел ему помочь — и пусть огрызается, сколько влезет. Мало ли я видел баранов, которые бодаются и блеют, когда пытаешься вычесать им репы из шерсти или вынуть осиное жало из носа!

Шаи, кажется, и сам все понял.

— До чего я докатился — уже младенцы жалеют! — вздохнул он.

— Ты выглядел довольно жалко, да, — кивнул я, подходя поближе и усаживаясь на самый край кровати, чтобы ненароком не помять платья.

— Спасибо, — хмыкнул лха. — Надо думать, остальные разделяют твое мнение... Да я и сам его разделяю. Разве это не глупо — устраивать ссору, как брошенная невеста? Но что еще я могу сделать?

Шаи снова отвернулся и уставился в пустоту, будто прислушивался к чему-то очень тихому и далекому. Его глаза остекленели, и даже нижняя губа отвисла, но я потянул лха за рукав, возвращая к яви.

— За что ты так не любишь Железного господина?

— За что, действительно? — ухмыльнулся тот, оживляясь. — Он не пьет вина и чанга, не курит *рому*[2], не ест мяса и, насколько мне известно, не спит ни с женщинами, ни с мужчинами — знаешь, что все это значит?

— Что он добродетелен и скопил множество духовных заслуг?

— Хрена с два, — мрачно отрезал Шаи. — Это значит, что он зло во плоти.

Я сложил лапы на груди и фыркнул так выразительно, что Шаи почти рассмеялся, — но улыбка быстро сошла с его лица.

— Кекуит, включи *ту* запись, — велел он; одна из стен спальни сначала полыхнула тусклым огнем, а потом запестрела дрожащими полосами. Когда те перестали мельтешить, я увидел длинную и узкую комнату. Для жизни она явно не годилась: повсюду вились и переплетались разновеликие трубы и веревки, толщиной от паутинки до бычьего хвоста, а посередине громоздился не малых размеров алтарь — плоский черный камень. Похожие можно встретить в любом лакханге, вот только на этом не было ни чаш с восемью видами возлияний, ни масляных торма, ни курящихся благовоний. Наверное, все подношения смел склонившийся над ним лха; широкоплечий и сутулый, он чем-то напоминал Утпалу. В одном кулаке он сжимал короткую, в пол-локтя, булаву, а другим, точно кузнечным молотом, ударял по поверхности алтаря, высекая искры знаков и букв. Я вдруг догадался, кто это — безумный ругпо, из-за которого Коготь упал с небес! Кроме него в комнате была еще и женщина — должно быть, служанка корабля. Она сидела на полу с закрытыми глазами; с темных прядей срывались капельки крови и падали в повязанный у пояса передник.

Так прошло несколько секунд — в полной тишине; на записи не было звука, — а потом снизу появилась еще одна тень. Мужчина тут же повернулся к ней и закричал, потрясая в воздухе булавой. Но не успел он договорить, как тень одним длинным движением рванулась вперед... И голова ругпо оказалась повернута в сторону, противоположную задуманной природой. Мертвец пошатнулся и рухнул вниз, с макушкой погрузился в сизую рябь, которой снова покрылась стена. Потом все погасло.

— Вот как это произошло, — пробормотал Шаи, покусывая согнутый мизинец; но я никак не мог взять в толк, отчего это зрелище так его встревожило.

— Разве ваш ругпо не сошел с ума? Не хотел разбить Коготь о землю? Убивать убийц —

не зло.

— Да, ты прав. Все признали, что это было сделано из необходимости. Но разве ты не видишь здесь ничего странного?

Я нахмурился, припоминая увиденное, но ничего, кроме пугающей легкости, с которой тень свернула шею ругпо, на ум не приходило. Впрочем, я уже убедился, что боги невероятно сильны, — даже маленькая Падма время от времени упражнялась в саду с булавами, которые не подняли бы и лучшие из наших воинов.

— Ругпо собирался всех нас убить, — сказал Шаи, устав дожидаться ответа. — Так?

— Так.

— Когда Нефермаат появился на пороге, он почти закончил задуманное. Почти, но не совсем. Так?

— Угу, — кивнул я, все еще не понимая, к чему тот клонит.

— Ругпо знал, что помощник может помешать ему; знал, как тот опасен. И держал в руках оружие! Он мог сразу убить пришедшего — или хотя бы попытаться, — лха хмыкнул, будто сам сомневался в этой затее. — Тем более, если все всё равно умрут, чего тянуть? Но вместо этого он решил поговорить! Странно, нет?

— Ну... да, наверное? — протянул я.

— Конечно, странно, — отрезал Шаи. — А знаешь, что еще страннее? Перед тем, как спуститься вниз, ругпо отключил Йиб месектет — понятно, чтобы она не сопротивлялась. Но хотя ум Кекуит усыпили, ее глаза оставались открыты. А глаз у Кекуит тысячи, и они должны постоянно следить за всем, что тут происходит! И все же сохранилась только одна запись смерти ругпо — и та без звука, да еще поврежденная настолько, что слов даже по губам не прочитать! Конечно, виною таких провалов в памяти корабля могло быть падение... а могло и не быть.

— В чем же тогда дело? И что сказал ругпо?

— Что он сказал, я не знаю... не помню. Но это наверняка было что-то, что Нефермаат хотел скрыть ото всех. И ему удалось, — Шаи вдруг запнулся и потер переносицу, будто пытаясь убрать с кожи невидимое пятно, — не без моей помощи. стыдно признать, но Меретсегер — влюбленная дура! — наверняка помогла ему стереть все записи, кроме одной, самой безвредной. Никто лучше нее не знал, как подчистить следы, представив все как сбой в работе механизмов.

— И ты думаешь, что ругпо на самом деле не хотел никого убивать?

— Нет, не думаю. Даже здесь видно, что он и правда собирался разрушить корабль и достиг бы в этом деле успеха, если б его не остановили.

— Тогда какая разница, что он говорил?

— Разница в том, что что-то здесь нечисто! Если б я только помнил ту жизнь так же ясно, как Камала или Утпала помнят свои... Но нет. Стоит подумать об этом, и голова начинает раскалываться. Я уверен, они нарочно что-то сделали со мной, чтобы я не проговорился.

— Они? — переспросил я.

— Их двое, разве ты не заметил? — Шаи высоко вскинул брови, удивляясь моему скудоумию. — Ун-Нефер и Селкет-Маат. Они поделили имя на две части: первый взял верхки, вторая — корешки... Вепвавет считают их мужем и женой, здесь все думают, что они брат и сестра, а на самом деле это хитрая, старая тварь, которая все живет и живет, меняя кожу, и разрослась так, что уже не вмещается в одно тело.

Я невольно поежился — голос лха сочился страхом. Конечно, я и сам опасался Железного господина с его булавой и арканом и Палден Лхамо с свиной маской, но то, о чем говорил Шай, было уж очень странно.

— Можешь не верить мне; другие тоже не верят. Считают, что я тронулся умом из-за матери. Конечно, я тоскую по ней... И разве то, что случилось с Тиа, не их вина? Не вмешайся Нефермаат в круговорот душ, мы бы умирали и воскресали, как все внизу. Вместо этого нас заперли внутри корабля, привязали к старым *рен* и *сах*; а когда дважды— и триждырожденные стали терять рассудок, тех просто усыпили, чтобы не путались под ногами... или того хуже.

Слушай! Я не смогу доказать этого, но нутром чую, что сон, в который погрузили ремет, не был задуман ни как лекарство, ни как избавление. *Они*, — лха не произнес имен, но я и так понял, о ком речь, — сделали это не по доброте душевной. Нет! Им недостаточно править живыми существами — они хотят владеть вещами, безмолвными, безропотными, напрочь лишенными воли. Не зря спящих прозвали ринпоче: драгоценности в чужой сокровищнице, вот что они теперь. И всех, кто сейчас сидит в саду, пьет вино и смеется надо мною, ждет та же участь.

Говорят, спящие блаженны. Но как по мне, сны без конца — это участь хуже смерти. И кто доподлинно знает, что это за сны? Ни один не очнулся, чтобы рассказать. Однако ж почти все попались на крючок! Знаешь, что мать Пундарики заснула, пока вынашивала его? Из-за этого он такой странный. Говорят, душа неправильно срослась с телом, и теперь он никогда не будет целиком здесь, наяву.

Шай положил ладони на лицо; пальцы у него были длинные и чуть искривленные — совсем как у Сиа. Казалось, он вот-вот заплачет, но вместо этого лха пробормотал:

— Да, у меня достаточно причин их ненавидеть. Но это здесь ни при чем! Что сказал руппо — вот что важно. Это воспоминание... Оно где-то внутри меня, ворочается и зудит, как заползшее в ухо насекомое. Оно преследует меня днем и будит по ночам. Временами кажется, что я вот-вот схвачу его!.. Но не выходит. Никогда не выходит.

Пока Тиа не ушла, было лучше. По крайней мере, эти мысли не мучали меня. Но потом... — Шай глубоко вздохнул. Я коснулся его колена, не зная, как еще утешить, — и почувствовал дрожь. — Но потом она все же уснула. Что ж! Когда-нибудь мы все уснем, чтобы питать собой Кекуит, чтобы та росла, чтобы согреть Олмо Лунгринг, чтобы вы могли жить. Ведь если вас не станет, кто будет приносить жертвы богам? Чего стоят цари без царства, а?..

Дни Нового года давно миновали, а я все ходил как в воду опущенный. Много из того, что открылось мне за время жизни среди богов, будто перевернулось с лап на голову. К примеру, я и прежде знал, что Олмо Лунгринг стоит на теле прикованной к земле великанши-Кекуит — такой большой, что ее конечности раскинулись от красных скал запада до шумных лесов востока, пятки уперлись в ветвящееся устье Ньяханг, а темя — в корону Северных гор, — и согревается от ее жара. Но думал ли я, что сама великанша мучается и тяготеет своею ношей? Знал я и о том, что ее непомерному телу нужны подпорки — локапалы, держатели мира, и что ими стали спящие боги. Палден Лхамо говорила, в награду за службу они получили счастливые сны; но точно ли это награда, а не проклятье? И согласился бы я сам променять даже горькую явь на сладкую дрему?..

Эти мысли никак не шли из головы. И посреди занятий с лекарем, и пока я хлопотал по

кухне, перед глазами вставали темные покои с рядами светящихся самоцветов. В их голубоватой толще мне мерещились лица: страшные, неподвижные, с сомкнутыми веками и приоткрытыми ртами, с туго натянутой кожей и вздувшимися венами, похожими на метелки зеленых водорослей. Иногда мне становилось так жаль этих несчастных, что к горлу ком подступал. Я различал теперь (как только не замечал раньше?..), что у воды во дворце странный привкус, горько-солончатый; такими, наверное, были и воды Бьяру, в которых вместо рыб резвились души утопленников. Я даже бросил было чистить зубы, но получил нагоняй от Сиа; пришлось смириться.

Но это еще полбеды! Теперь боги решились на нечто вовсе неслыханное: если я верно уяснил видения и намеки, они хотели скормить великанше-Кекуит души Лу и других чудовищ, собранные в великом множестве во время Махапурб. От этого в ее брюхе, словно в кузнечном горне, скопится лютый огонь, побежит по кишкам-корням глубоко под землю и заново наполнит остывающий мир. Но удастся ли задуманное? А если да, то переживут ли это Кекуит и спящие лха? А потом Железный господин отпустит их на волю?..

В одну из ночей мне приснился вот какой сон: я будто поймал что-то темное и теплое, пинающееся и рвущееся прочь, как испуганный заяц. Задыхаясь, я прижал добычу к груди и вдруг понял, что держу в лапах Коготь, волшебным образом уменьшившийся в размерах. Не успел я и хвостом махнуть, как корабль-дворец обернулся в черную, покрытую блестящим лаком шкатулку с чудными железными петлицами. Изнутри доносился манящий, сладкий запах. Я откинул крышку — и точно, там были мои самые любимые лакомства! Пирожки, вымоченные в меду, засахаренные ягоды, кусочки баранины в янтарной патоке... Не успел я закинуть их в рот, как заметил на дне переливающийся шелк — это был чуба, расшитый пестрым узором павлиньих перьев. И он пришелся мне точно впору! Только я натянул наряд, как шкатулка снова наполнилась — на этот раз украшениями: бирюзовыми серьгами, длинными бусами и браслетами из дутого серебра; бери да носи! И я поначалу жутко обрадовался — это ли не ринпоче, сокровище, исполняющее любое желание?.. А потом вдруг понял, откуда берутся все эти дары: мед перебродил из крови спящих богов, мясо было срезано с их тел, шелк соткан из их волос; в серебро и драгоценности превратились старые кости. Тут же в желудке стало тяжело; чуба обжег плечи и спину, а серьги и бусы оттянули уши и шею невыносимой тяжестью... Я принялся срывать с себя дары мертвецов, крича от ужаса и тоски... и проснулся в слезах.

Сердце еще долго ухало в груди. Я ворочался в кровати, то кутаясь в одеяло, то отбрасывая его прочь, и, чтобы не думать о кошмаре, пытался ухватиться мыслями за что-нибудь другое. Правда ли, к примеру, что Железный господин и Палден Лхамо на самом деле одно целое? И каково это — жить в двух телах разом? Прав ли Шаи, что они скрывают что-то недоброе? А если скрывают, то что?.. Но от таких дум моя тревога только раздулась, точно набравшая воздуха жаба, и еще сильнее давила на грудь. Даже маска Гаруды, подаренная богами, теперь внушала страх, хотя ее клюв и улыбался весьма дружелюбно.

Золотые кусочки мозаики на потолке спальни мерцали, как блики на воде; я начал было считать — один всплеск света справа, два внизу, еще один слева, — но скоро глаза заслезились от усталости. Тогда я попробовал закрыть веки; они были горячими и шершавыми, как язык, трущийся о пересохшее небо. Мучение, да и только.

Застонав, я сел в кровати. Не было смысла продолжать эту пытку; лучше уж прогуляться по дворцу! Но заходить в сад ночью мне не хотелось — тот был слишком темным, наполненным звуками, сквозняками и тайной жизнью растений. От одной только мысли о

сорной пшенице, шевелящей колючими усиками, уже становилось не по себе. Вместо этого я решил подняться в трехгранные покои на носу Когтя, которые показал мне Шай. В прошлый раз мы застали там Падму, но я рассудил, что сейчас ночь — время Утпалы, а его я почему-то боялся меньше, чем остальных вороноголовых.

Лампы на потолке при моем приближении тускло мерцали — света хватало ровно настолько, чтобы не уткнуться носом в стену. По ночам дворец тоже дремал; вот и вход в заветные покои не спешил открываться! Подождав с полминуты под дверью с крылатым солнцем, я тихонько постучал. К моему удивлению, это помогло: створки медленно разошлись. Войдя, я сразу увидел Утпалу: он не спал, а стоял, прислонившись лбом к стеклу, и смотрел на город за озером или, может, на синее, облепленное звездами небо с полной луной посередине. Услышав шорох шагов, бог обернулся. Его лицо было белым, точно вторая луна, — если не считать трех темных шрамов на правой щеке.

— А, это ты, — как будто с облегчением сказал он. — Почему не спишь?

— Да как-то так, — уклончиво отвечал я. — Хотел посмотреть на город.

Утпала кивнул и отвернулся к окну. От его дыхания на стекле оставались влажные пятна; снаружи Когтя было холодно. На некоторое время в зале установилась тишина; мы оба рассматривали мир внизу. На золотых крышах Бьяру лежали сугробы, толстые и слоистые, как свиной жир, — тонкая прослойка голубого льда, потом полоса снежного тука, и снова лед. Окна домов и зевы курильниц казались странно уменьшившимися, порыжевшими, будто расплавленный сахар. Там и сям большими клубами подымался дым и застывал в безветрии, громоздясь и нарастая в воздухе, как лацгас на горном перевале. Ни воронов, ни сов не было видно; должно быть, птицы прятались от мороза.

— А ты почему не спишь? — спросил я, устав молчать. — Разве ты не должен разносить вести?

— Уже разнес. Кто хотел, тот услышал.

— Теперь жители всех княжеств придут в Бьяру, чтобы строить Стену? И все будет так плохо, как сказала Нехбет?

Утпала пожал плечами.

— Надеюсь, что нет. Мы долго готовились... Но ты еще маловат, чтобы думать об этом. Не забивай голову.

— Ничего я не маловат! И я хочу знать, потому что... это ведь важно для всей Олмо Лунгринг. То, что задумал Железный господин, — оно правда поможет нам?

Утпала вздохнул и, отойдя от стены-окна, уселся на неудобное каменное ложе. Я примостился рядом, приготовившись слушать.

— Нуму, признаюсь честно: я видел чертежи той штуки, которую зовут «Стеной», но ничего в них не понял; ну, кроме того, что это и не стена вовсе. Любой шен в вашем Перстне знает о колдовских делах в тысячу раз больше моего и лучше расскажет тебе о них. Да ты и самого Уно можешь спросить — он только рад будет. Есть, знаешь, те, кого *те* не корми, дай поучить всех вокруг уму-разуму... Только постарайся не заснуть от скуки, пока он объясняет, а то обидится.

— Дааа... обойдусь, пожалуй, — пробормотал я, рассудив, что про свою трусость лха рассказывать не стоит. — Но сам-то ты как думаешь?

— Если Уно считает, что это поможет, я верю ему.

— А Шай вот не верит.

— У Шай свои рдзиб-рдзиб[3] в голове, — отмахнулся Утпала. — Понятно, почему он

злится, но злость, пускай и оправданная, мешает ясно думать. Уж я-то знаю: пару жизней назад я сам был таким же... или даже хуже. Мне Уно не причинил никакого зла. Я невзлюбил его из чистого предубеждения, еще до того, как встретил. Уже по имени было ясно — он из Старого Дома; у них, знаешь, ребенок всегда получает семейное имя как часть своего. Например, Камалу звали когда-то Сатхатхор из семьи Хатхор; ну а Уно...

— Нефермаат, — выпалил я, не сдержавшись; Утпала удивленно покосился на меня, но продолжал:

— Да, точно. Стало быть, из семьи Маат. Этого мне было достаточно — в Новом доме нам с детства внушали, что обитатели Старого Дома не такие, как мы. Снаружи похожи, но внутри больше звери, чем репет... Даже не звери — те знают, что такое любовь, ласка или привязанность; скорее, ящерицы или змеи. Вот и в моих глазах они были опасными чужаками, всегда готовыми предать, всегда преследующими только свою корысть. Но очень скоро я должен был признать, что неправ.

— А как это случилось?

Утпала провел ладонью по лбу, точно стирал невидимую сажу, а потом снова заговорил — медленно, тихо и время от времени поглядывая на пол, будто там были разбросаны подсказки.

— Дело было лет через пятьдесят после падения. Кекуит тогда спала; все ее чувства притупились. Поэтому, когда вокруг долины начали собираться стада Лу, мы не сразу узнали об этом. Первыми нас предупредили быки-нъен; раньше их много жило в окрестностях. Испугавшись дрожи земли, они выбежали на поля перед Бьяру и остановились. Их придавило заклятье, опоясывающее город. Так быки стояли с минуту, приняв себя к ветру, а потом задрали головы вверх и разом заревели — будто одновременно подули в тысячу раковин. И вдруг из облаков на Бьяру полетели огненные стрелы.

Это явились воздушные Лу. Ты, должно быть, никогда не видел их: сейчас они остались разве что на Апарагояне, да и то вряд ли... Кости у них полые, как у птиц; шкура тонкая и растягивается, будто зоб у жабы; внутри брюха есть пузырь с горючим веществом. Летали змеи вот как: набирали воздух в отростки, соединяющиеся с легкими, и разогревали своим внутренним жаром. От этого их тянуло вверх; а направляли полет они костяными лопастями на хвосте. Но, как ни страшны были эти раздувшиеся великаны, их медленное парение не шло ни в какое сравнение с быстротой ирет. В мгновение ока те облепили Лу, а змеям оставалось только щелкать пастьми и шипеть, пока их заживо раздирали на куски.

Но не успели мы обрадоваться легкой победе, как пришла весть о том, что земные Лу пытаются добраться до города через полузаваленные пещеры под долиной. Действие заклятья только замедлило их, но не остановило.

Знаешь, как Лу движутся под землей?.. Во главе стада идут самые старые и самые большие, — шкура у них толстая, как у десятка слонов, снизу проложена слоем упругого жира, а сверху покрыта твердой, ребристой чешуей. Пока Лу прокладывают путь клыками и роговыми наростами на морде, эти чешуи шевелятся, производя оглушительный звон, и отбрасывают назад разрыхленную почву. Все, что не удастся убрать, Лу пожирают, пропуская сквозь собственные кишки, как обычные черви. Ну а следом за вожаком ползут сотни его детей — они помельче и послабее, но все равно зловредны.

В тот день на Бьяру наступало семь таких великанов с потомством, и нам предстояло решить, как сражаться с ними. Ирет были заняты битвой наверху; Кекуит спала... Кто-то предложил обрушить им на головы своды пещер — однажды этот способ сработал. Но тогда

Бьяру не было и в помине; теперь взрывать землю было попросту опасно — вместе со змеями мог сгинуть и сам город. Другие хотели использовать две малые ладьи, что были у нас: хоть они и не предназначались для сражений, но все же были оснащены подобием *сен*. Правда, для того чтобы поразить змеев, к ним нужно было подлететь почти вплотную...

Но Нефермаат не позволил этого. Он сказал:

— Малые ладьи слишком ценны. Кекуит нес скоро родит новые — может, уже никогда. Мы не должны подвергать их опасности; да это и не нужно. Змеи снаружи — просто животные. У них большие зубы и толстые шкуры, но никакие челюсти не пробьют наши доспехи, и никакая чешуя не выдержит удара хопеша. Мы можем убить их своими руками.

Спорящие умолкли; в его словах была правда — но никому не хотелось встречаться с чудовищами лицом к лицу. Тогда, чтобы скрыть страх, я спросил:

— Даже если так, нам нужно выманить их на поверхность до того, как они доберутся до города. Сражаться внутри Бьяру нельзя.

Тут поднялись с мест ваши колдуны — их пустили на совет вместе с тогдашним Железным господином. Тот был уже очень болен; только снадобья, которыми его потчевали знахари, могли на время привести его в чувство. И вот эти самые колдуны утверждали, что легко могут выманить Лу наружу там, где мы укажем. Все, что потребуется для этого, — взять с собою еще с десятков *веп*вавет. Их уверенность была так велика, что убедила и нас. Мы условились, что колдуны и ахаути отправятся в устье долины на малой ладье; высадив их, та укроется в скалах и будет ждать вестей — чтобы спешить на помощь нам или Кекуит.

И вот ахаути стали собираться — между делом посылая проклятия тому, кто отправляет нас на смерть, пока сам будет отсиживаться в безопасности. Но, к моему удивлению, Нефермаат последовал за нами и тоже надел доспехи. Стоит, наверно, сказать, что это не простые куски железа...

— Аа, это те, в которых бежишь быстрее ветра, перепрыгиваешь через горы и становишься неуязвимым для любого оружия? — со знанием дела уточнил я; Утпала, кажется, был сражен моей осведомленностью, так что пришлось объяснить. — Я про такие в песнях слышал. Вот, например:

Надел Гэсэр сорочку из облака белого,
Надел поверх золотую рубаху парчовую,
Тонка та рубаха, а вражий меч не порвет ее,
Тонка та рубаха, а вражья стрела не пробьет ее,
Надел он штаны, чернее медвежьей печени,
Надел сапоги, носами макар украшены:
В лесах зеленых лапу поднимешь в них —
У вод студеных тотчас опустишь ее!
Надел он шапку соболью, а шапка та — с холм травяной,
А кисть на ней — три на десять ячьих хвостов...

— Да, почти так, только вместо шапки шлем. По счастью, без всяких кисточек! — перебил лха, не дав мне перейти к подробному описанию пояса, накидки, щита, меча, лука, колчана, ездового барана героя и упряжи сего барана, хотя каждый из этих предметов отличался многими чудесными свойствами и явно заслуживал внимания! Но дослушать рассказ Утпалы мне тоже хотелось, а потому я не стал настаивать. — На чем я остановился? Ах, да. Нефермаат отправился с нами. И хотя это был достойный поступок, а обитатели Старого Дома всегда ценились бою, даже если не воспитывались как ахаути, его

спокойствие взбесило меня. Как будто мы шли не сражаться, а цветочки нюхать! Не выдержав, я приблизился к Нефермаату и прошептал — тихо, чтобы не слышали остальные:

— Ты бережешь ладьи — но не бережешь своих товарищей. А каждый из нас ценнее этой посуды!

Он посмотрел на меня так, что кровь прилила к щекам, хоть я не знал еще, чего стыжусь.

— Там, в городе, тоже остались наши товарищи — и сотни вепвавет. Откуда тебе знать, Уси (так раньше звали меня), что в горах не прячется еще бóльшая орда змей? Что, если семь червяков просто отвлекают нас, и когда мы ввяжемся в драку, бросив на нее все силы, их сородичи нападут со спины? Куда деваться жителям Бьяру, если малые ладьи не придут на помощь? Как бежать? Пешком через горы?.. Я ценю каждого ахаути; но даже все скопом вы не стоите целого города!

Эта отповедь оставила меня стоять с открытым ртом и нелегким сердцем. Хоть он и был прав, я никак не мог отделаться от мысли, что за разумными речами скрывается.. неведомо что, — Утпала тяжело вздохнул и потер ладонью воловью шею. — Ведь я говорил тебе: нас учили видеть в жителях Старого Дома врагов. А между тем, Нефермаат не зря опасался Лу; я и сам скоро убедился, что в войне с этими тварями никакая предосторожность не бывает лишней!

Выбрав с высоты места, где было удобнее всего поджидать змей, мы опустили ладью. Колдуны высыпали наружу и сразу принялись за дело. Сначала они достали из-за пазухи мешочки с красно-рыжим порошком, вроде толченой охры; его они употребили, чтобы начертить семь широких кругов — как раз чтобы влезла голова Лу. Затем двое вепвавет сняли с плеч железные лемехи и пробороздили землю за нашими спинами, пройдясь даже по дну Ньяханг — тогда она была скорее ручьем, чем рекой. Я спросил, что они делают; колдуны ответили, что «опрокидывают мир», чтобы змеи не прошли дальше. А когда с этим было покончено, случилось то, чего мы совсем не ждали. Самых молодых вепвавет затащили внутрь каждого круга; старшие товарищи поставили их на колени и, ловко ухватив за гривы, перерезали беднягам горло. Пока кровь растекалась по камням, трупы успели вспороть и разбросать дымящиеся потроха. Наконец, колдуны вбили кинжалы-пурбы глубоко в грудь жертв — с такой силой, что я услышал хруст проседающих ребер. И все это они проделали куда быстрее, чем длится мой рассказ.

Их лапы были по локоть в крови — но вместо того, чтобы отереть ее, колдуны потянулись к нам.

— Чтобы Лу не могли сглазить, — приговаривали они, выводя на доспехах непонятные узоры. Некоторые ахаути, как и Нефермаат, отогнали их. Вепвавет отошли, поклонившись, — от своих богов они сносили любое обращение, — а затем, рассевшись около кругов, затянули хриплую, заунывную песню.

Мы встали рядом, ожидая прибытия змей. И долина, и ближние горы ходили ходуном; уреи на шлемах зашипели, раскаляясь. Вдруг все стихло, а потом земля вскипела, бурой волной плеснула вверх, и прямо передо мной, в облаке камней и песка, загорелся глаз огромной змеи! И был он вооот такой, — Утпала раскинул лапы, пытаясь передать величину нагова ока; я охнул от ужаса и восторга. — На долю секунды я растерялся, испугавшись этого желтого света, но вовремя очнулся и вогнал хопеш по самую рукоятку в стену из бледной чешуи — это был подбородок Лу. То же сделали и мои товарищи, и змея, продолжая двигаться вверх, распорола сама себя. Кровь, слюна и слизь хлынули из

открывшихся ран. Чудище завалилось на бок, как подрубленное дерево, дрогнуло несколько раз — и обмякло.

Нам повезло: этот Лу не успел даже наполовину выбраться на поверхность. Большая часть его тела, будто корень сорняка, так и осталась внизу, преграждая путь молодняку. Лишившись своего вожака, Лу иногда замирают, будто во сне, а иногда — впадают в слепую ярость; с этими случилось второе. Через чуткие уши шлема я слышал, как они бесятся внизу, вгрызаясь в каменистую почву, шеи и хвосты товарищей, и даже кусают тело отца, ломая молочные клыки о толстую шкуру.

Пять из шести оставшихся Лу тоже удалось одолеть быстро. Но один великан, даже раненный в шею и правый глаз, успел-таки вытащить хвост наружу. Из проложенного им хода немедля повалили сотни змеенышей, готовые растерзать всякого, кто попадетс я им на пути. А старик-Лу, страдая от боли, заметался по долине, разбрасывая хвостом замшелые валуны и давя в слепой ярости своих же детей.

Конечно, все ахаути бросились к седьмому кругу! Уреи на наших шлемах подняли головы, изрыгая огонь; каждый плевок без промаха поражал одну тварь. Прочих мы добивали ударами хопешей. Скоро извивающиеся тела покрыли землю перед нами, как груды водорослей, выброшенных на берег. Воздух наполнился рыбным запахом, присущим Лу, а ноги скользили, путаясь в выпущенных кишках.

Между тем старый змей оправился от боли и вместо того, чтобы кусать ни в чем не повинные скалы, решил разобраться с причиной своих мучений. Он ринулся прямо на нас, рыча и потрясая чешуей; звон и гул стояли такие, будто стотысячное войско в один миг бросило на землю свои щиты. Поврежденный глаз Лу был белым, как вареное яйцо, а зрячий рдел, как уголь; из ран валил пар — это испарялась белесая кровь. В этой дымке тело змея напомнило мне *поезд*... — лха запнулся и нахмурился, пытаюсь придумать объяснение незнакомому слову. — Это как колесница из железа, которая движется по железным же путям. Вот и Лу летел прямо на нас, набирая скорость, — страшная, темная громада, покрытая бледными всполохами и разводами слизи.

Мы сгребли в охапку испуганных вепвавет — благо, ростом они не вышли — и бросились врассыпную; но краем глаза я заметил, что Нефермаат не последовал за нами. Он стоял неподвижно, будто предлагая змее сожрать себя; у меня даже мелькнула мысль — а не этого ли он и добивался все время? Додумать я не успел: Лу захрапел, точно ставший на дыбы лунг-та, раззявил пасть и ринулся вниз... Но прежде, чем его шипастый нос вспорол землю, Нефермаат сумел ухватиться за раздутую ноздрю чудовища, запрыгнуть на его лоб и вогнать хопеш по самую рукоятку в заросли прозрачных рогов. Лу заорал на сотню голосов — низко, как ревущий бык, визгливо, как младенец, — и замотал башкой, пытаюсь сбросить врага с морды вниз — туда, где перекачивались огромными жерновами кольца его хвоста. Но Нефермаат крепко вцепился в чешую и не спешил падать; а маленький мозг Лу между тем закипал от жара, как суп в костяном котелке. В конце концов чудище завопило в последний раз и издохло, с грохотом повалившись в грязь.

Вепвавет поспешили к поверженному чудовищу, приветствуя победителя, — и Нефермаат сошел к ним, ступая по костяным наростам на носу и губах Лу. Хопеш в его руках пылал так ослепительно, что я невольно склонил голову — и снова встретился взглядом с желтым глазом змея. Зрачок, уже подернутый голубой мутью, сузился; зажатый между клыками язык дрогнул, и чудище выдохнуло последнее проклятье — тонкий, свистящий звук, отдающийся долгим звоном в ушах. Сначала мне показалось, что ничего не

произошло... Но вдруг вепвавет закричали все разом, указывая на хопеш — тот уже не просто светился, а превратился в столп искрящегося пламени. Жар был так силен, что перчатки начали оплавляться, сливаясь с рукоятью оружия. Хуже того, на груди Нефермаата — там, где находился источник питания доспеха, — разгорался второй очаг; на металле, как на живой коже, проступили багровые жилы. Доспех уничтожал сам себя, но приказать такое ему мог только его хозяин!

— Что ты творишь?! — закричал я, но Нефермаат будто не слышал меня. Его лица было не различить за шлемом, но я и так понял, что он не в себе. Другие ахаути уже спешили прочь, огромными прыжками преодолевая долину, — и это было правильное решение, но я не смог оставить его. По счастью, на доспехах ремет есть потайные застёжки; надавив на них, я распахнул спинной панцирь и вырвал Нефермаата из пут, соединяющих тело и механизм. Бежать было поздно, так что я схватил пустую, готовую взорваться оболочку и отшвырнул ее как можно дальше; тогда же краем глаза я заметил, что некоторые вепвавет остались рядом. А потом нас накрыла волна огня.

Меня будто схватила поперек тела невидимая пятерня, встряхнула и швырнула вниз, в пустоту. Вокруг дождем падали комья земли с розовыми дождевыми червяками и оторванными корнями растений; а потом меня крепко ударило по шлему, и несколько секунд напрочь исчезли из памяти. Первое, что я почувствовал, очнувшись, — меня вытягивают из доспеха, как улитку из раковины.

— Уси, можешь идти? — прошептал кто-то рядом. — Они долго не продержатся.

Глаза заливали кровь и пот, но я все-таки увидел над собой лицо Нефермаата, а за ним — тяжелые валуны, кружащиеся в воздухе, как пушинки кхур-мона. А еще откуда-то доносилось утробное рычание: это колдуны-вепвавет своими чарами не давали камням рухнуть нам на головы. Но пока я раздумывал над всем этим, Нефермаат уже тащил меня к пятну голубого света — выходу на поверхность.

— Их тоже нужно взять... — пробормотал я, кивая на колдунов. Их мохнатые брови были сведены, губы — закушены от напряжения. Но вместо ответа Нефермаат только крепче сжал хватку; не успели мы выбраться из сужающегося лаза, как земля позади нас вздохнула и опала.

Под вечер мы вернулись в Бьяру. Жители города, забыв о страхе, уже трудились вовсю: подпирали разрушенные стены обломками торанов, набивали глиняные горшки углями от пожаращ, чтобы приготовить на них добрый ужин, и собирали с крыш и деревьев щедрый урожай из хвостов и печенки летучих Лу. Змеиное мясо считалось изысканным лакомством; ночью вепвавет устроили пир в честь победы, и лучшие блюда поднесли ремет.

Но мне кусок не лез в горло; стыд сжигал меня изнутри. Не выдержав, я сбежал из Перстня, подальше от огней и голосов — к дышавшему промозглой сыростью озеру. Нефермаат, заметив это, последовал за мной.

— Не упрекай себя, Уси, — сказал он. — Все случившееся — это моя вина. Лу смог проникнуть в мои мысли потому, что я отказался от помощи вепвавет. Я недооценил и друзей, и врагов... Это была моя ошибка.

— Не в этом дело, — перебил я, уже не стараясь скрыть неприязнь. — Будь ты хоть тысячу раз прав во всем! Как можно так спокойно принимать чужие жертвы, когда они предназначены богам — а мы всего лишь самозванцы? Дюжина вепвавет, чьих имен я даже не знаю, умерли ради меня — а чем я заслужил это? Почему ты спас меня, а не их?..

И знаешь, что он сказал тогда? «Я думаю, ты можешь отдать больше, чем забрал». А

потом спросил: «Разве не поэтому ты спас меня?» И я не нашел, что ответить.

С тех пор мы оба сменили несколько имен и тел. Но в каждом рождении эти шрамы проступают на моем лице, — лха провел ладонью по правой щеке. — Как напоминание о том дне. У Уно нет таких отметин, но я знаю: он не забыл, как велик наш долг перед вами.

Заметив, что я мерзну, Утпала укрыл меня шерстяной накидкой. Его рассказ был долгим — луна уже успела уползти на другой край неба и теперь светила оттуда, как сваренный вкрутую глаз Лу. Пригревшись, я свернулся калачиком прямо на ложе вороноголовых и уснул; в эту ночь мой сон был мирным.

Пока за стенами Когтя зима сменялась весной, я мало-помалу вернулся к своей размеренной, лишенной тревог жизни — то есть учебе вперемежку с домашними заботами. К тому времени я уже чуть освоил меду нечер и мог, не сверяясь с составленным Шай словарем, попросить на обед жареных пирожков вместо супа или сообщить, что утро наполняет мою душу неизъяснимой тоской, исцелить которую может только близость подушки и одеяла. Убедившись в моих способностях, Сиа даже разрешил брать драгоценные книги из своих покоев, взяв слово, что я буду мыть лапы перед чтением так же, как перед едой (чего я, правда, не делал... но лекарю знать об этом было не обязательно). Первые книги — а точнее, рукописи — он выбрал для меня сам. По словам лха, это были старинные сказки ремет, записанные по памяти его родителями. Но тут Сиа ошибался: в них была самая что ни на есть правдивая правда. Взять, например, историю про морехода, чей корабль потерпел крушение в неведомых водах. Ясно же, что это был рассказ про падение Когтя-Кекуит! К примеру, придя в себя, несчастный понял, что оказался в чудесном месте, полном всяких яств, богатств и благовоний (Олмо Лунгринг, не иначе!), и, когда ему уже показалось, что он неплохо устроился, вдруг откуда ни возьмись выполз змей:

Триста локтей было в теле его,
Златом облитом, украшенном серебром,
В его бороде было десять локтей,
Брови лазурные вздыблены яростно,
Волною он вился, пасть разевал,
А я был пред ним
Мал и ничтожен...

И дураку ясно, что речь здесь шла о первой встрече богов с Лу Джараткартой. Хотя не припомню, чтобы у ее изображений на тханка были лазурные брови — но, наверное, это отцу Сиа почудилось с перепугу, как и то, что чудище заговорило с ним:

Жили мы здесь, братья и сестры,
Дети мои, — их было семь сотен,
Днесь же звезда с неба упала,
Огонь распустив, как жадные пальцы,
Дети мои, братья и сестры,
В лапы звезды павшей попали,
Меня же тогда не было рядом,
Хоть жив я остался, мертв я от горя...

Горящая звезда — это, опять же, свалившийся с небес Коготь, который погубил гнездо и потомство Джараткарты. Единственное, что мне не было понятно в этой истории, так это почему змей не набросился на своего обидчика, как случилось на самом деле, а предложил

ему дары и пищу? Поразмыслив, я пришел к выводу, что о битве с Лу родители Сиа умолчали, чтобы не расстраивать сына — ведь, по мнению ремет, дети были нежными и пугливыми существами.

Чтение было хорошим занятием! А еще мне нравилось смотреть записи, хранившиеся в памяти дворца: так я узнал повадки множества зверей и птиц — даже тех, что не водились в наших краях, — увидел мрачные обиталища глубоководных рыб и поселения крохотных насекомых, спрятанные в густой траве или дуплах старых деревьев. Кекуит показала мне и Олмо Лунгринг, и города южной страны, в которых не всякому бродячему торговцу доводилось бывать! Крыши домов и лакхангов там были не плоские, а круглые или ступенчатые. Стены никто не белил; на пять локтей в высоту они были красными от едкой пыли, а выше светились яичной желтизной. И народ там был другой — повыше и потоньше нашего, с короткой шерстью, на темени выстриженной аж до сизых проплешин. Чуба они не носили, обходясь только тонкими рубахами и набедренными повязками, зато на лапы нанизывали по сотне браслетов; шерсть на бровях и на лбу красили хной и охрой; здороваясь, не высовывали язык, а в пищу сыпали столько шафрана и перца, что она становилась рыже-красной. Этот странный обычай, да еще подвески с тремя загогулинами, которые я заметил на шеях и четках некоторых горожан, живо напомнили мне о сестрах Сэр. Где-то они были сейчас?..

И еще, на юге повсюду были цветы — туго скрученные и белые, как раковины, бледно-желтые, как завитки масла, розовые, как коралловые бусы! Насмотревшись на это великолепие, я с грустью отметил, что сад у богов мог быть и получше, — о чем и сообщил Сиа. Лекарь только издевательски хмыкнул и вручил мне мешочек семян, две бутылки — с удобрениями и водой, маленькую лопатку и кирку для выковыривания сорняков.

Что поделаешь, пришлось отправляться в сад! Поблуждав с полчаса, я набрел на место, по моему разумению, подходившее для посадки семян: солнечное, но не у самых окон, где зимою бывало холодно, и защищенное от сквозняков стволом лежачего дерева. Недаром черная пшеница разрослась здесь особенно густо — ее колосья колыхались аж над моей макушкой, позвякивая, как кольца на кхатванге. Я раздвинул сорные заросли лапами, стараясь не исколоть пальцы, — и вдруг увидел прямо перед собой Камалу.

Вороноголовая сидела на покрывале из плотного хлопка, поверх которого были разложены иглы и ножницы, мотки шерсти и шелка, пучки канители, чашечки со стеклянным бисером и мелким речным жемчугом, бусины из янтаря и бирюзы, куски парчи, муаровые ленты и много чего еще. Рядом с Камалой возвышался ворох готовой одежды, а в лапах она держала кипенно-белую накидку и ловко приделывала к воротнику серебряные пластинки. Игла в длинных пальцах блестела, как раскаленная, и я подумал — это ли не Одсер Чен-ма[4], небесная швея, чьи волшебные нити скрепляют пасти злобных дре? Но вряд ли! То была богиня рассвета, а Камала ни разу на моей памяти не покидала спальню раньше полудня.

— Как красиво! — восхитился я, подойдя поближе. Один чуба, уже отложенный в сторону, подмигнул мне тысячей переливчатых павлиньих глазков.

Вороноголовая кивнула, довольная похвалой, и откинула с лица прядь черных волос. Хоть подлинный облик богов и казался мне жутковатым, Камала, без сомнения, была самой красивой из них. Пускай ее конечности были непомерно длинными, а глаза белыми, как вареные яйца, зато губы казались мягче разогретого воска, и щеки отливали не землистой зеленью, как у Сиа, а нежным румянцем — может, из-за молодости богини, а может, из-за

кувшина с пшеничным чангом, который она стыдливо задвинула за спину при моем приближении.

— Садись, если хочешь, — сказала она, увидев, что я не тороплюсь уходить. Если честно, ковыряться в земле меня совсем не тянуло, поэтому я тут же воспользовался приглашением и, подвинув блюдца с бусинами и пуговицами, опустился на подстилку.

— А зачем ты шьешь сама? Разве слуги в Перстне не могут этого сделать?

— Могут-то они могут, только дырки для хвостов после них все равно приходится зашивать. Ну и мне нравится это занятие. Как Сиа нравится возиться на кухне, хотя он никогда в этом не признается.

— Все равно, не царское это дело, — упрямо ответил я. Мысль о том, что боги сами себе кроют подштанники, мне претила.

— Не всем судьба быть царями, Нуму. Некоторым лучше держаться простых, понятных вещей, — Камала вздохнула и опустила рукоделие на колени. — Знаешь, что значит *маат*?

— Знаю! «Правда».

— Да, но еще и порядок — то, каким должен быть мир и каждый из нас.

— Аа! Дхарма, — протянул я, довольный тем, что вспомнил ученое словцо, бывшее в ходу у шенпо.

— Что ж, пожалуй. Так вот дхарма одних — править, других — судить. Ну а таких, как я... быть бесполезными, наверное.

— Нееет! Такой дхармы не бывает. В каждой жизни есть какая-то польза, в каждом перерождении — смысл. А если не знаешь, какой, то тебе надо просто составить гороскоп получше.

— Прямо в каждом перерождении?.. — с хитрой ухмылкой переспросила богиня. — Даже если переродился какой-нибудь табуреткой или улиткой?

— Конечно! — уверенно подтвердил я. — Шенпо говорят, что недвижимыми предметами становятся большие грешники, а зверями — грешники поменьше. Через это они искупают свои проступки. Вот, например, похитивший зерно делается крысой, жир — чайкой, мед — комаром, а похитивший льняную ткань — лягушкой.

— Эээ... А если наворовать и жира, и меда, а после завернуться для надежности в ворованную же льняную ткань, — станешь чайкомарлягушкой? Или лягушкомарайкой?

— Откуда я знаю! Ты же богиня, ты и скажи, — буркнул я, не в первый раз замечая, что за лха водится дурная привычка придирается к словам. — Вот еще вспомнил: шену — пьянице придется пройти через состояние червей и насекомых, моли, питающихся навозом птиц и злобных животных[5].

— Хорошо, что я не шен.

— Все равно дхарма у всех есть; и у тебя тоже! Должно же быть что-то такое, что у тебя выходит лучше всего.

— Ладно, ладно, не злись! Вот что я скажу насчет дхармы: когда-то давно, в родном мире, я любила петь, и танцевать, и играть на сестре. Не зря я родилась в семье Хатхор! Но у ребенка из Старого Дома, что бы ни сулили ему боги и звезды, выбор был невелик: или всю жизнь кисни в родовом гнезде вместе с толпой сварливых стариков, или отправляйся в мяса. Я выбрала мяса.

Я знал уже, что на языке богов это означает «воинство», а потому перебил Камалу:

— Значит, ты была ахаути, как Утпала?

— Хуже. Я была небет ирету — госпожой очей, если по-вашему.

— А, это те, кто управляет летающими глазами!

— Точно. Хотя ирет не создавались как оружие, их давно уже используют для войны. Большинство сражений Старого и Нового домов велось не ахаути на земле, а неб ирету — в небе; там, где, как маленькие луны, висели материнские корабли... Будь у нас хоть один такой, мы бы истребили всех демонов вашего мира за считанные часы. Но и небольшого выводка Кекуит хватало, если подойти к делу с умом... А ума у нас всегда было хоть отбавляй, — Камала засмеялась, но как-то невесело. — Так вот, к чему я это. Ни один вепвавет или ремет, ни один шен или ахаути не убили столько Лу, садагов, ньен и прочих дре, сколько я и мой рой. Так в чем моя дхарма, Нуму: танцевать или убивать?

Не ожидая ответа, она вернулась к шитью, и некоторое время мы сидели молча, покуда воротник накидки обрастал рядами серебряной чешуи. Наконец, я решился спросить:

— А куда ирет делись теперь? Почему вы больше не пользуетесь ими?

— И правда, почему?..

Прежде чем ответить, вороноголовая шумно вздохнула и отпила несколько больших глотков из припрятанного кувшина, а потом, покосившись на меня, попросила:

— Не делай так, когда вырастешь, хорошо?

— Да уж не буду. Чанг мерзкий на вкус.

— В детстве все так говорят, — уныло заметила Камала, отставляя посудину. — Впрочем, неважно. Хочешь знать, как мы лишились ирет? Так я расскажу.

Слышал сказки о том, что раньше здешними землями и водами безраздельно правили огромные змеи — Лу? Это почти правда. Но вепвавет всегда представляют Лу чудовищами, а на самом деле это были удивительные, по-своему прекрасные существа. Только представь: в Северных горах земные Лу скользили между скал и ледников, как живые реки из драгоценных камней; южнее, на дне рек и озер обитали водные Лу, похожие на длинные хатаги из снежно-белого шелка. А на далеком махадвипе Апарагояна стаи воздушных Лу парили в тучах горячего пепла, и их внутренности рдели от жара прямо сквозь кожу.

— Что-то они тебе больно нравятся. А Лу, между прочим, съели моего троюродного прадедю!

— Ну, змеи иногда ели вепвавет, — Камала пожала плечами, — но ведь и вепвавет ели змей. Мы нарушили это равновесие, взяв вас под свою защиту, а Лу решив уничтожить. Земных мы засыпали камнями или травили во сне, пуская в пещеры ядовитый дым; водных — изгоняли из глубины, запруживая реки и осушая озера; у воздушных, самых малочисленных, — разоряли гнезда.

Битвы с Лу — Махапурбы, как их прозвали, — то затихая, то разгораясь, продолжались почти столетие. За это время я многое видела; всего и не упомянуть. Но кое-что врезалось в память: желтая пустошь, засеянная плоскими камнями; по ним ползет стая водяных Лу, которых мы лишили дома. Солнце палит в высоту, прокаливая мир белым жаром; и кожа Лу, нежная, как у лягушек, лишенная прочной чешуи, иссыхает и трескается от жара. От любого движения в раны втираются грязь и песок; но Лу все ползут и ползут вперед, в поисках воды, которой нет на многие атуры[6] вокруг. День назад, когда змеи только начали путь, они плакали; теперь в их телах не хватает воды ни на слезы, ни на слюну; распухшие языки вываливаются из пастей, сухие и черные, как уголь. Мы загнали их в это место, точно зная, что с ними произойдет; и мы стоим совсем рядом, но у них уже нет сил, чтобы напасть. И когда солнце белыми вспышками отражается от наших шлемов и брони, они только отводят взгляд...

Голос Камалы дрогнул — и эта дрожь передалась мне, заставив шерсть стать дыбом. Не слишком-то это было похоже на славные победы богов, о которых пели бродячие певцы и твердили шены!

— Пока мы истребляли змей, в самой Олмо Лунгринг многое поменялось — в горах и долинах проложили мосты и дороги, пустоши засеяли ячменем, на месте кочевых стойбищ выросли каменные дома... Так мы переделывали этот мир, не подозревая, что он тоже переделывает нас. Поначалу его работа была тайной, скрытой, как ходы червей под древесной корой. Но все же мало-помалу я стала замечать, что моя связь с роем ирет становится крепче: он отзывался на самые тонкие, едва заметные мысли с такой легкостью, что я даже забывала иногда, что управляю кучей стекла и железа...

А потом изменились и сами ирет: новые поколения обросли длинными шипами и уродливыми наростами, обзавелись булавоподобными хвостами и кожей, похожей на толченное стекло. Бедная Кекуит с трудом производила их на свет... Да, тут-то мы все почуяли неладное, — но было уже поздно.

Вскоре случилось так, что моему рою пришлось сразиться с водяной Лу по прозвищу Энесай. Она была очень стара — корона из хрустальных рогов покрывала ее голову от кончиков ноздрей до самого затылка — и очень сильна. Все же, как она ни извивалась, как ни шелкала пастью, как ни пряталась в тростнике и зеленом иле, ирет быстро настигли ее, впились в бледную шкуру и уже раздвигали забор змеиных ребер... Как вдруг Энесай посмотрела на меня! Она добралась до меня через ирет.

Ты, конечно, слышал, что Лу могут насыпать безумие? Это и произошло. Я плохо помню, что случилось, — только тоску, такую невыносимую, что хотелось прекратить ее любой ценой... даже смертью, — Камала замолчала; игла в ее пальцах замерла в воздухе. — Так я узнала один из главных законов *хекау*: если касаешься чего-то, через это другие могут коснуться тебя. Поэтому, Нуму, шены сжигают старую одежду и объедки со стола. Поэтому слуги, хвостом плетущиеся за оми, заматают их следы на земле, снеге и песке... А связь между неб ирету и роем крепче, чем между оми и отпечатком его сапога; крепче даже, чем между подошвой и преследующей ее тенью.

Вот почему мы отказались от ирет — испугались.

— Но почему теперь, когда Лу уже не страшны, вы снова не выпустите эти штуки?

— Ну, во-первых, Кекуит уже старовата для родов. А во-вторых, вместо роя нам служат звери, птицы и даже насекомые. Может, они и не видят сквозь стены и не плюются огнем — зато их тысячи, и они повсюду.

— Это как когда Падма превращается в воронов? А как вы научились этому?..

— Какой ты любопытный, — вздохнула Камала и в один присест допила содержимое кувшина. Любого из наших мужчин это свалило бы с лап, но она даже не поморщилась; воистину, боги могучи! — Зачем тебе? Тоже хочешь птицей-соколом летать под облаки, зверем-боровом плескаться в лужице?

— Да нет, просто интересно. Ну, расскажи, тебе жалко, что ли?..

— Ладно, но тогда поможешь все это разнести, — она похлопала по груди одежды, а потом широко зевнула, прикрывая рот кулаком. Я тут же пообещал сделать что угодно, и Камала милостиво согласилась:

— Ну хорошо. Тем более это отчасти моя заслуга.

Случилось это на третью сотню лет после падения Кекуит, то есть во втором моем рождении. Жизнь в Олмо Лунгринг тогда была мирной и спокойной. Вепвавет разделились

на две части — кочевники-рогпа ушли в горы, чтобы странствовать по обычаям предков, а земледельцы-шингпа заняли долины и усвоили новые законы, больше похожие на наши. В плодородных землях, на изгибах рек выросли их города. Между ними, как пчелы между цветами, сновали караваны торговцев: они несли на спинах пряности, янтарь и кораллы из южной страны. Скоро местные князья начали ценить золото выше железа. Искусства и науки процветали, хоть ревет и полагают, что в последних больше суеверий, чем знаний.

Правда, мы старались не судить вепвавет свысока: все же здешние колдуны творили такие чудеса, что нам и не снилось! Однако ж наверху царили порядки Домов: даже чудеса требовали объяснения. Кто-то списывал невероятные исцеления и проклятья на мысленные внушения. Другие искали разгадку в телесной природе обитателей Олмо Лунгринг — то есть самозабвенно копались в кишках и мозгах. Конечно, было обнаружено много интересного — например, в строении шишковидной железы вепвавет, — но ткнуть пальцем в тот кусок мяса, который якобы производит колдовство, ревет так и не смогли. Сиа, например, до сих пор считает, что мы просто плохо искали... Бедный старик, он последний еще держится за идею разума, который может все постичь и объяснить! Осколок давно ушедшего времени... — она вдруг поморщилась, как от зубной боли, и резко махнула лапой. — Но речь не о Сиа, а о том, что никто так и не смог разрешить загадку колдовства.

Это слово Камала вдруг произнесла на языке богов: «хекау». Оно походило на дыхание, раздавшееся в темноте у самого уха; и я невольно поежился и скрестил лапы на груди.

— Да и вепвавет не спешили делиться секретами, — даже с теми, кому не посчастливилось занять место Железного господина. Эти бедные «боги» были на положении пусть драгоценных, но вещей. Шенпо окружали их почитанием, усаживали на троны, мазали кровью и маслом и наряжали в дорогие одежды, но никогда не посвящали в тонкости своего ремесла. Первой из нас, кто удостоился такой чести, была Нефермаат.

— Первой? — переспросил я. — Он же вроде был мужчиной?

— А! Так это в первой жизни, пока его не съел змей. А во второй он... то есть, уже она родилась дочерью своего же сына от Меретсегер — получается, собственной внучкой? Странно, конечно! Но уж не страннее, чем стать комаром за кражу меда, — пожалала плечами Камала, и мне пришлось согласиться. — Ей дали имя Нейт, но скоро она назвала свой настоящий *рен*. Конечно, всерьез ее никто принял. Хоть она и не была единственной дваждырожденной — мне, к примеру, тоже являлись смутные, невнятные виденья из прошлого воплощения, — а все же слышать от ребенка, еще вчера плевавшего кашей и пачкавшего пеленки, как он рубил демонов, объезжал лунг-та и прокладывал путь между звезд, было смешно. Над ней и посмеялись. Мда... Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Камала отложила в сторону законченное шитье и откинулась на спину. Я уже боялся, что она заснет раньше, чем закончит рассказ, но вороноголовая продолжала:

— Впрочем, Нейт — Нефермаат никому ничего не стала доказывать — у нее были дела поважнее. Если в первой жизни она не верила шенам и чуралась колдовства, то в этой ничто не влекло ее сильнее. Пока жила здесь, она только и делала, что изучала записи Кекуит или читала принесенные из Бьяру книги. Попробуешь, бывало, с ней заговорить — бросит пару слов на ходу и сбежит, будто время тратить не хочет! Понятно, друзей ей это не прибавило... Но Нефермаат, кажется, и не нужны были друзья. Никто не нужен! — Камала махнула ладонью в воздухе и звучно шлепнула ею по груди; кажется, чанг все же возымел свое действие. — Однако ж вашим шенам такое упорство пришлось по вкусу: они охотно

принимали ее в Перстне и разрешили учиться их ремеслу.

Днями и ночами Нефермаат пропадала в Бьяру; но скоро этого ей показалось мало. Когда родители смирились и отпустили дочь на все четыре стороны, она пропала. Двадцать лет она провела внизу, в городах востока, где стояли алтари синей Рэлчикма и красной Курукуллы; на дальних стоянках рогпа на западе, где все еще приносили кровавые жертвы духам перевалов; побывала и в южной стране, среди отшельников, натирающих макушки пеплом сожженных трупов, и привезла оттуда свитки из кожи водяных быков; добралась даже до севера, где у берега ледяного моря жила горстка вепвавет, питающихся рыбой и тюленьим жиром. В Коготь она вернулась, когда ей исполнилось пятьдесят...

— Сколько-сколько? — выдохнул я, не в силах даже вообразить такую дряхлость.

— Для ремет это всего лишь возраст совершеннолетия, Нуму. Даже Шаи старше, а он еще совсем сопля. А Сиа — больше четырех сотен лет!

— А тебе сколько?

— Я коплю не года, а мудрость, — усмехнулась Камала. — И не перебивай. Так вот! Олмо Лунгринг к тому времени была давно очищена от Лу, но изредка уцелевшие в Махапурбах змеи все же выползали на поверхность. В то время, когда Нефермаат пожаловала домой, в горах к юго-востоку от Бьяру как раз обосновался выводок водных Лу. Они поселились в горячем озере, откуда брало начало несколько питьевых источников. Из-за яда, выделяемого змеями, вепвавет в соседних деревнях начали болеть. Нужно было отправляться на поиски гнезда.

Поначалу нас было двенадцать: четверо ахаути — и я среди них — и восемь шенов из Перстня, но Нефермаат напросилась с нами. К подножию гор мы прибыли на малой ладье, но оттуда отправились тихо, верхом на лунг-та и баранах, чтобы не тревожить Лу. Иначе они могли бросить гнездо и уйти через затопленные пещеры. Два дня мы пробирались среди заиндевевших камней и столбов голубого льда, увязая в снегу, мерзняя и жуя безвкусные лепешки; а на третий вышли к краю обрыва, на дне которого лежало озеро.

Был уже поздний вечер. Водные Лу — ночные твари; поэтому мы решили переждать до утра в пещере неподалеку. Ветра не было; над озером курился теплый туман, согревая воздух вокруг. Мы заснули, даже не разведя огонь.

Утром меня разбудила ужасная головная боль: череп сдавило так, что, казалось, глаза вот-вот вылезут наружу, к горлу подступала тошнота... Ни от какого чанга мне не бывало так плохо! Вепвавет уже покинули пещеру — только хвостатые тени мелькали у порога, синие в солнечном свете, но ахаути никто и не подумал будить. Я с трудом поднялась на ноги и принялась трясти и звать товарищей; ни один не проснулся. И тут снаружи прошла Нефермаат. Я окликнула ее, и, клянусь, она вздрогнула от неожиданности! Мое сердце тут же исполнилось самых темных подозрений:

— Почему все спят?! — закричала я. — Это вы их опоили?

Она отвечала, что это якобы заклятие змей, стерегущих гнездо. На вопрос, почему же она сама и вепвавет проснулись, Нефермаат только вздохнула и сказала:

— Сейчас не время объяснять; надо быстрее покончить с Лу, пока они не учуяли нас. Хочешь, оставайся здесь — а нет, так пойдем с нами.

Что мне было делать? Надев доспехи и прицепив к поясу хопеш, я последовала за шенами. С края обрыва стало видно горячее озеро, похожее на пригоршню бирюзы и лазурита, с голубым мелководьем и темно-синей глубиной. На берегу валялись тела диких коз и оленей, убитых совсем недавно: бока еще сочились кровью, и несъеденные потроха

полоскались в волнах. Тут же, на темной гальке, белели чисто обглоданные кости. Шены забормотали, указывая на озеро и скалясь. Без сомнений, это было пристанище Лу.

По веревочной лестнице мы спустились вниз. Вепвавет тут же сняли со спин длинные копья, окружили озеро и стали неподвижно; только губы подрагивали, не то от дыхания, не то от молитв. Я осталась у каменной стены, а Нефермаат подошла к самой кромке воды и замерла, глядя под ноги. Несколько секунд прошло в тишине и непонятном ожидании. Вдруг она вскинула руки; вепвавет тут же ударили по земле древками копий — и озеро вспыхнуло!

Камала замолчала, уставившись в потолок; по ее щекам расползся румянец, похожий на красные отсветы огня:

— Вся вода, что была в нем, превратилась в жидкое пламя. В лицо мне дохнуло жаром и нестерпимой вонью — это мясо мертвых оленей и коз загорелось, зачатило, разбрызгивая кипящий жир. Скоро над языками огня показалась остроконечная змеиная морда; а за нею — еще одна, и еще... Лу бежали из гнезда. Шены не преследовали их — да и зачем? Стоило змеям выползти на берег, обливаясь огненным потом, как они превращались в обугленные головешки.

Последним со дна поднялся старший Лу. Приветствуя его, вепвавет вскрикнули и снова ударили копьями по земле. Змей был силен: колдовской огонь не опалил его. Змей был стар: его могучие рога светились в клубах дыма, как положенный на бок месяц. Змей был велик: толстая шея вытянулась почти на пятьдесят локтей в высоту, и ее тень полностью укрыла Нефермаат — но она не посторонилась. По чешуе Лу текли шипящие капли пламени — она не закрыла лица. Глаза чудовища покраснели от ярости — она не опустила взгляд. Воздух трещал и ревел вокруг так, что закладывало уши; а змей задирает голову все выше и выше, распахивая пасть и готовясь вот-вот проглотить маленького нахального противника. И тогда Нефермаат сказала...

Камала остановилась, набирая воздуха в грудь, а потом почти пропела заклинание, какого я не слышал прежде:

— Я послала богов
Из моего сердца,
Чтобы повергнуть врага.
Его охватил огонь,
Нож в его голове,
Рога на лбу переломлены,
Дыхания нет в ноздрях.
Я сожгла его кости,
Отрезала мясо от ребер,
Замкнула печатью губы,
Зубы растерла в пыль,
Язык удалила из пасти
И отняла его речь,
Я ослепила глаза,
Я отняла его слух,
Я удалила сердце,
Его имени больше нет.

Вот что сказала Нефермаат. Копья ударили по земле третий раз — и Лу, огромный, страшный, могучий, упал и испустил дух.

Тут же озеро снова наполнилось водой; дым разошелся, открывая полуденное небо; ветер смел с камней рассыпчатый пепел. Я даже опомниться не успела, как от чудес, творившихся здесь, не осталось и следа... Только пятна сажи, оставшиеся там, где сгорели меньшие Лу, и мертвый змей на берегу подтверждали, что я не сошла с ума.

Шены уже обступили поверженного врага. Я знала, что все потроха Лу, от мозга и до мочевого пузыря, высоко ценятся среди колдунов, но самым первым они вынули лиловое сердце и отрезали от него тонкие, полупрозрачные ломти. Первый они приподнесли Нефермаат. К моему ужасу, она приняла это угощение и проглотила, не поморщившись, а затем протянула кусок и мне.

— Зачем это? — пробормотала я, стараясь не смотреть на сырое мясо; его склизкий вид и сладковатый запах были тошнотворны.

— Съешь и узнаешь, — отвечала Нефермаат, улыбаясь, и эта улыбка была как трещина в печной заслонке, выпускающая наружу жар и искры. Даже кончики ее пальцев светились, как раскаленный добела металл. Или всего этого не было? Может, я еще спала в пещере и видела сны?

Будто прочитав мои мысли, Нефермаат велела:

— Проснись окончательно или возвращайся к тем, кто спит. Но, какое бы решение ты ни приняла, не жалуйся потом.

И тогда я открыла рот, дала вложить в него этот проклятый кусок и проглотила его.

Камала запнулась, коснувшись пальцами губ.

— Но ничего не произошло. Он даже не был особо гадким на вкус.

Мы вернулись к нашим товарищам. Те уже проснулись и готовы были выслушать полуправдивый рассказ вепвавет о том, что они нашли змея в озере уже умирающим, — может, от старости, а может, от перенапряжения сил — и добились его. Я не возражала, а Нефермаат, как всегда, помалкивала. Ахаути спустились ко дну обрыва и, разумеется, нашли гнездо Лу пустым. Враг был побежден, вода в озере снова стала чистой и пригодной для питья, делать здесь было больше нечего — а потому мы не мешкая отправились в обратный путь.

В ярких лучах солнца мир выглядел... обычным; и я даже начала забывать о том, что случилось. Но в темноте, когда мы устроились на ночлег в кругу больших камней, я услышала подозрительное глухое гудение. Под закрытыми веками проплыло нечто вроде светящейся желтой мухи. Сквозь дремоту я потянулась к ней и, кажется, схватила — но тут в грудь ударил воздух, ставший вдруг упругим и хлестким. С трудом я преодолела его сопротивление, загнула ладонями снег, и в пальцах у меня завертелась живая мышь. Я засмеялась от радости, а мышь пискнула тоненьким голоском: «Отпусти!».

От неожиданности я вскрикнула и проснулась. Вокруг было тихо и спокойно; только лунг-та фырчали во сне, выпуская из ноздрей струйки пара, да ухала в небе недовольная сова, упустившая добычу. Мороза не было, но меня бил озноб, так что я решила посидеть у костра, чтобы согреться. Но там, конечно, уже поджидала знакомая тень.

— А ты тут что делаешь? — не слишком вежливо спросила я.

— Греюсь, — отвечала Нефермаат запросто, будто ничего и не произошло.

— Что, не можешь наколдовать еще одно горящее озерцо? — поддразнила я, но она только подвинулась, предлагая сесть рядом. Что ж, настало время требовать объяснений! В конце концов, я съела мерзейший кусок змеи и имела полное право знать, зачем.

Вороноголовая прокашлялась и заговорила будто на два голоса — за себя и свою

собеседницу:

— То, что произошло сегодня, было испытанием для меня. Проверкой, верно ли я разгадала загадку *хекау*.

— И как, верно?

— Если бы я ошиблась, нас бы съели. Поскольку мы живы, полагаю, что я права. Впрочем, не тайна *хекау* сложна, это вы все пни тупые... Ладно, она так не говорила — но явно, явно думала! — Камала звонко рассмеялась, а я насупился; в рассказах богов и так непросто было разобраться, а она еще и врала! — Ну, хорошо, на самом деле Нефермаат сказала так:

— Когда я умерла, то попала на изнанку мира — в место, где открываются тайные связи вещей и явлений. Вообще, все дваждырожденные были там — и ты тоже, Сатхатхор; но остальные забыли об этом, а я помню ясно. С тех самых пор колдовство вепвавет не кажется мне такой уж загадкой. Если знать о тех невидимых нитях, что соединяют все и вся, то даже в самых странных обрядах легко найти смысл: и в жабьих свадьбах южной страны, и в северном обычае запускать в море лодки, до краев наполненные плевками... Смысл — и закономерности. Вот только мне непонятно было, почему сами вепвавет давным-давно не открыли их и не использовали, чтобы усовершенствовать свое искусство?

Поначалу мне казалось, что им просто не хватает времени, чтобы как следует во всем разобраться. Представь, четыре десятка лет для нас еще детство, а для них — целая жизнь! Как тут успеть?.. Поэтому я сама взялась за этот труд — собрать, записать и истолковать весь свод их знаний: песни и заклинания, гадания и молитвы, значения часов и дней, свойства металлов, действия растений, движение звезд и подземных духов... Я разбирала каждый шаг в диких плясках рогпа, каждое приношение в изощренных пуджа южан, но чем дольше занималась этим, тем больше сомневалась. Да, мое занятие было любопытно и отчасти полезно, но...

Помнишь, в прошлой жизни мы обе были прокляты Лу? С чем сравнить это проклятье? Для меня оно было как скала, упавшая на плечи. А ведь Лу — это просто животные, лишённые разума; в их огромных черепах мозга едва ли с орех! Они не водят хороводов при луне, не варят мазь из нетопырей, не зашивают под кожу горный хрусталь... И все же, превосходят могуществом большинство колдунов Олмо Лунгринг и южной страны. Почему?

Тут Нефермаат подняла с земли гладкий камень размером с кулак и начала перекачивать его в ладонях, будто в раздумье. А я, в свою очередь, раздумывала, не решит ли эта сумасшедшая стукнуть меня им по лбу, так, для проверки — а сколько мозга у меня?.. И все же я слушала внимательно.

— Да, проклятье Лу не давало мне покоя. Я снова и снова вызывала в памяти те секунды, когда оно достало меня: невыносимый жар внутри доспехов; треск раскаляющегося хопеша; искры, падающие на забрало; шипение змеиной глотки; блеск расколотых рогов на лбу чудовища... В них будто отражалось что-то, как в луне отражается солнце. Вот только это были не солнце и не луна; светила, которое испускало бы такое сияние, я не видела ни в дневном небе Нун, ни в ночном небе Наунет. И тогда я подумала — а нет ли изнанки у изнанки?..

— Не понимаю, о чем ты, — пробормотала я, не представляя, какое отношение все это имеет к горящим озерам и лакомствам из сырых Лу.

— Объясню иначе. Одна колдунья с севера, у которой я училась целый год, сравнивала мир мертвых с лесом, полным зверья. Душа в нем — охотник; если она слаба, то вернется

скоро и с пустыми руками. Чем сильнее душа, тем глубже она может зайти в лес — и тем богаче будет ее добыча. Иными словами, *хекау* не в том, чтобы правильно сосчитать шаги во время жертвоприношения или добыть волос из подмышки рыжего ракшаса для зелья, а в том, как далеко ты продвинулась на пути, — Нефермаат очертила в воздухе знак вроде переплетающейся веревки, а затем — разведенных рук. — *Хе кау*. Само слово, которым мы зовем колдовство, значит «усиление души». Впрочем, у нас не принято говорить о душе; назовем ее волей. Сделать свою волю законом — вот в чем его суть.

Так она сказала и сжала правый кулак; а потом взяла мою руку и высыпала на нее мелкий песок — все, что осталось от камня.

Я чуть не подпрыгнул на месте — так живо слова Камалы напомнили мне о Зово. Вороноголовая заметила мое волнение, но не поняла его причину:

— Да, я тоже испугалась — и даже не знала, верить ей или нет. Но, поскольку я все еще не понимала, при чем тут змеи и зачем их есть, то так и спросила. Конечно, и на это у Нефермаат был ответ:

— Сражение с Лу было испытанием для меня. Да и вепвавет заодно убедились, что я могу предложить им нечто новое, чему они не научатся у замшелых стариков... А поскольку змеи по своей природе очень близки миру духов, съев их сердце, ты получаешь часть этой силы.

— Но почему я стала совой?!!

Нефермаат уставилась на меня так, будто это я, а не она только что несла всякую околесицу про колдовство и души. Пришлось объяснять:

— Я стала совой во сне. И поняла язык мыши.

— А, — кивнула она. — Я слышала про такое от рогпа. Дар змея проявляется по-разному. Может, ты подселилась в голову совы потому, что раньше управляла ирет?.. Не знаю; в работе души для меня еще много непонятного. Со временем разберусь.

— Но мне-то что с этим делать?!

Она только пожала плечами, но я не отступалась:

— А тебе это зачем?! Не спорю, поджигание воды и измельчение камней выглядит впечатляюще, но колдовство для этого не нужно: хватило бы бочки нефти и молотка покрепче.

— Ты ведь тоже родилась в Старом Доме. Помнишь его хоть немного? Помнишь, чем мы всегда отличались от Нового Дома? Они хорошо придумывали машины: но даже если дать ремет самый совершенный из механизмов, он все равно будет ограничен своей природой. В Новом Доме полагались на машины так же, как вепвавет полагаются на заклинанья и амулеты. И то, и то — подпорки, не больше. В Старом Доме пытались изменить саму природу ремет. Вот и *хекау* меняет не только мир — оно меняет нас.

— Надеюсь, в лучшую сторону?

Нефермаат улыбнулась — совсем как днем, у озера. Ее глаза блестели, будто два зеркала. Наверное, это было из-за костра, но мне стало жутко и захотелось убежать — и все же меня тянуло к ней... Ох, забудь о том, что я сказала! — вдруг вскрикнула Камала, замахав лапами. — Я пьяна и не знаю, что несу. Пожалуйста, забудь!

К чему я все это веду: с той ночи я стала видеть души живых существ — сначала неотчетливо, потом все лучше и лучше. Они похожи на ленты, нитки и узлы; хотя Падма говорит, что скорее на пучки соломы и репейника. Так или иначе, к их петлям можно прицепиться, и тогда получается смотреть чужими глазами и слышать чужие мысли. А еще

можно передавать свои — у Утпалы это хорошо получается. Поэтому его назначали вестником богов.

— А как выглядит моя душа? А можешь прочесть мои мысли?!

— Твоя душа такая же пушистая, как твоя шерсть, — рассмеялась она, потрепав меня за щеку. — И перевязана красной нитью; наверное, кто-то сильно любит тебя, Нуму. Но мысли твои я читать не буду — такие штуки для меня под запретом. Полагаю, я зря потратила дар змея, раз из меня не вышла вторая Палден Лхамо... Что ж! Тем лучше для Нефермаат — пусть сияет одна.

Кстати, раз уж ты обещал! Возьми эти две накидки: белую отнеси Селкет, а черную — Уно. Я не хочу с ними встречаться.

С этими словами она перевернулась на живот и уткнулась носом в покрывало, показывая, что разговор окончен. Я же, проклиная свое любопытство и сговорчивость, подхватил драгоценные наряды и отправился наверх.

Пусть и шел уже второй год мой жизни во дворце, я до сих пор избегал встреч с Эрликом и Палден Лхамо. Причиной тому были и рассказы об их грозном нраве, усвоенные с малолетства, и то, как другие лха относились к ним — кто с явным недоверием, как Шаи, кто с тайной опаской, как Камала. Даже болтливая, острая на язык Падма, столкнувшись с ними в саду, умолкала и старалась быстрее убраться восвояси. Только Сиа ничего не замечал; но что с него взять! Для старого лекаря все обитатели дворца были как малые дети, которых нужно напоить, накормить и отправить спать вовремя.

Потому-то, хоть Железный господин и его жена (или сестра?) всегда были приветливы и даже добры ко мне, рядом с ними сердце вечно екало в груди и колени подгибались, как когда смотришь с большой высоты. Но раз уж я обещал Камале разнести одежду, то решил сначала наведаться к Палден Лхамо — с расчетом на то, что не застаю ее в Когте. Этой весной она много времени проводила внизу: то в Перстне, то в кузницах Бьяру, а то и вовсе за пределами города, там, где среди талой грязи копошились работники с лопатами и кирками и вороны скакали по кочкам перевернутой земли, выискивая личинок и червей; короче, там, где началось строительство Стены. Я даже и вспомнить не мог, когда последний раз видел богиню во дворце, хотя чуял иногда в коридорах терпкий запах дыма — след ее присутствия.

И все же лапы предательски обмякли и волочились с таким трудом, будто к туфлям не подошвы пришили, а намазанные медом блохоловки! Прошло не меньше четверти часа, прежде чем я доплелся до покоев богини. Поскольку бить в закрытую дверь Лхамо туфлею было святотатственно, а отложить накидки, которые я благоговейно нес перед собою, — страшно (вдруг я помну их, а за это помнут меня?), я выбрал наилучшее, как мне казалось, решение: отступил на шаг, согнулся пополам и изготовился стукнуться в сомкнутые створки лбом. Но как только я подался вперед, дверь с неизмеримым коварством распахнулась — и я влетел внутрь аки баран, бросающийся на собственное отражение в пруду! Разумеется, не успев сделать и пару шагов, я потерял равновесие и растянулся плашмя на гладком полу.

— С тобой все в порядке? — раздался голос Палден Лхамо, полный неподдельного изумления. — Зачем ты бодал дверь?

— Потому что... — выдохнул я, не подымаясь с пола, но при том пытаюсь вздеть над головой накидки. Надо полагать, со стороны я походил на нелепо извивающуюся мохнатую гусеницу; Шаи не преминул бы позубоскалить на этот счет, но богиня только сказала:

— А, тебя прислала Камала. Положи одежду на стол, будь добр.

Тут уж, конечно, пришлось встать и оглядеться. Вот что странно: хотя я прежде и бывал в покоях Лхамо, все вокруг казалось незнакомым. Стекло окон, зимой почти прозрачное, теперь помутнело и окрасилось багрянцем; полуденное солнце глядело сквозь его толщу, как налитый кровью глаз. Личины на стенах, кровать, стол и прочие предметы плыли в горячем сумраке, как пузыри воздуха в чаше с щецу. На секунду мне даже почудилось, будто маски Палден Лхамо оторвались от удерживавших их гвоздей и парят, вяло всплескивая шелковыми кистями: не то птицы, не то диковинные медузы и моллюски, которых я видел в книгах Сиа.

Сама богиня сидела посередине комнаты на раскладном стуле из бамбука; слева от нее лежало два мешка, один пустой, другой — полный; справа, прямо на полу, стояла уже знакомая мне голова Черного Кузнеца. Ее лакированные грани были неподвижны, деревянные дыры-ноздри не колебало дыхание, но у затылка и висков все еще курился сизый дымок; видимо, Палден Лхамо сняла маску совсем недавно. Да и одета она была точно как в тот раз — в доспехи из гладких и тонких пластин, прилегающие к телу плотно, как чешуя к рыбе, и скрывающие его целиком, от подбородка до запястий. Только ладони оставались открыты, и в них, как в просвечивающей насквозь лампе, горело что-то красное. Присмотревшись, я разглядел длинный и толстый гвоздь из темного железа. Палден Лхамо вела по нему указательным пальцем; там, где ее плоский коготь касался поверхности, та мгновенно раскалялась.

Даже мое шумное появление не заставило богиню оторваться от этого занятия. Я решил, что лучше будет оставить одежду, где велено, и побыстрее удалиться; но стоило мне сделать шаг в направлении стола, как я сразу же запнулся обо что-то! Конечно, даже божеское терпение имеет пределы — и Лхамо, не выдержав такой неповоротливости, подняла голову.

— Извини за темень, Нуму, но мне приходится избегать солнца. Жить без *меланина* непросто, — сказала она и вдруг изо всей силы дунула на свою поделку: тончайшая черная пыль облачком поплыла по воздуху.

— Что это? — спросил я, стараясь не чихнуть — копченый запах нещадно щекотал нос.

— Это? Гвоздь для Стены. Таких в ней будет тысячи.

— Долго, наверное, придется делать.

— Долго, — кивнула богиня, отложила готовый гвоздь в пустой мешок, вытянула из полного уродливый, раскоряченный самородок и принялась пристально оглядывать его со всех сторон. — Думаю, на строительство уйдет лет двадцать.

— Двадцать? — ужаснулся я. Получается, Стену закончат, когда я буду глубоким стариком, трещащим на ходу, как сосна на морозе!

— Поэтому нам и пришлось настоять, чтобы работы начались уже сейчас, — вздохнула Палден Лхамо, перекатывая выбранный самородок в ладонях. Грубый металл размягчился в ее пальцах, будто воск, и весь пошел пятнами: черными, рыжими, багровыми, золотыми, на вид очень горячими. Но богине жар не причинял никакого вреда.

— А можно потрогать? — спросил я, замороженный пестрыми всполохами, и уже протянул лапу к шкворчащему самородку... Лхамо быстро сжала кулак и покачала головой. Однако же жажда чуда уже зудела в моем мозгу, назойливая, как комариный звон среди ночи; а потому я решил испробовать кое-что еще. — О, Сияющая! А правду Камала говорит, что ты можешь читать мысли?

Палден Лхамо чуть нахмурилась, медля с ответом; а я вдруг заметил, что совсем не могу разобрать, сколько ей лет. Волосы у нее были белые, как заиндевевшая трава, — но то были

не седины старости, как у Сиа; щеки не тронули морщины, но не было в них и мягкости, остающейся с молочного детства. Наверно, когда помнишь прошлые рождения, они накладываются одно на другое и стирают с тела признаки возраста.

— Да, могу.

— А прочитай мои! — выпалил я как можно быстрее, чтобы не дать благоразумной трусости взять верх над жгучим любопытством.

— Ну-у, если ты хочешь... — протянула она, будто в сомнении; я закивал так яростно, что чуть не прикусил хлопнувшими челюстями язык. — Ладно, так и быть. Тогда на счет пять. Раз...

Тут-то я и спохватился, поняв, какой кашей наполнен мой череп! Было тут и ночное купание в пруду по милости Падмы, и мелкие кухонные кражи, которые я тщательно скрывал от Сиа, и много других постыдных вещей, которые, как назло, разом всплыли из памяти, точно дохлые рыбы на поверхность пруда! С отчаянием утопающего я попытался уцепиться за что-то еще, за воспоминание настолько сильное, что заглушило бы все остальные, — а богиня уже погибала мизинец.

— Пять, — сказала она, и в голове у меня раздался сочный щелчок. — Ты думаешь о разговоре с Шаи после Цама. Пересказывать его целиком я не буду, ладно? А то никогда не успею доделать все гвозди.

Мне оставалось только взвыть — нашел, чем прикрыться! Все равно что спастись от блох внутри пчелиного улья! А ну как богиня теперь разгневется на меня или, хуже того, на глупого сына лекаря? Вдруг я ненароком погубил Шаи?.. Но Палден Лхамо не разозлилась: наоборот, она мягко улыбнулась, будто призывая не робеть, и снова склонилась над тлеющим в пригоршне куском железа. Убедившись, что земля и небеса не собираются разверзаться под-надо мною, я решил попросить:

— Не обижайся на него, Сияющая! Шаи был просто пьян тогда.

— Да я и не собиралась, — хмыкнула та. — Я понимаю, почему он обвиняет меня и брата в судьбе своей матери. Проще жить, думая, что это чей-то злой умысел, чем что ей просто не повезло. А что до того, что его якобы лишили воспоминаний... Шаи перерожденный четыре раза — больше, чем любой из нас; и при том всегда пренебрегал занятиями, которые помогли бы обзудать его ум. А у того, Нуму, кто живет с неуправляемым умом, чувства непокорны, как норовистые кони у колесничего. Неудивительно, что он не может отличить правду от вымысла; у него в голове все смешалось.

Тут Палден Лхамо трижды постучала по виску; на коже остался след от испачканного в саже пальца. Почесав с полминуты затылок, я должен был признать, — слова богини звучали весьма убедительно. Сын лекаря вечно что-то выдумывал: однажды, к примеру, пытался убедить меня, что сны мы видим, потому что ночью глаза проворачиваются под веками и смотрят прямо в мозг. Может, выдумал себе и «проклятье» — да сам и поверил?..

— А то, что ты и Железный господин — один и тот же человек, он тоже соврал?

— Ну, это отчасти правда. У нас с братом одна душа на двоих и одно *рен*. Нам пришлось разделить его. Так из Нефермаата и получились Ун-Нефер и Селкет-Маат.

— А как это — одна душа на двоих? У вас одинаковые мысли?

— Как бы объяснить... У тебя есть тень, Нуму?

— Да, конечно, — пробормотал я, отчего-то смутившись, и даже поднял лапу, чтобы убедиться, — неясное, красноватое пятно действительно протянулось по полу, повторяя мои движения.

— Что будет, если дать твоей тени язык и спросить, кто она?

— Ну... не знаю, если честно.

— Подумай: тень родилась вместе с тобою. Она помнит тот же дом и родителей, еду и одежду. Разве что не помнит, когда ты был в полной темноте; только туда тени не могут последовать за нами. Выходит, что у тени нет другой жизни, кроме твоей! И все же тень — это не ты, равно как и ты — не она. Так и мы с братом делим общую память о прошлых жизнях; но, кроме этого, общего у нас мало.

— Но ведь моя тень не может отделиться от меня, а я — от нее. Или нет? Я слышал от матери, что далеко в горах живут отшельники, которые могут отрезать кусок пара от своего дыхания, превратить его в птицу и запустить в небо. Можно ли так поступить и с тенью? Можно избавиться от нее?..

— Без тени, исчезну ли я? Без тени, обрету ли я жизнь? — произнесла Палден Лхамо будто читая из невидимой книги. — Хорошие вопросы, вот только я не знаю на них ответа.

— А кто из вас тень?

Богиня пожалала плечами и продолжила выводить знаки на рдеющем железе. Тут бы мне и убраться восвояси, но вместо этого я продолжал испытывать судьбу:

— А я могу научиться читать чужие мысли?

— Колдовство, Нуму, мало чем отличается от любого другого ремесла. Ему можно научиться так же, как учатся обращаться с плугом или молотом. Но не стоит браться за плуг, если не хочешь быть пахарем, или за молот, если не собираешься становиться кузнецом. А если уж взялся — не жалуйся потом. Я ведь говорила тебе когда-то: для колдунов дороги назад нет.

Палден Лхамо объяснила хорошо... И все же как будто умолчала о чем-то важном. Наконец, я сообразил:

— Тот, кто ходит с плугом, становится пахарем. Тот, кто машет молотом, — кузнецом. А тот, кто берется за колдовство, — кем он становится?

— Смотри сам, — ответила она и, высоко подняв раскаленный гвоздь, обвела им вокруг себя. Пятно тускло-красного света озарило маски на стенах — выпуклые глаза и кривые клыки, длинные уши и покрытые завитками позолоченного пламени рога — и замерло, упав на белую личину совы. Крупная дрожь прошла по моему телу, но не от страха, а от ощущения сопричастности чему-то огромному: я будто стоял на раскачивающейся земле и пропускал сквозь себя грома, сотрясающие ее нутро. — Мы стали богами. Правда, не по прихоти, а по необходимости.

— По необходимости? — переспросил я. Поняв, что так просто от меня не отделаться, Палден Лхамо уронила остывший гвоздь в мешок и откинулась на стуле, приготовившись рассказывать.

— Ты ведь знаешь, что однажды вепвавет восстали против нас?

Я кивнул — когда-то об этом рассказывала Нехбет, богиня-гриф.

— По вашим меркам это случилось давно — больше четырех столетий назад, во время моей второй жизни. Тогда ремет еще часто ходили по земле, не скрывая лиц, а вепвавет посещали Кекуит.

Но в эти мирные, тучные годы удельные князья набрались сил и нахальства. Они сговорились с правителем Бьяру, который мечтал прибрать к лапам богатства Перстня, и во время торжеств по случаю Цама беспрепятственно вошли в город с огромным войском. У них были тысячи мечников и копейщиков, колесничих и наездников, знаменосцев и

лучников всех мастей, пращи и тараны и, конечно, лодки, чтобы переплыть Бьяцо. И все же сразу напасть на Перстень они не решились. Не даром дзонг строился как крепость; да и шенпо готовы были к длительной осаде. Поэтому сначала мятежники решили отправить послов на переговоры.

В то время Железным господином, двадцать пятым по счету, был старик по имени Мау. От лекарств, которыми его поили ваши знахари, его кожа стала как золото, кости — как серебро, а волосы превратились в чешуйки синего лазурита. Болезнь давно сломила Мау: ему тяжело было ходить и даже дышать. Он редко покидал старую гомпу.

Туда-то, в залу, где Железный господин умирал на троне из лакированного дерева, и пришли княжеские посланцы.

Я была в тот день в Перстне, а потому видела все своими глазами. Крикливая толпа заполнила зал, оттеснив угрюмых шенов к самым стенам: смех и ругань гудели под древними крышами; пол дрожал от грохота шагов. И все же мятежники боялись! Я видела, как они тянут лапы, но не смеют сорвать со стен тханка или перевернуть сосуды с приношениями. Они даже не решались заговорить с тем, кого пришли свергать.

Видя нерешительность товарищей, вперед вышел молодой княжич с головой макары на шлеме и веером из сорочьих перьев у пояса. Его отец правил землями, где начинается ведущий через горы Путь стрелы; прибрав к лапам торговлю с южной страной, он стал богаче всех в Олмо Лунгринг. Обилие золота и крепкое войско непомерно раздули его гордыню. Поэтому его сын вышел вперед и, не поклонившись, обратился к Мау:

— Слушай, старик! Много лет мы гнем шею перед пришельцами и чужаками. Мой прадед, и его отец, и отец его отца сражались бок о бок с вами против великих змеев. Моя прабабка, и ее мать, и мать ее матери заклинали для вас садагов и ньен. Мы сделали вам много добра, но не дождалась благодарности. Мы пили с вами из одной чаши и ели с одного блюда, а вы скрываете от нас свои тайны! Нам известно, что вы прячете великую силу: корабли, которые летают по воздуху, огонь, который испепеляет горы. Мы хотим получить это! Раскрой нам сокровищницы Когтя, чтобы мы могли взять справедливую долю!

Нам известно и кое-что еще: вы, самозванные боги, не бессмертны. Подумай об этом — и реши мудро, старик.

Сказав так, он развернулся на каблуках и вышел вон; следом поспешили прочие князья со свитой.

Некоторое время Железный господин сидел, свесив подбородок на грудь; с его губ стекала слюна; глаза затянула голубоватая пелена. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем он очнулся и приказал шенпо призвать в гомпу всех ремет, от мала до велика. Когда каждый явился, Мау рассказал, какой выбор нам предстоит: отдать вепвавет оружие, которое они, без сомнения, сразу же используют против нас, или начать войну с теми, кого мы привыкли считать друзьями. Выбор был тяжел, и собравшиеся спорили так жарко, что их голоса стерлись сначала до хрипа, потом — до шепота и наконец утихли.

Я помню это очень ясно: старая гомпа погрузилась в молчание, и мы вдруг заметили, что стоим почти в полной темноте. Огни перед алтарями погасли; в тот день никто не заправил лампы свежим маслом. Бескровные лица моих товарищей плыли среди колонн, будто оторванные от тел, — совсем как эти маски, — Лхамо снова указала прутом на стены, и я невольно уставился в пустые зрачки личин. — Они смертельно устали, но так и не смогли принять решение; никто не хотел ни убивать, ни быть убитым.

И тогда я предложила им третий путь.

Когда солнце поднялось над восточными скалами, шенпо от имени Эрлика передали приглашение всем мятежным князьям: пусть приходят в Перстень, и вождельные сокровища передадут им прямо в лапы. Разумеется, те заподозрили засаду; но шены уверили, что вместе с ними впустят в дзонг любое количество воинов в полном вооружении. В конце концов из жадности или из гордости к назначенному сроку явились почти все. Десятки пышно украшенных лодок подплыли к причалу. Часть мятежников — из тех, кто попроще, — осталась во внутреннем дворе, а прочих провели к трону Железного господина. Но вместо груд драгоценностей их ждали только старик Мау и я.

И тогда вперед вышел старый князь — тот самый, чей сын вчера грозил нам смертью.

— Где все, что ты обещал нам? — спросил он, обводя лапами пустую залу. — Если это была хитрость, чтобы заманить нас в ловушку, то знай — так ты не преуспеешь. Если мы не вернемся из Перстня к вечеру, ночью наши войска разнесут весь Бьяру по камню!

— Не спеши, — прошамкал Мау, покачивая перед собою пальцем, скрюченным и желтым, как костяное стрекало аркана. — Я дам тебе дар лучше того, о чем ты просил. Я покажу тебе истину... если ты сможешь вынести ее.

— Не пытайся запугать меня, старик. Я ничего не боюсь! — отвечал гордец. И тогда...

Палден Лхамо остановилась, чтобы осмотреть еще один самородок; но, обнаружив в металле какой-то изъян, небрежно швырнула его на пол. Едва сдерживая нетерпение, я спросил:

— Так что случилось?

— Ты ведь уже знаешь ответ, Нуму. Они увидели своих богов.

— Как это?

— Ты был на площади Тысячи Чортенов во время Цама. Помнишь, что случилось тогда?

— Да, — отозвался я, нахмурившись. — Я видел Железного господина. Он был огромного роста, до самого неба, и весь из темноты. И голова у него была как у быка, только очень страшная. А еще я видел тебя, в белом сиянии, с мордой совы — тоже очень страшной, не сочти за обиду.

— Так и задумывалось, — усмехнулась богиня, явно довольная моими словами. — Вот и князьям я показала нечто похожее, разве что сработанное грубее... Что ж, с тех пор я многому научилась.

Тут она снова запустила пятерню в мешок, выудила кусок железа и вдруг спросила:

— Знаешь, почему я выбрала сову для обличья Палден Лхамо? Ведь в ваших сказаниях никакой совы не было!

Я задумчиво почесал затылок; ничего путного в голову не приходило, но богиня, кажется, и не ждала ответа.

— Это знак моей благодарности Камале.

— За что это? — удивился я; не много ли чести для вороноголовой?

— Когда я только начинала изучать *хекау*, то использовала его как оружие: для сражений, для охоты на Лу и других чудовищ. Но однажды Камала рассказала, как превратилась во сне в сову, — зацепилась за душу птицы и смогла видеть ее глазами. Это навело меня на мысль, что чужие души, как и зверей, иногда полезнее приручать и ставить себе на службу.

Так я и поступила с мятежниками. Испугать их грозными видениями было недостаточно: страх со временем блекнет. Они могли бы вернуться под стены Бьяру, неважно, через год или через десяток лет. Поэтому я коснулась их душ, — Палден Лхамо

пошевелила пальцами, будто перебирая струны невидимой вины[7], — и кое-что вложила в них, так, что все эти знатные, славные воины, одетые в меха и золото, упали ниц и целовали пыль на полу, будто она была слаще меда, и плакали, как дети.

И гордец, который только что сыпал угрозами, смеялся и плакал громче всех. Он вошел в дзонг, задрал нос, а покинул его, согнув шею. Говорят, когда сын встретил его таким, полубезумным, дрожащим, то хотел тут же ворваться с войском в Перстень и убить всех шенов, и меня, и Железного господина и предать Бьяру огню. Отец попытался удержать его — и он чуть не зарезал отца. Но в дело вмешались слуги, и их разняли; не случилось ни убийства, ни войны.

— А что случилось с этими князьями потом?

— То, что и задумывалось: обретя веру в богов, они приложили немало усилий, чтобы утихомирить свои земли... — Палден Лхамо на секунду замолчала, постукивая плоскими когтями по полым стеблям бамбука. — Должна признать: в те годы я куда меньше знала о внутреннем устройстве души, так что мое вмешательство не прошло бесследно. Спустя некоторое время князья-мятежники сошли с ума и закончили жизни в беспомысленности — ели траву, как вола, и мылись дождем, так что волосы у них выросли, как у львов, а когти — как у птиц... Но к тому времени это уже не имело значения. Шены Перстня были отправлены во все концы Олмо Лунгринг и заняли высокие должности при дворах. Большая часть местной казны, как дань или как дар, была отослана в Бьяру; а вместе с серебром и золотом отправились и княжеские дети. Кое-кто из них оказался способен к колдовству, а поскольку я намеревалась изучать *хекау* и дальше, то попросила отдать их мне в ученики и помощники. Железному господину, правда, тоже нужны были слуги: поэтому мы условились, что ему достанутся сыновья, а мне — дочери. Так и повелось.

А чтобы не допустить повторения мятежа, мы решили стать теми богами, которыми веппавет хотели видеть нас, — и больше никогда не спускались вниз без своих личин и никого не пускали наверх... до твоего появления.

— Но... это было так давно! Разве теперь кто-то может желать вам зла?

— Пока есть боги, Нуму, всегда найдется тот, кто хочет их убить, — со всей серьезностью отвечала она. — Но тебе не стоит думать об этом; подумай лучше о том, что Уно тоже ждет свою одежду.

Шерсть у меня на загривке поднялась дыбом. Я прижал к груди черную накидку, поклонился на прощанье и опрометью бросился прочь.

От покоев Палден Лхамо до опочивальни Железного господина было не больше ста шагов, и бежал я быстро, но мысли все равно неслись впереди лап.

Во-первых, мне вдруг открылась удивительная вещь: хоть я и побаивался Сияющую богиню, сейчас мне вовсе не хотелось покидать ее. Наоборот, я бы не отказался послушать еще рассказов о минувшем и посмотреть, как ловко плавятся в длинных пальцах куски руды. Может, дело в том, что Палден Лхамо говорила со мной без всякой снисходительности и зазнайства, как с настоящим взрослым (чего так недоставало Сиа и Шаи, которые постоянно норовили обозвать меня «дитятком» или, хуже того, «милашкой!»); или в том, что мне запросто открывали тайны, неизвестные и самым ученым мужам и женам Олмо Лунгринг? А может, так действовал сам ее голос — не громкий и не тихий, не низкий и не высокий, приятно щекочущий уши, будто кисточка из мягкой шерсти?..

Во-вторых, мне стало вдвойне непонятно, почему Камала так чурается колдовства.

Конечно, влезать в чужую голову просто так, за здорово живешь, — это нехорошо. Но ведь Палден Лхамо использовала свой дар для общего блага и предотвратила войну, которая была бы ужасным несчастьем для Олмо Лунгринг!

Отсюда следовала и третья мысль: мне жутко хотелось узнать, что же богиня вложила в сердца мятежных князей, что заставило их забыть о кровожадности и корысти, сложить оружие и навсегда покинуть Бьяру? Если это был не страх, то, выходит... счастье? Не такое ли, какое я сам испытал на площади Тысячи Чортенов в ту зиму, когда дядя привез меня в Бьяру?.. Если им и вправду досталось что-то похожее (а то и покрепче), я даже не знал, завидовать такой доле или ужасаться. Неудивительно, что мятежники в конце концов потеряли рассудок. С другой стороны, сами виноваты: это же надо удумать, сражаться с богами!

А больше я ни о чем подумать не успел, потому что коридор закончился.

К Железному господину я постучался как полагается и зашел на своих двоих, даже не забыв почтительно высунуть язык. В отличие от покоев Палден Лхамо, погруженных в красноватый полумрак, опочивальню Эрлика заливал яркий, по-зимнему холодный свет. В его лучах можно было пересчитать каждую пылинку в воздухе и каждую крупинку в стоявшем на столе блюде с белым песком (я вспомнил, что таким присыпают чернила, чтобы быстрее сохли) — вот только самого бога нигде не было видно.

Не зная, что делать дальше, я принялся озираться по сторонам. Все предметы находились на тех же местах, что запомнились мне со страшной ночи накануне Цама: вот большая, покрытая красным лаком кровать под тяжелым шерстяным пологом; ящик с узором из светлых и темных кусков перламутра на плоской крышке; маски, повисшие на невидимых крючках, как развешенное для сушки тряпье; стол, заваленный бумагами с непонятными рисунками... Из любопытства я глянул на них, но ничего не понял: тут были какие-то чудные механизмы, покрытые строчками заклинаний, витые лестницы, изображения неведомых зверей — вроде летучих мышей с зеркалами на груди и рыб с витыми, торчащими из лба рогами. И где такие водятся?..

А еще я заметил в дальнем углу, за стеклом, чешуйчатый доспех — совсем как тот, что носила Палден Лхамо. Только этот был еще с перчатками и шлемом, на забрале которого блестели темно-красные ястребиные глаза. К подбородку он удлинялся и загибался внутрь, так что со стороны и впрямь походил на птичью голову с опущенным клювом. На нагруднике слева, повыше сердца, поблескивали окрашенные золотом знаки, — наверное, имя хозяина. Прищурившись, я сумел различить их. Вот маленький знак — не то лютня, не то сердце и дыхательный канал, который Сиа именовал *трахеей*, — это корень «нефер»; серп, срезающий неведомую загогулину, — слог «маа» и полукруглый хлебец — окончание «т». Нефермаат! Ну, конечно; мог бы и сам догадаться. Правда, непонятно, чей же доспех тогда носит Палден Лхамо?..

Но я не смог поразмыслить над этим, безусловно, важным вопросом, потому что мое внимание привлекла еще одна непонятная штука: к самому окну кто-то придвинул то ли каменный, то ли деревянный столб высотой в шесть-семь локтей. В свете дня он казался совершенно черным и блестящим, как кусок угля, — и ужасно тяжелым. Не знаю, почему, — может, из-за движения нагретого солнцем воздуха? — но казалось, будто пол под ним прогибается и все предметы клонятся к нему, грозясь вот-вот повалиться на бок. Чем дольше я вглядывался в этот странный предмет, тем сильнее становился этот морок... и внушаемая

им тревога. Сердце забилося быстрее; в ушах зашумело от прилившей крови — совсем как при приближении к Бьяру или к старым чортенам на берегу Бьяцо, когда каждый шаг пригибает идущего все ниже к земле! Может, это и был один из таких чортенов, только поменьше? Но кому понадобилось тащить его внутрь Когтя?

Только я двинулся вперед, ведомый любопытством, как вдруг столб зашевелился, разворачиваясь! От его боков отделились вороньи крылья... Нет, не крылья, длинные рукава из черной ткани. Из-под распущенных волос выступило белое лицо: светящиеся глаза смотрели прямо на меня; рот приоткрылся, будто готовясь проглотить наглеца.

— А, ты принес мою накидку! Вовремя, — сказал лха, и наваждение тут же рассеялось. Я узнал Железного господина, хотя с ночи перед Цамом, когда я бодрствовал у его постели, он сильно изменился. Тогда Эрлик казался мне стариком ну разве чуть младше Сиа, усталым и больным. Теперь он также лишился примет возраста, как и Палден Лхамо: спина выпрямилась, морщины на высоком лбу и у губ разгладились, на ладонях и шее не проступали уже зеленоватые сосуды. Даже голос звучал иначе; и этот голос уже несколько раз обратился ко мне. — Нуму, может, все-таки отдашь мне одежду?

— Ааы... — только и ответил я.

— Вот спасибо, — вздохнул Железный господин, вынул накидку из моих лап и придирчиво осмотрел работу Камалы — даже поскреб плоским когтем стежки на боковых швах, — а затем достал из складок платья толстую иглу из желтоватой кости, подозрительно темную посередине, и прицепил ее к подкладке так, чтобы легла ровно между лопаток. Только после этого он накинул обновку на плечи, повесил на пояс скрученный кольцами аркан, короткую булаву и металлический диск на резной ручке, а на левое запястье намотал четки с шипастыми бусинами. Закончив эти сборы, Эрлик пристально осмотрел себя в зеркало, устроенное в стене у входа, и в этом поступке, в отличие от прочих таинственных приготовлений, было столько обычного, земного и всякому понятного самодовольства, что я невольно усмехнулся.

— Что, уже и порадоваться нельзя?.. — поморщился Железный господин, заметив мою непочтительность.

— Конечно можно! — горячо поддержал я — отчасти из-за искреннего согласия, но еще и потому, что не хотел превратиться в кучку пепла, или лягушку, или что похуже. — А то если еще не пить чанг и не есть мяса, совсем ничего хорошего в жизни не остается. Чанг-то ладно, а вот без мяса я бы точно не смог!

— Смог бы, если бы видел, как вокруг каждого куска шевелится обрубок души. Вокруг растений, впрочем, тоже.

— Фее, шевелится! — меня аж передернуло. Я слышал, что на юге, в краях рыбаков, принято высасывать сырое содержимое ракушек и глотать живых осьминогов. Но чтобы каждый кусок баранины или стручок гороха извивался на тарелке? Это уж слишком! — А что же есть тогда?

Эрлик пальцем поманил меня к столу и вытянул из маленького ящичка тонкую, как бумага, пластинку. Выглядела она не слишком съедобно — черная с прозеленью, гладкая и без запаха, — но я все же взялся за край и откусил немного. На вкус странный хлебец был точь-в-точь сухая трава, разве что чуть солоноватый.

— Это *те* — особая еда для долгих полетов. Она не портится, не занимает много места, и в ней есть все, необходимое для жизни. Предполагалось, что ею мы и будем питаться в пути до Тубан и обратно. Но, поскольку большинство на корабле предпочитает... местную

кухню, запасов осталось много: хватит еще на сотню лет.

— А у этих *те* нет души? Ничего вокруг не шевелится?

— Душа, к сожалению, есть у всего, — Железный господин криво усмехнулся и махнул куда-то вбок, намекая не то на души письменного стола и табуретки, не то на общее устройство мироздания. — Но эту хотя бы перемололи до полной неузнаваемости.

— Даа... — протянул я, крутя в лапах хрупкую пластинку; от проглоченного кусочка появилось чувство сытости, но уж точно не радости! — Грустно, что нормальная еда кажется гадкой. Сочувствую.

— Спасибо, — серьезно кивнул Эрлик и, склонив голову, будто высматривающая лягушек цапля, стал ловко переплетать свесившиеся почти до пола волосы. Сиа как-то рассказал мне, что, в отличие от вепвавет, у ремет гривы могут расти бесконечно: полагаю, этот дар был ниспослан им в утешение за общую лысоватость. Однако ж большинство обитателей Когтя стриглось коротко, не давая мне повода для зависти... А вот сейчас оставалось только закусить губу и тихо страдать. Чтобы не мучиться дурными мыслями, я почел за лучшее продолжить разговор:

— Может, если бы ты рассказал Шаи, что не ешь вместе со всеми не из какого-то коварства, а потому, что противно, он бы понял? И меньше волновался?

— Ты сам видел: он не хочет меня слушать. И, боюсь, дело совсем не в еде: Шаи не может простить мне то, что случилось со спящими. Думаю, он уже сообщил, что я наложил на них ужасное проклятие? — спросил Железный господин так, что меня немедля бросило в жар от стыда. Подозрения молодого лха, которые звучали так грозно и зловеще в темноте заброшенной спальни, сейчас, солнечным днем, казались просто нелепыми. — И это правда. Только это не проклятье, а лекарство; и я никогда не заставлял принимать его силой или обманом. Это был их выбор — к сожалению, неизбежный.

— Шаи говорил, они сошли с ума из-за того, что неправильно перерождались?

— Да, верно. Помнишь, я рассказал тебе, как снял души ремет с дерева, растущего на самом севере, прямо на темени мира? Туда умершие прилетают, чтобы подготовиться к новому воплощению, — а я, сам того не зная, помешал моим товарищам. Да, я искренне полагал, что делаю доброе дело, — но оправдывает ли это меня?.. Так или иначе, когда ремет стали рождаться во второй раз, их сердца уже переполнились избытками памяти; а к третьему рождению просто-напросто раскололись, как горшки в слишком жаркой печи. Видел бы ты, как эти несчастные стояли, уставившись в пустоту, заново проживая то, чего уже нет! А потом будто просыпались и вскрикивали от испуга, и озирались, не узнавая никого и ничего вокруг.

Хуже всего то, что я уже видел такое раньше, в Старом Доме. Там всегда мечтали создать настоящих бессмертных, *нечеру*[8]. И у нас почти получилось: наука смогла продлить жизнь ремет на сотни и тысячи лет. Но, хотя тела *нечеру* оставались бодры и здоровы, их разумы в конце концов рушились под тяжестью памяти. «Стекло и дерево», вот как это прозвали в Новом Доме: *нечеру* не ведали, что творили вчера, зато помнили пение птицы, от которой и пыли уже не осталось. И это — одна из причин того, что после войны Домов ввели запрет на бесконечное продление жизни.

И вот я сам создал новых *нечеру*! Мои товарищи не умерли полностью, но и жить не могли. Они увязли в бардо[9], которому нет названия; и я не знал, что делать с этим.

— А почему ты просто не отправил их на то дерево?

— Для этого мне пришлось бы их убить, — просто ответил Железный господин. — Да и

кто знает, не был ли вред, нанесенный мною, слишком глубок? Что, если бы они родились какими-нибудь червями или мухами?.. В конце концов, я решил, что лучше всего дать им возможность полностью уйти в воспоминания. И они приняли ее с радостью... по крайней мере, я на это надеюсь.

— А почему они не могут проснуться?

— Их состояние, Нуму, нельзя назвать обычным сном. Это самое глубокое забытие, какое только можно представить — настолько глубокое, что изнутри его не отличить от бодрствования. Видел бесконечные узлы, замыкающиеся сами в себе? — тут бог начертил в воздухе линию, соединяющуюся головой и хвостом, будто тело голодного змея. — Души спящих скручены также; они заперты сами в себе. Этот мир больше не потревожит их, никогда.

— Почему же все остальные не уснули?

— Я и сам до конца не понимаю, почему выход из круга перерождений оказался благом для одних, и злом — для других. Почему Камала, Утпала и Падма не сломались, почему Сиа и Нехбет не помнят о прошлом? Может, потому, что, идя путями мертвых, нельзя бояться и оглядываться назад? Но если не теряешь из виду цели — тогда уцелеешь и сам.

— Хм... а какая цель у тебя, господин?

Эрлик вдруг снял с пояса блестящий диск на длинной ручке.

— Знаешь, что это такое? Зеркало правды.

— О, я слышал про него от шенов!

— Опробуй-ка его сам. Положи ладонь вот сюда и соври что-нибудь, — и сразу убирай!

Понял?

Я с опаской коснулся гладкой поверхности — она была такая холодная, что кончики пальцев сразу занемели.

— Люблю чистить зубы по утрам!

Зеркало тут же раскалилось докрасна! Я едва успел отдернуть лапу. Шерстинки на запястье свернулись и пошли рыжиной; в воздухе запахло горелым.

— Так оно и работает: истины не показывает, зато наказывает за ложь. А теперь смотри внимательно, — Железный господин прижал ладонь к зачарованному металлу и медленно, внятно произнес. — Все, что я делал, делаю и буду делать в этом мире, я направлю во благо всех живых существ. Это моя цель.

Поверхность зеркала не дрогнула, не изменила цвет. Но прежде, чем он успел убрать ладонь, я в порыве смелости... или наглости, — спросил:

— А безумный ругпо сказал что-нибудь, когда увидел тебя — ну, перед тем как... как Кекуит начала падать? Кроме того, о чем ты рассказал мне прежде?

— Нет, — с некоторым удивлением отозвался Железный господин. Зеркало под длинными, по-паучьи растопыренными пальцами при этом осталось холодным и светлым, как луна. — С чего ты взял?.. А теперь извини, Нуму, но мне нужно идти — Стена сама себя не построит.

[1] Kkw (кеку) — «темнота»; «Кекуит» — женская форма слова.

[2] Sromanagro (тиб.) — конопля.

[3] Рдзиб-рдзиб (тиб.) — разновидность навозных жуков.

[4] Маричи — богиня рассвета. Среди ее атрибутов — иголка и нитки.

[5] Из гл. XII Законов Ману.

[6] (др. — ег.) Примерно 5 км.

[7] Вйна — старинный индийский щипковый музыкальный инструмент.

[8] Нечер (др. — ег.) — бог.

[9] Бардо (тиб.) — то или иное длящееся состояние живого существа (бардо сна, бардо момента смерти, бардо нового рождения и т. д.)

Свиток VII. Белая сова, черный бык

После разговора с Палден Лхамо мысль о том, чтобы обучиться колдовству, не покидала меня. Если уж Камала получила дар превращаться в зверей и птиц почти случайно, то чего можно добиться, приложив усилия! К тому же, согласно гороскопу, в прошлых жизнях мне доводилось рождаться демоном Дуд. Должны же были у меня остаться способности с той поры? Чтобы проверить себя, я нашел на полке в покоях Сиа какой-то булыжник, ничем не примечательный, кроме слюдяных полос на боку, и вряд ли нужный в хозяйстве (по крайней мере, лекарь его так и не хватился), и по вечерам, уже лежа в кровати, сжимал его в лапах, мысленно приказывая, упрасывая, умоляя превратиться в пыль. Но каменюка оставалась твердой, как ячье копыто или белье, брошенное на морозе забывчивой хозяйкой! Правда, когда я уже соскальзывал в сон, мне всякий раз чудилось, что камень тает, подобно маслу, протекая между пальцев струйками шелковистого песка.

А потом, когда в ладони не оставалось совсем ничего, мне начинало сниться, как я иду среди скал хорошо известной тропинкой, которой слуги Перстня обычно водили пастись коз и овец. Но скалы становятся все выше и выше, и скоро превращаются в настоящие горы. Исчезают из виду жухлые травы и бурые кустарники; пыльная серая почва мало-помалу скрывается под нетронутым, хрустящим снегом. Все вокруг становится белым, только редкие черные камни торчали из сугробов, как гребни спящих чудовищ. Идти становится трудно: холод жжет босые лапы, и зубы стучат во рту быстро и звонко, как раскрученный над головою дамару... От этого я иногда и просыпался, тяжело дыша, высунув язык, — и лежал в темноте, прислушиваясь к тревожному стуку сердца.

В другие ночи я забирался выше, в место, где горы смыкались почти сплошным кольцом вокруг клочка ровной земли; с высоты он походил на отметину, какие оставляют в мягкой глине пальцы гончара. Если обойти эту проплешину по краю, то в боках гор становились видны входы в многочисленные пещеры, плотно запечатанные бирюзовым льдом. Я не раз и не два пытался заглянуть сквозь него: кажется, внутри кто-то был — лежал, свернувшись на полу, или сидел, прижавшись спиной к стене, так, что ни роста, ни телосложения не различить; даже не понять, ревет это или вепвает! Но сломать или растопить ледяные заслоны у меня не получилось — те были изрядной толщины. Скоро я перестал и пытаться и просто бродил туда-сюда, по грудь в снегу, то и дело натыкаясь на разные, разбросанные в беспорядке предметы. Здесь были щербатые, надтреснутые костяные ножи и кинжалы из семислойной стали, с дивными муаровыми узорами; пробитые шлемы разных воинств и обрывки неизвестных мне знамен; клочки меха и парчи; искореженные куски бронзы и осколки чешуи, вроде той, из которой были сделаны доспехи Палден Лхамо. Один раз я даже подобрал золотую пластинку — как мне показалось, с именем на *меду нечер*, — но не смог прочитать его; знаки складывались в несусветную чушь. Несмотря на всю бесполезность, найденные штуки крайне меня занимали — мне хотелось собрать их как можно больше! Я нагружал карманы этим добром, от тяжести проваливаясь все глубже в сугробы, и в конце концов так уставал, что забывался тяжелым, мутным сном... Из которого немедленно просыпался в явь и сворачивался клубком под одеялом, наслаждаясь его теплом.

Однажды, когда все тот же сон посетил меня, я решил не терять время на выискивание ненужных вещей и сразу направился к противоположному краю проплешины — туда, где в стене гор змеилась узкая трещина. Протиснувшись сквозь нее, я вдруг оказался на узком

каменном языке. Тропа обрывалась на самом его кончике, а внизу, далеко-далеко, блестело озеро, чем-то похожее на Бьяцо. На его поверхности не было льда, хотя волны и швырялись пригоршнями замерзшей, похожей на сероватый мох пены. По берегам пестрели какие-то маслянистые пятна, черные и красные, но я не стал приглядываться.

И вот, во сне (как это всегда бывает во снах), я точно знал, что мне нужно шагнуть вниз и упасть в озеро. Было очень страшно, но я уговаривал себя, что это все не взаправду, и почти уговорил... Но тут что-то дернуло меня назад. Как будто потянули за невидимую веревку, обвитую вокруг моей груди, да так сильно, что аж дыхание перехватило!

С тех пор этого сна я больше не видел, но думать о нем не перестал. Потому-то на уроках Шаи я иногда бывал рассеян, что бесило молодого лха до невозможности. Однажды, когда я сидел, пожевывая кончик заточенной тростинки, и делал вид, что размышляю над задачей про колесницу, запряженную гарудой, нагом и макарой, мой учитель тяжело вздохнул и, страдальчески потерев лоб, спросил:

— Нуму, скажи-ка, как давно ты не выходил отсюда?

Я недоумевающе посмотрел на него, а потом добросовестно принялся подсчитывать: последний раз я покидал дворец во время Цама, а с тех пор прошло уже три... нет, четыре месяца! Зима и правда затянулась в этом году; может, потому я и не заметил, как она закончилась?

— Так я и думал, — покивал Шаи. — Оно и видно.

— Чего это видно? — подозрительно спросил я, заранее ожидая какой-нибудь гадости, и не ошибся!

— Ты тупеешь, мой юный друг, — с обеспокоенным видом заявил сын лекаря. — Без новых впечатлений твой мозг усыхает и череп пустеет, как горшок с цампой на ветру. Тебе нужно выходить наружу; я поговорю с Сиа — пусть возьмет тебя хотя бы в горы, собирать всякие лопухи и помет летучих мышей... или чем он там занимается.

— В этом нет нужды, — вдруг произнес кто-то совсем рядом; Шаи подскочил, как тигр, которому под хвост подсунули момордику, и вжался в стену, пуча глаза.

— Ты что, смерти моей хочешь? — рявкнул он, обращаясь к стоявшей в дверном проеме Палден Лхамо.

— По твоим словам, я хочу смерти всего живого, — пожала та плечами, улыбнувшись не без некоторого удовольствия. — Но не сегодня. Сегодня я просто собираюсь взять твоего подопечного наружу. Ему будет полезно подышать свежим воздухом — тут ты прав.

— Куда это ты его потащишь?

— Посмотреть на строительство Стены. Это очень поучительное зрелище, можешь поверить. Нуму, ты же хочешь увидеть строительство Стены?

— Еще бы!

— Тогда возьми свою маску, и встретимся на втором этаже, у выхода из Кекуит, — сказала богиня и удалилась. Я вскочил со стула, чтобы немедля бежать собираться, но путь мне преградил Шаи, уперев лапы в боки и разве что не хлопая ими, как курица-наседка.

— Никуда ты не пойдешь!

— Ты же сам сказал, что мне нужны новые впечатления! — завопил я, пытаюсь проскочить мимо лха, точно лягушка сквозь разинутый клюв цапли; но Шаи успел схватить меня за ворот чуба и поднял в воздух, заглядывая в глаза.

— Разве я не говорил тебе, что они опасны? — сказал он с непонятной тоской. Наверное, в иное время я бы призадумался... Но сейчас мне очень хотелось посмотреть на

чудеса, которые творились внизу! А потому я только огрызнулся:

— Да ну тебя! Я вот недавно говорил с Лхамо, и ничего! Она меня не съела. Даже сказала, что я могу колдовству научиться.

Но Шаи почему-то не восхитился, а встряхнул меня, будто куклу.

— Вот гадина, — прошипел он со злобой, глядя вслед Лхамо. — Все, до чего дотянется... Забудь об этом, Нуму.

— Да почему ты за меня решаешь?! — возмутился я; болтаться в воздухе было неприятно, и рукава чуба больно впивались в подмышки. — Чем хочу, тем и буду заниматься! А про опасности всякие ты сам себе придумал. Я вот спросил у Железного господина, что сказал ругпо в день, когда Кекуит упала, и он сказал, что ничего. И не просто так сказал, а прямо поклялся на Зеркале Истины, — я растопырил пятерню и помахал ею перед носом Шаи. Это произвело на лха странное действие — он осторожно опустил меня на пол, сел на стул и закрыл лицо ладонями.

— Ты его спросил, — пробормотал он; его голос за ладонями звучал так глухо, что я даже понять не мог — злится он или расстроен. — А я думал, у тебя хватит ума держать язык за зубами... Правда, с чего бы? Ты еще ребенок... будет мне наука.

— Шаи... извини, если я... что-то не так сделал, — промямлил я. — Я просто хотел узнать правду... Но он ведь сказал, что ничего не было.

— Он сказал, — усмехнулся тот, но не больно-то весело. — Иди, Нуму. Делай, что хочешь.

С Шаи вышло как-то нехорошо, но торчать в Когте было бессмысленно, а потому я заскочил в свою спальню, сорвал с крючка маску Гаруды и уже через пару минут стоял у багровой стены, отделявшей дворец от Мизинца, поджидая Палден Лхамо. Скоро богиня появилась, одетая уже не в домашние штаны и рубашку, и даже не в пластинчатые доспехи, а в белое платье с длинными рукавами, зовущимися «колчан для стрел»; на бедрах его опоясывал ремень из змеиной кожи, к которому крепились блестящие серебряные ножны, но что за оружие в них было вложено, я понять не мог. А вместо костяной подвески, положенной гневным божествам, на груди Палден Лхамо разевала клюв маска совы.

Прежде чем ступить в ведущий вниз проход, она предупредила:

— Наденешь маску, когда я велю тебе. Внизу ни с кем не разговаривай. Если тебя окликнут — не оборачивайся; если зададут вопрос — не отвечай. Если не сдержишься и проговоришься или если тебе попадется слишком настырный собеседник — сразу сделай так, — она приложила к губам сведенный крючком палец. — Это значит, что боги запретили тебе говорить. Тогда от тебя отстанут. Теперь идем.

Палден Лхамо переступила порог, и я шагнул следом. Стена за нами сомкнулась; хорошо, что светлый наряд богини легко было различить в темноте! Я побрел за нею, ступая сначала очень осторожно — со всех сторон мерещились пропасти; но скоро различил под лапами лестницу, не широкую и не узкую, спиралью обвивающую нутро Мизинца. Невысокие ступени годились даже для моего роста, вот только их были сотни... И через некоторое время я со стыдом заметил, что пыхчу, как закипающая на огне каша.

Увы, богиня тоже услышала это! Оглянувшись, она окинула меня быстрым взглядом и вдруг схватила за воротник, подняла и усадила на сгиб локтя. Никогда раньше я не оказывался так близко! Две тяжелые серьги — золотая змея, кусающая свой хвост, и серебряная змея, извивающаяся, как волна, — покачивались в мочках ее ушей. От кожи, так

похожей на снег, шло сильное тепло; я даже испугался, не заболела ли богиня?.. Может, у нее лихорадка? Но нет; просто ее огненная природа проступала наружу. Вот и окружающая мгла обтекала ее, как бегущая жара вода, не смея намочить даже краешек подола.

Долго продолжался наш спуск: мимо пышных кристаллических наростов, мимо рядов яйцеподобных чортенов, мимо черноты боковых проходов (как я узнал позже, они вели во все стороны, от Северных гор до княжеского дворца). Затем Палден Лхамо свернула в один из коридоров, ничем не примечательный с виду, и через несколько секунд воздух вокруг посерел и наполнился острыми запахами мокрой шерсти, земли и навоза. Внешний мир был близко! Тогда богиня поставила меня на пол и велела надеть маску; только убедившись, что мое превращение прошло надлежащим образом, она надела свою. Не успел я и хвостом махнуть, как ее щеки обросли нежными пуховыми перьями, нос превратился в загнутый клюв, а вокруг тела разлилось сияние, скрадывая его очертания. Тут же раздался надрывный скрип — это расступились створки старых, как сам Бьяру, дверей, и впереди засинело полуденное небо. Мы вышли наружу — и я вдруг понял, где оказался: в Перстне, на заднем дворе лакханга Палден Лхамо.

С одной стороны, чему удивляться — ну куда еще мы могли бы идти? Но с другой, я мог оказаться первым мужчиной, чья лапа ступила в это запретное место! Вот только как-то здесь было пусто: богиню не встречали с песнями, плясками и приношениями. Только две верные дакини, Макаравактра и Симхамукха, молча поклонились и подвели к нам лунг-та, храпящего и кусающего удила от злости; на его бедре кто-то нарисовал кармином распахнутый красный глаз. Богиня ловко вскочила в седло и меня затащила следом; и хорошо! Иначе я бы ни в жизни не полез на это щелкающее зубами чудовище. Ну а дакини забрались на ездовых баранов, белого и рыжего, с расшитыми попонами и драгоценными наконечниками на рогах. Так, все вместе, мы и двинулись вглубь гор; правда, дорога была недолгой. Чуть отъехав от Перстня, мы круто свернули направо и скоро снова оказались у Мизинца. Могли бы и пешком дойти... Хотя, полагаю, богам не пристало ходить пешком.

Но все недовольство от тряски на спине лунг-та вылетело из головы, стоило только глянуть на то, что творилось у подножия скалы! Землю тут расчистили, точно под пашню: огромные валуны были сдвинуты с места, остроконечные скалы — выкорчеваны под корень, будто какие-то сорняки. Всюду, на грудах кирпича, на тюках, набитых неведомым чем, на досках, брошенных прямо поверх хлюпающей грязи, сидели, стояли, сновали туда-сюда черные шены Железного господина, перекрикиваясь во всю глотку. Оно и понятно — такой шум стоял вокруг! Звенели молоты, ударяясь о наковальни; дышали с натугой кожаные меха; шипел пар в огромных бочках, где охлаждали скованные цепи, клинки и прутья; трещали и ревели костры, в которые вместо дров подкидывали целые сосновые стволы, привезенные не иначе как из южных земель. Рыжие всполохи подымались вверх на три-четыре роста, разбрызгивая капли кипящей смолы щедро, как богач, швыряющий толпе золотые монеты. Само солнце скрылось за клубами дыма и пыли. Неужели все кузницы западного Бьяру ночью тронулись с места и перебравшись сюда? И как только я не слышал всего этого светопреставления из Когтя?..

Но стоило работникам заметить Палден Лхамо, как все остановилось — разве только пламя не замерло в воздухе кусками янтаря. Шены растянулись на животах, кто где стоял — иные прямо в грязи и золе. «Много же стирки сегодня предстоит слугам в Перстне!» — невольно подумалось мне. Между тем, богиня спрыгнула на землю.

— Ты останься, — велела она, упредив мою попытку сползти с седла, и в одиночестве

направилась к Мизинцу. Дакини тоже не последовали за нею. Кажется, нам можно было только наблюдать.

У скалы Палден Лхамо поджидал один из почжutow — с такого расстояния я не мог разобрать, какой именно, но точно не мой знакомец Чеу Ленца (боюсь, как бы он не впал в немилость из-за того, что притащил меня в Коготь). Почжут не падал ниц, но все же склонился до земли, метя ушами носки своих же сапог. Богиня о чем-то спросила его, выслушала торопливый ответ и кивнула, соглашаясь; тогда старик припустился прочь, размахивая лапами и окрикивая прочих шенов. Те поднялись с земли и начали движение, на первый взгляд беспорядочное; но скоро я уловил его смысл — они выстраивались в несколько рядов, на расстоянии в две сотни шагов от скалы, явно готовясь к чему-то.

Оставшись в одиночестве, богиня вытянула из ножен таинственное оружие, которое я заприметил еще во дворце; это оказалась булава с разомкнутой ваджрой на конце. Сияние, шедшее от тела Палден Лхамо, многократно усилилось; и вдруг она начала расти! Голова, увенчанная пылающим нимбом, поднялась высоко над толпой; круглые совиные глаза полыхали среди перьев, как солнце и луна среди белых облаков; а ваджра превратилась в трехпалую лапу с огромными когтями! Я пытался убедить себя, что это только обман, морок, как во время Цама, но сердце все равно ушло в хвост, да так там и осталось.

С пронзительным птичьим криком богиня замахнулась булавою и ударила по скале, будто хотела перешибить ей хребет. Во все стороны брызнули осколки (понятно, почему шены не решились подойти к Палден Лхамо поближе!), а потом повалил густой белый пар, мутноватой росой оседающий на шерсти. Я решился лизнуть одну каплю: жидкость была теплой и на вкус отдавала не то солью, не то цветущей ряской. Наконец марево рассеялось, и шены тут же загалдели, тыча пальцами: в скале появился глубокий разлом, а внутри ворочалось что-то красное, влажное и живое! Оно дрожало, как от страха; под студенистой поверхностью пробегали волны искр. Неужели это был костный мозг Кекуит, обнаженный и беззащитный?.. Но что будет дальше? От волнения я прикусил губу так сильно, что выступила кровь.

Палден Лхамо неспешно вложила булаву в ножны и развела лапы в стороны. Ее длинные рукава опускались до самой земли — точь-в-точь огромные совиные крылья; не успел я подивиться этому сходству, как из них вылетели железные перья и впились в рану разлома! Что было потом, сложно описать: сама земля заходила ходуном. Лунг-та истошно заржал и, если бы не дакини, державшие его под уздцы, обязательно сбросил бы седока или унесся в горы. С севера раздался глухой рокот и стон: там ледники сходили с мест, и лавины устремлялись в долины, сметая все на своем пути. А на юге, в Бьяру, трескались стены домов, валились крыши и бились окна; даже великая река Ньяханг вздохнула и выплеснулась из берегов. Это вздрогнула от боли демоница, державшая на себе Олмо-Лунгринг.

Многие шены не удержались на лапах и теперь поднимались, отряхивая чуба и утирая разбитые в кровь носы; но богиня стояла, не шелохнувшись. Перед нею извивались нервы и сосуды Кекуит, пробитые десятками шипов. О, теперь я узнал их — те гвозди, которые Палден Лхамо выплавляла из уродливых самородков! Но прежде они были всего в ладонь длиной, а теперь пустились в буйный рост, разбухая, лопааясь, ветвясь и переплетаясь. Скоро от разлома не осталось и следа — теперь из спины Мизинца торчали две лопатки из раскаленного до красноты железа, выше старой гомпы Перстня, толще кирпичной кладки мэндона. Но работа была не закончена: пришел черед шенов. Те достали из-за пазухи густо исписанные свитки и принялись читать не то молитвы, не то заклятья, пощелкивая четками

и звеня маленькими колокольчиками. Слова падали и уходили в металл — а тот дымился и шипел, будто гнездо потревоженных змей.

Сколько это продолжалось, я не знаю, но когда колдуны умолкли, новорожденная стена была уже темной и гладкой, так что в ней отражались далекие горы и серая полоса неба над ними... и еще столп ослепительного огня, постепенно уменьшающийся в размерах, пока из него снова не проступили черты Палден Лхамо. Она прошла мимо поспешно расступающихся шенпо, и мы тронулись в обратный путь. Все это время богиня молчала, а я не смел приставать к ней с расспросами.

Но когда мы прошли в подземный ход и оказались внутри Мизинца, она спросила:

— Знаешь, Нуму, почему я хотела показать тебе это?

— Нет, госпожа.

— Ты видел, что наша работа причиняет боль Кекуит?

— Да, — кивнул я, разом понурившись.

— Но ты понимаешь, что строительство Стены необходимо?

Я кивнул еще раз, молча. Богиня внимательно оглядела меня, а потом кивнула:

— Хорошо. Ты, Нуму, еще очень мал, но смышлен не по возрасту — и наверняка понимаешь, в каком необычном положении оказался. Ты первый из веппавет за четыре столетия, кого мы пустили в месектет; первый, кто увидел нас такими, какие мы есть. Не праведник, которому глаза застилает вера, не шен, ждущий от нас подачек, не князь, которого держат в узде только золото и страх... Не один из них; не один из нас. А поэтому ты можешь сделать кое-что очень важное: стать нашим зеркалом.

— Зеркалом? — удивленно переспросил я; Палден Лхамо явно переоценила мою сообразительность. — Как это? И зачем?

— Зачем нужны зеркала? Чтобы смотреться в них, конечно, — улыбнулась она. — И видеть себя. Наблюдай за тем, что происходит вокруг. Запоминай. Впереди нам предстоит совершить много страшного — так много, что грань между добром и злом, правильным и неправильным может стереться... Но, если наше отражение всегда будет перед нами, надеюсь, мы сумеем удержаться на пути.

— А что такое страшное будет дальше?!

— Чтобы закончить Стену, многим придется пожертвовать, Нуму. Много жизней ляжет в ее основание, — богиня повела раскрытой ладонью, указывая на светящиеся во мгле чортены. — И я не только о чудовищах. Нехбет не зря волнуется: когда жители всех княжеств направятся в Бьяру, многие умрут в пути от истощения и холода, нападений разбойников и снежных львов; а еще больше — здесь, от труда и от болезней.

— Неужто без этого никак?

— Без этого не будет Стены, а без нее вся Олмо Лунгринг скоро превратится в кусок льда. Знаешь, как на востоке расчищают поля под посевы? Поджигают лес; деревья сторают вместе со зверями в берлогах, птицами в гнездах и бесчисленными насекомыми, прятавшимися под корой. Так что всякий кусок хлеба пропитан чьими-то слезами... Но ты же не будешь спорить, что хлеб нужен, — иначе чем кормить голодных? Чтобы явить милосердие, иногда приходится причинять боль — таков уж закон.

— Понимаю, — тяжело вздохнул я. — Только... почему нельзя, чтобы р-раз — и все стало хорошо?

— Кто знает, почему мир так устроен, — Палден Лхамо пожала плечами, глядя куда-то вверх, словно оттуда должен был прийти ответ. — К примеру, в южной стране недавно

появилось любопытное учение: его последователи ходят с белыми ракушками на шее и верят, что страдание есть сама причина жизни. Значит, пока живешь, как ни крутись, будешь страдать. Но, если подумать, это еще полбеды. Ведь если страдание — причина жизни, то в чем причина страдания?..

— И в чем?

— Ну, не скажу, что я знаток их учения... Да и сами его последователи, кажется, не обо всем договорились между собою. Те, что попроще, отвечают: мол, у всех есть желания, которые нельзя утолить до конца, а если и можно, то вместе с радостью — или вместо нее — мы получим страх потерять обретенное... — тут Палден Лхамо заметила, что мне тяжело дается путь вверх, и снова усадила меня на лапы. Я почти ткнул носом в ее ухо и тут же почувствовал дымный запах, идущий от белых волос. — Звучит разумно; но откуда берутся желания? С некоторыми вроде бы ясно: они заложены в природе тела. Если горло пересохло, хочешь пить; если желудок пуст, хочешь есть... Но ведь можно устроить жизнь так, что тело не будет знать печалей. В южной стране это называют «рождением в мире богов». Если так посмотреть, мы и правда боги: ревет почти не касаются болезни и унылая старость, холод, голод или боль. Но даже когда у тебя есть наслаждения всех пяти чувств, счастья может и не быть. Что же грызет душу, когда желания тела удовлетворены?

— Ну там... любовь всякая? — предположил я, морща лоб. — Или когда друзья на тебя обижаются... Это грустно.

— Да, бывает и такое, — согласилась Палден Лхамо. — Но позволь спросить, Нуму: ты чувствовал когда-нибудь тоску? Не грусть от расставания или обиды, не тревогу, не печаль о ком-то, не уныние и скуку, а беспричинную тоску?

Я задумался, припоминая; не дождавшись ответа, богиня покачала головой:

— Значит, нет — иначе сразу бы понял, о чем я. Но каждому колдуну тоска знакома. Она похожа на птенца в яйце; когда тот вырастает и скорлупа становится слишком тесной, птенец пытается выйти наружу. Так и она стучит костяным ключом в солнечное сплетение, раздвигает ребра бесперыми крыльями... От нее натягиваются жилы в руках, и хочется кричать или расцарапать кожу и мясо, чтобы вынуть ее из себя... В чем ее причина? Не в теле; не в сердце. Как ее прекратить? Может, кто-то из тех, кто носит белые ракушки, и знает ответ; а может, и нет.

От этих слов — от того, как они были сказаны, по спине побежали мурашки и шерсть на затылке стала дыбом. Зачем-то понизив голос, я прошептал:

— И у тебя бывало такое?

Палден Лхамо только усмехнулась, чуть приоткрыв белые зубы.

— Но... О чем тосковать богам? У вас правда все есть! А чего нет, то принесут, стоит только пожелать; и еду, и золото, и драгоценности! Чего ж еще хотеть?

Она окинула взглядом лестницу, оценивая, сколько еще предстоит подыматься.

— Пока мы идем, расскажу кое-что. Ты знаешь уже — свою вторую жизнь в этом мире я посвятила колдовству. За три сотни лет я многому научилась сама и многому научила обитателей Перстня, но этого было недостаточно. Та самая тоска гнала меня вперед, все дальше и дальше. Ее зов звучал в голове днем и ночью, протяжно и заунывно, как волчий вой... как эхо на горном перевале. Иногда казалось, я вот-вот догоню ее, сожму в кулаке, заставлю замолчать! Но нет: я будто охотилась за тенью. Эта непрекращающаяся погоня — посты, бессонные ночи и прочие средства, к которым прибегают колдуны, чтобы продвинуться на пути, — истощила мои силы. Хоть я еще не была стара по меркам ренет, но

уже одряхла и ослабла. Так совпало, что моя младшая сестра понесла; ее ребенку нужна была душа, и я решила, что пришло мое время переродиться.

Тогда я простилась с ученицами в Перстне, пообещав, что скоро вернусь в другом обличье, и отправилась в горы — туда, где не ходят ни шены, ни слуги с яками и овцами. Там растут дикие мхи, кустарники и травы и среди них — безымянные цветы, которые запрещено срывать жителям Бьяру. Ты наверняка видел их на столе у Сиа: маленькие соцветия, похожие на бессмертник, почти лишённые запаха. Лепестки у них золотые, стебли и листья — серебряные; а корни черные, как уголь. Знаешь, откуда они берутся?

Я помотал головой.

— На севере, на махадвипе Уттаракура, есть дерево — на него слетаются души мертвых, чтобы ждать нового рождения. С виду оно кажется засохшим, но это не так: внутри кипят ядовитые соки. Корни дерева расползаются далеко-далеко, по всему миру, и местами выходят на поверхность. Из них выделяется желтая роса; там, где она смачивает землю, вырастают эти цветы. Поэтому у них есть особые свойства: съешь три лепестка и погрузишься в сон; съешь шесть — тело погибнет; ну а если съешь девять, то отравишь саму душу. Она позабудет себя, свои *сах* и *рен*, как обычно и случается с теми, кто оказался на дереве Уттаракура.

И вот, ранним вечером я пришла на поляну, покрытую цветами; она сверкала среди гор, как драгоценное зеркало. Моим намерением было принять нужное количество яда и умереть спокойной, безболезненной смертью, чтобы затем сразу переродиться. Я села, прислонившись к камням, сорвала один цветок, вырвала из венчика шесть лепестков и проглотила. Ты когда-нибудь пробовал те цветы? Нет, конечно; зачем тебе?.. На вкус они горькие и сухие, как пыль.

Как только я разжевала лепестки, пальцы на руках и ногах начали неметь. В груди стало легко и пусто; сердце билось все тише. Сквозь полусон я видела, как над горами заходит солнце — а навстречу ему, кутаясь в красноватую дымку, поднимается серп луны. Отсветы небесных огней, горячих и холодных, тут и там вспыхивали на скалах; влажные тени полягушачьи жались к земле, прячась за камнями и под листьями цветов. Ветер касался меня — такой приятный, несущий с собой запахи тысячи мест: храмов с тлеющими благовониями и домов с жарящимся над очагами мясом, городских улиц и диких долин, где не бывал никто — ни ремет, ни вевпавет... И во всем мире был такой покой, а я так устала, что подумала — не стоит ли сойти с пути? Остановиться? Зачем бежать за недостижимым, зачем страдать, зачем перерождаться, если можно стать этим ветром, этим солнцем и травой? Может, ответ не в том, чтобы стремиться вверх, а в том, чтобы вернуться вниз? Может, черви блаженной богов?..

И тогда я подняла цепенеющую руку, в которой еще зажат был желтый цветок, и, не считая лепестки, откусила венчик целиком.

Не успела я проглотить отраву, как земля подо мной опрокинулась. От макушки до пяток меня пронзила дрожь; это было похоже на то, как падаешь во сне... только проснуться я не смогла. Вместо этого я проваливалась все глубже и глубже. Перед глазами мелькнули камни и грязь, бледные корни растений и розовые личинки жуков; я пыталась ухватиться за них, но бесполезно! Сверху наваливалась чернота, давила на грудь неподъемной тяжестью... И я вдруг поняла, что меня ждет — остаться замурованной во тьме на целую вечность. Оцепенение; отупение; медленное гниение заживо. Вот что бывает с теми, кто сходит с пути, Нуму, кто говорит: «Хватит! Я не хочу большего! Я лучше останусь на месте или

поверну назад и стану животным, или камнем, или травой». Я обернулась — и была наказана.

Я хотел спросить у богини, как же ей удалось выбраться из этой западни, но перед нами уже распахивалась дверь в Коготь. Палден Лхамо ссадила меня с лап и, легонько подтолкнув в спину, велела:

— А теперь иди на занятия! Шаи, наверно, уже заждался.

На протяжении следующей недели я много размышлял над тем, что сказала Палден Лхамо. Она хотела, чтобы я стал зеркалом богов и наблюдал за ними? Что ж, это было несложно — вся жизнь дворца проходила у меня перед глазами. Но что такого страшного его обитатели могли сделать?.. Насколько я мог судить, их дела и помыслы были почти безраздельно посвящены заботе о мире дольнем. Едва ли в Олмо Лунгринг могли родиться лучшие цари, министры и судьи! Даже Шаи, со слов Сиа, прожженный лентяй, на деле не просто так гулял по Бьяру и заливал в горло кувшины чанга. Когда он возвращался из города, то всегда приносил вести, сплетни и слухи, неизвестные и тысячеухим, тысячеглазым вороноголовым.

К слову, после нашей давешней ссоры Шаи куда-то пропал, даже не попрощавшись. Я не очень беспокоился, потому что Сиа на вопросы о сыне только досадливо морщился и отмахивался; случись с ним что серьезное, лекарь вряд ли был бы так равнодушен. Но все же мне хотелось, чтобы Шаи поскорее вернулся во дворец и мы бы могли поговорить и помириться. Он все-таки был моим другом, хоть я и понял теперь, что не каждое слово молодого лха стоит принимать на веру.

В последнее время я вообще стал больше понимать в разговорах богов. Может, это оттого, что я худо-бедно выучился *меду нечер*... а может, потому, что просто повзрослел? В конце концов, мне шел уже восьмой год — всего-то через одну зиму по законам Олмо Лунгринг я мог бы взять себе новое имя, получить от родителей в подарок стадо яков или овец и даже — о, боги! — жениться! Последнего я делать не собирался, да и яков во дворце девать было некуда; но я хотя бы сумел убедить Сиа не гнать меня спать сразу после заката, как какого-то молочного щенка.

И сколько же нового я узнал, отстояв право ложиться позднее! К примеру, раньше я почти и не встречался с Нехбет, матерью Падмы и главным небесным казначеем: она покидала Коготь засветло, а возвращалась не раньше часа Свиньи. Если я и сталкивался с богиней случайно, то только и мог, что подивиться чернильным пятнам на белых щеках и лбу да тому, как жилы выступают на тревожно вытянутой шее; а через мгновение Нехбет скрывалась из виду, шагая так быстро, что нефритовые кольца в волосах бряцали наподобие маленьких дамару. Но теперь я видел, как сумеречными вечерами она возвращается в Коготь, садится за стол в кумбуме, разбрасывает по нему кипу бумаг и, едва прикоснувшись к еде, всматривается в них с напряженным вниманием, словно предсказатель — в гадательные узлы. А если я подходил поближе, то слышал, как она пересчитывает хлеб и сушеное мясо, зерно для посева, запасы дров и масла, серебро и золото в сундуках князей — снова и снова, будто начитывающий молитвы паломник. Это занятие всегда напоминало мне о старике-счетоводе, в подчинении у которого я был в Перстне: только тот присматривал за одним дзонгом, а Нехбет — за целой страной. Мало того, ей же пришлось вести учет всех переселенцев, явившихся в Бьяру с окраин страны, и следить за тем, чтобы им дали крышу над головой и положенную меру еды; а еще и чтобы на этом не нажились нечистые на лапу

оми.

Несколько раз я решился заговорить с женщиной-грифом и узнал, что прибывших уже немало. И точно, ближе к ночи из окон дворцового сада становилось видно зарево по обе стороны от города — не от солнца, тлеющего на западе, не от восходящей луны, а от костров тех, кто сбежал из земель, где весна так и не наступила. Нехбет сказала, что все они уже приставлены к работам у Стены: копают рвы и ямы, вбивают в землю железные колья, выворачивают глубоко засевшие камни; что дороги запружены повозками с песком и кирпичами, а по реке Ньяханг поднимаются лодки, груженные белой глиной и бочками со смолой.

Встречал я по вечерам и других обитателей Когтя: к примеру, Утпалу, заходившего в кумбум подкрепиться перед своей ночной работой. Вороноголовый тоже наблюдал за строительством Стены, которое не останавливалось и с наступлением темноты. Как-то он обронил, что в час Снежного льва на полях за городом собираются шены и что Железный господин раз или два спускался к ним и возвращался только под утро... и вдруг замолчал, а на лице у него появилось выражение не то испуга, не то отвращения — но больше Утпала ничего не захотел объяснять мне.

Бывало и так, что я становился свидетелем чужих бесед. Однажды я задержался в саду дольше обычного, читая книгу о какой-то давней войне и герое, который никак не мог вернуться домой, а потом заметил, как в кумбуме загорелся свет. Я подкрался поближе — но не слишком, чтобы меня не видно было из-за перистых кустов гла цхер. Подсматривать, конечно, нехорошо, но ощущение невидимости и неуловимости наполняло мою грудь щекочущей радостью. Я представил, будто я голодный дух, который в дни после Цама вырывается из сумрачного нижнего мира и бродит от двери к двери, заглядывая внутрь домов и подбирая приношения, оставленные на пороге.

Оказалось, в кумбуме сели ужинать Падма и Камала: первая сидела понурившись, непривычно тихая и грустная, а вторая хлопотала вокруг, нарезая влажный, сочащийся мутными слезами сыр, намазывая хлеб желтоватым маслом и разливая по стаканам сладкое вино. Падма будто и не замечала усилий подруги; наконец, набив рот мякишем, она невнятно пробормотала:

— Я не хотела, чтобы так получилось. Но у нас не было другого выхода, — тут она залпом опустошила стакан и в гневе ударила им по столу; удивительно, как посудина не разлетелась на тысячу кусочков! — После того как Пундарика нашел его у подножия гор, я гнала его весь день. Рядом, как назло, не было ни барса, ни снежного льва, чтобы перегрызть ему глотку; только пара воронов — достаточно, чтобы не упустить его из виду, но не для того, чтобы выклевать ему глаза. Я пыталась залезть в его мысли, как учила Селкет — и, клянусь, несмотря на все амулеты, которые этот мудак на себя навешал, я нагнала на него такого страха, что один раз он сам чуть не сверзился в пропасть! Тогда бы все и кончилось... Но ему повезло — мало того, что башку не разбил, так еще и успел забраться под землю, в старые пещеры Лу. Я пыталась последовать за ним, но... Ты ведь знаешь, — Падма коснулась лба, как будто у нее вдруг разболелась голова. — Там стоит такой тяжелый дух... как след копыта, наполнившийся водой.

Последние ее слова звучали загадочно; может потому, что я еще не очень освоил язык богов? Но Камала, похоже, все поняла.

— Ничего. Правда, не переживай.

— Если бы мы промедлили, он мог бы уйти змеиными ходами... Уйти! После того, что

сделал! Только поэтому мне пришлось просить тебя: у меня не хватило бы сил, чтобы справиться. Прости.

Камала наклонилась и крепко обняла маленькую демоницу, прижимая к себе, как ребенка. Выкрашенные кармином губы дрогнули — видно, не одной Падме было грустно; но Камала проговорила мягко, утешая расстроенную подругу:

— Я, конечно, не люблю лезть в чужие души... тем более ломать их. Но я уверена, ты не стала бы меня звать, если бы это не было необходимо. А теперь не плачь, пожалуйста — а то я тоже заплачу.

Падма всхлипнула, послушно кивнула и утерла лицо рукавом.

— Не сомневайся, Камала. Эта мразь заслужила смерть... Такую же, на которую он обрек своих «учеников», — вороноголовая подняла взгляд, и я даже из своего укрытия увидел, какой яростью горят ее глаза. — Он обобрал их до нитки — мы не вмешивались. Он пользовал женщин и продавал детей в дома удовольствий — мы и это стерпели. Но когда эти несчастные наскучили ему и стали обузой, он поднес им отравленного чанга, пообещав за мученическую смерть новое рождение на небесах! И они поверили этому неудачнику... Представь, его даже из Перстня выгнали; такое ничтожество, а смогло притвориться богом!

— Не он первый, — обронила Камала едва слышно, но Падма сразу отстранилась: кажется, даже волосы на затылке у демоницы стали дыбом.

— Прошу, не повторяй следом за Утпалой весь этот бред про «мы же не боги»! Разве мы такие же, как этот убийца? Разве я — такая? — спросила она дрожащим, срывающимся голосом. — Разве лучше, если бы мы плюнули на все и отошли от дел, как он предлагает? Просто по совести, можем мы так поступить? Представь, что завтра мы исчезнем — что тут начнется? Князья вцепятся друг другу в плетки; запасы разграбят; а потом все помрут от голода и холода!

— Извини, — примирительно пробормотала Камала, обхватывая ее трясущиеся плечи. — Конечно, ты не такая. Но все-таки... Утпала прав в том, что мы заполучили наше положение обманом.

— Прямо уж обманом! Может, Утпала на звание бога и не тянет, но он тут не единственный. Не допускаешь, что он просто завидует тем, кто лучше его?

Камала не ответила, только прикрыла рот краем белой лепешки — но не откусила ни кусочка.

— Ты и сама помнишь, а, госпожа Сатхатхор? Давным-давно, две жизни назад, когда мы только ступили на борт этого корабля, Утпала уже терпеть не мог и тебя, и Нефермаата — просто за то, что вы родились в Старом Доме. Вот ведь молодец, а? Ну а потом, когда вы оба... обе... Дре ногу сломит в этих перерождениях! Короче, когда вы овладели *хекау*, его вообще переборщило. Не говоря уж о том, что Уно довелось стать Эрликом. Будем честными, кто из нас не завидовал этой силе? Этому дару... — она растопырила пальцы в воздухе, будто наматывая на них невидимую пряжу. — Менять мир.

— Не знаю, чему тут завидовать. Это никакой не дар, а болезнь. Он уже одной ногой в могиле... а то и обеими.

— Если подумать, нечему, конечно. И я бы никогда не поменялась местами ни с ним, ни с Селкет; она будет следующей, это ясно. Но зависть — это чувство; а чувства опережают мысли, как молния опережает гром. Так и с Утпалой и случилось, зуб даю.

— Ладно, убедила. В своей божественности я все-таки не уверена, но Селкет действительно ничего так, — протянула Камала с хитрой улыбкой, поглядывая на Падму из-

под длинных ресниц.

— Фуу! — возмутилась та, расплескивая вино по рубашке и полу. — Она же старая!

— Тебе тоже уже девятый десяток идет. По меркам вепвавет, столько вообще не живут.

— Она старая и жуткая, — упрямо повторила Падма. — Я бы лучше скорпиона в постель себе запустила. Хотя тебе и этот придурок Шаи тоже «ничего так»!

— Ну, не ревнуй. Ты же знаешь, Шаи — просто развлечение; я люблю только тебя, — пропела в ответ Камала, склоняя украшенную заколками и лентами голову на плечо подруги. Тут я счел за лучшее побыстрее нырнуть в кусты и обходными путями выбраться из сада. С тех пор ссоры между Падмой и Шаи виделись мне совсем в другом свете... но главное, мне стало ясно как день, что среди обитателей дворца нет согласия.

С тех пор, как сны про горы и озеро прекратились, мне стало тяжело засыпать. В темноте, ерзая затылком по слишком горячей подушке, я думал о разговорах, ведущихся во дворце. Выходит, Утпала считает, что лха не следует вмешиваться в дела Олмо Лунгринг, а Падма — что стоит; Нехбет боится того, что принесет Стена, а Палден Лхамо говорит, что без нее никуда; Шаи ненавидит Железного господина, ну а тот, может, помрет со дня на день! И что нам тогда делать?.. Но все это было слишком сложно, а потому мысли быстро перескакивали на излюбленный предмет — то бишь на меня самого. Я воображал, как сам бы поступил, окажись на месте ремет — в чужом мире, среди маленьких кочевников и огромных чудовищ. Обладая знаниями и силой богов, стал бы я обучать и защищать тех, кто знает и умеет куда меньше, или оставил бы их в покое? Очистил бы земли от демонов и змеев или положил на все хвост?

Эта задачка засела в мозгу так крепко, что аж в висках заломило. Объявить себя царем всея Олмо Лунгринг — это еще полбеды; а как насчет *хекау*? Научись я колдовству, стал бы стоять в сторонке, как Камала, или?.. От одной лишь мысли об открывающихся возможностях аж лапы зачесались! Правда, первым применением, придуманным мною для почтенного тайного знания, было превращение вонючей пасты, которой Сиа ежеутренне надраивал зубы, в пригоршню куркумы. Пусть потом гадают, от какой болячки язык желтеет!

Мерзко хихикнув, я завернулся в одеяло и крепко зажмурил глаза. Мечты уносили меня все дальше: вот я уже мановением брови поднимал из океана цветущие острова и сокрушал заснеженные горы, плевками сбивал звезды с небес и оседлал солнце, как длинногривого лунг-та; а потом — чего мелочиться! — и вовсе принялся за судьбы мира. Точно золоченый ларец, перед моим внутренним взором раскрылись покои княжеского дворца. Внутри толпились наизнатнейшие оми, с парчою на животах и тигриными шкурами на покатых плечах, а я как будто стоял перед ними в простом черном чуба, с железными четками у пояса, и отдавал приказ возвести Стену любой ценой, не жалея ни сил, ни средств; и надменные вельможи сгибали в поклоне непривычные к этому спины...

Ну, разве не глупость? Я аж прикусил подушку со злости: как будто князья сами будут рыть канавы и обжигать кирпичи! Нет, для этого есть бедняки с окраин, у которых зима отобрала последний клочок пастбища, последнюю горсть цампы, — такие, как моя семья. Вот кто идет сейчас в Бьяру, чтобы жить впроголодь на задворках столицы и что-то там строить по чужой указке. Палден Лхамо правильно говорила: милосердие богов не обойдется Олмо Лунгринг даром.

А если взаправду, смог бы я так: мучить кого-то, пускай и ради большего блага?

Тут я застрял, как увязшая в паутине мошка, не в силах ответить ни «да», ни «нет».

Сколько ни сопи, сколько ни расчесывай когтями затылок, честно взвесить и измерить самого себя затруднительно: может, со стороны виднее? Но кого спросить? Ни Сиа, ни Падма, ни Шаи, даже будь он сейчас в Когте, не поняли бы моей печали. Вот если бы поговорить с Эрликом — кто, как не он, разбирается в милосердии! Нужен был только повод, чтобы не заявляться к богу без приглашения; и скоро он представился.

Иногда Сиа по указанию Палден Лхамо делал особое лекарство: растирал желтые цветы (которых я теперь боялся как огня) в легчайшую сухую муку, серебряной ложечкой черпал крошечную горстку, добавлял в нее масел, и специй, и каплю белесого молока, которое давала Кекуит, замешивал получившееся «тесто» и скатывал из него маленькие шарики, пахнущие гнилой водой и цветущей ряской. Поначалу эти катышки были бледными, как старые кости, но, потомившись ночь под полотенцем, к утру становились как сердцевина яйца. Тогда лекарь складывал их в эмалированный ларчик и относил Железному господину. И вдруг я вызвался ему помочь!

— Да ладно?! — удивился Сиа. — Сам пойдешь, по своей воле? Что ж ты, всякий страх потерял?

— Нет, мне очень страшно, — честно ответил я. — Но у тебя работы много... и вообще ты старый, тебе ходить туда-сюда тяжело. У тебя, Сиа, лапы скрипят, будто в каждый сустав по десятку сверчков напихали.

Лекарь хмыкнул не то благодарно, не то обиженно, но все же отдал мне снадобье. Пока я поднимался, всячески старался унять волнение и дышать помедленней, но все равно, заходя в покои Эрлика, чуть не отхватил щелкающими зубами почтительно высунутый язык!

— И тебе привет, Нуму, — сказал Железный господин, не поднимая головы; прямо перед ним на столе лежал тонкий диск, на поверхности которого мигали многоцветные значки, а вокруг, будто кипы стриженной овечьей шерсти, громоздились всевозможные книги, свитки и даже скрепленные шнурами таблицы, какими пользуются писцы Бьяру. — Что, Сиа занят?

— Нет, — ответил я и, глубоко вдохнув, выпалил. — Я сам попросился прийти. Я хотел спросить о кое-чем.

Видимо, этот ответ удивил бога — по крайней мере, он повернулся ко мне. С прошлого раза, когда я оказывался вблизи от него, прошло не так много времени, а Эрлик постарел на дюжину лет: высокий лоб иссекли морщины, щеки ввалились, и разбухшие сосуды синели под кожей, как потеки ярь-медянки.

— О чем же?

Тут мне стало не по себе, но отступить было некуда:

— Ну... Мне Палден Лхамо сказала недавно, что для того, чтобы явить милосердие иногда приходится причинять боль. И я думал о том, что это значит... Нет, я понимаю, что, когда делаешь что-то хорошее, оно может сначала показаться плохим. Один раз дядя привел меня в лавку к лекарю: больные у него кричали, и извивались, и глотали горькие зелья — а потом исцелялись! Но если бы я был на месте этого лекаря... или если бы... если бы владел другой силой, которую можно употребить во благо, сумел бы я сделать это? Причинить боль, чтобы спасти кого-то?

— Ты хочешь испытать себя? — спросил Железный господин, и я, немного подумав, кивнул.

— Ты уверен?

— Да.

— Хм... — бог склонил голову и с сомнением посмотрел на меня, будто на болотную кочку — выдержит она или провалится в трясину вместе с наступившим? — Точно? Нет ничего зазорного в том, чтобы отказаться.

— Но я правда хочу, — в третий раз подтвердил я, не обращая внимания на тревогу, пиявкой впившуюся в солнечное сплетение.

— Ладно; тогда у меня найдется для тебя задание. Этой ночью, в начале часа Крысы встретимся у выхода из Кекуит. И возьми с собой маску, не забудь!

В назначенное время я стоял на том же месте, откуда мы отправились наружу с Палден Лхамо; только теперь я ждал ее брата. Вскоре он появился, одетый в черный чуба с поясом из змеиной кожи. У его левого бедра был прилажен аркан с железным крюком, у правого — костяная булава с навершием в виде черепа: тот скалился в жуткой ухмылке и пучил раскрашенные красной краской глаза. Железный господин шел медленно и ступал тяжело; на его лице и теле лежала явная печать болезни. И все же теперь я не мог не замечать его сходства с Палден Лхамо — и это внушало не меньше жути, чем рогатая маска быка, которую Эрлик нес, схватив за гриву, точно отрубленную голову демона.

Спуск по лестнице, обвивающей изнутри Коготь, был длинным и утомительным, но в этот раз я старался ничем не выдать усталости — не хватало еще, чтобы Железному господину пришлось тащить лишнюю тяжесть! Пускай лапы под конец и подкашивались, мне удалось пройти весь путь самому. Только когда лха уже сворачивал в боковой ход, я чуть отстал, запыхавшись, и вдруг заметил кое-что. Вокруг вырезанного в скале проема мерцали выведенные белой краской знаки, не похожие ни на буквы, бывшие в ходу в Олмо Лунгринг, ни на *меду нечер*. Что же это было? Указатель пути — или заклинание, преграждающее путь непрошеным гостям?

Еще с минуту нам пришлось плестись по пологому коридору куда-то вниз, пока темнота вокруг не порыжела, будто выцветшая на солнце шерсть. В лицо дохнуло теплом; впереди слышалось низкое, глухое мычание — не то животный звук, не то шум неведомых механизмов.

— Надень маску, — велел бог. Я послушно опустил личину на нос и связал на затылке удерживающие ее шнуры, а потом чуть скосил глаза в сторону — туда, где стоял Эрлик, — но тот как будто растворился в воздухе. Я даже испугался, пока не понял, что мои глаза просто не могут различить его обличье в окружающем сумраке.

— Теперь идем, — слышалось сверху. Еще несколько шагов — и перед нами распахнулись двустворчатые двери, покрытые замысловатой росписью; за ними оказались странные покои — просторные, но с очень низкими потолками и совсем без окон. Единственным источником света здесь были огни, горящие перед расставленными вдоль стен алтарными камнями. Подозреваю, что мы очутились в подземельях под Перстнем.

Хоть откуда-то сверху и тянуло сквозняком, здесь было жарко, как в котле; а еще повсюду висел густой, на редкость вонючий дым, от которого кружилась голова и обильно текли слюни. Мне показалось, если отстану, то задохнусь, упаду и навсегда потеряюсь в этом мареве; а потому я припустился бегом за Железным господином, едва не наступая на подол его длинного одеяния и ладони шенов, простершихся ниц вдоль нашего пути.

Бог остановился только в середине залы — там, где на исполинской треноге стоял почерневший от копоти чан шириною в десять обхватов, не меньше. Привстав на цыпочки, я заглянул внутрь: на две трети его заполняла чистая, прозрачная влага; по толстому краю

были разложены пучки сочной травы, цветы, корни и семена, горстки блестящих драгоценностей, соли и белого песка, птичьи перья, змеиные шкуры, чьи-то красные потроха и лоснящаяся, темная печень, вороний череп... и тысячи других вещей, которые я и рассмотреть не смог. Внизу, под толстым выпуклым дном, кто-то уже разложил дрова и связки ивовых прутьев для растопки; по бокам стояли четыре шена с кувшинами, полными воды, молока, чанга и свежей крови. А сверху над чашей, под самым потолком, висел блестящий крюк с протянутой через него веревкой.

Двое почжutow вынырнули из полумрака и приветствовали Железного господина безмолвным поклоном. Дождавшись ответного кивка, они подали знак младшим шенам. В дальнем конце залы распахнулась вторая дверь, взвихрив густой дым, и под низкие своды ввалилось нечто огромное, черное, ухающее наподобие дырявых кузнечных мехов. Это был Чомолангама! Но боги, что с ним случилось? Выпуклые глаза быка слезились, веки распухли и покраснели; бока тяжело вздымались, и пот ручьями катился по короткой шерсти. Я заметил, что его передняя нога была перевязана у копыта: белая ткань насквозь пропиталась сукровицей и чем-то гнилостно-желтым... Его укусила гадюка? Или бык поранился в горах, и теперь зараза расползлась все дальше?..

Чомолангму подвели к нам; несмотря на боль, он почувствовал меня и потянулся вперед с тихим, жалобным мычанием.

— Подведи его к краю и поставь на колени, — велел Железный господин. Шены, ведущие вахану, будто только этого и ждали: торопливо сунув поводья мне в лапы, они растворились в дыму. — Вот здесь.

Когтистый палец указал место. Я похлопал Чомолангму по боку, веля прилечь, как если бы на его спину собирался взобраться наездник. Тот нехотя дернул ушами, но все же подчинился и улегся на полу; я погладил широкий, покрытый испариной лоб и прошептал на ухо зверю что-то ободряющее. Наконец, ласка успокоила его: дыхание стало ровным, и красные ноздри уже не трепетали, как осиновые листья на ветру. И тут один из почжutow схватил быка за челюсть, дернул морду вверх и рассек тесаком обнажившуюся шею!

У Чомолангмы были могучие жилы и толстая кожа, но шен знал, что делал. Горячая кровь хлынула в чан; бык захрипел, забил копытами, пытаясь подняться, но завалился на бок — и беспомощно посмотрел прямо на меня. Этот взгляд был страшнее удара под дых. Я выпучил глаза и разинул рот, хватая губами воздух, а в это время второй почжут уже оплел хитрыми узлами могучие копыта. Дюжина шенов схватились за продевшую через потолочный крюк веревку, поднатужились и увлекли тело Чомолангмы вверх.

Меня замутило. По счастью, Железный господин стал прямо передо мною, закрывая от жуткого зрелища. Кто-то громко крикнул; шены оторвали лбы от пола и запели — или зарычали; из их глоток выходил утробный, низкий звук, от которого все переворачивалось внутри. Вдруг вверху что-то полыхнуло, да так ярко, что я не выдержал и выглянул из-за спины Эрлика.

Бык горел — не просто обугливался, как мясо, жарящееся на костре, а полыхал весь целиком, будто облитый крепким чангом. Его шерсть, жир и мускулы плавилась и исчезали в языках огня почти бесследно — только тонкие, невесомые хлопья падали на воду, — пока под сводами залы не остался один голый скелет. Тогда кости опустили в чан; сначала туда погрузились копыта, потом ребра, позвоночник и шея, а затем весь остов ушел на дно, до самых кончиков рогов.

Почжуты белыми нарядными щеточками из ячьих хвостов смели в чан все, что лежало

по краю, все пряности и приправы; как будто готовили знатную похлебку! Четыре шена влили в варево содержимое своих кувшинов; другие прислужники высекли искры из железных чакмаков, поджигая костер. Стало еще жарче; вода в чане закипела быстро, сначала подернувшись розоватым паром, а потом покрывшись густой пеной. Я задерживал дыхание, насколько хватало сил, чтобы не наглотаться смрада: в воздухе была кровь Чомолангмы.

Железный господин подошел к самому краю чаши и развел над ней лапы. Так же Палден Лхамо стояла у основания Мизинца; и его черные рукава были как крылья, но из них не вышли железные стрелы. Вместо этого вода забурлила еще громче, будто внутри чана бил подземный источник. Соленая испарина и дым костра перемешались и сгустились настолько, что я свой нос еле различал.

Потому-то я не поверил сначала, когда увидел, что над белесыми клубами поднялись острые рога, и мощная шея, и бока, облеченные плотью. Но воздух очистился, и я убедился, что чан пуст — а на дне стоит Чомолангма, целый и невредимый! По крайней мере, тело его было в порядке: на ногах не было ни ран, ни язв. А вот ум... Бедный зверь косил, дико озираясь вокруг; я хотел подойти к нему, чтобы успокоить, но, заметив это, бык захрапел и забил копытами, стегая бедра гибким хвостом. С великим трудом одному из шенов удалось накинуть аркан ему на шею и увести прочь.

На этом наши дела в Перстне были закончены. Кивнув напоследок почжутам, Железный господин повернул обратно; я поплелся следом. Двери гомпы хлопнули за моей спиной; неосвященный ход остался позади... Только когда мы снова оказались внутри Мизинца, с его бледными лампами-чортенами и лестницей, уходящей к небесам, я снял маску и заплакал.

Железный господин тоже стянул личину быка. Я утер сопли подолом чуба, ожидая выговора, но вместо этого услышал слова утешения:

— Сегодня ты спас жизнь своему другу. Он мучался — и мог бы мучаться еще долго; другие лекарства не помогли бы. А теперь он снова здоров и скоро забудет о сегодняшнем дне.

— Я не забуду.

— Ты и не должен.

Мои щеки так горели от стыда, что я почти учуял запах паленой шерсти. Раньше мне доводилось помогать матери и сестре резать коз, а в Перстне — сворачивать головы гусям и уткам; вшей, клопов и мокриц я и вовсе передавил без счета. Но ни козы, ни утки, ни разбегающиеся на свету жуки не доверяли мне так, как Чомолангма! А я обманул его... Да лучше бы я сам держал тот тесак — так было бы, по крайней мере, честнее!

Но не только это глодало меня. Был и другой вопрос:

— Я не прошел испытание, да? Я никогда не смогу стать колдуном?..

Железный господин вздохнул, потирая лоб:

— А что, ты хотел бы?

— Я... я не знаю, — честно признался я. — Это здорово, когда так много всего умеешь: понимать язык зверей, превращаться в птиц... принимать разные обличья. Но Палден Лхамо говорит, если занялся колдовством — уже нельзя повернуть назад. Нельзя будет жалеть и сомневаться... а я... мне жалко Чомолангму...

Тут я снова готов был разреветься, но на плечо мне опустилась почти невесомая ладонь бога. От удивления я так и замер с открытым ртом.

— То, что ты жалеешь, — не беда. Редко кто рождается совсем без сердца... разве что моя дорогая сестра, — тут Эрлик скривился, будто плотнул превратившегося в укус чанга. — Но к другим нельзя подходить с ее меркой — у них на пути всегда будут препятствия. Я мог бы научить тебя, как преодолеть это... да и остальные. Но стоит ли тебе учиться?

— А... почему нет?

— Шаи любит упрекать меня в скрытности, — вздохнул Железный господин. — Ну так я буду с тобой честен, Нуму, и расскажу кое-что про *хекау*.

Ты уже долго живешь рядом с Сиа и должен знать, что, когда лекарь осматривает больного, он видит в нем не своего соседа, брата или сестру. Если он хорош в своем деле, то перед ним — просто совокупность нервов и сосудов, мышц, костей и потрохов. Его рука не должна дрожать от страха, взгляд — мутиться от тревоги.

Вот и овладевший *хекау* в конце пути должен стать таким лекарем — только для всего мира. А значит, что ему придется отрезать себя от всех радостей и печалей, какие только есть; отделиться от твердой основы и, будто пушинка кхур мона, скитаться в пустоте. Отчуждение разрастается вокруг колдуна, как сорная трава. Сегодня ты попробовал, каково это, и уже потерял друга. Но речь не только о друзьях, или любовниках, или другой шелухе, за которую цепляются слабые сердцем. Нет, речь о самой жизни: мало-помалу все вокруг выцветает, блекнет, теряет запах и вкус. Солнце не греет, холод не обжигает. Ты одновременно здесь и не здесь; и хотя тело еще ходит по земле, ты немногим лучше мертвеца.

— И ты как живешь с этим? — ужаснулся я, закрывая рот ладонью.

— Обо мне не беспокойся, — отмахнулся бог. — Думай о себе, Нуму. Да, у тебя есть способности к колдовству — ну так они есть почти у каждого; просто у кого-то больше, у кого-то меньше. Это не значит, что ты должен посвящать себя нашему ремеслу. Иногда лучше просто жить.

Железный господин умолк. Стало очень тихо; только сквозняки посвистывали внутри Мизинца, не в силах наполнить его целиком, — точно дети, дующие в ганлин из бедренной кости великана.

— Мне кажется... — наконец пробормотал я, опустив голову. — Мне кажется, я не хочу этого. Ну, оставаться в одиночестве; и учиться колдовству. Но я думал и... вокруг столько бед! И я все же хочу помочь чем-нибудь тем, кто живет внизу, и всем лха... и тебе.

— Думаю, это можно устроить, — улыбнувшись, ответил Эрлик, и мы начали долгий путь вверх.

Свиток VIII. Наверху и внизу

Шаи вернулся в Коготь к началу осени, через три месяца после своего исчезновения. Узнал я об этом случайно — в последнее время я взял в привычку в начале дня, когда Падма сменяла Пундарику на посту, проскальзывать следом за нею в покои на носу дворца. Пока вороноголовая укладывалась на каменное ложе и засыпала тревожным сном, я становился у окна и глазел с высоты Мизинца на окрестности Бьяру: там клубились шапки дыма, то рыжие, то сизо-голубые; вырастали за ночь леса из столбов и перекладин, по которым кузнечиками ползали маленькие черные фигурки и так же быстро исчезали на следующие сутки; полыхали пестрые огни и двигались в тумане громадные тени тягловых яков. Наглядевшись вдоволь на копошение далекой жизни, я обычно возвращался в свою спальню, чтобы заняться уроками, или шел помогать Сиа. Но в тот день, пока я плелся по коридору, дверь слева вдруг распахнулась. Я отпрянул, пропуская Утпалу — и Шаи! Боги, даже не заметив меня, двинулись дальше. Сначала я хотел окликнуть их, но не решился прервать беседу: Шаи что-то горячо втолковывал Утпале, размахивая длинными лапами.

— Если бы Сиа спустился вниз! Лекари им очень нужны. Но старик упертый, как баран, — не думаю, что он меня послушается.

— Тебе пришлось бы уговорить еще и Уно. По-моему, проще веревку из воды свить.

— Это да... — согласился молодой лха, а потом подбросил в воздух свою лохматую маску, снова ухватил за драную бороду и внимательно посмотрел в дыры-зрачки, будто ждал от нее совета; но та молчала.

— Кстати, не удалось узнать, чем шены занимаются по ночам?

— Слухов много, — Шаи неопределенно пожал плечами, а потом вздохнул, округляя длинный рот буквой «ба». — Но чего они стоят?.. Вот, например, горожане считают, что женщины Палден Лхамо воруют новорожденных детей, варят из их жира колдовское зелье, натирают им мельничные жернова и летают на них по воздуху, как птицы. Уж на что я ее не люблю, но не думаю, что это правда: Селкет бы выбрала что-то поудобнее для полетов! Так и с шенами: кто-то говорит, что они засеивают поля зубами Лу, из которых вырастают новые колдуны, кто-то — что ищут клады ноджинов... Но что-то не верится ни в первое, ни во второе.

Утпала обдумал сказанное, а потом буркнул под нос:

— И все же переселенцы умирают.

— Не хочу защищать шенов, но это скорее вина болезней. Сколько там обморожений, язв, лихорадок... А поноса так вообще море! — заметив, как вороноголовый брезгливо скривился, сын лекаря чуть усмехнулся. — Хотя, ради справедливости — все не так плохо, как могло быть. Нужно отдать должное Нехбет: ее стараниями у них есть цампа и крыша над головой. Ну и вы тоже молодцы! Оми хоть и воруют, но с опаской.

— Падме только не говори — на той неделе она двух таких заклевала почти насмерть.

— Жалко, но не очень, — хмыкнул Шаи. Утпала качнул головой не то одобрительно, не то осуждающе и спросил:

— А что насчет тех, что с белыми ракушками? Они, по-твоему, опасны?

— Нет, не думаю. Просто очередная ересь из южной страны — сколько мы их уже видели? Ходят среди работников и нищих, раздают еду, проповедуют помаленьку. Шены их даже не гоняют — много чести.

— В каких богов они верят?

— Да ни в каких.

— Как это? — удивился вороноголовый. — В чем тогда смысл?

— Ну, если судить по их словам, они хотят уменьшить количество страданий в мире.

— И как, получается?

Вместо ответа Шаи скорчил рожу, покачал в воздухе ладонью... и тут наконец заметили меня. Лицо лха вытянулось, а губы, наоборот, сжались, как от кислоты.

— Ладно, я пойду, пожалуй, — пробормотал Утпала, заметив эти перемены, и исчез со скоростью застигнутого утренним светом комара. Мы с сыном лекаря в тяжком молчании спустились в сад.

— Нуу... — протянул я, выходя напрямиком в колючие объятия черной пшеницы; но Шаи не дал мне договорить

— Ты извини меня, — сказал он. — За прошлый раз. Не стоило навязывать тебе собственные мысли, даже из лучших побуждений. У тебя и своя голова есть на плечах.

— Ты тоже извини! — вскрикнул я, от радости стегая хвостом по бедрам. — Мне надо было язык держать за зубами.

— Мысли, в целом, правильная; запомни ее на будущее. Но я понимаю, что ты не со зла проболтался, — лха посмотрел на меня; его темно-серые, слезящиеся от недосыпа глаза казались очень грустными. — Ты, Нуму, доверяешь миру — вот и не считаешь, что от окружающих нужно что-то скрывать. С возрастом это пройдет.

— С тобой там внизу точно ничего не случилось? — подозрительно сощурился я; слышать такие серьезные и рассудительные речи от сына лекаря было крайне странно.

— Да точно. Я просто слишком долго сидел в Кекуит, а от этого рехнуться можно. Мы варимся здесь, взаперти, в тесноте, как момо в котелке, склеившись боками... Весь мир сжимается вот до такого комка, — он собрал ладонь горсткой, будто держал невидимое яйцо. — Но три месяца внизу хорошо прочищают мозги. Стоит только спуститься с небес на землю, и сразу поймешь, что есть проблемы посерьезнее наших старых дрязг. Холод наступает. Со всех концов страны идут несчастные, лишившиеся домов, полей и стад. Проход Стрелы замурован льдом, и никто не знает, что творится за горами, в южной стране. По сравнению с этим все остальное — мелочи.

— Там правда все так плохо?

Шаи прикусил большой палец, раздумывая над ответом. Все это время мы брели сквозь темный сад и как раз остановились у стены, за которой начинались внутренние покои. Наконец лха перестал терзать свои несчастные, и без того тупые когти и спросил:

— Хочешь пойти со мной?

— Наружу? А можно?! — охнул я.

— Ну, я никому не скажу. А ты сам все увидишь; это, как известно, лучше, чем тысячу раз услышать! Только надо тебя переодеть. Пойдем-ка.

Заглянув в свою спальню, Шаи вытащил из-под стола грохочущий сундук с разболтанной крышкой, по локоть зарылся в него и извлек на свет невообразимо уродливое, засаленное до масляного блеска рубище.

— Сапоги и халат сними, это — надень.

Поморщившись, я напялил на себя мерзкую серо-бурую тряпку: она пахла кислым чангом, козлами и коровьим потом. Утешало только то, что сам лха обрядился в такую же.

— Готов? — заговорщицки подмигнул он. — Или боишься?

— Ничего я не боюсь! Я там жил, вообще-то, побольше твоего! — огрызнулся я и первым рванул по коридору на выход из дворца, пока Шаи неторопливо шагал за мной.

На этот раз спуск по лестнице, огибавшей Мизинец, дался мне куда проще — вот что значит привычка! Хотя середине пути все же пришлось пропустить вперед сына лекаря: в конце концов, только он знал, куда идти. Для меня все проемы в скале, черные и плюющиеся сквозняками, были одинаковы, но Шаи уверенно вел меня все ниже и ниже, пока мы не очутились у самого дна каменного колодца; только тогда лха свернул в неприметный боковой лаз. Этот ход оказался куда длиннее, чем те, которыми мы шли вместе с Палден Лхамо и Железным господином. Пол был влажным и холодным, так что босые лапы с непривычки пощипывало (а я и не думал, что стану таким неженкой всего-то за пару лет!). На стенах вместо ламп светились наросты какого-то мха, перемежающиеся тонкими, нежными усиками голубых грибов; пахло сыростью и тиной. Потом темнота впереди замутилась, словно в нее влили молока, и я уж было подумал, что мы выходим наружу, но Шаи молча ткнул вверх указательным пальцем. Я послушно задрал голову.

Оказывается, каменный потолок сменился стеклянным — толстыми, с прозеленью, пластинами, скрепленными жилками черного клея. А к ним, будто голодные духи к окнам, прижимались черепа! Были здесь и птицы, и звери, и рыбы; домашние яки и дикие олени; северные лисы и южные обезьяны; хищные барсы и жующие траву зайцы... и вепвавет — множество вепвавет! С трудом отведя взгляд от сотен глазниц, я заметил и прочие части скелетов: они громоздились друг на друге, как жуткие костяные заросли. Некоторые остовы еще щеголяли клочьями заплетенной в косы шерсти, кусками пестрых тканей и серебряными бляхами поясов; иные время ободрало дочиста. Но вот что странно: хоть мертвецы и лишились мяса и кожи, зато из раскрытых ребер, из челюстей, из-под лопаток и крестцов расплзались соцветия кристаллов — блестящие, переливающиеся, ледяные драгоценности, окутанные илистым мраком. Я видел похожие наросты на старых чортенах, сторожащих пристань Перстня, а потому догадался, где мы: под озером Бьяцо!

— Кто это? — шепотом спросил я у Шаи, хотя уже знал ответ.

— Это жертвы. Здесь все утопившиеся праведники... и некоторые звери, удостоившиеся той же чести.

— Они переродятся на небесах?

— Ты бывал на небесах — много их там? — тихо сказал лха. Меня пробил озноб; я согнул шею, втянул голову в плечи и больше не оглядывался по сторонам. Скоро мы снова нырнули в спасительную темноту, попетляли еще с полчаса и выбрались на задворках ничем не приметного дома на северной окраине Бьяру. Не успел я вдохнуть полной грудью, как Шаи, уже успевший обернуться сгорбленным стариком, ухватил меня за лапу и потащил за собою — прямиком к веренице тяжело груженных повозок, со скрипом ползших по дороге.

— Нэчунг! — закричал лха дребезжащим, как медные тарелки, голосом. — Эй, Нэчунг!

— Ба! Сóтри, ты ли это! А я думал, куда ты пропал... — отвечал один из возниц, натягивая поводья, чтобы замедлить поступь лохматого дзо. — А это кто с тобой?

— Внук мой.

— Да прയാааам внук, — протянул Нэчунг с подозрением, и я уж было решил, что тайной вылазке конец, но возница только ехидно ухмыльнулся. — Скорее, пра-пра-правнук!

— Все бы тебе потешаться, Нэчунг... А мне ведь только двадцать семь.

— Ага, верю! Ладно, чего ждешь? Залезай! И ты тоже, внук!

Мы забрались на повозку, с трудом втиснувшись между туго набитых мешков; они

больно тыкали в спину и ягодицы, но Шаи, кажется, было все равно. Он болтал с возницей о всякой нудной чепухе, вроде цен на цампу, последней попойке княжеского сына или о том, где на рынке купить из-под полы толченых жуков для мужской силы. Лха будто и забыл о моем существовании; мне же оставалось только сидеть, оправляя подол хламиды — чтобы через дыры не больно-то просвечивал дорогой шелк, — и смотреть по сторонам.

Недавно прошел дождь: хоть мы и ехали по дороге, застланной свежими белыми досками, их уже иссекли полосы жирной грязи. Но сейчас небо было чистым: в нем плыли только пара-тройка облаков, по краю высвеченных солнцем, да белая, как половинка незрелого яблока, луна. В полях зашелестели щеточки незрелого ячменя, и я вдруг понял, как давно не видел зелени! Конечно, в Когте был небесный сад — но там даже в полдень лежала багряная мгла: из-за этого листья и стебли растений казались почти черными. О настоящем цвете травы мне напоминал разве что стеклянный тростник на стенах спальни... И тут мне жутко захотелось спрыгнуть со скрипучей, медленно катящей повозки и убежать куда глаза глядят! Потеряться среди колосьев, затаиться в полях до ночи, а там меня уже не найдут ни боги, ни демоны: я смогу идти на все восемь сторон и буду сам себе хозяин... Может, попервой тяжело придется, но ничего, проживу как-нибудь, тем более в Бьяру...

Эта мысль была так соблазнительна, что только великим усилием мне удалось усидеть на месте; а потом вместо дрожи нетерпения накатила жуткая тоска. Все вокруг было знакомым, но чужим. Я мог сколько угодно смотреть на облака, вдыхать запахи земли и ковырять когтем деревянные борта повозки... но после всего, что я видел и слышал, я больше не мог вернуться в этот мир; так масло не может смешаться с водой. Наверное, об этом и говорил Железный господин, когда предупреждал об отчуждении, ждущем колдунов, только меня оно настигло и без всякого колдовства.

Повозки проехали мимо вереницы длинных и невысоких домов, похожих на тот, в котором жила прислуга Перстня. Только эти были поновее: известка еще не облупилась, двери и ставни блестели от липкого лака; но у порогов уже набросали объедков, черепков и остовов поломанной утвари, а на крышах — развесили для просушки войлочные ковры. По ним скакали вездесущие вороны, выдергивая там и сям пучки шерсти: то ли Падма развлекалась, то ли птицы честно пытались свить гнездо. Из окон и дверей слышались то хлопки мокрого белья, то детский плач, то громкий смех. Но мы проехали мимо, туда, где домашний шум сменялся стуком молотков и топоров; туда, где строили Стену. Повозка подомной качнулась, останавливаясь, и я бы улетел в грязь, если бы Шаи не удержал меня. Странно было видеть на своем плече иссохшую старческую лапу, а чувствовать хватку сильных и цепких пальцев!

— Приехали, — оповестил меня лха и первым соскочил наземь. — Благодарствую, Нэчунг!

Возница только отмахнулся и, прикрикнув на грустно вздыхающего дзо, поехал дальше.

— Ну, пойдем теперь.

— А куда?

— Какой ты занудный все-таки, — почти с восхищением ответствовал Шаи. — Все-то тебе надо вызнать заранее. Просто пойдем! Где-нибудь да окажемся.

Я хмыкнул, не слишком впечатленный такими рассуждениями. Но что поделаешь? Мы побрели куда глаза глядят: мимо ям и канав, груд песка и щебня; мимо огромных котлов и лестниц, распластавшихся в грязи, как бьющие поклоны паломники; мимо мужчин и женщин, одетых в одни набедренные повязки, но зато увешанных связками бренчащих

гвоздей, кирок и кольев, как гневные божества — мертвыми головами. Шерсть у рабочих была такой грязной, что скаталась на груди и в подмышках толстыми бурыми сосульками; а пахло от них, как от обитателей горячего ада — смолой, дымом и серой.

Все вокруг были страшно заняты: одни рыли, другие пилили, третьи волокли тяжеленные тюки, четвертые с гиканьем подымали вверх деревянные опоры. В этой суетливой, озлобленной толпе мне не раз и не два прилетали тычки за неповоротливость. Огрызаясь и уворачиваясь от чужих локтей и хвостов, я семенил следом за Шаи и был несказанно рад, когда мы наконец выбрались к месту потише.

Это было строение, уродливое на вид, но основательное: с толстыми, обмазанными глиной стенами и прилепившимся сбоку навесом. В его тени на тощих покрывалах лежали рабочие с перевязанными ребрами или головами. Между больными прохаживались женщины Палден Лхамо, но не они привлекли мое внимание, а мухи: большие, толстые изумрудные насекомые вились в воздухе, гудя, как молитвенные барабаны. Я читал о подобном в книгах Сиа: мухи кишели здесь не потому, что их привлек запах телесных испарений, — их личинок использовали, чтобы удалить гниение из запущенных ран. И точно! Над одним из несчастных склонилась девушка в белом платье и, ободряюще улыбнувшись, высыпала на его слипшуюся от гноя шерсть пригоршню мерзких червяков. Бедняга даже не поморщился, а вот меня начало подташнивать; пришлось отвернуться.

Тогда-то я и увидел старика: он сидел поодаль ото всех, не на подстилке, а прямо в серой пыли, и был такой ветхий, что даже морщинистая личина Шаи по сравнению с ним казалась молодой. Худая спина изгибалась колесом; плечи поднялись к самым щекам, а уши, наоборот, опустились почти до пупа; складки розовой кожи, покрытой редким пухом, тряслись под подбородком. Ясно было, что старик беден и немощен, и первым делом я подумал, что он явился сюда просить подавание. Но рядом не было чаши, в которую прохожие могли бы кинуть зерна или монет; вместо этого он сжимал в кулаке короткую палочку с насаженной на нее лягушкой — потрепанной и скрюченной, но сохранившей ошметки пятнистой, золотисто-лазурной шкурки. Прищуриль слабые глаза, старик когтем провел в пыли четыре полосы и воткнул сушеный идол в середину получившегося «алтаря». Проделав это с большим тщанием и почтением, он вздохнул и умиленно погладил лягушку по спине — прямо как любимого ребенка.

Не я один глазел на странного нищего: кучка молодых шенов — точнее, учеников Перстня, неведомо зачем шатавшихся здесь, тоже заметила его. Они шумно загоготали, замахали лапами, подначивая друг друга. И вот один мальчишка — почти мой ровесник! — долговязый и с темным пятном у правого глаза, приблизился к нему и пропел:

— А что это тут тебя, почтенный отец?

Старик поднял глаза и улыбнулся — так жалко и заискивающе, что плакать хотелось.

— Это, господин? — переспросил он, указывая на лягушку. — Это добрый ньен. Моя внучка заболела во время пути из Ронгцеб в Бьяру, и милостивые госпожи лечат ее, но я хотел попросить доброго ньена о помощи — раньше он всегда помогал нам....

— О помош-ши! — пролопотал мальчишка, передразнивая бедняка, и вдруг со всей дури наподдал сапогом по мощам лягушки; та улетела куда-то в грязь. Старик только охнул, простирая дрожащие лапы над оскверненным местом, но мелкий поганец схватил его за ворот чуба и тряхнул, заставив смотреть на себя.

— Твои боги мертвы, старикашка, — прошипел он и опять бросил несчастного на землю, а потом пнул под ребра — пока что слегка, только пробуя силу. Нищий вскрикнул и

скрючился, как вытащенная из раковины улитка. — А ну-ка, проверим: как они помогут тебе?

Остальные ученики с гиканьем окружили его, готовые присоединиться к веселью. Они могли забить старика насмерть, и никому вокруг не было до этого дела! Я потянул Шаи за рукав, указывая на происходящее, — и он посмотрел, но не двинулся с места. А старик, между тем, снова застонал. От следующего удара в его потрохах что-то булькнуло, и беднягу вырвало остатками обеда прямо под лапы мучителю. Тот отшатнулся.

— Вот мерзость-то! Он мне сапоги испачкал! — крикнул мальчишка своим товарищам, а потом его морда разъехалась в жуткой ухмылке. — Ничего, сейчас отмоешь... своим языком.

И тут, впервые за свою недолгую жизнь, я почувствовал не бессильную злость, не детскую обиду, а ярость. Она будто влилась в меня извне, как кипящее варево в пустой кувшин... Но нет, это был не морок, не чья-то чужая воля: я сам, всем сердцем, хотел убить эту тварь! Страх, разум — все молчало; сжав кулаки, я кинулся напрямиком к галдящей своре учеников.

— Эй ты, лепешка коровья!

— Оо, кто-то еще хочет получить? — главарь обернулся, скаля блестящие зубы. Вокруг бешено хохотали прочие ученики, подзадоривая его; теперь нам обоим некуда было отступать. Мальчишка подошел ко мне — медленно, примериваясь; но, не увидев ничего достойного внимания, сморщил нос. — А не ты ли та больная внучка? Что, милая, пришла дедушку защитить?

— А хоть бы и так, — буркнул я, решив не тратить времени на выдумывание обзывательств — и пока враг улюлюкал, упиваясь собою, я поддал ему прямо в ухмыляющийся рот. Вряд ли я был особо силен, но под кулаком хрустнуло что-то... может, и мои пальцы. Так или иначе, удар рассек мальчишке губу; с его подбородка потекла кровь, смешанная со пузырящейся слюной.

— Ах ты мразь! — заорал он и пнул меня в грудь; не успев толком понять, что происходит, я по-черепащьи опрокинулся на спину и засипел — удар вышиб весь воздух из легких. Потом перекатился на бок, попытался подняться, но меня подрезали под колени, и я снова повалился в пыль. А следом уже летели новые удары, один за другим, без передыха; я сумел только скорчиться, поджав лапы, чтобы защитить живот. Мальчишка почти визжал от удовольствия, скача вокруг и обрабатывая меня то сапогами, то кулаками; но это продолжалось недолго — его товарищи вдруг зашумели, как осины на ветру. Град толчков и тычков прекратился; я перевернулся на спину, чтобы понять, что происходит.

— Отвалите! — огрызался разошедшийся вожак, но другие ученики удерживали его за плечи, указывая на меня и бурно втолковывая что-то; я догадался, что убогое рубище, выданное Шаи, совсем разошлось от побоев, открыв богатую одежду. — Да будь он хоть сын князя! Кто такие князья перед Железным господином?!

Словно в ответ на его слова что-то зашелестело в воздухе, и на секунду дневной свет померк, как если бы облако нашло на солнце. Ученики умолкли, открыв рты; даже сновавшие туда-сюда рабочие остановились, кто где был, опустив кирки и молоты. А все потому, что на грудах камней, на шестах, в траве... короче, всюду сидели вороны и смотрели прямо на нас, склонив пернатые головы. В их приоткрытых клювах трепетали красные языки.

— О, господин! — выдохнул мальчишка в ужасе. Все тут же отшатнулись от него, как от

прокаженного; он один остался передо мною. — Простите, простите меня! Я не знал!

Так, причитая, он упал на брюхо и вытянул перед собою лапы, запачканные кровью; она казалась странно красной на желтоватой шерсти и будто бы становилась все ярче. На ладонях, на сапогах, на штанах, даже на морде мальчишки — всюду, куда упала моя кровь, — загорались огненные отметины! Волосы вокруг них побурели, спекшись от жара; оголившаяся кожа пошла пузырями. Ученик пронзительно взвыл и покатился по земле, пытаясь сбить пламя, — но его-то и не было! Проклятие просто медленно проедало его мясо и сухожилия, приближаясь к костям. И тогда мальчишка, не в силах терпеть боль, сорвал с пояса широкий нож и принялся срезать пораженную плоть — с пальцев, с бедер, с голеней; она шлепалась в пыль влажными кусками. Он уже подносил лезвие к щекам, на которых горели золотые родинки...

— Стой! — заорал я, очнувшись от жуткого оцепенения, и вцепился в бывшего врага.

— Я должен очиститься... Я должен... — бормотал мальчишка в каком-то полусне. Он был жутко силен — я мертвым грузом повис у него на лапах, а их движение только замедлилось, но не остановилось. И тогда я понял, что нужно делать.

— Падма! — закричал я, обращаясь ко всем воронам сразу на *меду нечер*. — Прекрати! Он уже достаточно наказан! Прекрати, прошу!

Птицы гневно закаркали, раздувая зобы, зашумели крыльями, а потом в один миг поднялись в небо и разлетелись. Вместе с ними исчезли и все, кто был вокруг, — ученики, рабочие, женщины Палден Лхамо и даже старик, молившийся лягушке. Только Шаи стоял в сторонке, почти невидимый в тени навеса; да тот мальчишка, который бил меня, все еще сидел в пыли, тупо уставившись на свежие раны.

— Спасибо, господин, — прошептал он. — Как мне отплатить за ваше милосердие?

— Не будь мудаком, — ответил я и, охая, поковылял прочь.

Побили меня знатно, но я был даже рад тому, что болею — в таком состоянии Сиа не оставалось ничего, как поворчать немного и заняться моим лечением; Шаи наверняка досталось серьезнее. Правда, левый, самый пострадавший, бок мне обрили и воткнули в него кучу иголок; да и отбитые кости ныли нещадно... Но это были мелочи по сравнению с разговором, которого я ждал с замиранием сердца и который все-таки случился спустя неделю после моего побега из Когтя.

Поскольку Сиа запрещал мне вставать с постели, оставалось только читать да дремать. Вот и в тот день я заснул, выронив из пальцев книгу — невыносимо длинное сказание про героя, сбежавшего из горящего города и искавшего теперь новый дом. Тяжесть бумаги душила меня во сне, как черный демон-мара, и все мерещилось, что я плыву в мутной воде, захлестывающей ноздри, заливающейся в рот... А потом меня окликнули по имени, вытаскивая из кошмара.

Я открыл глаза, замечая, что дышится легче — кто-то поднял книгу с моей груди.

— Не хотел будить тебя, — повторил все тот же голос; конечно, это был Железный господин! — Но нам нужно поговорить.

Эрлик сел у постели и внимательно оглядел повязки, проплешины и пятна вонючей мази, которой Сиа обрабатывал мои раны; потом перевел взгляд на книгу, которую так и держал в лапах.

— Те же веленья богов, что теперь меня заставляют здесь, во тьме, среди теней брести дорогой неторной... — пробормотал он, а потом спросил, обращаясь ко мне. — Ты дочитал

ее до конца?

Я помотал головой, возя подбородком по одеялу.

— Мне рассказывали эту историю еще в Старом Доме: историю про осаду неприступного города, чьи стены воздвигли боги... И все же город сожгли, когда враг проник внутрь обманом.

Он замолчал, а я решил, что лучше покаяться во всех грехах разом и грустно пробормотал:

— Я ушел вниз... и ввязался в драку с учеником из Перстня. Надо было спросить разрешения...

— Надо было, — кивнул Железный господин. — Но это не худшее из того, что ты сделал.

— А... что худшее? — спросил я, обмирая.

— Ты говорил на нашем языке, Нуму. Ты нарушил главный запрет: никому не открывать происходящее внутри Кекуит. Селкет ведь рассказывала тебе, как это правило появилось и почему мы соблюдаем его неукоснительно? Те, кто живет внизу, должны видеть в нас богов, а не пришельцев.

— Но... пара слов ведь никому не повредит. Что плохого от этого может случиться?

— Надеюсь, ты прав. Но никому из нас не дано предугадать всего, что может случиться, — ни тебе, ни мне, — отвечал Железный господин, выпуская слова метко, как стрелы. — Порою песчинка вызывает камнепад. Сейчас мы не можем рисковать: даже крохотная ошибка может уничтожить нас... А если погибнем мы, весь мир обречен. Или ты хочешь быть тем, кто совершит такую ошибку?

Он говорил спокойно, без тени гнева в голосе, но я весь сжался от страха; каждая поджилка в моем теле затряслась; зубы стучали, будто от холода. Погубить всех! Я, глупый щенок, жалкий червяк, могу погубить всех неосторожным словом или случайным жестом?! Неужели на моих слабых плечах лежит ответственность за существование целого мира? А что, если я, сам того не ведая, уже навредил?.. О, боги, да как с этим жить?!

Я уже давненько не плакал, но тут слезы сами хлынули из глаз. Сжав толстую ткань одеяла, я рыдал, рыдал и никак не мог остановиться, раздавленный запоздалым раскаянием и страхом. Веки уже чесались от соли, а горло осипло и распухло, когда Железный господин коснулся моего плеча и утешительно сказал:

— Тише, тише. Ты ведь обещаешь, что больше так не будешь?

— Да! — выдохнул я, размазывая рукавом сопли и слюни. — Клянусь!

— Вот и молодец. Теперь, когда спустишься вниз снова... — Эрлик не договорил, выразительно приложив палец к губам.

— Спущусь... снова? — переспросил я, не веря своим ушам.

— Только вместе с Шаи — он обещал присматривать за тобой. И еще, ты всегда должен брать с собой маску. Можешь не надевать ее: просто носи под одеждой, как амулетницу-гао. Этого будет достаточно.

Стыд за недавний проступок и радость от внезапного дара оглушили меня настолько, что я еле просипел невнятные благодарности; а когда Железный господин уходил, совсем забыл спросить его о судьбе наказанного Падмой ученика!

Спустя неделю я все еще лежал в постели, постанывая, явственно ощущая, как срастаются поломанные ребра (точно в бока тыкают раскаленным прутром!), как хрустят

позвонки и ноет затекшая шея. Из-за убийственной скуки казалось, будто прошла уже тысяча лет и я одряхлел настолько, что уже никогда не поднимусь из вороха простыней, подушек и одеял, а так и врасту в них, костями, мясом и сосудами, пока мое сердце не уйдет глубоко под пол, а шерсть не превратится черную плесень.

В стотысячный раз мои глаза уперлись в золотое солнце на потолке. Разглядывал ли его Шай в детстве, когда эта комната принадлежала ему? Наверняка; и видел то же, что я сейчас, — те же кусочки мозаики, одни потемнее, с зеленцой и синевой, другие посветлее, ярко-желтые, а третьи рыжие, как ржавчина. Из-за их пестроты солнце мерцало, подмигивая мне. Я даже задумался, не стоит ли подмигнуть в ответ, но тут явился неожиданный гость!

— Привет! — громыхнул голос Падмы; и вот уже сама вороноголовая плюхнулась на кровать, заставив меня торопливо поджать лапы. — Как болеет?

— Плохо, — отвечал я умирающим шепотом. До сих пор мне как-то некому было пожаловаться на свои беды, — не Железному же господину? А Сиа начинал ругаться на чем свет стоит, стоило только заикнуться о драке. Может, хоть Падме удастся излить душу?..

— Ничего, переживешь, — бодро заявила та, порушив все мои надежды. — Хочешь, расскажу, как наказали того мальчишку, который надрал тебе задницу?

— Его же не убили?!

— Нее! Хотя могли бы.

— Тогда не говори ничего. Не хочу слышать, — я заткнул уши и потряс головой, подтверждая серьезность сказанного.

— Почему? — удивилась вороноголовая. — Ему же досталось по заслугам!

— Ты и так его достаточно наказала. И все из-за меня!

Падма вдруг наградила меня злобным взглядом; не зная, чем заслужил такую немилость, я съежился и натянул одеяло до подбородка.

— А ты не думал, что дело не в тебе, а в том старике? — спросила она, с присвистом выпустив воздух через зубы. — Шены! Те еще твари, если честно. Но обычно нам нельзя их трогать, а этот вот попался! Пусть другим будет урок.

— А что они делают такого?

— Маловат ты еще, чтобы думать об этом.

— Сама ты маловата! — буркнул я, за что и получил звонкий щелбан в лоб. — Ай! Прекрати драться! Я тут скорее от старости рассыплюсь, чем вы признаете, что я вырос. И ты зря думаешь, что я ничего не понимаю. Я всякое видел внизу: как сильные отнимают еду и деньги у слабых; как богатые издеваются над бедными... Но шены-то чем провинились? Если уж говоришь, что они плохие, хоть ответь, почему.

— Не могу, — Падма раздраженно поскребла лоб — так сильно, что на коже остались зеленовато-белые полоски. — То есть... они всякое делают по мелочи, а на крупном не попадают. Но я печенкой чую — с ними что-то не так!

— Нельзя же обвинять без доказательств, — возразил я. Вороноголовая закусил губу, как скачущий баран — удила, а потом повторила за мною, дразнясь:

— «Нися апфинять бес дакасательств»! Камала тоже так говорит, когда хочет меня побесить. Вот и ты бесишь!

— А я думал, вы друзья.

Падма кашлянула, отворачиваясь, чтобы скрыть румянец на щеках.

— Так бывает, Нуму. Ты можешь кого-то любить, всем сердцем, и при том не соглашаться с тем, что они делают. Камала все время попрекает меня тем, что я доверяю

сердцу больше, чем голове. А я вот пытаюсь убедить ее, чтобы чаще использовала *хекау*.

— Чтобы убивать злодеев? — спросил я. Демоница вздрогнула, точно ее оса куснула, и осеклась.

— Нет, Нуму, не для этого. С казнями я как-нибудь справлюсь сама. Наоборот... Камала могла бы сделать так, чтобы нам реже пришлось убивать, если бы согласилась менять чужие мысли. Только представь: злых можно сделать добрыми, гневливых — мирными; заставить разбойников раскаяться; вправить мозги сумасшедшим! А она отказывается. Говорит, лучше пусть умрут, чем живут рабами.

— Мда... я бы, пожалуй, не хотел, чтобы мне в голову лезли.

— Но ты же и не делаешь ничего такого, за что в нее стоит лезть... Или делаешь? — тут Падма хитро подмигнула, а потом уже серьезно добавила. — Хотя признаюсь честно: будь я на ее месте, не знаю, что бы выбрала. Это правда тяжело. Если заставить всех плясать под свои сисстры, не выйдет ли так, что на деле ты плясешь один?.. Можешь считать меня трусом, но я даже рада, что такой жутковатый дар достался тем, кто не хочет им пользоваться или... пользуется умеренно.

Вороноголовая умолкла на секунду, болтая в воздухе лапой, а потом прищелкнула пальцами:

— Да, по сути, мы в чужих мозгах-то покопались всего разок! И то мнооого лет назад, чтобы усмирить мятежных князей. А иначе в Олмо Лунгринг началась бы война — и, не в обиду вашему народу будет сказано, если б мы стали драться, веппавет пришлось бы хуже.

— Не сомневаюсь, — буркнул я, все же уязвленный. Неужто наши копья и стрелы не достали бы хоть парочку лха?

— Представь, вот уже четыре века как это случилось, а князья все еще держат при себе целые своры бродячих колдунов, чтобы те следили за их мыслями и снами — нет ли в них чужого влияния? Этот сброд даже ночует у хозяйских постелей и все время жжет то санг, то чеснок... Воняет во дворцах будь здоров! Но дураки зря боятся. С тех пор подобное не повторялось.

Так Падма и сказала — но я увидел тень сомнения на ее лице, а потому переспросил:

— Точно?

— Ну... Шай-то тебе совсем другое скажет, но... — тут Падма поднялась с кровати и отряхнула штаны. — Сам ведь говоришь, нельзя почем зря языком молотить. Я вообще приходила рассказать про того мелкого гаденыша, а ты и слушать меня не хочешь! Выздоравливай давай и будь поосторожнее, если снова вниз соберешься. Я не могу вечно с тобой нянчиться.

— Спасибо... наверное, — протянул я, но вряд ли демоница меня услышала — так быстро она выскочила из спальни. А я остался лежать, пялясь в золоченое солнце, пока стеклянный блеск мозаики не стал напоминать затянутый бельмом глаз, разглядывающий меня сквозь полумрак. Тогда я перевернулся на живот и уткнулся в подушку; дышать стало тяжелее, но хотя бы было не так страшно.

С тех пор, как Железный господин разрешил мне покидать Коготь, моя жизнь поделилась как бы на две части, два мира. Одним был небесный дворец. Это был мир белизны и чистоты: ему принадлежали белые коридоры, где даже самые грязные лапы не могли оставить следов, белый свет ламп под высокими потолками, белые волосы Сиа, белый пшеничный хлеб и гребни из белой кости в расчесанной волосок к волоску гриве. Здесь были

парящая горячая вода и до блеска вычищенные зубы, прилежная учеба, шелковые наряды и мягкая, приветливая речь на чужом, воздушно шелестящем языке. А главное, у каждого в этом мире было свое место, свой долг и свой путь; этого мира следовало держаться, чтобы жизнь была прямой и ясной, как полет стрелы, пересекающей синее небо.

А другой мир — Бьяру — лежал внизу и был совсем иным: иначе пахнул, иначе говорил. Его наполняли черная жирная грязь, копоть и дым, черные чуба шенов и черные вороны с раздутыми зобами. Здесь у обочин дорог можно было увидеть павших от истощения яков и перепачканных в крови хозяев, делящих их мясо; здесь родители отбирали цампу у детей, а дети — у родителей, чтобы перепродать ее подороже, купить чанга или проиграть все в кости. Здесь плодились клопы и блохи; здесь орудовали воры и убийцы... И здесь росла Стена: там, где должно было лечь ее аспидное тело, земля сначала покрывалась метками натянутых веревок, потом — оспиной ям и канав и еще чуть погодя — щетиной железных кольев. По ночам, когда простой народ спал, оставив кирки и лопаты, сюда приходили шены; я видел, как они поют в темноте, протягивая к луне выбритые ладони, и вбитые в почву шипы тянутся вверх, ветвясь и извиваясь, как усики мышиноного гороха. Когда они подымались выше головы колдунов, шены вкладывали внутрь белые, похожие на яйца сосуды (не иначе, чортены, извлеченные из Мизинца), а поутру приходили рабочие и закладывали все кирпичом и камнем.

Даже несчастья и недуги, не миновавшие оба мира, были совершенно различны. Вот что я видел внизу: чихание, кашель, чесотку и розовые плешки от лишая; выколотые по неосторожности глаза, отрубленные тесаками пальцы, пробитые кирпичами лбы; матерей, от тревоги лишившихся молока; головокружения и усыхание мускулов от скудной пищи и тяжелого труда; понос, вызванный жеванием дикого чеснока; гной и зловоние. О страждущих заботились местные лекари и белые женщины Палден Лхамо и помогали многим... «Но разве не лучше было бы, — спрашивал я себя, — если бы Сиа спустился вниз и применил свое ремесло там, где оно действительно нужно?..»

Однако же, сколько я ни умолял, лекарь всякий раз отказывался.

— Нет, — говорил он, качая головой. — Я уже достаточно наворотил в прошлом, и ничего хорошего из этого не вышло. Дай мне помереть спокойно, прилипала!

— Как ты можешь так говорить? Разве каждый из нас не должен жить по своей дхарме: царь — править, воин — охранять, а врач — исцелять? И когда знаешь, сколько в мире бед, замуроваться внутри дворца и носа наружу не казать — это просто... Неправильно.

— Где ты только это все вычитал?

— Сам додумался, — огрызнулся я, уязвленный его словами. — Чать не дурак.

Сиа выдохнул так тяжело и протяжно, что его легкие, должно быть, слиплись до толщины бумажного листа, и ответил невпопад:

— И почему дети не могут оставаться детьми?..

Я понял, что он говорит уже не обо мне, а о своем сыне; тут мне стало жаль старика. Хоть я и знал о причине их размолвки, но честно думал, что Шай за эти годы мог бы и простить отца. А молодой лха пока избегал его, вся забота и участие Сиа оставались ненужными, как приветствие, обращенное в пустоту... Тогда, оставив попытки что-то доказать, я смиренно попросил:

— Дай мне хотя бы лекарство, которое собирают с железных цветов. Ведь ты сам говорил, оно может излечить почти от всего!

— Во-первых, это не так просто — научить Кекуит делать новые составы, рассчитанные

на вепвавет. Вы хоть и похожи на нас больше, чем курицы или там кузнечики, а все-таки отличия имеются. Во-вторых, Уно запретил использовать наши знания за пределами месектет, — отрезал лекарь. — А я не хочу с ним спорить — он еще упрямее тебя.

Тут мне оставалось только понуро кивнуть — в памяти еще жив был разговор с Железным господином. Пришлось обходиться своими силами! Насколько позволяли скудные знания, я помогал тем, кто внизу строил Стену: скатывал для переселенцев пилюли из минералов и растений, прижигал и перевязывал раны, советовал, как наносить притирания и мази; иногда даже приносил тайком немного цампы и риса из запасов Когтя. Скоро мне впервые довелось увидеть тех, кого Шаи на языке южной страны звал *звителья-шанкха*, «белоракушечниками», или попросту *шанкха*. Это были выходцы из самых разных мест и сословий, от бродячих торговцев с мозолями толстыми и слоистыми, как кора дерева, до знатных дам, от гривы до хвоста украшенных янтарем и бирюзой. То, что они принадлежали к одной вере, можно было понять только по перламутровым подвескам с кругом и тремя загогулинами внутри, прицепленным к одежде или волосам. Завидев меня, шанкха часто улыбались и совершали какой-то приветственный жест, но я всякий раз отвечал невпопад, и они не подходили ближе. Шены посматривали на них презрительно и с подозрением, но пока не трогали: в конце концов, от сумасшедших, готовых бесплатно раздавать рабочим еду и одежду, была своя польза.

Не знаю, как шанкха, а мне это занятие приносило и радость, и мучение, потому что очень скоро пришлось столкнуться и с неблагодарностью, и жадностью, и с их частой спутницей — глупостью. Многие мужчины и женщины требовали того, чего я просто не мог дать: волшебного исцеления, мяса, золота! Получив отказ, одни бросались на меня с кулаками, а иные слали в спину плевки и проклятья. Раз за разом, когда обида переполняла сердце, я думал — а не бросить ли все это, не запереться ли во дворце, как Сиа? Но потом снова возвращался к Стене.

А вот что я видел наверху: когда приближался мой восьмой день рождения (последний до совершеннолетия!), город и поля вокруг покрыл снег глубиной в два-три локтя. В это время в Когте случилось то, чего все ждали, но о чем боялись говорить: Железный господин снова слег. Его болезнь, как это всегда бывало, усилилась к середине зимы; и в этот раз приступы были особенно тяжелыми. Я понял это по вздохам Сиа, толкущего в ступке желтые цветы, и по крепко сжатым губам Селкет, когда она приходила забрать получившийся порошок. Кто мог знать об опасности его болезни больше, чем Палден Лхамо, стоявшая у трона тридцати семи Эрликов и видевшая смерть каждого из них! И еще, если она правда делила с братом душу, его недуг наверняка отражался и на ней.

Как бы то ни было, Палден Лхамо не могла посвятить все время брату: строительство Стены было важнее. Часть забот легла на Сиа — и на меня. Правда, многого боги не требовали: приносить Железному господину пищу (от которой он отказывался) и лекарства (которые, пусть нехотя, но принимал); вводить в кровь укрепляющие вещества, произведенные Кекуит; следить за течением недуга — и, если замечу что-то необычное, немедленно сообщать лекарю. Так я и делал, с грустью подмечая, что больному становится все хуже. С начала месяца он сильно постарел и похудел: тело оплавилось на костях, будто воск; кожа приобрела неестественную прозрачность — сине-зеленые сосуды проступали под ней отчетливо, как корни неведомых растений. В последнюю неделю перед Цамом Железный господин уже не вставал с постели, не открывал глаз — но и не спал: в какой бы момент дня или ночи я ни зашел в его покои, в теплом воздухе раздавались стук четок и

шепот — неразборчивый, сбивчивый, не предназначенный ни для чьего слуха. Сколько я ни пытался, я не мог разобрать слов; может быть, бог говорил на языке, неизвестном ни веппавет, ни ремет?.. Только два раза он прерывал бесконечную молитву: один — чтобы попросить воды, и второй — чтобы сказать отчетливо и ясно:

— Если увидишь гору из хрусталя — беги прочь!

Не знаю, со мной ли он говорил и что это означало: может быть, то был бред, вызванный недугом. Я попытался расспросить его, но Железный господин уже не отвечал.

В ночь накануне Цама я сам вызвался бодрствовать у его постели, пожалев старика Сиа: он и так устал от забот. Боясь, что свет ламп побеспокоит больного, я не стал зажигать их, а вместо этого забрался в широкое кресло, подобрал лапы и уставился в окно. Солнце давно погасло; снег не шел, и в небе ясно виднелись белые, похожие на рассыпанную соль звезды. Покои бога наполняли привычные звуки: пощелкивание железных бусин и едва различимое сипение надорванного горла. Вслушиваясь в этот мерный шелест, я невольно задремал... и вдруг проснулся с колотящимся сердцем.

Что же меня разбудило?.. Пусть не сразу, но я догадался: в спальне наступила тишина. Четки выскользнули из пальцев больного на пол, а сам он молчал. Одеяло было скомкано и отброшено — будто он пытался встать с кровати и не смог.

Ужасная мысль пришла мне в голову: а если Железный господин умер? Конечно, я должен был подойти и проверить, но вместо этого, скованный страхом, только пялился из кресла, ища признаки дыхания. И вот счастье! Над его губами шевелились соринки, то поднимаясь, то опускаясь в потоках воздуха. Но странно: пыль будто мерцала в ночной темноте?.. Нет, это от самого Железного господина исходил свет! Чем дольше я всматривался, тем ярче тот разгорался, обволакивая тело лха, точно лед или живородящий самоцвет...

Я охнул, потрясенный видением; теперь, как бы я ни моргал и ни крутил головою, оно не исчезало. Железный господин лежал в постели, совершенно неподвижный, и с каждым мигмом становился все прозрачнее — его голова, плечи, грудь и бедра теряли очертания, превращаясь в мутную взвесь внутри сияния.

Мне вспомнилось, как Сиа рассказывал о превращениях бабочек: чтобы повзрослеть, мягкой ползучей гусенице приходится забраться в кокон и там исчезнуть целиком, растечься густой жижей, из которой вырастет совершенно новое, крылатое, одетое в панцирь существо. А что, если Железный господин сейчас тоже растворится без остатка?

Потеряв голову от страха, я подбежал к кровати, схватил с пола четки — все в бурых пятнах крови — и вложил в ладонь больного. От прикосновения к нему будто молния ударила в пальцы! Это не было похоже ни на жар, ни на холод, но шерсть на загривке все равно стала дыбом, а позвоночник изогнулся дугой. Не устояв на лапах, я упал на хвост, и вдруг Железный господин пошевелился.

Медленно, как во сне, он оторвал затылок от подушки и сел в кровати; воспаленные веки раскрылись. Глаза бога горели, как две страшные луны — ровным, холодным светом, захватившим и зрачки, и белки; оттого было не разобрать, куда обращен взгляд, но я нутром чувал, что он ищет именно меня.

Пересохшие губы разошлись, но не издали ни вздоха, ни слова. Я увидел только черный провал рта, зияющий, голодный. В облике лха не осталось ничего знакомого, ничего живого; с пугающей ясностью я понял, что то существо, которое сидело сейчас на постели, не было пришельцем по имени Ун-Нефер, не было даже Железным господином; и еще — что мне

надо убираться отсюда как можно быстрее!

Стараясь не шуметь и не отворачивать морды от кровати, я пополз к выходу. Но когда я преодолел всю комнату и уже чуял спиною, как расступается стена Когтя, жуткое лицо повернулось прямо ко мне — меня заметили!

Взвизгнув, я вскочил на лапы и со всей мочи понесся по коридору. Забежав в первую попавшуюся стеклянную трубу, нажал на знак второго уровня не меньше сотни раз, спустился и, влетев в спальню, дрожащим голосом крикнув:

— Кекуит, включи свет! И никому, никому не открывай дверь!

Золотое солнце на потолке вспыхнуло, озаряя все вокруг теплым, утешающим светом. Но я знал, что за пределами этой комнаты — темнота, и в ней бродят чудовища. Завернувшись в одеяло, я сидел и прислушивался к скрипам и шепотам в коридоре; иногда мне казалось, что кто-то скребется в дверь, пытаясь войти; или это был просто сквозняк? Меня бил озноб; ладони оставляли на хлопке мокрые следы. Я думал было помолиться, но потом понял, что все молитвы, какие я знаю, обращены к Эрлику и скорее призовут его сюда, чем защитят меня от него...

Так я и провел ту ночь до самого утра, трясаясь от страха, не смыкая глаз, пока Кекуит не сказала, что мне пора одеваться для Цама. Пошатываясь, я слез на пол, побрызгал в глаза холодной водой, расчесал гриву, перепоясал черный чуба и, повесив на грудь маску, спустился вниз, к пасти Когтя.

Все лха были там, кроме Селкет и Железного господина; они переговаривались и смеялись как ни в чем не бывало. А потом появились и эти двое: Палден Лхамо вела брата, помогая ему держаться на лапах; он казался слабым и беспомощным, как новорожденный. Поравнявшись со мной, богиня коротко кивнула, и я понял — она знает, что произошло ночью; почему-то от этого стало спокойнее.

Несмотря на болезнь Эрлика, торжество прошло так же, как и всегда; все те же величественные видения выростали перед толпой, и так же падали на помост линга, выбравшие милосердие. Только Чомолангма фыркал, увидев меня, и я знал, почему. А на следующий день, пока солнце еще стояло высоко, я зашел в покои Железного господина, чтобы проведать его — или, скорее, чтобы успокоить себя.

Тот сидел за столом, но не занимался бумагами; его взгляд был устремлен на восток — туда, где виднелись золотые крыши Бьяру и край озера Бьяцо. Как всегда после Цама, лицо бога чуть разгладилось; даже седины в волосах как будто стало меньше. Больше того, его глаза затуманились, а губы растянулись в бессмысленной улыбке. Если бы я не знал его лучше, то подумал бы, что он пьян.

— Я хотел узнать, не нужно ли чего.

Он вздрогнул, будто только сейчас заметил меня; потом молча покачал головой.

— Вчера... — начал было я, но Железный господин прервал меня на полуслове:

— Это больше не повторится. Обещаю.

А затем снова отвернулся к окну. Я подождал еще немного, поклонился и вышел.

Если б кто внизу спросил меня, на что похожа жизнь богов, то я сказал бы — на великую реку Ньяханг. Ее ледяной исток, узкий, как шейка ужа, спрятан где-то в Бьяру, под камнями на площади Тысячи Чортенов; но за пределами города река быстро набирает силу и к югу становится так широка, что ни одному умельцу еще не удалось перекинуть через нее мост: с одного берега на другой можно добраться только на лодке или плоту, отталкиваясь

ото дна длинными шестью. Хорошо, что Ньяханг течет медленно — ее воды тяжелы и ленивы и бормочут едва-едва, будто задубевший от сна язык. В безветрие и вовсе кажется, что река замерзла — ни рябь, ни завитки пены не тревожат зеленую гладь; и тогда можно разглядеть, как под водою ползают раки да рыбы поднимают уродливые рыла из травянистых и каменных гнезд. Наконец река достигает гор, кольцом окружающих Олмо Лунгринг, — и ныряет под них, исчезая в пещерах под землю.

То же и с жизнью богов: как скрыты от глаз исток и устье Ньяханг, так и мне не доводилось видеть их детства или старческой немощи. Даже Сиа, которому минула четвертая сотня лет и который всеми в Когте почитался развалиной, был силен и умом, и телом: под его пятнистой кожей скрывались крепкие мускулы, а спину он держал так прямо, будто дарчо проглотил. И слышал лекарь лучше дикого зайца: когда он был поблизости, попробовал бы кто чертыхнуться хотя бы вполголоса! Сразу бы отправился в угол. Приходилось мычать от обиды, аки бессловесная тварь, ударившись лапой о край стола или порезав собственный палец в суп вместо лука...

Жизнь вепвавет не только была много короче — она еще и скакала, будто горный ручей по порогам, то ухая вниз, то подымаясь вверх столбами белой пены: то ты был ребенком, а вот уже — взрослый, хозяин дома, кормилец большого семейства; но не пройдет и дюжины лет, как превратишься в беззубого деда, который может питаться только мягким сыром и хлебным мякишем, разжеванным внуками. Ну а если не хочешь такой участи, то уходи умирать в горы, как это водится у некоторых рогпа!

Из-за этой-то разницы большинству жителей Когтя даже в голову не приходило, что день моего совершеннолетия чем-то важнее прочих. Единственным, кто заговорил со мной об этом, была Палден Лхамо, да и то было случайно. Я встретил ее однажды в кумбуме: богиня, разложив прямо на обеденном столе свитки с чертежами Стены, вымарывала в них что-то красными чернилами и, между делом, задумчиво жевала полоску вяленого мяса. Я с изумлением уставился на то, как она помещает темно-багровые кусочки, обваленные в крупной соли, между бледных губ. Не знаю, почему, но я пребывал в полной уверенности, что Палден Лхамо, как и ее брат, избегает обычной пищи.

— Привет, Нуму — сказала она, заметив мое присутствие. — Как поживаешь?

Вспомнив наконец о вежливости, я высунул язык и поклонился.

— Ничего, благодарю. А что там со Стеной?

— Строится, — богиня подозвала меня взмахом ладони и указала на чертежи. — Вот, взгляни. Это северная четверть: здесь северо-восток, здесь северо-запад.

Я послушно уставился на бумагу, ожидая, что ничего не пойму. Но рисунок оказался на удивление ясным: в верхней части листа располагалась сеть ячеек, обозначающая железные соты, заполняющие Стену изнутри; треть из них Лхамо закрасила красным — полагаю, туда шены уже заложили чортены с плененными душами чудовищ. Жирной продольной полосой обозначался уровень земли; под нее уходили стреловидные кольца — «зубы Лу», как их прозвали в народе. На рисунке видно было, что они полые внутри — и впрямь как змеиные клыки, пригодные для впрыскивания яда! Только впивались они не в какую-нибудь мышь или птичку, а в длинные трубы, тянущиеся под Стеною. Петляя и ветвясь, те уходили вниз, к широким алым протокам — не иначе, корням Кекуит.

— А что это за знак? — спросил я, тыкая когтем в одну из ячеек; она не была ни сплошь белой, ни красной — вместо этого внутрь была помещена звезда с пятью тонкими лучами.

— Разве ты не узнаешь его?

Я нахмурился, разглядывая звезду и так, и этак, а затем отрицательно покачал головой.

— А я-то думала, Шаи научил тебя читать и писать, — усмехнулась Палден Лхамо, заставив меня поджать хвост от стыда. Может, я и встречал этот знак, но у ремет на каждую закорючку приходилось по десятку способов написания! Кто бы в них не запутался?! — Как же ты будешь придумывать себе новое имя?

— Разве я буду его придумывать сам?

— Вряд ли кто-то еще за это возьмется, — пожала плечами богиня. — У нас обычай давать ребенку несколько имен давно исчез. С другой стороны, сможешь выбрать прозвище по вкусу — внизу это редко кому удается. Знала я шена по имени Бурый Слизень; хоть оно ему и подходило, а все равно обидненько!

Тут я не мог не согласиться, а потому, вернувшись в спальню, сел за письменный стол, положил перед собою вощеную табличку, используемую для черновых заметок, и с самым решительным видом занес над ней стило. Разумеется, зваться какой-нибудь Хромой Уховерткой мне не хотелось! Поэтому начал я с того, что выписал в столбик самые наилучшие и благозвучные слова, а затем начал составлять их вместе, меняя местами и так и сяк.

Увы, ни Грозовые Крокодилы, ни Вихрящиеся Тигры, ни даже Шлем Ужаса не нашли отклика в моей душе. Попытки соединить два-три слова в одно тоже не увенчались успехом: так на свет появились Чубакобра (наряд из змеиной шкуры, понятное дело) и Умозгирь (умный, мозговитый паук), прожили несколько мгновений в жутких муках и одним движением стилуса были отправлены в милосердное небытие.

Через час напряженнейших усилий я со злостью затер исчерканный воск рукавом и принялся придумывать заново, теперь уже одним махом. На этот раз в списке имен оказались «Черная Ваджра», «Железный Кулак», «Смарагдовый Светильник» и даже «Быстрое Серебро»... Но тут я почувствовал, что закипаю пуще, чем этот жидкий металл!

Отшвырнув постылую табличку, я уронил голову на лапы. И о чем я думал? Разве такому, как я, — маленькому, медленному, слабому — подойдут эти громкие имена? Ну какой из меня тигр, какой крокодил, когда зимними ночами я боюсь каждого шороха и укрываюсь с головой одеялом? Неужели я веду себя как герой, когда ворую соль в кумбуме, чтобы посыпать ею порог своей спальни? Или я храбр, как лев, когда не могу заставить себя посмотреть в глаза Железному господину, чтобы ненароком не увидеть в них опять тот свет, чужой и страшный?..

Тут я замер на мгновение, вспоминая ночь накануне Цама; и пальцы снова обожгло — не жаром и не холодом, а будто укусом ядовитого насекомого. Шерсть на загривке стала дыбом; никогда, никогда я уже не смогу забыть той ночи! Нет, я не лев, не орел, не герой и не воин; я трус и не достоин взрослого имени!

Решив так, я с шумом придвинул табличку к груди и размашисто начертал на ней «Ринум», а потом еще раз, только на *меду нечер*, используя не скорописное, а старинное начертание:

Затем окинул взглядом получившееся. Странно, но до меня только сейчас дошло, что первый слог моего имени похож на слово *рен*, на языке богов означающее, собственно, «имя». Нужно только затереть лишнее — метелку тростника, поднимающегося из воды...

Я уставился на табличку; в самом верху зиял слог *ре* — рот, пустой и голодный, раскрытый, но не произносящий ни звука; под ним волновалась поверхность океана *нун*. От этих двух знаков, хоть и не слишком тщательно выведенных, почему-то веяло жутью. И тут мне вспомнилось, что был и другой, хотя и редко употреблявшийся, способ записать слово *рен*. Я затер-закрыл безмолвный рот, иссушил океан под ним и обвел остатки своего имени как бы веревочным арканом с двумя торчащими концами[1]:

Но и теперь я не был доволен; внутри кольца наедине остались цыпленок — у с неразвитыми, слабыми крыльями и сова — *ме*, которая хищно цокала клювом, готовая вот-вот схватить жертву! Пусть я не был тигром или быком, но разве же я был цыпленком?.. Поразмыслив еще мгновение, я стер глупую птицу и на ее место добавил глиняный горшок — *ну*. Пусть теперь сова попробует полакомиться пустотой в нем!

И вот на воцеленном дереве осталось всего ничего:

Рен Нум... Имя Нум. Что ж, сойдет! А боги пусть продолжают звать меня Нуму, если им так хочется.

Летом мы с Шай стали часто спускаться к северо-западной части Стены. Это была короткая и легкая дорога: достаточно было выйти из Когтя, пройти по вырубленной в Мизинце лестнице и, немного поплутав в подземных коридорах, выбраться на поверхность. Ни тряски верхом на ездовом баране, ни обжиманий с пыльными мешками! Сплошная благодать.

Здрав голову, я смотрел на черную громадину, выросшую на заложенном Палден Лхамо основании; так, говорят, мясо отрастает на костях яков, зарытых в землю нождинами, и на следующий день зверей снова можно резать на пиру. Порою мне казалось, что Стена кренится и вот-вот упадет на меня! Но это, конечно, был просто обман зрения. Десятки мужчин и женщин ползали по ней, обвязанные веревками, в хлопающем на ветру тряпье, будто маленькие весенние паучки, и беспрестанно тюкали камень молотками и гвоздями. Звон ударов и шум голосов отражались от близких гор, наполняя воздух гудящим эхом.

Но в тот раз Шаи не дал мне долго любоваться на работу; пока я, раскрыв рот, пялился наверх, он уже высмотрел что-то интересное и, схватив меня за лапу, поволок вперед. Миновав толпы переселенцев (они были слишком заняты тасканием грузов и перебрасыванием кирпичей, чтобы смотреть на нас) и несколько десятков надсмотрщиков (те не снисходили до того, чтобы повернуть морду к нищему старику и его «внуку»), мы добрались до небольшого дома, в котором отдыхали от трудов праведных шенпо. Тот явно слепили на скорую лапу: недосушенные кирпичи уже расползались от дождей и снега, и по беленым стенам стекали кроваво-красные ручейки глины. На окнах были толстые ставни, но приоткрытая дверь тихо поскрипывала.

— Иди глянь, есть кто внутри? — выдохнул на ухо Шаи, обдав меня вонью крепкого санга; я и не знал, что он так пьян, когда мы отправились вниз! Это, да еще и вкупе с приказом нарушить покой слуг Железного господина, изрядно пугало.

— Ты уверен, что это хорошая мысль?..

— Иди-иди! Если что, скажешь, что заблудился. Ты мелкий, тебе ничего не сделают, — отвечал лха. Поежившись, я шагнул внутрь.

В доме было темно: только на низком столе тлела масляная плошка. Рядом, в пятне тусклого света желтели разбросанные в беспорядке свитки; некоторые свешивались до самого пола, так, что от разбухших краев подымались разводы влажной грязи. Я огляделся по сторонам — вроде никого! — и подкрался поближе, чтобы глянуть на написанное. Было так же страшно, как тогда, когда я пытался воровать в классе Ишо. Когда я потянулся за одним из свитков, с пальцев аж капал пот.

Я почти коснулся его, но тут раздался мощный, глубокий храп! Едва проглотив истошный визг, я отскочил назад и уставился на спящего шена.

Тот примостился на стуле, скрестив лапы на груди; голова откинута назад, нос смотрит точно в потолок, плоский язык свисает из распахнутого рта... Лицо спящего показалось мне знакомым; может, я сталкивался с ним в Перстне, когда был там в услужении? Наверняка, но было здесь и что-то другое! А потом я заметил одну странность: слюна, стекавшая из уголка его губ, была бурой и густой, как смола. Такое встречается у тех, кто жует корень бхога; тогда понятно, почему он так крепко спит посередине дня! Сиа рассказывал, что жевательный корень придает бодрости — можно аж три ночи к ряду не спать. Но тем, кто злоупотребляет этим растением, приходится расплачиваться — сонными приступами и много чем еще.

— Шаи, — позвал я, высунувшись из-за двери. — Заходи! Здесь есть шен, но он не проснется. Еще не скоро.

Лха не заставил себя долго ждать; проскользнув внутрь, он сразу же направился к столу, одарил похрапывающего шена презрительным взглядом и схватил какой-то из свитков. Его глаза жадно забегали туда-сюда; но скоро Шаи разочарованно вздохнул.

— Я ничего в этом не понимаю, Нуму, — пробормотал он, откладывая свиток и потирая

косяшкой пальца морщинистую переносицу. — Здесь явно речь о Кекуит... Но если бы я помнил, что это значит! Все эти знаки и символы... Три жизни назад я знал их, а теперь это просто пятна чернил. Но все равно стоит срисовать... Может, с книгами удастся разобраться... Постой снаружи: предупредишь, если кто-то будет идти.

Не успел я шагнуть к дверному проему, как вдруг чья-то тень заслонила лившийся из него свет; я молча потянул Шаи за рукав.

— Спрячься куда-нибудь и сиди тихо, — одними губами шепнул лха; растерявшись, я забился в первую попавшуюся щель между стоявшими у стены ящиками и мешками, неудобно вывернув левую лапу. Та сразу начала затекать, но шевелиться и менять положение я побоялся. Пришлось, стиснув зубы, терпеть.

Тихо щелкнул засов; дверь затворили изнутри. Я не услышал шума шагов, но скоро мимо меня проплыли две белые фигуры — точно два духа, не ступающих по земле; но это были, конечно, не призраки, а женщины Палден Лхамо. Одна из них, с русой гривой, заплетенной толстыми косами, склонилась над столом и достала из-за пазухи лист тонкой до прозрачности бумаги и заточенный уголек. Вторая, красноволосая, сторожила, оглядываясь по сторонам.

Но не успели они сделать то, за чем пришли, — чем бы это ни было, — как мешок, в который я упирался пяткой, пошатнулся и завалился на бок. Женщины, вздрогнув, вытянули шеи и уставились в одну сторону. Та, что держала бумажку, чуть кивнула; ее подруга, медленно ступая, стала подбираться ко мне. Сквозь рыжую мглу я увидел ее растопыренные подрагивающие пальцы, унизанные медными кольцами, раздувающиеся ноздри и, главное, неподвижные, стеклянисто-зеленые глаза. Женщина будто бы была слепой?..

Ей оставалось только протянуть лапу, чтобы ухватить меня за шкурку, но тут мирно храпевший шен зашелся каким-то жутким бульканьем и кашлем. Этот шум разбудил его самого; мужчина вскочил со стула и недоуменно уставился на гостей.

— Какого дре вы тут делаете?! — завопил он, вращая глазами и украдкой вытирая накапавшую на чуба слюну.

— Да вот, решили поработать за тебя, раз уж ты умаялся, — с ухмылкой отвечала русоволосая женщина; я заметил, что бумажку она уже спрятала в складках платья. — Почему вы поменяли последовательность каналов на пятой колонне?..

— Твое-то какое дело, — злобно огрызнулся шен. — Так велел Железный господин. Еще вопросы будут?

— Но можно же было предупредить. Мы ведь тоже должны делать расчеты — сколько и чего.

— Я тут не болтать с вами поставлен, а следить за строительством! Идите, поговорите с Чунтой или Мимаром, а ко мне не суйтесь больше.

— Нозу-Нозу, — женщина с печальным видом поцокала языком. — Мог бы быть и повежливей. А то мы поговорим с Чунтой не только про Стену, но и про то, как ты, наевшись жевательного корня, дрыхнешь среди бела дня.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Нозу, ну конечно! Вот откуда я его знаю — это тот самый шен, который купил меня у дяди и отвез в Перстень. Между тем, мужчина разозлился не на шутку. Схватив стул, на котором только что спал, он запустил его прямехонько в смеющуюся женщину; та, легко уклонившись, расхохоталась еще громче. Ее подруга в это время распахнула дверь, и вот уже обе выбежали прочь, преследуемые изрыгающим проклятия шеном.

Подождав чуть-чуть, мы с Шаи тоже покинули это странное место.

Наши вылазки в город и его окрестности продолжались довольно долго. Но хотя я никогда не был особо догадлив, а все же заметил, что мое постоянное присутствие Шаи в тягость. Его дела в Бьяру требовали скрытности, как требует ее бег таракана в ночной темноте; а я жужжал и суетился, как одуревший по весне комар. Поэтому со временем, убедившись, что я, во-первых, уже далеко не ребенок и могу сам о себе позаботиться и, во-вторых, мне не грозит ничего страшнее, чем угоститься шо не первой свежести, которым ушлые торговцы потчуют народ, лха начал оставлять меня в одиночестве. Я, признаться, тоже расслабился, и не мудрено! Хотя какой-нибудь гончар запросто мог отвесить мне щелбанов за случайно разбитый горшок (их делали великое множество для Стены; глиняные посудыны и зимой, и летом сохли на полях, как урожай белых дынь), но случайных пинков и затрецин я не слишком боялся. А от вещей посерьезнее меня наверняка защитила бы маска — Гаруда. Как и велел Железный господин, подарок богов всегда был со мною: его внушительная тяжесть, скрип шелковых шнуров и веющая от черного лака прохлада — все говорило о том, что это не просто кусок дерева. Тут работали чары, да не простые! Куда большее опасение внушал мой собственный длинный язык — а ну как опять сболтну лишнего? Теперь я уже осторожничал и иногда за весь день выпускал изо рта не более десятка слов; из-за этого многие знакомцы считали меня неприветливым и угрюмым, но оно и к лучшему!

Однажды, оторвавшись от Шаи, я сидел на скамье у приозерной гомпы и смотрел, как снег падает на Бьяцо и тает в стеклянных водах. Мимо бесконечной чередой проходили паломники, задевая когтями молитвенные барабаны и бормоча под нос хвалы, жалобы и прошения; прикрывшись от снегопада павлиньими зонтами, прогуливались по двору толстые жрецы; за ними следом семенили тонкие, плохо одетые ученики, на ходу записывая что-то в свитки, такие длинные, что их концы то купались в грязи, то отрывались под каблуками сапог. Чернила, налитые в притороченные к поясам тыквы-горлянки, немилосердно плескали и пачкали и без того грязные чуба. Все вокруг — крыши, тораны, ставни и створки дверей — пестрело цветами старых богов: синим, зеленым, золотым, но из-за угла гомпы выглядывали красная полоса Перстня и черный нос Когтя над ним — как клюв ястреба, зависший над птенцами... или добычей. Я хотел было закрыть глаза, но тут же почувствовал, как душа вспучивается, вскипает внутри и грозитя выплеснуться через горло и ноздри, как убегающее молоко. Странная, беспричинная тоска напала на меня сегодня! Я потер виски и зевнул, чуть не порвав рот; стало легче, но ненадолго. Пылью — вот чем я себя чувствовал; пылью, готовой рассеяться от малейшего дуновения ветра.

Вдруг чей-то крик вырвал меня из оцепенения, а потом еще один, и еще, и вот уже вся гомпа горланила, визжала, топотала! Из-за чего поднялась вся эта суета? Поработав как следует локтями, я пробрался сквозь бока и спины, большие и малые, обтянутые хлопком, шелком и войлоком, пахучие, лоснящиеся, сталкивающиеся, как льдины в весенней реке, — к источнику шума.

Им оказался ручной жернов из черного камня, который в народе почему-то прозвали мельницей Эрлика. Обычно он мок без дела под дождем или стоял, присыпанный снегом; но сегодня у его подножия, опрокинув чашу с семенами горчицы, валялся какой-то мужчина. Судя по дырявой, грязной одежде, свалывшейся шерсти и изломанным когтям, он был беден — скорее всего, один из строителей Стены, невесть зачем забредший в город. Его правая

лапа была заломлена вверх каким-то странным, неестественным образом; кажется, мужчина был без памяти.

— Надо ему помочь; дать понюхать санга, — сказал я и уже собирался приступить к делу, но стоявший рядом жрец Норлха положил мясистую пятерню мне на плечо, удерживая на месте.

— Похвальное желание, юноша, — пропел он мягким, густым голосом. — Но этому горемыке уже ничем не поможешь. Как и тому, чье имя он произнес. А чье имя он произнес, известно ли?

Это он спросил, уже оборотившись к прислужнику гомпы, стоявшему неподалеку.

— Один паломник утверждает, что Тонце Зума... это, вроде бы, сотник на Стене.

— Что же тот сделал?

— Да кто теперь разберет, — равнодушно отвечал прислужник, почесывая бровь пером, отчего ее рассек синий чернильный шрам. — Может, цампы в тарелку не доложил, а может, с чужой женой переспал.

— Жаль все же! И жизнь, и посмертие погубил за какого-то сотника...

Видя, что жрец в благодушном настроении и не прочь поговорить, я решился расспросить его:

— А что с ним, дяденька? Что он сделал?

— Нездешний ты, что ли? — он почесал грудь в мягких светлых волосах, с любопытством оглядывая меня. — А, вижу! Глаза у тебя желтые, как у рогпа. Далеко же ты забрался, молодой рогпа! Ну, слушай — не приведи Норлх, пригодится! Видишь тот жернов? Если положить в него одно горчичное зерно и растереть, назвав имя своего врага, он тотчас умрет. И не важно, стар он или молод, беден или богат. Но и душу просящего заберет Железный господин — такова цена мести! Любой может прийти сюда, к этому камню; останавливать просящих запрещено... А потому каждый князь, каждый оми должен помнить, что обиды не проходят даром.

В это время двое шенов — уже в черных одеждах Перстня — зацепили мертвеца большими крюками и поволокли прочь, оставляя борозду в свежем снегу. Завороженный этим зрелищем, я не сразу понял, что чей-то голос окликает меня.

— Господин? — снова обратились ко мне, на сей раз потянув за рукав. Тут я наконец обернулся и чуть язык не откусил от неожиданности — это был молодой ученик... теперь уже шен, которого чуть не искалечила Падма! Его раны зажили, но на их месте остались бугристые розовые рубцы, особенно заметные на пальцах и предплечьях — там, где короткая шерсть не могла прикрыть увечий.

— Привет? — выдавил я наконец, решив, что пялиться на чужие болячки невежливо.

Шен высунул язык и поклонился. Густая, светлая грива и зеленые глаза выдавали в нем выходца из восточных лесов; и лапы у него были длинные и жилистые, как у обезьяны. Темно-бурое пятно, расплывшееся вокруг его правого глаза, придавало морде шена задумчивое, почти грустное выражение.

— Не сочти за дерзость, господин, — с робостью и в то же время важно сказал он. — Позволь представиться: я Тридра Лунцен, слуга Железного господина. Я увидел тебя в толпе и решился подойти. Мне нужно извиниться перед тобою.

— Угу, — ответил я, не зная, что еще сказать (и что мне позволено говорить!); но шен принял мою немногословность как должное.

— Ты прав, господин. Слова мало значат; слова легковесны! Но поверь мне — после

нашей встречи я много размышлял и понял, что был неправ тогда. Не только потому, что поднял лапу на небожителя, но и потому, что обидел старика и его веру. Я постарался исправить то, что сделал — нашел того бедняка и помог его внучке; втайне, конечно, чтобы не пугать его... Не подумай, господин, я говорю об этом не для того, чтобы похвастаться, а чтобы... чтобы спросить — могу ли я как-то послужить тебе, чтобы отплатить за твою доброту?

Признаться, тут я хотел послать пристающего Тридру куда подальше и продолжать скучать в одиночестве; но тот опередил меня, выпалив:

— Я вижу, тебе невесело сидеть тут. Пойдем со мной — я знаю, где можно развлечься.

Я посмотрел на солнце, уныло ползущее над сизой от холода столицей. Шаи должен был вернуться через два часа, не раньше.

— Ладно, только недолго!

И он повел меня — вверх, на гору, мимо низкорослых жилищ, в которых ютились ученики гомпы; проходы между ними оказывались порой такими узкими, что я задевал локтями стены, покрытые облезлой краской и вонючими пятнами неведомого происхождения, и тогда жалел, что дал завести себя сюда. Но отступать было поздно. Черепки и объедки, грудой наваленные прямо у дверей, хрустели и чавкали под подошвами, из приоткрытых окон прямо в лицо шибали клубы белого пара, пахнувшего потом и жареной рыбой, а мой спутник и не думал сбавлять шага. Наконец, он поманил меня пальцем, и мы свернули вбок, к лестнице, вырубленной прямо в камне; несмотря на зимний холод, ее ступени были мокрыми — то ли от облаков, набегавших серой волною с юга, то ли от шарканья множества лап, растирающих снег в грязное месиво. Поднявшись, мы очутились перед странным строением; по крайней мере, мне в таких бывать еще не доводилось! Высокое, с целыми тремя этажами, украшенными крытыми галереями, резными крышами и цветными ставнями, оно напоминало богатый лакханг, но крики, хохот и песни, доносившиеся изнутри, вовсе не походили на праведные молитвы. Правда, я тут же догадался, что это — дом увеселений, такой, где подают вино, чанг, жевательный корень и трубки, набитые разными травами. Из-за близости к приозерной гомпе его облюбовали шенпо всех мастей; вот и сейчас дюжина гуляк в черных чуба вывалилась из дверей и, пошатываясь, двинулась вниз по лестнице. Я моргнул, размышляя, доберутся ли они вниз живыми — ступени были скользкими, а лапы у них заплетались чуть ли не узлом... Но тут мой спутник дернул меня за чуба, заводя внутрь.

Признаюсь, это были самые роскошные покои, какие мне доводилось видеть! И в Перстне, и даже в Когте все было устроено очень просто. Да, залы с высокими потолками, темные стены и бледные тханка внушали почтение, но здесь все было иначе: в мягком, розоватом свете ламп и курильниц переливались кусочки перламутра, украшающие низкие столы и лежанки; красный и черный лак, густо покрывающий рога раскладных стульев, блестел, как спина мокрой рыбы; в тени тлея рыжими огнями старая позолота, и бисер на занавесях звенел, посверкивая, будто настоящие самоцветы. Мы опустились на подушки из настоящего шелка, толстые и мягкие, как пух, хоть и немного лоснящиеся от прикосновений многих задов. Тридра махнул лапой, давая знак кому-то невидимому. Как бесплотный демон, исполняющий волю колдуна, перед нами в тот же миг явился слуга с подносом, на котором стояли кувшин и две вместительные чаши; шен разлил по ним красноватое нечто и протянул одну мне со словами:

— Это чанг, настоящий на желудях и плодах миробалана. Такой делают только в

местах, откуда я родом; его больше нигде в Бьяру нет! У нас, если мирятся, всегда выпивают его.

Мне еще не доводилось пробовать ничего крепче вина, которое в Когте наливали по праздникам; но отступить было некуда. Залпом, стараясь не морщиться, я влил в себя содержимое чаши; горло обожгло лютым огнем, и слезы брызнули из глаз. Жуткое пойло! Не знаю, как насчет миробалана, но язык у меня точно задубел. А шен уже плеснул добавки, приговаривая:

— У меня есть и другой подарок. Я послал ей весточку, как только увидел тебя... Она должна скоро прийти...

Я кивал, мало прислушиваясь к его словам. Выпитый на пустой желудок чанг разливался по крови быстро, как пожар по сухой траве. Но Тридра не обманул — через несколько минут на пороге и правда появилась девушка необычайной красоты; одетая в чистое белое платье, она светилась, будто спустившаяся с неба луна. Ее грива цвета топленого масла была расчесана волосок к волоску; зеленые глаза блестели, как слюда в глубине пещеры; левую бровь пересекало темное пятно, вроде растущего полумесяца. Без сомнения, она была в родстве с молодым шеном.

— Это моя сестра, Драза, — подтвердил тот, наклонившись так близко ко мне, что я почувствовал травянистый дух, шедший из его глотки. — Нас вместе забрали в Перстень: меня — к Железному господину, а ее — к Палден Лхамо.

Заметив нас, девушка подошла и низко поклонилась. Серьги в ее ушах качнулись и звякнули, как маленькие колокольчики.

— Господин, — пропела она голосом сладким и вяжущим, как спелая хурма. — Ты сохранил жизнь моему брату! Позволь отблагодарить тебя за это.

Сказав так, она взяла меня за лапу и повела сквозь чад курений, сквозь хохот и переругивания пьяных шенов в потаенные покои без окон, столов и стульев. Здесь вообще ничего не было, кроме пары-тройки стеганых покрывал на полу. Дрожа от волнения, я опустился на грязноватую ткань; Драза села передо мною, улыбаясь, и развязала пояс.

— А это не запрещено?

Девушка повела плечами; ее платье от этого движения опало, как крылья белой птицы. Я в смущении уткнулся взглядом в пол.

— Жрецы старых богов иногда дают обет безбрачия. Но в Перстне такого нет: к чему лишать лучших из нас возможности иметь потомство?..

— Куда же вы деваете детей? — пробормотал я, запинаясь; зубы стучали во рту, как сотня костяных дамару.

— Они растут с матерями или отцами в городе. А если оба родителя из Перстня, щенков отдают на воспитание в здешнюю гомпу. Потом, если у них проявится дар колдовства, их заберут в Перстень.

— А если нет?

— Зачем думать об этом?.. Я не собираюсь рожать тебе ребенка, — Драза усмехнулась так, что белые зубы показались под сливово-черной губою. — Только отблагодарю.

Она приблизилась, обдав меня горячим запахом гвоздичного масла; мягкая ладонь коснулась моей щеки, шеи, юркнула под чуба... И вдруг девушка вскрикнула, отстраняясь, баюкая у груди обожженные пальцы. Я хотел было утешить ее, сказать, что не причиню вреда, но стоило потянуться вперед, как на ее красивом лице появилось выражение ужаса и злости. Драза отскочила и зашипела, будто змея. Занавесь, отделявшая покои от общей залы,

отдернулась, и кто-то вошел. Но моя голова не слушалась меня и не желала поворачиваться навстречу; вместо этого затылок необоримо тянуло к земле, да и стены кренились, придавливая меня к полу... Ничего не оставалось, как только смириться и закрыть глаза.

Проснувшись, я сразу же застонал и схватился за лоб. Голова трещала немилосердно, а желудок крутился внутри, будто пойманная орлом гадюка.

— Выпей-ка, — велели мне, пихая в лапы горячий стакан. — Должно помочь.

подавив тошноту, я проглотил немного солоноватой жижи и откинулся на подушки, тяжело дыша. Как ни странно, вскоре мне правда полегчало; только тогда я догадался оглядеться вокруг. Не знаю, как, но я очутился в просторной, чисто подметенной комнате с большим окном из расписного стекла. За прозрачными лотосами и золотыми рыбками виднелся Бьяру: белые крыши в дыму от очагов и курильниц. Значит, я все еще был где-то на горе, но точно не в доме удовольствий. Против этого говорили здешние тишина и покой, а еще пузатые шкафы у стен, на которых грудами валялись гребешки, ножницы, обрезки ткани с иголками и булавами, и прочие мелочи, какие водятся только в домашнем хозяйстве. Наконец, повернувшись набок, я разглядел и моего благодетеля — и тут же замер, похолодев от страха.

Передо мною на раскладном стуле из бамбука сидел не кто иной, как Чеу Ленца — или Ишо, как его звали ученики в Перстне. Почжут, впрочем, не спешил бросаться на меня с проклятьями и заклинаньями: он был слишком занят тем, что умиротворенно хлебал какое-то варево из широкой пиалы, время от времени причмокивая от удовольствия.

— Если думаешь, не отравил ли я суп, то нет, не отравил, — усмехнулся он, отставляя посудину и почесывая клочок рыжей шерсти, торчавший в ворота чуба. — Видишь, сам его пью! Не такой я дурак, чтобы убивать любимчиков Эрлика... чего не могу сказать об остальных. Тебе надо быть осторожнее, Нуму, — та девчонка не желала тебе добра. И немудрено — ты унизил ее брата у всех на виду. В Перстне от него теперь шарахаются, как от прокаженного.

— Он же раскаялся... — пробормотал я, хлопая губами, как вытасченный из озера сом.

— Раскаялся? — Ишо приподнял светлые брови, удивляясь моему тугодумию. — Это он сам тебе сказал? Не верь словам, Нуму. Верь этому.

Коготь почжута повис напротив моей груди — там, где была маска, — и я почувствовал легкое покалывание, будто кожу нежно пощекотали морским ежом.

— Ты знаешь про личины?..

— Я много чего знаю, — отвечал Ишо, хитро улыбнувшись. И тут, глядя на его лисью морду, я сообразил:

— Сколько времени прошло?! Меня же уже ищут!

— Могу кликнуть воронов, если хочешь, — предложил он, кивая на окно; и правда, в небе неподалеку кружили большие горластые птицы. Но при одной мысли о том, что Падма или Камала, а через них и Сиа узнают о произошедшем сегодня, я готов был удавиться. — Вижу, что не хочешь. Ты был в городе с бесхвостым? Могу позвать его одного.

Не сразу я понял, что он говорит о Шаи; но, поняв, с облегчением кивнул.

— Хорошо, — Ишо кивнул и прикрыл глаза, будто вдруг утомившись; тяжелые веки сомкнулись, как складки покрывала, а потом снова открылись. — Готово. Он скоро придет за тобой. Обожди пока тут.

— Спасибо, — понурившись, вздохнул я. — Но... Почему ты помогаешь мне?

Почжут выловил в супе момо побольше, закинул в рот и вдумчиво прожевал.

— Думаю, ты мне просто нравишься, — отвечал он наконец. — Наверное, потому, что похож на меня в детстве. Я тоже был умен, но простоват. Все сидел над свитками, думая, что книжные премудрости откроют мне, как правильно жить... Скажу по секрету — не открыли. И вот еще сходство: меня, считай, тоже воспитали боги. Я оказался в Перстне как раз в ту пору, когда тридцать седьмой Железный господин умер и его место занял нынешний...

Как бы медленно и натужно ни ворочались мои мысли, я все же подсчитал:

— Но ведь это было больше пятидесяти лет назад!

— Верно, — кивнул Ишо, не без удовольствия глядя, как моя челюсть падает на одеяло. На вид рыжему толстяку никак нельзя было дать больше двадцати, а получается, ему впору было заворачиваться в саван и ползти к местам кремации! — И все эти годы я провел рядом с богами, а потому могу с уверенностью сказать, что они хорошие учителя, но плохие родители. Это и по тебе видно.

— Не понимаю что-то, — честно признался я.

— Родитель любит своего ребенка любым, а учитель любит только того ученика, который успевает в его предмете. Уж я-то знаю, — пробурчал Ишо, не иначе как вспоминая перепалки в своих шумных классах. — Ты слышал о Чеу Луньене?

— Ну... Есть такой почжут.

— Мы с Луньеном были погодками; попали в Перстень вместе... Он родился где-то в пограничных, диких землях. Как сейчас помню его нелепый наряд — чуба из леопарда, штаны синие, как чернила; весь в каких-то побрякушках, и в гриве торчат сорочьи перья! Он был смешным... но недолго. Скоро всем стало ясно, что из нелепого мальчика выйдет великий колдун. Я говорил уже, что был весьма умен? Ну так по сравнению с Луньеном я был не умнее трухлявого пня. Все давалось ему легко; заклинания будто сами появлялись на языке.

Как я уже говорил, как раз в это время умер Хепри — тридцать седьмой Железный господин, и его место занял Ун-Нефер... — Ишо увидел, как я вздрогнул при звуках *меду нечер*, и поспешил успокоить. — Не бойся; в этих стенах богов можно называть по имени. Прежние Эрлики были как глиняные идолы — их наряжали в шелк и железо, им приносили дары, им строили троны и навесы, но жизнь Перстня текла своим чередом с ними или без них. Разобьется один — слепят нового... Нынешний господин навел совсем другие порядки. Он готов был щедро поделиться с шенами теми знаниями, которыми раньше владели только белые женщины Палден Лхамо, — но те, увы, не могли учиться! От долгих лет лени и излишеств они обрюзгли телом и окостенели умом, потому Ун-Нефер отправил одних доживать свой век при дворах удельных князей, других — проповедовать в далекие лакханги, а сам стал собирать круг новых учеников. Конечно, он сразу отметил Луньена — разве могло быть иначе?

Ун-Нефер приблизил его к себе и открыл такие тайны, которые мне, боюсь, неизвестны до сих пор. Понятно, что Луньен гордился этим непомерно и бывал той еще занозой в заднице. Хотя я все равно считал его своим другом; да и он помогал мне — то посоветует, как проклятье повеселее составить, то редкий яд достанет, то пригласит вечером чанга выпить... Не знаю уж, почему! Может, тешил так свое самолюбие. По правде, ему не было дела ни до меня, ни до других шенов. Одного Железного господина он считал равным себе и только его признания добивался. Хочешь, верь, хочешь, нет, но я сам видел: Луньен, первый из почжутов, уже будучи седым стариком, ждал похвалы своего учителя, как ребенок — ласк

матери. В конце концов, это толкнуло его на безрассудный поступок. Скажу так: он заглянул туда, куда заглядывать было нельзя.

— И что случилось потом? — спросил я, когда молчание затянулось.

— Он исчез, — отвечал Ишо, моргнув, будто спросонья. — В один день просто взял и исчез. Может, сам Эрлик забрал его; а может, он жив и по сей день, но сломлен тем, что увидел... Так или иначе, лишиться жизни или разума — незавидная участь. Вот что значит иметь слишком хороших учителей!

— Но ведь я видел Чеу Луньена во время Цама!

— А, это другой, — отмахнулся почжут. — Просто заместитель; не чета прежнему. Впрочем, не говори ему, что я так сказал, — еще обидится. Да и вообще...

Он приложил к губам пальцы в жесте, призывающем к молчанию. В это время в комнату вошла дородная женщина в нарядном переднике, ведя за собой сморщенного, старого попрошайку. Судя по презрительно скривленным губам служанки, гости хозяина не внушали ей никакого почтения.

— Пойдем-ка, милый, — прошипел Шаи таким голосом, что меня озноб пробил. Икнув, я медленно сполз с постели, на прощание не забыв еще раз поблагодарить Ишо. Почжут прижал к сердцу пухлую ладонь и с улыбкой отвечал:

— Я все-таки рад, что тогда не убил тебя.

[1] Так называемый картуш (𐎓𐎎) изображает связанную кольцом веревку, защищающую окруженное ею имя. Позже данный иероглиф также использовался для обозначения самого слова «гп» — имя.

Свиток IX. Отступник

Шла вторая зима с тех пор, как Кекуит перестала согревать Олмо Лунгринг. Золотой город внизу, весь в пятнах снега и зеленого льда, походил на поверхность озера, замерзшего в одну секунду, вместе с волнами крыш и пеной резных украшений. В очагах трещал, искрясь, хворост и тлел кизяк; плотные клубы дыма висели над домами и пухли медленно, как сухари в молоке. В конце месяца Черепахи ударили морозы; толстые глиняные горшки, которые гончары по привычке оставляли на ночь во дворах, поутру с хрустом ломались под пальцами. Заиндевевшие дарчо уже не качались на ветру. Паломники и попрошайки попрятались в лакхангах, и даже вороны реже горланили на крышах, чтобы не глотать обжигающий воздух.

Вечерами над Северными горами всплывало неповоротливое созвездие Черепахи с шестью лучистыми звездами на панцире, а следом гналось, разевая зубастую пасть, хищное созвездие Макары. Это был знак того, что приближался Цам; я ждал его с ужасом. Если бы мне опять пришлось остаться у постели Железного господина и если бы то... существо появилось снова, теперь оно точно добралось бы до меня; в этом я был уверен.

Но время шло, а бог не выказывал никаких признаков болезни: его голова не клонилась к груди, спина не сгибалась дугой, речь и взгляд оставались ясными. Сиа радовался, приписывая его здоровье действию лекарств; я же малодушно сомневался в искусстве старого лекаря, но иных причин тому, что хворь отступила, не находил. Как бы то ни было, Железному господину не нужна была сиделка... и все же в день накануне Цама он позвал меня к себе.

Это было на исходе часа Обезьяны, незадолго до наступления темноты, когда тени отрываются от корней и плывут в воздухе без цели и направления, точно водоросли, разбросанные течением. В это время можно увидеть, как все вокруг загорается особым светом, идущим не от гаснущего солнца, а будто бы изнутри предметов: дерево и металл, ткань и камень превращаются в таинственные зрелые плоды, сквозь прозрачную кожу которых проступает медовая сердцевина. То ли из-за этих золотых сполохов, то ли просто со страху покои Железного господина показались мне огромными — куда больше, чем я помнил их. Я заморгал и потер веки, пытаюсь привыкнуть к сумраку, но это мало помогло: со зрением творилось что-то неладное! Стены ползли вниз, и пол убегал из-под лап; даже сам бог, одетый в чуба из красной ткани, то вырастал, то сжимался — будто горящий костер, то жмующийся к земле, то раздуваемый ветром.

Повинуясь его жесту, я подошел ближе. Железный господин был занят тем, что рассматривал чортен — один из многих, собранных богами. Только в этом был какой-то изъян: его стенки едва сочлились тусклым, синеватым мерцанием. Лха недовольно нахмурился, поскреб ногтем поверхность в поисках щербин или трещин, а потом вздохнул и сунул негодный чортен в рукав. Странно, но он вдруг напомнил мне лису, тайком крадущую куриные яйца! Эта мысль ободрила меня достаточно для того, чтобы спросить:

— Чем я могу служить тебе, господин?

Бог окинул меня пристальным взглядом: от макушки до хвоста и обратно, будто снимал мерку... А может, и правда снимал — знать бы только, для чего?

— Я много слышал от Шаи о том, как ты помогаешь работникам внизу. И Сиа говорил, что ты просишь дать им наши лекарства.

Тут мои потроха занули, предчувствуя неладное, и я уже раскрыл рот, чтобы бормотать оправдания...

— Можешь взять их.

— Ч... чего?

— Можешь взять их — но не больше, чем Кекуит производит сейчас. Ее силы и так на исходе, поэтому пользуйся тем, что есть... И, разумеется, тайно — больные не должны знать, что исцелило их. Пусть приписывают это удаче, колдовству или молитвам.

Я низко поклонился, пыхтя от счастья, как каша на огне.

— Хм... А это дело тебе по душе, Нуму?

— Да! Еще как!

— Хорошо, — Железный господин кивнул, наградив меня мягкой, ободряющей улыбкой, — потому что я попросил Нехбет дать тебе доступ к садам княжеского дворца и к теплицам Бьяру. Там растет множество лечебных трав, привезенных из южной страны и даже с других махадвип. Скоро это будет единственное место, где их можно достать, — так что распорядись этим богатством с умом.

— Но... но я ведь не лекарь! Может, лучше отдать их тем, кто учился этому ремеслу?

— Разве Сиа не учил тебя? О болезнях, вызванных расстройством тела, ты знаешь не меньше, чем самый лучший из врачей Олмо Лунгринг. О болезнях... иной природы позаботятся другие. Конечно, ты можешь взять себе помощников, если найдешь толковых.

Я еще раз поклонился, пытаюсь унять дрожь. Такой милости я никак не ожидал; она вселяла и радость, и тревогу! Мои сомнения не укрылись от Железного господина:

— Я вижу, ты не уверен в своих силах. Но послушай, Нуму, — скромность не должна становиться обузой. В Старом Доме мне рассказывали историю о лекаре, который родился среди простого народа, но был так искусен и добр, что после смерти его стали почитать как бога. Вот и тебе пора занять свое место среди богов — это не только честь, но и обязанность. При должном старании ты можешь принести много пользы. А значит, отказываясь от своего предназначения, ты причинишь вред — и себе, и другим.

— Мое предназначение? Моя дхарма... — прошептал я, как громом пораженный.

— Твоя дхарма, — подтвердил лха, но вдруг умолк на полуслове. По его телу пробежала судорога, а глаза расширились, будто от... страха? Я проследил за его взглядом — и увидел полную луну, белеющую над горами, как подвешенная под потолком курильница. Оказывается, солнце уже давно скрылось под землю; началась ночь.

— Иди к себе, — велел Железный господин, — и до утра никому не открывай дверей.

Я торопливо поклонился и выбежал прочь, оставив его наедине с темнотой.

Три года прошло с той поры. Я больше не чувствовал себя пленником Когтя: мне позволено было покидать дворец, когда захочу, и идти, куда вздумается. Только два правила следовало соблюдать неукоснительно: молчать о том, что происходит наверху, и никогда не снимать с шеи маску Гаруды. Впрочем, я уже привык к ней, как привык когда-то к обуви или чистке зубов. В тяжести лакированного дерева, в гладкости шелковых шнуров и блеске золоченого клюва, так и норовившего высунуться из-под чуба, было что-то успокаивающее.

Большую часть времени, пока я был внизу, я проводил в беленых домах из плоского кирпича, облепивших подножие Стены, как грибы-вешенки — ствол поваленного дерева. В них размещали переселенцев, стекавшихся в Бьяру со всех концов страны, а потому здесь плодились заразы, обычные при большом скоплении народу, — из тех, что передаются с

дыханием или через телесные жидкости. Бывал я и на стоянках рогпа; те селились отдельно, подальше от города, среди заснеженных полей и обледеневших скал. Кочевники не доверяли «кланяющимся земле» (так они звали оседлый народ), но, узнав, что моя мать тоже из рогпа, обычно смягчались и позволяли войти в свои жилища из грубого войлока, полные дыма и кусачих насекомых. Рогпа сильнее всех пострадали от наступающего холода: их многотысячные стада растаяли, как соль под дождем, — от голода, от болезней, от нападений грифов и снежных львов. Только две-три запаршивевшие овцы да як с обломанными рогами бродили теперь между шатров, уныло ковыряя наст копытами. Женщины давно уже выменяли серебряные украшения и бусины дзи на цампу; мужчины неделями не брали в рот ничего, кроме чанга; дети кашляли так, что в ушах звенело. Промороженные хвосты и пальцы и вовсе молчу — им я сбился со счета! Скоро я научился обращаться с пилами и тесаками не хуже заправского мясника. Увы, чаще, чем ставить прижигания и делать припарки, мне приходилось рубить лапы, покрытые сиреневыми пятнами гниения!

В конце концов я последовал совету Железного господина и нашел трех помощников. Первым стал Сален, сын шена, — рыжий, как ржавчина, и острый на язык. Его не приняли в Перстень, а потому бедняга при каждом удобном случае поносил колдовское ремесло последними словами. И все же он унаследовал от отца кое-какие способности; по крайней мере, никто лучше Салена не мог установить причину недуга, как бы глубоко она ни скрывалась в душе или теле больного. Второй помощницей стала девушка, назвавшаяся Рыбой. Мрачная и тихая, она никогда не рассказывала, откуда пришла в Бьяру, зачем и почему на ее выбритом лбу багровеют бугристые шрамы, складывающиеся в круглый знак *шанкха*; да я и не допытывался. Память Рыбы была цепкой, будто челюсти крокодила: она могла без запинки перечислить свойства тридцати сотен растений, указать расположение каждой кости и сухожилия и пальцами отмеряла щепотки порошков и солей точнее, чем иные лекари — самыми тонкими весами. Третий, Пава, был из зажиточных горожан. Он не отличался особым умом или редкими талантами, но зато был старателен, и, главное, ему всегда сопутствовала удача — знак многих заслуг, накопленных в прошлых жизнях. Жалованья своим помощникам я выдавал три танкга в месяц, половину медью, половину серебром. Думаю, лечи они знают от насморка или потчуй богачей настойками на оленьих рогах, заработали бы больше; но моими помощниками двигала не корысть. Сален хотел доказать, что сам на что-то годится; Рыба выполняла заветы своего учения... Ну а Пава, наверно, просто хотел помочь тем, кому в жизни повезло меньше.

Но даже несмотря на наилучшие намерения, эта троица нередко ссорилась. Начинал обычно Сален, для которого медленный и простодушный Пава был как мелкая рыбешка для зубастой макары. Когда тот возился с лекарствами, подмешивая мед в особо горькие порошки, Сален как бы невзначай ронял:

— Неужто ты все еще используешь мед для подслащения пилюль? Все давно уже добавляют в них вытяжку из аира!

Тут Пава, вывалив от волнения язык и тяжело дыша, начинал перебирать в своей не слишком обширной памяти все, что знал о болотной траве, а затем неуверенно лепетал:

— Но аир же горький...

— Сам по себе, конечно! Но когда влажная горечь травы соединяется с сухой горечью порошков, то они производят мягкий, удивительно приятный вкус. Да ты сам попробуй, — пел Сален, капая едчайшую жидкость на катышек лекарства, который Пава неуверенно мял в

лапах, а потом тянул в рот. Тут в дело обычно вмешивалась Рыба. Между нею и сыном шена мгновенно вспыхивала перебранка. Пава же печально вздыхал, втянув щеки в плечи, словно чувствовал себя виноватым в случившемся, и приговаривал:

— Госпожа Рыба, не зови господина Салена злодеем! Я знаю, у него очень доброе сердце, и он никогда не обманул бы меня намеренно.

— Утверждать, что аир сладок на вкус, могут только вруны или дураки.

— Выходит, господин Сален дурак, — смиренно отвечал Пава и одаривал товарищей примиряющей улыбкой. Рыба ядовито смеялась, а Сален, бормоча под нос про простоту, которая хуже воровства, наконец бросал разговоры и брался за дело.

Стоит еще сказать, что по приказу Железного господина Нехбет открыла мне двери во дворец князя и распахнула кладовые. Чего там только не было! Я увидел сундуки из панцирей огромных черепах, доверху наполненные золотыми и серебряными монетами, украшениями и самородками, скрюченными, как замерзшие в снегу мыши; чаши из цельных опалов, огненных и молочных; бусы из бирюзы, янтаря и коралла; кувшины, в которых вместо молока и вина мерцали жемчуга и рубины; блюда изумрудов, крупных, как голубиные яйца, и тарелки самоцветов вайдурья; отрезы парчи и пестрого шелка; раковины с благовониями, запечатанные смолой и белым воском. Я повстречал придворных, у которых к хвостам были привязаны колокольчики — и чем ближе они к князю, тем больше, так что иные звенели при ходьбе как целое стадо коз! Попадались мне и охранники с павлиньими перьями на шлемах, тайком нюхавшие толченую кору, и служанки с умощенными маслом гривами, подмигивающие мне из-под приподнятых рукавов.

Но как бы ни были удивительны сокровища князя, еще лучше были теплицы — обильные, горячие, как полный еды живот. Там даже посреди зимы жужжали насекомые и пели длиннохвостые птицы; в густом и влажном воздухе плыл пыльный запах цветущих пасленов, ядреного чеснока и персиков, забродивших от переполнившей их сладости. Там черная жирная земля едва проглядывала из-под листьев кустарников — то гладких, то покрытых буграми наподобие крокодильей кожи, то обросших седыми волосками. Там лапы то и дело спотыкались о нежно-зеленые кабачки или желтые, как воск, тыквы; а по сеткам, натянутым от пола до потолка, вился усатый виноград. А в затемненных уголках слуги врыли в землю огромные, бурые от времени яйца с отрубленными макушками, из которых вырастали совсем диковинные штуки: вьющиеся растения с чешуйчатыми стеблями и плодами, похожими на змеиные головы; розовые бутоны, смыкавшиеся наподобие львиной пасти, когда на них садилась усталая мушка; ягоды, похожие на глаза, с бледной, водянистой мякотью и черными завязями-зрачками; прозрачные грибы и синие лишайники, усеянные лопающимися от прикосновения коробочками спор... Да! В теплицах было много добра.

Все эти диковины можно было использовать при создании лекарств, хотя за каждый срезанный стебель, за каждый сорванный плод я должен был отчитаться перед Нехбет. Признаюсь, сначала это казалось мне глупой скаредностью, но со временем я понял: князя ужасно не любили, когда кто-то лез им в карманы, пускай и сами боги! Только полная уверенность в том, что все до последней травинки идет в дело, заставляла их обуздать жадность. Тут Нехбет была непогрешима: никогда она не соблазнялась ни блестящим камнем, ни грудой монет... Да и что проку от них в небесах? И мне следовало быть таким же!

И вот однажды, набрав две полные корзины и заплечный короб всякого сырья, я пришел к Нехбет на поклон. Когда она спускалась для работы во дворец, то обычно занимала

небольшие покои в западном крыле, без окон, со стенами, наглухо обитыми темно-малиновым шелком. Внутрь вели двойные двери: первые створки, из обитого медью дерева, охранялись княжескими воинами, а у вторых, из одной только раскрашенной бумаги, похрапывали двое старых, седых шенов. Дальше никому, кроме меня, заглядывать не позволялось: просителям, явившимся к главному казначею богов, приходилось обращать свои речи или к сонным сторожам, или к нарисованным тушью журавлям и соснам.

Такие странные порядки были заведены потому, что Нехбет, работая, снимала маску; и сейчас та лежала рядом с нею на полу, затерявшись в складках длинного платья. Из-за розовой краски, изображающей голую кожу грифа, личина казалась покрыта густым румянцем, но настоящее лицо богини было бледно и озабоченно. Она закусил губу так сильно, что выступила капелька крови. Причина беспокойства Нехбет явно крылась в разложенных перед нею свитках и таблицах; но в чем именно?

— Что-то не так? — спросил я, ставя корзины на пол и сбрасывая тяжелый короб с плеч. Из-под крышки пахло едким, горьким духом свежесорванной травы.

— Все так... — пробормотала богиня будто во сне. — Все так... Но что-то не сходится.

— Что не сходится?

Нехбет оглянулась на шенов, стоявших у дверей, — судя по движению теней, те играли в кости, — а затем жестом подозвала меня поближе. Когда я склонился над ее плечом, женщина ткнула пальцем в один из листов, в длинный столбец чисел, которые мне ни о чем не говорили.

— Сколько лет прошло с тех пор, как начали строить Стену?

— Уже шестой год идет.

— Верно. И все это время со всей Олмо Лунгринг сюда идут переселенцы. Ты знаешь, им ведется учет: не только по приходе в Бьяру, но и когда покидают родные края. И вот, смотри, сколько народу пустилось в путь в первые три года... А вот — в последние три; почти вдвое больше.

— Это печально, но не удивительно. Я слышал, холода наступают со всех сторон. Даже кое-где на юге снег растаял только в середине весны.

— Этому я и не удивляюсь, — отмахнулась она. — Мне странно другое. Посмотри, сколько из пришедших добралось до Бьяру.

Я нахмурил брови, вглядываясь в корявые черточки.

— Почти в три раза меньше, чем ушло.

— Точно, — она кивнула. — Ладно, положим, кто-то осел в других землях, у родни... кто-то избегает переписи и сторонится шенов, как рогпа.

— Кто-то умер в пути, — заметил я мрачно.

— Пусть так. Но этого недостаточно, чтобы объяснить такую разницу.

— Что ты хочешь сказать, Нехбет? — прямо спросил я, вперившись в богиню тяжелым взглядом.

— Ничего, — едва раскрыв губы, шепнула она, — я ничего не хочу сказать, Нуму. Здесь должна быть какая-то ошибка.

В это время один из шенов-сторожей шумно зевнул; извилистая тень его языка упала на бумажные перегородки. Богиня осеклась и, взмахнув рукавом, воскликнула:

— Теперь иди! Не мешай работать.

Я любил теплицы Бьяру, но еще больше мне нравился потайной княжеский сад —

маленький, тихий, закрытый со всех сторон медными дверями. Он был как слова, спрятанные за сомкнутыми губами, и оттого я, вынужденный молчать о доброй половине своей жизни, находил в нем что-то родное. Не всякий оми бывал здесь: слишком долго приходилось идти через дворец, петляя витыми коридорами. Поэтому сад служил только тем, кто искал лекарственных растений или уединения.

Так вышло, что сегодня мне требовалось и то и другое: корни дягиля — чтобы выжать из них душистое масло, и уединение — для встречи с Мето, служанкой княжны, с которой мы недавно свели знакомство. Но увы! Они с хозяйкой сегодня отправились в город смотреть выступления бродячих актеров, так что мне пришлось довольствоваться одной работой. Для порядка повздыхав и посетовав на жизнь, я стал высматривать над травой большие, медово пахнущие соцветия, похожие на зонты из бледно-зеленого и белого шелка, и скоро забыл о Мето и ее прелестях.

В саду было спокойно и хорошо. Тихо шелестели стрелы аира; сквозь стеклянную крышу припекало летнее солнце, а от выложенного галькой пруда тянуло приятной прохладой. Накопав достаточно корней, я бросил отяжелевшую сумку на землю и сам сел рядом, стянул сапоги и опустил лапы в воду. Та сразу вскипела — это приплыли, толкаясь боками, пятнистые карпы. Они разевали рот, как птенцы в гнезде, и выпрашивали хлеба, но у меня не было ни крошки.

— Извините, ребята, — обратился я к рыбам, жадно пучащим бледно-желтые глаза. — В следующий раз.

Один настырный карп, белый с красным пятном у хвоста, цапнул меня за пятку. Заковыристо выругавшись, я попытался пнуть его в ответ, но только зря взбаламутил воду, а потом поднял взгляд и увидел Железного господина. Он сидел слева от меня, скрестив лапы, и по его улыбке я понял, что бог видел мой неравный бой с мерзкой рыбешкой.

Как я мог не заметить его раньше? Хоть темная накидка и скрадывала очертания его тела, так что издалека бога, пожалуй, можно было принять за камень или тень от ракиты, но я-то был в пяти шагах от него!

— Привет, Нуму. Пришел пополнить запасы?

— Аа... Да, дягиля вот собрал! — отвечал я, наконец высунув язык и поклонившись. — А ты, господин, не боишься, что тебя кто-нибудь увидит здесь... без маски?

Тут же я понял, какую глупость ляпнул: разве Железному господину следует бояться? Скорее уж тому дураку, который решит подглядеть за ним!

— Меня никто не увидит, если я сам не захочу.

— Но... зачем ты здесь?

Бог пожал плечами.

— Иногда я спускаюсь в город просто так, чтобы посмотреть... хотя бы на этот пруд. Здесь столько жизни.

Я опустил взгляд, всматриваясь в голубую воду. Среди солнечной ряби плавали караси, блестя крупными чешуями. По дну, выложенному мозаикой из ярких камешков, ползали улитки и мелкие рачки, то и дело тянущие клешни ко рту. Между мучнистых корней осоки сновали лягушачьи мальки — и сами лягушки, маленькие, почти прозрачные, ползали по листьям кувшинок, цепляясь за жесткие прожилки. Если подумать, жизни и правда немало... Между тем Железный господин склонился над стопкой плотной бумаги с заточенным угольком в пальцах.

— Карта Стены?..

— Нет, — чуть поколебавшись, он протянул мне один лист; на нем было изображено какое-то насекомое с предлинной нижней челюстью, выброшенной вперед наподобие коггистой лапы. Рисунок был сделан с большим искусством, но походил скорее на чертеж сложного механизма, чем на живое существо.

— Что это за чудище?

— Личинка стрекозы. Вон она плавает, видишь?

Хорошенько прищурившись, я и правда заметил среди кувшинок тварь с щетинистым брюхом, тянущую на дно маленькую трепыхающуюся лягушку, — и решил, что больше совать лапы в этот пруд не буду.

— Разве не удивительно, как устроены живые существа? Ты знаешь, например, что, если вытянуть в нить все кровеносные сосуды в теле обычной жабы, этого хватит, чтобы обвязать кругом Бьяру?

Я что-то промычал в ответ, не зная, умиляться или ужасаться; это явно развеселило Железного господина.

— Да не бойся! Я прочитал об этом в книгах, а не вывел через пытки бесчисленных жаб... Хотя не поручусь за тех, кто эти книги писал.

— Ну, извините, — буркнул я. — Откуда мне знать, где источник божественной мудрости — в книгах или... этом, как его... эмпирическом опыте? Особенно после того случая с Чомолангмой. Он мне до сих пор в кошмарах снится.

— Да, это... наверное, было страшно. Но раз ты хотел узнать, что такое колдовство, я решил показать все без прикрас. Так честнее.

— Господин, а если бы я тогда не отступился и все же решил стать колдуном? У меня получилось бы?

— Ты мог бы стать отличным колдуном, Нуму. Может быть, даже почжutom.

Я уже открыл рот, чтобы ляпнуть что-нибудь самодовольное, но глянул на лха — и осекся. Хотя все вокруг дышало полуденным жаром, Железный господин кутался в тяжелую накидку, будто продрог до костей. Трава по сторонам от него клонилась к земле — низко, как от ветра, отворачивая прочь венчики и метелки семян; серебряные листья ракиты, падая, не задевали его волос. И вдруг мне, простому лекарю-недоучке, стало жаль великого бога: он был совсем чужим здесь — ни дать ни взять, голодный дух, вечерами заглядывающий в приоткрытые окна домов.

— Что ж... Пожалуй, я рад, что не стал во все это впутываться.

— Я тоже, — кивнул Железный господин. — Ты мог бы стать почжutom... а мог бы сломаться, как Камала. Присмотришься к ней как-нибудь. От рождения она наделена колдовским даром, но что хорошего он принес ей? Она оказалась между явью и сном, в мире видений, которых она не понимает, духов, которых не умеет подчинить, голосов, которые не может заставить замолчать... Впрочем, не будем о грустном, — тут он потрянул головой и запустил пальцы в пруд. — Смотри. Что скажешь на это?

На раскрытой ладони лха лежал кокон из золотых чешуек, похожий на флаконы, в которых придворные женщины носили благовония. Не понимая, откуда такая штука взялась в саду, я наклонился поближе — и тут же отскочил, потому что изнутри вылезли омерзительные лапки, вроде паучьих. Железный господин засмеялся.

— Не бойся. Это ручейник; он безобиден. Обычно они строят коконы из веток или другого мусора, который найдут на дне. Но князь насыпал им золота, и вот что получилось.

Драгоценная штука ярко блеснула на солнце; кое-где в ней попадались крохотные

ракушки, полупрозрачные, как разведенное водою молоко.

— А это что? — спросил я, указывая когтем на черную продолговатую бусину. Бог уставился на кокон в неподдельном изумлении.

— Зерно пшеницы. Это я принес его?.. — он недовольно хмыкнул и, вытряхнув уродливую личинку, сунул кокон в карман. — Если увидишь ее ростки — сразу выкапывай, иначе этот сорняк сожрет весь сад так же, как наверху.

— Я думал, в Когте так и было задумано.

— Нет. Эту пшеницу вывели давным-давно в Старом Доме. Она растет и в холоде, и в жаре, на любой земле, с водою и без воды... Вот только из-за своей живучести она заполонила все; пожалуй, только до Ульев Семем не добралась. Сколько ее ни травили, бесполезно! Даже в месектет выросла, хотя землю для корабля просеивали чуть не по песчинке.

— А есть ее нельзя?

— Она не ядовита, но насыщает чуть лучше древесных опилок — и на вкус такая же. Если холод придет в Бьяру слишком рано, мы, пожалуй, высадим ее в окрестностях города... Но пока это не нужно.

— Нехбет тоже говорит, что зерна хватает. В Бьяру пришло меньше переселенцев, чем ждали...

Железный господин кивнул, соглашаясь. Его светлые глаза, не отрываясь, смотрели на меня, и я вдруг вспомнил испуг бедной Нехбет, когда она испачканными в чернилах пальцами перебирала таблицы и свитки, ища ошибку... Не выдержав, я опустил голову и заметил, как голый ручейник ползет по голубой смальте. Что за существо! Извивающееся, как червяк, жирное и гадкое. Я было пожалел его, но тут заметил, что проворные лапки уже копошатся по дну, собирая кусочки золота. Не мешкая, он начал ткать себе новый наряд.

Мне и раньше доводилось слышать о том, что в Бьяру творится что-то странное, но я не придавал особого значения слухам. Да и как можно всерьез верить тому, что после вечерней зари колдуньи-совы прилетают к спящим коровам, чтобы выдоить их досуха? Что последователи старых богов приносят идолам кровавые жертвы и по утрам на перекрестках находят чаши с отрубленными языками и вырванными сердцами, плавающими в красной щещу? Что *шанкха* травят народ лепешками с перетертым борцом просто так, из пустой злобы? Если хотя бы десятая часть этих сплетен была правдива, город лишился бы доброй половины жителей.

И все же после разговора с Нехбет холодные и липкие сомнения вползли в мой мозг. Мне стали сниться кошмары: по утрам я просыпался от того, что сердце колотилось о ребра, как раскрученный музыкантом дамару, но ничего не мог вспомнить. Признаюсь, мой нрав это не улучшило: мало-помалу я становился таким же смурным и мнительным, как Шай, и так же, как он, завел привычку подозрительно оглядываться по сторонам. Но сын лекаря хотя бы знал, чего боится! А я даже не был уверен, что у тревоги есть веские причины. Однажды на Стене и правда бесследно пропал рабочий... Но его обнаружили через пару дней в канаве на другом конце города, без штанов и чуба, зато с запахом перегара, подобно ядовитым испарениям Лу сражавшим все живое на девять шагов вокруг. Узнав об этом «чудесном спасении», я так разозлился, что сам чуть лоб ему не проломил... но вместо этого плюнул на все и зарекся искать таинственных врагов.

И вот в первый день новогодних праздников, когда двери жилищ раскрывались

нараспашку, выдыхая на прохожих облака пыли и сора, я отправился из дворца в Бьяру, чтобы просто повеселиться: поест жареных пирожков, погреться у уличных костров, подивиться на масляные цветы и фигурки, которые потом будут растоплены и розданы народу, и забыть наконец обо всем плохом. Внутри скалы будто бы стало темнее; многие ниши, в которых раньше стояли чортены, опустели. Правда, оставшихся светильников было весьма много; дюжине усердных счетоводов понадобилось бы не меньше года, чтобы перечесть их все! «А что, если разбудить все стада желтобрюхих садагов, и стаи водных Лу, и выводки ньенов, спящие здесь? — размышлял я, отдуваясь и перепрыгивая через бесконечные ступеньки. — Они, наверно, заполнят всю страну с востока до запада, от Мизинца до перевала Стрелы и перельются через горы, как мычащий, пестрый потоп...»

Задумавшись, я пропустил ход, который вел под озером прямо в Бьяру и, чтобы не поворачивать назад, выбрался вместо этого неподалеку от северной части Стены. Ее крыловидные отростки чернели в сером свете полудня, подымаясь слева и справа от Мизинца на три четверти от его немалой высоты. Несмотря на праздник, здесь суетились сотни рабочих и шенов, надзирающих за порядком; кое-где виднелись рыжие, белые, черные спины баранов и яков — если повезет, я мог бы одолжить одного и добраться до города по поверхности. Но не успел я и шагу ступить, как почувствовал странный зуд на холке. Готов поклясться, это был чей-то взгляд! Он жег, как упавший за шиворот уголек, но когда я обернулся, то никого не заметил.

Вдруг неподалеку кто-то пронзительно взвыл, а затем разразился потоком отборной ругани. Мимо меня неторопливо проехала повозка, запряженная здоровенным злобным дронгом; на одном из его рогов вместо шерстяной кисточки болтался клочок черной ткани, явно вырванный из штанов какого-то шена (полагаю, их хозяин и бранил зверя на чем свет стоит). Правила этим чудовищем низкорослая, хрупкая женщина из лакханга Палден Лхамо; ее товарка сидела рядом, скучающе глядя на бегущих туда-сюда строителей, груды сваленных вдоль Стены камней и мелкий снег, сыпавший из набежавших облаков.

Повозка была тяжело нагружена: колеса глубоко проваливались в хлюпающую грязь. Увы, я знал, что женщины везут в ней и куда направляются! Они доставляли тела погибших рабочих к местам кремации. Под покрывалом, закрепленным пропущенными через медные кольца веревками, можно было рассмотреть очертания бедер и голов, и даже позвонки на изогнутых спинах; от тряски из-под ткани выпала мозолистая, грубая ладонь — и вдруг ее пальцы дернулись, сжимаясь! В обычный день я бы не обратил на это внимания, поскольку хорошо знал, что в мертвецах некоторое время теплится подобие жизни: их мышцы сокращаются, из естественных отверстий вылетают непристойные звуки, и когти продолжают расти на лапах. Но сейчас, почти накануне Цама, в этом движении мне почудилось что-то зловещее — что-то, от чего я не мог просто отмахнуться.

Правда, броситься пешком следом за повозкой я тоже не мог. Вместо этого, украдкой приблизившись к месту, где шены оставляли своих ездовых баранов, и убедившись, что никому до меня нет дела, я отвязал одного, вскочил в седло и, не оглядываясь, понесся через горы на юг, надеясь только, что в спину мне не летят проклятья, от которых отвалится хвост или из ноздрей ползут лягушки.

Но вроде обошлось, и тогда мои мысли обратились к белым женщинам Палден Лхамо. Удивительно, но, не считая того случая, когда мы с Шаи тайком прокрались в дом шенов, да еще давней переделки с Дразой, о которой теперь и вспоминать стыдно, я почти не сталкивался с ними! Хотя слуги богини одевались в светлые платья, повадками они скорее

напоминали тени. Куда реже, чем мужчины-колдуны, они покидали Перстень, и почти никогда — в одиночку; их редко видели на уличных гуляньях или в домах увеселений; с посторонними они говорили мало и неохотно. О том, что происходит внутри лакханга из лунного кирпича, и вовсе никто не ведал, даже живущие с ними бок о бок шены. Все знали, что белые женщины искусны в колдовстве — и я не сомневался в этом, но сам видел только, как они накладывают припарки, сращивают сломанные кости и вытягивают из ран заразу. Дело хорошее, не спорю, но вряд ли врачеванье было их главным ремеслом; в отличие от меня, они учились не у Сиа, а у Селкет.

Я вспомнил, как Палден Лхамо склоняется над рисунком Стены: собранные в тугую косу волосы вьются вдоль позвоночника, черные доспехи блестят, как слюда... Знает ли она, что происходит здесь? Знает ли ее брат?..

Баран скакал быстрее, чем ступал тяжеловесный дронг; хотя мне достался путь подлиннее, я все же обогнал повозку и первым оказался у мест кремации. Это были прогалины серой земли, ютившиеся между западных холмов и скал. Летом здесь не было травы, зимой снег чернел от пепла и копоти. Служители этих мест, худые, как скелеты, и чумазые, как дре, рылись в золе, отыскивая упавшие с мертвецов кольца и серьги; кое-где жарко пылали деревянные башни, щедро политые топленным жиром или маслом. Огонь подымался над ними рыжими лисьими хвостами, свистел и урчал, разбрызгивая капли кипящей смолы. Не все мертвецы отправлялись сюда — большинство увозили в восточные горы, на корм грифам; но строители Стены удостаивались особой чести — исчезнуть в огне, а не в птичьем желудке.

Я привязал барана за большим, расщепленным у верхушки валуном, а сам спрятался поблизости так, чтобы видеть дорогу, по которой должны были проехать женщины. И точно, через четверть часа появилась знакомая повозка! Маленькая колдунья понукала дронга, чтобы поторапливался; ее подруга будто спала... Но когда повозка прокатилась мимо, она открыла глаза, выпрямилась и повела носом, принюхивалась. Маска у меня на груди налилась тяжестью, и кожу защипало, как от холода. Может, ее-то и почуяли?

Недолго думая, я сорвал Гаруду с шеи и сунул за пазуху; потом, убедившись, что повозка отъехала на достаточное расстояние, выполз из укрытия. Следы копыт и колес глубоко отпечатались в грязи, указывая направление, но идти прямо по дороге казалось мне опасным. Вместо этого я решил пробираться стороною, и не меньше часа то карабкался вверх по скользким камням, то ковылял по колено в снегу, рыхлом, тяжелом и неподатливом, как речной песок. Мой чуба весь перепачкался золой, сапоги промокли, и весь я был в грязи — но оно и к лучшему! Так меня стало не узнать.

Наконец, с вершины одного из холмов я заметил остановившуюся внизу повозку и дронга, гневно бодающего пустоту. Женщины уже давно развязали веревки, стащили трупы на землю и разложили в ряд. Всего двенадцать рабочих; парочку я даже знал — одному проломило череп упавшим камнем, другой оступился и упал на торчащий из Стены шип — на его груди до сих пор проступало красное пятно. Если их кто-то и убил, так только собственная неосторожность! Я уже закусил губу от досады, но тут маленькая колдунья вытащила из повозки ящик с белыми глиняными кувшинами, переложенными соломой. Может, мне уже чудилось, но они были похожи на чортены, хранившиеся в Мизинце, только грубее сработаны!

Я подался вперед, чтобы рассмотреть происходящее получше, но тут скользкий камень сорвался из-под ладони и поскакал вниз, прямо под лапы женщин. Те наострили уши и

завертели головами на длинных шеях. Наконец, меньшая молча кивнула в мою сторону; ее подруга двинулась вперед, раскинув лапы, будто растягивала между пальцами невидимую сеть. Снег, чуть-чуть не долетая до нее, вспыхивал белым огнем и мгновенно исчезал. Я торопливо сунул лапу за пазуху и вдруг почувал, как сердце уходит в хвост: маска куда-то запропастилась! Неужто выпала из чуба, пока я брел по сугробам?!

Женщина приближалась; я живо вспомнил, как мы с Шаи однажды чуть не попались колдуньям Палден Лхамо. Тогда нас спас внезапно проснувшийся шен Нозу; но кто спасет меня сейчас, в этом пустынном месте?.. Разве только трупы рабочих восстанут из мертвых! Дыхание в груди сперло от ужаса; я уже готовился стать золою, когда на противоположной стороне прогалины что-то зашумело, загоготало. Колдуньи развернулись навстречу новой опасности, а меня дернули за плечо, и незнакомый девичий голос прошипел:

— Быстрее, идем!

Даже не думая возражать, я рванул следом за таинственной благодетельницей. Она была закутана в меховой чуба с капюшоном, да еще и снег сыпал в глаза так, что я никак не мог рассмотреть ее. Да и не до того было! Мы бежали неведомо куда, оскальзываясь на льду, падая, отдуваясь и глотая пахнувший гарью воздух. Вдруг незнакомка, не оборачиваясь, швырнула что-то за спину — вроде белого хатага или дарчо.

— Что встал? Пойдем! — рявкнула она, заметив, что я остановился рассмотреть выброшенный предмет. Наконец, когда мне уже казалось, что я больше ни шагу не смогу ступить, мы завернули за скалу, дающую хоть какую-то защиту от ветра, и немного перевели дух. Как только я смог выдавить из горла что-то, кроме сипения и кашля, то спросил:

— Кто ты? И почему помогла мне?

Моя спасительница откинула капюшон. Много лет прошло, но я сразу узнал ее — девушку с золотой шерстью и печальными темными глазами; это была Макара, одна из сестер Сэр!

— Твой помощник считает тебя достойным помощи, — загадочно отвечала она. Тут я заметил, что застежка у ее горла вырезана из белой раковины, и немедленно подумал, что это Рыба послала ее за мной. Да и кто бы еще?.. Но вместо Рыбы из вихрей саж и серой поземки вдруг появился Пава! Он вел на поводу украденного мною барана и второго, побольше, на котором они прибыли вместе с Макарой.

— Я замела следы, — сказала та, обращаясь к нему.

— Хорошо, — кивнул Пава и протянул мне поводья. — Пойдем-ка, господин.

— Я не могу, — вдруг выпалил я. — Я должен найти... найти одну вещь.

— Эту? — спросил он, вытаскивая из заплечной сумки мою маску; я сразу узнал ее, хотя Пава зачем-то наглухо замотал бедный предмет грязной тканью.

— Отдай!

— Конечно. Но не сейчас. Нам пора уходить.

— Тебе придется многое мне объяснить, — проворчал я, забираясь в седло.

— Обязательно, господин, — отвечал помощник, странно усмехаясь. — Я объясню тебе все.

Мы остановились только в самом центре Бьяру, в старом городе, где дома жмутся друг к другу боками, как замерзшие птицы на ветке; шум, грязь и толкотня этого места немного оживили меня. Пава и Макара провели меня через двери с нарисованными синей краской глазами, в темные комнаты, заполненные невыносимо горячим паром — от него потели

даже стены. В полах здесь были устроены ямы с водой, где полуголые женщины и мужчины полоскали хлюпающее и чавкающее тряпье. Но это были не штаны и рубахи; мельком я заметил покрывающие ткань рисунки и письма. С потолка капало; пахло солью и плесенью. Мы шли долго — все время сворачивая то направо, то налево, так что я скоро совсем потерялся, — и наконец, миновав скрипучую дверь с позеленевшими медными гвоздями, оказались в пустой и тихой зале. Окон здесь не было, но в полу светилась круглая купальня, наполненная прозрачной водой. Зеленые и белые блики плясали по стенам и потолку, немного разгоняя темноту.

— Садись, — бросила Макара, сама падая на широкую каменную скамью и стягивая промокшие сапоги. Я содрел в теплой одежде, а потому немедленно стянул чуба, оставшись только в рубашке и штанах; Пава же принялся неторопливо расстегивать меховой кафтан на тысяче мелких пуговиц, заодно поглядывая на меня из-под белесых бровей:

— Зачем ты пошел следом за женщинами?

— Зачем ты пошел следом за мной?

— Я первый спросил.

— Верни маску, тогда и поговорим, — отвечал я.

— Забирай, — он порылся в сумке и достал тряпицу, в которую была обернута моя личина; то, что я принял за грязь, оказалось буквами, записанными по ткани поблекшими бурными чернилами. — Только для начала я сделаю кое-что.

С этими словами он нагнулся к полу, зачерпнул в кулак пыли и сора и, откинув с маски тряпье, со всей мочи дунул на нее.

— Не подглядывай, не подслушивай, не болтай, — приказал он и приложил согнутые пальцы к глазам, ушам и золотому клюву Гаруды. — Теперь забирай.

— Ты, Пава, совсем умом тронулся, — пробормотал я, торопливо подвязывая личину на шею. — Это кусок дерева — кому он что расскажет?

— Известно, кому! Эрлику, — ничуть не растерявшись, отвечал тот. — А ты думаешь, почему он приказал носить этот «кусок дерева», не снимая?

Я вздрогнул, почему-то сразу поверив странному помощнику.

— Он что, все видит? Все, что я делаю?..

— Ну, тише, тише, — успокаивающе проворковал тот. — У нашего господина есть дела поважнее, чем следить за ничтожными слугами днями напролет... или ночами, если ты за них беспокоишься. Но он *может* следить; смекаешь? Я потому и тащил тебя через весь город, чтобы поговорить. Эти бани устроены в старых пещерах Лу — воздух здесь пропитан испарениями древних змеев; они мутят чужие взгляды. И все же с маской лучше не рисковать.

— Да кто ты, мать твою женщину, такой? — заорал я, не выдержав.

Пава хитро улыбнулся и наконец распахнул кафтан. К подкладке из алой ткани была прицеплена булавка с куском желтоватой шерсти. Ловким движением он вытащил ее и вдруг начал стремительно меняться: дородное тело опало, пальцы и морда вытянулись, а шерсть стала серой, как свербивший в моем носу пепел, — и через мгновение я узнал его!

— Зово... — прошептал я, не зная, стоит ли удивляться тому, что колдун совсем не изменился почти за десяток лет... разве что когти подстриг. — Ты еще жив.

— И как так вышло? Сам удивляюсь, — вздохнул тот, разводя лапами.

— И давно ты уже следишь за мной?

— Я не слежу. Я приглядываю; и делаю это со дня нашей первой встречи. Тени совы и

быка уже тогда лежали на тебе — и смотри, где ты теперь оказался!

— Это была случайность — то, что я попал в Перстень, и уж тем более — в Коготь.

— Ну да, ну да, — покивал он. — А потом тебя случайно отправили на Стену, где тебя случайно чуть не сцапали... Впрочем, последнее и правда произошло не по воле богов: ты просто оказался сообразительнее, чем они рассчитывали.

— О чем ты? И какие еще «они»?

— Не притворяйся дураком, Нуму, — поморщился Зово. — Ты знаешь, о ком я.

— Слушай, я благодарен тебе за спасение. Правда, благодарен — уверен, что мне досталось бы от этих женщин, — я встал и набросил чуба на плечи. — Но мне совсем не по душе, когда кто-то выпрыгивает из-под земли, сообщает, что много лет втихаря подглядывал за мной, а потом начинает загадывать загадки. Это... жутковато.

— Я не подглядывал.

— Но *мог* подглядывать; смекаешь? — ядовито ответил я; Зово скорчил такую рожу, будто его крапивой по носу хлестнули. — Или выкладывай все начистоту — зачем ты набился мне в помощники, почему прячешься от богов и что творится там, на Стене, — или оставь меня в покое.

Макара глухо заворчала у меня за спиной, подымаясь, но бывший шен остановил ее движением лапы.

— Я боюсь, словам ты не поверишь. Поэтому я покажу тебе кое-что — а дальше уж сам решай! Сейчас первый день новогодних праздников. Накануне Цама, в час Свиньи, приходи к северо-восточной части Стены — туда, где недавно осыпались камни. Ты знаешь, мы были там позавчера.

От этого напоминания я невольно поморщился — в голове не укладывалось, что добрый, улыбчивый и немного тугодумный Пава оказался не Павой, а неведомо кем!

— Но если решишь прийти, не бери с собой маску.

Тут Макара схватила меня за локоть и потащила прочь, через темноту и клубы пара. В конце концов меня почти взащей вытолкали на незнакомую улицу, позабыв вернуть барана. Оглядевшись, я заметил справа золотые крыши княжеского дворца и побрел к нему, как к давнему знакомому.

Я не долго сомневался, идти или нет: если бы Зово хотел причинить мне вред, он бы его уже причинил, а лучшего случая узнать ответы на мучившие меня вопросы могло и не представиться. Но я сразу зарекся верить всему, что будет говорить бывший шен: очевидно, что тот не из простого чадолюбия долгие годы следовал за мною как тень. Не потому ли он так вцепился в меня, что увидел среди богов во время Цама и хочет извлечь из этого выгоду? Вот только какую?..

Эти мысли свербили в черепе, как крысы в кувшине с маслом. И все же в ночь накануне Цама, не сказав никому ни слова, я оставил маску под подушкой, выскользнул из спальни и покинул Коготь. Путь до места встречи оказался быстрым (знакомый горожанин подвез меня до восточного крыла Стены вместе с мешками извести и промерзшего песка), поэтому не меньше получаса я бродил по снегу туда-сюда, пытаюсь погадать на облаках пара, вырывающихся изо рта. Но никаких знамений — ни грозных, ни добрых — я не заметил.

Наконец объявился мой таинственный знакомец — в обличье Павы, конечно. Жестом приказав молчать, он поманил меня в сторону, к большой корзине, вроде той, в которой боги спускались на крышу Перстня, только груженной не шенами и ваханами, а крупной

щепенкой. Тихо, как воры, мы забрались внутрь; через несколько секунд корзину окружили устало переругивающиеся рабочие, схватились за веревки — и она поползла вверх, туда, где строительные леса свешивались с края Стены наподобие ласточкиных гнезд. Подъем был долгим; деревянное днище под нами скрипело и трещало, а я все представлял — что будет, если кто-то внизу оступится, решит почесать зад или веревка натрет ему лапы? К счастью, обошлось; рабочие наверху зацепили края корзины железными крюками и притянули ее к себе, но разгружать на ночь глядя не стали. Дождавшись, когда они уйдут, мы с Зово выбрались на плоскую макушку Стены. С этой каменной полосы, шириной в двадцать-тридцать шагов, Бьяру и земли вокруг были видны как на ладони: в белых полях ясно проступали очертания будущих построек — где-то уже поросшие железными шипами, где-то бугрящиеся земляными валами, а где-то только намеченные линиями натянутых над сугробами канатов. Видно было и длинные дома, в которых ютились пришельцы с окраин: снежные шапки на их крышах ярко синели, а замерзшие штаны и войлочные покрывала пылали ярко, как янтарные пластины в гриве молодой красавицы.

— Что дальше?

— Подождем.

— Как ты нашел меня внизу? — спросил я, не выдержав тишины. — Это какие-нибудь чары?

— Нет, просто слухи.

— Слухи? О чем? Я никому внизу не рассказывал, кто я и откуда.

— Ребенок, который говорит с воронами на непонятном языке, — достаточный повод для слухов, — отвечал Зово. — Ну а если знаешь, что это за язык, догадаться несложно...

Тут он осекся, потянул меня к краю площадки и указал вниз — но не на город, а на недостроенный пролет Стены, ярко освещенный луною. Там показалось восемь шенов; они шли по четыре в ряд, осторожно ступая по дощатым дорожкам. Каждый нес за спиной по большому плетенному коробу, а у пояса — увесистые на вид мешки, перчатки из грубой кожи и метелочки из белой щетины. Выбрав место, они скинули с плеч поклажу и отворили соломенные крышки; изнутри полился свет, жутковато озаряя заиндевевшие морды.

Теперь шены разделились. Половина осталась на месте — они бережно вынимали что-то из коробов. Приглядевшись, я признал чортены: не изящные тонкие сосуды, как в Мизинце, а простые круглобокие горшки вроде тех, что были у женщин Палден Лхамо. После внимательного осмотра чортены передавали другим шенам — а уж те разносили их по Стене. Скоро коробки опустели; на дне завалились только горшки, по какой-то причине признанные негодными. Шены выгребли их все разом, а потом натянули перчатки, развязали непослушными пальцами мешки и вытащили чаши из черного, гладкого камня. Поставив их наземь и усевшись рядом, колдуны принялись бить чортены о край, точь-в-точь как куриные яйца! Хрупкая глина трещала, выплескивая наружу содержимое — не то текучий огонь, не то горящую жидкость; наполнившись ею, чаши зашипели, дохнули белым паром... а потом снова стали черны и пусты.

— Что это за... — охнул я, но тут же получил от Зово костлявым локтем под ребра. Шены спрятали чаши, сняли перчатки, подхватили полегчавшую ношу, а затем прошлись по дощатым дорожкам метелочками, смахивая пыль, черепки и отпечатки сапог, и удалились также неслышно, как пришли. Только тогда Зово ответил:

— Я расскажу тебе, что это. Ты только что видел, как в Стену замуровали души — не демонов, не Луили еще каких-нибудь чудовищ, а обычных строителей... Или тех, кто не

успел прийти к Стене. Не все могут пройти по дороге к Бьяру, Нуму.

Озноб пробежала по спине, от лопаток до крестца; я вспомнил разговор с Нехбет, тени шенов за расписной перегородкой, косые ряды чисел — чернила расплываются синими кругами на листах рисово-белой бумаги... И хотя я зарекся верить словам Зово, стало страшно.

— Знаешь, как белые женщины Палден Лхамо кружат у постелей больных? Они делают это не из милосердия, а для того, чтобы красть души у тех, кто больше не может работать, кто стал бесполезен. В местах кремации они собирались заняться именно этим.

— Но те, кого они привезли туда, были уже мертвы.

— Душа некоторое время остается рядом с телом; парит сверху, как дым, — иногда по нескольку дней. Тогда ее еще можно поймать.

— Почему же этим занимаются не шены?

— Служанки Сияющей богини особенно хороши в ловле душ. Они притворяются совами, Нуму, но на деле они пауки. Они собирают улов, а шены раскладывают его по местам, — Зово кивнул вниз, туда, где медленно угасало голубоватое свечение, как бы зарастая коркой наста. — Но даже течортены, в которых есть изъян, идут в дело — их скармливают Железному господину.

Я вздрогнул, отстраняясь от колдуна. Тот хрюкнул со странным весельем; чужая, недобрая ухмылка исказила мягкое лицо Павы.

— Разве ты сам не догадывался об этом? Как еще он мог прожить шестьдесят лет после того, как стал Эрликом?.. Его предшественник и вполтину столько не протянул.

— Нет, — прошептал я, чувствуя, как слюна замерзает на губах. — Этого не может быть.

— Да ведь это не секрет, — пожал плечами мой «помощник». — Даже другие боги знают... ну или хотя бы подозревают об этом. А этим простакам известно меньше, чем самому ничтожному послушнику Перстня! Что им точно невдомек, так это то, как далеко все зашло. От болезни, которой страдают Эрлики, есть только одно лекарство — бросить ей в пасть кого-то другого. Так и живет наш Железный господин! Правда, раньше он перебивался тем, что давали ему добровольно, — скудными приношениями толпы во время праздников, дураками, утопившимися в Бьяцо, или теми, кто ради мести готов был взяться за каменный жернов... Но его время истекает; ему нужно все больше жертв. И теперь он начал забирать жизни ненужных — тех, кого все равно нечем кормить. Посмотрим, надолго ли их хватит.

— И зачем бы ему это? — возразил я, найдя в словах бывшего шена изъян. — Только не говори о бессмертии! Я видел, как он воскрешает мертвых — превращает голые скелеты в живых существ! Неужели тот, кто способен на это, боится смерти?

— Его ждет не смерть, — покачал головой Зово и вдруг, задрвав морду, посмотрел на бледнеющие звезды. — Но тебе пора возвращаться в Коготь, а то не успеешь нарядиться к шествию богов. Поговорим об остальном после Цама.

Прошло не меньше месяца прежде, чем Зово объявился снова. Это случилось в день, когда строительство Стены остановилось; она разрослась настолько, что достигла мест погребения Джараткары, первой из Лу, убитых богами. Там на рабочих наваливалась такая страшная тяжесть, что они еле могли ходить, не то что таскать камни и гвозди. Поэтому шены решили извлечь проклятые кости из земли, и половина города собралась понаблюдать за этим. Я тоже пришел из любопытства и устроился повыше, на жерди строительных лесов,

как птица на ветке.

Шенов в поле было не счастье: одни рыли землю, другие закрепляли веревки, третьи махали лапами, не то творя защитные знаки, не то указывая прочим, что делать. Наконец при помощи трех яков и дюжины мужчин из глубокой ямы вытянули змеиный череп. Вздых пронесся по толпе: он был огромен, бел, зубаст и весь густо порос неведомыми прозрачными кристаллами. Как слои древесных грибов, они покрывали челюсти и ноздри, заполняли глазницы, рогатой короной поднимались над костяным лбом. Когда солнце, выглянув из-за облаков, коснулось их граней, вся голова чудовища загорелась ослепительным, дивным огнем! Но слуги Железного господина уже облепили ее, точно муравьи — поверженного жука; в лапах у них были колья и молотки. Блестящие осколки со звоном посыпались на землю. Младшие шены споро собирали их в мешки, чтобы увезти в Перстень.

Пока я наблюдал за этим, кто-то окликнул меня. Это была женщина с золотой шерстью, очень похожая на Макару, но все-таки не она. Сразу поняв, что к чему, я торопливо спустился вниз.

— Привет, Нуму! Помнишь меня? Я Прийю, — улыбнулась средняя из сестер Сэр и с поклоном протянула мне кусок белой ткани. Постороннему зеваке показалось бы, что это просто хатаг, врученный лекарю в знак уважения, но я увидел на ткани вязь букв, складывающихся в незнакомые слова. — Ну, пойдём! Только сначала спрячь свою безделушку.

Стараясь не привлекать внимания, я сунул лапы под чуба и, как мог, обернул ткань вокруг маски. Прийю кивнула и, положив лапу мне на локоть, повела прочь из толпы. Резвый желтый баран за полчаса донес нас до старых улиц Бьяру, до подземелья, полного горячего пара. И снова, как в прошлый раз, поплутав в его переходах, я оказался в темном зале с купальней. Моя спутница указала на неглубокую, затененную нишу в стене и велела стоять там и молчать, что бы ни произошло. Вскоре разбухшая от сырости дверь скрипнула, с трудом отворяясь, и на пороге появилась Макара, а за нею — Зово, ведущий за лапу какого-то нищего старика. Тот ступал неуверенно, пошатываясь; его глаза были завязаны, как и глаза моей Гаруды.

Старик подошел чуть ближе. Голубой отсвет воды коснулся его шерсти и одежды — и каково же было мое удивление, когда я узнал Шаи!

— И что, ты правда сможешь вернуть мне память? — спросил он, обращаясь к Зово.

— Смогу, — кивнул тот. — Но для этого мне нужно снять твою маску.

— Какую маску? — будто бы удивился тот, но колдун отвечал:

— Оставь этот обман. Если хочешь моей помощи, будь честен.

Шаи замешкался, раздумывая, но потом кивнул. Зово приложил лапы к его вискам и вдруг одним рывком стянул «лицо» старика вместе с повязкой; конечно, вместо шерсти и морщинистой кожи в его когтях оказалась деревянная личина. Я услышал, как Макара и Прийю выдохнули от ужаса, впервые увидев бога в настоящем обличье, но Зово оставался спокоен. Завязав ткань на маске узелком, чтобы не спадала, он велел Шаи зайти в воду. Тот прыгнул в купальню, погрузившись по грудь.

— Ну, заодно и помоюсь, — пробормотал лха, ухмылкой пытаясь скрыть волнение. — И что мне делать теперь?

— Не делай ничего, — отвечал шен и вдруг коснулся двумя пальцами его лба. — Спи.

Шаи упал как подкошенный, без звука, без плеска! Забыв о предупреждении Прийю, я кинулся к купели, боясь, что он утонет. Но у самого края Зово удержал меня и указал когтем

на лха: чудесным образом тот не погрузился на дно, а как бы повис внутри водной толщи. Его лицо зеленело, будто вырезанное из цельного куска бирюзы, но при том казалось умиротворенным; пузыри дыхания не выходили ни изо рта, ни из ноздрей.

— Слушай и смотри внимательно, — велел мне шен, а потом, подняв правую ладонь в жесте прибежища, произнес на *меду нечер*. — Выходи.

Рябь покрыла поверхность купели; черты лха стали меняться. Сначала он будто бы съежился, истончился, и я увидел подростка с густыми кудрями, охватывающими голову наподобие черной медузы; из его вздернутого носа сочилась кровь. Не успел я удивиться, как подросток превратился в девушку с тонкими губами и испуганно вздернутыми бровями; а через мгновение ее плечи раздались, лапы удлиннились, щеки избороздили глубокие складки — она обернулась мужчиной средних лет со следами непроходящей усталости на лице. Но и на этом превращение не остановилось: грубые черты спящего смягчились, волосы отросли до плеч... Теперь в волнах покачивалась молодая женщина, с длинной, как у цапли, шеей и глубоко запавшими глазами. Даже сквозь закрытые веки видны были тревожные движения ее зрачков.

— Говори, — велел Зово, складывая пальцы в знак Отмыкания дверей. Его тень нависла над купелью и протянулась вперед, коснувшись невесомо парящего тела. Плотно сжатый рот раскрылся; я ожидал услышать захлебывающееся бульканье, но вместо этого моих ушей коснулся ровный голос, доносящийся будто издалека:

— Что ты хочешь знать?

— Назови свое имя.

— Меретсегер.

— И о чем же тебя заставили молчать, Меретсегер? — спросил колдун. Женщина отвечала не сразу:

— Десять лет полета после прыжка. Нас было трое — всего трое в жалкой скорлупе, плывущей среди пустоты. Разве удивительно, что я влюбилась в него? Он был красив и умен... но главное, у него была тайна. Тайна — вот что привлекало меня больше всего. Мне, дочери Нового Дома, рожденной в инкубаторе, воспитанной среди сотен братьев и сестер, никогда не имевшей ничего своего, легко было отправиться в неизвестность. Но ему пришлось отказаться от наследства Старого Дома, от имени и покровительства семьи, чтобы лететь с нами... возможно, навстречу гибели. Что заставило его поступить так? Забота о будущем ремет? Любопытство? Неведомый расчет?.. Эта загадка заставила меня думать о нем; мало-помалу мысли превратились в одержимость.

Но нам повезло: вместо того, чтобы сгинуть без вести, мы нашли пригодный для жизни мир. Это означало спасение для всех ремет: и тех, кто отправился в путь, и тех, кто остался в Домах и Ульях.

Месектет вышла на орбиту безымянной планеты; плотные слои воздуха светились под ней, как спокойный голубой океан. Системы корабля были в порядке, много раз проверены и перепроверены, но я знала, что все равно не смогу заснуть. Поэтому я осталась на нижнем уровне, пытаясь занять себя... Я разбирала записи, сделанные во время полета, когда вошел капитан. Его лицо было обезображено ужасом; глаза таращились, будто слепые; с губ капала слюна. Он будто обезумел! Я протянула руки к оружию, но недостаточно быстро:

— Прости, — сказал он печально. Тут же сильный удар по голове оглушил меня. Кровь заволокла глаза... Кажется, на несколько минут я потеряла сознание; когда память вернулась ко мне, я увидела, что Нефермаат стоит в дверях; и капитан спрашивает его...

Тут женщина остановилась; ее хребет изогнулся, шея вывернулась вбок. Из горла донесся не то хрип, не то стон.

— Дальше, — сжав зубы, прошипел Зово. Черты Меретсегер разгладились, и она продолжала как ни в чем не бывало:

— Он не ответил; вместо этого он бросился вперед и свернул капитану шею. Я помню этот звук — короткий, резкий, как щелканье четок! И снова все стало красным, но уже не от крови, а от сигнала тревоги. Корабль падал; меня швырнуло на стену; все вокруг ревело. Я сжалась в углу, ожидая, что сейчас мы все исчезнем в огне. А потом был удар — и наступила тишина. Я лежала на полу, боясь пошевелиться, но он подал мне руку и помог подняться. Только тогда я поняла, что он спас нас — меня, корабль и всех, кто спал внутри.

— Он сошел с ума, — сказал Нефермаат, указывая на мертвого капитана. Его багровое лицо смотрело на меня с пола, повернутое на спину, как морда совы.

— Да, — кивнула я, соглашаясь. — Иного объяснения нет.

— Мы должны стереть записи о случившемся.

— Почему?

— Подумай сама. Последние слова капитана были только помрачением ума, но они могут смутить остальных. Нас ждут тяжелые времена, и лучше не давать людям повода для лишних страхов.

— Но это всего лишь слова. Кому какое дело до них? — пыталась возразить я.

— Тогда никому не будет дела и если их не будет, — отвечал он, и я послушалась — удалила все записи, кроме одной, беззвучной, и пообещала молчать о случившемся.

Как я могла не обещать? Ведь тогда он впервые посмотрел на меня как на друга и помощника, а не тень или пятно на стене. И мне так легко было исполнить эту просьбу! Я хотела только, чтобы снова настал день, когда я смогу быть ему полезна. Мое желание сбылось...

Темная волна пробежала по поверхности купели. Женщина покачнулась, как уносимая ветром лодка.

— ...Это случилось накануне последней битвы со змеями. Весь день прошел в сражении с выводком Нагараджи; весь день я чинила и заряжала оружие на малой ладье. Ночью битва остановилась: змеев удалось загнать в каменный мешок, где они должны были ждать своей участи до утра. От тревоги я наполовину спала, наполовину бодрствовала: красные тени летали под моими веками, как нетопыри, и движение работающих механизмов толчками отдавалось в груди. А потом я почувствовала прикосновение; что-то влажное скользнуло по моей щеке. Открыв глаза, я увидела его — и испугалась. Нефермаат так и не снял брони, с которой текла кровь Лу; от этого казалось, будто он сам покрылся черной жесткой чешуей. И в его лице не осталось ничего от ревет! Он был больше похож на змеев, которых убивал; страшнее всего были глаза — они светились, как два серебряных зеркала.

— Завтра моя жизнь кончится; колдуны веппавет предсказали это. Но ты выносишь моего ребенка. Если моя кровь не уйдет в землю, я смогу вернуться, — вот что он сказал. Я задрожала и отстранилась; но его это не остановило. Он не любил меня... он даже не хотел меня — просто признал вещь, которая может быть полезна. А я не могла кричать, не могла сопротивляться; я не смогла даже заплакать, когда он ушел.

На следующий день он и правда умер: его сожрал Нагараджа. Я пришла умыть и запеленать то, что осталось от тела, потому что все еще любила его; а через девять месяцев родила сына — и тогда эта одержимость наконец прошла, как затяжная болезнь. Все мое

сердце обратилось к ребенку: он был красивым, как отец, но, по счастью, больше ничем не походил на него. Все же я так и не нарушила слово, данное Нефермаату; думала, к чему? Пусть лучше мой сын остается сыном героя! И я была так рада, когда он сам завел семью... Вскоре у них с женой родилась дочь — первая из трех детей. Ее назвали Нейт, потому что во время беременности матери снилось, что она кормит грудью крокодила.

Это был здоровый и смышленный ребенок... очень смышленный! Часто казалось, что она не учится, а вспоминает то, что уже знала раньше. Родители не могли нарадоваться на дочь; увы, я не могла радоваться вместе с ними! Говорили, что девочка как две капли воды похожа на отца, но я ясно видела в ней деда. Я гнала эти мысли так долго, как могла: пока она росла, пока училась в месектет. Но потом она сама назвалась прежним *рен*, и все сочли ее сумасшедшей... Но только не я!

Тогда она ушла вниз, к колдунам вепвавет, а когда вернулась, то я сразу пришла навестить ее. Мы с внучкой сели друг напротив друга: уродливая, седая старуха и молодая красавица с волосами черными, как вороново крыло. И я спросила:

— Ты помнишь меня, Нефермаат?

— Конечно, помню, Меретсегер, — кивнула она.

— Ты помнишь, что я сделала для тебя?

— Я помню.

— Ты помнишь, что сказал тебе капитан?

— Я помню, — отвечала она и протянула ко мне руку. Ее пальцы горели красным, как вытасщенные из костра угли; я хотела отстраниться, хотела закричать, но не могла. Я опять была в его... ее власти; и она коснулась моего лба, сказав:

— А ты забудешь.

Так она выжгла память из моей души. Три жизни минуло с тех пор, а это клеймо все еще горит внутри меня. Я хочу вспомнить, но не могу. Не могу.

— Ты вспомнишь, — упрямо пробормотал Зово. Колдуна била крупная дрожь; вдруг, согнув указательные пальцы наподобие крюков, он вскинул лапы над головой, и я почувствовал, как тяжелая, давящая сила расползается вокруг. Купель потемнела, как туча перед грозой; быстрые волны, одна за другой, пробежали по поверхности.

— Что сказал капитан? — прорычал он; и женщина, скривившись от боли, пробормотала:

— Когда Нефермаат появился в дверях, капитан направил на него оружие; но он не хотел стрелять. Он хотел убедиться, что не безумен, что не зря готовится погубить три сотни жизней. Поэтому он спросил:

— Ты тоже слышал это? Этот голос, который зовет нас из глубины земли, из самого ядра планеты? Ты тоже слышал его, Нефермаат? Это он привел тебя сюда?..

Вода вздулась и лопнула, как огромный стеклянный пузырь. Шаи выскочил наружу и, согнувшись пополам, закашлялся. Поток зеленой жижи все выходили и выходили из его рта; он весь посинел прежде, чем снова смог дышать. Я поторопился убраться обратно в тень, пока лха меня не заметил.

— Я вспомнил, — прошептал он, хватаясь за голову. — Я правда вспомнил.

— Тебе повезло, что тогда Железный господин был не так искусен в колдовстве, как сейчас, — отвечал Зово, помогая ему выбраться из купели и прицепить к лицу незрячую маску. — Моя помощница проводит тебя... и даст сухой чуба.

Лха кивнул и, подхваченный под локоть Макарой, поковылял к выходу. Подождав, пока

они уйдут достаточно далеко, с места поднялась и Прию:

— Нуму, вернешься со мной в город?

— Нет, — отвечал я. — Мне еще нужно получить свои ответы от почтенного Чеу Луньена.

Дверь за Прию закрылась, протяжно скрипнув, и мы с Зово остались одни. Колдун вдруг охнул и почти упал на скамью; кажется, силы оставили его. Он откинул голову, опершись затылком о стену, и сжал правой лапой грудь. Его зубы стучали громко и отчетливо, как копыта бегущего по камням оронго, а в горле страшно булькало. Порывшись в сумке, я достал бутылку с укрепляющим отваром из женьшеня с рябиной и нацедил в него пару капель из флакона с нектаром из Кекуит, а потом протянул страдальцу. Зово сделал щедрый глоток, утерся рукавом и грустно пробормотал:

— Ты очень добр, Нуму. Это и спасло тебя.

— От чего? — нахмурился я.

— От меня, — оскалился бывший шен, а потом, не дав мне опомниться, заговорил на *меду нечер* (я с некоторой завистью заметил, что его произношение чище моего; должно быть, чарами подправил связки, природой не предназначенные для вздыхающих и тягучих звуков чужеродной речи!) — Итак, ты догадался, кем я был раньше. Но позволь спросить, как?

— Ты знаешь язык богов, знаешь о масках и не стареешь. Ты не можешь быть простым шеном, — отвечал я. — Только почжуты способны на такое. И так случилось, что Чеу Ленца рассказал мне об одном почжуте, который преуспел больше прочих... а потом исчез без следа.

Зово закатил глаза.

— Ишо трепло. Я всегда это знал.

— Почему ты не сказал ему, что вернулся в Бьяру? С его слов мне показалось, что вы друзья.

— Оставь это простодушие, Нуму; ты уже староват для него. Среди слуг Перстня нет друзей.

— Как знаешь. Тогда спрошу о другом — месяц назад, на Стене, ты обвинил Железного господина во многих злодеяниях.

— И ты не веришь мне?

— Я уже староват для такого простодушия, не находишь? — хмыкнул я. — Положим, женщины Палден Лхамо действительно собирают души бродяг и строителей, умерших на Стене; это похоже на правду. Но откуда мне знать, зачем шены вмуровывают в Стену одни чортены, а другие разбивают? Я не искушен в колдовстве, но, уж прости, не могу полагаться только на твои слова ни в этом, ни в том, что касается посмертия утопившихся в озере или взявшихся за жернов. Если только...

— Если только?.. — повторил колдун, с трудом выпрямляясь; его била крупная дрожь.

— Если ты не назовешь мне причину, заставившую Железного господина сотворить такое. За этим я и пришел.

— Ты уже все слышал... только ничего не понял, — проворчал Зово; я не стал оправдываться. Молчание повисло в воздухе, как дым от разгоревшейся курильницы, и долго не слышно было ничего, кроме пришептывающего плеска воды. В конце концов, колдуну пришлось заговорить самому. — Я очень стар, Нуму, — не только потому, что этому телу

уже больше пяти десятков лет. Я родился уже не один раз; даже не сотню. Правда, я не помню всех перерождений — ведь мне доводилось когда-то бывать и травой, и птицей, и камнем на полу пещеры? Должно быть, доводилось — как и всем нам... Но что я помню хорошо, так это жизни, в которых мне пришлось столкнуться с моим учителем.

Почти восемь столетий назад я был женщиной из племени рогпа, по имени Кепа Чучак. Однажды она бродила по горам, ища заблудившегося яка, и в нее ударила молния; с тех пор Кепа начала видеть духов. Когда на землю упала ослепительная звезда — дворец богов, — она пришла с семьей в долину, чтобы приветствовать их. Она видела, как пришельцы нисходят из облаков, из белого тумана, в сверкающих доспехах и шлемах, похожих на головы соколов, с огненными мечами, искривленными наподобие бедер оронго...

Глаза Зово на миг затуманились; он сделал еще глоток из бутылки, которую так и не выпустил из лап.

— А потом народу явили телесное воплощение Эрлика: он лежал на носилках, скрючившись под покрывалами, и воздух над ним горел до самого неба — ни для кого, кроме Кепы, не зримым и не осязаемым огнем. Женщина сразу поняла, что эта слабая бесхвостая обезьяна не выдержит долго — пламя сожрет ее в один присест, как просмоленную щепку. Но другая душа привлекла ее внимание... Знаешь, как сильно разнятся души между собой? Одни мягкие и нежные, как весенние побеги; другие, колючие и отвердевшие, похожи на пучки диких сорняков...

— Моя душа такая? — перебил я, поддавшись постыдному самолюбию.

— Нет, — он покачал головой и рассеянно укусил коготь на большом пальце. — Твоя другого свойства, из тех, что постарше. Такие превращаются или в гниль, или в самоцветы, — тут я раскрыл рот, чтобы уточнить, первое я или второе, но Зово только махнул лапой, отгоняя расспросы, будто буйную муху. Ничего не оставалось, как умолкнуть, разочарованно шмыгнув носом; вокруг пруд пруди великих колдунов, а толку-то! — Та душа, которую заметила Кепа, тоже была старой — и очень сильной. Железная кость, которую огненный зверь мог бы глотать долго; лакомство, которое он приберег напоследок... Так Кепа и сказала Шрисати — так внизу прозвали моего учителя.

Я понимающе кивнул. Давным-давно кто-то рассказывал мне, что в старинные времена вепвавет для удобства переводили имена богов на язык южной страны, бывший в ходу у тогдашних мудрецов... А потом что-то щелкнуло в моей голове:

— Подожди! Ты был ведьмой с сорочьими перьями?! Эрлик рассказывал мне об этой встрече!

Губы Зово расползлись в улыбке.

— Что ж, выходит, у нас обоих хорошая память. Во второй раз я встретился с ним — точнее, с нею, — уже как противник. Тогда вепвавет подняли восстание против самозванных богов, а я был сыном одного из мятежных князей...

— Не тем ли, который угрожал убить Железного господина?

— И про это тебе известно? А как превратить ворона в лебедя, а лебедя — в павлина, ты случаем не знаешь? — насмешливо отозвался Зово; в мешанине из птиц я не разобрался, но на всякий случай обиделся. — В таком случае, тебе говорили и о том, как Нефермаат — тогда уже под именем госпожи Нейт — прекратила мятеж хитростью и толикой колдовства, которое свело моего бедного отца с ума. Это она сделала пришельцев-ренет настоящими богами, недостижимыми, незримыми и вездесущими; и мы снова склонились перед ними, еще ниже, чем раньше. Так что при третьей встрече я оказался уже не хозяином земли, на

которую явились незваные гости, не воином, защищающим дом от захватчиков, а слугой.

Он остановился, чтобы перевести дух; а я размышлял, на чьей стороне в том мятеже оказался бы сам. Это были тяжелые мысли, и я обрадовался, когда колдун заговорил снова:

— Я почти не помню того места, где появился на свет, — так рано меня забрали в Перстень. В общем-то, я долго не знал другого мира, кроме дзонга. Все, что происходило внутри, казалось мне правильным; все, что осталось снаружи, — не заслуживающим внимания. Мои способности к колдовству не остались незамеченными; и вскоре Ун-Нефер, тогда уже ставший тридцать восьмым Эрликом, приблизил меня к себе. Я, разумеется, восхищался учителем... да и как иначе? Даже теперь, когда я считаю его своим врагом, я не могу не признавать его превосходства. Никто из прежних господ не достиг такого мастерства в использовании подлинной силы...

Зово замолчал, уставившись в пустоту и тяжело втягивая воздух, пахнувший солью и мылом из овечьего жира. Я с тревогой смотрел на колдуна — у него был такой вид, будто он вот-вот хлопнется на пол и разобьет череп о каменную кладку, словно куриное яйцо. В его согнутой спине и седой гриве было что-то неуловимо знакомое... но мне никак не удавалось наступить памяти на хвост.

— Как описать ее действие? Пожалуй, она подобна молнии — такой, что, появляясь на небе, в один миг озаряет мир от края до края и высвечивает за каждой тучей лицо испуганного бога! Я восхищался этим... Но втайне думал — почему я сам не могу стать Железным господином? Ведь это не право пришельцев от рождения, а некое благословение, которое сходит на них. Раньше оно выбирало и слабых, и ничтожных, так почему бы теперь ему не выбрать меня, куда более достойного?.. Много лет искушение глодало меня, и наконец я решился самовольно овладеть этой силой.

Стоило только утвердиться в этой мысли, как тут же нашелся и способ. Есть один обряд, очень древний; он называется «отсечение». Его проводят в местах, внушающих ужас[1]. Шен должен отправиться туда один, ночью, взяв с собою только ганлин и капалу. Я не буду описывать все, что требуется совершить после, — тебе это ни к чему. Просто знай, что проводящий обряд должен накрыть для Эрлика три пиршественных стола.

— Как это? Если у него с собой ни еды, ни чанга?

— Имя дано этому обряду не просто так, Нуму: проводящий его расчленяет сам себя. Сначала собирается красный пир: шен предлагает на съедение свое мясо и потроха, а вместо чанга подносит кровь. Так жертвуют нижнюю душу, поддерживающую тело. Вторым собирается белый пир: шен как бы превращает себя в океан нектара — амриты, пригодный для питья. Так жертвуют среднюю душу, хранящую разум. Но есть еще и третий пир, черный...

Его я совершил, нарушив строгий запрет: в ночь накануне Цама я предложил всего себя — не Железному господину, а тому, что стояло за ним. В тот же миг луна скрылась за тучами и уже не вышла обратно. Кругом осталась только чернота. Хотя я сидел на твердой земле, мне вдруг показалось, что я падаю вниз с огромной скоростью, а горячий ветер обдувает мое тело, поддерживая лапы, как крылья. Он становился все жарче и жарче, опалая меня со всех сторон, пока одежда и тело не истлели, рассыпавшись хлопьями сажи. Остались только глаза, лишенные век, неморгающие, как у змеи. Они-то и заметили, что мрак мало-помалу стал рассеиваться, расходиться и наконец исчез. А потом появилось *это*.

Не буду врать, Нуму! Это было самое прекрасное, что мне доводилось видеть во всех моих жизнях, за все бесчисленные кальпы перерождений. Сначала я думал, что парю рядом с

горой из чистейшего, прозрачного хрусталя: тысячи тысяч граней подымались от ее широкого подножия к острой, как игла, вершине, и каждая переливалась ослепительными огнями. Но то были не отражения солнца, луны или звезд! Нет, свет шел как бы изнутри, из сердца этой махины; и я догадался, что драгоценный покров не усиливает, а рассеивает его, иначе лучи уже сожгли бы меня дотла!

Потом, так же внезапно — и с такой же пугающей ясностью — я понял, что это не гора, а живое существо. Оно не было похоже ни на что, обитающее в воздухе, на земле или в воде; никакие слова не смогут его точно описать. Но попробуй представить скорпиона, лежащего в недрах мира, в панцире из блистающих самоцветов. Он воздел вверх свой хвост; стреловидное жало направлено точно на махадвипу Уттаракуру и застывшую над ним Гвоздь-звезду. Эта тварь так огромна, что все черноводные океаны уместятся в ее правой клешне, а пески всех пустынь — в левой. Ее тело усеяно множеством лап-отростков — они выхватывают из мрака тусклые искры, кружащие рядом, разрывают их на клочки и направляют в щелевидную, дышащую жаром пасть. От этой пищи хрустальная броня скорпиона прирастает, с каждым годом становясь все прочнее. На лбу чудовища она особенно великолепна — будто венец-бьяру, она поднимается вверх множеством рогов, испускающих чарующее сияние.

Оно-то и манило меня к себе, притягивало, будто вошедший под ребра крюк. Я спускался все ниже и ниже и вскоре оказался у морды твари, протяженностью во всю Олмо Лунгринг! Я не видел глаз — те спрятаны где-то под алмазным шлемом, — но знал, что существо смотрит на меня. Челюсти, перемалывавшие добычу, остановились. А потом оно заговорило.

Я не разобрал слов — и неудивительно! Голос скорпиона был громче рева мириада быков; громче землетрясения, от которого рушатся скалы и моря выходят из берегов; громче лесного пожара — он прошел сквозь меня, как удар ваджры, и швырнул прочь, вверх, в мое тело, стынущее под комьями мокрого снега. Я вскочил в ужасе; теперь я знал, каков наш бог на самом деле — чудовище, пожирающее мир изнутри! Вот кому я служил, как и все прочие шены, как и Ун-Нефер.

Вот кого он боится, Нуму, потому что знает: ставший Железным господином обречен. Ни один из Эрликов не избегнет этой пасти. Для них нет ни перерождений, ни небытия; они станут частью этой горы, еще одной хрустальной чешуйкой на груди подлинного бога. Этой участи нельзя избежать — только отсрочить, затыкая пасть твари чужими жизнями, швыряя их вместо себя в голодную глотку. В этом подлинный смысл жертвоприношений, которые шены совершали, даже не задумываясь, кому поставляют пропитание.

В ужасе от того, что узнал, я бежал прочь — из Перстня, из Бьяру, из Олмо Лунгринг; отказался от своего имени, от своего положения, от всего! Видение так потрясло меня, что я всеми правдами и неправдами пытался забыть о нем; я перебрал все зелья, которыми богата южная страна, все способы, которыми обычно ищут забвения... Ничего не помогло.

Не подумай, я не особо добр. Мне не жалко тех дураков, что топятя в Бьяцо, распевая веселенькие песенки о медовых реках и болотах из простокваши, — пусть хоть всех их сожрут. Но дело куда серьезней. Ты сам слышал, что сказал молодой ремет — когда пришельцы только появились здесь, их ругпо слышал голос из ядра планеты. Чудовище призвало их — и уж, наверное, не просто так. Нефермаат слышал этот голос, без сомнения; иначе зачем так тщательно скрывать правду? Он знал, он знал еще тогда!..

Зово вздохнул, прикрыв глаза. Я понял наконец, отчего его вид казался мне таким

знакомым: зеленеющие, как старая медь, веки, усталость и слабость в конечностях — все это были признаки болезни, которой страдал Железный господин. Вне всяких сомнений, тело шена мало-помалу разрушалось под ее напором.

— Мои худшие опасения подтвердились: они всегда были заодно, с самого начала. Между ними есть уговор! Нуму, эта Стена, которую мы возводим, — не спасение, а огромный жертвенный камень; и каждая женщина, каждый мужчина в Олмо Лунгринг будут брошены на него. Может быть, Ун-Нефер надеется так откупиться от чудовища; а может, рассчитывает, что с таким запасом душ проживет еще сотни лет прежде, чем скорпион доберется до него, и за это время найдет другой способ спасти свою шкуру. Теперь у меня не осталось сомнений в том, что я прав. Будь здесь Зеркало Истины, я бы поклялся бы тебе на нем!

— Зеркало Истины? Насколько оно непогрешимо, по-твоему?

— Еще никому не удавалось обмануть его, — отвечал колдун, явно удивившись моему вопросу. — Даже его хозяину.

— Тогда должен разочаровать, — буркнул я, одергивая полы чуба и стараясь не встречаться с Зово взглядом. — Все, что сказал Шаи, пока плавал в этой луже, — или его выдумка, или твое внушение, но никак не «правда».

Колдун непонимающе уставился на меня.

— Несколько лет назад я сам спросил Железного господина, что ругно сказал ему перед смертью, и он поклялся, положив ладонь на Зеркало Истины, что тот не выкрикивал ничего, кроме бессмысленных угроз.

Зово нахмурился и потер пальцами лоб; кажется, мои слова крепко смутили его, чему я был только рад.

— Это была подделка, не иначе, — наконец ответил он, медленно цедя слова.

— Или ты просто сводишь счеты с тем, кого однажды уже хотел предать. Ты заманил сюда одного из богов, ты следил за мной — не потому ли, что я могу попасть в Коготь, а ты — нет?.. Может, ты не оставил надежды занять место Железного господина?

— Может быть, — бывший шен вдруг широко улыбнулся, будто мои обвинения пришли ему по сердцу. — Но тебе пора возвращаться к своим обязанностям, лекарь; на Стене уже заждались.

— И все?

— Ну да. А чего еще ты от меня хочешь? Я рассказал тебе все, что знаю. Когда-нибудь ты поймешь, что я прав, — надеюсь, это случится не слишком поздно.

— И ты не убьешь меня? Не сотрешь память, чтобы я не проболтался?

— Ты умеешь держать язык за зубами. А вот за молодым ремет лучше приглядывай в оба — у него мозги не на месте, — беззаботно отвечал Зово, допил лекарство и протянул мне опустевшую бутылку. Я принял ее, бездумно повертел в лапах и сунул в сумку, а потом пошел к выходу, ожидая, что в спину вот-вот полетит или стрела, или заклятье. Но ничего не произошло; когда я уже открывал дверь, Зово снова окликнул меня.

— Тебе понадобится новый помощник в твоих занятиях. Я пришлю Макару — она кое-что смыслит во врачевании.

После этого оставаться в Когте совсем не хотелось; мне нужно было время, чтобы обдумать произошедшее в одиночестве. Несмотря на разглагольствования Зово, я сомневался, что Железный господин велел создать Стену из злого умысла, но не мог и

отрицать, что все, связанное с болезнью, которой страдали и он сам, и его бывший ученик, было очень подозрительно. Из головы никак не шла пара стариков-паломников, шедших до столицы с караваном Маленькой Медведицы; пестрые клочки их одежды, плавающие в зеркальных водах Бьяцо... От этих мыслей меня мутило. Может, стоило пойти к Ун-Неферу и прямо спросить, что происходит; и будь что будет? Но мне было страшно — не за себя, а за Зово и сестер Сэр. Как, не упомянув их, объяснить, откуда я набрался таких мыслей?..

Потому-то я забрал из своей спальни самые нужные инструменты, лекарства и книги, чистую одежду и теплое одеяло, предупредил Сиа, что работы внизу будет много, и как можно скорее покинул небесный дворец. Некоторое время я мог пожить у Стены, в одном из длинных домов. «Конечно, там и так полно народу, но рабочие хорошо меня знают и, уж наверное, выделяют угол... А потом видно будет!» — так я рассуждал, но случилось иначе. После тяжелого, суматошного дня, когда солнце уже скрылось на западе, Рыба сказала:

— Сегодня ты не торопишься домой.

— Я, наверное, заночую в городе, — отвечал я, пряча взгляд; почему-то мне стало стыдно перед помощницей.

— Можешь остановиться с нами.

— С вами?

— С шанкха, — пояснила она, вытирая лапы о пестрый от грязи фартук. — Один местный богач, принявший учение как мирянин, дает приют тем, у кого нет крыши над головой. Пойдем туда — там чище, чем у рабочих.

Вспомнив полчища блох и вшей, гулявших по подстилкам наших больных, я решил принять приглашение; тем более что мне давно хотелось узнать, как живут белоракушечники! На попутной повозке мы добрались до города и прошли кривыми улицами к трехэтажному дому за крепким забором с золочеными звездочками и журавлями на воротах; их толстые створки были приоткрыты, так что мы беспрепятственно проникли внутрь. В саду, среди голых деревьев, увешанных красными серьгами прошлогодних ягод, неспешно прогуливались мужчины и женщины шанкха. Одни беседовали, горячась и размахивая лапами; другие были тихи, как тени. По галерее первого этажа слуги протащили дымящиеся котлы с супом; в животе заворчало — я не ел весь день.

— Пойдем, — Рыба потянула меня за рукав к пристройке с плоской крышей, кажется, служившей шанкха столовой. Оттуда пахло горячим маслом и лепешками, но я покачал головой — мне стыдно было отбирать еду у тех, кто жил милостью. Девушка пожалала плечами и оставила меня в покое. Не зная, куда деваться, я прошел внутрь дома.

В коридорах и комнатах было темно и многолюдно; пахло не слишком чистой шерстью и благовониями, во множестве тлевшими по углам. Струйки синего дыма смешивались с теплым воздухом, окрашивая его в мутный, молочный цвет. Вокруг шумели голоса; кто-то проходил мимо, задевая меня плечами и бедрами; кто-то дружески предлагал угоститься чангом или цампой; но я вдруг почувствовал себя одиноким и потерянным. Заметив приоткрытую дверь, из-за которой лился свет, я, не особо задумываясь, побрел туда и очутился в небольшой зале, доверху забитой народом. Кто-то стоял, подпирая спинами стены, другие устроились на полу, подложив чуба по хвост; были здесь и старые, и молодые, и даже дети, взобравшиеся на спины родителей. В дальнем конце, за алтарем, покрытым блестящей парчой, сидела высокая худая женщина. В ее гриве серебряных волос было почти вровень с золотыми, а правый глаз казался ярко-голубым из-за расплывшегося по радужке бельма, но я все равно узнал Кхьюнг Сэр, старшую из трех сестер. Она говорила, и все

слушали, затаив дыхание:

— К большому городу вела дорога через горы; и на той дороге был мост, соединявший две стороны глубокого ущелья. На том месте поселился разбойник и всех, кто проходил по дороге, он грабил и убивал, а отрубленные пальцы несчастных носил на шее, как ожерелье. Скоро оно стало длиннее, чем огромные змеи, что душат своих жертв и глотают целиком, и обернулось вокруг его шеи и груди в сто рядов.

Случилось так, что той дорогой проходил один святой. Как только он ступил на мост, разбойник кинулся следом — но поскользнулся и упал, только и успев, что схватиться за веревку, связывавшую доски. Святой подошел к нему и сказал:

— Я помогу тебе, только отдай для начала свой нож.

— Зачем тебе нож? — удивился разбойник.

— Я святой, а не дурак, и не хочу, чтобы ты убил меня, как только выберешься из пропасти.

Разбойник заскрипел зубами, но делать нечего! Он протянул святому кривой и острый нож, который до сих пор сжимал в другой лапе. Однако как только оружие оказалось у старика, тому явился Чойгьял и сказал:

— Этот мужчина — грабитель и убийца; души его жертв требуют мести. Перережь эту веревку и дай ему упасть. Таков Закон.

— Я не вершу мечь, — покачал головой святой.

— Сделай это, и будешь вознагражден за то, что помог совершится справедливости. Таков Закон.

— Я не жду награды.

— Так будет лучше и для него, — подумав, отвечал Чойгьял. — Его грехи тяжелы; очистившись в шести адах, он получит новое, благоприятное рождение в мире красоты и наслаждения. Таков Закон.

Но и на этой святой отвечал отказом:

— Я не собираюсь одаривать его благами.

— Что же ты тогда делаешь? — спросил Чойгьял.

— Помогаю попавшему в беду, — пожал плечами святой и протянул лапу разбойнику.

— Как знаешь. Но учти — как только он выберется, он все равно убьет тебя; за пазухой он прячет второй нож, — предупредил бог и исчез.

И правда, стоило разбойнику выбраться на твердую поверхность моста, как он вытащил кривой кинжал — таким рыбаки потрошат крупных щук и сомов. Но вместо того, чтобы ударить святого, разбойник со смехом поклонился и протянул ему оружие.

— Ну, брат, — сказал он, хлопая старика по плечу. — Раньше я думал, что я удал, раз нарушаю законы князей; но куда мне до тебя! Ты нарушил Закон самого Эрлика! Я признаю твое превосходство и прошу взять меня в ученики.

С этими словами Кхьюнг подняла с алтаря нож с резной рукояткой и, подражая разбойнику из рассказа, с легким поклоном протянула его вперед. Слушатели одобрительно заворчали и зацокали языками; кое-кто даже хлопнул в ладоши. Дождавшись тишины, женщина завершила рассказ:

— Так разбойник стал учеником святого; а имя его было Ангулимала.

[1] Разумеется, реально существующий обряд Чёд имеет совсем другие цели, а именно: “устранение всех чувств, ощущений и привязанностей на пути к просветлению”.

Свиток X. Колесо Закона

Кхьюнг рассказала еще несколько притч — про белую раковину, четыре жизни подряд рождающуюся в море, а на пятое сокрушившую своим ревом стены осажденного города; про бедную девушку, которой нечего было поднести святому, кроме кувшина воды — а та возьми и превратись в розовое масло; про нищего, собиравшего подаяние в золотую чашу, чей блеск был невидим под слоями глины и грязи. После каждой истории она поднимала с плоского алтаря нужный предмет — ракушку с завитком вправо, флакон с благовониями, пиалу, покрытую черным лаком, — и показывала шанкха. Те одобрительно цокали и кивали головами, а я просто стоял столбом, надеясь, что никому нет до меня дела. Как бы не так! Внезапно кто-то ткнул меня в спину кулаком — сильно и весьма болезненно. Ойкнув, я развернулся и увидел Макару; ее темные глаза сверкали злостью.

— Что ты тут делаешь? Следишь за нами?

— Что?! Нет! Откуда мне было знать, что вы тут! — залепетал я, а потом решил, что нечего мне оправдываться и добавил тихим, но гневным шепотом. — И почему это вам можно за мной следить, а мне нет?

— Значит, все-таки следишь.

— Да нет же, — обреченно вздохнул я, еще понижая голос; окружающие и так посматривали на нас с укоризной. — Меня привела Рыба, моя помощница. Она тоже из шанкха. Может, ты ее знаешь? Только она ушла в столовую.

Макара нахмурилась, сведя пушистые брови; кончик ее розового языка высунулся на полвздоха из лиловых губ и испуганной улиткой втянулся обратно. Забавно, что в детстве Макара казалась мне куда старше, совсем взрослой, а на деле разницы в возрасте у нас было не больше пары лет! Заметив, что ее разглядывают, девушка надулась еще сильнее и заворчала — не словами, а каким-то низким, утробным воркованием, подобным курлыканию сотни адских голубей.

— Зово сказал, ты придешь подменить его... — начал было я, надеясь отвлечь ее, но Макара только шикнула и прижала пальцы к губам, кивая на мою грудь. Ну да, маска!

«Держи язык за зубами, дурак», — велел я себе. Между тем, собрание закончилось, и народ начал покидать залу. Вот и Кхьюнг сошла с возвышения, опираясь на плечо какого-то юноши с почтительным и испуганным лицом. Ее шаги были неуверенными, покачивающимися, но спина оставалась прямой, а плечи — широкими, как лоб дронга. Заметив сестру и меня рядом, Кхьюнг широко улыбнулась и склонила голову в дружеском приветствии:

— Макара, какого гостя ты привела к нам!

— Это не я его привела! — ощерилась та, явно готовясь вытолкать меня из дома взащей.

— Меня позвала Рыба; может, ты знаешь ее?

— Да, конечно, — Кхьюнг кивнула и дотронулась до моего плеча, ощупывая его, будто горшок на базаре. Ее пальцы были теплыми, сильными — и подвижными, как усики муравья; может, такова была награда за ослабевшее зрение? Подслеповатый правый глаз странно голубел из-под век: как будто из черепа женщины выглядывал кусок полуденного неба. — Вы вместе трудитесь на Стене. Говорят, ты хороший лекарь и не берешь с бедняков платы.

Макара презрительно хмыкнула, что было довольно обидно. Кхьюнг с укоризной

покачала головой и предложила:

— Давай пройдемся и поговорим, как два старых знакомых. Расскажешь, как сложилась твоя жизнь в столице, — она кивком отпустила сопровождающего и, опершись на мой локоть, повела меня коридорами большого дома. Скоро мы снова оказались в саду; народу там поубавилось — наверно, отправились ужинать. Самое время! Уже стемнело; в небе загорались первые звезды. Было прохладно, но не морозно, и Кхьюнг предложила побродить немного по каменным дорожкам, петляющим среди засыпанных листьями прудов и кривых рябин. Следом за нами с дерева на дерево перелетала стайка дроздов, склевывая с веток жухлые ягоды и роняя шелуху из клювов. Я проводил их взглядом, не зная, как начать разговор, но Кхьюнг сама прервала молчание:

— Не принимай близко к сердцу ругань Макары — она просто не привыкла к чужакам. На самом деле она рада тебя видеть... как и все мы.

— Не думал, что нам доведется когда-нибудь снова встретиться, — честно признался я. — А вы так и жили в Бьяру все это время? С тех пор, как приехали сюда?

— Да. Сначала мы были втроем, потом начали приходить другие шанкха — кто-то из южной страны, кто-то из княжеств Олмо Лунгринг. Иные принимают учение уже здесь, в Бьяру... В последние годы таких все больше, особенно среди переселенцев; хотя встречаются и богачи, принявшие обеты. Что ж, и у них есть душа, хоть в это и не сразу поверишь! — она залиvisto рассмеялась, хлопая ладонью по левому бедру, а потом вдруг добавила почти угрюмо. — Я бы больше этому радовалась, если бы их гнал к нам не страх.

— О чем ты?

Кхьюнг остановилась, повернувшись ко мне. Ее подернутый дымкой глаз смотрел куда-то вдаль, сквозь сад и дом с горящими окнами, — туда, где заканчивался Бьяру со всеми своими лакхангами, дворцами и полями, и начиналась ночь.

— Вдохни воздух, Нуму. Он пахнет бедой. Это чувствуют все в Олмо Лунгринг, от мала до велика, и простецы, и колдуны. Все боятся, хоть и не знают, чего.

— А ты... — я хотел было спросить, известно ли ей о догадках Зово, но вовремя остановился. — Ты до сих пор колдуешь?

— Нет, — она покачала головой. — Мой путь повернул иначе. Из нас троих только Приюю не оставила это занятие.

— А где она, кстати? Я не заметил ее в доме.

— С ним, — коротко ответила женщина, но я сразу понял, о ком речь. Вот бы разведать, как так вышло, что сестры Сер и бывший шен оказались заодно... но для этого нужно правильно выбрать время! — Ей неуютно в общине.

— Разве она сама не из шанкха?

Кхьюнг покачала головой.

— Приюю пока не готова принять учение.

— Что же в нем такого сложного?

— Нуму, я ведь не проповедовать тебя позвала, а поговорить, — добродушно усмехнулась женщина; перламутровая заколка на ее макушке подпрыгнула, как маленькая белая лягушка.

— Но я и правда хочу знать, в чем суть вашего учения! Я слышал про него одни сплетни, а вот правды... И от Рыбы не добился ни полслова; она молчит, как слуга с отрубленным языком, а больше мне и спросить некого. Так что если расскажешь, буду только благодарен.

Кхьюнг задумалась, прикрыв веки. Красногрудые птицы прыгали у нас над головами,

выискивая нетронутые гроздья. Ветер пах копотью и землянистой грязью; от избытка влаги его порывы, забирающиеся под чуба и рубашку, были как прикосновения живых ладоней.

— Наверно, ты уже и не помнишь, но много лет назад, на дороге в Бьяру, я рассказывала тебе про два вида колдовства — про то, которое сберегает мир, и то, которое разрушает его. Я думала, что владею первым, а шенпо занимаются вторым; за это я их презирала.

— Я помню, Кхьюнг.

— Что ж, отличная память, молодой господин! Ну так знай, что я была неправа, — сказала она с легким вздохом, вырвавшимся вверх облачком белого пара. — Тогда я только встала на путь учения и не понимала, что мир невозможно разрушить... по крайней мере, не колдовством.

— Что ты имеешь в виду?

— Суть учения такова: жизнь есть страдание. Кто-то толкует это весьма просто, даже грубо — как то, что любой твари под солнцем известна боль в одной из тысяч ее личин: голода, болезни, страха... Это отчасти верно; но страдание — это не просто нездоровье души или тела. В своей тончайшей форме это — отделение, отделение себя... от всего. Это свойство искры, выпавшей из огня; не следствие, а причина жизни.

Не скажу, чтобы я понял, но что-то в этих неясных, смутных словах задело меня; шерсть на предплечьях стала дыбом, а в голове загудели, просыпаясь, воспоминания. Я будто слышал уже такое — но от кого? И когда?.. А женщина все говорила, кося голубоватым бельмом:

— Страдание заставляет желать исцеления, но не показывает, как достичь его. Это первое обличье страдания: желание без знания или невежество. Оно ведет к ложному разделению вещей и явлений на приятные и неприятные; приятным зовется то, что на время смиряет боль, а неприятным — то, что заставляет чувствовать ее острее. Возникает жадная привязанность к приятному и отвращение к неприятному; и это страсть, второе обличье страдания. Из нее выходит страх потери, принимающий вид гнева — третьего обличья страдания. Невежество, страсти и гнев, как клещи, впиваются в душу и сосут ее соки; чем больше они едят, тем больше вырастают; чем больше вырастают, тем больше пищи им нужно. И вот душа бежит вперед, как ездовой баран, понукаемая своими мучителями, от рождения к смерти, от смерти к рождению, пытаюсь обрести богатство, или власть, или любовь... Все тщетно! Представь, что спящему завязали глаза; он просыпается в полной темноте и, чтобы рассеять ее, зажигает одну, две, сотню ламп. Но даже тысяча не поможет ему, если не сдернуть повязку.

Этот страшный порядок, поддерживающий сам себя, и зовется Законом; его цвет — желтый, потому что он нетленен, как золото, никогда не покрывающееся ржавчиной. Мир, основанный на Законе, нерушим: ни мудрецы из южных лесов, которые не едят мяса и не убивают даже вреднейшую из блох в надежде родиться среди небожителей, ни гордые шены, точащие мечи, чтобы воткнуть их небожителям в спины, не смогут причинить ему ни малейшего вреда. Вот почему бога, который правит этим миром, зовут Железный господин: его хватка крепче самых прочных оков. А почему его зовут Хозяином Закона, Эрликом Чойгьялом, ты можешь догадаться и сам.

— А что же ваше учение?..

— А оно, Нуму, о том, как разрушить этот мир.

— Разрушить мир?!

— Да, — Кхьюнг запустила когти в густую гриву; ее мягкий, ласковый голос никак не

вязался со страшными словами. — Не пугайся, прежде подумай — верно ли ты понял меня? Мы не зовем к насилию; наоборот! Зачем хвататься за мечи и стрелы? Ни одна стрела все равно не ранит Чойгьяла. Нужно совсем другое — разорвать круг: погасить гнев, отсесть страсти, уничтожить невежество и, наконец, утолить страдание мириадом живых существ. Это ли не высшая, наилучшая цель? Конечно, ее тяжело достигнуть, но мы делаем, что можем.

— Это что же?

— Кормим голодных, лечим больных, даем кров бездомным. А ты как думал? Непросто помышлять о душе, когда желудок сводит от голода, а кожа чешется от язв и блошиных укусов! Об этом была и история Ангулималы — святой протянул ему лапу не для того, чтобы наказать за зло или самому получить награду за добро, как заведено в царстве Закона, а для того, чтобы дать возможность вовсе освободиться от Закона. И Ангулимала, надо сказать, ею воспользовался; это ведь он был учителем учителя моего учителя и сам поведал ему эту историю.

Я задумался; что-то во мне противилось этому странному рассуждению. Помогать, чтобы разрушать? Разрушать, чтобы спасти? Если страдание — причина жизни, то что же останется без него? И что будет, когда мир подойдет к концу? Кхьюнг долго смотрела на меня, лукаво сощуривав оба глаза — карий и голубой, — и наконец сказала:

— У тебя сильная душа; горячая и тяжелая, как вытасченный из печи камень. У Прийс похожая. Таким, как вы, тяжело смириться с тем, что на небо нельзя залезть, потрясая кулаками... да и самого неба, по сути, нет. Но ты уже идешь по пути учения, Нуму, даже если сам не понимаешь этого. Впрочем, здесь становится холодно; пойдем в дом — найдем тебе постель.

Так прошла неделя: дни я проводил у Стены, ночи — в доме белоракушечников. Их странные обычаи и диковинные речи поначалу занимали меня, и я много расспрашивал шанкха о том и о сем, о богах, в которых они верят, и демонах, которых страшатся, но скоро устал отпутанных и невнятных ответов, частенько противоречивших друг другу. В остальном жизнь общины оказалась размеренной и скучной: шанкха, когда не болтались без дела, сидели неподвижно, скрестив лапы, и мычали какую-то бессмыслицу. Мне доводилось видеть за подобным занятием и шенов, и даже богов: Сиа утверждал, что это помогает собраться с мыслями. Я тоже как-то раз попробовал ради интереса — уселся на подстилку... и заснул, стоило закрыть глаза. Может, это от душевной низости, а может, потому, что я работал как проклятый, заглушая тревогу делами; а дел хватало! Чего стоил один скудоумный купец, за раз принявший шесть порций хинина в надежде побыстрее вылечиться от лихорадки! Или безумный нищий, утверждавший, что вот уже двадцать лет превращается изнутри в улитку и уже чувствует, как слизистые рога вот-вот вывалятся у него из ушей? Или родители, не дающие заглянуть своим чадам в рот или обрить им шерсть для прижиганий, потому что так я якобы «украду их душу»? Знали бы они, кем и как души крадутся на самом деле!..

Когда от гнева шерсть становилась дыбом, я находил укромное место, доставал из сумки пучки всевозможных растений и принимался яростно крошить солодку, борец или золотой корень, с остервенением стуча ножом; эту привычку я, кажется, подцепил у Сиа. Бедный старик! Как одиноко ему было во дворце, откуда сбежали и родной сын, и приемный! Но я не мог вернуться в Коготь; не раньше, чем разберусь, что к чему на Стене.

Правда, дни проходили один за другим, а я ни на шаг не приблизился к разгадке здешних тайн. Каждый раз, когда мимо проходили черные шены Железного господина или белые женщины Палден Лхамо, я косил на них краем глаза, но толку-то! Не стоило и надеяться поймать их за лапу... Только раз, в час перед рассветом, я нашел в грязи у подножия Стены черепок, будто бы светившийся в серой мгле. Я подобрал его и сунул за пазуху, чтобы потом рассмотреть получше, но к полудню его свет уже померк.

Временами я думал, что неплохо было бы поговорить с Зово, но тот больше не появлялся на Стене, а прислал вместо себя Макару, как и обещал. Поначалу я боялся подпускать ее к работе: приемы Макары были далеки от привычной мне лекарской науки — чего стоили растирания кусками полосатого дзи или вдыхание толченых жуков! Но больные выздоравливали, и в конце концов пришлось признать — от младшей из сестер Сэр был толк.

Думаю, она тоже немного смягчилась ко мне: несколько раз даже улыбнулась, здороваясь... а когда я, составляя лекарство, по ошибке нюхнул вонючего жупела и зашелся лютым чихом, так и вовсе расхохоталась. Правда, ее темные, чуть запавшие глаза при этом оставались грустными. Почему она грустила? И зачем я думал об этом? Как будто у меня не было других забот!

Не знаю, сколько бы так продолжалось, но однажды, перевязывая раны на голове неудачливого строителя, я почувствовал странный зуд. Это маска шевелилась под чуба! Ее быстрая, мелкая дрожь не была неприятной, но настойчиво требовала внимания. Неловко извинившись, я передал больного на попечение Рыбе, выскочил из длинного дома переселенцев и спрятался в тени за углом. Воровато оглядевшись, вытащил маску из-под ворота; она тут же перестала трястись, зато золоченые глаза Гаруды вдруг повернулись в орбитах и уставились на меня дырами зрачков. Деревянный клюв раскрылся широко, как у охотящегося козодоя, и произнес:

— Господин, прошу тебя немедленно вернуться наверх. Твое присутствие необходимо.

Сказав так, маска снова превратилась в кусок дерева. Быстро накинув ее на шею и запрятав под одежду, я вернулся к помощникам. Рыба заканчивала с перевязкой; Сален, по своему обыкновению, путался у нее под лапами. Отозвав в сторону Макару, я предупредил, что должен отлучиться по срочному делу и не вернусь сегодня к шанкха.

— Пусть передает привет Кхьюнг, — велел я, — и пусть забирает мои инструменты и запас лекарств. Ведь кто знает, когда я вернусь? Да и вернусь ли?..

— С тобой все в порядке? — спросила Макара, и ее чудные глаза от страха стали еще больше и ярче.

— Да, — отвечал я, не зная, правда это или ложь; девушка недоверчиво поджала губы, но не стала спорить.

Тяжкие мысли роились в голове, пока я брел подземельями, соединяющими город и небесный дворец, а потом поднимался вверх по тысяче ступеней. Все меньше чортонов освещало нутро Мизинца; все больше темноты подымалось со дна каменного колодца. Зачем меня призвали в Коготь? Неужели Железный господин прознал, о чем я говорил с его бывшим учеником? Если это так, то какая судьба ждет меня? Не стоит ли бежать вместо того, чтобы идти прямо в пасть к скорпиону?..

Но я не убежал.

После пары недель в дольном мире коридоры Когтя поражали ослепительной, противоестественной белизной; я почувствовал себя будто лягушка, брошенная из илистого

болота прямо в кувшин с молоком. Даже топтать пол грязными подошвами было совестно, поэтому прежде, чем явиться пред очи богов, я зашел к себе. Конечно, сейчас не было времени хорошенько отмыться и изгнать из шерсти вонь лекарств, прижиганий, крови, мочи и прочей грязи, налипшей на меня внизу, но я хотя бы почистил зубы, тщательно расчесал гриву (с некоторой опаской оглядев зубчики гребня на предмет вшей) и сменил одежду.

В саду никого не было; подумав, я поднялся выше и направился к трехгранным покоям на юге. И точно, все боги собрались там! Одного за другим я оглядел их — внимательно, будто видел впервые в жизни: вот Сиа, старый и седой, от выпуклого лба до кончиков пальцев усыпанный бурыми и желтыми пятнами; Нехбет, бледная и исхудавшая, с губами подрагивающими, как пара испуганных зайцев; Пундарика, равнодушный ко всему, не бодрствующий и не спящий; маленькая Падма, грызущая бодрящий корень так яростно, точно это тело ее врага; рядом с ней Камала — даже алая помада не скрывает синевы, расплзающейся вокруг ее рта; чуть дальше Утпала — хмурый великан, то и дело касающийся бугристых шрамов на щеке, и Шай, судя по сальным волосам и грязным туфлям, тоже только что вернувшийся в Коготь. Наконец, Селкет, Сияющая богиня: когда она наклоняет голову, ее зрачки вспыхивают красным, как два зеркала, обращенных к огню. И Ун-Нефер, Железный господин... Впрочем, на него я старался не смотреть.

Одно место сбоку от Сиа было свободно; как только я занял его, собрание началось. Сначала Железный господин обратился к Утпале:

— Расскажи всем то же, что и мне.

Тогда вороноголовый взял слово:

— Случилось то, чего мы ждали — и боялись — уже давно: теперь мы полностью отрезаны от южной страны. Вот уже пять лет, как Путь Стрелы стал непригоден для идущих по земле; два года, как птицы не могут перелететь через горы из-за снежных бурь. Но до последнего мне удавалось слышать голоса тех, кто на юге. Вчера не удалось.

— Может, это только временно? — робко спросила Нехбет; но Утпала покачал головой.

— Не думаю, что дальше станет лучше, — с чего бы?

— Ну и что такого, — хмыкнула Падма, вычищая плоским когтем застрявшие в зубах кусочки жвачки. — Подслушивать нехорошо.

Великан вздохнул и принялся объяснять терпеливо, как маленькому ребенку:

— Падма, там, как и здесь, наступают холода. Может быть, четыре великих реки еще не замерзли в руслах, но растения гибнут — и рис, и ячмень... Да что там, даже древние леса гниют на корню! Дикая звери выходят из нор и бродят по улицам городов, роясь в отбросах; между княжествами тут и там вспыхивают ссоры. В отличие от Олмо Лунгринг, южане не готовились к зиме, не делали запасов. Пока мы закончим Стену, их земли опустеют от голода или войн, и там уже некого будет спасать.

— Что ты предлагаешь? — медленно протянула Камала, почти не размыкая губ. Невольно я отметил бледность ее щек и испарину, блестящую на лбу; вороноголовой явно нездоровилось.

— Я... Я считаю, нужно поднять в воздух малую ладью — ту, что у нас осталась; и перевезти сюда столько южан, сколько получится.

Послышался легкий шорох — это все лха, кроме разве что Пундарики, повернулись к Железному господину; они ждали решения, но он прежде спросил:

— Нехбет, сколько еще переселенцев сможет прокормить Бьяру?

— Не знаю, — женщина вздрогнула, оглядываясь, и сжала в пальцах жесткую ткань

подола. — Если считать тех, кто еще не пришел с окраин... Если они придут все... И мы не знаем, сколько лет поля еще будут давать урожай — двадцать? Десять? Меньше? Так что, если я скажу «пять тысяч душ» или «семь», это как гадать на узелках! И потом, как ты будешь выбирать, кому жить — а кому нет?

На несколько тягучих секунд молчание повисло в воздухе, но потом Эрлик ответил:

— Ты права — это не простой выбор. Но если приходится выбирать, то начнем с того, что нам все равно не добраться до каждой деревни. Многие спрятаны глубоко в лесах; даже с воздуха их непросто обнаружить. К тому же ладья давно обветшала; кто знает, на сколько полетов ее хватит? Поэтому разумнее сразу ограничиться восьмью городами, где живет больше десяти тысяч душ, — он повел ладонью перед собою, и прямо на полу проступила карта южной страны. — На западе это Анджана и Пундарика; Вамана на юге; Кумуда и Айравата на востоке; Пушпаданта, Сарвабхаума и Супратика на севере. Ну а дальше... Полагаю, следует забрать оттуда всех детей в возрасте до семи лет.

— Почему детей? — недоверчиво прищурившись, спросил Утпала. — Они ведь не смогут работать.

— Я думал, мы спасаем жизни, а не захватываем рабов.

Великан покраснел так, что его горящими ушами можно было бы подпалить курильницу, но все же выдавил:

— Ты сам говорил — чем быстрее Стена будет закончена, тем лучше.

— Это правда. Но Стена — это не только глина и щебенка, и сейчас для строительства важнее шены, чем камнетесы. Так что если согнать в Бьяру каждую женщину и каждого мужчину в мире, это мало поможет... Впрочем, если тебе нужны еще причины, их много: дети меньше едят; они не смогут убить или ограбить кого-то так же легко, как взрослые; хотя бы некоторое время они не будут плодиться, увеличивая количество голодных ртов. Ну а если через несколько лет приток переселенцев с окраин Олмо Лунгринг иссякнет, они, конечно, займут свое место у Стены. Но главная причина в том, что это дети; у взрослых есть хоть какая-то надежда пережить зиму, а у них — никакой.

Утпала из красного стал лиловым, будто спелая фига; его плоские зубы отчетливо скрипнули. Увы, я хорошо понимал и его стыд, и его тревогу! Тот выход, который предложил Железный господин, был не просто разумным — он был правильным; может быть, единственно правильным. Кажется, только испорченный, нечистый ум мог сомневаться и искать в нем подвох... Однако же именно этим я сам и занимался, и оттого на душе было тошно.

— Хорошо, но где разместить их всех? — почесав в затылке, спросил Сиа.

— Детей могут взять на призрение к княжескому дворцу или в лакханги. Тех, у кого есть способности, примет Перстень; их вырастят и воспитают по законам Олмо Лунгринг.

— Думаешь, матери согласятся отдать детей? — вдруг пробормотала Камала.

— Я смогу убедить их, — коротко отвечал Железный господин. Взгляды богов встретились, но вороноголовая тут же отвела глаза. А Сиа все не унимался:

— Ты что, собираешься отправиться сам? Эти твои шены не поубивают друг друга и нас в придачу в твое отсутствие?

— Кто еще будет управлять ладьей? И Селкет останется здесь. Этого более чем достаточно.

Палден Лхамо кивнула, слегка улыбнувшись — хотел бы я знать, если она наденет маску Эрлика, смогут ли шенпо заметить разницу между своим господином и его сестрой?..

Лекарю ничего не оставалось, как согласиться; подозреваю, что никто толком и не помнил, как управляться с древними механизмами. Выждав, не будет ли еще вопросов, Утпала снова поднял голос:

— По правилам требуется, чтобы на применение малой ладьи дало согласие большинство... из тех, кто есть. Так что же, все согласны?

Восемь голосов, включая мой, произнесли «да»; а Падма добавила, что отправила бы за горы тысячу-другую жителей Бьяру, чтобы вместо них привезти кого получше. Только Шаи не произнес ни звука.

— Есть кто против?

Все молчали; и сын лекаря тоже.

Той ночью я не мог заснуть, несмотря на мягкость кровати и хрустящую чистоту белья, о которых так тосковал внизу, ночуя на тонкой и воняющей мокрой шерстью подстилке. Следовало признать, я привязался к удобствам и покою дворца, к сытной и сладкой (по вкусу ремет) пище и ежедневной чистке зубов сильнее, чем полагал, — и даже полюбил пшеничный хлеб больше, чем лепешки из цампы. Воистину, дом без основы и дерево без корней! Не такими ли станут и дети, привезенные из южной страны? Как сказал Железный господин, «воспитанные по законам Олмо Лунгринг»? Впрочем, разве лучше умирать от голода среди заиндевевших лиан и присыпанных снегом баньянов?..

Эти — и множество других — мыслей пересыпались в моей голове, шурша, как горох в полом стебле тростника, да еще и кожа зудела не то от тревоги, не то и правда от вшей. Так я и лежал, страдая, и почесываясь, и ожидая рассвета.

Было уже за полночь, когда Шаи влетел в мою комнату. Он был красно-розовым, как дождевой червь, и таким же уродливо голым; только чресла ради приличия перепоясывало какое-то тряпье.

— Нуму, проснись! Нужна твоя помощь! Камале плохо, — срывающимся голосом сообщил он, трясая меня за плечо. Если честно, я даже не удивился; торопливо накинув чуба, я мышью проскользнул в покои Сиа за нужными лекарствами и инструментами (мои остались внизу, у Макары, да и ладно: они были не так хороши, как здешние), а потом вместе с Шаи поспешил наверх, в спальню вороноголовой.

Она лежала на кровати без сознания, обнаженная по пояс; соски на грудях темнели, как упавшие на снег ягоды. На полу валялась пара стаканов — из одного вытекла красная винная лужа; пахло сладкими духами, потом и чем-то еще, до боли знакомым. Я приподнял накрашенное веко Камалы — глаз белел, как половинка вареного яйца; зрачок едва виднелся в нем, крохотный, как зернышко горчицы. Кончики пальцев были холодные, лиловые, будто их обмакнули в чернила; сердце едва билось. Я догадался, что за яд она приняла — молочко, которое выжимают из маков: не наших, вайдурьево-синих, которых зовут утпалами и по неведению причисляют к лотосам, а из огненно-красных маков южной страны. Такое не раз случалось в Бьяру — среди жителей столицы встречалось немало любителей забвения — а потому я знал, что делать. Для начала ввел лекарство; оно действовало быстро — скоро дыхание Камалы стало глубже и чаще. Затем следовало очистить желудок на тот случай, если в нем еще оставался яд.

— Есть здесь какое-нибудь ведро? — спросил я, разматывая длинную трубку шириной в полпальца. При виде этого змееподобного, гибкого инструмента Шаи замер и посерел; не хватало только, чтобы он еще хлопнулся в обморок! По счастью, в эту минуту в дверь влетела

Падма, готовая рвать и метать.

— Падма, дай ведро, — велел я, не дав ей опомниться. — И поддержи ее.

Маленькая демоница, хоть и рычала под нос проклятия, не утратила способности соображать; вдвоем мы быстро управились. Но когда все, чем мы могли помочь Камале, было сделано, ее будто подменили: Падма опустилась на постель подруги, вся съежилась, закрыла лицо ладонями и всхлипнула. Кажется, я второй раз в жизни увидел, как она плачет; и от этого — впервые за эту ужасную ночь — меня пробрала дрожь.

— Падма, я не хотел... Я не знал, — лепетал Шаи, опершись о стену и тяжело дыша. «Надо же, какой чувствительный, — с раздражением подумал я, перебирая запачканные инструменты (теперь все придется кипятить!). — Неудивительно, что Сиа не стал учить сыночка своему ремеслу. А может, я гожусь ему в сыновья больше, чем ты?..»

— Уходи, — глухо сказала Падма, а потом, подняв голову, повторила с обжигающей злостью. — Уходи и никогда больше не возвращайся! Ты убиваешь ее, разве не видишь?

Камала вдруг зашевелилась, заворочалась под покрывалом, бормоча:

— Не надо. Я сама виновата.

Падма нежно коснулась ее лба, собирая с него прилипшие волосы, а потом повернулась к нам:

— Почему вы еще здесь?

— За ней нужно следить, — отвечал я, не дожидаясь, пока Шаи ляпнет какую-нибудь глупость. — Если действие лекарства кончится, надо дать его снова.

— Давай сюда это твое лекарство! Я справлюсь сама.

Изгнанные из спальни, мы с сыном лекаря спустились в сад и засели в кумбуме, включив все лампы, чтобы не видеть, как качаются в темноте одичавшие деревья. Пока лха искал, что бы на себя накинуть, я стал у очага и заварил часуйму крепче — так, как ее готовят внизу; щедро кинул в кипящий напиток масла и соли, разлил по глиняным чашкам и протянул одну Шаи. Много слов вертелось на языке, но для начала я спросил:

— Ты знал, что она пьет маковое молочко?

Сын лекаря потупил взгляд.

— И вы все равно пили вино?

— Я не думал, что так выйдет. Мы ведь крепче вепвавет... Нас сложно отравить.

— Может, она приняла что-то еще? — вслух подумал я, припоминая, какой дух стоял в спальне: сквозь приторные благовония пробивалось что-то еще, тяжелое, водянистое... Запах желтых пилюль, вот что! Но откуда они у Камалы?.. — Зачем ей это? Жить надоело?

— Нет... Она говорила, что ее постоянно преследуют голоса и видения; мучают наяву и во сне. Я не верил раньше, даже смеялся, — Шаи сжал виски, нависая над дымящейся чашкой. — А теперь, кажется, понимаю...

— Что понимаешь?

Лха странно покосился на меня и покачал головой.

— Многие знания — многие печали. Учись на моих ошибках, Нуму, — не спрашивай: не ищи ответов! Много лет я мучался, пытаюсь вспомнить кое-что — и вот, вспомнил. Я думал, мне станет легче от этого... или я хотя бы пойму, как жить дальше. Но оказывается, я понятия не имею, что делать теперь. Молчать? Рассказать всем и каждому? А что это изменит?.. Неважно даже, поверят они или нет! Мы уже попали под жернова, которые никому не остановить.

Я хотел сказать, что знаю о его тайне, но не придумал, как. Поэтому просто спросил:

— Ты поэтому молчал во время собрания?

— Да, пожалуй, — Шаи пожал плечами и поправил сползающую скатерть, которой обмотался вместо чуба. — Мне надоело притворяться, что мы здесь вообще хоть что-то решаем. Поэтому я больше ничего не собираюсь делать. Я уйду из Когтя, Нуму; уйду вниз — и буду жить там, среди вепвавет, пока нам всем не придет конец. И тебе советую сделать то же самое. Беги отсюда! Найди себе девушку, или парня, или обоих; проведи свои дни, сколько отведено, в любви и удовольствии. Только, ради всех богов, не заводи детей. Не заслужили они такого...

— Как это ты уйдешь? А как же Сиа? И Камала? И я, в конце концов?

Он покрутил кружку в ладонях и, криво усмехнувшись, ответил:

— Ты можешь навещать меня внизу. Приходи, будем вместе бесить шенов, как в старые добрые времена! Что до Камалы... Падма права; мы с ней сошлись потому, что оба были в отчаянии, но легче от этого не стало. Наоборот, когда мы вдвоем, оно только вырастает... Ей же будет лучше, когда я исчезну. А Сиа...

Шаи испустил тяжелый вздох и запрокинул вверх подбородок, уставившись в белый потолок.

— Надеюсь, он поймет. Если я останусь здесь, то, наверное, повешусь; потому что невозможно так жить... Знаешь, кто мы на самом деле? Пыль! Скоро мы рассыплемся под ветром; пфф — и все! И пускай Уно думает, что это он управляет тем, куда дует тот ветер. Пускай считает, что сможет к запретным тайнам подобрать ключи, освободить заклепанных титанов... и обмануть судьбу. Как бы не так! Ему не выйти победителем. Смотри, вот и он! Идет спасать мир, не иначе.

Пока мы говорили, ночь мало-помалу отступила; на перистые листья гла цхер легли розовые пятна света. В сизой кисельной мгле я заметил тень, бредущую сквозь пшеницу. Если бы Шаи не подсказал, я не узнал бы в ней Железного господина. И неудивительно! Он был в странных, тяжелых доспехах, каких я прежде не видел. Их пластины были толстыми, как слоновья шкура, и вздувались на теле, причудливо искажая его очертания. К подошвам крепился дополнительный сустав, выгнутый назад, как лапа саранчи — он добавлял лха больше локтя роста, — а лицо скрывал шлем, загибающийся на подбородке ястребиным клювом. За спиной Железный господин нес посох — или дубину? — с навершием в виде сомкнутой ваджры; другого оружия у него не было. Заметив свет в кумбуме, он повернулся в нашу сторону и кивнул в коротком приветствии.

— Вот кто много о себе думает. Но на самом деле он тоже пыль, — Шаи усмехнулся, приложив кружку к губам. — Хотел бы я дожить до момента, когда до него наконец дойдет. Это должно быть ужасно смешно.

Но я уже не слушал сына лекаря. Оставив его потягивать часуйму, я двинулся сквозь колючие сорняки следом за Эрликом, конечно, благоразумно отстав шагов на сто. Железный господин прошел к выходу из Когтя — тому, который использовали во время Цама, а я притаился за перегородкой из железа и драгоценных камней и просидел там до тех пор, пока корзина-подъемник не уехала вниз. Тогда я приблизился к краю; но стоило глянуть в гущу голубого воздуха и жидких облаков на далекий Перстень, как лапы обмякли и голова закружилась. Да еще и ветер толкал то в спину, то под ребра! Поразмыслив, я лег на живот и, вцепившись мокрыми от страха лапами в пол, свесил голову наружу. Притерпевшись наконец, я разглядел, как на крыше старой гомпы суетятся маленькие черные муравейчики — шены. Мало-помалу они все исчезли внутри, но я решил пока не уходить; и не зря!

Шены скоро появились снова, темным ручейком пробираясь по тонкому перешейку, соединявшему гомпу и таинственное круглое здание, которое я заметил еще в бытность слугой Перстня. Туда не было хода со внутреннего двора, и не припомню, чтобы в маленьких глубоких окнах-бойницах хотя бы раз загорались огни. Прошло еще несколько минут — утренний холод, пробравшись сквозь одежду и густую шерсть, уже начал заползать мне в кишки, — а потом крыша здания распалась на восемь частей, которые стали расходиться с режущим уши скрипом! Сверху я видел, что каждую из них подпирают железные прутья — точь-в-точь прожилки на лепестках из толстого зеленоватого стекла; а в глубине пряталось что-то темное и округлое. Должно быть, это и была малая ладья! Правда, на лодку эта штука походила мало: ее сплющенное тело напоминало скорее клопа или черепаху; такую форму гончары и рисователи тханка именовали обычно «колесом» или «чакрой».

Оглушительный рев наполнил воздух; над крышами Бьяру вспорхнули, вопя, потревоженные вороны. Да что там; кажется, от этих звуков сам Мизинец содрогнулся от основания до макушки! Корабль-чакра вознесся в желтеющее небо на столбах из вихрящегося воздуха и в мгновение ока исчез. Ох, какие слухи пойдут о случившемся в городе и у Стены! Ждать больше было нечего; ползком отодвинувшись от края, я поднялся на лапы и побрел внутрь Когтя. Шаи уже ушел из сада; и мне следовало поспать хотя бы пару часов, а то виски ломило и под веки будто песка насыпали.

Но стоило подняться наверх, как я заметил в коридоре Сиа и его сына. Они говорили о чем-то... Точнее, Шаи говорил, а старый лекарь большей частью молчал; на его лице застыло выражение удивления и покорной грусти. Мне совсем не хотелось мешать, потому я быстро вернулся на несколько ступеней назад и присел на лестницу, совершенно скрывшись из виду — и в кои-то веки радуясь невысокому росту! Хотя я и не собирался подслушивать, а все же уловил обрывки разговора:

— Но как ты будешь там совсем один?

— Не бойся, не пропаду. По правде, там, внизу — настоящая жизнь; а здесь... Не знаю, как это и назвать. Только и остается, что уснуть и видеть сны.

— Сны... — голос Сиа дрогнул. — Скажи честно — это из-за твоей матери?

— Нет, нет, не из-за нее... Слушай, я все прошедшие годы обвинял тебя в том, что она ушла к спящим. Я был неправ. Ты не виноват. Это был ее выбор — она просто не выдержала. Теперь я понимаю. Так что... Прости меня. Правда, прости. Ты хороший отец; всегда был.

Кто-то из двоих не то вздохнул, не то приглушенно всхлипнул, но я не решился высунуть нос из укрытия и посмотреть, что происходит. Нет, хватит с меня на сегодня плачущей Падмы! И почему все вокруг разваливается? Это же просто глупо; все равно как если бы чортен простоял тысячу лет, а потом треснул из-за того, что его в макушку клюнул воробей! Неужели Шаи правда собирается уйти? Да нет, он еще передумает. Проживет пару месяцев без горячей воды и точно передумает!

Утешившись этой мыслью, я добрел до спальни — в коридоре, по счастью, уже никого не было — и завалился спать.

Никто не догадался разбудить меня днем, а потому я встал только под вечер — с пересохшим горлом, ломотой в костях и ужасной головной болью. Проклиная все на свете, я привел себя в подобие порядка и первым делом отправился в кумбум. Может, после чашки часуймы мысли прояснятся? Мне еще надо было решить, что делать дальше: возвращаться к Стене или остаться здесь? Кажется, многим во дворце не помешала бы моя помощь...

Пока я размышлял, дую на горячее варево, снаружи донесся уже знакомый грохот. Я выбежал в сад — и как раз вовремя, чтобы заметить, как из-за гор появился диск малой ладьи и быстро нырнул вниз, к Перстню. Железный господин вернулся. А хорошо было бы посмотреть на детей, которых он привез! Южане, даже давно обосновавшиеся в Олмо Лунгринг, сильно отличались от ее жителей. У них была короткая шерсть, большей частью бурая или рыжая, маленькие лапы, узкая грудь (отчего на высоте они частенько начинали задыхаться), а глаза выпуклые и печальные, как у водяных быков. А еще, по слухам, тамошним жрецам уже во младенчестве отрубали хвосты, как бы отсекая звериную часть их природы. Не знаю, правда ли это: мне доводилось видеть иноземцев в столице, но они были так плотно замотаны в меха, платки и одеяла, что и не разберешь... Но меня влекло не только праздное любопытство: если увидеть спасенных южан своими глазами, если убедиться, что слова Железного господина не расходятся с делом, будет куда проще избавиться от сомнений, зароненных Зово.

Вернувшись к столу, я допил остатки часуймы. В желудке приятно потеплело; это придало мне смелости. Решившись, я соскочил со стула и, никем не замеченный, прошел дворец насквозь, до самого Мизинца. Я рассудил так: из здания, куда приземлилась малая ладья, вел всего один выход — по узкому мосту-перешейку к старой гомпе; ну а внутрь гомпы можно попасть потайными ходами! И вот, пересчитав лапами не одну сотню ступеней, изрядно запыхавшийся и измученный, я остановился у трех ничем не примечательных проемов. Пойдешь налево — попадешь во двор лакханга Палден Лхамо; там я бывал с богиней в день, когда она заложила основание Стены. Пойдешь прямо — нырнешь вниз и очутишься в подземелье, где Железный господин воскресил из мертвых Чомолангму. Ну а если пойдешь направо, окажешься на верхнем этаже гомпы, в обширном зале, где шенпо собираются только во время праздников... Сегодня эти покои должны были пустовать; детей, скорее всего, проведут мимо, так что я смогу увидеть их хотя бы сквозь щелочку. Но прежде стоило перевести дух! Тяжело отдуваясь, я оперся боком о стену, холодную, прорезанную блестящими жилками слюды, и вдруг почувствовал дрожь. Кто-то шел сюда!

Шаги быстро приближались. Шерсть на загривке стала дыбом. Не зная, что делать, я отступил назад и вжался в камень, надеясь, что черная шерсть и неброская одежда помогут мне остаться незамеченным. Легкие шумели, будто кузнечные меха; чтобы успокоиться, я начал считать вдохи и выдохи, но не успел дойти даже до десяти, как из правого хода показался великан в тяжелых доспехах — Железный господин, без сомнений! За спиной он нес огромный короб из лакированного дерева, с кольцами позеленевшей меди, свисающими из ухмыляющихся рож-киртимукха... Остроклювый шлем повернулся в мою сторону и чуть качнулся. Это означало, конечно, «я знаю, что ты здесь». Да и глупо было надеяться, что мне удастся скрыться от бога! Теперь уж ничего не оставалось: как глупый заяц за змеей, я последовал за Железным господином вниз, на дно каменного колодца.

Сам я никогда не спускался так глубоко — во мглу, непроницаемую для слабого света чортенов. Но бог шел спокойно. Когда стало совсем темно, над его лбом загорелось несколько маленьких огоньков; этого оказалось достаточно, чтобы различать лестницу на пару шагов вперед. Наконец ступени кончились; мы остановились у площадки, присыпанной крупным серым песком. Железный господин ступил на нее первым; я отстал на пару шагов и заметил, что в его следах скапливается сочащаяся из почвы вода, к которой примешиваются капли чего-то густого и маслянистого. Крови?..

Бог остановился напротив уходящей вверх стены Мизинца, испещренной нишами

размером с ладонь, бережно поставил на землю деревянный короб и снял шлем. Тот отделился от доспехов с тихим шипением.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, оборачиваясь.

— Позволь задать тебе тот же вопрос, — огрызнулся я, поражаясь собственной дерзости; но что уж теперь? Пропадать так пропадать!

К моему удивлению, Железный господин улыбнулся так, будто я выдал замечательную шутку, а потом, уже не обращая на меня внимания, занялся своей загадочной ношей. Для начала он выдвинул верхний ящик короба: там, на мягкой соломе, лежали круглые чаши, плотно замазанные сверху не то отвердевшим воском, не то белой глиной. Лха вытащил пяток за раз и принялся раскалывать их в углубления в скале.

— Значит, все это правда?

— Правда? — эхом отозвался он, не прекращая свою работу. — О чем ты?

Полагая, что моя судьба уже решена, я отвечал прямо:

— Эти штуки. Они отличаются от чортенов, которые я видел прежде... Но все же это, безусловно, чортены. Новые! А значит, в них запрятаны новые души. За этим ты и отправился в южную страну? Чтобы украсть души ее жителей, а вовсе не для спасения каких-то детей?

— Дети здесь, Нуму. Можешь сам убедиться в этом, когда окажешься в городе. Они очень важны; Утпала верно заметил — Стену должен кто-то строить. Да и чтобы заново заселить Олмо Лунгринг после зимы, не помешает свежая кровь... Но эти мертвецы, — тут Железный господин подбросил на ладони один из сосудов, будто звонкую монету, — еще важнее.

— Как вам удалось... собрать столько?

— Я позвал; они пришли, — он слегка пожал плечами; пластины доспехов на плечах и лопатках поднялись и опали, как перья снежного грифа.

— И сколько здесь городов? В этом коробе?

— Сегодня мы были только в Анджане. Здесь всего лишь тысяча душ.

— А где остальные? Ведь взрослых там точно было больше тысячи?

— Остальные отправятся на Стену.

— На Стену... Не как рабочие, конечно, а как... кирпичи и камни? Значит, и все остальное правда? Шены подстерегают переселенцев на дороге в Бьяру, как последние разбойники, вырывают их души, а потом прячут награбленное в белых горшках?

— Так внизу уже ходят слухи о пропавших? — Железный господин покачал головой и зачерпнул еще пригоршню чортенов. — Им следовало быть осторожнее.

— Подожди... Если остальные души замуруют в Стену, то что ты будешь делать с этими? — я указал на наполовину опустошенный короб, с присвистом втянул воздух и наконец решился произнести чудовищное обвинение. — Их ждет та же судьба, что и утопившихся в Бьяцо? Ты отдашь их существу, которое появляется накануне Цама?..

Следующий ящик выдвинулся с пронзительным скрипом. Бог окинул на меня немигающим взглядом.

— Что ты знаешь об этом?

— Я видел его, — пока Железный господин не влез в мои мысли, как в сундук с тряпьем, и не нашел на дне Зово и Шаи, нужно было врать, и как можно увереннее, подмешивая в слова побольше правды. Пусть, будто острый перец, она перебивает тухлятину лжи! — В одну из ночей, когда я бодрствовал у твоей постели. Оно было похоже на

драгоценность; на ларец из чистого хрусталя. Сначала оно было вне тебя, а потом... как будто проникло внутрь.

Быстрая судорога пробежала по лицу лха; он отвернулся. Поняв, что подобрал верные слова, я закончил уже уверенней:

— Может, я и не разбираюсь в колдовстве, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что эта тварь и есть причина твоей болезни. А сама болезнь... Даже Сиа, лучший из лекарей, не знает ни припарок, ни прижиганий, которые помогали бы от нее. Значит, ты используешь другое лекарство. Несложно понять, какое! Вспомни, как сам рассказывал мне: когда ремет только покинули корабль, здешние колдуны встретили первого из Эрликов кровавыми жертвами. Тогда, пусть ненадолго, ему стало лучше. Полагаю, это верно и для тебя. Разве что обряды шенов с тех далеких времен стали утонченнее, и они больше не режут живую плоть, а сразу вырывают душу.

— Что ж, — произнес Железный господин медленно, точно слова прилипали к его языку. — Все так.

Хоть я и готовился это услышать, а все же на миг землю будто выдернули из-под лап, а воздух — из ноздрей. Значит, Зово был прав! Вот каков наш хозяин на самом деле — не бог, не герой, а трус, спасающий свою шкуру ценой чужих жизней. И моя, конечно, станет следующей, но напоследок нужно задать еще один вопрос:

— Тогда зачем нужна Стена? Неужто это просто амбар, где вместо зерна хранятся мертвецы, чтобы ты мог в любое время взять, сколько нужно?.. Нет, я не верю в это! Не могу поверить!

Эхо разлетелось по утробе скалы и отходящим от нее лапам-кишкам, точно ворчание растревоженных потрохов. И снова Железный господин смотрел на меня — теперь уже с любопытством.

— Не веришь? Почему?

— Потому что ты пожалел меня, — уже шепотом отвечал я. — Ты велел Чеу Ленца не убивать меня, хотя никто, даже Сиа, не посмел бы возразить, если бы он это сделал. Ты сохранил мне жизнь, а ведь я не колдун, не оми... никто! Значит, ты спас меня не из расчета, а из милосердия. Тот, кто хотя бы раз испытывал жалость к другому, не может так поступить; не может принести в жертву целый мир!

Я запнулся, задыхаясь не от страха, не то от гнева. Ун-Нефер не отвечал; вместо этого он надавил на потайную пластину на доспехах, так что те распахнулись наподобие створок жемчужницы, открывая вторую, меньшую броню, вроде той, что носила Палден Лхамо. Затем лха спрыгнул на мокрый песок, сел на ступень уходящей вверх лестницы — так, что наши глаза оказались на одном уровне, — и только тогда сказал:

— Все, что я делал и еще сделаю, служит только благу этого мира.

Я только горестно всплеснул лапами.

— Как ты можешь говорить такое, когда сам только что признался, что питаешься чужими душами, как какая-то... пиявка?

— Только потому, что другого выхода нет. Я знаю, о чем говорю: за последние шестьдесят лет я перепробовал все. Заклание зверей, подношения толпы и даже пилюли Селкет, от которых впадаешь в тошнотворное оцепенение... Но этого недостаточно. Мне нужно время, а время стоит дорого.

— И сколько ты готов заплатить? Сотню жизней? Тысячу?.. Восемь тысяч?!

Он пожал плечами.

— Таков закон этого мира, Нуму: за благо часто приходится платить злом — главное, чтобы зло оказалось меньше, чем благо. Сам посуди: чтобы жить, нам каждый день приходится присваивать цену всему вокруг. Цена яка меньше, чем цена семьи, которая питается его мясом; цена клопа, которого ты давишь в постели, ниже твоей. Полагаю, я стою больше, чем убийцы и воры из Анджана... Даже не потому, что они преступники, а потому, что ни один из них не сможет закончить Стену. Только я смогу — поэтому мне и нельзя умирать.

«Что-то я не заметил, чтобы ты таскал кирпичи на собственному горбу!» — подумал я, но вслух пробормотал только:

— Разве рабочие и шены не справятся с этим?

— Построить Стену — это полбеды. Нужно еще заставить ее работать, а для этого потребуются усилия всех шенов Перстня, всех женщин Лхамо и сверх того... чтобы одолеть ту тварь, которую ты видел, придется обратиться к ней же за помощью. Так что без Железного господина Стена так и останется кучей камней и грязи.

— А если бы Железным господином стал кто-то другой? Ведь были Эрлики до тебя — почему не быть и после?

— Я думал об этом, — согласно кивнул лха. — Много думал. Даже нашел способ передать мое проклятье тому, кого я сам выберу... Впрочем, тебе это знать ни к чему. Но кого выбрать? Сиа, Шаи и Нехбет ничего не смыслят в колдовстве. Пундарика безумен, Утпала — трус, который не может сказать мне в лицо о своей ненависти; думаешь, у него хватит духу завершить мою работу? Камала... У нее когда-то был дар, но чем он обернулся? Остается только Падма: ей не занимать смелости, но нет ни опыта, ни выдержки, чтобы обуздать эту силу, — тут он прищелкнул пальцами, высекая юркую молнию; зарница сверкнула в колодце Мизинца, проходя сквозь камень, высвечивая потаенные жилы металлов и самоцветов. Невольно я отшатнулся, сотворив перед грудью знак защиты (много ли в нем толку!), и заметил, что сияние проникает даже в одежду, шерсть и плоть. — Что говорить! Даже среди шенов нет достойного, хоть я и возился с ними все эти годы. Правда, когда-то у меня был по-настоящему способный ученик... Я надеялся, он сможет занять мое место. Но он исчез, а оставшиеся ни на что не годны — ни впадают, ни ревет.

— Невысокого же ты мнения о товарищах. Возможно, обитатели Когтя несведущи в колдовстве, — честно признал я. — Но зачем обвинять их в слабости и трусости?..

— Нуму, скажи-ка: почему за все эти годы никто из них не пришел ко мне с теми вопросами, которые ты задал сейчас? Ни разу не заглянул в чертежи Стены? Я не слишком старался скрыть правду. Даже наоборот: я почти хотел, чтобы кто-то поспорил со мной; назвал чудовищем... предложил другой выход... Если бы кто-то предложил другой выход! — бог горько усмехнулся и покачал головой. — Но этого не случилось. Они как утки, построившие гнездо в лисьей норе, — удобно устроились. Не нужно самим марать руки, не нужно ничего решать; нужно только вовремя закрыть глаза и промолчать... Разве это не трусость и не слабость?

— Шаи не молчал.

— Шаи... У него, правда, злости в избытке, зато ума недостает, так что бедняга обречен вечно блуждать в потемках. Считай, что ты обошел богов, Нуму.

Я уставился в песчаный пол, почти убежденный рассуждениями Железного господина, как вдруг вспомнил:

— А твоя сестра, Палден Лхамо?! Разве она не сможет заменить тебя? Вот уж у когс

хватит и знаний, и силы!

— Не выйдет — мы с Селкет делим одну душу; значит, наши судьбы неразрывно связаны. Как полагаешь, что случится со мною, если я все же передам проклятье кому-то другому? Пойду петь песни и скакать по зеленым лужайкам?.. Для меня это будет конец, Нуму: я отправлюсь в ад и утяну Селкет следом. Поэтому мне придется жить дальше — ровно до той поры, пока не закончат Стену.

— Эта проклятая Стена... для чего она все-таки нужна?

— Я никогда не врал про ее устройство: *сухет* с душами Лу и прочей нечисти, заложенные в ее основании, будут раздавлены и выжаты в землю. Их жар должен наполнить ее новой жизнью взамен той, что сейчас утекает.

— Зачем же белые женщины собирают другие души? Не чудовищ, а переселенцев, бродяг, строителей? Ведь не все же... достаются тебе.

— Я не врал про устройство Стены, но умолчал о причине, почему мир остывает. Полагаю, ты и сам уже догадался: причина та же, что у моей болезни, — тварь, притаившаяся в глубине. Вся эта планета, с ее океанами и махадвирами, просто кокон для нее. Все, что происходит здесь, происходит по ее воле. Из-за нее ревет сюда, да и впадает тоже — это ваш корабль лежит заброшенным в лесах южной страны. Как черная дыра — ты же знаешь, что это такое? — она притягивает чужие жизни и пожирает неспешно, смакуя. И все же настало время, когда мир высосан почти досуха; даже дерево Уттаракуру засыхает. Понимаешь, что это значит? Больше не будет никаких перерождений — все, кто лишится тел, станут носиться по воздуху неприкаянными призраками или угодят прямиком в пасть чудовища. Мы убиваем их сейчас, чтобы когда-нибудь они могли жить снова. Когда зима закончится, Стена еще сослужит вам службу. Она станет новым прибежищем душ вместо захащенного дерева, а вместо жуков и муравьев ей послужат новые боги — восемь почжотов и восемь белых женщин со свитой. Они будут следить за тем, чтобы законы судьбы не нарушались, чтобы грешники и праведники получали по заслугам... Так мир продолжит существовать.

Я чуть по морде себя не хлопнул от досады. Так вот что значили те лучистые значки, которыми помечала чертежи Палден Лхамо! Конечно, то были звезды *дуат*, земли мертвых, указывающие места на Стене, отведенные под украденные души.

— Могу я спросить еще кое-что?

Ун-Нефер вздохнул, растирая лоб костяшками пальцев.

— Спрашивай, раз уж начали.

— Не потому ли руппо хотел уничтожить месектет, что узнал об этой твари? Не она ли свела его с ума? — решил я попытать судьбу; но лха покачал головой и отвечал — как мне показалось, совершенно искренне:

— Откуда ему было знать? О ней не ведали даже предыдущие Эрлики, хоть она и ела их заживо.

— Как же тогда узнал ты?

Он закрыл глаза, будто вспоминая. Радужки просвечивали сквозь веки, как две раскаленные монеты.

— Это случилось не так давно — лет сто назад, при тридцать шестом Эрлике. Я и Селкет... мы не сомневались, что одному из нас рано или поздно придется занять его место. Правда, тогда мы были глупы и не боялись болезни, считая, что сможем с ней совладать и даже поставить себе на пользу. Все же мы хотели разведать, что нам предстоит; поискать

сокрытое в глубинах земли. Несколько раз мы пытались... и не нашли ничего, кроме черноты — сплошной черноты, полной горячего ветра. Но мы не сдавались, и однажды случилось иначе: после долгого падения во мглу та вдруг расступилась. Снизу било сияние — такое яркое, что его источник был едва различим. Насколько мне удалось рассмотреть, это был огромный столп огня; со всех сторон его ограждали щиты из прозрачных кристаллов, каждым из которых можно было бы накрыть Олмо Лунгринг целиком. Несмотря на эти заслоны, в воздухе летало множество искр. Скоро я понял, что они не выходят из пламени, а падают в него — прямо в пасть, раззявленную у основания хрустальной горы. Это был не огонь — это было то, что вы зовете Эрликом.

Тогда мое самодовольство сменилось страхом. Такое чудовище никому не удастся поставить себе на службу! Оно слишком сильно, слишком огромно; оно поглотило многих Лу, и ньен, и вепвавет. Все ремет, пораженные болезнью, стали его добычей. Вот почему я не нашел ни одного из них на дереве душ.

Ун-Нефер замолчал, будто заново вспоминая увиденное; вверху уныло свистели сквозняки, но даже это было лучше, чем тишина.

— А что случилось потом?

— Порыв ветра швырнул нас с Селкет обратно. С тех пор я ни на миг не забывал об этой твари... И знаешь, чего я боюсь больше всего?

— Быть съеденным ею?

— Нет, не этого. И даже не того, что случится с Олмо Лунгринг. Я боюсь, что она сможет выбраться отсюда. Покончит с этой планетой и отправится дальше: глотать солнца, осушать млечные пути, опустошать другие миры — Старый Дом, Новый Дом, Ульи... миры, имен которых я даже не знаю: сколько их еще во вселенной? Поэтому нужно остановить ее сейчас, пока она копит силы, пока не вышла из своего хрустального кокона... — лха снова коснулся лба, будто мучаясь головной болью, и пробормотал. — Пока это еще возможно.

Лапы больше не желали держать меня; под грузом мыслей голова сделалась тяжелой, как груженная камнями повозка. Протяжно вздохнув, я присел на холодную, влажную ступень рядом с Железным господином, почесал в затылке, а затем спросил:

— Но как Стена поможет от чудовища? Пускай она согреет землю, пускай станет прибежищем душ — оно-то никуда не денется! Его надо убить прежде!

— Убить его... Проще выпить море.

— Что же делать?

— Видел спящих? — невпопад ответил он.

— Женщин и мужчин внизу? — я вспомнил разбухшие, пахнущие гнилью тела, туго перетянутые бинтами, замурованные в зеленый лед. — Видел.

— На них заклятье, которое я придумал. Оно как бесконечный узел, — тут Ун-Нефер крепко переплел пальцы правой и левой ладони, — замыкает разум в самом себе. Это сон, от которого невозможно проснуться; замок без ключа; башня без дверей. Дважды и трижды рожденные ремет стали первыми, на ком я его испытал, но это вышло случайно. Я готовил заклятье не для них. В тот день, когда Стена будет закончена и приведена в действие — в день, когда я стану не нужен Олмо Лунгринг, — я произнесу его над собой.

— Как же это поможет?

— Ты не задумывался, Нуму, почему Железный господин всегда только один? Почему новый не появляется, пока не умрет прежний? Тварь в глубине питается всеми душами без разбора — вепвавет, зверей, демонов — но мы отличаемся от прочих жертв. Других она

просто пожирает; нас носит, как маски. Днем и ночью она осаждает нас, пытаясь завладеть мыслями и поступками...

Дрожь пробежала по моему хребту, заставляя шесть стать дыбом. Я вспомнил страшную ночь перед Цамом — ту, когда Железный господин чуть не сдался своему врагу.

— Это ее и погубит. Да, тело твари может быть под землей, но ее *йиб* здесь, — бог поднес правую ладонь к груди, чуть не касаясь золотой печати с именем. — И я стану арканом, который на нем сожмется. Когда я произнесу заклятье, мой ум будет пленен внутри кошмара, а чудовище — внутри меня. Так мы навечно окажемся заперты друг с другом; и не в сладкой дреме, как спящие ремет. Нет, нас ждет ад — такой, откуда ни мне, ни ей никогда не выбраться. Я стану последним Эрликом; и это будет достойной платой за все, что я совершил.

Я уставился на худое, усталое лицо лха. Если то, что он говорит, правда, то это страшная цена, даже за спасение мира! И страшное наказание... даже для того, кто погубил столько жизней.

— Ну а теперь, когда ты получил столь желанные объяснения, скажи, что мне делать: оставить все как есть или стереть этот разговор из твоей памяти?

— Зачем? — мрачно осведомился я. — Чтобы я не проболтался?

— Чтобы ты мог спокойно спать по ночам.

— Спасибо, обойдусь. Я предпочитаю знать, какой ценой куплен мой сон.

Железный господин кивнул — как мне показалось, одобрительно.

— Хорошо. Тогда иди. Мне нужно закончить с *сухет*.

Оставив бога возиться с чортенами, еще с утра бывшими городом Анджана, я побрел по бесконечной лестнице. Скоро еще семь великих городов южной страны падут; скоро их жителей принесут в жертву безмянному чудовищу... А если взять и рассказать обо всем, что я услышал, обитателям дворца? Если остальные ремет узнают, что скрывается внутри Стены, что они сделают с этим знанием? Тут я остановился, чтобы врезать кулаком по камню от злости — и бессилия. А что это знание сделает с ними? Перед глазами встали Камала, распластавшаяся на мятых простынях; Шаи, сбежавшей из дворца; Нехбет, бледная от страха; и Сиа — добрый старый Сиа... Когда я дошел до верхней ступени, то уже знал точно: я ничего никому не скажу.

За окнами дворца Бьяру сверкал на закате, как новенькая золотая монета; а чуть поодаль в легкой дымке синели отростки Стены, мало-помалу забирающие Бьяру в кольцо. В голове вдруг всплыли проповеди Кхьюнг о том, как сложно разрушить этот мир. Какие же шанкха дураки! Мир рушился прямо у них на глазах, а они и не догадывались.

От клокочущих в груди тревоги и гнева все валилось из лап, так что я благоразумно решил ничего не трогать, никуда не ходить, а просто забраться в кровать, выпить снотворного отвара и ждать, пока этот день наконец пройдет. Однако ж голова гудела так, что никакое лекарство не действовало. Когда по моим подсчетам уже настала ночь, я устал отлеживать бока и сел в постели. Мысли путались, как при жаре. Почему-то мне чудилось, что никакого разговора с Ун-Нефером не было, что я случайно выпил маковое молочко Камалы и только-только отхожу от тяжелого бреда. Тут же я решил, что нужно выяснить правду — а для этого следует проверить, на месте ли принесенные Железным господином чортены. Пол под босыми лапами был холодным, как лед; пришлось натянуть туфли. Шлепая подошвами, я выбрался в коридор и побрел через дворец к Мизинцу, но, когда проход внутрь

скалы открылся, не увидел привычной лестницы. Скала изнутри превратилась в колодец с гладкими стенами. Охнув от удивления, я услышал, как стократно отраженное эхо разносится в пустоте. Вцепившись когтями в стену, я перегнулся через «порог», пытаюсь рассмотреть на дне свет чортенов, но там было темно.

— В одном городе не было жителей, — раздался голос у меня за спиной; от его звука — тихого, доносящегося как будто сквозь преграду, по коже побежали мурашки. На ватных лапах я повернулся и увидел тень... Нет, лха в черных доспехах со шлемом, закрывающим лицо. — Только колодцы. Но все они были живые — вылуплялись из яйца, как птицы, росли и тянулись вверх шестью-журавлями, как деревья, старились, как звери, зарастая бородами мха и травы... Наконец, через много-много лет, дождь размывал землю, ветер разбрасывал камни, солнце выпивало воду — и колодцы умирали.

Лха подбирался все ближе, но мне никак не удавалось уловить его шаги. Вокруг него клубился черный дым, отделялся от доспехов, как чад от огня, и мешал рассмотреть очертания тела. Я моргнул, потер глаза, но это не помогло — он будто плыл по воздуху... или она? Я силился понять, кому принадлежит голос — Железному господину или Палден Лхамо, — но из-за шлема, искажающего звуки, никак не мог различить.

— Тогда один из колодцев решил: если все беды наверху, почему бы не начать расти вниз? Так он и сделал. И чем глубже спускался колодец, тем прозрачнее и вкуснее становилась его вода — ни песка, ни ила, ни привкуса лягушачьей шкуры. Шло время, и все, что было наверху, забыл умный колодец — только пил и пил себе дивную холодную влагу. Казалось, не будет конца его пути — и его жизни, пока однажды он не встретил под землей огромный старый камень, преграждавший дорогу.

Тень стояла прямо передо мной. На черном нагруднике блестело выведенное золотом имя, но я никак не мог прочитать его — знакомые значки *меду нечер* складывались в бессмыслицу.

— Колодец спросил у камня: «Зачем ты лежишь здесь, в темноте и сырости, от которых даже у вашего толстокожего племени должно ломить кости? Здесь, где даже крот и дождевой червяк не составят тебе компании?» И камень со вздохом ответил ему: «Я бы и рад выползи из своей норы, погреть старые бока на солнце, да не могу! Ведь давным-давно, когда и мира еще толком не было, боги подобрали меня с вершины холма Бенбен и заткнули мною пасть Океана. Теперь я должен лежать здесь до скончания времен, пока меня не проедят насквозь его соленые воды».

Тень склонилась ниже. Я увидел свое отражение в черном стекле шлема — испуганное, растерянное, слабое.

— «Океан, родитель всех вод, не имеет дна и никогда не иссякнет, сколько его ни пей. Вот оно, настоящее бессмертие — нужно только до него добраться!». Так подумал колодец и принялся рассказывать камню, как прекрасна жизнь наверху: как блестит сквозь ряску чешуя быстрых рыб, как щекочут песок сочные корни трав, как по утру висят в небе и теплое румяное солнце и холодная белая луна... И пока колодец говорил, ему самому захотелось еще хотя бы разок подняться наверх.

Что-то было не так! Там, где должны были быть глаза лха, за забралом горели два огня — пронизывающим, страшным светом. Я хотел вскрикнуть, но из горла вышло только сипение; хотел закрыться от взгляда, но лапы онемели и висели, как плети. А глухой голос все продолжал:

— Камень вздыхал-вздыхал и наконец не выдержал — тяжело заворочался,

приподнимаясь... тотчас черная вода хлынула из пасти Океана прямо в колодец, и была она такая чистая и вкусная, какой он никогда не пивал. Жадно глотал колодец воду — а она все не иссякала. Вот он уже полон на четверть, вот — наполовину, а вот уже и до самых краев! Вода, хлынувшая из него, размывала землю, утопила камни, разорвала корни деревьев, проглотила горы, но все текла и текла. Вот она уже плещется у самого неба: месяц скрылся в волнах, солнце и звезды погасли с шипением, как простые угли... И не осталось в мире ничего, кроме черной воды — ни камня, ни города, ни колодца.

Свет жег мне лицо, грудь... Да, кажется, сами кости и потроха! Убежать я не мог, но и выносить боль был больше не в силах. Отшатнувшись, я потерял равновесие и полетел спиной вперед в колодец Мизинца. В груди екнуло; желудок подскочил к легким; падение было страшным...

Вздрагнув всем телом, я проснулся. Дыхание сбивалось, будто мне только что довелось бегом спастись от тигра. Кругом было темно, но то была обычная, ночная темнота; никаких колодцев, никакой черной воды... Что-то блеснуло рядом; я дернулся, цепляясь за одеяло, как утопающий за соломинку, но то был просто пустой стакан со снотворным. Пожалуй, с пустырником я переборщил.

«На что похожа тайна, которую мы храним под сердцем? Может быть, на камень на груди утопленника, тянущий его вниз, через зеленую муть или бурый ил, на съедение жукам? Или на уголек, случайно выпавший из очага, от которого занимаются стены и половицы, и вот уже весь дом охвачен пожаром, и дым вылетает из окон и дверей, как стаи сизо-черных птиц? Или на суровую нить, продетую через губы, трущую плоть так, что раны воспаляются, и зудят, и никогда не зарастают? — так думал я, наблюдая, как Тримба, горшечница с улицы Зеленый хвост, вытягивает из глины гладкий яйцеобразный сосуд. Такие во множестве заказывали шены, а ремесленники Бьяру, конечно, рады были подзаработать, хоть и не знали, на кой ляд эти штуки сдались колдунам. — Может быть, тайна похожа на комара, прячущегося при дневном свете, чтобы вылететь на охоту в темноте? Или на клеймо на стриженном черепе вора, которое он прячет под шапкой?»

Тримба, прервав работу, почесала лоб грязным пальцем; на шерсти осталась яркая белая полоса. Для чортенов всегда использовали глину самого лучшего качества.

«Да, пожалуй, моя тайна — это и камень, и уголь, и отметины, и жужжащий над ухом комар; но самое главное — это ноша, которую я устал таскать с собою».

Пять лет прошло с тех пор, как я узнал правду о Стене, о болезни Железного господина и о наступающей зиме. Хотя в моей шерсти еще не было ни одного белого волоска, изнутри я весь изнашивался, как работающий без остановки механизм. То страх, то чувство вины попеременно захлестывали мысли, накручивая жилы на солнечное сплетение, как пряжу на веретено, и заставляя сердце остервенело биться о ребра. Часто ночами меня преследовал кошмар: будто я стою на площади Тысячи Чортенов, вокруг бессолнечный зимний день, когда и небо, и озеро Бьяцо одинаково серы, и вдруг передо мной появляется Зово. Он одет в черный наряд шена — не выцветший, не истрепанный, а только что вышедший из-под лап швеи; красная оторочка на запахе горит, как свежая рана. Не произнося ни слова, он жестом зовет меня за собой. В один миг, как это обычно бывает во снах, мы проходим по множеству путаных грязных улиц и оказываемся у входа в заполненное паром подземелье. Зово указывает мне на тронутую ржавчиной дверь, и я вхожу. Но стоит сделать несколько шагов вниз по лестнице, как свет за спиной гаснет, и я оказываюсь в кромешной черноте — ни звука, ни движения, ни единого пятна света — и вдруг понимаю: мне никогда не выбраться отсюда. Я останусь один в пустоте; я не смогу даже умереть. Это мое наказание, и оно будет длиться вечно...

На этом месте я всегда просыпался, но наяву было не сильно лучше. Все знали, что наступают тяжелые времена: морозы с каждой зимой крепчали, и даже незамерзающее Бьяцо по ночам покрывалось тонкой серебристой коркой, похожей на рыбью чешую. Снег на полях лежал до середины весны, хотя земледельцы и взяли в обычай ворошить его длинными палками, чтобы таял побыстрее; овцы и яки заросли лохматой, в локоть длиною, шерстью; дри давали мало молока. Так что не у меня одного — у всех вокруг не было поводов для радости, но одно дело — холод и голод, и совсем другое — неведомое чудовище, которого боятся даже боги. Бродя по улицам города, я часто раздумывал: что бы сделала вся эта смеющаяся, галдящая, смачно ругающаяся толпа, ворчливые старики, воркующие влюбленные, родители щенков, играющих на порогах лакхангов, богатые и нищие, знатные и безродные, когда бы ведали, что прямо под лапами у них притаилась тварь, готовая сожрать

их с потрохами, проглотить весь Бьяру... да что там, всю Олмо Лунгринг без остатка, будто это горстка цампы на тарелке с подношениями? И это только полбеды: что бы они чувствовали, если бы знали, что за их спасение каждый день платится кровавая цена?

Сам я был в отчаянии.

Тримба закончила один сосуд, поставила его на поднос для обжига и осторожно придавила, уплощая дно. Пока я ждал ее брата, мой взгляд скользил без цели по углам бедного жилища. Краска на стенах почти исчезла под бурыми и рыжими потеками размокшего кирпича; в соседней комнате, не отделенной даже занавеской, на полу валялась пара тощих, грязных подстилок; в дальнем углу поблескивали медные идола, грустно взирающие на засохшие торма. Все желтые: Тримба хотела денег, а не здоровья или любовных побед. Пожалуй, я бы много еще узнал о хозяйке дома, если бы пригляделся повнимательнее. Вот только к чему?.. Многие знания — многие печали.

Со временем я понял, почему Зово и Железный господин доверили мне свою тайну: по природе она была ядом, а от избытка яда нужно избавляться даже змеям. Тут-то я и пригодился, послужив пустым горшком, куда можно выкрикнуть страшные слова и запечатать крышку, пока эхо не вырвалось наружу. И мне хотелось открыться кому-нибудь: вроде как разделить несчастье напополам. Но я держался; недаром знак раскрытого рта был стерт из моего имени. Молчание стало важной частью меня, такой важной, что я был уверен: даже если ум даст слабину, тело не позволит проболтаться. Судорога сведет губы, или зубы вцепятся в язык, замкнув горло на железный замок.

Правда, один раз я все же заговорил о подземной твари, но только с Палден Лхамо, которая, конечно же, знала о происходящем не меньше брата. В одну из долгих зим, когда вьюга пронзительно выла за стенами Когтя, я спросил ее, указывая на чертежи Стены, где красных звезд становилось все больше:

— Как вы выбираете, кого запереть внутри Стены, а кого отдать той твари?

Обмакнув перо в красные чернила, богиня отвечала:

— Все зависит от случая. К примеру, кого-то задавит як; его душу подберут и спрячут в сухет. Но колдунья может в спешке напутать с заклятьем, или сосуд треснет на морозе... Тогда уже нет смысла хранить его.

— Это ведь несправедливо: так могут погибнуть хорошие и спастись злодеи.

— И кто будет судить их? Мы? Взвешивать каждое сердце, подсчитывать его добрые и злые поступки? Выслушивать оправдания?.. Уно, может, и понравилось бы такое занятие... Ну а я полагаю, что это не наше дело — награждать и наказывать. Не все ли равно: брать грешников, или праведников, или, скажем, тех, у кого на теле нет родинок и рыжих волосков? Ни один способ не будет хорошим или справедливым; лучше оставить это случаю.

Я опустил голову; в ее словах был смысл. И правда, можно ли доподлинно определить, кто достоин жить, а кто нет? Взвесить одну душу против другой и бросить негодную в пасть чудовища?..

— А что происходит с душами после того, как их съедят?

— Это не совсем правильный вопрос, — произнесла Палден Лхамо, осторожно подбирая слова: так путник, забредший в болото, проверяет посохом каждую кочку прежде, чем ступить на нее. — Я не думаю, что то существо ест их. Скорее, ткет.

— Ткет?

— Вроде того. Когда мы с братом спускались вниз, я видела, как души, попавшие ему в пасть, разогреваются во внутреннем огне, рассекаются, растягиваются и превращаются в

подобие нитей. Из них сплетается его покров — те самые хрустальные щиты, прирастающие год от года. Вот что ждет души, не попавшие на Стену.

— Но зачем это чудовищу?

— Чтобы точно узнать, придется дожидаться конца работы.

— Ладно, но как ты думаешь?..

Селкет пожала плечами.

— Может, оно пытается заговорить с нами? Но его голос наверняка находится далеко за пределами нашего восприятия: мы ведь не слышим даже бóльшей части китовых песен или писка летучих мышей, а это не кит и не мышь — нечто совершенно чуждое всему миру. Если оно хочет приделать себе язык, звуки которого мы точно разберем, довольно разумно создавать его из нас самих.

Хоть я в бытность лекарем многое повидал, но тут содрогнулся от омерзения и уже не стал допытываться, что же тварь хочет сказать. Да и не больно-то мне нужен был ответ.

Тримба плюхнула на поднос еще один чортен, окинула его оценивающим взглядом и потеряла ладонью выпуклый бок, убирая с влажной глины отпечаток большого пальца. Почему Ун-Нефер и Зово не поступили со мною так же и не стерли воспоминания о чудовище? Доставляло ли им удовольствие знать, что эта тайна бродит в моем мозгу, превращаясь из вина в жгучий уксус?.. Возможно; но подозреваю, что была и другая причина.

Однажды мне удалось разговорить моего помощника, Салена. Я давно выпытывал у него, как ему удастся узнавать скрытые причины болезней, и вот он наконец признался:

— Я... вроде как вижу их. Вокруг тел плавают такие прозрачные яйца из легкого, светлого дыма. Болезни проступают на их поверхности — как пятна или, наоборот, ярко светящиеся точки... или как завихрения, узоры и узлы. Зависит от того, что их вызвало — жар, холод или вмешательство демонов.

— Ты же говорил, что у тебя нет способностей к колдовству!

— Их и нет, — огрызнулся Сален, насупив черные брови. — Видеть-то я вижу, а сделать ни хрена не могу. Вот, например.

Он кивнул на мужчину, скрючившегося перед нами на циновке: ни с того ни с сего за один год горожанин, раньше крепкий и дородный, весь высох, облез, да еще и мучился постоянными судорогами.

— У него тут, около затылка, — Сален прикоснулся к шее страдальца; тот вздрогнул, будто от удара, — прицепился маленький лиловый червяк, с мизинец толщиной. Наверное, дре какой-нибудь. А как его изгнать, я без понятия.

Макара и Рыба, стоявшие чуть поодаль, переглянулись. Первая подошла поближе:

— Давай-ка я попробую. Я умею обращаться с дре.

Сален пожал плечами, уступая ей место. Макара разложила на полу перед больным несколько предметов: красную ленту, выдернутую прямо из гривы, серебряный колокольчик и пучок тлеющего можжевельника из курильницы. Лентой она обернула левую лапу, колокольчик и дымящиеся веточки взяла в правую. Затем положила пустую ладонь горстью на шею больного — на то место, куда указал Сален, — и забормотала что-то невнятное, при этом ударяя правой лапой о левую. Удары становились все чаще, с можжевельника летели искры, серебряный колокольчик звенел без передышки — так громко, что уши резало. Вдруг Макара сжала кулак, будто отрывая что-то от кожи больного, и швырнула прочь. Сален с испуганным криком отскочил.

— Зачем в меня-то? — возмутился он, отряхивая подол.

— А что это наш храбрец испугался маленького червячка? Может, тебя и цыпята по двору гоняют? — язвительно отвечала девушка.

Сален скривился, а я подавил тяжелый вздох. Когда она так пристально смотрела на сына шена и темные глаза лукаво блестели из-под длинных ресниц, зависть зеленой жабой выползала из моего сердца и пачкала все вокруг илистыми лапами. Но что я мог предложить Макаре? Тому, кого подвесили между небом и землей, нельзя заводить семью и детей. Да у меня даже крыши над головой не было! Если я подолгу задерживался внизу, то жил в странноприимном доме; раньше там останавливались купцы, а теперь, когда в Бьяру шло мало караванов, хозяин согласился сдать одну из комнат за полтанка в месяц. Это был тесный и темный закуток с единственным достоинством — отсутствием тараканов, кишевших на других дворах (подозреваю, здесь они просто перемерли от голода). Еще у меня был ездовой баран, за упрямство прозванный Дубиной, и стопка книг, украденных из Когтя, — короче, небогатое приданое. Оставалось только коротать вечера со скучающими женами престарелых оми...

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, я спросил у Салена первое, что пришло в голову:

— А наведенные колдовством болезни тоже видны?

— Конечно, — отвечал тот, все еще оглядывая чуба, штаны и хвост — не спрятался ли где коварный червяк? — Так же ясно, как воткнувшаяся в ляжку стрела. Колдовство оставляет следы. У этого страдальца, — тут он ткнул когтем в недоуменно почесывающегося мужчину, — вся шея вспухла от ударов Макары. Это не страшно, скоро пройдет. Но видел бы ты души шенов! Представь вывернутого наизнанку ежа: жуткое месиво, все в каких-то иглах и крючьях... уродливые твари, короче.

— А моя душа на что похожа?

Сален внезапно замялся и шмыгнул носом.

— Ты точно хочешь, чтобы я ответил?

— Иначе бы не спрашивал, — буркнул я, уже пожалев, что спросил. Мало ли в какие чары я успел впутаться, пока жил рядом с богами? А ну как моя душа выглядит будто помесь кабана, медведя и раскладного табурета?

— Ну ладно... У тебя самая заурядная душонка. Маленькая, серенькая и ничем не примечательная. Никаких следов даже самого завалящего проклятья — видимо, никому из колдунов ты не сдался.

— Вот спасибо!

— Сам спросил, — отвечал Сален, довольно ухмыляясь.

«Вот же гаденыш! И что Макара в нем нашла?.. — подумал я в запале. — Да что он вообще может? Даже не заметил маску, средоточие самых могущественных чар! Погодите-ка... Должно быть, она скрывает себя от чужих глаз, а заодно и мою душу во всем ее великолепии, которое этому дураку не постичь!»

Решив так, я немного утешился. Конечно, Сален недоучка! Неудивительно, что зрение его подводит. Только сильнейшие из колдунов, почжуты — по крайней мере, те двое, с которыми я знаком, — видели маску и даже сквозь нее. А значит, они могут увидеть и заклятья, если те вдруг на меня наложат?.. Не потому ли Железный господин и Зово не стали трогать мои воспоминания — чтобы не оставлять следов, по которым искусный противник мог бы догадаться: эти мозги уже вскрыты наподобие разграбленной ворами сокровищницы? Не приберегают ли они меня до поры до времени, надеясь использовать в каких-нибудь

хитрых кознях? Шен-то уж точно способен на это; а Ун-Нефер?..

Тримба заготовила уже полподноса горшков, а ее брат все не шел. От скуки я допил последние капли часуймы, водянистой и безвкусной, и постучал краем глиняной чашки по зубам. За маленьким окном, прилепившимся к самому потолку, медленно темнело голубое небо; облака из белых становились сизыми. На улицах Бьяру выл ветер, влажный и промозглый, такой сильный, что тяжелых ворон сдувало в полете, а легких воробьев и вовсе уносило на соседнюю махадвипу.

После того разговора с Саленом я начал подозревать, что за мною могут следить и из дворца, и из Бьяру. Поэтому я так и не решился увидеться с Шаи, хотя догадывался, где он обитает. Среди горожан ходили слухи о юродивом старике, который поселился в западных скалах, чуть поодаль от мест кремации. По слухам, он отличался скверным характером, пристрастием к чангу и крайней святостью, позволявшей ему творить чудеса: подымать камни высотой в два своих роста, разводить огонь одним взглядом и понимать язык птиц. А еще у него не было хвоста — говорят, он принес его в жертву какому-то жестокому древнему богу. Подношения старик принимал охотно, а вот почитателей отваживал — осыпал отборнейшей бранью даже шенов и оми, а однажды крепко отпинал доброго мужа, решившего помолиться о здоровье у его жилища. Добрый муж клялся, что после этого в одночасье исцелился от икоты и золотухи, отчего отшельник, разумеется, заслужил еще большее уважение в народе. Надеюсь, эта жизнь ему нравилась.

Я вздрогнул и чуть не выронил чашку, когда брат горшечницы Тримбы крикнул прямо над моим ухом:

— Господин! Спасибо, что дождался! Пойдем, я покажу тебе больного.

Мы выбрались наружу и побрели между покосившимися, покрытыми разводами нечистот домишками. При каждом повороте ветер бил мне то в лицо, то в спину, пугая гриву и выжимая слезы из глаз.

— К чему такая таинственность? — спросил я, пытаюсь перекричать свист и шум в ушах.

— Господин там очень знатный, а зараза — совсем нехорошая. Сооовсем нехорошая! — отвечал парень, смачно цокая языком. Я хмыкнул, припоминая, что взял с собою от любовных болезней. Надо сказать, мои запасы подыстожились — в последние месяцы я редко бывал наверху. Находиться в Когте было тяжело; с тех пор, как Шаи ушел, жизнь там словно остановилась. Сиа все ждал возвращения сына, и его плечи, некогда прямые, мало-помалу согнулись, а пальцы начали дрожать. Нехбет иссохла от тревоги; Камала целые дни проводила в полусне, заглушая вином и дурманом ей одной слышные голоса; Утпала все прислушивался к происходящему за горами — и, конечно же, ничего не слышал. Знал бы он, что все города южной страны покоятся теперь в основании Стены! Разве только Падма еще верила в работу, которую делала.

Мы остановились у дома, показавшегося смутно знакомым. Большой, добротный, пахнувший свежей краской... Хозяин явно не беден! Тому свидетельством и высокий забор, весь в медных звездах, с расписными воротами; их открыла женщина в ярком полосатом переднике и, вложив в лапу провожатого серебряную монету, отправила того восвояси. Во внутреннем дворе были высажены кривоватые сосны с чешуйчатой красной корой и длинными иголками. Увидев их, я вдруг вспомнил — да это же дом Ишо Ленца! Я и правда бывал здесь давным-давно, при не самых... достойных обстоятельствах. Но зачем я понадобился почжуту? Уж точно не для того, чтобы исцелять увядшие лингамы!

Суровая женщина завела меня на второй этаж и почти втолкнула в комнату, освещенную только дюжиной масляных ламп. Пока мои глаза привыкли к полумраку, нос работал вовсю: воздух наполнял запах еды, горячей, только что снятой с огня... И точно, посреди комнаты поместился стол, заставленный большими блюдами. Чего только на них не было! Горы риса, желтого от шафрана, жареные птицы в павлиньих перьях и рыбы, плавающие, как в пруду, в чане благоухающего навара, подносы с хурмой и сливами (из городских теплиц, не иначе), башни свежих лепешек и сладости, прозрачные от меда... Я беззвучно застонал, сглатывая слюну. Когда в последний раз я ел что-нибудь, кроме замешанной на воде цампы и соленого мяса, такого жесткого, будто произведший его як научился питаться камнями вместо травы, и пить камни, и дышать, вероятно, ими же!

— Надеюсь, ты мне простишь все это, — приветствовал меня Ишо, указывая на изысканные яства. Сам он развалился на низком раскладном стуле, одетый не в наряд шена, а в просторное чуба из темно-зеленого шелка. — Я, если честно, люблю вкусно поесть. Но нынче, когда каждое зернышко на счету, печься о своем брюхе — кощунство. Однако ж сегодня у меня гость, а для гостя можно и расстараться! Так что прошу, не откажись разделить со мной этот нескромный ужин.

Сказав так, он оторвал лапу какой-то несчастной птицы и засунул ее в пасть чуть ли не целиком, чтобы вытащить уже белую, чисто обглоданную кость. Следом немедля отправилась плоская супа с мелкими круглыми момо, с которой шен управился одним мощным глотком.

— Не бойся, не отравлено! К тому же эта штука все равно не даст тебе помереть.

Испачканный соком палец ткнулся в мою грудь; маска отозвалась раздраженным гудением, точно шмель, пойманный внутри цветка. Почжут тут же отдернул лапу, а я, покорясь неизбежному, сел за стол и подцепил когтем кусок баранины. Пахла она ядрено, но приготовлена была отменно. Ладно, не пропадать же добру!

Наконец, когда блюда опустели, а животы наполнились, я спросил Ишо:

— Спасибо за угощение, но ты же меня сюда затащил не потому, что тебе не с кем поужинать?

— Нет. Конечно, нет, — отвечал тот, вытаскивая пробку из узкогорлого кувшина и разливая сладкое, тягучее вино. Я почел за лучшее не торопить его и терпеливо дождался, пока шен прикончит один стакан и примется за второй. Опрокинув в пасть и его, Ишо повел лапой вокруг.

— Осмотрись-ка внимательнее.

Я завертел головой. Комната была невелика, без окон и мебели, если не считать стола, за которым мы расположились, и пары стульев. Все четыре стены, пол и даже потолок покрывала светлая ткань, прибитая на маленькие блестящие гвоздики; по ее поверхности бежал неразборчивый узор. При тусклом свете ламп я принял его за причудливую вышивку, но сейчас догадался, что это были чернильные знаки, вроде тех, которые использовал Зово, чтобы ослепить маску — Гаруду. Что же Ишо хочет этим сказать: что за нами здесь не следят или что никто не увидит, если со мною что-то случится?..

— Ага, да ты сразу понял, что к чему, — усмехнулся шен, хитро поглядывая на меня. — Значит, тебе не впервой!

— Не впервой что?

— Прятаться от Железного господина, разумеется, — отвечал тот. — Это хорошо. Я чувствовал, что не зря зову тебя.

— Что тебе нужно, Ишо?

Шен отставил недопитое вино в сторону и наклонился ко мне. В один миг он утратил свой осоловело-добродушный вид; его взгляд стал колючим и цепким, как репейник, а тело подобралось так, что ни шелковое чуба, ни слой мягкого жирка уже не скрывали таящуюся внутри силу:

— Нуму, — произнес он медленно, и я с удивлением заметил, что его голос дрожит от напряжения. — Ты бываешь в Когте и часто видишь Железного господина. И ты лекарь — а значит, разбираешься во всяких недугах. Поэтому прошу, скажи мне, как скоро он умрет?

Я замер как громом пораженный. Чего почжут требовал от меня? Он не мог не понимать, что ответить на такой вопрос — предательство, и гораздо хуже, чем заговорить среди вепвавет на языке богов! — причем для нас обоих. Да, не зря он боялся: вряд ли Ун-Нефер обрадуется, если узнает, что его шены разнохивают за его спиной!

— С чего ты взял, что я отвечу тебе?

Ишо заерзал на стуле, как будто его зад уже чуял удары розги:

— Ты знаешь, что случилось с десятью великими городами южной страны? Знаешь, что мы привезли с собою кроме детей?

Я вспомнил короб, наполненный чортенами, а хитрый колдун снова прочитал мое лицо, как открытую книгу.

— Значит, знаешь, — кивнул он. — А известно ли тебе, сколько душ он забрал? Одну десятую. Восемь тысяч жизней. Этого хватило на пять лет, но теперь он требует новых жертв. Ему нужно все больше, и это пугает меня. Нет, не подумай! Я не хочу, чтобы он умер. Я просто хочу убедиться, что все это не напрасно. Что мы убиваем не для того, чтобы кормить труп, который превратится в прах и гниль до того, как дело будет закончено... или, хуже того, сожрет нас самих.

Я уставился на Ишо во все глаза. Вот, передо мною один самых могущественных колдунов, один из подлинных правителей Олмо Лунгринг; и он трясется от ужаса! А между тем шен бормотал посеревшими губами:

— Когда все это только начиналось, много лет назад, я верил в то, что мы делаем; верил, что мы спасаем мир и это оправдывает любое зло, любые грехи, которыми я замарался. Но теперь я думаю... Я не могу не думать, Нуму — в этом моя беда! Почему я сам хочу, чтобы этот мир продолжал существовать? Это просто! Здесь живут те, кого я люблю. Здесь мой дом: сад с соснами, стол с отменной едой и дорогим вином, моя кровать, на которой хорошо поспать до обеда. А у него ничего нет! Он пришелец. Так что ему за дело до нас? Не ложь ли все, что он говорит? Не спасает ли он только себя?..

— Прости, если обижу, — отвечал я. — Но я могу задать те же вопросы и шенам. Дом и стол — это все мило; но я на своей шкуре понял, что вам нет дела до остальных. Не ты ли, Ишо, собирался убить меня, еще щенка, просто за то, что я оказался не в том месте не в то время? И убил бы, без колебаний или раскаяния. Так чем вызван твой интерес — заботой о мире или тем, что ты ждешь момента, чтобы ударить в спину надоевшего хозяина? Если последнее, то не советую... Для твоего же блага.

Странно, но моя гневная отповедь пришлась почжуту по душе. Он одобрительно покивал и отхлебнул еще вина.

— Все, что ты сказал, крайне разумно. Я бы, конечно, убил тебя тогда, у порога месектет. Хотя до сих пор ума не приложу, как я мог не заметить чужой запах на быке... Тебя вела судьба, Нуму, не иначе! Но мне все же есть дело до мира. Если ты позволишь, я

хотел бы рассказать одну историю, — и, не дожидаясь моего согласия, Ишо продолжал. — Это случилось во второй год моей учебы в Перстне. Среди учеников постарше был один по имени Пудеу Гьята — здоровенный и злобный детина. Он не был особо умен или одарен в колдовстве, но в обращении с ваджрой, дубиной или копьем не имел равных. Он стал бы прекрасным охотником на чудовищ, но увы! Демоны в Олмо Лунгринг к тому времени почти перевелись, а потому ему пришлось изыскивать другое применение своим способностям — например, издеваться над учениками послабее. Я, разумеется, стал одной из его жертв, потому что был толстым и рыжим и смешно визжал, когда он дергал меня за хвост, чуть не вырывая тот из крестца. Что ж! Первый год я покорно сносил издевки, штопал разорванную чубу, вычесывал кашу из гривы и прикладывал снег к расквашенному носу. Но в конце концов мне надоело.

Я знал, что по вечерам Пудеу пробирается в кладовую при старой гомпе и упражняется там — то есть измывается над старым и потрепанным чучелом Лу. Думаю, ты видел подобные пугала в Перстне: вроде здоровой кишки из кое-как скрепленных костей, ткани, проволоки. Эту-то штуку Пудеу и избивал всем, что под лапу попадет. Однажды я подслушал разговоры старших учеников о заклятьях, туманящих разум, и мне пришла в голову отличная мысль! Не буду утомлять тебя подробностями, скажу только, что мне удалось выкрасть у учителя свиток с наставлениями об изготовлении печати, внушающей неодолимый ужас.

На следующий день, еще до рассвета, я встал с постели, подхватил сумку со свитком, чернильницей, ножом, иглой и мотком ниток и, дрожа от волнения и холода, пробрался в кладовую. Найдя чучело, я распорол его «грудь», развернул свиток, открыл чернильницу, чуть не расплескав от волнения все содержимое, и трясущимся пальцем начал выводить на деревянных ребрах Лу линии и закорючки. Вдруг чей-то голос раздался у меня за спиной:

— Что ты делаешь? — спросил он. Я чуть язык не откусил от страха! Оказывается, следом за мною из спальни прокрался Чеу Луньен... Тогда его, впрочем, звали просто Крака — Сорока: потому, что он явился в Перстень с перьями на голове, и потому, что трещал без умолку.

Слушая Ишо, я хмыкнул; значит, вот какое прозвище Зово носил в детстве! Надо запомнить — вдруг еще доведется с ним встретиться.

— Сначала я испугался, что он выдаст меня, но Луньен просто стоял, пялясь на свиток своими рыбьими глазами, а потом спросил:

— Почему ты просто не вселишь в чучело демона?

— По кочану! — огрызнулся я. — Пудеу надает ему по сусалам, и все. А я хочу, чтобы у гада хвост отсох от страха!

— Аа, — протянул Крака. — Если хочешь прямо сильно его напугать, тогда вот здесь надо нарисовать иначе... как будто раскрытая ваджра, а не закрытая.

— Тебе-то откуда знать? — буркнул я. — Мы еще не проходили это заклятье!

Но у Краки на все был готов ответ.

— Это же просто! Все в самой печати. Вот тут как бы сердце, и от него корнями идут три больших сосуда. А на сердце сидит паук; вот его голова, и брюхо, и лапы. Он впился жвалами в мясо, а лапами дергает сосуды. Так он отравляет мысли и запутывает движение поддерживающих ветров в теле. На самом деле, если переместить лапу вот сюда, получится даже лучше...

И он начал водить когтем по бумаге, показывая, как усилить заклятье, а потом, заявив:

«Сделай так, и Пудеу точно обмочится со страха», — отправился восвояси.

Я уставился на свиток; теперь, как бы мне ни хотелось, я не мог не видеть паука — мерзкое, черное существо, повисшее посреди печати, выжидательно перебирая лапками. Наконец, отбросив сомнения, я снова обмакнул палец в чернила и принялся за работу. Закончив, сшил чучело и вернулся к еще спящим товарищам.

Вечером, когда Пудеу должен был удалиться в чулан, я так и вился поблизости, точь-в-точь муха над медом. Ждать долго не пришлось: скоро из клетушки раздался крик.

И какой! Это был истошный, пронзительный вопль, который все длился и длился — минуте, не меньше, а потом перешел в звенящий визг. У меня внутри все похолодело; что я натворил? К гомпе уже бежали другие ученики и взрослые шены. Я увидел в толпе и Луньена; он довольно улыбнулся и даже, кажется, подмигнул мне. Двое шенов зашли в чулан и скоро вывели оттуда Пудеу. Но на что он был похож! Морду обсыпала седина; глаза распахнулись так, что веки почти исчезли; из раскрытого рта на грудь капала слюна... И при том Пудеу продолжал визжать, хоть и тише; из его легких будто бы выдавливали воздух через крохотную дырочку. И да, Крака не соврал — он обмочился.

Там, в чулане, Пудеу не просто испугался, нет. Не знаю, что он увидел, но это лишило его разума. Его увели; а следом осторожно, на железных крючьях, вытащили чучело, распорол кривые швы, наложенные мною впопыхах, и нашли чернильного паука. Взрослые шены собрались вокруг, рассматривая его и что-то обсуждая шепотом. Затем один вышел вперед и обратился к ученикам:

— Вытяните-ка лапы! — а затем пошел сквозь толпу, осматривая ладони; как я ни старался отереть пальцы о чубу, меня вычислили по грязи под когтями. И знаешь, что было дальше?

Я пожал плечами, не понимая, к чему шен ведет.

— Меня не наказали. Ну, ударили пару раз палкой, но это не считается. Шенов больше интересовало, как я догадался изменить печать. Кое-кто даже похвалил за находчивость.

— А Чеу Луньен не возражал, что ты присвоил его заслуги?

— Нет, — хмыкнул Ишо, бултыхая густой жидкостью в стакане. — Он был слишком гордым, чтобы трястись над каким-то заклинаньем. Для него это была мелочь, которую не жалко и подарить... вроде как бросить медяк нищему.

— Хорошо, но к чему мне знать все это?

— К тому, Нуму, что каждый раз, когда я разбиваю *сухет* или, если желаешь, заносу пурбу, чтобы убить щенка, оказавшегося не в том месте и не в то время, я слышу этот звук: отвратительный, жуткий крик сломанной души. Это не дает мне забыть, что бывает, когда слишком увлекаешься целью и забываешь о средствах. Поэтому можешь не отвечать на мой вопрос. Я не буду допытываться. Не говори мне ничего про Железного господина, забудь, что я спрашивал. Но если вдруг заметишь, что болезнь берет над ним верх... Прошу, поступи правильно.

Как бы я ни старался быть бережливым, мешочки, бутылки и коробочки с редкими лекарствами, принесенные из Когтя, пустели с пугающей скоростью; от многих осталась только горстка цветной пыли или пара мутных капель на дне. Давно пора было навестить небесный дворец и пополнить запасы, но я откладывал это так долго, как мог. Жизнь здесь, внизу, была как сон — не особо сладкий, не слишком связный, но хотя бы дающий забыть. В моей голове крепче, чем гвоздь в доске, засела мысль: «Как только вернешься в Коготь,

как только займешь свое место подле богов, рядом с Железным господином, рядом с его сестрой, тебе уже не отвертеться. Во всем, что они сделают с твоего молчаливого согласия, будет и твоя вина».

Стоило подумать об этом, меня начинало трясти, как дарчо на ветру. Тогда я повторял — снова и снова, то беззвучно, то вслух, — что ничего не могу изменить. Положим, я пошел бы на перекрестки Бьяру кричать о том, что знаю: о черном жернове, об утопившихся в Бьяцо, о городах южной страны, о душах чудовищ и вепвавет, вперемешку лежащих в основании Стены. Недолго бы мне кричать! Но допустим, кто-нибудь успел бы услышать и поверить. Что бы случилось дальше? Восстание? Шены с легкостью подавят его. Теперь-то я понимал, зачем щенков в Перстне с малолетства учат обращаться с оружием. Все эти копья, стрелы, мечи, булавы, кхатанги, тесаки, кинжалы и косы, так богато украшенные нитями драгоценностей, колокольчиками и шелковыми лентами, так красиво блестящие на солнце во время празднеств, готовы в любой миг обратиться против врагов Железного господина, будь те из дыма и пламени или из плоти и крови. Слуги Перстня — это грозное войско. Да, у некоторых князей есть дружины побольше, но кто они против черных колдунов? Воробы против воронов! А впрочем, пускай шены не справятся; народ свергнет богов и перережет им глотки (им всем — и старику Сиа, и маленькой Падме; кому какое дело, что они ничего не знали?). К чему это приведет? К тому, что Стена никогда не будет закончена и все мы сгинем в надвигающейся зиме... Так я думал и каждый раз убеждался, что Стена необходима, даже если в ней кость вместо камня и кровь вместо извести. Но я не мог, не хотел признавать, что эта кровь и на моих лапах.

Поэтому я тянул до последнего... Но увы, лекарю не обойтись одним подорожником! И вот, через неделю после памятного разговора с Чеу Луньеном я нырнул в подземный ход, ведущий в Коготь. Внутри Мизинца было темно: все чортены, раньше озарявшие его нутро, уже замуровали в Стену. Сколько я ни шурился, бесконечные ступени едва виднелись в густой, свистящей сквозняками мгле; подниматься было тяжело. Прошло не меньше получаса, прежде чем я, ругаясь на чем свет стоит, добрался до входа во дворец.

Там все оставалось по-прежнему, будто я и не уходил никуда; даже стило и восковая табличка с недописанной заметкой так и валялись на незапылившемся столе. Под кроватью затаились, подошвами кверху, мягкие тапки. Эмалевые фигурки зверей и птиц пестрели на стенах; с потолка тянуло ладони-лучи золотое солнце. Вдруг до меня дошло: ведь это же детская! Почему я не занял другие покои, больше подходящие по возрасту?.. Впрочем, сейчас было не до этого. Кое-как умывшись, я порылся в сундуках и натянул тонкую рубашку зеленого шелка, малиновые штаны и чубу с широким парчовым поясом — внизу такую красоту, увы, не поносишь! — а потом отправился к Сиа. Старика обязательно нужно было проведать; к тому же с его помощью я бы быстрее управился со сборами... Вот только лекаря не оказалось на месте. Покрутившись среди врачебных механизмов ремет, тихих, неподвижных, плотно прижавших к подбрюшью листообразные лезвия и иглы, и перебрав все мелочи на полках вдоль стен, я решил отправиться на поиски. Была у меня одна нехорошая догадка по поводу того, где Сиа мог пропадать.

Идти я решил через сад. С того времени, как я бывал здесь в последний раз (всего полгода назад, кажется? Или больше?), тот будто бы стал еще гуще и диковинней. Стволы деревьев почти подпирали потолок; ветки, толстые и тонкие, изогнулись и растопырились во все стороны; янтарные плоды выглядывали из-под листьев, как чьи-то злые глаза. Через чашу одичавших растений поблескивали темно-зеленые, лиловые и багряные кусочки стекла —

витраж, украшавший противоположный конец зала. Невольно я остановился, чтобы рассмотреть его повнимательнее, как делал в детстве. Вот маленький мореплаватель в углом суденышке; легкой водомеркой он скользит по поверхности волн, а под ним ворочается гигантский змей, заполняющий целый океан чешуйчатым телом... Содрогнувшись, я отвел взгляд и поспешил наверх. Не дойдя пары шагов до спальни Камалы, прислушался: стены дворца глушили почти все звуки, но мне удалось различить слабое эхо двух голосов. Так я и думал! Сиа наверняка там, очищает кровь вороноголовой от очередной порции яда.

Однако внутри старого лекаря не было, зато я еще с порога увидел Палден Лхамо. Худая, высокая, в своих иссиня-черных доспехах она походила на тень, отбрасываемую невидимым предметом. Перед нею на кровати сидела Камала; лицо вороноголовой полностью скрывала волна спутанных волос. Ладони, лежащие на коленях, были сцеплены такой силой, что костяшки пальцев отдавали зеленью.

Селкет, заметив меня, слегка кивнула; Камала даже не пошевелилась.

— Я оставляю тебе лекарство, — медленно сказала Палден Лхамо, ставя на полку рядом с кроватью небольшую, плотно закрытую коробочку из голубой эмали. Вороноголовая не отвечала; тогда богиня взяла ее подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. — Здесь двенадцать пилюль. Пока я не вернусь, новых не будет, так что расходуя лекарство разумно. Хорошо?

Ее голос звучал ласково, но Камала застонала, отпрянув назад, закрылась ладонями и разрыдалась.

— Мне больно, больно, все время больно — а ты хочешь, чтобы я была разумной! Они кричат в моей голове, днем и ночью, и это сводит с ума! Ты не понимаешь...

— Прекрати, — оборвала ее причитания Селкет. — Я слышу все то же, что и ты, даже больше, и, как видишь, не потеряла рассудок.

Вороноголовая притихла на секунду и снова подняла заплаканные, покрасневшие глаза. Ее лицо, все еще красивое, вдруг исказила жуткая гримаса; губы растянулись в улыбке — или оскале? — зрачки скакали вверх-вниз, оглядывая Палден Лхамо, точно диковинную морскую тварь, выброшенную на берег, у которой сразу и не поймешь, где пасть, а где жабры. Наконец она прохрипела:

— Тогда как ты живешь с этим? Объясни мне, что у тебя внутри? Что это горит? Дай мне это! Дай!!!

Вдруг Камала бросилась вперед и вцепилась в доспехи богини, шкрябая по ним когтями, будто пыталась оторвать пластины брони и добраться до тела. Селкет отшатнулась, разглядывая вороноголовую с жалостью и отвращением, а потом, не говоря ни слова, вышла прочь. Я поплелся следом; не оборачиваясь, богиня неласково спросила:

— Тебе-то чего?

Смутившись, я промямлил:

— Ты дала ей пилюли из желтых цветов? Я думал, они только для твоего брата.

— Ему сейчас ни к чему. А ты зачем пожаловал в месектет? Неужели внизу закончились бурчащие кишки и вывихнутые пятки?

— Я искал Сиа; хотел, чтобы он помог мне набрать лекарств про запас. Потом я вернусь в город.

— Сиа внизу, со спящими. Иди к нему, а потом беги отсюда. Здесь одна гниль.

— Ты о Камале?

— Я обо всех, — богиня остановилась на пороге своих покоев. В спину ей светило

солнце, и от этого казалось, что багровый, плавающий от жара нимб стекает с ее темени на шею и на плечи. — В месектет льется столько слез, что скоро из каждого угла ползут грибы. Сиа плачет по сыну, Падма — по подруге, Камала плачет от боли, Нехбет — от страха, Утпала рыдает над нашими грехами... Вот чем занимаются боги, пока Олмс Лунгринг превращается в ледышку! Плачут и жалеют себя. Да и ты стал таким же.

От изумления я вздохнул с прихлебом, словно опара в квашне. О чем это она говорит?!

— Или ты сам не замечаешь?.. — Селкет откинула упавшие на лицо пряди и посмотрела на меня. Ее зрачки вспыхнули на секунду розовыми бликами и тут же погасли. — Есть в мире особый вид праведников — таких непорочных, что никогда не прольют чужую кровь, даже бычью или баранью. Ну а если нужно устраивать пир, то накануне ночью они приглашают на двор мясников и, пока те забивают яков, коз и овец, сами спокойно спят за стенами дома. Когда приходит утро, мясников гонят прочь, швыряя им в спину камни вперемешку с монетами — платой за услуги. А после хозяева встречают гостей за накрытыми столами и едят жаркое и похлебку, радуясь, что нечистота убийства замарала чужую душу. Как бы ты назвал таких святош?

— Лицемерами. И дураками, — пробормотал я, сжимая кулаки.

— Да, — кивнула богиня, а потом, будто смягчившись, добавила. — А ты, Нуму, разве из их числа? Раньше я думала, что нет; что тебе хватит смелости не отворачиваться от правды, хоть брат и убеждал меня в обратном. Но как ты поступил? Сбежал и прячешься внизу.

Из дверного проема на меня пялились десятки масок, раздув ноздри, раззявив пасти, выпучив яйцевидные глаза: глаза, раскрашенные шафраном, кармином и охрой; глаза из дерева, стекла и янтаря; глаза из золота, серебра и железа. Стыд обжег меня, как удар палки по пяткам. Да, я точно из этой породы! Из праведников, которые только и умеют, что щелкать четками и тоскливо вздыхать! Сглотнув густую слюну, я процедил сквозь зубы:

— Видимо, твой брат прав; я труслив и слаб. Я не могу жить как шены Перстня... не могу быть мясником. Но не хочу быть и лицемерным праведником. Выходит, мне остается только стать овцой. Так что убейте меня, принесите в жертву вашему подземному чудищу. Тогда от меня будет хоть какая-то польза!

Селкет засмеялась, покачивая головой.

— Вот уж нет. Живой ты полезнее мертвого. Это подтвердит любой из тех, кого ты вылечил.

— Что же мне делать?

— Решай сам.

Я уставился на богиню, не зная, что сказать. Всполохи солнца отражались в пластинах ее черных доспехов; казалось, будто она одета в огонь. Вот чего так желала Камала, вот что пыталась ухватить: жар, который согрел бы ее нутро, холодное и водянистое, колеблющееся, как волны под действием луны.

«Если слезы — это вода, а от воды растут грибы, могут ли грибы вырасти из глаз? — невпопад подумалось мне. — Что, если однажды поутру ты проснешься слепым, потому что вместо белков у тебя два мухомора и дюжина поганок вместо ресниц? Слезы лишают зрения; может, поэтому здесь все плачут — чтобы ничего не видеть. Вот что я должен сделать — выбрать между зрением и слепотой».

— Ты права, госпожа. Я сбежал, спрятался; это было малодушием. Но если я не хочу больше отворачиваться... Что я должен увидеть?

Палден Лхамо задумалась — и думала долго, прежде чем наконец ответить:

— Тебе, Нуму, не стать ни праведником, ни мясником; твоя судьба быть зеркалом. Этой ночью мы с братом отправляемся на охоту. Утпала слышал, как в Северных горах шевелится что-то живое — и большое. Мы думаем, это чудовище, уцелевшее в Махапурбах. Будь с нами и наблюдай, не вмешиваясь.

— Вы едете туда вдвоем? А как же Стена?!

— Сейчас строительство не требует нашего присутствия. К тому же мы скоро вернемся. Ну так что, согласен?

Я кивнул, дрожа от волнения — и страха.

— Тогда собирайся. Мы выходим в час Тигра.

До отъезда мне все-таки удалось отыскать Сиа и поговорить с ним немного о том о сем. Старик был явно рад, хотя и пытался держаться сурово, а мне тошно было от того, что я бросил его в одиночестве. Вот и сейчас, вместо того чтобы остаться во дворце, я должен был готовиться к отбытию. Для начала я завернул в плотную ткань иглы, ножи и склянки с лекарственными составами (вдруг пригодятся?), впихнул в дорожную сумку толстую подстилку, шерстяные штаны и меховые рукавицы, потом проверил, плотно ли пришиты пуговицы к зимней чубе и не отстают ли подошвы у сапог. Скоро все было готово; я уселся на кровати и стал ждать — и вроде как дремал, взяв погрудь подбородком, но то и дело вздрагивал, выпрямляясь.

В начале часа Тигра дверь распахнулась; на пороге стояла Палден Лхамо. Поверх извечных доспехов она надела накидку из белого хлопка; за плечами на толстом ремне висела палица с ваджровым наконечником, а на лбу лежал венец, будто из дутого серебра. Я знал, что на самом деле это не украшение, а оружие, зовущееся *уреем*.

— Пойдем, — велела богиня. Я немедленно подхватил сумку и спрыгнул с кровати. У выхода из Когтя нас уже ждал Железный господин. Он не удивился, увидев меня, — только коротко кивнул.

Так же молча мы спустились вниз, во двор белого лакханга Палден Лхамо. Две бессменные дакини, Симхамукха и Макаравактра, встречали нас внизу. Я заметил, что они ничуть не испугались подлинного обличья богов; должно быть, как и почжуты, могли видеть сквозь наведенный масками морок. Дакини привели пару лунг-та — белого и черного; с крутых боков зверей свешивались мешки с поклажей, крупы укрывали стеганные попоны, в длинных гривах пестрели хитро вплетенные нити. Мне лунг-та не полагалось, так что Селкет усадила меня в седло перед собою. Для пущей надежности я ухватился за костяные украшения в виде змеиных голов, прикрепленные к передней луке. И не зря! Было еще темно, но лунг-та сразу поскакали во весь опор; мелкие камешки со шелканьем и треском полетели из-под копыт. Кажется, звери полагались не на зрение, а только на искусство наездников.

Сначала в спину дул теплый и влажный ветер, затем стало холодно и тихо. Небо постепенно светлело; ближе к полудню мы остановились на привал. Был уже конец весны, но снег в горах лежал нетронутым, зеркалом отражая свет солнца. Там, где его было поменьше — за плоским камнем, похожим на стоящую ребром монету, — лха развели костер. Я же неловко сполз на землю и, постанывая, принялся разминать лапы; от непривычки зад болел немилосердно!

Пока я охал и ахал, лунг-та уже принялись что-то задумчиво жевать, причмокивая и

шумно вздыхая. Селкет смела верхушку ближайшего сугроба в большой котел. Часть подогретой воды ушла на то, чтобы напоить зверей; на остальной сварили часуймы. Масло и соль боги добавлять не стали — вместо этого мне выдали кусочек черно-зеленого хлебца со вкусом морской травы. Быстро справившись с ним, я решился спросить:

— Почему вы сами отправились убивать чудовище? Ведь это могли бы сделать и шены.

Это были, кажется, первые слова с тех пор, как мы покинули Коготь. Лха посмотрели на меня так удивленно, будто с ними заговорила посуда, но Железный господин все-таки ответил:

— Шены заняты на Стене. Сейчас каждый из них на счету.

— А если с вами что-то случится? Вы ведь даже не знаете толком, что прячется там, в горах.

— Не беспокойся, Нуму. Мы уже убивали чудовищ — самых разных.

На том разговор и закончился.

Первые пару дней путь вел нас вверх, по белым склонам, по перевалам и узким тропам, на которых не разминулись бы и две мыши. Чем дальше мы забирались в горы, тем медленнее двигались лунг-та. Вихри трепали их гривы и слепили глаза; снега наносило почти по грудь. А сколько раз мое сердце уходило в хвост, когда звери оскальзывались на льду и ржали от страха, задирая к небу длинные морды! Вот-вот мы сорвемся в пропасть, клубящуюся облаками в каком-то локте справа или слева! Но боги оставались спокойны. На третий день дорога наконец-то пошла вниз.

В час Обезьяны мы остановились — точнее, лунг-та отказались идти дальше. Они фыркали, и храпели, и переступали на месте, ломая копытами наст. Лха переглянулись. Селкет соскочила на землю. Ее волосы и накидка сливались с заснеженным миром вокруг. Всего пара шагов — и богиня словно исчезла среди камней у подножия ближней горы. Мы с ее братом остались ждать.

Вскоре она вернулась и, отрывисто бросив: «Лу. Две недели, не меньше», — схватила дрожащих лунг-та под уздцы. Те заупрямились поначалу, но все же послушались хозяйку. Обогнув гору, мы вышли к маленькой долине с зеленым озером посредине; галька на его берегах поросла соляным налетом вперемешку с инеем. У самой кромки воды, уткнув носы в землю, лежали два мертвых оленя. Рога самца чернели в воздухе, как корни вывороченного дерева. Шерсть на разодранных боках блестела от влажных испарений, а спины покрывал снег — судя по его толщине, они были мертвы уже давно, но разложение их совсем не тронуло... Может быть, из-за холода? Даже глаза, излюбленная пища грифов, остались на месте, превратившись в голубоватые ледышки.

— Почему Лу не съел их? — спросил Ун-Нефер, разглядывая дронгов.

— Его мог спугнуть камнепад, — предположила Селкет. — Да и какая разница?

Мы почти миновали странное место, когда меня что-то дернуло оглянуться. И вот странно! На бедре одного из оленей что-то сверкнуло — вроде маленького стеклышка или ледышки; но искорка быстро погасла, и я забыл об этом.

Логово Лу было уже близко: хотя для меня горы, снег и камни под ногами лунг-та выглядели точно так же, как и день, и два назад, боги всюду находили следы чудовища. Время от времени они привставали в седле, вытягивали шеи и втягивали воздух одновременно носом и ртом, будто пробуя его на вкус. Мне чудилось что-то змеиное в этих

быстрых, текучих движениях, в немигающих глазах, в улыбках, обнажавших короткие клыки. Изредка лха перебрасывались восклицаниями на таинственном языке, состоявшем из свиста и пощелкиваний. Разгадать его смысл было несложно. «Скоро! Уже скоро!» — повторяли они и подгоняли лунг-та. Эта спешка, и яркий румянец их щек, и почти невыносимый жар, идущий от тела Селкет, пугали меня. Все чаще я вспоминал недавний разговор с Ишо. Может быть, умный почжут примечал в богах то же самое — и так же испугался?..

На закате пятого дня мы остановились на ночь в пещере или, скорее, выбоине на теле горы, длинной, но неглубокой. Отсюда хорошо видно было и луну, медленно бредущую по небу, и долину внизу, из-за снега похожую на клок белых волос, застрявший в частом гребне гор. Я жался к огню, пытаюсь привести мысли в порядок, и вертел в пальцах сухой хлебец — *те*. Решив, что мне надоел его пресный вкус, Палден Лхамо сказала:

— Мне кажется, рядом прыгает заяц. Я принесу его — сможешь сделать жаркое, — и тут же скрылась в темноте, оставив на земле недопитую чашку часуймы. Говорят, если поешь с кем-то из одной тарелки, увидишь его сны. Может, с питьем это также работает?.. Но лезть в голову богини было бы глупо. Я хмуро покосился на треклятую посудину и повернулся так, чтобы вовсе ее не видеть.

— Вот и правильно, — вдруг нарушил молчание Ун-Нефер. — Есть и другие способы узнать правду — для начала, можно просто спросить. Вот так.

Он склонил голову набок и медленно произнес:

— Зачем ты ходил к Чеу Ленца?

В один миг я затрясся всем телом; зубы стукнулись друг о друга с такой силой, что, будь они кремнями, вышибли бы сноп искр.

— Бедный Ишо! — вздохнул бог с притворной печалью. — Обвешал весь дом тряпками и оберегами, но забыл о том, что золото иногда служит не хуже чар. Так зачем ты был у него?

— Он страдает от постыдной болезни, — пробормотал я, не зная, что еще соврать. — Мошонка у него раздулась, как жаба по весне. Потому он и хотел сохранить все в тайне!

— Не ври мне, Нуму, — ласково произнес Железный господин; но я-то знал, чего стоит эта ласка! Стоит ему пожелать, и он вскроет мою голову, как ракушку, чтобы выудить из нее жалко трепещущие комочки воспоминаний. Страшное подозрение вдруг пришло на ум: не для того ли боги позвали меня в это дикое место, чтобы выпытать все, что я знаю, и бросить умирать? — Может, ты думаешь, что я велю его казнить? Этого не случится. У меня осталось слишком мало времени, чтобы менять почжутов. Чеу Ленца предназначено важное место в новом мире, и он займет его. Поэтому отвечай без страха: о чем он говорил с тобой?

Что было делать? «Если я продолжу упираться, признание вырвут силой, а это не принесет добра ни мне, ни Ишо... ни Шай с Макарой, — думал я. — Значит, нужно рассказать правду, но рассказать так, чтобы причинить как можно меньше вреда».

— Я верю тебе, господин! Но и ты поверь: я не знал, что иду к Ишо. Он зазвал меня обманом... чтобы расспросить о тебе.

— Что же он спрашивал?

Тщательно выбирая слова, я отвечал:

— Ишо хотел знать, не берет ли болезнь верх над тобой.

— И что ты ответил?

— Я не стал отвечать; просто ушел.

— Зачем он спрашивал, по-твоему?

— Я, конечно, не могу знать точно... Но мне показалось, у Ишо благие намерения. Он возлагает все надежды на Стену, но, если с тобой что-то случится, они будут напрасными. Он боится этого и всего лишь хочет, чтобы кто-то развеял его страх.

Несколько долгих секунд Железный господин смотрел в огонь и только собирался спросить еще что-то, как вернулась Селкет с добычей — большим жирным зайцем. Тот был еще жив: бока бурно вздымались, выпученные глаза вращались, словно пара жерновов. На мягкой шерсти не было ни ран, ни крови, но когда богиня бросила зверька мне в подол, он остался лежать неподвижно.

— Это должно быть вкуснее *те*.

— Да... спасибо, — пробормотал я, тупо уставившись на подарок. Мне вовсе не хотелось жарить и есть его, но как было отказаться? Крепя сердце я сжал лапы на теплом тельце и крутанул в разные стороны, сворачивая бедняге шею. Теперь следовало распороть шкуру; в поисках ножа я поднял голову — и встретился взглядом с Железным господином. Зрачки лха блеснули фосфорной зеленью, как у ночных хищников. Вдруг, ни слова не говоря, он поднялся с места и ушел в темноту.

— Что случилось? Ой! Ведь «Ун-Нефер» можно перевести как «Красивый Заяц»[1].. Может, он обиделся? — всполошился я, указывая на мертвого зверька.

— Нет; просто перед охотой брат немного... не в себе, — тут богиня постучала указательным пальцем по виску; у ремет это жест означал помутнение рассудка. — Вот и боится сделать какую-нибудь глупость.

— Какую, например?

— Сожрать твою душу? — ухмыльнулась Селкет и пригубила остывшую часуйму. — Да ладно, не трясись. Я бы его остановила; не для того твой лотос цвел.

Я закатил глаза, даже не пытаюсь притворяться, что не заметил издевки.

— Это из-за болезни?..

Она молча повела плечами, наблюдая из-под ресниц, как я бросаю в кипящую воду кусочки заячьего мяса.

— А что насчет тебя, госпожа? Ты ведь тоже участвуешь в охоте.

— Да, но не ради развлечения. Что мне за дело до зайцев, змеев и прочей живности? А вот если мой братец ненароком свернет себе шею, я тоже умру. Приходится всюду таскаться за ним.

— Не слишком-то ты его любишь.

— Как и он меня.

— У вас ведь одна душа... Не пойму, почему она так странно разделилась?

— Полагаю, это расплата за нарушенный запрет. Помнишь, я рассказывала тебе когда-то, как отравилась желтыми цветами и попала в темноту? Та держала очень крепко; пока я вырывалась, душа могла треснуть пополам, наподобие истончившейся ткани. Вот и родилось у Наунет двое детей вместо одного.

— Наунет — это твоя мать?

— Мать, сестра и внучка. С перерождениями все становится довольно запутанно.

— А кто был твоим отцом?

— Мой брат и внук. Но зачем тебе эти скучные родословные, Нуму?

— Почему же скучные, — протянул я, собирая черпаком белую накипь. — Мне нравятся истории о прошлых жизнях.

— Тогда могу рассказать другую, получше — историю об охоте, — Палден Лхамо

дождалась, пока я согласно закивал, и продолжила. — Ты уже знаешь, что во второй жизни я много училась колдовству у вепвавет. Чтобы собрать все знания, какие только водились внизу, я дошла до самого края земли — туда, где от холода замерзает даже соленый океан. Там нет ни дерева, ни меди, ни железа: народ живет в домах из китовых костей, режет мясо костяными ножами и украшает грудь костяными бусами. Меня взяла в ученицы колдунья, такая старая, что шерсть у нее вся повылезла, а груди отвисли почти до пупа; но она была очень, очень умна. Два года я провела с ней, пока не пришло время последнего испытания: колдунья велела убить водяное чудище, которое в Олмо Лунгринг зовут «макарой», а на севере — «кэрэткун».

Я пришла к океану, без доспехов, даже без одежды — так велел обычай — взяв с собой одно копьё. На берегу плескались тюлени. Я выбрала самого большого и жирного из них и убила, проткнув ему шею у основания черепа; потом села на лоснящуюся спину, погрузила левую руку в рану и сказала нужные слова. Мертвый тюлень поднял голову и пополз к воде; верхом на нем, сжимая копьё свободной рукой, я заплыла далеко на глубину. Найдя прочную льдину, я взобралась на нее, а труп столкнула в воду. Запах крови должен был приманить чудище.

И правда, скоро под водой сверкнула чешуя — каждая чешуйка размером с огромное блюдо. От взмахов лучистого хвоста льдина подо мной заплясала, как пьяница на свадьбе. Макара проглотила тюленя целиком и уже хотела уплыть, но я позвала ее особым, тайным именем — и тварь вынырнула, шумя ноздрями-раковинами и потрясая седой бородой, в которой может запутаться даже кит. Потоки воды и куски льда обрушились с ее тела, но я устояла на ногах и швырнула в макару копьё. Оно полетело точно в цель — в огромный глаз без век и ресниц; пораженный, он стал убывать, будто страшная желтая луна.

В ярости макара раззявила пасть и бросилась на меня. Я успела отскочить: тварь вгрызлась в толстый лед; тот хрустнул легко, как косточки селедки. Не достигнув цели, макара затрясла головой; пока она не опомнилась, я побежала навстречу, ступая по разбросанным на воде осколкам льда, и вырвала копьё из глазницы. Чудище встрепелось, поднимая сильные волны. Я была точно рыбешка в котле: вода кругом кипела, и лед убегал из-под ног, как капли жира в ухе убегают от ложки. Пытаясь не свалиться в океан, я даже наступила на спины селедок, огромной стаей пронесившихся мимо; готова поклясться, что на их печальных рылах проступило изумление! И все же в конце концов я упала на чудом уцелевший кусок льда, а макара нависла надо мною, окропляя все вокруг слюной и кровью...

Еще немного и она проглотила бы меня; но, собрав остаток сил, я выкрикнула заклинание, которому меня научила старая колдунья, и запустила копьё прямо в открытую пасть чудища. В мгновение ока и наконечник, и древко исчезли в глубине огромного тела. Тварь взвыла и забилась от боли, причиненной оружием и колдовством. Вилась в воздухе длинная шея, хлопали прозрачные плавники... В лицо летели едкие брызги; я зажмурилась и вцепилась в льдину, пережидая. Наконец стало тихо; мертвая макара плавала на поверхности океана, точно сказочный остров. Ее усы были как стебли длинной белой травы, кожа — как залежи серебра, а хребет, украшенный изодранным гребнем, — как красные дарчо, развевающиеся на ветру. Тогда я взошла на спину макары и, оседлав ее, как раньше — тюленя, добралась до берега.

Там уже ждала моя учительница. Она тоже держала в лапе копьё и тоже была обнажена — только на бедрах болтался пояс с кожаным мешком. По всему телу старухи, почти лишенному меха, были набиты грубые татуировки. Линии и пятна расплылись от времени;

краска, когда-то бывшая синей, выцвела до бледно-голубой.

— Что скажешь? Я прошла испытание? — спросила я. Колдунья недоверчиво пнула вывалившийся наружу язык чудища — длиной в две или три здешние лодки. Обождав пару секунд, она ловко подцепила и подперла копьём верхнюю челюсть великана, а потом взошла по языку, как по лестнице, прямо в его раскрытую пасть. Тело женщины парило на морозе; от этого казалось, что мертвый зверь выдыхает ползучие облака.

— Госпожа! Я прошла испытание?.. — второй раз спросила я, но старуха не обратила внимания на оклик. Кряхтя и чертыхаясь, она уселась прямиком на язык трупа, поджала под себя лапы, поелозила ссохшимися бедрами, устраиваясь поудобнее, и только после этого посмотрела на меня. И тогда я в третий раз повторила:

— Я прошла испытание?

Старуха молчала — казалось, она даже не дышит. Свет, сочившийся сквозь зубы макары, становился все бледнее; скоро здесь, на краю мира, должна была начаться долгая, холодная ночь. Вдруг треснули большие запястья — женщина запустила лапы в мешок и достала из него костяной нож, изогнутый полумесяцем. Затем она указала мне на место подле себя. Пригнувшись, я забралась в рот макаре и села в ногах колдуньи, как ребенок, которому сейчас будут плести косу.

И правда, старуха собрала мои волосы в кулак, натянула и обрезала их у самых корней, после чего принялась скоблить костяным серпом мою голову — не слишком-то бережно! Но пришлось потерпеть и помолчать, потому что она наконец заговорила:

— Жил раньше охотник — хороший охотник с добрым копьём, бившим без промаха. Однажды он решил отправиться в место, где никто никогда не охотился, — на гору, которая была из чистого железа...

— Откуда ты знаешь, что такое «железо»? — не удержавшись, спросила я.

— А чего мне не знать? Это как кость, только прочнее, — буркнула колдунья. — Охотник пошел на железную гору, заросшую черным лесом. В том лесу было много зверей и птиц, так что в первый же день он богато поживился. Но тогда охотник подумал — если пойти дальше в лес, не выйдет ли еще лучше? И правда, на второй день ему попался олень, жирный, как морж, а на третий в его силки набилось столько белок и лис, что хватило бы на шубы для всех соседей! Вот так охотник заходил все глубже и глубже в чащу, волоча за собой добычу и пригибаясь под ее тяжестью так, что мох щекотал живот...

Тут старуха снова потянулась к мешку на поясе и достала выдолбленный моржовый бивень, в котором хранилась синяя краска. Обмакнув в нее острый конец ножа, она легонько ткнула им в мою макушку — и еще раз, и еще, — и при том продолжала рассказ.

— Но однажды ночью охотник почувал дыхание, пахнущее сырым мясом, — его костер обступили волки. Их глаза блестели в темноте — сотни, сотни глаз между деревьями! Охотник замер, скованный страхом. Его верное копьё было далеко, а волки — близко. Вдруг звери взвыли разом — и он кинулся бежать, не различая дороги... Но волки не отставали! Охотник слышал, как хрюкают их носы, выискивая его след, чувствовал сладкий запах ягод, раздавленных их лапами, и горькую вонь намокшей шерсти, а стоило ему оглянуться, видел сотни бледно горящих огней — голодных волчьих глаз. Потому он бежал и бежал, подымаясь все выше на железную гору, а ночь все не кончалась...

Старуха вынула из мешка второй бивень, наполненный резко пахнущей мазью, и, зачерпнув щедрую пригоршню, принялась втирать в мой свежесбранный череп. Мазь жгла немилосердно; жутко хотелось выругаться, но я боялась даже охнуть прежде, чем

учительница договорит.

— Лапы охотника сбились до крови; все тяжелее было дышать. Железная кожа горы страшно гудела и гремела под ним... Но волки все не отставали — каждый раз, оборачиваясь, он видел их глаза, глядящие из темноты, все ярче, все больше, все ближе! Наконец, охотник оказался на самой вершине горы и там упал от усталости. Тут же волки склонили над ним косматые черные головы, вперили ослепительные, огненные глаза... «Вот сейчас, — думал он, — они набросятся на меня и разорвут на части». Но время шло, а волки все не нападали. И вдруг охотник понял, что смотревшие на него глаза — это звезды, а звериная шерсть — облака, бегущие по ветру! Вокруг была лишь ночь. Он остался один... Один на самой вершине железной горы.

Старуха спрятала в мешок бивни с краской и мазью, костяной серп и пук отрезанных черных волос, поднялась с жутким кряхтением и поплелась прочь.

— Ты прошла испытание, — бросила она через плечо, уже выйдя из пасти макары. Завтра я закончу узор, и тогда — убирайся прочь.

Но я должна была услышать историю до конца, а потому окликнула ее.

— Что стало дальше с тем охотником?

Колдунья не стала ни оборачиваться, ни повышать голос — казалось, ей все равно, услышу ли я. Вот что она ответила:

— Когда охотник понял, что волков вокруг уже нет, он вздохнул с облегчением и закрыл глаза. В этот миг ночь раскрыла пасть и сожрала его.

— Он здесь! — бросил Ун-Нефер, появляясь в круге костра.

Близнецы обменялись быстрыми взглядами.

— Ждать до утра? — спросила Селкет. — Или идти сейчас?

Где-то внизу засвистел, завыл ветер — и тут же защелкали камешки, осыпаясь со склонов, будто костяные бусины с порванной нити. Не сговариваясь, лха схватились за ваджровые дубины и в два шага оказались на краю уступа, выпирающего из крутого бока горы. Венцы на их головах зашевелились: от серебряных обручей отделились змеиные рыльца на тонких извивающихся шейках — три спереди, три сзади.

— Оставайся здесь, — бросил мне Железный господин и прыгнул вниз; за ним последовала и Палден Лхамо. Похолодев от ужаса, я бросился к обрыву, но боги, конечно, не разбились: они скользили по почти отвесному склону, и широкие накидки распускались за их плечами, будто крылья летучих мышей. Селкет держалась засыпанных снегом прогалин, Ун-Нефер — пятен крошечной темноты. Скоро я совсем потерял их из виду, но зато кое-что другое привлекло взгляд.

На другом конце долины торчала скала, похожая на кусок подтаявшего снега. Ветер и дожди проели ее насквозь, так что острая вершина расщепилась, разошлась на несколько зубчатых рогов; у основания раззявили рты пещеры. На одну из них я и уставился — мне померещилось, что оттуда идет свет. Или это луна скользнула бледными лучами по кусочкам слюды? Но нет, свет становился все отчетливее! И боги тоже заметили его. Бесшумно и осторожно они подбирались к скале, а их искаженные, длинные тени тянулись следом, набухая синевой и водянистой зеленью. Неясная тревога овладела мной; стало сложно дышать. Вдруг с ужасным грохотом щербатая скала взорвалась! Осколки полетели во все стороны, усеивая долину, как зерна ячменя. Уже ничем не сдерживаемое сияние хлынуло из-под земли, и тогда я узнал его — это был страшный, негреющий огонь, который горел над

постелью Железного господина в ночь перед Цамом. Он не просто озарял мир, он проходил предметы насквозь: могучие горы таяли в нем, как мутноватые ледышки. В их глубине я различил пестрые жилы меди и блеск золотых самородков, жабры и плавники неведомых тварей и черные озера горячего масла, в честь которого мне дали когда-то имя; а когда я глянул мельком на лапы, то увидел собственные кости, белеющие среди студенистых мышц.

А потом явился и источник этого всепроникающего света. Огромный змей выползал из груд развороченного камня подобно реке из ребер, позвонков и чешуи. Он был длиной в тысячу кораблей — и не легких суденышек рыбаков, а тех громадин, что везут купцов и их товары по великой реке Ньяханг; его шея толщиной превосходила дозорные башни дзонгов, а зубы выступали из пасти на добрых пять локтей; но не это испугало меня. Куда страшней было то, что тело змея покрывали наросты прозрачных кристаллов: они густо облепили его лоб, щеки и подбородок, вытянулись из затылка и темени наподобие рогов оронго... Даже из глазниц пробивались ветвящиеся наподобие кораллов драгоценности! И это еще не все: переливающиеся самоцветы торчали из его боков и брюха, разрывая кожу острыми гранями так, что во многих местах она висела ключьями. Мне пришло на ум, что нечто похожее я видел раньше, когда шены вырыли на полях Бьяру череп Джараткары, первой из Лу, убитой первым из Эрликов...

Змей вздохнул, с сипением пропуская воздух сквозь заросшую хрусталем глотку; слепая морда повернулась к долине. Со скрипом и хрустом разошлись окаменевшие челюсти; чудище раззявило пасть и закричало — но звука не было; вместо этого был удар. На мгновение мир ушел у меня из-под лап... а потом я обнаружил себя лежащим на полу в самой глубине пещеры. В ушах звенело; по шерсти текла кровь, хотя я никак не мог понять, откуда она взялась. Рядом перебирали копытами испуганные лунг-та; но что случилось с богами? Медленно, по-черепашьи я подполз к краю пещеры — лапы не слушались, голова моталась из стороны в сторону. Только оперев челюсть на плечо и весь извернувшись, я смог рассмотреть, что творится внизу.

Снег в долине исчез, сметенный змеиным воплем, как и изрядный кусок горы, на которой располагалось наше убежище. Но внизу, на оголившейся земле, я заметил две тени, скользящие между упавших с неба валунов с ловкостью жуков-водомеров. Значит, Железный господин и Палден Лхамо еще живы! Хорошо.

Я пытался держать глаза открытыми, но веки налились неподъемной тяжестью, точно грузила на шее утопленника. Когда мне удавалось разлепить их, я видел, как беснуется змей, трясая мощной шеей, и как летают вокруг него тонкие, рдеющие во мгле паутинки. Одна за другой десятки, сотни, тысячи красных нитей цеплялись за сверкающие кристаллы, за ключья костяной бороды, за шипастую чешую чудовища, заставляя его все ниже пригибать голову. И вот подбородок змея почти коснулся земли, и кто-то из богов наступил ему на нос, заноса над врагом сияющее копьё...

Второй удар был сильнее первого. Горы затряслись, как подсакивающая на рытвинах телега. Все потроха во мне будто перемешались; кровь хлынула из горла прямо на чубу. Хуже того! Сам уступ, на котором я распластался, заскользил вниз, утягивая меня следом. Вокруг грохотали, подсакивая, куски камня и льда. Чтобы не упасть, я так крепко вцепился в движущуюся глыбу, что выдрал пару когтей с мясом; но что толку? Когда уже казалось, что я вот-вот расшибусь о дно долины, кто-то поймал меня за шиворот и дернул вверх. Скопив глаза, я увидел Палден Лхамо: ее оружие, ваджровая дубинка, куда-то делось, доспехи недосчитывались многих пластин, а уреи в волосах злобно шипели, дергаясь из стороны в

сторону.

Богиня отбросила меня так же резко, как схватила, — я ухнул на щебень, как мешок с тряпьем, — и развернулась. Змей покачивался прямо перед нами и уже разевал пасть для третьего крика. «С такого расстояния он сметет нас, превратит в пыль... Нет, даже пыли не останется!» — решил я и уже приготовился умирать, но тут красный аркан впился в щитки на горле чудовища. Он казался совсем ничтожным, тоньше волоса, но змей зарокотал, захрипел, отклоняясь назад.

— Давай! — закричали откуда-то издалека; Селкет, будто только этого и ждала, одним прыжком оказалась на морде Лу. Багровый зазор загорелся между ее сжатых ладоней, разрастаясь, превращаясь в огненный клинок. Со всего маху она вогнала его между бровей чудовища, в основание рогатого венца. И хрустальная шкура треснула, поддаваясь! Бледный, холодный свет смешался с красным жаром; самоцветы полыхнули изнутри — а потом, отделившись от истлевшей змеиной плоти, с протяжным звоном посыпались вниз. Меня охватило ликование: боги победят чудовище! Они всегда побеждают!

И тут аркан лопнул.

Чудище, высвобождаясь, тряхнуло башкой и сбросило Палден Лхамо на землю. Третий вопль, полный ярости и злости, ударил в небо — готов поклясться, звезды попадали с него от страха! Вокруг ревели лавины и горы рассыпались в прах, но я уже не думал об этом — вместо этого я кинулся к богине так быстро, как мог. Кровь заливала ее лицо; правое плечо вывернулось под странным углом... но, по счастью, она была жива. Только я отнял пальцы от ее шеи, как Селкет открыла глаза и, оттолкнув меня, закричала в темноту:

— Чего ты ждешь? Решайся быстрее — или мы все умрем!

Конечно, она обращалась не ко мне и не к змею, а к своему брату; но на что он должен был решиться?.. Этого я уже не услышал. Силы покинули богиню: она обмякла на моих лапах. Ее кожа была холодной, как у трупа... будто весь жар, что горел в ней, испарился. Я замер, не зная, что делать. Змей снова склонялся над нами, и даже молиться было некому! Уродливая морда была так близко, что стоило протянуть ладонь, и я мог бы коснуться заросших хрустальными друзами ноздрей. Из раны на покато лбу не сочились ни кровь, ни мозг — может, их у чудища и не осталось? Может, его ведет не своя воля, а то, о чем рассказывали Зово и Железный господин? Та тварь, что прячется в глубинах? Невольно я прищурился, глядя в свет, трепетавший внутри змеиного черепа...

Но тут чудище отшатнулось, издав не рев, а стон — и я скоро понял, почему. Кристаллы, покрывавшие его тело, начали стремительно расти! Длинные, сверкающие иглы вырывались из боков, из ноздрей, из подбородка; челюсти сошлись — зубы срастались в единую глыбу с языком. Шкура Лу затрещала, лопааясь, выпуская наружу то, что когда-то было мясом, кишками и костями, а теперь превратилось в месиво багровых, лиловых, белых самоцветов. Бедная тварь, извивающаяся и испускающая визгливые крики, все больше утрачивала сходство с живым существом. Кольца ее длинного хвоста все медленнее били по земле, пока не замерли окончательно. Затаив дыхание, я озирался по сторонам: долина и вывороченные с корнем горы превратились в лес, где вместо сосен и дубов подымалась поросль светящегося хрусталя. Это было красиво — и жутко; а потом тихий вздох пронесся над долиной, и драгоценные деревья рассыпались, как не бывало. Только один огонек остался гореть во мраке, но чем ближе он подступал, тем тусклее казался. Наконец, он превратился в бледное, измученное лицо Железного господина. От накидки лха ничего не осталось, да и доспехи были все в дырах; в плечах, бедрах и груди засели блестящие осколки хрусталя.

Последние отблески света мелькнули в его зрачках и погасли; не говоря ни слова, Ун-Нефер вытянулся на земле рядом с сестрою и будто бы уснул.

Так я остался в ночи с мертвым чудовищем и двумя полумертвыми богами под боком. Когда ко мне вернулось какое-то подобие рассудка, я заметил, как холодно вокруг, но развести костер было не из чего — лунг-та с поклажей ускакали или погибли под завалами; жесткий кустарник, росший на склонах, исчез бесследно. Едва шевеля лапами, я придвинул близнецов поближе друг к другу, лег посредине и закрыл глаза. До рассвета оставалось три часа.

— Нуму, — позвал меня кто-то. По телу растекалось приятное тепло, но голова ныла так, будто внутри демоны плясали. Постанывая, я открыл глаза. Розовое солнце висело у самого края неба — непонятно, на востоке или на западе. Вокруг поднимались горы; на заснеженных склонах виднелись следы недавних камнепадов. Сколько времени прошло? Где я? Не знаю; да и все равно где, лишь бы не в той ужасной долине.

— Нуму, — позвали снова. — Ты в порядке?

Стараясь дышать поглубже, я приподнялся на локте и огляделся; кажется, все-таки было утро. Рядом потрескивал костер; над огнем весело кипел закопченный котелок. Поодаль я заметил черного лунг-та Железного господина — тот качал гривой и довольно пофыркивал... вот только задняя нога у него стесалась почти до кости, и не хватало куска правого бока. И все же зверь стоял как ни в чем не бывало и даже перебирал губами, будто что-то жевал!

— Нуму?

Я попытался ответить что-то, но согнулся пополам от внезапно накатившей тошноты. Желудок был пуст; меня вырвало желто-бурой желчью.

— Вижу, ты сильно ударился головой. Тогда хорошо, что я тебя разбудил, — сказал Ун-Нефер. Несмотря на холод, он снял доспехи и сидел на земле в одних штанах, закатанных до колен. Все тело бога было иссечено багровыми полосами. Подождав, пока из котелка повалит пар, он сунул пальцы внутрь; оказалось, вместо часуймы там варились мои инструменты! Выхватив прямо из кипятка железные щипцы, лха погрузил их в рану на левом предплечье и вытащил наружу острый кусок слюды. Потом еще один, и еще; наконец, отер кожу смоченной в воде тряпкой и принялся натягивать черную броню.

— Раны надо обработать, — прохрипел я, сплевывая горькую слюну, но бог только отмахнулся.

— Не надо. Зараза к заразе не липнет; даже это, — он кивнул на котелок, — уже лишнее.

— А где Палден Лхамо?

— Поехала убедиться, что там ничего не осталось. Скоро вернется.

— Что это было? Это ведь не просто Лу, так?

— Да уж, не просто Лу, — мрачно пробормотал Железный господин, выплеснул остатки кипятка на землю, а потом зачерпнул пригоршню золы и углей из костра и швырнул туда же, прошептав что-то под нос. Вскоре послышался стук копыт: к нам приближался белый лунг-та Палден Лхамо. Он тоже не уцелел прошлой ночью; выпуклые глаза затянулись голубой пленкой, а в груди зияла дыра размером с кулак.

— Других нет, — сказала Селкет, спрыгивая на землю. Вывих она вправила, но я заметил бурые от запекшейся крови пряди в ее косе. — Думаю, и не было.

— Думаешь! — передразнил сестру Ун-Нефер. — Раньше надо было думать.

— Ты видел ровно то же, что и я. Почему же сам не почувал его?

— Не оправдывайся моими ошибками. Не ты ли всегда твердишь, что ничем не хуже меня — так что, не хуже? Или все-таки признаешь, что ты всего лишь тень, слабая и никчемная?..

Первый раз я видел, как Железный господин и Палден Лхамо ссорятся; их глаза одинаково сузились, губы растянулись, открывая клыки, и даже пластины доспехов поднялись, будто ставшая дыбом шерсть. Казалось, еще секунда, и они вцепятся друг другу в глотки. Если бы меня не выворачивало наизнанку от малейшего движения, я бы бросился их разнимать; но Селкет отступила первая.

— Пусть так, — сказала она примиряющим голосом. — Я не справилась. Но откуда мне было знать, что такие твари и правда существуют? Мы ни разу не встречали их почти за тысячу лет — ни живых, ни мертвых! Кто бы поверил в это, не увидев прежде своими глазами?

Ее брат, вздохнув, понуро согласился:

— Да, пожалуй. Я бы не поверил.

— Что же это за было?! — не выдержав, я всплеснул лапами и тут же поплатился новым приступом тошноты.

— Это подобие того, во что я могу превратиться, — отвечал Ун-Нефер. — Хотя Лу не становятся Эрликами, они крепко связаны с миром духов. Как губка, впитывают все... даже силу той твари. Это она изменила змея. Интересно, сколько еще ему удалось бы прожить в таком состоянии?..

— Змей выглядел очень больным, — пробормотал я, вспоминая торчащие из-под чешуй наросты и искореженные кристаллами кости. — Не думаю, что долго. Но почему он кричал? И почему пытался убить вас?

— Остатки памяти? — пожал плечами бог. — Может, кто-то из ремет разорил его гнездо. Может, даже я сам, в первой жизни или второй.

— А почему он вылез на поверхность только сейчас?

— Проголодался, наверное, — ответила за брата Селкет. — Но давайте не задерживаться на разговоры — нас ждут в Бьяру.

Убедившись, что я могу держаться в седле (хотя мертвые лунг-та и наводили жуть!), лха собрались в обратный путь. Примерно через час мы поднялись на возвышение, откуда виднелся край покинутой долины. Теперь о ночном сражении напоминали только развороченные горы да белая пыль — при свете солнца она ослепительно блестела; из-за этого долина походила на алмазный язык во впадине темных челюстей.

Указав вниз, Железный господин сказал:

— Теперь ты видел, Нуму, на что похожа тварь в глубине: она губит все, чего касается; она пожирает собственных детей. Даже если кто-то чудом научится сосуществовать с нею, это нельзя назвать жизнью. Надеюсь, после этого ты согласишься, что все, чего я хочу, — это защитить от нее мир.

Мы сделали привал еще до ночи — меня мутило, да и лха путь давался нелегко. Меня тревожили их раны, но они не дали себя осмотреть.

— Давай лучше я полечу твою голову, — предложила Селкет, расчесывая слипшиеся от крови пряди мелким гребнем. — Правда, с целительством у меня не очень, но ходить

будешь!

И она кивнула на лунг-та, стоявших неподалеку: один просто пялился в небо мертвыми глазами, второй слизывал иней и снег с камней; вода выливалась из раны в его животе, смешиваясь с сукровицей. Под копытами уже собралась небольшая лужица.

— Нет, спасибо, до города потерплю! — пискнул я в ответ.

— Как знаешь, — усмехнулась богиня. — А ты как, братец?

— Сама знаешь, как, — огрызнулся тот, тщетно пытаюсь выправить погнувшиеся пластины наголенника. — Столько лет я избегал этого и тут по собственной глупости обратился за помощью к твари в глубине! За это придется заплатить.

— От судьбы не уйдешь, — бросила Палден Лхамо, вытягивая пальцы к огню; рыжие языки почти лизали голую кожу, но не оставляли ожогов. — И все же это не значит, что с ней нельзя сразиться. Нуму, я рассказывала тебе о Пер-Ис, Старом Доме? И о том, какую участь нам там готовили?

— Зачем забивать ему голову? — недовольно отозвался Железный господин; кажется, перемирие, установившееся днем между близнецами, было недолгим.

— Все равно Нуму не стоит много спать. Так почему бы не скоротать время за разговором?

Тут я поторопился вклинить я в перебранку:

— Я бы с радостью послушал про ваш родной мир. Я много читал о нем и смотрел записи Кекуит, но это не одно и то же.

— Ну, тогда слушай, — Селкет взмахнула гребнем как веером. — Когда-то Старый Дом звался просто «Та» и был единственным жилищем ремет. Но с ним случилось то же, что с любимым домом, куда набивается слишком много гостей: кладовые оскудели, полы покрылись грязью и сором... И гости очутились на пороге, на кожах быков, ими убитых. Когда Та окончательно пришла в запустение, ремет пришлось перебраться на соседние планеты: в холодную, изрытую метеоритами пустыню Нового Дома и в небесные Ульи Семем, под которыми вечно воют ураганы и льет дождь из горячей серы.

Однако ж не все покинули Старый Дом — несколько семей осталось; среди них и семья Маат, к которой я когда-то принадлежала. Так народ разделился на две неравные части. Обитатели Нового Дома и Улья больше полагались на машины; оставшиеся в Старом Доме занялись усовершенствованием собственной природы. Со временем они научились менять тела до неузнаваемости. Говорят, во время расцвета Пер-Ис его дворы представляли удивительное зрелище: в масляных прудах купались разумные медузы, носящие в груди до сотни лиловых сердец; под потолками резвились стрекозодои, ловившие ветер золотыми усами; вместо колонн в залах стояли, раскрыв игольчатые воротники навстречу солнцу, исполины-хвоящеры.

Так семьи Старого Дома уподобились *нечер* — древним звероликим богам; и не только снаружи. Они стали умнее и сильнее и жили дольше, чем бледные муравьи Нового Дома, чем маленькие пчелки Ульев. Со временем они прибрали к рукам богатство всех трех планет; это было как неизбежно, так и несправедливо. Поэтому жители Нового Дома начали войну — и та продолжалась долгие годы; когда к восставшим присоединились Ульи, Старый Дом наконец признал поражение. А чтобы ему не удалось вернуть прежнюю власть, победители установили ограничения на продление жизни и на изменения, допустимые для тела. Семьи сделали вид, что смирились; куда им было деваться?

Я, Нефермаат, была одной из тех, кто родился в Старом Доме после войны. Я не помню

детства — скорее всего, его просто не было. Меня могли вырастить в колбе за день или два, составив смесь из тысячи веществ. Первое, что я помню, это лестница, по которой меня ведут все ниже и ниже.

— Ты ошибаешься, — вдруг прервал сестру Железный господин и, подавшись ближе к огню, сказал. — Я поднимался вверх; долго, очень долго. Рядом со мною был маленький человечек с бритой головой и треугольником белой ткани на бедрах; в его уши были вдеты тяжелые золотые серьги, оттягивавшие мочки почти до плеч. Он страшно потел от волнения и пах как растертый мускатный орех. Когда лестница наконец закончилась, он ввел меня в зал за большими дверями. Там было темно — даже стен не различить. Я видел только основания огромных колонн — вершины уже терялись во мгле — и черные провода. Провода были повсюду — свисали с потолка, путались под ногами... Воздух гудел от напряжения.

— Да, — кивнула Палден Лхамо, — стоял такой гул, будто над головой кружились тысячи насекомых. Нигде не было ни ламп, ни окон; только стеклянные пластины на полу сочились зеленоватым светом. Из-за этого от каждого шага, как ил со дна озера, из-под ступней поднимались легкие тени. Я шла, опустив взгляд, боясь споткнуться во мгле, а когда наконец посмотрела вперед, то увидела отца — неподвижного, подвешенного заживо на железных крюках. Он был уродлив: ростом с дом, с мощными плечами и тонкой, змееподобной шеей. У него были руки ремет, глаза жабы и птичий клюв, загибающийся вниз острым серпом. Ниже груди тела почти не осталось: обнаженный позвоночник прибили прямо к стене скрепами и гвоздями; из-под ребер свисало множество полых трубок, похожих на выпущенные кишки. Одни вливали в вены старика питательные растворы, другие вытягивали яды, скапливавшиеся в крови и легких. Маленькие машины, похожие на жуков и многоножек, бродили по равнинам дряблой кожи, забираясь в трещины морщин, в дыры ушей и ноздрей. Из темени, поросшего тускло-голубыми перьями, тянулись связки проводов.

Богиня остановилась, чтобы налить в кружку горячей часуймы; а ее брат продолжал:

— Когда я наконец посмотрел вперед, то увидел мать — неподвижную, поднятую на золотых подпорках. Она была прекрасна: с телом как заснеженная гора и лицом как луна, разгоняющая мглу. На влажной коже проступали голубые и зеленые вены, похожие на стебли водяных лилий; там, где они сходились узлом, раскрывались бутоны — глаза. Механические змеи — серебряные кобры и медные рогатые гадюки — скользили по ее бедрам, плечам и груди, выливая из зобов благоухающие притирания. От висков, переплетаясь с лазорево-синими волосами, шли провода. Множество проводов — они соединяли животный мозг, давно обветшавший и переполненный, с искусственными хранилищами памяти, спрятанными внутри колонн. Без них мои родители уже не могли мыслить и существовать.

— И я видела, что каждое движение, каждый вздох моего отца отмечены печатью страдания. Он был стар, и болен, и гнил изнутри, — пробормотала Селкет.

— Каждое движение, каждый вздох моей матери были отмечены печатью совершенства. Но это было тяжелое, давящее совершенство, сковывающее ее, как цепь, — вздохнул Ун-Нефер. Теперь, когда их объединило воспоминание, слова богов звучали как вторящие друг другу вины[2]:

— Он заговорил. Его голос был словно шум, выпускаемый тысячей мехов, или хрип пробитого легкого, или треск ломающихся деревьев. Он спросил у маленького человечка, который привел меня: «Что это за букашка?»

— Она заговорила. Ее голос был словно журчание могучей реки, или гудение

полуденных пчел, или звон тысячи колоколов. Она спросила у маленького человечка, который привел меня: «Разве этого крохотного тельца хватит, чтобы вместить нас двоих?»

— Человек с золотыми серьгами испустил волну мускатной вони и начал торопливо оправдываться, то и дело тыкая в меня жирным пальцем с перстнем-скарабеем. Он говорил, что мой мозг изнутри устроен как у птиц, а потому в нем уместится куда больше памяти, чем в старых хранилищах. Слушая, как он лопочет, я поняла, что мне уготовано. Меня сотрут, как буквы на восковой доске, а поверх запишут *рен* моих родителей. Но мне не было страшно; я ничего не чувствовала, только смотрела на хрипящую птицу...

— ...На женщину с синими волосами, пока они обсуждали с испуганным человечком, как убьют меня. Как будут прилежно притворяться детьми, чтобы неузнанными проникнуть в Новый Дом, как используют любую возможность, чтобы завоевать уважение и власть, как, наконец, добьются изменения законов, запрещающих вечную жизнь... А потом старик с птичьей головой, скосив налитый кровью глаз, спросил, есть ли у меня желание — первое и последнее. Маленький человечек засуетился, объясняя, что желаний у меня нет и быть не может, но я прервал его, сказав, что хочу увидеть поверхность.

— Это слово, «поверхность», было крепко впечатано в мою память. Старик рассмеялся и велел слуге в белой повязке вывести меня наружу. Мы шли долго, и над нашими головами гудели черные провода, а человечек потел и вздыхал без остановки... Наконец скрипнули тяжелые болты; раскрылись последние двери; и я увидела поля черной пшеницы. Ее колосья, состоящие из некротного количества зерен, были такими же перекрученными, уродливыми и болезненными, как мой отец, оставшийся внизу.

— Насколько хватало глаз, вокруг не было ничего, кроме темных шелестящих волн — и красного неба над ними. Говорят, когда-то оно было голубым — до того, как над планетой растянули сеть из крохотных зеркал, чтобы отражать жар непомерно раздувшегося солнца. И все же в Старом Доме знали, что однажды сеть не выдержит, и огонь поглотит нас. Пока я думал об этом, мимо пролетела не то бабочка, не то пчела и села на покачивающийся колос. Узор на ее крыльях был смазанным и неверным, будто кто-то смахнул невысохшие чернила рукавом, но я различил в нем перо — знак семьи Маат. Только я хотел поймать диковинную штуку, как та упорхнула прочь; я побежал за ней, а маленький человечек, потев, кинулся следом, но скоро отстал.

— Я осталась одна в черных зарослях травы и долго бродила без цели. Мимо скакали стрекочащие насекомые и неспешно плыли паруса механических жнецов. Через некоторое время мне стало казаться, будто солнце еще приблизилось к земле; становилось жарко — так жарко, что хотелось сорвать одежду и кожу следом. Но дело было не в солнце; ко мне подступал пожар! Сначала над колосьями показались полупрозрачные, легкие языки пламени; потом по сторонам за клубился густой дым. Пшеница, съеживаясь и обугливаясь, шумела жалобно, как живая.

— Пара перепелок с пронзительными криками поднялись из гнезда и исчезли в дыму; на земле остались пицать полосатые птенцы. Пальцы пожара сжимались слева и справа, спереди и сзади. Огонь был повсюду; его рев оглушал; дышать становилось все тяжелее; голова закружилась, и я упал на землю. Огромное красное солнце вспыхнуло надо мной, опрокидываясь на корчащийся от боли мир, а потом я потерял сознание.

— Меня вскоре нашли; оказалось, что я почти не пострадала в пожаре — несколько ожогов, не больше. Зато чертогам Маат пришлось несладко. Большинство слуг успело покинуть их прежде, чем огонь распространился по колоннам и проводам, но только не мой

отец — старик, прикованный к стене.

— Без него мать не решилась на перенос сознания. Поскольку я был больше не нужен, меня сослали в Новый Дом и забыли там. Что ж, по крайней мере, я не оказался рабом спятивших старых богов. Надеюсь избежать этого и на сей раз, — сказав так, Ун-Нефер вытянулся на подстилке и отвернулся от костра, показывая, что разговор окончен. Но я все же тихо спросил Селкет:

— Ты сказала, от судьбы не уйдешь. Как же тебе удалось уйти от своей?

— Когда меня создавали, то вложили в голову множество странных вещей. Например, что топливо механических жнецов очень хорошо горит, — ответила она и улыбнулась.

[1] Имя «Ун-Нефер» состоит из иероглифов «wn» («заяц» + «волна»), «nfr» и детерминатива.

[2] Вйна (санскр.) — старинный щипковый музыкальный инструмент.

Обратный путь занял четыре дня и пять ночей. На рассвете пятого дня я заметил, еще издали, стаи воронов в светлеющем воздухе вокруг Мизинца — явный знак того, что богов уже заждались. И точно, не успели мы ступить за порог Когтя, как впереди вырос Утпала. Его лицо было перекошено от гнева; шрамы на щеке страшно багровели; лягушачий рот изрыгал проклятия, каких я отроду не слышал. Из потока отборной брани мне удалось уяснить вот что: отголоски битвы с Лу донеслись и до Бьяру. От крика змея потрескались стены кирпичных домов; многие чортены и идолы повалились в пыль; а уж сколько окон перебило — не счесть! Даже Бьяцо выплеснуло тяжелые воды из берегов, лизнув ступени княжеского дворца. На Стене, с северной стороны, сломались строительные леса — говорят, рабочие сыпались с них гроздьями, как муравьи с древесного листка. А главное, посреди ночи небо над горами вспыхнуло тысячей огней; этого жители столицы испугались еще больше, чем дрожи земли. На площадях уже явились предсказатели, толкующие это как знамение конца времен — пока тихо, вполголоса, опасаясь гнева шенов; но кто знает, что будет дальше?

— Стена устояла? — спросил Ун-Нефер, когда вороноголовый наконец замолчал, шумно отдуваясь.

— Да что с ней будет! — в сердцах крикнул Утпала, рассекая воздух могучим кулаком. — Или это все, что тебя заботит?

Он уперся лапами в бока и вытянул вперед мощную шею — один-в-один огромный разъяренный дронг. Злобно сощуренные глаза уставились на Железного господина из-под густых бровей — и, кажется, только сейчас Утпала заметил помятые доспехи, синяки, и ссадины, и засохшие пятна крови. Охнув от изумления, он отступил назад.

— Поговорим позже, — отрезала Селкет и, приобняв брата за плечи, повела его прочь. Я хотел юркнуть следом, но Утпала остановил. Присев на корточки, чтобы поравняться со мной взглядом, он спросил:

— Нуму, ну хоть ты расскажешь, что там произошло?

И я уже было открыл рот, чтобы ответить — сам не знаю, что, — как вдруг пол поплыл из-под лап.

— Тише, тише. Сколько пальцев ты видишь?

Над носом пронеслась ладонь с тремя растопыренными узловатыми пальцами. Сверху так ослепительно светила круглая лампа, что я мог не только сосчитать их, но и различить темные пятна костяшек в красноватой плоти.

— Сиа, — выдохнул я. — Что со мной?

— Треснувшие кости, ушибы, сотрясение и... в общем, не крути пока головой.

Трясущейся пятерней я ощупал череп — в одном месте шерсть была выбрита, и к коже присосалось что-то гладкое и круглое, вроде огромного клеща. Вскрикнув от страха, я сразу же попытался его отодрать.

— Прекрати, дурак! Само отпадет, когда закончит.

Лампа погасла, и я увидел себя в ее полированном нимбе: лежащим на столе, с перепуганными глазами, замотанным в бинты. Над правым ухом, перебирая лапками в гриве, копошился механический жучок, запустивший длинный хоботок мне в череп. В стеклянном

брюхе насекомого плескалась какая-то мутноватая жидкость. Внимательней рассмотреть его я не мог: сердце сразу начинало биться как бешеное, и становилось трудно дышать.

— Лежи смиренно. Можешь даже поспать.

— Вряд ли я смогу спать, пока у меня в мозгах копошатся, — буркнул я в ответ.

— Как знаешь, — пожал плечами Сиа и сделал вид, что поглощен своими заботами. Я скосил глаза и увидел, как он переставляет цветные бутылочки на полках. Лапы лекаря дрожали; бутылочки печально звенели, стучаясь друг о друга тонкими боками. Наконец ему надоело бессмысленное занятие; Сиа повернулся ко мне и с укоризной спросил:

— Зачем ты пошел с ними, Нуму? Они оба сумасшедшие, но ты-то!

Я открыл и закрыл рот, не зная, что ответить. По счастью, старик ответа и не ждал; отвернувшись, он принялся снова громыхать стекляшками.

Несколько дней, по настоянию Сиа, я провел в постели, чередуя еду и сон и лениво пробираясь сквозь книги, на которые не хватало времени раньше. Если бы не ушибы и ноющие кости, это безделье было бы почти приятным; но долго оно продолжаться не могло. Как-то вечером лекарь ворвался ко мне в спальню, потрясая тяжелым свертком с инструментами.

— Одевайся, — велел он. — И ступай к Уно.

— Что с ним?

— Понятия не имею, — огрызнулся старик. — Он меня даже на порог не пустил — велел позвать тебя. Не знаю, что у вас там за тайны, но учти, мне это не нравится!

Не обращая внимания на обиду, явно звучавшую в голосе Сиа, я как можно быстрее натянул штаны и чубу, плеснул на морду холодной воды и побежал вверх. Дверь в покои Железного господина распахнулась не сразу — сначала послышался тихий голос Кекуит, предупреждавшей о появлении гостя, и только затем проем расступился. Я зашел внутрь уверенно, полагая, что после увиденного в горах готов ко всему. Как же я ошибался!

Солнце уже зашло, но лампы под потолком не горели. Вместо этого на полу чадил масляные плоски самой грубой работы — такими пользовались ремесленники в Бьяру, чтобы трудиться по ночам. Маленькие тусклые огоньки плыли над мутью топленого жира, каждый миг грозясь погаснуть. Среди этих глиняных посудин спиной ко входу сидел Железный господин. Он был с головы до пят замотан в кусок темной ткани — не то накидку, не то одеяло, стащенное с постели. По правую сторону лежало круглое зеркало на длинной, обмотанной шелком ручке; по левую стоял ларчик с желтыми пилюлями.

— Подойди, — велел он, не поворачивая головы. — Инструменты при тебе?

— Да, — отвечал я, сглотнув подступивший к горлу ком, и в подтверждение своих слов потряхнул позвякивающим свертком.

— Тогда помоги мне с этим, — сказал бог и сбросил покрывало с плеч. Я едва удержался от крика: всю его спину, от левого плеча до правого бока, пересекал уродливый, вздувшийся нарост, похожий на вывернутую наизнанку кожура граната. Белая поверхность странно поблескивала в полумгле. Подойдя ближе, я увидел, что кое-где сквозь кожу, вспухшую от внутреннего напряжения, прорвались прозрачные, стреловидные кристаллы.

— Что это такое?!

— Я пропустил один из осколков, упавших с Лу, и вот что вышло. Мне нужна твоя помощь, Нуму. Если не вытащить их все до единого, они вырастут снова.

— Но... я никогда не делал такого! Может, тебе лучше позвать сестру?

— Нет, не лучше, — сквозь зубы процедил Железный господин.

— Не понимаю, чем она обидела тебя, — пробормотал я, изо всех сил тяня время. Ун-Нефер вздохнул и выпрямился, оборачиваясь ко мне. От этого движения нарост лопнул еще в нескольких местах, щедро брызнув сукровицей.

— Ничем. Но близнец — это все равно что зеркало, которое постоянно держат перед тобою; рано или поздно захочется разбить его. Готов поспорить, Селкет тоже не раз посещала мысль: не стоит ли избавиться от двойника? Если бы мы не делили одну душу, то каждый из нас давно бы попытался; увы, смерть одного утащит в ад и другого! Поэтому я уверен, что в этих пилюлях нет яда, — он с невеселой усмешкой вытащил из ларца желтый катышек лекарства и проглотил, не жуя. — Но прямо сейчас, когда я изуродован болезнью, я не хочу видеть свое отражение. Так что придется тебе помочь с... этим.

— Все не так страшно, — не слишком уверенно протянул я, раскладывая сверток со щипцами, ножами и иглами на полу. — Конечно, останется шрам, но под одеждой его будет совсем не видно. Невелико уродство.

— Я не о теле, Нуму, — тихо ответил лха. Я выбрал лезвие поострее, протер очищающим раствором (пускай в этом, по словам Железного господина, и не было нужды) и одним взмахом рассек нарыв. Кожа разошлась, будто распахнувшийся рот; вот только вместо зубов в нем торчали хрустальные друзы — прозрачные на свету, голубовато-белые в тени. Вооружившись щипцами, я ухватился за кристалл побольше и потянул на себя. Тот легко отделился от мяса, оставляя в нем кровоточащую язвочку; против моих ожиданий, у самоцветов не было крепких корней. Бросив проклятую каменюку на расстеленное на полу полотенце, я взялся за следующую. Не знаю, что чувствовал при этом лха; надеюсь только, что съеденное лекарство притупило боль. Так прошло не меньше получаса. Масло в плошках убыло; огоньки гасли один за другим.

— Нужно больше света, — пробормотал я, опуская дрожащие лапы. Железный господин едва заметно качнул головой в сторону кровати; рядом с нею и правда нашелся кувшин с жирными потеками на горлышке и боках. Разлив его содержимое по посуде, я принялся заново поджигать ветошь, заменяющую фитили. Это оказалось не так-то просто; когда очередной клочок утонул в масле, я тихонько пробормотал «все ест — не наедается, а попьет — умирает».

— Огонь, — вдруг отозвался Ун-Нефер.

— Что?

— Огонь — съест что угодно, но от воды гаснет.

— Откуда ты знаешь? — удивился я. Этой присказке я выучился очень давно, еще от матери, и никак не ожидал, что богам она тоже знакома.

— Я и не знал. Просто угадал.

— Хм... — пробормотал я, решив испытать его, а заодно и отвлечь от прикосновений щипцов, выдирающих хрустальную поросль из живого мяса. — Рядят невесту в кружева, а та едва жива. Что это?

— Это мизгирь поймал добычу, — почти не раздумывая сказал лха. — Знаешь, в Старом Доме тоже любили загадки.

— Правда?

— Да. Помнишь, на охоте я сказал, что первое мое воспоминание — о встрече с родителями? Это и правда, и неправда. Есть другие, еще раньше. Нечеткие, расплывающиеся — какие-то тени, пятна света... И загадки. Кажется, мне задавали загадки, еще до того, как я

мог ответить на них.

— Но зачем?

Вместо ответа он спросил:

— Мать красна, дочь черна, сын бел. Что это?

— Красное, наверное, опять же огонь, — принялся размышлять я. — Из огня получается черный уголь — это дочь; а сын не зола, она серая... Значит, дым! Он бывает белым.

— Правильно. Но ты не угадал бы, если бы не придал огню свойства материнской утробы — способность рожать детей.

— Ну... пожалуй, что так. Но что с того?

— Загадки не то, чем кажутся, Нуму. Чтобы ответить на них, нужен особый ход мысли, — Железный господин чуть повел ладонью в воздухе, стараясь не мешать моему занятию. — Она должна бежать, как дрожь по паутине, где каждая нить связана с другой. Тучи и овечья шерсть; гудение пчел и молитвы шенпо; гуси и сваренные в супе момо; шапки на головах и чаши с подношениями... все должно соединяться. Загадки позволяют увидеть изнанку мира — ту, где переплетаются корни, пущенные предметами дневной стороны. Полагаю, с их помощью мои создатели проверяли, хорошо ли выращенные в склянке мозги усвоили знания; но получили они куда больше, чем хотели. Следовало бы знать, что в паутине в конце концов заводятся пауки.

Не буду врать — я не все понял в его словах, но все же осторожно отозвался:

— Выходит, тебе повезло. Ты же смог уйти от них — от своих родителей.

— Уйти — не то слово, — пробормотал лха, сжимая губы, оттого что я вытянул еще один, крепко засевший, кристалл из нарыва. — Я бежал со всех ног. Я мог бы остаться в Новом Доме и добиться высокого чина в *меса* или вернуться в Старый Дом и заявить права на наследство семьи, а вместо этого записался добровольцем на месектет. Конечно, какая-то часть меня надеялась найти новый мир, добиться славы... Но, по большей части, я хотел просто сгинуть без следа. Вот как сильно я боялся, что старые *нечер* придут по мою душу. И к чему это привело! — тут он горько засмеялся и дернул плечами. Кровь из ран под лопатками обильно хлынула на спину; красные потеки переплетались, как косы в девичьей гриве.

— Прощу, не шевелись, — взвыл я, торопливо промакивая раны. — Признаюсь честно, я не хочу, чтобы... *оно* попало на меня.

— Не бойся, для тебя это не заразно. Для роста ему нужна особая почва.

— Лу же подошел.

— Лу — это совсем другое дело. Змеи как мост, перекинутый между дневным и ночным миром. А ты не змей и даже не колдун.

— Может, и так. Зато иногда мне снятся странные сны, — обиженно буркнул я.

— Ты как будто завидуешь этому? Не стоит; эта сила не приносит радости, — глухо отвечал Железный господин. Пристыженный, я прикусил язык и продолжил выдирать кристаллы уже в тишине. Где-то через час работы наружу вышел последний осколок — плоский, похожий на чешуйку зеркального карпа. Я пронес масляную лампу вдоль позвоночника лха — ни блеска, ни всполоха; он был чист.

Убедившись в этом, я сшил края раны и наложил сверху повязки, пропитанные заживляющей смесью из запасов Сиа. Когда с этим было покончено, пришлось помочь богу подняться и дойти до кровати; хоть Ун-Нефер и не жаловался, ему явно стало хуже. Он повалился на простыни, дрожа всем телом.

— А что делать с этим? — спросил я, указывая на грудку блестящих осколков.

— Оставь, — едва слышно шепнул он, а потом замолчал и не отзывался уже больше ни на что, будто уснул. Тихо ступая, я вышел от него и побежал в спальню, где немедленно вымылся под такой горячей водой, что с кожи вся шерсть чуть не слезла. Нож, которым я вскрыл нарыв, и щипцы, которыми касался кристаллов, я выбросил, а одежду, забрызганную кровью Железного господина, — сжег.

Когда я вернулся в Бьяру, меня ждал очень странный прием. Стоило разыскать помощников у Стены, как Макара набросилась на меня чуть ли не с кулаками.

— Где ты пропадал целый месяц, дре тебя дери? — завопила она, швыряя оземь сумку с чем-то тяжелым — и, судя по печальному звону, бьющимся.

— Я просто задержался в... эээ... дома, — пролепетал я, пятясь назад и думая, чем лучше прикрыться — доской, брошенной посреди дороги рабочими, или Саленом, буравившим меня тяжким взглядом.

— Неужели нельзя было хоть весточку передать? Мы думали, тебя давно убили, а кости разбросали по всей Олмо Лунгринг!

— Нуу... — протянул я, твердо решив использовать в качестве щита Салена. — Но у вас вроде и без меня дела шли неплохо?

— При чем тут дела?! — возмутилась Макара. — Мы волновались за тебя! Друзья мь тебе или нет?

— Ох, да оставь его, — проворчал Сален, придерживая девушку за плечи. — Никакие мы ему не друзья; так, челядь, до которой он время от времени снисходит.

На секунду я замер как громом пораженный. Эти слова были обидны, но в некотором роде правдивы. Я никогда не думал о своих помощниках как о друзьях; да и вообще, пожалуй, ни о ком внизу. Казалось, если я пропаду, завтра обо мне никто не вспомнит... Что за наваждение такое? Что за тень легла между мною и миром?..

По счастью, мимо прошла Рыба с ворохом мокрых тряпок в баде и с невозмутимым видом кивнула мне. Я тут же бросился следом якобы с расспросами о том и сем, а на деле радуясь тому, что хоть кому-то здесь на меня плевать.

Пускай я выкорчевал весь плотоядный хрусталь из спины Ун-Нефера, но охота в горах не прошла для него бесследно. Болезнь обрушилась с новой силой. И хотя теперь я куда больше знал о ее природе, все равно мало что мог сделать: только отереть лоб несчастного, укрыть одеялом или подать желтые пилюли. Сиа, кажется, ревновал к тому, что мне, а не ему, удалось навязаться лха в помощники. Бедный лекарь! Он и представить себе не мог, какой ужасной участи избежал. Не один седой волос я выдернул из гривы после ночей, проведенных у постели Железного господина.

Уже началось короткое лето, и солнце только на два-три часа уходило с неба. Мир, прогретый его лучами, казался плотным и тяжелым, будто налившееся соком яблоко; но все было иначе по ночам, когда в окна дворца заглядывала белая луна. Недель через пять после той злополучной охоты, когда совсем стемнело, я вошел в покои Железного господина с книгой под мышкой — надеясь хоть почитать, раз уж поспать не удастся — и увидел его за столом. Перед лха, укрепленное на трехногой подставке, стояло серебряное зеркало; рядом тлел огонек светильника. Он обернулся, и я увидел черную полосу крови, стекающую изо рта по подбородку, прямо на светлый хлопок рубашки. Увидев меня, Ун-Нефер поспешно

прижал к лицу какую-то тряпку.

— Жаль, что ты застал меня в таком виде, — пробормотал он, отшвыривая на стол что-то маленькое, блестящее... осколок зуба. — Мне показалось, на нем вырос камень. Они снова начали расти, уже без помощи Лу. Как мало времени осталось! Как мало...

Чем дальше, тем продолжительней и мучительней становились приступы болезни; теперь Железный господин редко покидал свои покои, передав дела в городе попечению Палден Лхамо. Но ближе к летнему солнцестоянию случилось вот что: явившись в его спальню в обычное время, я застал бога собирающимся. Он уже облачился в наряд, в котором обычно являлся шенам: длинное платье с рукавами-«колчанами»; нити костяных и железных бус, спускающиеся с плеч и груди; широкий пояс, к которому крепились аркан и булава. За него же лха заткнул зеркало на перевитой шелком ручке; вокруг запястья обвил железные четки; затем снял со стены маску с бычьей мордой.

— Куда? — всплеснул я лапами.

— Тебе никто никогда не говорил, что ты похож на курицу? — задумчиво протянул Ун-Нефер; но я не обиделся — судя по выражению лица, его мысли были далеко отсюда. — Есть такие курицы, с перьями, похожими на мех, и черным мясом... Говорят, есть его полезно для здоровья.

— Оно, может, и полезно, а вот расхаживать неведомо где, когда еле на лапах стоишь — нет! — отрезал я. Железный господин вздохнул и отер блестящее от испарины лицо.

— Я не могу вечно прятаться. Знаешь, что происходит внизу? В устье Ньяханг, в южном княжестве Нгепо Трана, готовится восстание. Час назад князь Мургу приказал убить шена, состоявшего при его дворе. Труп выбросили в яму с нечистотами. Сейчас Мургу заседает с советниками и дружиной, обсуждая, как поступить — засесть в своих землях, отказавшись платить дань Бьяру, или идти войной на столицу, собирая под свои знамена всех, кто недоволен жизнью. А таких много! На рассвете он объявит решение народу.

— Но это же безумие!

— Да, мятеж не принесет им добра, не говоря уж о победе. Но княжество Нгепо Трана богато — поэтому его правитель потерял благоразумие. А у нас нет времени, чтобы тратить на нелепые войны! Нет, все должно быть решено немедленно...

— Разве шены не могут справиться с этим?

— Могут или нет, они не должны заподозрить меня в слабости, Нуму. Иначе у нас будут проблемы серьезнее, чем глупый мелкий князек.

— погоди! Дай я хотя бы пойду с тобой, чтобы... помочь в случае чего, — сказал я, цепляясь за полы его одежды.

— Тебе лучше не видеть того, что произойдет.

— Я видел уже столько всякого, что хуже не будет.

— Как знаешь. Бери эту маску и не отставай!

Лха сорвал со стены и бросил мне какую-то красную зубастую личину — я и рассмотреть ее толком не успел — и вылетел из покоев. Я опрометью кинулся следом.

Мы прошли через Мизинец в подземелья старой гомпы и оказались в той же зале без окон, заполненной густым чадом благовоний, где давным-давно я помог убить и воскресить Чомолангму. У дверей нас встречали почжуты, выстроившиеся по четверо в ряд, слева и справа; среди них я заметил и Чеу Ленца. Железный господин сдержал слово и не казнил Ишо, но тот явно понес наказание за свою дерзость. Он страшно исхудал, осунулся и постарел лет на десять; когти на пальцах были сгрызены до крови, под глазами набрякли

лилово-синие мешки. Правда, долго разглядывать Ишо мне не пришлось; миновав почжutow и шенов попроче, мы направились к середине залы. На этот раз вместо каменной чаши и крюков там стояли зеркала — такие высокие, что даже Железный господин мог отразиться в них целиком. Всего числом их было двадцать четыре; они образовывали круг, в который лха и вошел, жестом велел мне остаться позади. Сам он сел, подобрав лапы, на подстилку из трехцветного шелка. Черный наряд стлался по полу и клубился, точно грозвые тучи.

Все замерло. С минутой, не меньше, в воздухе висела тишина — такая пронзительная, что мне уже подумалось, не оглох ли я, — как вдруг резким, дребезжащим голосом взвыл ганлин, ударили гонги, запели невидимые трубы. Из зеленоватой мглы зеркал проступили надменные морды, богатые наряды, толстые животы. Надо лбами у призраков сверкали венцы-бьяру с короткими рогами из драгоценных камней: бирюзы, янтаря, кораллов, яшмы... И хотя я никогда не видел этих мужчин и женщин прежде, я понял, что то были правители Олмо Лунгринг.

Один из них, явившийся прямо перед Железным господином, имел особенно странный вид. Бурую грудь и мощные лапы покрывала броня, старинная на вид и, судя по обилию узоров и позолоты, никогда не бывавшая в битве; кожаные ремни и шелковые завязки едва сходились на дородном теле. К вороту доспехов крепились знамена, украшенные хвостами яков и тигриными шкурами; на надбровьях медного шлема алели кораллы, изображая языки негаснущего пламени. Но, хоть облик князя и казался почти нелепым, его налитые кровью глаза смотрели грозно и страшно. К нему Эрлик и обратился — и его голос звучал как рокот далекого грома.

— Мургу. Ты предал меня.

Призрак открыл рот, намереваясь что-то сказать; все правители уставились на него — одни с любопытством, другие — со злостью, третьи — почти с грустью. Но не успел князь набрать воздуха в легкие, как чьи-то лапы втокнули в круг двух испуганных подростков: девочку лет шести и мальчика немногим старше. Они мало походили на грузного мужчину в зеркале, но по тому, как исказилось его лицо, как дрогнули и сжались толстые губы, я понял, что это его дети. Должно быть, их отдали на воспитание ко двору Бьяру: обычай, существовавший с незапамятных времен, недобрый смысл которого я вполне уяснил только сейчас.

— Но я не трону невинных, — продолжал Железный господин. — Твоим детям будет дан выбор.

— Сэза! — позвал один из почжutow.

— Динтри! — вторил ему другой.

Дети подняли головы; в их глазах стояли слезы.

— Ваш отец — предатель. Он нарушил закон; он отрекся от истинных богов. Он хочет погрузить земли Олмо Лунгринг в войну; хочет пролить кровь своих сестер и братьев.

— Отрекитесь от него; отрекитесь от его преступных замыслов — и сможете вернуться в Нгепо Трана как наследники рода Мен и законные правители.

Почжуты умолкли. И тогда Эрлик спросил:

— Каково будет ваше решение?

— Я отрекаюсь! Отрекаюсь! Клянусь, господин, этот негодяй — он для меня никто! — закричал мальчик, тыча пальцем в зеркало. Видение в нем поморщилось и сплюнуло с отвращением. — Нет, хуже, чем никто! Он преступник, в которого я первым швырну грязью, если он пройдет мимо!

— А ты, Сэза?

— Я... — девочка утерла глаза кулаком; ее голос дрожал, так что ей пришлось отдышаться, прежде чем ответить. — Я не могу отречься от отца.

— Сэза! — закричал мальчишка, хватая ее за плечи и встряхивая, как куклу. — Не глупи! Разве он думал о нас?! Он знал, что нас убьют, — и все равно решился на мятеж! Ему плевать на нас — так и ты плюнь на него!

Но когда подросток разжал пальцы, тело его сестры повалилось в черный дым, уже бездыханное. Шерсть у меня на загривке стала дыбом; и не я один ужаснулся — прочие князья Олмо Лунгринг тоже беззвучно молились и качали головами, творя перед грудью знаки защиты. Даже по щекам жестокосердного Мургу катились слезы. И все же, пока шены железными крюками вытягивали его сына и то, что осталось от дочери, из круга зеркал, упрямец мотнул головой — один-в-один готовящийся броситься на врага баран — и закричал:

— Думаешь, это остановит меня? Ошибаешься! Завтра мы пойдем войной на вас гнилой, разжиревший на чужой крови Бьяру! Соберем всех, кого вы замучили податью, у кого отобрали земли, зерно и слуг! И не надейся на черных шенов — у меня есть свои колдуны, не хуже!

— Так ли это, Мургу? — спросил Железный господин, и его голос звучал как звон кузнечного молота, ударяющего по металлу.

Толстый князь исчез из зеркала; вместо этого в нем замигали пестрые огоньки. Они казались расплывчатыми, как плывущие под водой медузы, но приближались, стоило только приглядеться — да так, что можно было различить каждую шерстинку на носу, каждую серьгу в ухе или серебряную пуговицу на рубахе. Это были колдуны всех мастей, не меньше сотни, а может, и тысячи — я не успел сосчитать. Среди них попадались дикие старухи-рогпа, с перепутанными гривами и длинными лиловыми сосками, торчащими из шерсти; мудрецы южной страны, с окрашенными хной ладонями; гадатели с востока, держащие у пояса таблички предсказаний, и заклинатели духов с запада, продевающие сквозь пальцы толстые цветные нити. Но особенно много было служителей старых богов: одетых в желтое детей Норлха; поклонников Пехара, скрывающих морды под широкополыми шляпами; дочерей Курукуллы со стрелами, пропущенными прямо через живую плоть. Все колдуны были заняты делом: одни склонились над рисунками в песке, другие швыряли под лапы косточки, камни и обрывки шнуров, третьи плели обереги из веревок и тростинок, четвертые мычали заклятья, пятые — начищали ваджры, пурбы и кривые тесаки. Стоило подольше сосредоточиться на ком-нибудь, как призрак вздрагивал и начинал вертеть головою, будто почувствовав чужое присутствие.

Когда все князья вдоволь налюбовались на эту пеструю толпу, случилось вот что: живая тьма, облекающая Эрлика, будто бы дала трещину. Над переносицей, между высоких бычьих рогов открылся еще один глаз, сверкающий, будто алмаз, и узкий, как змеиный зрачок. Его взгляд устремился внутрь зеркала — и плывшие в нем огоньки начали гаснуть один за другим. Вперившись в черное стекло, я увидел, как тела колдунов усыхают: кожа натягивается на ребрах, щеки впадают, глазницы превращаются в пустые колодцы... Кто-то пытался сопротивляться, молясь и воздевая вверх лапы с раковинами, капалами и идолами ца-ца, но это продолжалось недолго. Лучи яркого сияния впивались в них, как крюки в рыбы жабры. Еще несколько мгновений в зеркале виднелись съезжившиеся мумии несчастных, валяющиеся в ворохе опавшей одежды и облезшей шерсти, а потом и они

исчезали.

И когда не осталось ни одного огонька, перед лицом бога снова появился воинственный князь. Он сбросил шлем и часто дышал, вывалив язык из пасти; знамена за широкой спиной трепетали.

— Мургу, — снова позвал Железный господин, и его голос звучал как рокот стен, ломающихся от толчков землетрясения. — У тебя больше нет ни детей, ни слуг. Ты остался один.

— Ну так убей меня! Чего ты ждешь? Я стану гьялпо, гневным духом, и все равно пойду войной на тебя, даже из преисподней! — заорал мятежник, выплевывая пенящуюся слюну изо рта, как искры из кузнечного горна. Но не успел его крик стихнуть, как на лбу Эрлика снова распахнулся огненный глаз. Сияние пронзило глупого князя насквозь, пройдя сквозь доспехи, одежду, шерсть, кожу, жир и мясо, высвечивая скользкие кишки, похожие на переплетение трубчатых водорослей, и темные сгустки внутренних органов, спрятанные за гнутыми ребрами... А потом все это пришло в движение, перемешиваясь, разбухая, вздуваясь! Даже кости пустились в рост, как трава по весне, давя потроха, растягивая шкуру. Князь издал ужасный вопль, но тут же забулькал, захрипел, выпуская из глотки какую-то густую жижу; его губы слиплись, оставив лишь крошечное отверстие. Скоро он уже не был похож на живое существо — скорее, на туго набитый мешок, с длинной, тонкой шейей, согнувшейся под тяжестью пучеглазой башки. Подвязки на доспехах полопались, парчовый наряд превратился в лохмотья; знамена скрылись под складками кожи. Я узнал это странное создание — Мургу превратился совсем не в гордого гьялпо, а в прета, жалкого голодного духа.

— Правители Олмо Лунгринг, — возвысил голос один из почжутгов. — Мургу не знал меры страстям. Он дал им завладеть собой. Он нарушил закон, он отрекся от истинных богов — и вот чем стал! Не одна кальпа и не одно перерождение потребуются ему, чтобы искупить вину.

Призраки князей тряслись как осиновые листья. Многие тяжело дышали, с трудом сдерживая тошноту.

— Будьте умеренны в своих желаниях, — заговорил другой почжут; отчего-то мне почудилось, что это Ишо. — Будьте верны в своей службе — и вас ждет награда и в этом мире, и в ином. Бьяру примет вас и ваши дворы. Небеса откроются перед вами.

Змеинный глаз уставился на правителей, а затем погас — и видения в зеркалах испарились. Железный господин сразу же поднялся и пошел прочь; шены расступались перед ним, как разбегающиеся по волнам водомерки; я бросился следом, едва поспевая. Когда мы оказались в потаенных переходах под Мизинцем, страшное обличье спало с лха, и я понял причину спешки. Он шатался, как подрубленное дерево; лицо блестело от пота; вены на лбу и шее набухли и позеленели. Задыхаясь, Ун-Нефер опустился на каменные ступени и согнулся пополам, прижимая голову к коленям.

— Что с тобой, господин? — спросил я, касаясь его плеча и даже сквозь плотную ткань чувствуя мертвенный, обжигающий холод. Железный господин что-то глухо пробормотал в ответ, и я склонился ближе, чтобы лучше слышать. Вдруг длинные пальцы схватили мои запястья, сжали до хруста; на меня уставились пустые, полные нездешнего света глаза.

— Беги, — прошептал бог; его губы двигались будто отдельно от остального, онемевшего лица. Хватка на секунду ослабла, и я рванул прочь, забыв и об уроде в зеркале, и о мертвой девочке, и о мятежных князьях! Но пока я бежал, сквозь шум крови в ушах мне все

чудилось, как кто-то зовет меня со дна колодца.

Стена сомкнулась вокруг Бьяру. Теперь, на какой бы улице я ни находился, стоило только задрать голову, чтобы увидеть ее — возвышающуюся над скатами красных и золотых крыш, над клубами мягкого дыма, над растрепанными вороньими гнездами и заплесневелыми головами чортенов. Тень каменной махины ползла по городу вслед за движением солнца, и там, куда она падала, лужи даже летом затягивались ледяной коркой. Это произвело странное действие на город и его жителей: мы будто оказались на острове, отрезанном от прочих земель бушующими, непреодолимыми водами. Где-то там, далеко, молодой Динтри Мен взошел на трон Нгепо Трана вместо своего безвременно почившего отца, Мургу Мена. Говорят, новый правитель приказал казнить множество старых вельмож; в иное время народ наверняка поломал бы голову над тем, отчего так вышло... Но не сейчас. В эти дни все разговоры о мире вокруг быстро стихали; все взгляды обращались к одному — к вершине Стены, сквозь черные зубцы которой капля по капле сочились облака. Там, как маленькие паучки, ползали рабочие, протягивая серебряные нити обмеров; там кирпич и камень блестели ночью от инея, а утром — от росы; там завершался величайший труд Олмо Лунгринг. И я был безмерно рад этому, потому что Железный господин умирал.

Он не говорил, что ему стало хуже, и не просил о помощи, но я знал, что его дни сочтены. Конечно, и раньше лха бывало худо, особенно во время Цама, но сейчас все было иначе. Зима еще не наступила; щедрая осень бежала по горам, как пятнистый олень, подымая на рога ворох жухлых листьев, а Ун-Нефер уже не мог подняться с постели без посторонней помощи. Он почти не ел и выпивал разве что пол-ложки воды в день; кожа на костях натянулась так туго, что издавека он казался засохшим растением, скрючившимся под лучами солнца.

Но не солнце сжигало его, а свет, идущий из-под земли. Не раз и не два, бодрствуя у его постели, я видел, как сухие губы расходятся и смыкаются, шепча неслышную молитву, а надо лбом, блестящим от пота, вспыхивает хрустальный нимб и растет, растет, расширяясь, пока умирающий бог страшным усилием не открывает глаза и не прогоняет наваждение. И не раз, и не два я думал о том, что будет, если однажды у него не получится.

Как бы меня не тяготили эти мысли, мне казалось, что я хорошо научился скрывать свои тревоги; однако ж Макару обмануть не удалось. Как-то под вечер, когда я уже завершал работу в городе и отмывал заляпанные кровью и гноем инструменты, она спросила:

— Отчего ты такой грустный, Нуму?

— А с чего мне быть веселым? — отвечал я, надеясь уклониться от разговора. Но Макара вцепилась в меня крепче клеща.

— Обычно ты просто мрачный, как жаба, — проворковала она, шурясь сквозь золотые ресницы. — А в последние пару недель ты как жаба, которую надули через тростинку! Лучше бы тебе поговорить с кем-то, а то того и гляди лопнешь.

— Ну уж не с тобой, — буркнул я, обидевшись на жабу.

— Тогда сходи к Кхьюнг. Она умная; самая умная из нас, — почти с благоговением сказала девушка; и я подумал — а почему бы и не последовать ее совету? Тем более я и сам не прочь был повидать старшую из сестер Сэр. Мы с ней не были близкими приятелями, но в прошедшие годы я нередко навещал общину шанкха, кочевавшую с места на место, слушал ее проповеди — или загадки? — и хотя не всегда понимал, о чем она говорила, но уходил с ощущением мира на душе. Сейчас немного мира мне бы не помешало.

Чтобы не откладывать в долгий ящик, назавтра я снял с груди маску Гаруды (кто знает, куда зашел бы разговор!), надел чубу почище и отправился в дом с белыми стенами, притулившийся на окраине города — нынешний приют шанкха. Я ожидал, что придется пробиваться к Кхьюнг сквозь гудящую толпу учеников, но мне повезло: сегодня младшие шанкха отправились собирать подаяние в городе. Женщина была совсем одна, если не считать помощника, который подавал ей то гребень, то масло для притираний; с годами бельмо появилось и на втором глазу, и зрение Кхьюнг почти отказало. Все же она сразу узнала меня — то ли по запаху, то ли по звуку шагов.

— Нуму! Я рада видеть тебя... ну, или не видеть, — сказала женщина, сопровождая слова улыбкой и тихим, переливчатым смехом. От одного звука ее голоса мне уже стало легче. — Макара сказала, что ты можешь прийти. Тебя что-то тревожит?

Я замялся, не зная, как начать разговор. Ясно, что нельзя было напрямую рассказывать о болезни Железного господина и всех ужасах, которыми грозила бы его кончина; это было бы нарушением всех запретов, которые я впитал если не с молоком матери, то с поучениям лха уж точно. Поэтому вместо ответа я сам спросил:

— А где Макара? И Прию? Я почти никогда не вижу ее среди шанкха.

— Макара со своим женихом. А Прию... с колдуном. Они проводят вместе много времени. На мой вкус, слишком много. Он соблазнил ее! — Кхьюнг покачала седой головой. Без сомнения, она говорила о Зово. Я не видел бывшего почжута уже много лет, с тех самых пор, как он колдовал над Шаи, но не сомневался, что тот жив и здоров и всегда где-то поблизости, как тень, от которой ни убежать, ни укрыться.

— Они... любовники?

— Нет, не думаю, — тут Кхьюнг взмахнула лапой, и ее помощник, согнувшись в глубоком поклоне, попятился вон из комнаты.

— Но ты же сказала, что он ее соблазнил?

— Да. Соблазнил властью над миром, который суть обман. Он учит ее колдовству, Нуму.

— Нуу... Может, это не так уж плохо.

— А сам-то ты не стал ему учиться, — с горечью отозвалась она. — Впрочем, прости меня! Не твоя вина, что моя сестра еще не готова принять учение. Мне остается только надеяться, что когда-нибудь это время настанет. Лучше расскажи, что беспокоит тебя?

— Видишь ли... — начал я, теребя когтем лиловые цветы, вышитые на полах чубы. — Я тревожусь за близких. Зимы все холоднее; лето все короче. Скоро снег и вовсе перестанет таять по весне, а Стена еще не закончена.

— Но строители трудятся на ней день и ночь, и шены выются вокруг, как черные пчелы.

— Да, да, я знаю... Каждый из нас делает, что может. И все же Стена окажется бесполезной, если...

— ...Если Эрлик умрет? — продолжила за меня Кхьюнг, поводя глазами, затянутыми голубой муťou. — Не удивляйся, Нуму. Беглый почжут многое нам рассказал.

— Не всему, что говорит Зово, стоит верить.

— Разумеется, — кивнула женщина, соглашаясь. — Но и не все, что он говорит, — ложь. Я, например, верю, что Железный господин не так добр, как хочет казаться.

— О, он совсем не добр, — понурившись, протянул я. — Он жестокий правитель и способен на страшные вещи. Но, Кхьюнг, он делает это не просто так, а ради нашего спасения! Не слушай Зово, когда он говорит, что цель Эрлика — бессмертие. Зово не знает,

на что похожа его жизнь... а я знаю. Это страдание, которому нет и не будет конца. Если бы ты видела, как он слаб сейчас, как одинок перед лицом наступающей темноты, ты не могла бы не пожалеть его.

— Знаешь, Нуму... Иногда мне кажется, что ты зашел по пути милосердия куда дальше, чем я. Я уже могу сдержаться и не прихлопнуть клопа, ползущего по моей постели, но не уверена, что у меня хватило бы сил пожалеть Железного господина, — с усмешкой отвечала женщина и вдруг ни с того ни с сего вскинула голову и крикнула. — Кто здесь?! Нуму, я слышала чье-то дыхание!

Но ни в комнате, ни за бумажными ширмами никого не было. Должно быть, Кхьюнг напугал обычный сквозняк.

Несколько дней прошло с того разговора; жизнь текла своим чередом. Я накладывал примочки на ушибленные бока, пришивал оторванные уши, вправлял вывихнутые лапы — короче, занимался всем тем, чем и пристало заниматься лекарю, и мало-помалу тревога отпустила, потерявшись за чередой маленьких радостей и бед. Поэтому в вечер Дённам[1] я с легким сердцем шел по улицам Бьяру, насвистывая под нос и жадно вдыхая дымно-сладкие струйки благовоний, текущие из окон лакхангов. Полная луна ползла над городом, пока что низко, обтирая серебряным брюхом известку и черепицу, прячась среди курильниц и разложенного на просушку хвороста. Невольно я загляделся на нежный голубой лик... как вдруг острая боль прокатилась по позвоночнику. Лапы подкосились; я начал падать мордой прямо в осеннюю слякоть, а оказался почему-то в крошечной черноте.

Сознание вернулось ко мне вместе со жгучей болью; затылок будто кипятком облили. Я хотел потрогать зудящее место, но тут же понял, что лапы связаны, да и вообще я весь перетянут толстыми, добротными веревками, как какой-нибудь тюк с шерстью на телеге торговца. Хуже того, я был полностью голым — ни штанов, ни чубы, ни маски на груди! Даже заколки из волос и серьги из ушей вынули все до одной, хотя зуб даю — ни один грабитель в Бьяру не польстился бы на эти медные побрякушки. Решив попытать счастья, я дернулся со всей мочи, но мои похитители умели вязать узлы на славу! Веревки еще сильнее впились в тело; оставалось только стонать от бессилия.

— Извини, Нуму, — ласково пропели над ухом, и мягкая — женская! — ладонь потрепала меня по плечу. — Но это было необходимо.

— Где я? Куда вы меня притащили? — пробормотал я, хотя уже знал ответ. Холодный и влажный воздух, сочащиеся водою стены и зеленые блики, бегущие по ним, волна за волною... О, это место я бы не забыл никогда! Это было подземелье, в котором скрывался Зово.

Стоило подумать о старом почжуте, как он явился передо мною, точно призрак из темноты. Призрак, одетый в мою чубу! На худом, как скелет, колдуне, тот висел нелепыми, болтающимися складками. Заметив мой взгляд, Зово нагло ухмыльнулся и похлопал по впалому животу:

— Что поделаешь! Здесь, внизу, кормят не так хорошо, как в месектет. Но не бойся, скоро я стану таким же красавчиком, как ты.

С этими словами он подскочил ко мне и выдернул здоровый клочок шерсти прямо из гривы! Я взвизгнул от неожиданности, а потом заорал:

— Что ты задумал, урод? Развяжи меня и посмотрим, кто кому шкуру повыдирает!

— Вот поэтому, Нуму, нам и пришлось тебя оглушить, — печально вздохнули у меня за спиной. — И связать.

— Ну-ну, Прийю. Не спеши огорчаться, — отозвался Зово, помахивая в воздухе клоком черных волос; кажется, ему было весело. — Быть может, наш дорогой друг еще решит присоединиться к делу.

— Какому еще делу?

Колдун не ответил; вместо этого он подошел к плоскому камню, поставленному у самого края купальни. На спиленной макушке, как торма на алтаре, лежало множество странных вещиц. Были тут и клочки исписанной бумаги, и осколки костей — красные, еще насыщенные кровью, и белые, как молоко, — и блюдца с семенами горчицы, землей, золою и железными стружками, и пучки длинных волос, и чаши, наполненные желчью, чангом и другими отчетливо смердящими веществами. Там же была и моя маска, завернутая в кусок исписанной заклинаниями ткани, а еще — два огромных изогнутых рога. От кончиков до основания их покрывала сложная резьба; прищурившись, я разглядел крохотных скорпионов и змей, пауков и лягушек, густо покрытых лаком. Сверху были нанизаны украшения — макары с веревочными узлами в зубастых пастях.

Зово бережно взял один из рогов и поднял вверх, будто собирался плеснуть чанга в огонь.

— Мы убьем Эрлика, — сказал он.

Несколько мгновений я просто сидел, хлопая глазами, пока смысл слов не дошел до меня. А когда это наконец случилось, заорал:

— Да ты с ума сошел! Или хочешь, чтобы мы все здесь замерзли? Чтобы чудище под землей сожрало наш мир?

— Наоборот. Чудище, о котором ты толкуешь, многие века спало в глубинах и проснулось только тогда, когда эти самозванные боги, *ремет*, явились в наш мир. Они связаны, разве ты не видишь? Когда мы избавимся от пришельцев, избавимся и от него: оно снова заснет, и зима закончится.

— Если ты так уверен в этом, зачем спешить?! Ун-Нефер скоро и сам умрет!

— Нуму, — отвечал бывший шен, глядя на меня с какой-то непонятной грустью. — Ведь ты уже хорошо знаешь его. Ты знаешь, что случилось с городами южной страны. Если эту Стену достроят, он не умрет никогда. Разве не стоит ему помочь?

И снова его губы изогнулись в хищной, злой усмешке; такую же я видел на лицах лха, когда они отправлялись на охоту в Северные горы. Зово бесполезно было переубеждать в правильности его намерений; да он бы и не стал меня слушать. Так что я попытался зайти с другого бока:

— Но как же ты будешь убивать его? Ведь он бог!

— Нет, Нуму. Он всего лишь колдун. Очень сильный, признаю. Мне не победить его в честной схватке даже сейчас, когда он болен... Но кто сказал, что я буду сражаться честно? — тут Зово подхватил плоску с какими-то блестящим белым порошком. — Узнаешь? Это пыль, которую я нашел в Северных горах, — на том месте, где Железный господин сражался с Лу. Это толченый хрусталь из чешуи и внутренностей чудовища. Знаешь, что он делает?

О, я знал! Я хорошо помнил вздувшийся белесый нарыв и блеск самоцветов, вырастающих прямо из живого мяса... Увидев страх на моем лице, колдун удовлетворенно кивнул.

— Значит, знаешь, — сказал он и высypал содержимое блюда прямо в открытое основание рога, запечатал его пробкой из скрученных волос, залил поверху чем-то вроде желтоватого воска, а когда тот застыл, накарябал когтем одному ему ведомый знак. Все то же самое колдун проделал и со вторым рогом, приговаривая:

— Один предназначен для Железного господина. Второй — для его сестры.

— Но как ты собираешься подобраться к ним?

— О! — Зово ткнул пальцем в потолок, как наставник, готовящийся объяснить урок нерадивому ученику. — Это самое интересное; я не буду к нему подбираться. Ты будешь.

— Что? Никогда! Даже если ты залезешь мне в голову и заставишь подчиняться, это заметят все — и шены, и уже тем более Эрлик!

— Да, я знаю. Но, может, ты все же одумаешься и поможешь нам добровольно?

— Нет! Ты не понимаешь, Зово... Ты ослеплен ужасом, который видел там, с изнанки. Но я тоже видел многое — и я не верю, что Железный господин желает нам зла.

— Что ж... Я ожидал этого, — вздохнул колдун. — Поэтому приготовил кое-что.

Он поднял с камня костяную булавку, с помощью кусочка смолы приклеил к ней клочок выдранной шерсти и продел иглу сквозь подкладку чуба. Тут же его облик стал меняться: седая шерсть почернела и залоснилась, щеки округлились, а глаза из серых стали желтыми. Зово уменьшился в росте и раздался вширь; ворованная одежда уже не свисала мешком с худосочных боков, а пришлась ровно впору. Не успел я охнуть, как на меня уставилось мое же лицо!

— Кого ты обманешь этим глупым мороком?!

— Всех, — отвечал Зово моим голосом и, повесив на грудь личину Гаруды, завязал шнуры на мохнатой шее. — Потому что я сильнее.

— Тебе не пройти через Перстень! И уж тем более не попасть внутрь Когтя!

— Не преувеличивай, Нуму, — возразил колдун, лениво взмахивая моей, мясистой и короткопалой, ладонью. — Смотри! Даже твоя волшебная маска не отличает хозяина от подделки. Не отличат и шены, и заклятия, стерегущие тайные ходы наверх. Даже Ун-Нефер узнает меня не сразу!.. А потом будет уже поздно.

— А как же Палден Лхамо? Думаешь, она купится на это?

— Может, и нет. Но я и не встречусь с нею. Она встретится.

Складки ткани прошелестели у моего уха, и вперед вышла Прию. Она была очень красива — и так же страшна. Густая грива была выкрашена черным, а веки — красным; глаза горели, как два угля, белые клыки блестели из-под темных губ; и хотя она ступала мягко, я видел, как дрожь пробегает по ее спине, заставляя шерсть вставать дыбом.

— Прию! — позвал я почти жалобно. — Остановись, прошу, — иначе погибнешь!

— Да, Нуму; погибну. Но не раньше, чем ты, — тут она коснулась локтя Зово, — приведешь меня в Перстень и покажешь белым жрицам как способную девушку, которую случайно нашел у Стены. Они захотят испытать меня и отведут внутрь лакханга — того самого, где Палден Лхамо через час будет проводить обряды равноденствия. Там-то мы и встретимся.

С этими словами она приняла из лап колдуна запечатанный рог и спрятала его за пазуху.

— Нам пора, — сказал колдун моими губами. — Путь до Перстня неблизкий.

— Жаль, Нуму, — вздохнула Прию. — Я надеялась, что ты будешь с нами... Но, может, так даже лучше! Оставайся жить в том мире, который мы для тебя спасем. А ты

стереги его, сестрица.

— Хорошо, — тихо отозвался еще один голос за моей спиной; я узнал Макару.

Надсадно скрипнуло старое, разбухшее от водяных паров дерево — это двери подземного тайника закрылись за колдуном и Приюю. Только тогда Макара обошла меня и, подобрав подол чубы, села на краю купальни. Несколько минут она молча смотрела на воду — по золотому меху на щеках катились зеленые блики волн, — а потом выбрала на рукаве место почище, отерла припухшие веки и повернулась ко мне, шипя:

— Что ты пыхтишь? Даже не пытайся убежать! Хуже будет.

И подняла вверх сжатый кулак.

Я и правда крутился и так, и сяк, пытаюсь освободиться; но, поняв, что выдал себя, перестал.

— Значит, ты всегда следила за мной. Отправила меня к Кхьюнг, а сама подслушивала под дверью!

— Как будто ты об этом не знал! Меня приставил к тебе колдун; чего еще ты ожидал?

— А как же все эти разговоры про дружбу?

— Слушай, — она махнула лапой так, будто отгоняла лезущую в рот мошкарю. — Я тебе и правда друг, и мне жаль, что пришлось тебя обмануть! Но в этом мире есть вещи важнее дружбы.

— А если бы Зово велел убить меня? Ну, чтобы я наверняка не помешал вашему маленькому заговору?

Макара отвела взгляд. Мне стало и жутко, и обидно; захотелось пронять ее чем-нибудь в отместку.

— Разве ты не приняла учение шанкха вместе с Кхьюнг? Оно ведь запрещает убивать.

— Если кто-то живет неправедной жизнью и умножает страдание, убить его будет благом и для мира, и для него самого! Быть может, в следующей жизни он родится теленком, или кустом крапивы, или табуреткой и очистится от груза своих грехов.

— Для Эрлика не будет следующей жизни.

— И поделом ему, — огрызнулась девушка. — Или ты думаешь, я должна пожалеть его? Так же, как он пожалел жителей южной страны? Тех, кто населял города Анджана, Вамана, Супратика?.. Знаешь, я ведь все детство провела там, за горами, среди зеленых лесов и дворцов из желтого камня! Я играла в догонялки и прятки с дочерьми торговцев и горшечников: они научили меня разгрызать орехи в один укус и делать амулеты из куриных костей. Я беседовала со стариками, дни напролет сидящими в затененных нишах, как медные идолы или бровастые совы. Вместе с молодыми женщинами, надев бело-синие ожерелья из белены и борца, я разливала молоко для священных змей; золотые блюда блестели на солнце, как глаза прячущихся в траве духов! А теперь там, за горами, нет ни золота, ни змей, ни детей, ни стариков. Только холод и смерть, которые принес твой господин. Ну так скажи мне, друг: для них будут следующие жизни? Зово говорит, что нет; что все они отправились на съедение чудовищу из глубины. Но, может, он неправ? Может, он врет, и я увижу их снова, хотя бы в следующем рождении?

— Не всех, — отвечал я, опустив голову. Макара кивнула — и вдруг заплакала, прикрыв лицо широкими рукавами. Они дрожали и тряслись, а я в тупом оцепенении рассматривал маленьких оронго, вышитых малиновыми и красными нитями на темной потертой ткани. При каждом всхлипе и вздохе звери как будто подпрыгивали, поводили носами и уносились прочь по бесконечной синей ночной равнине.

— Макара! Послушай меня, прошу.

— Что?

— Неважно, кто прав — я или Зово; неважно даже, удастся его задумка или нет. Прийю все равно не вернется оттуда. Ни в одной жизни вы больше не встретитесь. Даже если ей удастся убить Палден Лхамо — в чем я сомневаюсь, — разве оно того стоит? Тебе не жалко Железного господина — хорошо, пускай. Но разве тебе не жалко сестры?..

— Думаешь, я не пыталась ее отговорить? — взвилась девушка, ударяя кулаком о камень пола. — Я умоляла! Я стояла перед ней на коленях! Я даже хотела пойти вместо нее, но этот проклятый колдун сказал, что я слишком слабая; что мне не обмануть шенов. А Прийю только рассмеялась. Она всегда была упрямой, а теперь и вовсе ни во что не ставит ни меня, ни Кхьюнг... Может, она никогда не любила нас?

Макара вздохнула и снова потерла покрасневшие глаза.

— Она сделала свой выбор.

— Думаю, ее еще можно спасти, — возразил я. — Если отпустишь меня, я верну Прийю целой и невредимой.

— Каким образом? Если ты выдашь их с Зово шенам, ее все равно казнят.

— Разве я похож на дурака? Или предателя? Может, я и не согласен с Зово, но я не желаю смерти ни ему, ни тем более Прийю. Я столько лет хранил ваши тайны! — на миг я захлебнулся горькой обидой, но сейчас было не до глупых ссор. — Слушай! Мне известны тайные ходы под городом, о которых не знают даже почжуты — одни лишь боги. По ним я доберусь до Перстня быстрее, чем Зово с Макарой, и встречу их на пороге. Увидев меня, Зово сразу поймет, что обман не удался. Он не самоубийца и не станет упорствовать! У него не будет иного выхода, кроме как отступить; и тогда Прийю будет спасена.

Макара недоверчиво покачала головой и уставилась на рябющую поверхность купели. Она замерла надолго; и мне уже чудилось, что мы навеки останемся здесь, вдвоем, до тех пор, пока капающая с потолка вода не сточит нас по капле, как куски мягкого мела. Но вдруг девушка сунула лапу в левый рукав и достала кинжал.

С великим трудом мне удалось затащить ездового барана, одолженного Макарой, под землю. Глупое животное упиралось, трясло башкой и опасно нюхало затхлый воздух, но в конце концов сдалось и теперь тряско скакало вперед, по камням и выбоинам, которые были старше дворцов и лакхангов над нами. А я мог только молиться, чтобы баран не свернул шею ненароком и мне не пришлось бежать до Перстня пешком. Хорошо хоть Макара послушалась меня и сама не увязалась следом; одной заботой меньше!

Сердце билось так остервенело, что, казалось, вот-вот оторвется от корней-сосудов и выскочит прямиком через рот. От барана несло навозом и грязной шерстью; от чубы Зово, в который мне пришлось завернуться, — пылью и гниющими водорослями. Несмотря на холод, я задыхался. Длинные, узкие ходы где-то освещались бликами солнца, переданными по цепочке потускневших зеркал, а где-то — только гнилостным тлением грибов и мха. Местами и того не было; тогда мне приходилось спешиваться и, ведя барана под уздцы, пробираться на ощупь сквозь кромешную темноту. Наконец впереди прояснилось: я добрался до озера Бьяцо.

Первый раз, много лет назад, меня привел сюда Шаи; с тех пор утопленников на дне прибавилось. Увидев скалящиеся за стеклянным потолком черепа тигров, барсов и медведей, баран захрапел и попятился; мне пришлось крепко вдарить ему по бокам, чтобы заставить

идти. Серые воды плескались над нами; тяжкими грудами лежали кости — обросшие кристаллами, будто новой плотью. По поверхности озера иногда проплывали лодки шенов: их серые тени скользили по полу и стенам.

От озера на поверхность вело три пути: один — к Мизинцу, второй — к Перстню; третий уходил за пределы города, к Северным горам. Я выбрал средний. Скоро пришлось спешиться; оставив барана, я поднялся по щербатым ступеням к деревянному заслону, навалился всем телом... Тот чуть сдвинулся вбок. Протиснувшись в щель, я очутился в тайнике за спиной идола Маричи, в одной из зал старой гомпы; осторожно выглянул из-за бронзовых лотосов, слез на пол. В дзонге было спокойно. Шены прогуливались по коридорам и по двору, засыпанному серым песком; слуги мели пыль и протирали лакированные ставни. Судя по запахам с кухни, на обед варилась цампа с мясом. Неужели я и правда успел?..

— Эй! — вдруг окликнули меня; обернувшись, я увидел Ишо. — Как это ты так быстро тут оказался? Я же только что видел тебя у озера!

Издав пронзительный вопль, я оттолкнул изумленного почжута и побежал к пристани Перстня — и миновал уже половину двора, где ученики упражнялись с чучелами демонов и Лу, когда страшный удар сбил меня с лап. Воздух будто вышибло из легких; в ушах загудело. Рядом корчились мальчишки, попадавшие на землю, как сбитые градом яблоки; их учителя устояли, но на мордах, обращенных к западу, читался ужас. Я посмотрел туда же — над лакхангом Палден Лхамо висело белое блестящее облако.

Я опоздал.

Быстро собралась толпа; все в ней кричали, теснились, толкали друг дружку локтями под ребра, но никто не решился подступить к порогу лакханга. Там, на сером песке, лежало шесть трупов: пять белых женщин и Прию. Между ними, как угли в погасшем кострище, чернели осколки разбитого рога; я слышал, как шены шепчут, тыча в них пальцами: «Горн чародея!» Их глухой, сдавленный шепот пугал; но еще больше пугало то, что происходило с телами. Из них, как побеги сорной травы, росли самоцветы: у одной колдуньи они пошли горлом; у другой торчали из глазниц, наподобие острых сосуллек; у третьей покрыли шею и нижнюю челюсть тяжелым ожерельем. А Прию... Прию вся скрылась под толщей сверкающего хрусталя, так что я узнал ее только по слетевшим туфлям из красной кожи и золотистым завиткам шерсти, проглядывающим где-то в голубоватой глубине. Одна из женщин Лхамо тоже была смутно знакома; борясь с головокружением, я взгляделся в изуродованное лицо. Да, точно — это была Драза Лунцен, сестра дерзкого шена, побившего меня в детстве и чуть не заклеванного воронами Падмы! Она чуть не соблазнила меня когда-то... а может, и чуть не убила.

Вдруг меня осенило: должно быть, Зово привел Прию к белым женщинам, как и задумал, но, на беду, среди них оказалась Драза. Почем колдуну было знать, что она давно ненавидела меня за унижения брата? А тут, после стольких лет, ей выпал случай отомстить — отыгаться на девушке, которой я якобы оказал покровительство. Не знаю точно, что произошло между ней и Прию, но той пришлось распечатать рог раньше времени. Так его проклятое содержимое, предназначавшееся для Селкет, поразило ее служанок. Вот только Зово среди погибших не было — значит, колдун еще здесь! Может, прямо сейчас пробирается внутрь Мизинца, и мне надо поспешить...

Тут толпа зашумела, приходя в движение. Шены разбежались во все стороны, как шустрые черные муравьи, и я увидел самого себя.

Я — то есть, Зово в моем обличье, — стоял, высоко подняв над головою запечатанный рог, а напротив замерли пять из восьми почжutow. Среди них был и Ишо, и новый, самозванный, Чеу Луньен. За спинами старших товарищей копошились прочие колдуны, позвякивая кто четками, кто оружием.

— Не делай глупостей, — срывающимся от напряжения голосом велел Ишо и ступил на полшага вперед, раскрывая лапы, будто для объятия.

— Сам не делай, — недобро усмехнулся Зово. — Дайте мне уйти, иначе я его открою! Знаешь, что будет тогда? Шестью трупами не отделаетесь. Весь Перстень погибнет!

— Сними эту дурацкую личину, Крака, и давай поговорим. Чего ты хочешь?

— Ты прекрасно знаешь, чего, — прорычал колдун. Обратное заклятье в один миг спало с него, облезло, как клочья зимнего меха; даже Ленца, давно догадавшийся, кто скрывается под ним, вздрогнул при виде старого знакомого. — Ишо, мы ведь были друзьями! Я хорошо знаю тебя. В отличие от этих ничтожеств — Зово, презрительно оскалившись, обвел взглядом притихших шенов, — ты не дурак. Ты знаешь, чего стоит наш господин; знаешь, что нам следует сделать... Что следовало сделать уже давно! Ты знаешь, что я прав! Так помоги мне — ради нашей былой дружбы, ради всего мира, ради самого себя!

Ишо моргнул, раскрыв рот и глотая воздух, как задыхающаяся рыба. Клянусь, на мгновение мне показалось, что он послушается и обратится против своих товарищей и Железного господина! Но почжут отшатнулся, прижав лапу к сердцу. Темная, страшная тень пробежала по его лицу; глаза остекленели; губы налились синевой. Мотнув головой, он встал среди прочих шенов. Зово только разочарованно цокнул языком.

— Что они с тобой сделали... — пробормотал он и начал медленно пятиться, выставив зачарованный рог перед собою, как щит. Слабая надежда на то, что несчастному смутьяну удастся уйти невредимым, затеплилась в моей душе... Как вдруг он истошно заорал и разжал пальцы; рог упал в истоптанный, рыхлый песок. Вокруг запястий, щиколоток и шеи Зово обвились паутинно тонкие нити, едва различимые в дневном свете. Почуяв слабинку, шены черной волною ринулись вперед.

— Не лезьте! — рявкнули на них сверху. Я задрал голову; на крыше белого лакханга среди серебряных курильниц стояли дакини Палден Лхамо: Макаравактра и Симхамукха. Их лапы были полусогнуты, растопыренные пальцы дрожали от напряжения. Без сомнения, это они связали колдуна.

Но удержать его было не так-то просто! Зово сжал зубы, крутанулся на месте, будто наматывая на себя зачарованные путы, и оборвал их; и хотя на его коже остались глубокие кровавые следы, зато дакини пошатнулись. Симхамукха упала на четвереньки, потеряв равновесие; однако же Макаравактра устояла и плавно, по-змеиному повела ладонями. Новые арканы, явившись прямо из воздуха, тучей устремились вниз; казалось, их наконечники прошьют Зово насквозь, их крючья растерзают беднягу в клочки. Но колдун открыл рот и выдохнул вихрь ослепительного огня; призрачные путы растаяли в нем, как не бывало. Шены, не успевшие отбежать куда подальше, завизжали от боли; пахнуло горелыми шерстью и мясом. Я и сам почувал, как тлеют брови и ресницы, и почел за лучшее спрятаться за широким боком молитвенного барабана. А дакини тем временем слетели с крыши, невесомые, как пух, и мягко опустились наземь.

— Пойдем с нами, — еле слышно пропела Макаравактра. — Палден Лхамо хочет поговорить с тобой.

— Нам приказали привести тебя живым, — Симхамукха криво ухмыльнулась. — Если

получится.

Зово только грязно ругнулся и, сложив пальцы в знаке Крюка, ткнул ими в сторону женщин; тех подбросило ввысь и крепко ударило о стену лакханага. Чавкнула раздавленная плоть; треснули ребра, насквозь пробивая потроха и шкуру; брызги крови и мозгового вещества заляпали белый кирпич. Тела колдуний сползли на песок, оставляя за собой широкий красный след. Зово, чертыхаясь, нагнулся подобрать рог.

— Не так быстро, — прошипела Макаравактра, выбрасывая вперед ладонь; теперь уже бывшего почжута швырнуло прочь на десяток шагов. Женщины зашевелились, поднялись, опираясь на все четыре лапы — поломанные, искривленные, как деревья после страшной бури. Захрустели кости, вставая на место; наполнившись воздухом, со свистом расправились легкие; провернулись под веками закатившиеся глаза — и вот дакини уже стояли как ни в чем не бывало! Только размазанные по платьям пятна нечистот напоминали о том, что мгновение назад они были мертвы.

И снова над их головами поднялись волшебные нити — так много, что весь двор Перстня будто бы заполнил молочный туман. И снова Зово встретил чужие чары стеной пламени, выше и страшнее, чем в первый раз. Там, где рыжие языки коснулись молитвенных барабанов, торанов и чортенов, камни и металл просто-напросто исчезли — даже пепла не осталось. Но дакини вынесли чудовищный жар и опять готовились напасть! Симхамукха сжимала между ладоней нечто вроде бешено крутящегося веретена; вместо пряжи на него было намотано что-то мерцающее, как драгоценность... Страшная догадка пронзила меня: не собрали ли женщины отравленное облако пыли, которое Прию выпустила над лакхангом? Хитрые колдуньи собирались обратить против Зово его же чары!

Тот тоже все понял; и, когда Макаравактра взмахнула рукавами, выбрасывая тысячи сверкающих стрел, третий вихрь огня поднялся в небеса, пожирая крыши зданий и низко ползущие облака. Я бросился прочь, за спину старого, обросшего мхом чортена, и правильно сделал! Молитвенный барабан, служившей мне щитом, растекся струйками расплавленного железа; а потом и они испарились, как роса. Но даже в этом аду дакини уцелели, хоть теперь и хрипели, как дырявые меха, и шатались, будто пьяные. Но что со стрелами, которые они пустили? Кажется, все сгорели! Но тут Зово пошатнулся, и я увидел рану на его плече — рану, от которой уже начали расходиться прозрачные наросты хрусталя.

— Ты отравлен, колдун, — прошептала Симхамукха, с трудом шевеля отвисшей челюстью; изо рта капала розовая, пенящаяся слюна. — Тебе конец, если не пойдешь с нами.

— Я лучше сдохну, — отвечал Зово, оглядываясь в поисках рога; во время сражения тот зарылся глубоко в песок.

В это время какой-то молодой шен, переборов страх, выполз из укрытия и побежал к колдуну, заноса над головой меч. Не успел клинок опуститься даже на полпальца, как храбрец, скрючившись, покатился по земле и рассыпался хлопьями черной сажи... Но еще три шена, сжимая тесаки и копья, подступали слева; двое справа натягивали луки; а за торанами и чортенами таилось и того больше! И дакини, эти проклятые ведьмы, уже выпрямлялись, вскидывая лапы-плети, хрустя срастающимися позвонками!

Зово затравленно оглянулся и вдруг, будто приняв решение, опустил морду и закрыл глаза; а когда открыл снова, они были полны светом.

— Нет! — заорал я, догадавшись, что он собирается сделать. — Не призывай эту тварь! Не надо!

Но колдун не слышал криков. Его рот раскрылся: из глотки текло сияние, превращая

зубы в куски зеленоватого льда. Он готовился произнести слово, которое уничтожит всех — и врагов, и друзей, и Перстень... А может, и весь Бьяру!

— Хватит, — прогремел голос, не принадлежащий ни дакини, ни шенам — никому из веппавет. Сила его была так велика, что даже страшный свет из-под земли померк. Бывший почжут зашелся крупной дрожью, закашлялся, выплевывая вязкую, густую слизь, а потом поднял голову и уставился на приближающуюся фигуру — огромную, грозную, похожую на столп белого пламени с плоской мордой совы.

— За мной, — велела Палден Лхамо, и старый колдун, двигаясь неловко, как кукла на лапе бродячего актера, зашаркал следом. — Ты тоже, Нуму.

Сопровождаемые двумя дакини, я и Зово вошли в лакханг Сияющей богини — может быть, первыми из мужчин в Олмо Лунгринг; но сейчас эта честь мало волновала меня. Здание было невелико. Сначала мы миновали коридор, не больше локтей тридцать в длину. На стенах, в дыму тлеющих курильниц, висели тханка — девятнадцать слева, девятнадцать справа. С них смотрели боги — женщины и мужчины в красных одеждах, увенчанные бычьими рогами в железных оправках. То, без сомнения, были Эрлики, от первого и до последнего... и за спиной каждого стояла тень. Безымянные мастера раз за разом с великим тщанием выписывали складки ее накидки и длинные подвески в гриве, игральные кости и кожаный мешок, притороченные к змеевидному поясу, таблицы заклинаний и палицу с насечками, бьющую без промаха; а еще совиный клюв и глаза, жгущие, как угли.

Дальше был зал с узкими окнами-бойницами, сквозь которые во мглу лакханга били лучи дневного света. И здесь я увидел две тханка, куда больше размером. На первой изобразили мужчину из ремет, в черных доспехах, с венцом-уреем в седеющих волосах. В правом кулаке он сжимал огненный меч; под его сапогами извивались пестрые змеи и демоны, воздевающие лапы к небесам. На второй была женщина в белом платье; в ее темные косы были вплетены костяные бусы, а глаза и пальцы краснели от кармина. На левой ладони она держала капалу, полную кипящей крови; у ее подола простерлись ниц князя в богатых одеждах, а за их спинами множество слуг несли блюда с подношениями благовоний, слоновьих бивней и драгоценностей. Мужчина и женщина были похожи как брат и сестра.

Между тханка на возвышении из трех ступеней стоял трон из лакированного дерева. Палден Лхамо опустила на него и сняла маску. Окружающий ее свет померк, но лицо все еще скрывали нити бисера, ниспадающие с краев головного убора, похожего на закрепленный надо лбом серебряный полумесяц; я никак не мог понять, гневается она или спокойна. Макаравактра подала богине колдовской рог, та внимательно оглядела его, стерла выведенные в воске знаки, поддела пробку когтем и высыпала содержимое — пучки волос, мусор и белую пыль — на поднос, ловко подставленный Симхамукхой. Покончив с этим, махнула ладонью, и дакини, поклонившись, вышли. В зале остались только мы втроем.

— Я рада наконец видеть тебя, Чеу Луньен, — сказала Селкет на *меду нечер*, языке, так странно звучащем в этих выбеленных известью стенах, среди курильниц и алтарей.

— Не зови меня этим именем, — огрызнулся Зово; под его лапой, прижатой к ране, уже блестела толстая корка кристаллов. — Я больше не почжут и не слуга вам.

— Ты всегда был больше, чем слугой. Мой брат любил тебя как сына... любит до сих пор.

— Неужели? — хмыкнул колдун, но богиня будто не заметила желчи.

— Ун-Нефер очень огорчился, когда ты исчез. Он возлагал на тебя большие надежды.

— Мне-то что за дело?.. Казни меня, и покончим с этим!

— Мы потратили столько времени и сил на поиски не для того, чтобы просто тебя убить.

— Вы?.. — губы Зово презрительно дрогнули. — Я вернулся сам — чтобы избавить мир от самозванных богов!

Селкет засмеялась; серебряный бисер заплясал, зазвенел в воздухе, вторя ее чистому голосу.

— Не будь таким наивным, Крака. Помнишь, когда ты решил вернуться?

Зово вдруг обернулся ко мне; под его мрачным взглядом я поежился, не понимая, что происходит.

— Я гадал на узлах, — процедил он сквозь зубы. — И увидел ребенка, отмеченного знаком быка и совы. Ребенка, чьей судьбой было попасть вам в лапы.

— И какое совпадение, что он появился неподалеку от места, где ты скрывался! — издевательски протянула богиня. — Не спорю, ты сам нашел его. Сам догадался, что это лучшая возможность добраться до нас. Но ты ли нашептал семье отправить его в Бьяру? Ты взял его в слуги Перстня? Или, может, ты отвел глаза Чеу Ленца, чтобы он поднялся в месектет? Бедный Ишо, он так переживал...

Она снова засмеялась; а я замер, разинув рот. Моя жизнь в один миг пронеслась перед глазами, выворачиваясь наизнанку, как стягиваемая с ладони рукавица. Неужели все это время я был просто приманкой? Когда сова подняла меня в вечернее небо и открыла клюв, произнося беззвучное слово, это Селкет поставила на мне клеймо, видимое только лучшему ученику Эрлика? Когда дядя прибил к каравану, идущему в столицу, Зово увязался следом только потому, что охотился за мной? И на площади Тысячи Чортенов не я успокоил Чомолангму? И не случайно бык вырвался из лап прислужников и бросился давить толпу? Не от усталости я уснул в его сбруе накануне Цама, и не из милосердия Железный господин остановил Ишо, занесшего надо мною кинжал? А когда Ун-Нефер заклинал мое *рен*, то знал, конечно, что кто-нибудь из лха — мягкосердечный Сиа, или строптивый Шаи, или ласковая Камала — обязательно упросит оставить щенка во дворце; ему же останется только согласиться как бы против собственной воли. И ни я сам, ни кто другой (ни Зово, ни Ишо, вздумай они порыться в моей памяти!) не заподозрят, что боги заманили меня в Коготь...

Стало трудно дышать; из желудка к горлу подкатывал тяжелый липкий ком. Вот зачем Железный господин и Палден Лхамо всюду таскали меня за собою — на шествие Цама, на Стену, даже на охоту в Северные горы, — чтобы Зово видел, как близко они подпускают дурачка. Наивный, я думал, меня отпустили из небесного дворца во внешний мир, чтобы лечить бедняков. Нет; боги ждали, что я встречу с бывшим почжугом, что в его голове созреет замысел убийства... И не потому ли Ун-Нефер во время болезни выбрал помощником меня, а не Сиа, чтобы я проболтался о его слабости и наконец привел отступника прямо в ловушку!

Охнув, я опустился на четвереньки. Меня вырвало бурой желчью прямо на пол.

— Он не знал? — спросил Зово, глядя на меня почти с жалостью.

— Нет.

— И что теперь? Что вы сделаете со мною, если не собираетесь убивать? Придумаете какое-нибудь жуткое наказание длиною в целую кальпу, в назидание другим? Можете не трудиться; эти трусы и так не осмелятся бунтовать... да что там, даже твякнуть без чужого приказа!

— Брат искал тебя не потому, что хочет твоей смерти или мучений. Как ты уже знаешь от Нуму, Ун-Нефер тяжело болен, а потому предлагает тебе занять место Железного господина и завершить его работу. Закончить Стену; спасти мир.

— Да неужели? А что потом?

— Стать камнем, который заткнет горло океана.

Я нахмурился, пытаюсь уяснить смысл сказанного; какое-то смутное воспоминание тревожило меня, гудело в черепе, будто пойманный в кулак жук... А Зово, кажется, и так все понял: его лоб прорезали глубокие морщины, а рот раздвинулся не то в улыбке, не то в оскале. Селкет кивнула:

— Да, ты угадал. Если примешь предложение брата и станешь новым Эрликом, то получишь и его судьбу в придачу. После того, как Стену воздвигнут, тебе придется уснуть навечно. Не простым сном; Ун-Нефер научит тебя особому заклинанию — это будет ваш последний урок. Прочитаешь его и окажешься заточен в аду вместе с чудовищем.

— Кто в здравом уме согласится на такое?

— В здравом, может, и никто, — легко согласилась богиня. — Но ты не какой-нибудь чинуша или торговец жареными пирожками; ты колдун, Крака. Так подумай вот о чем: до того, как ад достанет тебя, ты поднимешься на высоту, не доступную никому — ни шенам, ни святым. Ты станешь богом, пусть и ненадолго. Только что снаружи ты пытался призвать подземную тварь в помощники. Я оценила усилия, правда! Но это жалко по сравнению с тем, что может Железный господин. Разве ты никогда не хотел оказаться во главе стола вместо того, чтобы подбирать с него крохи?

— Что толку в этой силе, если она забирает и волю, и разум? Если я стану богом, что останется от меня?

— Этого не узнаешь, пока не попробуешь. Но скажи честно, Крака: ты никогда не думал, что так и завершается путь? И мало подняться на гору — нужно, чтобы ночь съела тебя? — Селкет склонила голову, наблюдая за Зово из-за бисерной завесы; я вдруг с удивлением понял, что она и правда ждет ответа, а колдун и правда размышляет. Странные судороги пробежали по его седой морде; зрачки сузились до размера горчичного зерна; даже нижняя челюсть чуть отвисла. Я уже испугался — вот сейчас он согласится! Но Зово дернулся, стряхивая наваждение, и вместо этого буркнул:

— А если я откажусь?

— Тогда тебя ждет смерть — и новое рождение, как и всех живущих. Ты будешь мужчинами и женщинами, птицами и зверями, камнями и травой; и так до тех пор, пока все солнца этой вселенной не остынут и не погаснут. Это тоже ад своего рода... только вместо огня или холода в нем все поражено медленным, тепловатым гниением.

— Пустые разговоры! Если бы я и согласился, проклятье невозможно передать по собственной воле. Никто не знает, как Эрлик выбирает новое тело и душу.

Вздыхнув, Селкет сняла с волос причудливый убор, затем отбросила белую накидку. На ней остались только доспехи лха, — черные, будто окрашенные тушью, точь-в-точь как на тханка; над сердцем горела золотая насечка с именем.

— Крака, — позвала она изменившимся, глухим голосом. — Не будь дураком. Помнишь, как мы встретились в первый раз? Кекуит упала сквозь облака, вплавившись в черную скалу, и ваше племя пришло в долину по следу дыма и огня. Когда мы вышли из корабля, ты первой приветствовала нас — женщина с сорочьими перьями в гриве.

— Да, — глухо отозвался колдун. — Я помню.

— Тогда ты сказала мне: «Когда мы едим, то лучшие лакомства оставляем напоследок». И это верно! Прежде чудовище хватало всех без разбору — и слабых, и жалких; всем нашлось применение. Но теперь оно стало куда придирчивей. Как князь, который вставляет в венец только лучшие драгоценности, оно ищет лучшие *йиб*, чтобы украсить себя. А кого в этом мире ты мог бы назвать лучшим? Ответ без ложной скромности — и поймешь, что оно не побрезгует твоей душой, если правильно предложить. Конечно, к этому придется подготовиться. Что ж, и невесты готовятся ко встрече с женихом! Хочешь знать, как это будет?

— Не хочу, — скривился Зово, царапнув хрустальную корку, уже расплзшуюся по мохнатой груди. — Я догадываюсь, что ты скажешь: вы откормите меня чужими жизнями, как безмозглого гуся; одурманите желтыми пилюлями, чтобы не орал от боли; расплосуете и сошьете заново душу, придавая ей сходство с собою — ведь это вас та тварь желает проглотить больше всего на свете! Потом сварите в семи котлах и подадите ей на блюдечке. И если это сработает...

— ...ты станешь новым Железным господином. Ну так что, ты согласен?

Но Зово молчал; странным было его молчание — странным и страшным! Узловатые пальцы сжимались и разжимались, оставляя на ладонях ранки от глубоко впившихся когтей. Сверкающие наросты, охватившие левый бок и спину колдуна, хрустели, будто свежий снег под лапами.

— Так вот что он задумал... — прошептал он наконец. — «Одурачу тебя так, что куда я сам не захочу, туда будешь у меня на посылках ходить!..» Решил откупиться мной от чудовища, а сам сбежать? Нет уж, пусть расхлебывает то, что заварил! Передай брату, госпожа, чтобы засунул это щедрое предложение вместе со всею Стеной себе в жопу!

Я думал, пасть ада разверзнется прямо под наглцом, но Палден Лхамо только пожалала плечами.

— Нуму, будь свидетелем. Я предложила, и он отказался.

Сказав так, она поднялась с трона и прошла по ступеням вниз; стала напротив отступника — высокая, черная. От нее разило невыносимым жаром, жгущим глотку и подпаляющим шерсть на морде, но на губах играла мягкая улыбка.

— Крака, ты сразился с богами — и проиграл. Но твоя смелость достойна награды. Поэтому я подарю тебе то, чего никогда не дал бы мой брат, — свободу, — тут она наклонилась к Зово, шепнула что-то неразличимое ему на ухо и коснулась большим пальцем лба. Крупная дрожь прошла по телу колдуна; поглощавшие его самоцветы треснули и осыпались крупной пылью. Зово уставился в глаза Палден Лхамо — багровые, раскаленные, — прошептал:

— Я ошибся!

И, бездыханный, рухнул на пол.

На выходе из лакханга пара шенов подбежали к богине, и низко кланяясь, забормотали:

— Госпожа! Еще одна колдунья пробралась в Перстень! Мы задержали ее.

И указали на маленькую испуганную женщину с золотой гривой.

— Макара! — вскрикнул я, бросаясь к пленнице; но Палден Лхамо удержала меня.

— Знаешь ее?

Я кивнул.

— Тогда идите за мной.

Оставив шенов недоумевать, богиня повела нас за пределы Перстня. Все время, что мы шли, Макара смотрела на меня в ужасе. Должно быть, она видела тело сестры и разрушения, причиненные сражением Зово с дакини; видела и то, что Палден Лхамо жива. Но какие выводы она сделала? Считала ли меня обманщиком? Предателем? Или поняла, что я просто не успел? Я не решился спросить.

Наконец мы оказались в пустынном месте среди синих скал. Только тогда сияние, окружающее Селкет, погасло; остановившись, она обратилась ко мне.

— Ну и что мне делать с твоей подружкой?

— Прошу, отпусти ее! — взмолился я, сбиваясь и поскуливая от ужаса. — Макара здесь ни при чем! Она помогала мне — освободила, чтобы я помешал Зово. Посмотри, она из шанкха; а им нельзя даже помышлять об убийстве!

Палден Лхамо коснулась ожерелья с раковиной, болтавшегося на шее Макары, одним движением сорвала его и поднесла к глазам, рассматривая.

— Что ж, верно, из шанкха, — протянула она с сомнением.

— Госпожа, прошу! — закричал я, падая на колени. — Сегодня я узнал, что всю жизнь служил вам с братом, волей или неволей. Пусть это будет наградой... Единственной наградой, которую я попрошу за службу!

— Не говори так, Нуму. Может статься, что тебя ждет награда получше...

Богиня помолчала, размышляя. Потом обратилась к дрожащей Макаре:

— Ты покинешь этот город. Сегодня же.

Девушка кивнула, не смея поднять взгляд.

— Хорошо. Теперь убирайся.

Макара сорвалась с места, как приметивший лису заяц, и исчезла в зарослях кустарника на склонах. Больше я никогда ее не видел.

[1] Осеннее равноденствие.

Свиток XIII. Жертвоприношение

Его нашли рано утром. За ночь тело успело остыть и затвердеть; на одежде, коже и волосах вырос толстый слой голубого инея. Говорят, он лежал в подмороженной грязи на животе, лицом вниз, так что не видно было, открыты глаза или закрыты, улыбаются губы или рот открыт в непрекращающемся крике. Оочевневшие пальцы тянулись вперед, к каменной мельнице Эрлика, будто в молитве. Маску, разбитую надвое, бросили неподалеку.

Все это на рассвете увидели вороны Пундарики, и скоро страшная весть разлетелась среди богов: Шаи убили. Но горожане, проснувшись, не должны были увидеть мертвого бога, поэтому его как можно скорее перенесли в Коготь. Там я и встретил своего старого друга снова — но, увы, только для того, чтобы отмыть труп от запекшейся крови, зашить раны и, по обычаю ремет, удалить внутренние органы, прежде чем поместить его на хранение в холодные покои нижнего этажа. Это должен был сделать Сиа, но не смог. Горе совсем подкосило старика; когда Шаи только принесли во дворец, он схватил замерзшее тело и почти час держал в объятьях, никого не подпуская. Потом его насилу оттянули и заставили проглотить успокоительное; но даже в тяжелом, отупляющем сне он плакал и звал сына. Поэтому работу лекаря пришлось выполнить мне.

Я отер тело Шаи смоченным в воде и уксусе хлопком; измерил количество, глубину и ширину ран на спине; сделал надрез над пахом; один за другим заполнил белые сосуды: кишками, легкими, желудком, печенью; залил потроха черным густым бальзамом и закупорил крышкой. В раскрытый живот вложил твердые, перевязанные красными нитками пластины благовоний; сшил надрез. С помощью железного крюка, введенного через ноздри, извлек часть жирного, легко разлагающегося мозга; все оставшееся растворил едким составом.

Лапы двигались будто сами по себе, и, пока я занимался приготовлением *сах*, меня не покидало чувство, что все это — просто сон, страшный сон, от которого еще можно проснуться. Но потом боги один за другим стали входить в покои Сиа и останавливаться у стола, на котором распластался мертвец; и тогда отчаяние добралось до меня. Чтобы никто не видел, как я плачу, я отвернулся и начал перебивать запачканные кровью, жиром и слизью инструменты, но краем глаза все равно видел Нехбет, дрожащую и кусающую губы; Утпалу, мрачного и вздыхающего, будто плюющая дымом гора; Падму — нахмурившуюся, непривычно молчаливую, с волосами взъерошенными, как вороны перья; Пундарику — растерянного, не понимающего, что происходит вокруг; Камалу... Но на ней я не решился остановить взгляд. Смерть Шаи, кажется, совсем сломила ее: остекленевшие глаза, обведенные потеками туши, светились безумием.

Последними появились Палден Лхамо и Железный господин. Бог шел медленно, согнув спину и опираясь на палку, точно ветхий старик... И все же у него хватило сил или злости, чтобы оттолкнуть сестру, когда та пыталась помочь ему усесться.

Когда все собрались, Утпала сказал:

— Его убили.

— Убили, — кивнула Падма. — И не просто так, не по ошибке. Не какие-нибудь разбойники, решившие ограбить слабосильного отшельника. Кто бы это ни сделал, он знал, что Шаи — один из нас.

— Мы и так знаем, кто это сделал и зачем! — прошипела Камала и бросила на стол,

прямо на простыни, которыми я укрыл труп, три кинжала — вроде тех, какими торговцы на рынках потрошат рыбу и счищают чешую. На приметных рукоятях из белого перламутра был вырезан знак — круг с тремя завитками. — Шанкха. Недавно они уже пытались пробраться во дворец. А когда это не вышло, решили добраться до самого беззащитного из нас!

— Недавнее покушение устроили не шанкха, — возразил я. Клянусь, лха вздрогнули от неожиданности — кажется, они забыли, что я тоже здесь! — Это был одиночка.

— Одиночка, которому все же помогали шанкха, — протянула Селкет, пристально разглядывая меня сквозь белые ресницы. — Или ты забыл?..

Я помнил, и очень хорошо, а потому почел за благо замолчать. Но неожиданно Падма поддержала меня:

— Разве вам не кажется странным, что они бросили оружие, по которому их сразу можно найти?

— Это не странно. Это вызов, — отрезала Камала, ударив кулаком по столу так, что задрезжали, зазвенели еще не убранные крюки и иглы. — Они хорошо понимали, что делали, когда бросили его прямо у озера, в месте, куда шены и простой народ приходят на молитву. Они дают всем понять, что боги не бессмертны; дают нам знать о том, что они это знают! Они не боятся нас... А зря!

Падма покачала головой, а потом вдруг воскликнула:

— Уно, ты же знаешь, что происходит в мире мертвых! Можешь найти душу Шай? Можешь спросить у него, что случилось?..

Тихий шепот пробежал по комнате; все повернулись к Железному господину, ожидая ответа. Тот вздохнул, собираясь с силами (воздух с сипением и свистом покидал его легкие) и пробормотал, с трудом ворочая языком:

— Я уже пытался найти его. Но у меня не вышло.

— Что значит «не вышло»? — набросился на него Утпала, взмахнув рукавами так, что поднял сквозняк в тесных покоех.

— То и значит, — оборвала его Селкет. — Попробуй сам — вдруг тебе удастся то, что не получилось у нас?

Щеки Утпалы налились кровью так, что шрамы на них стали почти лиловыми. Тряхнув головой, он отошел в сторону.

— Если мы не можем узнать правду от самого Шай, мы должны расследовать все по порядку, — начала Падма и вдруг осеклась, встретившись взглядом с Камалой.

— Ты всегда ненавидела его! — вскрикнула та, тыча в грудь подруги обкусанным когтем, на котором алели остатки облупившегося лака. — Но неужели у тебя не хватит совести хотя бы после его смерти забыть об этом и наказать убийц? Впрочем, неважно! Мы и так найдем их, даже без тебя.

Вороноголовая поднялась — длинное платье зашуршало, взметнулись и опали шелковые полы — и хотела уже выйти прочь, но Селкет остановила ее.

— Подожди! Падма права: мы не можем казнить первых попавшихся — сначала нужно убедиться, что шанкха действительно виноваты. Но и слишком долго тянуть нельзя. Кто знает, когда убийцы решат ударить в следующий раз? Поэтому я прошу вас — всех четверых — оставить прочие дела до тех пор, пока вы не найдете того, кто виновен в смерти Шай.

— Хорошо, — прогудел Утпала из своего угла.

— Хорошо, — согласилась Падма.

— Хорошо, — процедила Камала; а Пундарика просто кивнул, подражая товарищам.

И боги один за другим стали покидать покои Сиа. Наконец, остались только я, Палден Лхамо, Железный господин и труп, омытый, очищенный, превратившийся в *сах*. Я закрыл лицо Шаи чистой белой тканью, установил подпорки под крестец и лопатки, а потом начал бинтовать ввалившийся, выскобленный изнутри живот.

— Госпожа, ты сказала, что вы не смогли найти душу Шаи. Значит ли это, что она досталась чудовищу под землей?

— Боюсь, что так. Сейчас опасно умирать — круговорот перерождений нарушен, и призраки летают по ветру, как опавшие листья. Увы, многие из них попадают вниз! — покачала головою Селкет; а ее брат прошептал, прижимая пальцы к губам так крепко, как будто его вот-вот стошнит:

— Эта тварь стала сильнее... разевает пасть все шире. Как водоворот, в который затягивает все без разбору.

— Да, жаль! Если бы удалось отыскать Шаи, он многое мог бы нам рассказать. Как ты полагаешь, Нуму, шанкха способны на такое?

— Не знаю. Их учение против насилия, но не каждый шанкха следует учению от и до, — я с силой потер переносицу; пальцы пахли щелочью. — Правда, откуда они могли узнать, что один из богов прячется внизу под видом нищего старика?..

Но ответ сам пришел ко мне: от Зово, от кого еще! Шаи обращался к нему за помощью, и хитрый колдун, умеющий видеть сквозь маски богов, наверняка не выпустил его из-под надзора. Да еще и открыл его тайну Приюю... и Макаре. А та рассказала другим белоракушечникам?.. Выходит, дав Макаре уйти из Перстня невредимой, я тем самым мог убить друга?!

Внутри все похолодело. Селкет, внимательная, как всегда, догадалась о ходе моих мыслей.

— Значит, ты допускаешь, что это были шанкха. Не обошлось без помощи Чеу Луньена, конечно... Он надоумил их, где искать бога, пусть и самого завалящего, — она бросила быстрый взгляд на труп на столе, а затем повернулась к брату. — Ну а ты что думаешь об этом?

— Посмотрим, что найдут вороны, — медленно отвечал Ун-Нефер; во рту у него что-то блеснуло... кристалл? — Кто бы это ни был, для них есть подходящее наказание.

Всем сердцем я желал, чтобы шанкха оказались невиновны, но с каждым днем эта надежда слабела. Белоракушечников видели в ту самую ночь рядом с приозерной гомпой, и не только храмовые служители, которые могли и соврать из ненависти к чужой вере, но и обычные горожане: загулявшие пьяницы, воры, чиновники, спешившие спозаранку по делам, и даже самые беспристрастные свидетели — совы, летевшие разорять в темноте вороньи гнезда. Камала не побрезговала их крошечными мозгами и выудила оттуда все воспоминания, какие смогла. Выходило, что трое мужчин с коротко стриженными гривами и бусами из перламутра, восемь раз перекрученными вокруг шей (по описанию в них узнали учителей шанкха по прозвищу Кала, Дайва и Видхи) в час Быка пришли к берегу Бьяцс вместе со стариком, которого тащили почти волоком, как пьяного или умалишенного; должно быть, его опоили каким-нибудь дурманящим зельем. Правда, никто не заметил, когда мужчины покинули это место и куда направились после... Но причастность шанкха к убийству больше нельзя было отрицать.

Тогда шены по приказу Железного господина схватили учеников из общин, которыми

верховолили Кала, Дайва и Видхи, и допросили их. Но никто не знал, куда эта троица подевалась! Ни под пытками, ни под действием чар и зелий белоракушечники не выдали убежища своих наставников — те как в воду канули. Однако кое-что узнать удалось: например, что Кала, Дайва и Видхи часто учили о смертности богов и о том, что страдания многих перевешивают страдания одного. Такие умники были способны на убийство, если бы сочли его оправданным!

Все это Камала поведала лха, собравшимся в покоях на носу Когтя через неделю после того, как Шаи нашли мертвым. Я тоже был там и с возрастающей тревогой смотрел на вороноголовую. Ее веки воспалились от бессонницы, и одежда висела на выпирающих костях, как дарчо на мертвом дереве. Иногда она замирала, поворачивая голову, будто прислушиваясь к чему-то, но ее голос оставался ровным и спокойным. Не дрогнул он и тогда, когда Камала сказала:

— И теперь, когда никаких сомнений в виновность шанкха не осталось, я предлагаю поймать и казнить каждого исповедующего это учение — сначала в Бьяцо, а потом и во всей Олмо Лунгринг!

— Камала, одумайся! — тут же воскликнул я, но мои слова утонули в реве Утпалы. Тот распрявился, отбрасывая накидку из бурого меха, и не сдерживая гнева, закричал:

— Даже если эти трое были виновны, при чем здесь остальные шанкха? Среди них есть дети, матери и отцы! Есть те, кто даже и не слышал об учителях Кала, Дайва и Видхи. И ты предлагаешь убить их?!

Боги зашептались. Я ясно видел ужас на лицах Нехбет и Падмы, и Селкет сжала губы в сомнении. Только Сиа все так же сидел, зажав белую голову между больших, покрытых бурными пятнами ладоней — будто и не слышал речи вороноголовой. Тогда Камала обратилась прямо к старику:

— А ты что скажешь, Сиа? Ведь ты был его отцом.

Лекарь встал, пошатываясь; слезящиеся глаза беспомощно оглядывали собравшихся.

— Мой сын, — пробормотал он. — Я больше никогда его не увижу.

Вдруг колени старика подогнулись. Он упал на пол лицом вниз, протягивая ладони к месту, где сидел Железный господин — совсем как Шаи... И когда я подбежал к нему, чтобы перевернуть на спину и поднести зеркальце к губам, Сиа был уже мертв.

Когда боги поняли, что случилось, по зале пролетел испуганный вздох, а потом стало тихо — так тихо, что я различил шум ветра за стеклянными стенами. Никто не решался ни шевельнуться, ни заговорить, пока Ун-Нефер наконец не поднялся со своего места. Медленно, неверными шагами он подошел к лекарю, сел на колени, положил растопыренную пятерню ему на сердце. Я смотрел на Железного господина, дрожа от страха, не зная, что произойдет дальше.

— Не бойся, я не причиню ему вреда. Я направлю его душу в безопасное место, — прохрипел тот, а потом, будто сглотнув застрявший в горле ком, заговорил другим голосом, чистым и сильным. — Сиа, не бойся! Смотри.

Скрытые почитают тебя,

Великие окружают тебя,

Стражи ждут тебя,

Ячмень просеян,

Пшеница сжата.

Встань, Сиа. Ты не умрешь!

Встань у ворот. Видишь —
Привратник идет к тебе,
Он берет твою руку,
Он ведет тебя к небу.
Твой отец собрал пир
Для вернувшегося;
Он обнимает тебя
Он целует тебя,
Он поместил перед тобой духов —
Нетленные звезды.

— Что будет теперь? — прошептал я, глядя, как бог прячет в рукава перевитые вздувшимися жилами ладони. И тут же Камала снова возвысила голос, указывая на несчастного лекаря:

— Неужели и после этого вы не можете решиться? Утпала! Послушай меня. Я тоже жалела их, этих маленьких, злых существ. Я не решалась заглядывать им в души — а ведь если бы заглянула, если бы увидела, как они неблагодарны и жестоки, то могла бы предотвратить это. Нельзя повторять этой ошибки. Вепвавет растут быстро; через год или два сегодняшний ребенок готов будет взять в руки кинжал. Мы должны вырвать эту заразу на корню. Мы страдаем — они тоже будут страдать!

Я смотрел на вороноголовую, не веря своим ушам; каждое ее слово припечатывало, как удар крепкой дубины. Но Железный господин покачал головой.

— Мы должны искать справедливости, а не мести, — он помолчал, будто размышляя. Камала и Утпала смотрели на него, не спуская глаз; первая покусывала губы от ярости, второй впился когтями в шрам на щеке. — Но никто не обвинит в несправедливости того, кто защищает дом и семью. Мы не знаем, где скрылись преступники; не знаем, как далеко разнеслась весть о том, что им удалось убить бога. Поэтому все шанкха старше семи лет — возраста, с которого по закону Олмо Лунгринг карают за убийство, — должны быть схвачены, доставлены в Бьяру и казнены во время ближайшего Цама. Может, их лапы не и держали кинжала; но то, что в их головах, опаснее оружия.

Утпала открыл рот, чтобы возразить, но Железный господин уже не слушал. Согнувшись, выставив вперед себя палку, он побрел прочь; полы длинной накидки волочились следом, как тягучая смоляная тень.

Запершись в своей спальне, я впервые за многие годы молился — не так, как заведено у шенпо в лакхангах, а так, как было принято в доме моих родителей. Сел на пол, поджег на тарелке сухие веточки можжевельника и несколько ярких ниток, капнул в огонь масла и немного меда, которым обычно подслащивал пилюли, вдохнул синеватый дым и попытался сосредоточиться на одной-единственной мысли: «Пусть Сиа сейчас будет лучше, чем раньше». Бедный сломленный старик! Бедный, бедный Шаи! О, я был бы рад растоптать его убийц, задуть голыми лапами, наблюдая, как лиловый язык вываливается из пасти... Но остальные шанкха! Разве они заслужили смерти? Уверен, Сиа не хотел бы такой страшной мести, и Шаи тоже!

Убогое подношение догорело. Я встал и принялся расхаживать взад-вперед; меня трясло. Спорить с Железным господином бесполезно — мой голос для него не важнее комариного писка; он не отменит казнь. Значит, надо действовать самому! Спуститься в

город ночью, когда дворец уснет; предупредить всех шанкха, кого я знаю, а они уже разнесут весть. Пусть бегут из Бьяру, срывают с себя четки и амулеты, прячут стриженные головы под шапками и платками... И мне нужно уходить вместе с ними! Если вернусь в Коготь, меня уже не пощадят. Так я думал, дрожа от возбуждения и страха, дожидаясь, пока час Свиньи минует середину; и вдруг маска Гаруды ожила.

— Нуму! Нуму! — пронзительно заверещало из-под одеяла, куда я запрятал проклятую штуку с глаз долой; пришлось достать ее. Маска злобно клацнула клювом и объявила. — Ты должен явиться к Железному господину немедленно!

Я обмер; первой мыслью было — бросить все и убираться отсюда как можно скорее! Но пальцы будто приклеились к лакированному дереву. Сколько я не пытался стряхнуть с лап зачарованную личину, у меня не получалось; а она все твердила: «Немедленно. Немедленно. Немедленно!» Так и пришлось подыматься в покои Эрлика. Только у самого порога эта штука отлипла от шерсти; но двери уже расступились, и я не решился повернуть назад.

Вместо этого я шагнул в темноту.

Она была осязаемая, холодная и влажная, оседающая на языке и ноздрях солоноватым налетом. Внутри сновали течения — кружились, завихрялись, бились о стены и незаметно тянули меня за собою, к месту, где мрак был гуще всего. Я попытался остановиться или хотя бы замедлить движение, но ничего не вышло; тело казалось почти невесомым. А может, то, что лежало на дне черного омуты, было куда тяжелее меня? Такое тяжелое, что сам мир проседал под его весом? Даже тени оторвались от предметов и плыли вокруг, как ключья травянистых водорослей, все в одну сторону — к постели Железного господина. Наконец я сам, согнувшись и отдуваясь, схватился за ее край, как за камень, выступающий из бурных вод.

Бог лежал неподвижно поверх одеял и покрывал, даже не сняв дневную одежду. Я решил, что он спит, но тут костлявая ладонь выпросталась из-под ткани и коснулась моего локтя; когти на ней были длинными и толстыми, покрытыми зеленоватыми пластинками хрусталя. Я отшатнулся, но Железный господин и не пытался удержать меня; вместо этого он дотронулся до горла. Поняв намек, я как можно мягче надавил на указанное место подушечками пальцев: под кожей перекатывалось что-то острое и твердое.

Я не взял с собой инструменты, но в стороне от кровати кто-то уже разостлал кусок плотной ткани с петлями, в которых были закреплены иглы, лезвия, и крюки. Рядом нашлись и масляные плошки, и шарики белого хлопка, и моток шелковых нитей, а еще бутылка мутного стекла и блюдо, заполненное чем-то вроде бурых и белых зернышек ячменя... Приглядываться я не стал; вместо этого зажег один из светильников, прокалил над огнем узкий нож и сделал неглубокий надрез на шее лха; приготовился промакивать кровь, но ее почти не было. Среди волокон бледных розоватых мышц переливались крупные кристаллы. Некоторые пустили корни прямо в трахею — они и доставляли больному главное мучение. Один за другим я вытянул их; но, когда щипцы обхватили последний самоцвет, заколебался. А что, если не выдергивать камень, а вогнать поглубже? Удастся мне то, что не получилось у Зово? Так я спасу шанкха... и кто знает, скольких еще!

— Прижечь... бутылка, — прохрипел Эрлик. Опомнившись, я схватил сосуд, откупорил горлышко и щедро плеснул содержимое на рану. Мясо зашипело; кожа пошла волдырями; Железный господин скривился, но потом вздохнул с облегчением и обмяк, растянувшись на постели. Я уже собирался уйти, когда Стена расступилась, и в спальню вошел Утпала.

— А! Ты не один! — сказал он, заметив меня. — Что ж, тем лучше. Пусть все знают. Я

не буду исполнять твой приказ, Уно.

Железный господин с трудом приподнялся на локте, разглядывая незваного гостя; из его поврежденного горла выходил тихий, свистящий шум — будто ветер просеивали через решето.

— И это не все. Я не дам тебе осуществить задуманное: если надо, я свяжу Падму, Камалу и Пундарику по рукам и ногам, но не позволю им помочь тебе! То, что ты задумал... Казнить тысячи невиновных — это не справедливость. Это бойня.

— Утпала, прошу, — просипел лха почти жалобно. — Подумай, как они опасны для нас. Я только хочу защитить...

— Не лги! — крикнул великан, припечатывая кулаком одну из масок на стене. Та разлетелась вдребезги; ее собратья задрожали, как живые, — некоторые даже сорвались с крюков и повалились на пол. — И не надоело самому?.. Признай уже: тебя не заботит ни наша безопасность, ни правосудие, ни даже месть. Только собственная шкура! Не шанкха ты боишься, а своей судьбы!

И Утпала указал на блюдо, полное испачканных в крови кристаллов.

— Ты не знаешь всего.

— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь! Вокруг тебя не одни слепцы и дураки. Мои вороны летают ночью — я видел шенов, ползающих по Стене в час Крысы. Нехбет рассказывала мне о пропадающих на дороге в Бьяру; Падма — о тех, кто исчез в самом городе. Я до последнего не хотел верить, что это правда, что все делается по твоему приказу. Но теперь — как я могу сомневаться?

Выпученные глаза Утпалы вдруг обратились на меня.

— Ты! Ты знаешь, зачем ему эти шанкха? Их не повесят, не четвертуют, нет! Их принесут в жертву! — толстый палец ткнул в сторону Железного господина. — Ему! Убийство Шаи — только удобное оправдание для этой мерзости. Уно, не ты ли сам его подстроил?.. Ведь он знал о тебе правду; всегда знал, что ты такое на самом деле, и пытался втолковать нам, пока мы малодушно отворачивались!

Пока Утпала говорил, Железный господин сел в кровати, запрокинув подбородок, уперевшись затылком в стену.

— И что же я такое? — недобро спросил он.

— Пиявка!

Утпала раздулся грозовой тучей. Его пудовые кулаки сжимались и разжимались; вены вздулись на лбу и шее; брови топорщились, как наставленные на врага копыя. Он был по-настоящему страшен, но Ун-Нефер только засмеялся, а потом встал с постели, распрямляясь. Зеленовато-белое свечение окружило его голову. Сначала едва заметное, оно быстро расширялось, превращаясь в настоящий нимб, один-в-один как на тханка. Слово полная луна, он лег на лопатки лха; бледные лучи били сквозь веки и губы, будто сквозь прорези в маске. И Утпала, хотя и превосходил Железного господина и ростом, и шириной плеч, все же попятился, прикрывая глаза растопыренными пальцами.

— Я бог, — сказал Эрлик. — А вы пыль. Бесполезная, ничего не стоящая грязь. Усвой уже, Уси: если бы у тебя было то, что мне нужно, я бы просто взял это. Вот так.

Он повел пальцами, и великан упал на колени, сжимая виски. Рот Утпалы широко раскрылся, но крика я не услышал — вместо этого череп наполнил треск и грохот, нарастающий, приближающийся, как стадо разъяренных садагов.

— А если бы ты мог помешать мне, я бы убил тебя. Вот так, — Ун-Нефер вытянула лапу

с алмазными когтями, схватил Утпалу за горло и поднял, как пушинку. Тот задергался в воздухе, пытаясь вырваться, но лха сам отшвырнул его прочь, брезгливо, будто мешок с отбросами. — Ни мертвый, ни живой ты мне не нужен. Убирайся и будь благодарен за милосердие твоего бога.

Держась за ребра, Утпала поплелся прочь; мы остались одни. Сияние погасло. Железный господин сразу как будто уменьшился в росте и почти упал на кровать. Его била крупная дрожь.

— Не я один догадался, — заметил я, вертя в лапах маску, — что это не просто казнь.

Бог молчал; но по движению зрачков я видел, что он следит за мною.

— И ты не так неуязвим, как хотел бы. Что, если Утпала предупредит шанкха?

— Пускай! Можешь и сам пойти к ним. Да, да, иди. Я не буду останавливать тебя. Спаси своих друзей, но учти, что тогда я возьму кого-нибудь другого. Горожан, или строителей, или послушников в лакхангах. Ему все равно.

— Мы все только пыль, так?

— Не будь таким же дураком, как Утпала... или Луньен. Я не злодей, Нуму; я просто делаю то, что необходимо. Посмотри! — Ун-Нефер кивнул на окно: там, далеко за пределами города, извивался каменный хребет, то вспыхивая в лунном свете, то ныряя в серую дымку. — Со дня на день Стена будет готова. Во время Цама ее механизмы будут приведены в движение. Восемь почжutow и восемь белых женщин Палден Лхамо уже начали посты и очищения; и я тоже должен быть готов... к концу. И тогда все, что было... все эти жертвы... будет не напрасно.

— Что ж, закончи, что начал. А потом гори в аду, ты, самозванный бог!

Я выхватил маску из-за пояса и, размахнувшись, швырнул ее прочь; послышался хруст и жалобный, пронзительный писк, будто закричало живое существо. Но я отвернулся и, не оглядываясь, вышел из покоев Железного господина.

Путь к выходу из дворца лежал через сад. Было темно: хотя месяц серебрил макушки деревьев, ему уже не хватало сил продраться сквозь переплетенные нижние ветви и колючие кусты. Однако же я помнил здешние тропинки, как свои пять пальцев, а потому без опаски нырнул в сорную траву... Но я все шел и шел, а саду не было ни конца ни края! Усики черной пшеницы кусались, как злые насекомые; лапы то и дело задевали о выползший из-под земли корень или соскальзывали в хлюпающую грязь, как будто под крышей Когтя недавно прошел дождь. Наконец мне начало чудиться, что сами деревья перешептываются в вышине с затаенной угрозой, подавая друг другу неясные знаки, предупреждая о приближении чужака. А потом я услышал, как кто-то зовет меня:

— Нуму! Остановись!

Сердце тут же ушло в хвост; я все понял. Железный господин решил не испытывать судьбу и избавиться от меня прежде, чем я натворю бед. Он послал за мной Падму. Оно и неудивительно: из всей четверки вороноголовых она всегда была самой легкой на расправу.

Бежать было бесполезно... И все-таки я побежал, сломя голову, не разбирая дороги, а вслед мне кричали:

— Остановись! Да постой ты!

Конечно, я и не думал слушаться, но вдруг, провалившись сквозь жухлые стебли тростника, с головою ухнул в воду. Рот сразу же наполнился вкусом ряски; отдуваясь и отплеываясь, я вынырнул и схватился за край садового пруда.

— Ну вот, ты снова весь вымок. Совсем как в детстве, — недовольно буркнула Падма, нависая надо мною. — Куда ты так несся? А я ищу тебя уже битый час, чтобы попросить о помощи.

— Меня?! И о какой же?

Падма огляделась по сторонам и, склонившись совсем близко, шепнула:

— Помоги доказать, что шанкха невиновны.

В час Дракона, когда восток еще не начал сереть, я, крадучись, пробрался в заброшенный дом на улице красильщиков тканей. Лет пять назад здесь случился пожар; об этом напоминали криво заколоченные окна и черные, не отмытые ни дождем, ни талым снегом стены. Замка на двери не было; вход никто не охранял. В этой холодной, пахнущей дымом дыре нашла приют Рыба, моя помощница. Она перебралась сюда в поисках одиночества — подальше от шумной и суетливой общины белоракушенчиков, но все же поддерживала с ними связь. Потому я и пришел к ней.

Рыба спала на тонкой подстилке, завернувшись с головой в грязный чуба. Она не стала ворчать, когда я растолкал ее, а сразу поднялась и начала завязывать ремни и шнурки, скрепляющие куски ее бедного наряда, — видно, думала, что нас зовут к больному. Как мог, я растолкавал ей, что все шанкха в опасности и должны покинуть город немедленно и в строжайшей тайне. Шенов наверняка уже предупредили о замысле Железного господина, поэтому лучше бы беглецам спрятаться в повозках, в мешках, тюках и больших корзинах, в кувшинах для зерна или масла. Многим из жителей Бьяру мы помогли: кого вылечили от лихорадки, кому вытянули гниль из лапы, кому вправили спину... Может, и они не останутся в долгу.

Когда я договорил, Рыба кивнула — без удивления, без страха — и, низко поклонившись, сказала:

— Спасибо, старый друг. Я предупрежу остальных. Но ты сам не ищи шанкха. За тобой могут следить.

Я знал, о чем она: сколько бы я ни плутал тайными ходами и как бы далеко ни зашвырнул подаренную богами маску, слуги Железного господина хорошо знали меня и могли легко найти. Поэтому я и не отправился напрямик в общину Кхьюнг; да и отсюда пора было бежать.

Поклонившись Рыбе на прощанье, я вышел в утренний город и не меньше часа бродил по улицам, путая следы, как мог. Бьяру мало-помалу просыпался: из окон запахло жареной цампой; в лакхангах служки завели унылые молитвы, звеня колокольчиками и крутя молитвенные барабаны. Дойдя до площади Тысячи Чортенов, я купил у зевающего торговца меру шо в миске из черствого хлеба и одним глотком выпил кислую тепловатую жижу. Меня ужасно клонило в сон, но нужно было сделать еще одну вещь, которую я обещал Падме.

Сил идти пешком во дворец, длинным путем под озером, уже не было. Я напросился в лодку к одному из знакомых шенов (тот покупал в городе отрезки ткани для починки тханка и медную утварь для кухни) и по воде отправился в Перстень.

Найти Ишо оказалось несложно: он был в классе с детьми, только начавшими обучение премудростям колдовства, а заодно письму, чтению и счету. Маленькие ученики Перстня клевали носом, потирали кулаками слипающиеся глаза и только рады были, что я отозвал их наставника. Молча мы прошли вперед по коридору гомпы, мимо других классов, мимо

нужника, в котором я однажды прятался с украденным свитком. Как давно это было?.. С тех пор я вырос и уже начал стареть, а почжут остался почти таким же, как и был, разве что лишился передника с розовыми цветами.

Поднявшись на второй этаж, где не было случайных прохожих, мы встали у окна. Из узкого проема было видно весь двор Перстня: снующих по серому песку шенов, поросший пятнами мха мэндон с притулившимся к нему домом слуг, а еще пристань с сотней плотов и лодок, погруженные в воду чортены, обросшие у основания хрустальной коркой, и само озеро Бьяцо, над которым летали хрипло кричащие птицы... Ишо тоже посмотрел вниз, на опаленные стены, обугленные балки и потекшие, как воск, золотые украшения — следы битвы, проигранной Зово, — а потом, не подымая глаз, спросил:

— О чем ты хотел поговорить?

— Ты знаешь о последнем приказе Железного господина?

Почжут кивнул.

— И ты согласен с ним?..

Ишо долго молчал, а потом сказал вместо ответа:

— У меня есть близкие, Нуму. Те, кого я люблю. И я хочу, чтобы так и оставалось.

— Понимаю. И все-таки я должен попросить тебя кое о чем... Хотя для начала объясни: как оправдают перед народом казнь шанкха?

— Будет объявлено, что они пытались навести проклятье на Олмо Лунгринг, чтобы ускорить приближение зимы и тем самым очистить мир от всех, кто не разделяет их учение.

— Что за глупость!

Ишо закатил глаза так, что сверкнули синеватые белки.

— Какая разница, Нуму? Горожане уже ненавидят белоракушечников: они нищие, грязные попрошайки, которые всюду бродят стаями, говорят на чужом языке и не верят в истинных богов. Дай еще пару лет, и их стали бы убивать и без приказа Железного господина. Никто не усомнится в истинности обвинений. Хуже того, через пару месяцев на улицах начнут продавать какие-нибудь «Тайные свитки мудрецов южной страны», где подробно распишут заклатья, якобы использованные шанкха, чтобы лук гнил и молоко кисло... И их будут покупать как горячие момо, вот увидишь!

— А что насчет шенов? Вам самим известно, почему Железный господин решил казнить шанкха? Он думает, что белоракушечники убили одного из... них, — я указал подбородком вверх — не на небо, а на Коготь, висевший где-то над нашими головами. — Вот об этом-то я и хотел поговорить с тобою.

— Убили... бога? — пробормотал почжут, задумчиво просеивая пальцами шерсть на шее и подбородке. — Неслыханная дерзость! Но теперь понятно, почему в городе больше не видно бесхвостого. Жаль... Он мне нравился.

Я опустил глаза, пряча подступающие слезы.

— Шаи не заслужил такого — и я хочу, чтобы его убийц схватили! Но я не верю в вину шанкха, и есть боги, согласные со мной. Они хотят выяснить правду о случившемся. Однако делать это следует не в открытую, а тайно: кто бы ни был убийцей, пусть считает, что вся тяжесть его греха пала на других, что он сам в безопасности... Вот только для этого потребуется помощь шенов. Потому-то меня и попросили обратиться к тому из слуг Перстня, которому я доверяю. И я обращаюсь к тебе, Чеу Ленца: помоги доказать, что шанкха здесь ни при чем, и тогда Железный господин еще может передумать!

— Передумать... Не будь наивным, Нуму.

— Я не такой уж дурак и не надеюсь, что он усомнится. Нет; скорее горы пустятся в пляс, чем смягчится его сердце. Но я был рядом с Железным господином очень долго... может, не так долго, как ты или другие почжуты, но все же достаточно, чтобы изучить его. И вот что я понял: как и положено Эрлику Чойгялу, он взвешивает каждый свой шаг на весах Закона.

— Закона?.. — переспросил Ишо, удивленно поднимая мохнатые брови.

— Да. Закона, который он сам себе установил и следует ему неукоснительно. *Не зря же его тайное имя — Нефермаат: совершенная истина или совершенный закон*, — сказал я на меду нечер. Толстяк вздрогнул и, испуганно оглядываясь, прошептал:

— И что же гласит этот «закон»?..

— Очень просто: вред не должен превышать пользу. Ты сам знаешь, если ему предложат спасти десять жизней ценой девяти, или даже тысячу и одну — ценой тысячи, он согласится, не задумываясь. Но чтобы поступить наоборот, чтобы ради одного жертвовать тысячами, Железному господину нужны веские причины.

— Может, и так. Но что с того?

— А то, что сейчас он думает казнь шанкха достичь двух целей: покарать убийц лха и получить нужное ему... «лекарство». И эта двойная польза оправдывает двойной вред. Но если мы докажем, что шанкха непричастны к гибели Шаи, он уже не сможет казнить без разбора; ему придется пересмотреть свое решение.

— Ты же понимаешь, что он все равно потребует жертвы?

— Да. Но надеюсь, что она не будет такой огромной... такой страшной.

— А! Так ты тоже готов взвешивать добро и зло? И покупать одни жизни ценой других? Вижу, кое-чему ты научился у богов.

— А что еще остается? — раздраженно огрызнулся я. — Так спасется хоть кто-то! Поэтому не упрекай меня, Ишо. Лучше ответь — ты поможешь?

Почжут молчал, ковыряя когтем трещину на оконной раме, пока кусок старого, темного лака не отслоился от дерева и не упал ему под лапы. Глядя на открывшееся пятно краски, ярко-красное, как расчесанная болячка, он пробормотал невпопад:

— Знаешь, когда мы учились здесь вместе с Луньеном, я всегда восхищался им... и при том терпеть не мог. Мало того, что в искусстве колдовства он обошел меня и стал любимчиком Эрлика! Гаденьш не боялся ничего на свете, а я... я всегда был медлительным и осторожным, как черепаха, готовая в любую секунду спрятать голову в панцирь.

И Перстень в достатке поставлял мне причины для страха! Колдовство — то еще ремесло, Нуму. Духи, проклятья, виденья — все это не способствует душевному равновесию... Но больше всего меня пугал обряд посвящения, которым отмечалось окончание ученичества. И по сей день он проводится на седьмой год после того, как щенок попадает в Перстень. Говорят, в незапамятную старину, когда весь Бьяру умещался в стенах этого дзонга, ученикам, чтобы доказать свою зрелость, следовало принести кровавые дары — отрезать мизинец, или ухо, или хвост, чтобы по увечьям в них отличали мужчин. Однако со временем нравы смягчились. Посвящение стало праздником, на котором старые шены, шамкая беззубыми челюстями, задавали ученикам вопросы — всегда одни и те же: «Кто царит над Лу, Цен и Лха? Что осветит путь, если погаснут и солнце, и луна, и звезды? Где спрятано то, что нельзя найти?», а ученики отвечали, всегда одинаково, клялись в вечной верности богам, срезали пучок волос с гривы — слабое подобие прежних жертв! — замешивали их в красное тесто, лепили из него торма и ставили на алтари. А после был пир,

где чанг лился рекою и на вертелах жарились жирные бараны... Вот только Ун-Нефер, став Железным господином, изменил этот миролюбивый обычай. Он хотел, чтобы шены сравнились с белыми женщинами Палден Лхамо, а не ели до отвала.

— И что же? Он вернул старые порядки? — спросил я, невольно разглядывая лапы Ишо — вроде все пальцы были на месте... Да и хвост покачивался за спиною, пышный и рыжий, как у лисы.

— И да, и нет. Обряд стал тайной; те, кто прошел его, молчали. Но им и не нужно было говорить, чтобы вселить в меня ужас. Хватало и того, что в живых из десятка учеников оставался один, а в здравом уме — и того меньше... Да, шены тогда были тем еще сбродом! Железному господину пришлось отсеивать слабых от сильных, как плевелы от зерен. Правда, в своем милосердии он давал ученикам выбор: отказаться от испытания и покинуть Перстень несолоно хлебавши. Многие так и поступили; иные решили встретиться с неведомым.

Время испытания приближалось — мы с Луньеном, как погодки, должны были проходить его одновременно. Вот только в Краке никто не сомневался, а я... Я жил как в аду. То и дело сердце начинало беспричинно биться, будто жук в кулаке; казалось, что легкие отказываются вбирать воздух. В глазах чернело; задыхаясь и дрожа, я забивался в какой-нибудь угол и так умирал заранее, десятки раз вместо одного. Часто, часто я глядел на южное небо и думал, что пора распрощаться с Перстнем и бежать прочь! Стать горшечником, или пастухом, или простым землепашцем, запрягающим яков в скрипучий плуг... Но каждый раз что-то останавливало меня: может, честолюбие, а может, и неистребимая жажда узнать, что будет дальше. Ведь тайна подобна темноте, Нуму — она и пугает нас, и влечет.

Вот это-то все я и вывалил Краке где-то за неделю до посвящения, то потрясая кулаками и проклиная трусливое нутро, то рыдая от жалости к себе. Луньен молча слушал, лупая рыбьими глазами. Наконец, когда я уже охрип и обессилел, он сказал:

— Я не знаю, как Эрлик будет испытывать нас. Но я знаю средство, которое поможет вытерпеть что угодно.

Я замер, наострив уши. Крака, понизив голос, зашептал:

— Однажды Железный господин взял меня в горы и показал растущие там цветы — желтые, с пушистым венчиком и сухими лепестками. Они чем-то похожи на бессмертник, только стебель толще и темнее; если его надломить, выступит прозрачный сок. Из этих цветов Палден Лхамо готовит тайное снадобье. Стоит лизнуть его, и тело не будет чувствовать боли; а если съесть немного — ее не почувствует и душа. Найди эти цветы и перед испытанием проглоти один лепесток; этого должно хватить.

Благодарный за совет, я отправился в указанное Кракой место и довольно скоро наткнулся на неприметные желтые соцветия. Сорвав один-единственный бутон, я вернулся в Перстень и стал ждать посвящения. Накануне меня снова обуял страх сильнее прежнего. Я вспоминал все молитвы на свете и думал, что после обряда уже ничего никогда не испугаюсь...

Ишо поднял ладонь, закрываясь растопыренными пальцами, будто маской.

— Я ошибался. Теперь я боюсь гораздо больше и даже не могу молиться — потому что некому. А ты приходишь и просишь нарушить приказ Эрлика.

— Нет! Только помочь переубедить его! — возразил я, но почжут вяло отмахнулся. Его пухлая морда обвисла, как растянувшаяся от носки чуба; хвост прижался к штанинам. О чем

бы он ни думал, что бы ни вспоминал, это причиняло Ишо неподдельную боль. Чтобы отвлечь его, я спросил:

— Что же ты сделал тогда?

— Я проглотил лепесток, как советовал Луньен; а потом и второй, и третий. Конечности быстро похолодели. Странное онемение захватило грудь и перебралось на шею; мне показалось, что я не могу больше глотать, притом что язык грозился вот-вот провалиться внутрь горла. Тогда я зажал кончик зубами — крепко, до крови. С минуту чудилось, что я разваливаюсь на части, как гнилой, перезрелый плод; а потом на меня опустился блаженный покой. Чуть спотыкаясь (что, впрочем, можно было списать на бессонницу — ведь обряд совершался глубокой ночью), я с другими учениками-погодками отправился в подземную залу, под этой самой гомпой. Крака подошел, чтобы приободрить меня, но я даже не помню, что ответил ему.

Двери открылись. Старшие шены втолкнули нас в темноту, сами оставшись снаружи. Гроыхнули, закрываясь, засовы. В середине залы вспыхнул огонь, освещая Железного господина. Он явился нам без грозной маски, без булавы-скелета и улавливающего души аркана, но вид существа, чужого этому миру, пришельца с далеких небес, пугал куда сильнее, чем привычная морда быка. Многие пожалели, что вовремя не покинули Перстень... Теперь пути назад уже не было.

Вокруг костра кто-то расставил алтарные камни, числом двенадцать; столько было учеников. Эрлик велел постелить поверх чубы и лечь на них; мы послушались. Тогда он взял в правую лапу тесак — огромный, изогнутый, похожий на носатого осетра — и стал обходить учеников противосолонь. Каждого он ударял в живот, расширяя лезвием рану так, что она принимала вид открытого влажного рта. Ученик испускал короткий вопль — но сразу умолкал, будто оцепенев; только глаза продолжали бешено вращаться в своих орбитах. Дошел черед и до меня. Сверкнуло железо, чавкнула плоть, но я даже не пискнул, одурманенный волшебными цветами. Странно посмотрел на меня бог, но ничего не сказал и продолжил обряд.

Повесив тесак на пояс из змеиной кожи, он снова обошел учеников и над каждым воздел распахнутые ладони — а навстречу из красных ран, как из разожженных слугами курильниц, подымался дым. Сизые клубы разбухали в воздухе, напоминая то птиц, то насекомых, то диких зверей. Железный господин вытягивал из этого марева серую пряжу; одни нити отбрасывал, другие рвал пополам, некоторые переплетал между собою. Много позже я узнал, что этой премудрости — как изменять души живых существ, придавая им новые свойства, — он научился, наблюдая за духами на дереве Уттаракару; но тогда я просто наблюдал в тупом оцепенении. И вот бог навис надо мною; длинные пальцы промелькнули над мордой, заслоня свет, а потом... будто удар молнии прошиб все тело, от макушки до хвоста. Каково же приходилось другим?

Покончив с этим, Железный господин в третий раз обошел нас, касаясь животов левой лапой, и раны на них смыкались, точно вода, смыкающаяся за брошенным в озеро камнем. Но когда он вернулся в середину залы, к пылающему костру, и позвал учеников по имени, откликнулись только двое — Крака и я. Прочие лежали неподвижно, и дыхание не волновало их грудь.

— Десять из двенадцати — пустая трата времени... — вздохнул Железный господин, не скрывая разочарования. — Да и вы двое хороши. Я рассказал тебе, Луньен, о золотых цветах не для того, чтобы ты скормил их Ленца. Ты хоть подумал о том, что будет дальше?

Крака приподнялся на локтях и попытался ответить, но только зашелся истощенным кашлем. Эрлик снова взялся за рукоятку тесака.

— Не стоит ли убить его прямо сейчас? Тебе полезно будет увидеть, к чему приводит глупость.

Отступивший на время страх вновь навалился на меня; но я был слишком слаб, чтобы бежать или прятаться... да это бы и не помогло. Оставалось только ждать, чем все закончится. Крака отчаянно замотал головой:

— Нет! Накажи меня за то, что я разболтал секрет, — это справедливо. Но в чем виноват Ишо? Всем известно, что перед посвящением следует воздерживаться от чанга, соли и любой пищи, содержащей кровь. Но о желтых цветах не сказано ни слова! А если есть их не запрещено, то значит можно!

Бог улыбнулся, видимо, довольный ответом.

— Хорошо, что ты потрудился изучить законы прежде, чем их нарушать. И все же ты оказал другу плохую услугу — как та обезьяна, что размозжила голову охотника, пытаясь согнать с него муху. Идя путями мертвых, нельзя бояться... И тебе, Ленца, следует усвоить это прежде, чем станет слишком поздно.

Сказав так, Железный господин отпустил нас с миром. Я весь горел от стыда, но больше радовался тому, что жив. Иные испытания — их было много потом! — я сносил уже без чужой помощи, а потому полагал, что перерос свой страх. Но это не так, Нуму. Я все еще дрожу, как ребенок, готовый в любую секунду спрятаться за чужой подол...

Ишо вздохнул — так тяжело и протяжно, что, казалось, чуба вот-вот лопнет на груди, а потом вдруг рассмеялся, ударяя правой ладонью по бедру.

— Что ж! Краке и после смерти удастся достать меня! Может, я не и такой храбрец, как он, но я не прощу себе, если буду трусом до конца. Стоит хотя бы раз поступить по совести. Ну, говори — что тебе нужно?

Ночь была холодной, особенно на воде; ветер забирался глубоко за пазуху и ворошил шерсть на затылке. Бьяцо почти не волновалось, и все же плот чуть покачивался, продвигаясь вдоль берега. Тонкие шесты, которыми орудовали четверо шенов, походили на лапы паучка-косиножки; они беззвучно опускались и подымались, поблескивая в лунном свете, будто вымоченные в серебре. Рядом плыло еще два плота, направляемые Падмой и Чоу Пунценом, ближайшим учеником Ишо; между бревенчатыми краями протянулись сети — не из пеньки, а из красных шерстяных нитей. Чоу Пунцен не без гордости сообщил, что они с учителем сами вязали узлы, помещая внутрь волосы из гребней и ниточки из одежды пропавших шанкха. Падме стоило немалого труда добыть этот сор у учеников Калы, Дайвы и Видхи, но, по заверениям колдунов, только такими неводами и можно было рыбачить в Бьяцо.

Мы кружили по озеру не меньше полутора часов: за это время созвездие Ужа успело выползти из темноты и теперь чесалось желтым брюхом о Северные горы. Спрятав ладони в рукава и натянув воротник чуть ли не до бровей, я уже начал понемногу засыпать, как вдруг плоты остановились. Судя по тому, как оживились шены, желанная добыча наконец-то попалась! Ухая и подбадривая друг друга, они схватились за сети. Я хотел было помочь, но колдуны только зашипели и зацыкали в четыре пасти; пришлось дожидаться, пока они сами справятся.

Наконец странный улов затащили на плот; он походил на глыбу подтаявшего льда

размером с новорожденного теленка. В чуть светящейся глубине проглядывало иссохшее, перекрученное тело — то был низкорослый мужчина, одетый на южный манер, как принято у белоракушечников. К утру все три пропавших шанкха были найдены. Шены, сотворив защитные знаки и натянув на лапы перчатки из жесткой кожи, перенесли утопленников на причал Перстня и водрузили на бамбуковые носилки.

— Как ты догадалась, что их следует искать в озере? — спросил я Падму. Она была в маске ворона; пернатая голова вертелась на длинной шее, кося на мертвецов то левым, то правым глазом.

— Когда все говорят, что убийцы как в воду канули, стоит и впрямь проверить воду. Но я удивлена тому, что угадала. Теперь все кажется еще более странным.

— Почему? — я потер переносицу, смахивая с бровей влажный иней, выросший за ночь. От недостатка сна все в голове кипело. — Они могли покончить с собой, чтобы не навлекать опасность на общину... Или, может, боялись того, что с ними сделает Железный господин. Самоубийству есть много объяснений.

— Да, много. А еще есть много способов покончить с собой — повеситься там, со скалы спрыгнуть; благо скал вокруг предостаточно! Но шанкха, якобы люто ненавидящие богов, выбрали тот путь, который ведет напрямик во дворец Эрлика... То есть, мы-то знаем, что он никуда он не ведет, но местные верят в это безоговорочно! Значит, за то время, пока Видха, Кала и Дайва шли от лакхангов к площади, они либо успели сменить веру и решили, как настоящие праведники, переродиться на небесах, либо что-то здесь нечисто...

— Думаешь, их убили?

— Пока не знаю. Эй, ты! — Падма помахала Чоу Пунцену, и почтенный муж приблизился, склонив седую голову. — Сможешь вызвать их призраки для допроса?

— Увы, нет, госпожа! Таково действие этого озера — тот, кто вошел в него, становится недоступен для любого колдовства.

— Хм... Сможете хотя бы достать тела из той гадости, что налипла вокруг? Только так, чтобы уцелел каждый волосок, все клочки одежды, даже соринки — до мельчайшей.

Пунцен оценивающе прищурился.

— Можно, пожалуй... Но на это потребуется время. Неделя или даже две, если делать все осторожно.

— Тогда приступайте прямо сейчас! — гаркнула Падма, широко разевая вороний клюв. Колдуны низко поклонились в ответ и, покрепче затянув завязки на рукавицах, потащили вмурованных в хрусталь мертвецов внутрь Перстня.

Маска вернулась ко мне: однажды я просто нашел ее в своей убогой комнатухе на окраине города, лежащей на подушке в рыжем луче вечернего солнца. Не знаю, кто принес ее: хозяин дома никого не видел, да и двери с окнами была закрыты. Сколько я не осматривал замки, не нашел на них ни царапин от взлома, ни кусочков воска, которым могли бы снять мерку для ключей. Конечно, дело здесь не обошлось без колдовства! Из-за того, что при последней встрече с Железным господином я в сердцах швырнул ее на пол, маска повредилась: золотой клюв у Гаруды откололся. Дыру на его месте закрыли куском хорошо приклеенного дерева, а поверх заплаты нарисовали маленький рот с загнутыми вверх губами и парой белых клыков. Теперь личина стала совсем плоской и вряд ли подошла бы к моей морде. Впрочем, я и не думал примеривать ее — но на шею все же повесил. И вот почему: в Бьяру и окрестностях шла охота на шанкха. Некоторые белоракушечники успели

уйти, но, увы, далеко не все! К концу осени не менее пяти тысяч несчастных поймали и бросили в темницы... точнее, в наспех вырытые ямы, сочащиеся вонью и нечистотами, и оставили ждать казни. Заодно хватали и тех, кто не принял учение, но помогал шанкха, давая им кров или деньги. Доносчики сновали повсюду. Не раз и не два я слышал шепотки за спиной, когда приходил к заключенным с едой и лекарствами. Без покровительства богов меня бы уже давно схватили.

Шены были так заняты ловлей иноверцев, что почти забросили другие занятия. Теперь я чаще встречал на Стене женщин Палден Лхамо: в солнечные дни их платья видно было издалека, и тогда казалось, что на камни опустилась стая белых, хлопающих крыльями птиц. Время от времени колдуньи прижимались мягкими щеками к кладке и слушали что-то внутри. Из любопытства я тоже прикладывал ухо к Стене, но обычно слышал только тихий, едва различимый гул, похожий на то, будто далеко-далеко внизу гудел ветер. Правда, один раз изнутри раздался стук — да такой сильный, что у меня аж в голове зазвенело! Но это было так страшно, что я тут же убежал куда подальше.

Недели через две после того, как трупы Калы, Дайвы и Видхи выловили из озера, Чоу Пунцен пригласил меня и Падму в старую гомпу. Шены помладше проводили нас в подземелье, холодное даже в летнее время, вручили по хатагу, пропитанному резко пахнущими зельями, — ими полагалось обвязать носы — и сразу удалились. Мы остались наедине с тремя огромными блюдами, доверху заполненными алмазными осколками, и тремя расстеленными по полу скатертями, на которых разложили все, что удалось извлечь из камня: кости, мясо, волосы и шкуру, кусочки одежды, подошвы сапог, разорванные четки с перламутровыми подвесками и прочий сор, завалившийся у шанкха за пазухой. Падма тут же закружилась над этими кучами, как ворон над падалью, хватая то один предмет, то другой и поднося к самым глазам. Какой-то клочок ткани особо привлек ее внимание; покрутив его в пальцах и так и этак, она спросила:

— Знаешь, что это?

На первый взгляд то была обычная ветошь — кусок не слишком хорошего, хоть и ярко окрашенного шелка. Правда, на нем синели пятна туши, но вода так размывала рисунок, что тот стал неразличим.

— Нет, не знаю.

Вороноголовая ухмыльнулась.

— Святая невинность! Это бирка. Такие выдают постоянным посетителям домов удовольствий... Тех, где продаются не только вино и жевательные корни, если ты понимаешь, о чем я.

Я крякнул, смущенный, а Падма продолжала размышлять:

— Вот что любопытно, Нуму. Предположим, эти трое убили Шаи. Но как получилось, что они сговорились? Как выбрали друг друга в напарники?.. За прошедшую неделю шены поймали многих учеников этой троицы, и каждому из них я задала один и тот же вопрос: что связывало Дайву, Видхи и Калу? Оказалось, Дайва и Видхи вместе приняли учение в южной стране; но третий, Кала, не был им ни другом, ни даже приятелем. Каково, а? Вот ты бы, к примеру, пошел убивать бога в обнимку с первым встречным?..

Я промычал что-то невнятное, но Падме и не нужны были поддакивания. Размахивая в воздухе куском шелка так, будто это была поражающая тысячу демонов булава, она говорила:

— И все же Кала и Дайва были кое в чем похожи: оба любили женщин — весьма и весьма сильно. Я не знаю тонкостей учения белоракушечников, но не думаю, что

распущенность учителей пришло бы по вкусу ученикам. Поэтому они таились как могли, хотя многие их раскусили.

— Получается, эта штука принадлежала Кале? Или Дайве?

— То-то и оно, что нет, — она указала пальцем на останки, похожие на куски обгоревшего дерева. — Судя по росту и желтым волосам, это Видхи. Он хоть и был другом Дайвы, но отличался безупречным поведением — даже не ел рыбы, яиц и молока. На женщин у него уж точно не хватило бы сил! И все же, судя по бирке, он зачем-то ходил в дом удовольствий.

— Значит, все трое могли встретиться там! Не подтверждает ли это, что они и замыслили убийство?

Падма пожала плечами и снова уставилась на клочок красноватой ткани.

— Кажется, похоже на скачущего зайца, — неуверенно пробормотала она. — По крайней мере, больше, чем на пронзенную стрелой улитку или лягушку на трех горошинах. Что ж, начнем с дома удовольствий госпожи Зиннам, а там посмотрим.

Заведение госпожи Зиннам располагалось в южной части города, там, где текла река Ньяханг: часть дома стояла на земле, а часть повисла над водою на подпорках из темного разбухшего дерева, будто цапля с морщинистыми лапами. На обмазанных глиной стенах темнели влажные пятна. В маленьких окнах не было стекол; их наглухо задернули занавесками из тяжелой, выцветшей на солнце ткани. На берегу, в синей тени, отбрасываемой плоским брюхом дома, я заметил нескольких девушек: они яростно натирали запачканное белье песком, а потом полоскали в мутной до желтизны, ледяной воде. Одна из «прачек», в зеленом переднике, с растрепанными косами, хитро посмотрела на меня и приснула в ладонь. Сгорая от стыда, я поспешно схватился за натертое до блеска медное кольцо и заколотил им, как одержимый.

Дверь распахнулась; навстречу мне вывалился здоровяк с опухшими не то от сна, не то от пьянства веками и, почесывая левой лапой складку жира, нависающую над тугим поясом, вытянул вперед правую. Думаю, тут мне полагалось предъявить шелковую бирку; но вместо этого я положил на грязноватую ладонь золотую монету. Всякая дрема сразу спала с охранника; он вытянул язык так, что чуть подбородок не замочил слюнями, и почтительно поклонился. За его согнутой спиной тут же появилась костлявая женщина в яркой чубе, спущенной с левого плеча. Ее грудь покрывали бусы из мутного янтаря, а в ушах звенели серебряные серьги.

— Прошу, господин, — зашебетала она, хватая меня за плечо и втягивая внутрь, в темноту, пахнущую благовониями так сильно, что в носу свербило. — Проходи! Чего изволишь? У нас лучший чанг во всем Бьяру! Вино прямо из южной страны; такого теперь уже нигде не достать! И жевательный корень для бодрости тела и духа...

— У меня есть... особое пожелание, которое я хотел бы обсудить лично с госпожой Зиннам.

— Ты можешь рассказать мне любой секрет, — пропела женщина, подмигивая обведенным углем глазом. — Я никому не расскажу.

— Нет. Я хочу поговорить с самой Зиннам. Но спасибо за заботу, — пробормотал я, вытаскивая из кошелька еще одну монету. Зажав ее в кулаке, моя провожатая кивнула и, ткнув когтем в сторону кривоногой лавки, полуспрятанной за хлипкой ширмой, исчезла. Выбрав самую незасаленную из подушек, я уселся на указанное место и стал ждать, стараясь

пореже вдыхать воздух, помутневший от курений, но все равно отчетливо пованивающий гнилью — ею тянуло от речной воды, не то от внутренностей самого дома. Рядом были и другие мужчины, которых я не видел, но слышал: перешептывающиеся, вскрикивающие, звучно сплевывающие прямо на пол. Через минуту явилась пухленькая юркая девушка в полосатом переднике и поставила передо мною кувшин с чангом, глиняную кружку и тарелку с чем-то скользким и холодным, вроде черных улиток.

— Соленые сморчки; хороши для мужской силы! — с улыбкой сообщила она.

— Обойдусь, — буркнул я, но чанга все-таки хлебнул. Холод, идущий от стены, уже начинал щекотать спину. По счастью, стоило поставить кружку на стол, как ширма снова отодвинулась, и передо мной предстала сама госпожа Зиннам. Это была женщина средних лет, с седой мордой и масляным до тошноты голосом; каждое ее слово сопровождалось звоном десятков дутых браслетов, унизывавших лапы до самых локтей.

— Чего господин желает? — спросила она, прижимаясь ко мне так близко, что я различил чесночный дух сквозь запах гвоздики, которую госпожа Зиннам перекатывала во рту. — Девочку? Мальчика? Обоих? Или, может, посмотреть?..

— Господин желает, — сказал я медленно и доверительно, кладя свою ладонь поверх ее, — чтобы ты рассказала все, что знаешь о шанкха, которые приходили сюда.

Женщина дернулась прочь, но я со всей силы сжал ее пальцы.

— Не надо убегать. Ты же не думаешь, что я пришел сюда один?.. Лучше успокойся и расскажи мне все, что знаешь, — и тогда тебе никто не причинит вреда.

— Господин! Помилуй! — запричитала она, падая прямо на грязный пол и свободной лапой прижимая край моей чубы ко лбу. — Я ведь поначалу не знала, что они были из шанкха! Иначе я бы никогда их и на порог не пустила!

— Прекрати. Я повторяю тебе, Зиннам: расскажи, что знаешь, и тебя никто не тронет. Пусть боги будут свидетелями моим словам! Теперь я отпущу тебя, но не делай глупостей.

Я ослабил хватку; женщина высвободила пальцы и, баюкая, прижала к груди, но так и осталась сидеть на полу. Наконец, собравшись с духом, она залепетала:

— Я правда не знала, что они из белоракушечников. Сначала ведь только один приходил — всегда в обычной одежде, без четок и всего такого прочего. Потом другого привел; тот тоже был самый обычный — разве что мялся поначалу, как молочный щенок, хоть и взрослый мужик. И головы стриженные они всегда шапками закрывали!

— Что же, и пока развлекались с девушками, шапок не снимали? — не удержавшись, съязвил я.

— Ты, господин, не представляешь, какие у посетителей иногда бывают причуды. Шапки цветочками покажутся. А нам-то что? Главное, чтобы платили и вели себя прилично. Что они из этих, мы поняли, только когда третий появился.

— Третий?

— Ну да. Желтоволоосый такой, совсем сумасшедший, — Зиннам постучала согнутым пальцем по виску. — На вид хлипкий, а нашего бедного охранника отшвырнул, как перышко. Видать, выучился в южной стране какому-то колдовству, спаси нас боже! Ворвался сюда, брызжа слюною, схватил того, второго, за загривок — чисто как щенка — и как начнет отчитывать! Что он и такой, и сякой, и подаяние тратит на всякие непотребства; так громко ругался, что стены тряслись. Хорошо хоть гостей в тот день мало было, а то бы всех распугал!

Я с важным видом кивнул; пока рассказ Зиннам походил на правду. Кала тайком ходил

в дом удовольствий и Дайве присоветовал это местечко. Вот только праведный Видхи узнал о постыдных развлечениях своего друга и решил наставить его на путь истинный.

— Ну и что же случилось потом?

— А потом они уж втроем стали сюда ходить!

— Втроем?! И даже праведник?

— И праведник! — с некоторой гордостью отвечала госпожа Зиннам. — Против Нгенмо даже святой не устоял бы.

— Что еще за Нгенмо?

— Была тут такая работница... Недолго, пару недель всего. Да разве тебе, господин, интересно слушать про всяких девок?

— Не тебе решать, что мне интересно. Рассказывай, что за работница и откуда взялась.

— Откуда взялась, не знаю; знаю только, что не из простых. Вот когда переселенцы своих детей продают — тех сразу видно: на лапах мозоли, когти обломаны, зубы искрошились. Даже кости от голода тоненькие и кривые, как у птичек. А эта пришла — платье, может, и простое, зато пальцы мягкие, как масло; грива так и лоснится! И обходительная, будто во дворце росла... Но сама о прошлом ни словечком не обмолвилась, а у нас не принято спрашивать. Раз лекарь подтвердил, что никакой заразы нет, то и дело с концом — приступай к работе!

Так что взяла я ее и не пожалела; у Нгенмо отбоя от гостей не было! Ну, те белоракушечники тоже к ней ходили — сначала двое, а потом и третий тоже. Когда он вломился сюда и начал ругаться, она подошла, приобняла его — нежно так, как любимого мужа, — и что-то на ухо зашептала. Он сначала отскочил, будто ошпаренный, а потом разглядел, какая красавица рядом стоит: зубы как жемчуг, когти — как розовые раковины, волос рыжий, как огонь!.. Сразу заткнулся и пошел с нею в спальню. С тех пор еще два раза приходил, и все только к ней — на других даже смотреть не желал!

— И когда был последний раз?

— Давно... Да вот как раз перед тем, как по всему городу белоракушечников ловить начали! С тех пор я их больше не видела. И Нгенмо тоже пропала — боюсь, досталось ей за то, что она их привечала. Так что, если хочешь найти ее, господин, поищи в темницах.

— Может, и поищу, — отвечал я. — Но прежде скажи, где живет тот лекарь, что ее осматривал.

Я так торопился покинуть дом удовольствий, что против обыкновения хлестнул ездового барана рукояткой плети по мохнатому заду. Обиженный зверь припустился бегом, оскальзываясь на подмерзающих лужах и тряся завитыми рогами. Скоро река осталась далеко позади, но ее влажные, гнилостные испарения так глубоко впитались в шерсть и одежду, что неприятный запах еще долго преследовал меня.

По счастью, сегодня лекарь Сотамтам сидел у себя в лавке; хоть госпожа Зиннам и нанимала его время от времени для осмотра девушек, основной доход ему приносила продажа благовоний, притираний для роста волос и пилюль из печени утки. Злые языки, впрочем, говорили, что печень лекарь съедает сам, с лучком и маслицем, а потом щедро рыгает на кусочки засахарившегося меда, передавая им тем самым все чудодейственные свойства утиности. Но мне сейчас было не до его сомнительной славы; хоть Падма и не просила об этом, я сам решил потолковать с Сотамтамом о Нгенмо, таинственной работнице дома удовольствий. Чтобы найти ее, нужна была примета поточнее, чем белые зубы или

рыжие волосы! Да и госпожа Зиннам так расхваливала их чудный цвет, что я немедля заподозрил, что Нгенмо просто выкрасилась хною.

Раньше я пару раз мельком видел Сотамтама: лет пять назад, когда его вызвали к Стене, чтобы вскрыть чирей, выскочивший под хвостом какого-то мелкого начальника, и еще в прошлом году, когда он разгуливал среди шенов с лотком, полным надушенных полотенец, мешочков с благовониями и ларчиков смешанного с пахучими маслами жира; им, как я понял, полагалось мазать гриву для пушного блеска. Но мне и не требовалось близкое знакомство, чтобы расспросить его: хватит и золота. И все же для убедительности я придумал кое-что, и только лекарь показался на пороге, высунув язык и подслеповато щурясь, немедля сказал:

— Господин Сотамтам, друг мой! Я вижу у тебя в лавке много отличных средств!

— Это верно, — закивал тот, но я тут же перебил:

— Но боюсь, они не помогут мне! Болезнь, что поразила меня, имеет иную природу, — тут я прижал лапу к сердцу и воздел глаза к потолку, на котором плескались нарисованные карпы. — Знаешь ли ты девушку из дома удовольствий госпожи Зиннам, по имени Нгенмо? Мне говорили, ты осматривал ее.

Морда Сотамтама расплылась в ухмылке от уха до уха; в раздутом зобу что-то булькнуло — видимо, это был одобрительный смешок.

— А! Как же не знать! И на этот случай у меня найдется снадобье, господин: толченые ясеневые жучки с крапивой отлично помогают от бессилия, особенно если съесть по утрам пригоршню сморчков...

— Дело не в сморчках, друг мой. Нгенмо пропала, и я хотел спросить тебя — не помнишь ли ты чего-нибудь такого, что помогло бы найти ее? Какого-нибудь знака или приметного шрама? А может, клейма?

— А сам-то ты при «осмотре», — тут Сотамтам, довольный шуткой, снова забулькал, как трясущееся в кувшине масло, — ничего не заметил?

— Сам понимаешь, не тем был занят, — отвечал я, заодно как бы невзначай похлопывая по чуба в том месте, где припрятал кошелек. Тот отозвался ласкающим слух звоном. — Ну так что, может, вспомнишь что-нибудь?

— Отчего бы и не вспомнить! Глаза у меня не очень хороши, но лапы ох какие чуткие, — лекарь зашевелил пальцами так, что его ладони на мгновение показались мне двумя бурыми каракатицами с извивающимися щупальцами. — И, скажу я, твоей девице повезло, что шерсть у нее такая густая, иначе все бы увидели, как много у нее на теле шрамов. Как будто ее с детства розгами секли! Это-то, пожалуй, и не редкость, но у бедняжки Нгенмо отметины были и на животе, и даже на голове! Я нашел, когда на блох проверял, — темные такие следы. Ткнул в один иголкой из любопытства, а Нгенмо даже не пошевелилась. Вот как привыкла к боли! Правда, не знаю, как все это тебе поможет...

Сотамтам вдруг замолчал — видимо, решил, что и так слишком много рассказал бесплатно. Вздохнув, я полез за кошельком; лекарь снова заулыбался и даже предложил изобразить все шрамы Нгенмо на бумаге (за отдельную плату, разумеется). Рассчитавшись двумя монетами за беседу и кривой рисунок, я поблагодарил его и выскочил из лавки. Солнце уже низко висело над золотыми крышами княжеского дворца, а мне надо было успеть на другой конец города до темноты.

Как я ни понукал барана, до западной оконечности города получилось добраться только

к закату. Здесь, на возвышенности, облака ползли по самой земле. Без солнечного света скоро стало сыро и холодно, хотя мглу и разгоняли красноватые отблески огня, горящего в местах кремации. Краем глаза я заметил больших бородатых птиц, рассеявшихся на макушках придорожных валунов. Время от времени то одна, то другая приподнимала гузку и пускала по камню струю жидкого белого помета. Завидев меня, пернатые твари заорали, забили крыльями, стряхивая в туман перья и пух, — Падма ясно давала понять, что уже заждалась.

И точно, стоило остановиться у входа в пещеру, где Шаи нашел себе приют, навстречу мне бросилась черная клювастая тень и злобно зашипела:

— Где ты шлялся так долго?

Я открыл было рот, собираясь отчитаться обо всем, что разузнал за день, но Падма нетерпеливо отмахнулась.

— Потом расскажешь. Нужно обыскать все как следует, пока никого нет. А то напугаем какого-нибудь бедолагу до полусмерти... Проще было бы, если б я могла взять маску Шаи, но она куда-то делась. И никто не признается, что взял!

Голос вороноголовой обиженно гудел из-под страшной личины. Решив не злить ее еще сильнее, я торопливо спешил и привязал барана рядом с длинногривым лунг-та, у развесистой коряги — кажется, ее приволокли сюда горожане, чтобы расставлять предназначенные «святому» отшельнику дары. Хитрый зверь сразу потянулся мордой к пирожкам и тормам на белоснежных хатагах, кусочках крашеной ткани или рисовой бумаге, с надписанными поверх молитвами о здоровье и богатстве. Я не стал мешать ему лакомиться подношениями: Шаи не был бы против.

Тяжело было входить в жилище, где так долго обитал мой друг и где я не был ни разу; пусть даже я не навещал его из лучших побуждений, что в них было толку?.. Не думал ли Шаи, что я предал его? Не считал ли меня трусом?.. Теперь уже не узнаешь! Мотнув головой, чтобы прогнать непрошенные мысли, я заставил себя осмотреться вокруг, внимательно и вдумчиво.

Но смотреть-то было не на что. Пещера, почти круглая, высотой едва достигала шести-семи локтей, а шириной — десятка шагов; особо не развернешься! В середине виднелось черное пятно очага. Хоть часть дыма и уходила через дыры и щели внутрь горы, на потолке и стенах поверху лаково блестели слои жирной копоти. Подальше от входа, занавешенного потрепанной ячьей шкурой, стояла кровать... если так можно назвать сосновую колоду, обтесанную снизу — для устойчивости, и сверху — чтобы не нахватать заноз в спину; по бокам кора так и осталась висеть красными смолистыми чешуями. Ни простыни, ни покрывала я не заметил, как и кухонной утвари: даже самого заваливающего котелка, чтобы сварить мясо и цампу! С Шаи, конечно, случилось бы спать, завернувшись в чубу и подложив под голову кулак, и питаться только тем, что горожане положат под дверь... Но тут на глаза мне попался сундук с заклепками из дешевой меди, насквозь зеленой, будто мушиное брюшко; он был распахнут настежь. Изнутри выгребли все, до последней нитки: только комочки пестрой пыли говорили о том, что раньше в сундуке хранили хлопок или шерсть. Но вряд ли здесь побывали воры — не то чтобы они не грабят святых, просто всем в Бьяру было известно, что юродивый старик нищенствовал.

— Ты здесь не первый раз, — полуутвердительно сказал я, обращаясь к Падме. Та покачала головой, а потом вдруг присела на корточки, стянула перчатки и принялась шарить пальцами по полу, кое-где легонько постукивая костяшкой мизинца.

— Сюда отправилась Камала. Сама вызвалась — чтобы проверить, нет ли здесь каких-

нибудь зловредных чар. Я и не знала, что она такое умеет, а поди ж ты!

— И что?

— И ничего. Никаких заклятий или дохлых нетопырей под порогом. Только грязное тряпье, сухие лепешки да чанга столько, что хватит год подряд напиваться до павлиньего визга, — припомнив пение сих чудных птах, во множестве водившихся в княжеском саду, я содрогнулся, а Падма меж тем протянула. — Вот только есть у меня подозрение, что мы искали неправильно — точнее, не то. Шаи, сколько бы он ни притворялся дураком, был совсем не так прост.

— И что надо искать? — спросил я.

— Тайник, — отвечала вороноголовая. — У него наверняка есть тайник. И спрятан он не каким-нибудь мудреным *хекау* — Шаи и пользоваться-то им не умел! — а по старинке.

Я оглядел пещеру; пока Падма ползала по полу, надо было заняться стенами. Но с чего начать? Первым делом я принялся ковырять каждую мало-мальски подозрительную трещинку и щербинку когтем; но те не поддавались. Тогда, взяв за пример вороноголовую, я сбегал наружу, оторвал от коряги сухую ветку и принялся стучать ею по камню, стараясь по звуку отгадать, не спрятано ли чего внутри. Так я и пятился посолонь, спиной вперед, аки речной рак, и, конечно же, налетел на Падму, которая как раз нагнулась, чтобы рассмотреть очередную соринку. Потеряв равновесие, я перекувыркнулся и неслабо впечатался затылком в стену. Звон от удара повис в ушах — такой ясный, будто за камнями была пустота!

— Эй! Ты жив? — Падма склонилась надо мною, участливо пощелкивая клювом.

— Шишка будет, — буркнул я, ощупывая череп. — Зато я, кажется, нашел тайник. Только подожди, не вскрывай его! Насколько я знаю Шаи, внутри должен быть хитрый механизм — его и заклинить может, если просто так полезть.

— Хм... А ты что предлагаешь?

— Подожди немного. Покажу кое-что, чему научился у тебя же, — пообещал я и снова выскочил из пещеры: во-первых, за сумкой, в которой лежали мои инструменты, а во-вторых, чтобы сорвать с бараньего рога неказистое украшение — кисточку из цветной шерсти. Вернувшись внутрь, я наскреб побольше сажи из очага и растер ее в маленькой ступке, пока не получил легкий черный порошок; затем обмакнул в него кисточку и слегка пощекотал ею камни вокруг того места, где приложился головою. В одном месте сажа так и липла к стене, точно та была медом вымазана. Следы были такими, будто кто-то много раз давил пальцем в одно и то же место — ничем вроде бы не приметное. Падма торжествующе закротала и ткнула прямиком в темное пятно.

Что-то тихо шелкнуло, и неприметная пластинка, до того казавшаяся единым целым со стеной, отъехала в сторону. В открывшемся углублении блеснул металл. Вороноголовая, отодвинув меня в сторону, немедленно запустила лапы внутрь и вытащила сначала толстый венец с шестью змеиными головками, плотно прижатыми к бокам, — урей, оружие богов; потом — какие-то инструменты, назначения которых я не знал; наконец, три броши из золота. Я поднес их к глазам, рассматривая: на одной было вырезано имя Сиа, на другой — Тиа, матери Шаи, а на третьей, поблекшей от времени, — Меретсегер. Все эти предметы лха вынес из Когтя, нарушив прямой запрет Железного господина; неудивительно, что он старался спрятать их! Но ничего, что помогло бы нам найти убийцу, здесь не было...

Так я думал, пока Падма не вынула из тайника самую неприметную вещицу: стопку бумаг, перевязанную воценой нитью. Распустив узлы, она разложила тонкие, желтоватые листы на деревянной «кровати» Шаи и спросила полусшепотом:

— Знаешь, что это?

— Да, — отвечал я, чуя недоброе и умом, и сердцем, и печенью. — Это Стена.

— А почему эти места отмечены красным? — вороноголовая постучала когтем по чернильным кругам и стрелкам, намалеванным поверх рисунка — кажется, самим Шаи. В одном месте я даже сумел разобрать его неровный, скачущий почерк:

— Обр, — прочитал я неуверенно. — Обратнo?.. Обращение? Не понимаю.

— И я тоже. Но это не важно. Я, кажется, догадалась, кто убийца.

— Что?! Но... кто?

Вороноголовая сгребла шелестящие бумажки, не слишком бережно сложила их вчетверо, обмотала веревкой и сунула во внутренний карман накидки.

— Шаи никогда не жилось спокойно. Он не бросал старых привычек — не успел сбежать в Бьяру, как сразу же принялся подсматривать за шенами, разведывать, вынюхивать невесть что. Много бродил среди рабочих, особенно в северо-западной части Стены — она здесь ближе всего. Я и сама его видела. Однажды даже чуть не пришлось спасать его шкуру: Шаи поймали, когда он пытался то ли украсть, то ли перерисовать какие-то чертежи... Полагаю, именно те, которые мы сейчас нашли. Тогда ему повезло — отбрехался, будто не умеет ни читать, ни писать, а просто хотел из шелковых свитков подштанников нашить. Но начальник строительства — шен по имени Ноза — сильно разозлился; видимо, Шаи ему давно уже глаза мозолил...

— Ноза?..

— Знакомый? — моргнув прозрачным птичьим веком, спросила Падма.

Да, этого шена я помнил! С него началась моя жизнь в Перстне, и после нам доводилось встречаться — как в тот день, когда мы с Шаи прятались от белых женщин Палден Лхамо...

— Угу, — подтвердил я. — Не знал только, что он выбился в начальники.

— Так вот этот самый Ноза надавал нашему другу тумачков и обещал в следующий раз вовсе убить. Шаи это, конечно, не остановило. А теперь только представь, Нуму: что, если Ноза опять поймал его и огрел каким-нибудь проклятьем, как колдуны это умеют? Может, он убил Шаи на месте, может, оглушил... но как только ложная личина спала, Ноза понял, что натворил. Поднял лапу на бога! Он, разумеется, перепугался и решил скрыть свое преступление, подставив шанкха — изгоев, которых ненавидят и в Перстне, и в городе. Кроме того, Ноза знал, где найти баранов отпущения. Он частенько бывал в домах удовольствий — покупал жевательный корень, к которому приистрастился; там-то он и наверняка и встретил Калу, Дайву и Видхи. Нелепые переодеванья Нозу, конечно, не обманули. Шен знал, что эти трое из белоракушечников; теперь знание пригодилось. Угрозами он заставил мужчин дотащить тело Шаи до площади Тысячи Чортенов и истыкать его кинжалами — не таясь, почти что у всех на виду. Ну а дальше им пришлось выбирать: или самим утопиться в озере, или жить с позором, когда Ноза откроет общине, как развлекаются их почтенные наставники. Ты сам знаешь, чем все кончилось.

— Хм... Я не сомневаюсь, что Шаи мог взбесить Нозу — он и ледышку способен был довести до белого каления. Но разве этого достаточно для такой уверенности?

— Есть еще кое-что: узнав о ссоре Нозы и Шаи, я сразу же стала искать шена. Но он пропал! В Перстне говорят, его видели в каком-то грязном притоне, среди вконец опустившихся любителей жвачки... Но сдается мне, этот слух намеренно пустили его друзья, а сам Ноза просто сбежал, опасаясь, что правда так или иначе откроется — или надеясь переждать и посмотреть, выгорела ли его задумка.

Я нахмурился и почесал шею; это и правда было очень подозрительно. Но как теперь искать пропавшего? Правда, на это Падма уже знала ответ.

— Седлай барана, Нуму, — велела она. — Мы едем ловить убийцу.

Я вовсе не был уверен в том, что это хорошая мысль — скакать ночью через горы, чтобы вдвоем, без всякой подготовки, ловить шена; каждый из них — колдун и каждый опасен. Но вороноголовая пропустила мои доводы (вне всякого сомнения, разумные и заслуживающие внимания) мимо ушей. Ее лунг-та несся так быстро, что бедный пузатый баран совсем выбился из сил, пытаясь поспеть за товарищем. Хорошо, что скоро мы выбрались на мощеную дорогу, ведущую к городу: хотя бы можно было не опасаться, что звери оступятся на краю обрыва, или распорют бока острым обломком скалы, или провалятся копытом в трещину... Теперь стоило тревожиться только о том, что загнанный в угол шенпо заставит мою кровь вскипеть и испариться через ноздри, натянет глаза на хвост или высосет печень через ухо. Мелочи, да и только.

— Значит, ты думаешь, что он прячется у Стены?! — прокричал я, захлебываясь хлещущим в пасть ветром. — А там не слишком много народу ходит?

— Сейчас не так уж много! Северо-западную часть, на которой он начальствовал, закончили одной из первых. Теперь рабочих там почти нет, да и шены редко появляются.

— Может, он из города сбежал?

— Не глупи. Уйти из Бьяру — это верная смерть. Вся жизнь, что еще теплится в Олмс Лунгринг, собрана здесь.

Стена была все ближе, такая огромная, что ни золотых крыш княжеского дворца, ни курильниц лакхангов, янтарных во мгле, ни уродливых старых чортенов за нею не было видно. Тучи спускались с ее вершины, как длинная седая грива, струясь сквозь расческу каменных зубцов. У самого подножия этой махины мы остановились. Падма соскочила на землю, бросив мне поводья лунг-та, будто малолетнему служке, и прошипела:

— Иди за мною на расстоянии в двадцать шагов. И тихо!

— Но где он может прятаться?..

Поняв, что я так просто не отстану, Падма придвинулась ко мне и зашептала, пощелкивая клювом (пускай я и знал, что ее обличье — просто морок, но все же отодвинулся подальше, чтобы она ненароком не отхватила мне ухо):

— Все просто: Ноза присматривал за строительством этой части Стены и прекрасно знал ее устройство. Я взяла чертежи у Уно и кое-что нашла. Внутри Стены есть полости, куда выходят всякие важные узлы и соединения. Они достаточно большие, чтобы там уместился один вепвавет, и закрыты только кирпичной кладкой — чтобы проще было добраться, если что-нибудь сломается... Так вот, одна как раз неподалеку! Смекаешь?

— Думаешь, он там? Замурованный? Но как же вода и еда? Не мог же он взять с собой целый амбар?

— Нуму, ты иногда вроде умный, а иногда — как сейчас, — огрызнулась демоница. — Если расшатать кладку, кирпичи можно незаметно вынимать и ставить на место и выбираться наружу. А теперь давай займемся делом!

Прижавшись почти вплотную к Стене, Падма начала красться противосолонь. Я следовал за нею на почтительном расстоянии, ведя под уздцы лунг-та и барана; те плелись медленно, склонив шеи, сонно покачиваясь на ходу. Спокойствие зверей мало-помалу передалось и мне; я даже начал зевать, с каждым разом все шире распахивая рот. В камне, отмытом от грязи осенними дождями, мелькнуло мое отражение — размытое, мутное,

проступающее как будто из-под воды. Вдруг впереди что-то гроыхнуло. Густое, белое облако поднялось в воздух и проглотило Падму целиком! Напрочь забыв, что ничем не смогу помочь против колдуна, я выпустил из лап поводья и бросился вперед, прямо в колышущееся марево. В носу сразу засвербило; рот наполнился вкусом влажного кирпича. «Что ж! Пить кирпич вроде как полезно», — невесело подумалось мне.

По счастью, драться ни с кем не пришлось. Падма была цела и невредима, только запорошена от макушки до пят мелкой пылью. Я приготовился услышать упреки в непослушании, но она замерла, как злой дух перед украшенной репьем дверью, и даже головы не повернула в мою сторону.

— А где Ноза?

Падма покосилась на меня круглым глазом, а потом кивнула на Стену. За взорванной кладкой открылась потайная клетушка, размером не больше нужника в старой гомпе. Пропавший шен лежал на полу. Он был мертв, уже давно — бурю шерсть покрывал толстый слой сора, а кожа и мышцы усохли так, что одежда обвисла на ребрах. Сморщенные губы задрались выше клыков, из-за чего казалось, что труп яростно скалится на непрошенных гостей. Но не это пугало, а то, что морда Нозы уставилась на его же спину. Шену свернули шею, да так круто, что чуть не оторвали череп от основания! На такое был способен только кто-то, обладающий недюжинной силой... И тут я увидел: в пальцах трупа, крепко сведенных судорогой, блестели тонкие алые нити. «Шелк! Ярко окрашенный... Такое не каждому горожанину по карману», — подумал я и вдруг вспомнил любимую накидку Шаи, которую тот надевал под рубище, отправляясь в наружный мир. На ней были вытканы пышные красные маки...

— Падма, — прошептал я. — Может быть, все было наоборот? Может, это Шаи убил Нозу, чтобы выкрасть чертежи?

Вороноголовая провела ладонью перед глазами, сглотнула слюну и хрипло велела:

— Расскажи мне все, что узнал в доме удовольствий.

Я вернулся домой только под утро, поплотнее задернул хлипкую занавеску, упал на кровать и сразу заснул, а проснулся уже после полудня, разбитый и усталый. Все вокруг наполнял тусклый серый свет, в котором даже пестрые дарчо мотались наподобие унылых коровьих языков, вывешенных вялиться на ветру. Шея не желала держать тяжелую голову; на сердце было тоскливо. Не хотелось даже мизинцем шевелить; только отвратительный смрад во рту да переполненный мочевой пузырь заставили меня подняться.

Медленно расчесывая гриву и подвязывая чубу, я думал, что могу пойти к Стене; или в темницу к шанкха; или в город. В любом месте требовалась помощь лекаря — зима принесла в Бьяру множество болезней. На днях я встретил мужчину, умиравшего от истощения, как будто его сосали нутряные черви; вот только червей-то и не было! Он проглатывал по пять мисок цампы за один присест, но его шерсть облезла, кости торчали через посиневшую кожу, а пальцы на солнце просвечивали насквозь. Десятки женщин не могли выносить младенцев... У иных рождались уроды — слепые, безлапые или сросшиеся между собою; чтобы вынуть их из чрева матери, приходилось порою рассекать живую плоть. Короче, много было работы, а помощников не осталось! Ни Макары, ни Рыбы... да и Сален бросил это ремесло, сказав, что устал носиться с чужими бедами.

Вдруг одна мысль пронзила меня, заставив замереть, полупродев пуговицу в нитяную петлю. Я остался совсем один. Ни Сиа, ни Шаи; ни сестер Сэр, ни даже Зово. Где те, кого я

знал в детстве? Где моя семья? Я не встречал их среди переселенцев в Бьяру; а может, встречал, но не узнал? Тот дом, рядом с которым зарыта моя хама[1], — он еще стоит заброшенным или уже прогнил и развалился? А долина в горах, где я жил, — она засыпана доверху снегом?..

— Ну ее к дре, эту работу! — крикнул я отражению, пучившему глаза из засиженного мухами зеркала. — Мир не рухнет без меня; я не Железный господин. Пойду повидаюсь с Саленом!

Выведя из стойла угрюмого барана, все еще чихающего от налипшей на шерсть пыли, я кое-как приладил к курчавой спине седло и поехал по притихшим, невеселым улицам. Совсем скоро должны были начаться недели Нового года, но хозяйки не вышивали нарядные фартуки и не подновляли перетершиеся нитки бус; на ставнях не лепили узоры из подкрашенного теста; не бродили между домов певцы, размалеванные хною и рисовой мукой, или актеры с тряпичными куклами на лапах, или полуголые укротители, влекущие за собой одурманенных обезьян, верблюдов и тигров. Бьяру жил в страхе: зимы, шанкха, шенов... И Коготь, гневно вздетый в небо, как будто грозил притихшему городу с высоты.

Я не знал, застану ли Салена дома, а если застану, будет ли он рад видеть меня, но опасения оказались напрасны. Стоило барану миновать распахнутую калитку, как мой бывший помощник сам выбежал во двор, улыбаясь от уха до уха.

— Вот так гости! Чем обязан? Или настолько не справляешься без меня, что приехал умолять о помощи? Если так, то знай — ни за что не вернусь, ни за какие деньги, даже если хвост мне целовать будешь!

— Не буду я твой вонючий хвост целовать, даже если сам приплатишь! — отшутился я. — Просто хотел повидаться; нельзя, что ли?

Сален как-то странненько хмыкнул, однако же повел лапой в сторону дома — небольшого, но сияющего свежей побелкой, с тугими вязанками хвороста на крыше и дверями со звездчатыми заклепками.

— Что ж, тогда заходи!

Внутри было светло и тихо; от стропил и балок пахло смолой. В главной комнате рядом с очагом стоял столик из черепахового панциря, заваленный всевозможными письменными принадлежностями: кистями, точильными камнями, кусками сухой туши, тарелочками с разведенными красками... Все это Сален подвинул, каким-то чудом освободив достаточно места для тарелки с охлажденным маслом, круглой лепешки, надорванной с краю, и пары стаканов; затем поставил греться воду для часуймы и, покончив с обязанностями хозяина, плюхнулся на валяющуюся на полу подушку.

— Что подельываешь? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Перевожу книгу для одного оми с языка южной страны. «Писание любви» называется. И картинки к ней малюю, чтобы нагляднее было. Хочешь, покажу?

— Нет, спасибо! — пробормотал я, стыдливо отводя взгляд.

— Какой ты скромник, — загоготал Сален, хлопая меня по спине. — А был бы посмелее, Макара выбрала бы тебя.

Я хмыкнул, поддел когтем завиток масла с тарелки и кинул в огонь — на удачу, а потом спросил:

— Ты скучаешь по ней?

— Да. Но хорошо, что она успела сбежать из Бьяры до того, как начали хватать шанкха. Жаль только, что меня не предупредила... Веришь, нет, я думал сначала, что это ты ее

похитил и держишь в подвале.

— Я по-твоему способен на такое?!

Сален пристально посмотрел на меня, а потом пожал плечами.

— Не знаю. Ты странный, Нуму. Вечно куда-то исчезал, ни словом не обмолвился о том, где научился лекарскому ремеслу. А еще, когда думал, что тебя никто не слышит, бормотал на каком-то чудном языке! Я бы решил, что ты сумасшедший, но... — он запнулся, почесывая когтем подбородок. — Безумие оставляет на душе особый след; у тебя его нет. Нет, ты не сумасшедший! Хуже. Ты как ларец с двойным дном; крышка вроде бы открыта, и изнутри так и прет всякая благодать... Но внизу спрятано что-то другое. Что-то, о чем ты, может, и сам не знаешь.

Я поежился — не столько от самих слов, сколько от непривычной серьезности Салена.

— Не спорю, у меня есть кой-какие тайны. Но Макару я не крал.

— Да я и сам это понял, когда шены начали хватать белоракушечников. Тогда все стало на свои места. Макаре, наверно, просто посчастливилось раньше других узнать о готовящемся и вовремя выбраться из города.

— А ты бы сбежал с ней, если бы она попросила?

— Не знаю. Может быть. Но, пожалуй, хорошо, что этого не случилось. Только представь, какие у моего отца были бы неприятности! Сын шена спутался с врагами Железного господина!.. Старик такого не заслужил.

— Я думал, ты его терпеть не можешь.

Сален вздохнул и поворошил в очаге рыже-красные угли.

— Семья у нас не особо удачная, но зла я ему не желаю. Знаешь, что случилось недавно? Он заявился ко мне под вечер, не то пьяный, не то обьевший жевательного корня, полез обниматься и рыдать, аки неясить на болоте. А потом заявил, что у меня всегда были способности к колдовству, но он заплатил другим шенпо, чтобы меня не забрали в Перстень. По его словам, учеников там чуть ли не пытаются: режут, колют, ломают кости, зашивают в мясо какие-то колдовские штуки... Якобы от этого он меня и защищал.

— Если это так, то его можно понять.

— Можно, — кивнул Сален. — Я и понял. Но одну мысль никак не могу выкинуть из головы: почему он решил поговорить со мной начистоту спустя столько лет? Потому что знает — миру приходит конец! И я тоже это знаю, уже давно... Просто не хотел признавать.

— О чем ты?

— Ты сам все понимаешь, Нуму. Ты ведь тоже пришел попроситься, — буркнул Сален и тут же отвернулся, чтобы изучить содержимое котла; но вода еще не вскипела. — В общем, давай лучше выпьем чанга.

— Давай, — согласился я. Лютая, черная тоска засвербила в груди; первый стакан я выпил залпом. После второго Сален все же уговорил меня посмотреть срамные картинки к «Писанию любви». Надо признаться, нарисованы они были отменно! Вот только попытки воплотить все эти ухищрения в жизнь определенно стоили бы храбрецу не одного перелома и вывиха. Оставалось надеяться, что оми перевод сей книжицы понадобится исключительно из научного любопытства.

— А это называется «Золотая рыбка ныряет в драгоценный пруд», — бубнил Сален, с кривой ухмылочкой тыча пальцем в очередную страницу и подливая в стаканы чанга. Я редко пил и привычки к этому не имел, а потому и не заметил даже, когда пальцы успели раздуться и онеметь, а голова — закачаться на шее, как соцветие чеснока на тонком стебле.

— С-слушай, Сален. Ты прав! — пробормотал я заплетающимся языком. — Миру приходит конец. Но если у Железного господина получится со Стеной, может, мы еще будем спасены.

— Не получится, — угрюмо отвечал тот. — Даже шены в это не верят. Мой отец не верит. Пока он плакал тут, все повторял, что им не хватит времени... что Эрлик умирает. Что они уже отдали ему часть бе... швет? Ше... шербет?

— Сухет, — сказал я, чувствуя, как мороз пробегает по коже. — Часть сухет.

— Ага, — кивнул Сален и, закрыв глаза, протянул. — Разве это не чушь? Как бог может умереть? Он врет, все врет... и про меня тоже; он не взял меня в Перстень, потому что я слабак.

Тут мой бывший помощник громко икнул, опрокинулся на спину и отключился. Я поднялся, тяжело опираясь о черепаховый столик, подсунул подушку ему под затылок и, шатаясь, вышел прочь. Не помню, как оказался дома в постели — наверно, умный баран сам нашел дорогу, а дальше помог хозяин двора. Назавтра я даже обнаружил у изголовья предусмотрительно оставленную миску со стылым мясным наваром, который и выпил одним глотком.

Мысли ворочались в мозгу медленно, как застрявшие между камней ящерицы. Первая была про женщину из дома удовольствий, прячущую шрамы под рыжей шерстью. Не знак ли это того, что ее истязали, как Рыбу, из-за веры в учение шанкха? Это бы объяснило, почему она привечала трех грешных учителей и почему исчезла, как только на белоракушечников начались облавы. Вторая была про шена Нозу. Неужели Шаи правда убил его ради каких-то рисунков?.. И зачем они сдались сыну лекаря, который все равно ни бельмеса не смыслил в колдовских делах?! Ну а третья мысль, холодная, будто свалившаяся за шиворот пригоршня снега, была про Железного господина. Со слов Салена выходило, что сбылись худшие из опасений Ишо — его болезнь зашла слишком далеко; ни случайных жертв, ни жителей семи великих городов южной страны не хватило, чтобы остановить распад. В пасть чудовищу бросили даже тех, кто спал в глиняных чортенах — тех, кто шел в Бьяру, надеясь на спасение... А теперь им не родиться снова, ни на земле, ни на небесах, ни зверем, ни даже бессловесным растением. Есть ли участь хуже этого? А ведь такой же исход ждет шанкха, если ничего не сделать... Но что я могу?!

В висках стучало; к горлу подкатывала тошнота. Все еще плохо соображая, я решил идти в Коготь — повидаться с Падмой, узнать, что она думает о Нгенмо, о Нозе, о Шаи... Прожевав пригоршню горьких пилюль и вылив на лоб полкувшина холодной воды (а остальную половину выпив), я собирался уже выйти за порог, как вдруг в окно постучали. Снаружи, в лучах невыносимого, яркого до синевы света сидела черная птица.

— Нуму, — сказала она голосом Падмы. — Не возвращайся навверх.

— Что? — переспросил я, хлопая глазами; может, чанг еще не выветрился?

— Не возвращайся навверх, — терпеливо повторил ворон.

— Но я бы еще мог помочь!

— Ты уже помог достаточно. Остальное предоставь мне. Прошу, обещай, что послушаешься!

— Хорошо... — проямлил я. Птица кивнула и с истошным карканьем унеслась в сторону гор.

Я не знал, что и думать. Чего Падма так боится? Кого подозревает? Неужели Ун-Нефера?.. Да, Утпала тоже обвинял его; но зачем ему смерть Шаи? Предлог, чтобы казнить

шанкха, можно было выдумать и полегче! Или Шаи что-то узнал про Стену и хотел рассказать об этом? Но кто бы стал слушать полоумного старика!.. Нет, нет, тут было что-то другое!

Неделю, и вторую, и третью я ломал над этим голову, но так ничего и не надумал. А Бьяру тем временем захватила зима, кусачая и злая, как голод. Все дворцы, и дома, и лакханги обросли шубами из белого инея; плевки замерзли на лету, и даже Бьяцо покрылось коркой влажного льда. Шены, спешащие в город по делам, вместе с веслами приучились брать в лодки багры и колья. Вся вода, что была в облаках, просыпалась на землю снегом; днем небо было сплошь синим, как залитое эмалью блюдо, а ночью вспыхивало тысячами лучистых звезд. Но меня не радовал их свет — уж больно он напоминал переливы кристаллов, питающихся живой плотью. Затаив дыхание, я ждал вестей от Падмы, но миновали и месяц Зайца, и месяц Черепахи, и настали недели Нового года, а она все молчала.

На третий день празднования случилось странное. Я покинул дом еще до рассвета: пятерых детей горшечника Мосе поразила таинственная болезнь — они начали плясать, воздевая к небу лапы, распевать на непонятном языке и кричать, что по небу скачут демоны верхом на черных баранах-облаках. Мать тут же позвала колдуна, отец — лекаря. Колдун окурил щенков сангом и обвязал исписанной заклинаниями тканью, я же прописал рвотное и слабительное и чуть не силой отобрал у семьи мешок порченого спорыньей зерна. Пришлось пообещать, что принесу столько же; и вот я уже бегаю с утра пораньше в поисках цампы, как будто мне делать больше нечего!.. Ну а следом навалились другие заботы, и вернулся я только под вечер, в час, когда облака еще тлеют по бокам, но середины у них сизые и остывшие. Мечтал я об одном — напиться горячей часуймы, упасть на постель и тут же заснуть; но вышло иначе. У меня был гость.

Я узнал об этом прежде, чем ступил на порог. Замок кто-то вскрыл: его железные зубья втянулись внутрь, совсем как у кобры, не смеющей укусить заклинателя. Дверь приоткрылась и чуть поскрипывала от сквозняка. Стараясь не шуметь, я скользнул внутрь и сразу заметил чужака у окна — но и тот, почуяв что-то, обернулся. Невольно я охнул: это была женщина, и какая чудесная! Я видел много красавиц, самых разных: и лоснящихся от масла и благовоний оми, и одетых в золото и янтарь купчих, и сочных, как весенняя трава, горожанок, и легких, прозрачных от постов шанкха с окрашенными хной пальцами, но перед нею все прочие меркли, как серебряные монетки перед полной луной. Длинная грива, не заплетенная в косы, не схваченная заколками, в полумраке казалась языками белого огня. Глаза, удлинённые кармином, изгибались, точно рыбацкий нож в лапах дакини; тонкая усмешка застыла на розовых губах. Незнакомка куталась в накидку из темно-красной шерсти, но выглядывающая наружу ладонь, с мягкими подушечками и вощеными когтями, утяжеляющие уши серьги, вышитый ворот чубы — все говорило о достатке. Кто она? И как случилось, что я не видел ее раньше? Неужто она только прибыла в Бьяру со двором какого-нибудь князя? А зачем пришла сюда? Скрывает какую-то постыдную болезнь?.. Тысячи догадок пронеслись в моей голове, а потом женщина заговорила:

— Нуму. Я пришла попросить тебя об услуге.

Как раньше я не смог сдержать вздоха, так теперь не справился со смехом. Стоило узнать ее, как морок спал, будто полотенце с чресел купальщика. «Тщеславные, тщеславные боги! Дурите своими личинами кого-нибудь другого!» — так я подумал, но вслух, чуть

поклонившись, спросил:

— Чем я могу помочь Сияющей богине?

— Ты знаешь, что недавно шены схватили Кхьюнг Сэр? — спросила Селкет тем же ровным голосом.

— Нет, — прохрипел я, оседая на кровать — лапы не держали. Это были дурные вести! Я-то надеялся, что Кхьюнг одной из первых покинет Бьяру, услышав предупреждение Рыбы. Но она осталась... несложно догадаться, почему. Наверняка взялась помогать другим, покуда могла; за то и поплатилась. — Нет.

— Вы с нею хорошо знакомы.

Я молча кивнул; что тут еще скажешь?

— Ты можешь провести меня к ней?

— Провести? Я?! Тебе открыты все двери, госпожа! Только появишься на пороге темницы, замки откроются и стражи падут ниц. К чему тебе проводник... и это нелепое обличье?

Селкет пошевелилась — я скорее услышал это по звону украшений, чем увидел. Последние отблески дня за окном угасли, и комнату наполнила давящая, страшная темнота. Только лицо моей гостьи белело, как хатаг на закрытых воротах лакханга; как снег, засыпавший этой зимою город.

— Если я приду к ней как Палден Лхамо, она может отказаться говорить со мной. А ты... мог бы замолвить за меня слово.

Я вскинулся, недоверчиво таращась на богиню. Что ей нужно?

— О чем тебе разговаривать с Кхьюнг? Хочешь допросить ее о смерти Шай?.. Пытать ее? Влезть в мозги?

Та покачала головой.

— Я хочу просто поговорить. Не о Шай; обо мне.

Злость жгла язык, будто пригоршня перца; я уже хотел открыть рот и выплюнуть ее, огреть богиню какими-нибудь ругательством или проклятьем, но вдруг осекся. Не из страха — что мне было терять? Нет, не поэтому; а потому, что ясно увидел печаль — в изгибе ее шеи, в наклоне плеч. Даже запах огня, всюду следовавший за Палден Лхамо, изменился: сейчас это был не чад громяющих кузниц и колдовских костров, а тоскливый, тревожный дух, знакомый мне с детства. Такой появляется, когда дым уносит из очага и рассеивает по долине, среди гор, среди ползучего ночного тумана.

— Все вокруг помнят о моем брате — и забывают обо мне. Не думай, это не упрек. Он и правда больше нуждается в помощи. Но все же у нас одна душа; один путь... и он близок к концу. Стена будет закончена ко дню Цама.

— Это ведь хорошо.

— Да. Хорошо. Для мира. Для других. Но ты же знаешь, Нуму, что случится потом. Мой брат спустится в ад — рукотворный ад, предназначенный для него и подземной твари... И для меня. Мне придется отправиться за ним, как утопленнику — за привязанным к шее грузом.

— Прости, конечно, но ты заслужила этого не меньше, госпожа. Ты знала обо всем, что творится на Стене, и помогала этому.

— Я и не спорю, Нуму. К тому же брат прав: только так можно остановить чудовище — став камнем, который заткнет ему горло. И все же... я боюсь того, что меня ждет, — прошептала Селкет и тут же поднесла пальцы к губам, будто пыталась поймать произнесенные слова. — Поэтому я хочу поговорить с Кхьюнг. Многие в Бьяру прославляли

ее мудрость — может, она знает слова, которые помогут мне принять судьбу.

Она замолчала; не слышно было даже дыхания. Точно не богиня, не царица, даже не женщина из плоти и крови — бесплотная тень стояла у окна... Так мне казалось, пока в комнату не заглянула новорожденная луна; в ее свете я увидел, как глубоко когти Селкет впились в ткань накидки, как потемнели от крови плотно сжатые губы... И хоть в аду ей было самое место, я все же почувствовал жалость.

— Хорошо. Я проведу тебя к Кхьюнг. Скажу, что ты моя знакомая, втайне принявшая учение. Но говорить с тобой или нет — решать ей.

За порогом уже ждала крытая повозка, запряженная грозным черным дронгом. Правила ею старуха, за всю дорогу не проронившая ни слова — может, такая же немая, как и тащивший нас зверь? После получаса пути в тягостном молчании мы наконец выбрались наружу. Свежий снег громко скрипел под подошвами; я покосился на следы, которые оставляла Палден Лхамо, — они были куда больше и глубже, чем оставили бы лапы вепвавет.

— Все равно затопчут, — бросила она, перехватив мой взгляд. — Да и теперь — разве не все равно?..

Кхьюнг попала не в самое худшее место — не в яму, прикрытую одним навесом из заскорузлой кожи или дырявого войлока, а в старую городскую темницу, куда прежде сажали воров и казнокрадов. Здесь над головой подымались каменные своды, а в клетушках, хоть и переполненных, было сухо и тепло, даже душно от дыхания множества ртов и носов. Днем немного света пробивалось сквозь дыры под потолком, но сейчас внутри царил темнота — лиловая, цвета сырой печени. Большинство шанкха спали; иные бормотали молитвы. Где-то скулил щенок; тихо напевала, баюкая его, мать. На нас никто не обращал внимания — ни белоракушечники, ни стражи, слонявшиеся по кривым коридорам. Я не удивился этому чуду — чего еще ждать от богов?.. Кхьюнг держали дальше всех и, несмотря на тесноту, в одиночестве; даже юноши-ученика, обычно помогавшего ей, не было рядом. Кажется, несчастная совсем ослепла: наше появление не потревожило ее. Только когда я окликнул женщину по имени, она раскрыла голубые, как пластинки бирюзы — и такие же незрячие — глаза.

— Нуму! — воскликнула она радостно, будто мы встретились за общим столом в доме шанкха. — Ты жив! Я рада. Я боялась за тебя.

— Кхьюнг... — слова утешения никак не шли на ум; поэтому я просто протянул лапу через решетку и крепко сжал мягкую, теплую ладонь. — Есть кое-кто, кто хочет видеть тебя.

Я отошел, освобождая место Селкет, и прислонился к стене так, чтобы наблюдать за происходящим. Стражей можно было не опасаться, но я боялся за Кхьюнг — она не знала, с кем ей предстоит говорить. Пусть даже богиня приблизилась к пленнице тихо, со смиренно склоненной головой — гадюка в траве тоже тиха и смиренна, пока на нее не наступишь.

— Приветствую почтенную наставницу, — пропела Селкет на тягучем языке южной страны (по счастью, я немного знал его по книгам); потом прижала лапы к груди и поклонилась, будто не замечая, что собеседница слепа. Но Кхьюнг поклонилась в ответ и — странное дело! — задрала подбородок, будто смотрела туда, где на самом деле было лицо Палден Лхамо.

— И тебе привет, шакти. Я слышала от учителей, что боги являлись им, но никогда не думала, что кто-то придет ко мне.

Я вздохнул, вжимаясь спиной в неровную кладку; обман раскрылся слишком быстро!

Однако Кхьюнг ничуть не испугалась; ее голос звучал так же спокойно, как если бы она объясняла очередную притчу ученикам:

— Одни говорили: боги являлись им, чтобы утратить. Они грозили тысячами кар и мук, и обрушивали из туч дождь пылающих стрел, и превращали реки в кипящий гной, а камни — в горячие уголья. И орды демонов выходили из холодных и пылающих адов, чтобы заставить учителей сойти с пути... — женщина замолчала на мгновение; затянутые бельмами зрачки двигались туда-сюда, будто ища чего-то. — Но ты пришла не пугать меня.

— Нет.

— Другие говорили: боги являлись им, чтобы соблазнить. Они предлагали богатство и невиданные наслаждения, и проливали из облаков дождь из серебра и золота, и превращали реки в мед, а камни — в сверкающие самоцветы. И толпы прекрасных дакини появлялись из земли и травы, чтобы ласками убедить учителей сойти с пути... — и снова взгляд Кхьюнг торопливо заскользил по воздуху. — Но ты пришла не испытывать меня.

— Нет.

— Что ж... Иные рассказывали, что их искушение было куда тоньше — боги предлагали им власть над миром. Они говорили: «Стань чакравартином, добрым царем! Накорми голодных, утешь несчастных — разве не в этом наивысшая добродетель?» И тогда дождь из цветов падал с небес; реки становились вином, камни — мягкими хлебами. И стаи дэвов спускались с высоты, неся венцы и браслеты, чтобы сковать ими учителей и не дать продвинуться на пути. — Кхьюнг сощурилась, будто смотрела на ослепительный свет, а потом покачала головой. — Но ты пришла и не за этим.

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы побеседовать. Если ты согласна, — дождавшись, пока Кхьюнг утвердительно кивнет, Селкет продолжала. — Я никогда не принимала ваше учение, но хорошо знакома с ним. Признаюсь, хоть многое мне кажется верным, кое-чего я не понимаю. Почему вы избегаете говорить о самом главном? Шанкха говорят, что «разрушат мир»; хорошо! Но что будет после мира? И что было до?.. Прошу, только не отвечай: «Для этого нет слов ни в одном языке, а потому и говорить тут нечего!». Даже муху или придорожный камень не выйдет в полной мере описать словами; и все же мы пытаемся. Такова наша природа — всему давать имена; в этом вепвавет ничем не отличаются от ремет. Одни только шанкха держат рот на замке... Но как можно столько толковать о пути, ни разу не обмолвившись о том, что ждет в конце? Не потому ли вы молчите, что никто из ваших хваленых учителей на самом деле не заходил так далеко?

Пока Кхьюнг раздумывала над ответом, я ломал голову над другим: неужели Палден Лхамо вытерпела столько унижений лишь для того, чтобы удовлетворить досужее любопытство? Но богиня ждала, не отрывая пристального взгляда от пленницы, и ее плечи подрагивали от напряжения под плотной накидкой. Наконец, та прервала молчание:

— Полагаю, ты хочешь знать не об учителях прошлого, а обо мне.

— Угадала. Достаточно ли ты прошла, чтобы увидеть то, что в конце? И, если да, то что ты видела?..

Голубые глаза слепой широко распахнулись. Медленно и глухо Кхьюнг пробормотала:

— Кто узнает меня по знакам,

Кто идет за моей речью,

Тот сбился с пути;

Тот не видит меня и не слышит.

Селкет отчетливо скрежетнула зубами, и тут же раздался грохот — а потом я увидел след чудовищного удара, глубоко уязвившего стену темницы. Будь на месте кирпичей череп Кхьюнг, он расколосся бы надвое.

— Зачем я трачу время... — прошептала богиня и, отвернувшись, подала мне знак уходить. Но тут Кхьюнг протянула ладонь сквозь решетку и коснулась ее подола.

— Подожди. Я дала обет — уменьшать страдание живых существ. Если я смогу помочь тебе, я помогу.

— Ты помогла бы мне, если бы ответила прямо, не увиливая. Послушай! Не у одних шанкха есть путь — я тоже шла своим, может, и не столь отличным от вашего. Но когда мне казалось, что я уже близка к цели, огонь, что вел меня... Он словно исчез. Я больше не вижу его, не слышу; я уже не уверена, был ли он когда-то? Или это только обман, сверкающий крючок, на который ночь улавливает наши души, чтобы заманить к себе и проглотить? Теперь впереди только тьма, наступающая с необратимой быстротой... Нет, даже не так — это я сама бегу ей навстречу и уже не могу остановиться. Неужели это и есть конец? И все, что было и будет, напрасно?

Селкет говорила горячо, торопясь, а я и так понимал язык южной страны с пятого на десятое! Приходилось напрягать все силы, чтобы не потерять нить разговора. Тьма, о которой она толковала, — это, понятно, грозящее им с братом вечно заточение; но что за огонь?.. Кхьюнг тоже внимательно слушала, но на ее лице не было недоумения — только печаль. Стоило богине замолчать, она отвечала:

— Ты права — мы все идем по пути, знаем это или нет; и те, кто исповедует учение, и те, кто отверг его... даже те, кто никогда о нем и не слышал. А все же двух похожих дорог нет. Мою можно сравнить со слепотой: как бельма год за годом застилали мне глаза, заставляя видимый мир исчезать во мраке, так и ум мой слепнет — или прозревает — мало-помалу исчезая; не как хворост в огне, а как соль в воде. Твоя дорога иная; можно сравнить ее с молнией, в один миг проходящей все небо из предела в предел. Пока молния существует, она пылает ярко; но пока она не погасла, ее путь не завершен. Да, тебе придется пройти через ночь и смерть. И все же помни...

Пальцы Кхьюнг скользнули по тяжелой ткани, будто глядя ее.

— Ничто не напрасно.

И тут случилось нечто странное: Палден Лхамо вздохнула, закрыла глаза, и красноватая от кармина слеза скатилась из-под белых ресниц. Капля упала рядом с обитым серебром носком ее сапога и осталась темнеть на полу. Богиня поклонилась пленнице.

— Спасибо. Если хочешь, я отпущу тебя.

— Нет, не нужно. Лучше вели посадить вместе с другими, чтобы я могла утешить их перед казнью.

— Как пожелаешь, — пожала плечами Селкет и, уже не задерживаясь, пошла прочь.

— Надеюсь, что твое страдание прекратится, — пробормотала ей вслед Кхьюнг. — И твое, Нуму.

Я снова пожал лапу старшей — и, может, единственной уцелевшей? — из сестер Сэр, а потом кинулся вдогонку за Палден Лхамо, пока стражи не очнулись от чар. Когда мы покинули темницу, была уже полночь; луна взобралась высоко над княжеским дворцом, заливая все вокруг бледным светом. И все в нем изменилось: окна домов блестели, как чешуя, крыши торчали подобно спинным гребням, навесы распластались плавниками, мосты

стали костлявыми жабрами, курильницы — выдыхающими пар ноздрями; а стеклянные купола теплиц пучились водянистыми глазами. Бьяру, словно морское чудовище, плыл сквозь бездонный океан, и его кровь была молочной и ледяной. Среди окружающих черноты и белизны только плащ Селкет рдел, как кровавое пятно.

— Я признательна тебе за помощь, Нуму, — обратилась она ко мне. — Этот разговор был очень полезен.

— Так может тогда в знак благодарности велишь отпустить шанкха — всех, а не только Кхьюнг?

Богиня посмотрела на меня с издевательской усмешкой.

— Жертвоприношение состоится в назначенный срок. Но я обязательно отплачу тебе — в этом не сомневайся.

И, оставив повозку с яком и возницей в моем распоряжении, она исчезла в темноте.

В день накануне Цама я увидел, как белоракушечников гонят по улицам города, точно стадо овец — цыкая, покрикивая, понукая кнутами и палками, — к площади Тысячи Чортенов, где им предстояло всю ночь ждать казни. Тогда мое терпение лопнуло; плюнув и на страх, и на данное Падме обещание, я отправился напрямиком в Коготь.

Дворец казался заброшенным; все двери были заперты. Никто не попался мне навстречу, пока я шел белыми коридорами до чертогов, где обычно спали вороноголовые. Сейчас был день, черед Падмы, и я надеялся застать ее там, но вместо этого увидел Камалу и Пундарику. Они растянулись на новом, парном ложе, закрыв глаза, запрокинув подбородки, подергивая иногда длинными пальцами, у основания когтей отмеченными синевой. Повинуясь неслышным приказам, за окнами дворца кружился рой больших черных птиц. Кого они стерегли внизу? Шанкха?..

— Что ты здесь делаешь? — раздался у меня над ухом голос Падмы. От неожиданности я вскрикнул и подскочил на добрый локоть в высоту.

— Я же велела тебе не приходить! — прошипела она, больно хватая меня за плечи и выволакивая прочь из покоев. — Здесь опасно! Убирайся немедленно!

— Нет! — изогнувшись всем телом, я вырвался, отбежал на два шага и гневно топнул лапой. — Я не ребенок, Падма, и не нуждаюсь в защите! Я хочу быть здесь и знать, что происходит. Шанкха завтра казнят, а мы ничего не сделали с этим!

Вороноголовая горько усмехнулась.

— Что ж! Ты прав; ты не ребенок и не слуга. Я не могу приказывать тебе, Нуму — оставайся, если хочешь. Сегодня до рассвета все соберутся, чтобы подготовиться к Цаму. Приходи и ты — тогда я все расскажу.

Чуть успокоенный, я отправился в свою прежнюю спальню, ждать назначенного часа. Там, как и прежде, золотое солнце протягивало с потолка ладони-лучи, а на стенах эмалевые звери и птицы играли в стеклянном тростнике. Постель была примята: я не заправил ее как следует, когда ночевал здесь последний раз. От белья чуть заметно пахло шерстью... и почему-то цветущей ряской. Я медленно опустился на простыни, стараясь попасть в старые следы; потом стянул сапоги, положил голову на подушку и неожиданно крепко заснул.

Посреди ночи меня разбудили тихий, но настойчивый звон и голос Кекуит, объявлявшей, что настал час Быка. Цам уже скоро! Наскоро умывшись и причесавшись, я натянул чистые штаны и чубу, вддел в уши серебряные серьги, смахнул пыль с сапог и направился на встречу с богами. После долгого отсутствия все в Когте казалось чужим: даже

сад распахнулся передо мной внезапно — будто кто-то откинул лакированную крышку с огромного сундука; внутри, как пригоршня крупного жемчуга, светился кумбум. Продравшись сквозь сорную пшеницу, цепляющуюся за шерсть и одежду не хуже репейника, я наконец добрался до него и увидел вот что: боги собрались за длинным столом — совсем как в тот день, когда я впервые оказался в Когте; только среди них не было уже ни Сиа, ни Шаи. И Железный господин еще не появился; Палден Лхамо одна сидела посередине, в неизменных черных доспехах, с совиной маской на груди. Слева от нее оказались Камала и Пундарика, справа — Утпала, Нехбет и Падма.

Мне жутко стало от того, какими усталыми и истощенными выглядели все ремет; они были как тени прежних себя, как сухие панцири в паутине, еще сохранившие очертания живых насекомых, но пустые изнутри. Камала застыла неподвижно, обхватив себя за плечи; только ее челюсти беспрестанно двигались, будто пережевывая что-то. Волосы Нехбет стали совсем седыми, и длинные морщины протянулись от губ к подбородку. Шрамы на лице Утпалы вздулись, разрослись, превратившись в сплошную лиловую опухоль, захватившую всю правую щеку и лоб. Пундарика даже не открывал глаз, окончательно погрузившись во сны наяву, а Падма дрожала, как подвешенный на ветру дарчо, то сжимая, то разжимая кулаки. Я замер, не зная, куда идти; никто не предложил мне сесть.

— Где Ун-Нефер? — наконец спросила Падма у Селкет.

— Он скоро придет. Дай ему немного времени. Ты же знаешь, мой брат нездоров.

— Что ж! Можно начать и без него... — пробормотала вороноголовая, поднимаясь с места и вставая прямо перед богами. — Слушайте все: я расскажу вам, кто убил Шаи.

— Ты опять за старое! — прошипела Камала, скрежеща сточенными до десен зубами. — Когда ты, наконец, уймешься!

— Нет! Давайте выслушаем ее, — подал голос Утпала, налегая локтями на скрипнувшую под его весом столешницу.

— Конечно, — согласилась Селкет. — Тебе удалось узнать что-то новое, Падма?

— Да, удалось, — кивнула та, прохаживаясь взад и вперед по кумбуму. — Для начала, я нашла трех белоракушечников, которых обвинили в убийстве; точнее, то, что от них осталось. Их тела лежали на дне Бьяцо, вплавленные в какой-то прозрачный камень. Все выглядело так, будто они покончили с собой после того, как расправились с Шаи. Вот только это показалось мне странным: всякому в Бьяру известно, что утонувший в священном озере отправляется в чертоги Железного господина! Пускай это неправда, внизу никто в этом не сомневается. Если шанкха так ненавидели богов, то зачем искали перерождения на небесах? Могли бы отойти на сотню шагов подальше и утопиться в реке, среди отбросов, дохлых рыб и бараньей мочи, как и подобает истинным грешникам! Ну, так почему они не сделали этого?

Боги молчали; но Падма и не ждала от них ответа:

— Вывод напрашивался сам собой: их заставили сделать это. Однако ж свидетели, видевшие трех шанкха, утверждали, что они были у озера одни. Никто не гнался за ними с дубинами, никто не приставил к спине кинжал. Значит, в ход пошли угрозы... или колдовство. Потому я стала искать убийцу среди тех, кто преуспел в колдовстве и угрозах, — то есть среди шенов. Сначала я винила во всем Нозу — начальника строительства на северо-западе Стены. Думала, Шаи поругался с ним, и шен в пылу ссоры убил его, а белоракушечников подставил, замечая следы. Но вот незадача! Нозу тоже оказался мертв. Ему свернули шею.

— Убитый шен — и мой брат не знает об этом? — переспросила Палден Лхамо, недоверчиво поглядывая на маленькую демоницу. — Это невозможно.

Вместо ответа та порылась в кармане и опустила на стол железные четки — такие, какие носят только слуги Перстня. Я с содроганием вспомнил, как мы заворачивали иссохший воняющий труп в расстеленную по земле чубу; а потом Падма взвалила черный куль на спину лунг-та и увезла неведомо куда. Кажется, товарищи Нозы так и не узнали о его судьбе.

— И ты полагаешь, что убийство Шаи и смерть этого шена связаны? — спросил Утпала прикасаясь к четкам осторожно, будто это спящая змея.

— Я уверена в этом. Шаи постоянно крутился рядом со Стеною и замечал много такого, на что прочие не обращали внимания. Полагаю, Ноза в очередной раз поймал его за этим занятием, а во время перепалки Шаи удалось убедить шена, что на стройке творится что-то неладное. Может, он даже раскрылся перед ним; точно мы уже не узнаем. И хотя Ноза отличался вспыльчивым характером, он также был прилежен в работе — потому и стал начальником, несмотря на пристрастие к жевательному корню. Думаю, они с Шаи договорились вместе выследить того, кто проворачивал на Стене свои темные делишки, — и преуспели в этом.

Увы, враг оказался сильнее! Нозе сразу свернули шею; пока падал, он зацепил Шаи лапой — в кулаке у шена осталось несколько ниток с его халата. А вот самого Шаи то ли не смогли, то ли не решились убить сразу. Тот сбежал, но прекрасно понимал, что отныне его жизнь в опасности, поэтому не вернулся в свою пещеру и побоялся идти в Бьяру. Вместо этого Шаи затаился в горах, дрожа от холода, питаясь вырытой из-под снега травой. Мои вороны облетели те места и нашли в сугробах чуба, которым он укрывался, и подошву от сапога. Но раз я смогла найти его убежище, то убийца и подавно!

Однако он был хитер и хотел извлечь из смерти бога побольше выгоды. Труп шена спрятали, замуровав в Стене... А вскоре в доме удовольствий, который посещал один распутный белоракушечник, появилась новая работница — вот эта, — Падма снова порылась в карманах, перетряхивая широкие штанины, и положила на стол рисунок, сделанный лекарем Сотамтамом. — Должно быть, в жизни она красивее, чем на этой почеркушке, потому что шанкха потерял от нее голову и даже привел к ней еще одного грешника, постыдливее. Наконец, третий мужчина — на сей раз настоящий праведник, давно победивший плоть! — явился в дом удовольствий и тоже не устоял перед ее чарами. И когда я говорю «чары», я имею в виду не шелковые косы или покладистый нрав. Вне всяких сомнений, ведьма залезла им в мозги; на все про все у нее ушла пара недель. Может, она бы справилась и быстрее, если б к двум шанкха, выбранным на роли баранов отпущения, не добавился случайно третий святоша... Когда все было готово, ведьма явилась в убежище Шаи и расправилась с ним, вырвав душу из тела так, чтобы другие колдуны даже призрака не могли дозваться. Потом пришел черед белоракушечников: те дотащили мертвеца до приозерной гомпы и бросили там, истыкав кинжалами и сорвав маску; а потом, повинувшись приказу настоящего убийцы, вошли в воды Бьяцо. Вот как все случилось, и шанкха здесь ни при чем. Кала, Дайва и Видхи действовали против своей воли!

— Кто же, по-твоему, эта ведьма? — спросила Камала; ее губы дернулись, сведенные судорогой, и слова прозвучали едва слышно, но Падма поняла — и пожала плечами.

— Я не знаю. Не знаю ни ее имени, ни где она сейчас.

— Значит, все это бесполезно?

— Бесплезно? Нет, не думаю. Я правда не знаю, кто это такая, — она кивнула на рисунок, а потом, засунув лапы в карманы, принялась задумчиво покачиваться, с носка на пятку, с пятки на носок. — Хотя я честно пыталась искать. Но на самом деле это не важно. Пускай я не нашла служанку, я знаю, кому она служит. Это одна из твоих белых женщин, Селкет.

В воздухе что-то вспыхнуло — ярко, как зеркало на солнце, и у шеи Палден Лхамо оказался меч с кривым лезвием из чистого огня. «Хопеш», — вспомнил я; так это оружие, похожее на бедро оронго, называли боги.

— Не дергайся, — велела вороноголовая. — Каким бы расчудесным ни было твое колдовство, оно не спасет, если я снесу тебе голову. Руки на стол.

Все взгляды обратились на Сияющую богиню, все глаза были прикованы к ней: глаза Утпалы, яростно сверкающие из-под бровей; запавшие, обведенные зеленой тенью глаза Нехбет; стеклянные глаза Камалы; сонные глаза Пундарики, полускрытые тяжелыми веками; синие, широко распахнутые глаза Падмы. Селкет улыбнулась и положила ладони перед собою, тыльной стороной вниз.

— Посмотрите на эти шрамы! — горячо воскликнула Падма, кивая на рисунок Сотамтама. — Такие раны наносят, когда шены проходят свои бесчисленные испытания; я навела справки в Перстне. Конечно, можно сказать, что шрамы — не самая верная примета. Бьют и девочек, проданных за долги родителями, и жен, попавших к жестокому мужу. Но не всякая женщина сумеет превратить миролюбивых шанкха в убийц, свернуть чужую шею или украсть душу; этому учат только в твоём лакханге, Селкет.

Вот кого Ноза и Шаи встретили на Стене: твоих белых ведьм! Они легко расправились с шеном, но не решились убить бога. Однако когда тебе донесли об этом, ты уже не сомневалась. Для тебя смерть Шаи была выгодна вдвойне: не только потому, что он слишком много знал, но и потому, что, подставив шанкха, ты заставила всех шенов и стражей Бьяру гоняться за ними... А в это время твои прислужники спокойно заканчивали свою работу на Стене.

— И в чем же она заключалась? — с искренним любопытством спросила Селкет. Падма, не отводя горящего клинка от ее подбородка, свободной лапой швырнула на стол чертежи.

— Я нашла кое-что в пещере Шаи, что колдуны пропустили. Не стоит слишком полагаться на чары; не стоит недооценивать нас, простых смертных! Ведь и Шаи не был колдуном... Зато несколько жизней назад он был Меретсегер, инженером месектет. Ну а Стена — это, по сути, всего лишь продолжение корабля. Шаи разобрался в ее устройстве и догадался и о том, что хотели сделать с ней белые женщины; он даже сумел объяснить это Нозе. И хотя мне пришлось прочитать кучу заумных книг, я тоже поняла: если перевязать узлы внутри Стены так, как показано на этих чертежах, то все в ней начнет двигаться в обратную сторону. Иначе говоря, Стена начнет не отдавать жар, а вытягивать его из мира, собирая будто в огромную чашу...

— И ты, конечно, можешь подтвердить свои слова чем-то, кроме этих бумажек?..

— В этом и была главная проблема! Когда я убедилась, что шены Ун-Нефера здесь ни при чем, я попросила их изучить места на Стене, отмеченные Шаи — и они не нашли ничего странного. Все работало, как должно. Но ты и так об этом знаешь, правда? Ты знаешь, что белые женщины только испытывали твой замысел, шаг за шагом, узел за узлом, и готовились втайне, перед тем как нанести настоящий удар — сегодня, в день, когда механизмы Стены

наконец будут приведены в движение. Вот почему мне пришлось ждать так долго, до последнего! Если бы я открылась раньше, никто не поверил бы; а ты, чего доброго, еще влезла бы мне в голову и лишила разума, как Камалу! Да, не смотри на меня так! Неужели ты думаешь, я не вижу, что ты сделала с ней? Во что она превратилась?..

Голос Падмы задрожал; но она быстро справилась с собой и отрезала:

— Все это неважно. Теперь у меня будут доказательства. Я уверена, прямо сейчас, когда шены поднимаются на Стену, белые женщины идут следом, пряча в рукавах кинжалы — или таблички с заклятьями, не знаю уж, что нынче в ходу у колдунов! — чтобы ударить их в спину. Когда Уно спустится сюда, я расскажу ему все, и он сам сможет убедиться, что ты предала его. Единственное, чего я до сих пор не понимаю, — зачем? Пока твой брат пытается спасти этот мир, ты будто пытаешься его разрушить! Для чего... для кого ты готовишь эту чудовищную жертву?!

— Думаю, ты заслуживаешь ответа, — сказала Селкет, все так же улыбаясь. — В награду за усилия... Это не жертва, Падма. Это приманка. Ночь думает, что охотится за мной; но это я охочусь за ночью.

— Ночь? — вороноголовая скривилась, как от зубной боли. — Ты... просто сумасшедшая! Я не... Не могу поверить! Значит, все это — смерть Шай, многолетний обман... Все это напрасно?

— Ничто не напрасно, Падма. Прислушайся: ты слышишь это? Этот голос, который всегда звал нас из глубины земли, из самого ядра планеты? Теперь он приближается; он наконец покинул свое логово и скоро будет здесь.

Падма замерла как вкопанная; и я притих, наострив уши. Вдруг что-то оглушительно завывало — будто мимо пролетела стрела с привязанными к древку свистунками! Я хотел крикнуть, хотел предупредить, но даже рта не успел раскрыть. Зазвенели подпрыгивающие, бьющиеся тарелки; Утпала распластался на скатерти, уткнувшись обезображенным лицом в белый хлопок; Камала осела на пол грудой волос, костей и шуршащей ткани; Нехбет сползла под стол; Пундарика мягко завалился на бок, как набитый травой мешок. И маленькая храбрая вороноголовая рухнула вниз! Хопеш, которой она продолжала сжимать в ладони, скользнул по доспехам Сияющей богини, оставляя кипящий, рдеющий след; но та даже не шелохнулась.

Я хотел броситься к Падме, проверить ее дыхание, ощупать запястье — хотя бы просто подержать ее в лапах! — но не мог пошевелиться. Не знаю, чары это были или просто ужас. А между тем Селкет стряхнула вниз растопыренную пятерню Утпалы, облокотилась на стол и посмотрела прямо на меня.

— Вот и все, Нуму, — сказала она. — Осталось только дожидаться моего брата... и нашего гостя.

— Ты убьешь меня?

— Нет, — почти ласково отвечала богиня. — Будь свидетелем тому, что грядет. Будь моим зеркалом. Я хочу, чтобы ты видел все и помнил все... даже то, что уже успел забыть.

Громкий щелчок раздался внутри моего черепа; щелчок, сопровождаемый жгучей болью, как будто кто-то резко сдернул повязку с раны, отрывая засохшую корку вместе с бинтами. И воспоминания, как кровь и гной, хлынули наружу.

Я стоял и смотрел, как Макара исчезает в кустарнике, растущем на склонах Северных гор; вот еще видно спину и копну золотых волос; вот шерстяная чуба мелькает среди веток

пестрыми пятнами; а вот уже ничего не разобрать.

— Пора возвращаться домой, — велела Палден Лхамо, слегка тряхнув меня за плечо. — Пойдем, Нуму.

— Зачем я нужен вам теперь, когда Чеу Луньен мертв? Чем еще я могу быть полезен?.. — горько сказал я. — Не будет ли от меня больше толку, если я пойду к Бьяцо и утоплюсь во славу Железного господина?

— Подумаешь об этом, пока будешь подниматься по лестнице, — отвечала богиня. Нехотя я последовал за нею в потайной ход, ведущий внутрь Мизинца. — Знаешь, почему мы не стали устраивать здесь подъемник? Потому что прогулка от земли до неба дает время на размышления. То, что кажется тебе значительным на первой ступени, может стать совсем не важным на последней. Идем!

Я послушно поплелся вверх, спотыкаясь о ступени и мотая головой, как загнанный баран. В теле как будто просверлили множество дыр — в груди, на запястьях, в темени, — и теперь кровь, желчь, слизь... короче, сама жизнь вытекала из них капля по капле. Все хорошее, что я совершил, все плохое не считалось, не имело никакой ценности в глазах богов. Все эти годы я был только приманкой, обмазанной медом ловушкой для мухи! И вот муха попалась...

Тут мои мысли обратились к Зово. Пусть я и не одобрял поступки старого колдуна, но уж точно не желал ему гибели! Чеу Луньен поступил так, как велела совесть, — и поплатился за это... И еще, что значили его последние слова? «Я ошибся», — сказал он; но в чем ошибся? Вряд ли Зово напоследок раскаялся в покушении на Железного господина. Может, пожалел о том, что переоценил свои силы? Или что не принял предложение бывшего учителя и не стал новым Эрликом? Этого я никак не мог взять в толк; и что прошептала ему на ухо Палден Лхамо?..

Я будто снова увидел, как богиня склоняется к бывшему почжуту; белая коса змеей вьется вдоль хребта; левая щека почти касается гривы Зово, и течет тихий голос — так хорошо знакомый мне, не старый и не молодой, не мужской и не женский, по свойству похожий на обточенный морем кусочек стекла. С самого детства я слышал его! В темных, холодных покоях на нижнем уровне месектет этот голос поведал мне о спящих; в залитой багровым солнцем комнате — о волшебных личинах и восстании мятежных князей; в горах, перед давешней схваткой с великим змеем — о тайнах Старого Дома... Вдруг я остановился как вкопанный; ветер, наполняющий легкие Мизинца,дохнул теплом в затылок, пошевелил вставшую дыбом шерсть. Почему тогда я не дал себе труда подумать? Почему сразу не сообразил, что воспоминания Селкет и ее брата, на первый взгляд одинаковые, на деле сильно различались? Из рассказа Ун-Нефера, как из оставленного без присмотра пирога, был вырван немалый кусок: он напрочь забыл о том, как в полях черной пшеницы начался пожар! Только Селкет знала, что сама подожгла пшеницу. Так, может, она знала и кое-что другое?..

— Госпожа, — позвал я дрожащим голосом. Богиня остановилась, полуобернувшись. — Что сказал ругно перед смертью?..

Палден Лхамо склонила голову. Красные глаза сверкнули в темноте; улыбка раздвинула тонкие губы — как трещина, проходящая через камень.

— А, наш бедный капитан! Знаешь, он мог бы сразу пристрелить меня. Но вместо этого он спросил: «Ты тоже слышал это? Этот голос, который зовет нас из глубины земли, из самого ядра планеты?» Он хотел услышать «нет»; надеялся, что просто сходит

с ума. Тогда ему не пришлось бы убивать нас, чтобы спасти! Но, к несчастью для ругно, он вовсе не был безумен. Это быстрый корабль не укрылся от поджидавших сирен; и громко запели сирены...

Она засмеялась.

— Ты помнишь! — прошептал я, отступая назад. — Но почему не помнит твой брат?

— Может, потому, что он всего лишь тень? Пугливая тень, вечно дрожащая, вечно плетущаяся следом... Но есть места, куда тени не проникнуть.

— В темноту... Потому что в полной темноте тени исчезают, — просипел я срывающимся голосом.

— Надо же, как ты умен! — издевательски протянула Селкет. — А вот Уно до этого так и не додумался. Впрочем, оно и к лучшему. Пусть считает себя подлинным наследником моего Рен; пусть думает, что во всем превосходит меня. Иначе, чего доброго, он стал бы мешать...

— Мешать в чем? О, не отвечай! Ты знала о чудовище с самого начала — ты привела к нему ремя столетия назад! Ты знала, что Лу пробудился, и заманила брата на охоту, понимая, что одержимого зверя он сможет одолеть, только использовав запретное колдовство! А теперь, когда Ун-Нефер расплачивается за это, ты даешь ему лекарства, лишаящие воли и разума... — я говорил, и каждое слово будто бы вырывало немного жизни из груди; когда я произнес последнее обвинение, мой язык стал холодным, как у покойника. — Ты заодно с чудовищем. Вот в чем ошибся Зово — это тебя он должен был убить!

— Верно, — подтвердила Селкет. — Должен был. Как и ругно. Как и мой брат. И все же я еще здесь.

— Но зачем?.. Зачем ты помогаешь этой твари?! — взвыл я. — Что она могла тебе посулить? У тебя уже есть власть, бессмертие, сила! Тебе построят лакханги и принесут любые дары, какие пожелаешь! И все это ты готова променять — на что?!

— О, Нуму. Ваше маленькое царство, с его почестями, тронами и слугами; и надменный Старый Дом; и Новый Дом с городами-горами и железными лунами; и Ульи Семем с их машинами; и вся вселенная за этим небом — все это мне не нужно.

— Чего же ты хочешь?

— Стать богом, — отвечала она.

— Вы и так уже боги!

— Не самозванным богом — настоящим, — Селкет окинула меня долгим взглядом, будто изучала содержимое заполненной доверху шкатулки. — Но ты ведь и так все понимаешь, мое маленькое зеркало. Когда мы бились со змеем, ты слышал его голос? Когда проводил ночи у постели моего брата, видел отблески света? Того, что не принадлежит этому миру; того, из которого все миры, все боги, все существа выходят, как искры из пламени, как паутина из паука. Вот чего я хочу... Но его сложно поймать; я долгие годы училась хекау и все же не преуспела в этом.

Я обмер, почти забыв, как дышать; слова Палден Лхамо приводили меня в ужас — и в то же время будили какое-то неясное, странное чувство. Тягучую тоску в груди; ломоту в костях, выкручивающую лапы, сбегаящую вниз по позвоночнику, заставляющую волосы подниматься на предплечьях. Предвкушение чего-то нездешнего и мучительно прекрасного... Но я затряс головой, затопал сапогами, даже пару раз врезал себе по лбу, прогоняя наваждение, которое не хотел и не мог принять! Увидев мои прыжки и ужимки,

Селкет снова засмеялась.

— А ведь шанкха, с которыми ты так сдружился, тоже слышали этот зов. Но сомневаюсь, что кто-то из них преуспел больше моего. Если все тонкости хекау оказались бесполезны, чем поможет раздача хлеба толпе?..

— Нет! — взвыл я, захлебываясь от отчаяния. — Разве ты не видишь, что это обман? Что бы оно ни обещало, чудовище просто сожрет нас всех, а потом и тебя!

— О, не волнуйся. Мне хватило ума понять, зачем оно заманило месектет сюда. Я ведь не служу ему, что бы ты ни думал по наущению Луньена, — я просто хочу получить то, чем оно владеет; то сокровище, что спрятано в горе хрусталя. Но как добраться до нее? Долгие столетия я наблюдала, как тварь выбирает жалких и негодных, наделяет их силой, а потом проглатывает их с потрохами. Даже последним Эрликом она сделала моего брата! Меня же только дразнила... Наконец, я поняла: придется самой выманить чудовище из глубин земли. Оно хочет жертву; что ж! Я соберу самую великую из жертв и позову его на пир. А когда оно явится и распахнет пасть, чтобы поглотить дары, я войду в нее, но не сгину вместе с Бьяцо, и Бьяру, и Олмо Лунгринг, не стану еще одной чешуей на его панцире. Я пройду через смерть. Я достигну огня — и вырву его из нутра чудовища; и тогда я сама стану огнем.

— Ты сумасшедшая, — пробормотал я, пятась назад по лестнице. Левая лапа соскользнула со ступеньки, и я упал, ударившись подбородком о камень. Еще немного, и я бы кувырком полетел вниз! Селкет подошла ближе и склонилась надо мною; ее лицо светилось в темноте, как оперение совы, летящей схватить добычу.

— Это вряд ли. Впрочем, я не стану разубеждать тебя.

Ее правая ладонь поднялась в воздух — длинная и страшная, как занесенный меч; и я знал, что он упадет мне на голову.

— Не дрожи. Я не убью тебя. Помнишь, что ты мой свидетель перед Уно? Я только заберу твою память... и, раз уж ты такой догадливый, не позволю снова думать о том, что ты видел. Сегодняшний день станет для тебя далеким, затеряется в мареве, как уплывшая по реке лодка.

— Железный господин поймет, что ты влезла в мою голову!

Палец коснулся моего лба; кожу обожгло не то жаром, не то морозом.

— Скажу, что казнила твою подружку, а память стерла, чтобы ты не расстраивался. Теперь идем, Нуму! Нас заждались. Я ведь говорила, что на последней ступени лестницы ты на все будешь смотреть иначе.

Я моргнул, пытаясь прийти в себя; не больше вдоха назад я был внутри Мизинца, в густой темноте, и вот снова очутился в залитом светом кумбуме... Но здесь, как и там, за мной следили внимательные красные глаза Палден Лхамо. След от хопеша на ее доспехах застыл, отвердел; между оплавленными краями что-то блестело. Богиня подцепила поврежденную пластину пальцами, вырвала с корнем и отшвырнула в сторону; потом еще одну, и еще, как будто сбрасывала отмершую кожу, и я увидел тысячи кристаллов на ее груди и шее, на плечах и предплечьях. Они разрослись так густо, что превратились в сплошной сверкающий покров, за которым уже не угадывалось живое тело.

— Значит, ты тоже не избежала болезни?

— Это не болезнь, Нуму. Это преобразование.

— Преобразование... Тебе оно ни к чему. Ты и так давно уже не ремет, не вепвавет — ты

чудовище хуже того, что обретается под землей! Твой брат хотя бы творит зло ради большего блага; а ты? Чем ты оправдаешь страдания, которые причинила и собираешься причинить?..

— Мне не нужны оправдания, — отвечала она. — Но — тиши! Мой брат скоро будет здесь.

Мертвое молчание повисло в кумбуме; я различал, как за тонкими стенами шелестит сорная пшеница, как свистят, струясь по полу, змейки-сквозняки, как деревья полощут в воздухе ветвями, будто метущие гривами плакальщицы, но не слышал ничьих шагов. И все же Селкет затаила дыхание. Внутри ее алмазной плоти переливались волны огня, становясь все ярче и ярче, накаляясь до ослепительной белизны.

Она готовилась.

И когда темный провал двери ожил, выплюнув из себя огромную, страшную тень, Палден Лхамо ударила — но и ее враг не остался в долгу; должно быть, он уже чувствовал, что случилось что-то ужасное, и был готов к нападению. Два рта одновременно раскрылись, обнажая выложенные самоцветами плотки; две волны беззвучного крика прокатились навстречу друг другу и столкнулись...

Я еще помнил охоту на Лу — еще являлись мне в кошмарах рушащиеся горы и уходящая из-под лап земля, — но сейчас было еще хуже. Стены кумбума взорвались с пронзительным звоном; меня подбросило в воздух вместе с тысячами осколков и зернами черной пшеницы, словно огромной молотилкой выбитыми из колосьев. На мгновение я стал невесомым, как пушинка, а потом со свистом ухнул вниз. Из меня неминуемо вышибло бы дух, если бы не густые заросли гла цхер; но, хотя перистая листва и смягчила удар, я все равно чуть не выплюнул разом и печень, и желудок. О поломанных ребрах и говорить нечего! Следом на землю просыпался стеклянный дождь, перемешанный, к моему ужасу, с кусками плоти; это взрыв растерзал трупы лха. Ошметки кишок, кожи и волос повисли на ветках, как красные, белые, черные ленты... Чья-то голова упала неподалеку, прокатилась вперед, оставляя на траве маслянистый след, и ткнулась в мои лапы. Синие глаза Падмы с укоризной уставились в пустоту. Я вскрикнул, отползая, и уткнулся носом в колени; к горлу подкатывала тошнота.

Пока я сидел так, бормоча и укачивая самого себя, как молочного щенка, под потолком Когтя ревели вихри и загорались всполохи пламени. Дворец трясло; на мощных стенах, выдержавших и путешествие между звезд, и падение с небес, выступила багровая испарина; пол пошел трещинами. Снизу дохнуло холодом и тяжелой вонью притираний — это тянуло из покоев, отведенных мертвым и спящим. Наконец, собрав волю в кулак, я все-таки высунул нос из кустов и посмотрел туда, где бились боги.

Страшным было их сражение! Палден Лхамо наступала, рассекая воздух мечом из бездымного пламени; таким же она когда-то расколола рогатый венец Лу. Ее брат оборонялся, пятясь назад. Хрустальные щиты, не меньше локтя в толщину, один за другим вырастали перед ним — и разбивались вдребезги. Наконец, они сомкнулись вокруг Железного господина наподобие кокона. Его тень металась внутри, как пойманный в коробку жук; голос глухо рокотал:

— Что ты творишь? Разве ты не знаешь, что, если убьешь меня, наша душа отправится на съедение этой твари?! Мы оба погибнем!

— Говори за себя, — отвечала Селкет и, выбрав в хрустале уязвимое место, с размаху вонзила в него клинок. Тот погружался все глубже, и все жалобнее звенели, опадая в траву, блестящие осколки. — Ты погибнешь; ты, тень, принадлежащая земле! А я пойду дальше; прочь отсюда!

Железный господин не стал дожидаться, пока противница доберется до него. Его укрытие вдруг само рассыпалось пылью, а лха бросился вперед, скрючив пальцы наподобие птичьих когтей, и впился ими в грудь сестры. Камень ударился о камень; Палден Лхамо пошатнулась, изогнувшись, опрокидываясь назад, и я увидел, как покрывавшие ее тело самоцветы зашевелились, вытягиваясь из плеч, из колен, из шеи, даже из щек и лба, пробивая равно и бумажно-тонкую кожу, и крепкие пластины доспехов. Скоро их иглы вытянулись на пять локтей в высоту, так что Селкет подняло высоко над полом. Так она и осталась висеть в воздухе, трепыхаясь, как выброшенная на берег рыба; Ун-Нефер, отдернув ладони, тяжело осел на землю. Кажется, это стоило ему последних сил; он едва дышал и даже не утер капающий с подбородка пот... Но, по крайней мере, он победил.

И вдруг Палден Лхамо засмеялась.

Хрустнули, ломаясь, алмазные копья. Богиня распрямилась, стряхивая с живота и бедер последние куски доспехов, сплевывая черную желчь, перемешанную с кровью. Она походила на какое-то страшное, сверкающее насекомое с женским лицом и волосами, вздыбившимися, как грива снежного льва. Ее новая, алмазная броня издавала звук, похожий на стук колесниц, когда множество коней бежит на войну; а меч был как жало скорпиона. Над теменем Селкет поднялся, разгораясь, ослепительный нимб.

— Это все, на что ты способен? — спросила она и, схватив Железного господина за туго заплетенную косу, подняла вверх, как рыбак — попавшуюся на крючок щуку. Изодранная накидка упала с его плеч, открывая взгляду жуткую работу болезни. Ни клочка кожи не уцелело. Все тело лха было как одна зияющая рана, сочащаяся сукровицей и влажным паром, и только на согбенной спине толстый слой хрусталя сросся в подобие драгоценных надкрылий. — Теперь я понимаю, почему моя душа раскололась надвое! Иначе и быть не могло. Ты — это все, что должно исчезнуть; моя слабость; мои сомнения; скорлупа, которую мне нужно сбросить. Посмотри на себя!

Селкет встряхнула брата, точно мешок с тряпьем.

— Ты так долго был Эрликом, и на что ты потратил это время? На нытье и возню с кирпичами! Ты не достоин моего *рен*.

С этими словами она размахнулась и вогнала огненный клинок глубоко под ребра Железного господина.

— Ты права, — прохрипел тот. — Я не принимал даров чудовища — я всю жизнь боролся с ним. Я строил, а не разрушал. Ты хочешь знать, на что я потратил отведенное мне время? Так я покажу!

И вдруг, схватив сестру за плечи, Ун-Нефер с силой потянулся вперед. В его внутренностях, нанизанных на огненный меч, что-то зачавкало, зашипело, поджариваясь; из раны повалили клубы жирного черного дыма. Но он не остановился, пока не заключил Палден Лхамо в крепкие объятия; тут же все самоцветы на поверхности и внутри его тела со страшной скоростью пошли в рост, пробивая легкие, ребра и мышцы, сокрушая кости, оборачиваясь сплошным покровом вокруг обоих богов. Селкет закричала от ярости, пытаясь вырваться, но брат держал ее мертвой хваткой. А через миг ее конечности уже утопали в хрустале; сопротивление стало бесполезно.

— Знаешь, я тоже прежде думал: зачем моя душа раскололась надвое?.. — пробормотал Железный господин, едва шевеля губами; он уже окаменел по шею, и сотни новых кристаллов проклевывались на его челюсти, и висках, и затылке. — Но теперь мне ясно: я и правда твоя тень; противовес; груз, который утянет тебя на дно. Отправляйся в ад вместе со

мною!

Так сказал Железный господин; и камень поглотил их.

Красный свет загорелся под потолком, озаряя разрушенный сад: поломанные деревья, расколотую чашу пруда, руины кумбума, похожие на разбитый булавой череп.

— Он ушел, — раздался голос Кекуит. — Его больше нет. Наконец-то я могу отдохнуть.

Глухой рокот раскатился по залам и коридорам дворца — это закрывались все двери, что вели наружу: и та, что открывала путь через Мизинец к потайным ходам под Бьяру, и та, которой лха пользовались во время Цама. Кекуит отгораживалась от внешнего мира. Мало-помалу остановилось брожение пищи в ее исполинских кишках, замер ток слизи, желчи и крови в сосудах, угасло дыхание в легких; месектет погрузилась в глубокий сон. Но тогда я не понял этого; я вообще мало что понимал. Одна мысль трепыхалась в моей бедной голове, как большая рыба на слишком маленькой сковородке: никто не победил. Мы все проиграли.

Что было дальше, тяжело вспоминать; несколько дней я провел в полубреду, без сна, без еды, без воды — не потому, что во дворце не было пищи, а потому, что я хотел умереть. Небо за окнами то светлело, то темнело; к моему безмерному удивлению, солнце все еще вставало и садилось над обреченным миром. Черные клубы дыма тянулись над Бьяцо, в сторону Северных гор. Сквозь шум в ушах я слышал, как в городе за озером бьют набаты, гудят ракушки, рога и трубы. Иногда казалось, что снаружи кто-то стучится, скребет когтями по багровому стеклу, но внутрь дворца так никто и не попал.

Наконец, мое тело почти сдалось: лапы похолодели и отнялись, перед полуослепшими глазами роились белые мухи — точно снег, исчезающие от малейшего прикосновения к предметам, — и даже живот уже не сводило от голода. Тогда-то в голове и раздался чужой голос. Это был Ишо — старый добрый Ишо, переживший своего бога.

— Нуму, — позвал он из ниоткуда. — Железный господин мертв?

— Да, — с трудом ворочая языком, промычал я; слюна во рту была густой, как смола, горькой, как полынь, и смрадной, как протухшее яйцо. Но до меня быстро дошло, что говорить необязательно: почжуту достаточно будет и мыслей.

— Как это случилось?

— Палден Лхамо предала его, — Ишо ничего не сказал в ответ, а потому я решил спросить сам. — Что произошло в Бьяру? Вам удалось привести в действие Стену?

— Нет. В ночь перед Цамом шены заняли положенные места; с нами были дакини Палден Лхамо, наши так называемые «жены». Нам было велено ждать до утра, когда шанкха принесут в жертву. Тогда Железный господин собрал бы достаточно сил, чтобы запустить подземные механизмы Стены... Три раза должны были пропеть раковины — таков был условный знак; после мы бы разбили сухет и направили их жар вниз, к сердцу мира. Но все случилось иначе. Когда в Когте первый раз вспыхнул свет, белые женщины обратились против нас.

Ишо замолчал на секунду, а потом нехотя признал:

— Мы даже не представляли, как эти ведьмы опасны. Долгие годы они сидели взаперти в своем лакханге, безмолвные, как пауки, тихие, как совы, в которых они обращались... Все забыли про них; а зря! Много шенов погибло в тот день. Нам еще повезло — без своей госпожи старшие дакини растерялись и не могли сражаться в полную силу. Кажется, Палден Лхамо так глубоко залезла им в головы, что без нее они и думать разучились... Но и так это была ужасная бойня. Те шены, кто выжил, сейчас пытаются поддерживать порядок в

столице. А толку-то? Без Железного господина мы все равно не сможем управиться со Стеною... Как он погиб, Нуму?

Слова с трудом шли на ум; потому я ответил почти невпопад:

— Ты знал, что он собирался сделать после того, как Стена будет закончена?

— Да; все мы знали. Он собирался скрыться от мира; отдохнуть от трудов. Это отчасти и держало почжutow в подчинении — обещание того, что скоро мы сами станем богами и уже никто не будет господином над нами. Но к чему ты клонишь?..

— погоди, я сейчас расскажу. Однажды я упрекнул Железного господина за то, что он сделал с семью великими городами южной страны, — помнишь это, Ишо?.. — и тогда он открыл мне, что его ждет не отдых, а наказание. Заклятье, которое он приготовил, должно было заточить его душу в некоем адском месте, откуда нельзя выбраться. Он называл его «башней без дверей»... Накануне Цама Железный господин схватился с Палден Лхамо; та стала побеждать. Чтобы остановить ее, ему пришлось использовать заклинье раньше срока. Он добровольно сошел в ад и утянул ее за собою; иначе она убила бы его и сама стала Эрликом — худшим из всех, что были до нее... В этом можешь мне поверить.

— Я верю, Нуму, — прошептал почжут, с каждым словом будто отдаляясь от меня. — Но что нам делать теперь?

— Я не знаю.

— Я тоже, — отозвался Ишо и совсем затих.

Печальный вышел разговор... и все же он оживил меня. Да, мы были обречены; но прежде, чем Бьяру навсегда исчезнет в огне и снеге, я должен был успеть кое-что. Поэтому, с трудом поднявшись на лапы, я перво-наперво убедился, что в Коготь все еще течет вода из подземных источников; потом нашел запас чудесного хлеба *те*, которым ремет питались во время межзвездных путешествий, — его мне хватило бы на долгие годы. Напившись, наевшись и немного придя в себя, я собрал останки погибших лха, и, как мог, совершил над ними обряды очищения, а затем перенес в покои на нижнем этаже — туда, где покоились другие Сах. Всюду ясно виднелись следы разрушений: потолок раскололся, как яичная скорлупка, каменные колонны местами покосились, местами обрушились; воздух со свистом утекал через трещины и щели в стенах. Все же совокупного холода дворца и зимы снаружи должно было хватить, чтобы сохранить тела от тления. Покончив с этим, я нашел среди вещей Сиа несколько медицинских свитков, из хорошей телячьей кожи, соскреб заметки о рецептах капель для носа и притираний от боли в спине, развел в плосках черных и красных чернил и начал записывать эту историю с самого начала.

...Чары забвения, которые Палден Лхамо наложила на меня после смерти Зово, а потом сама же и сняла, произвели странное действие на память, оставив в ней как бы дыру, точнее — лунку во льду. Через нее я без труда могу выловить воспоминания даже самого раннего детства. Должно быть, что-то похожее случилось с Шаи после того, как Зово поколдовал над ним: все прошлые жизни — и жизнь несчастной Меретсегер — вдруг открылись перед сыном лекаря. Так он и сумел разобраться в устройстве Стены... Так подписал себе приговор; мой бедный друг, мой брат! Впрочем, я хотел сказать о другом — предупредить читающего эти строки (если такой вдруг появится), что некоторое умствование и причудливость речи происходят от того, что не ребенок писал их, и даже не юноша, а старик, вспоминаяющий былое... и, как свойственно старости, приукрашивающий его.

Оговорюсь еще вот о чем: прежде, чем начать свой труд, я долго размышлял, на каком языке писать. Я знаю всего три: язык южной страны, которая давно опустела и скрылась

подо льдом; язык Олмо Лунгринг, которую ждет та же участь; и *меду нечер*. Поначалу я думал выбрать ее; ведь где-то стоят еще их Дома, не сожженные красным солнцем?.. Но, даже если и так, ремет далеко; вряд ли кто-то из них явится сюда, чтобы прочесть мои записи. Потому я пишу на родном языке, особо отмечая слова, которые мне приходится заимствовать у богов.

...Пишу — и вижу, как войска соседних княжеств штурмуют Стену и отступают, опрокинутые силами шенов и горожан; как на улицах вспыхивают голодные бунты, и обезумевшие толпы — мужчины топчут женщин, а те закрываются детьми, будто щитами, — идут по льду замерзшего Бьяцо, чтобы добраться до амбаров Перстня и ухватить хотя бы пригоршню зерна; и пускай шены еще держат оборону, весь Бьяру уже полыхает пожарами, обугливается, чернеет — и покрывается белым, чистым снегом.

...Один за другим я сворачиваю и откладываю свитки — сейчас их уже тринадцать. В моей голове все больше седых волос; моя спина все ниже кланяется земле; когда я берусь за стило или кисть, мои пальцы хрустят все громче. И, чем ближе к концу моя жизнь, тем чаще я думаю о том, как — и зачем — прожил ее. Принес ли я пользу хоть кому-то? Я раздавал милостыню нищим, я лечил больных, но что толку, когда и нищие, и больные, и богатые, и здоровые — все исчезнут без разбора?.. Я послужил приманкой, на которую попался Зово. Но хотя богам удалось заманить старого колдуна в Бьяру, тот умер, так и не сумев ни победить бывшего учителя, ни занять его место.

Было и еще одно дело... Еще одно прозвище, которое я получил от Селкет. Зеркало — так она называла меня. Она хотела, чтобы я следил за всеми деяниями лха, даже за самыми ужасными. Зачем? Не раз и не два я думал об этом, а потом вспомнил сказку — одну из тех, что записали родители Сиа; как водится, о герое, который хотел убить чудовище. Вот только любой посмотревший на диковинную тварь обратился бы в камень. И тогда герой пошел задом наперед, глядя на отражение врага в щите... Не таким ли зеркалом я стал для Палден Лхамо? Или чем-то вроде ручных зверушек, которым князья скармливают кусочки пищи, проверяя ее на яд? И яд действительно был! Он отравил меня исподволь, вошел в кровь и осел в костях... Я так и не стал колдуном, но раз за разом, против своей воли, сталкивался с подземным огнем. Я видел его отблески наяву и во сне... Вижу до сих пор.

Гора сверкающего хрусталя высится посреди сада — правда, там больше нет ни деревьев, ни даже сорной пшеницы: сверкающие самоцветы подымаются из земли, будто засеянной змеиными зубами. Если попытаться пройти по ним, и ступни, и подошвы изрежет в клочья. Иногда — особенно непроглядными зимними ночами — я могу различить, как внутри бьется и трепещет холодный, мертвый свет. И тогда сердце сводит от тоски; в груди болит и ноет, невыносимо, так, что хочется разодрать мясо и кости и вырвать из себя этот тянущий, тугой узел. Мне ничего не остается, как до крови впиться в ладонь или предплечье и ждать, пока не настанет утро и наваждение не исчезнет.

Что стало бы, если бы Селкет не помешали? Смогла бы она убить чудовище и присвоить его силу? Или безымянная тварь сожрала бы и ее саму, и души всех существ, заточенных в Стене? А если бы богиня поддавалась сомнениям и отступилась от своих намерений? Если бы преуспел Ун-Нефер? Ожила бы тогда Олмо Лунгринг?.. Теперь уже не узнать! В схватке трех грозных противников ни один не одержал верх.

...Что-то они делают сейчас, в своем аду? Порою мне кажется, что заклятье краем задело и меня. Во сне мне являются отголоски чужого кошмара: красное небо и черный песок, красная вода и белый туман... И бесконечная грусть накатывает волною; а потом я

просыпаюсь.

...И вот мой труд почти завершен, а мой мир умирает внизу. Бьяру опустел; поля скованы льдом; дворцы и лакханги разрушены. Лишь над крышами Перстня еще поднимаются тонкие струйки дыма, но и Перстень не простоит долго. И все же я надеюсь, что Кхьюни была права, что все не напрасно. Пусть мы погибнем — те, кто живет за пределами этих снежных небес, останутся целы. Чей бы корабль ни пролетел мимо, чей бы взгляд ни упал на замерзшую планету — больше никто и никогда не услышит голос, зовущий из ее глубины. Боги спят, и чудовище спит вместе с ними. Больше не будет ни одного Эрлика Чойгьяла, Хозяина закона, Железного господина.

[1] Sha ma (тиб.) — плацента.

БЕЛЫЙ УЗЕЛ

*Приходящий, ответ на вопрос,
Прежде, чем в дом мой вступить,
Прежде, чем нить развязать:
Если солнце закрыть в ларце,
Если месяц водой залить,
Если звезды свести с небес,
Что тогда нам осветит путь?*

*Место есть, что светло без звезд,
Что и ночью белее дня,
В царство Эрлика путь держи,
Отвечал многомудрый гость.*

У этого не было начала и не было конца.

Он всегда был здесь — в яме из камней и железа; в месте, где ничего не менялось... Разве что пятна светящейся плесени под потолком то темнели, то покрывались голубой пудрой спор, да цокали когтями стражи, сменяя друг друга на посту.

Он изучил свою темницу от и до: она была похожа на колодец с круглым дном — двадцать шагов от края до края — и наклонными стенами, сходящимися к отверстию шириною где-то в три локтя, забранному железной решеткой. Такая же решетка, из толстых, скользких от влажности прутьев, была под ногами, а под нею не было уже ничего: только чернота, непроницаемая для взгляда. Много раз он просовывал руку в широкие дыры — так глубоко, что чуть не свернул плечи, пытаясь ухватить хоть что-нибудь, — но пальцы только зря прореживали пустоту. На ощупь она не была ни теплой, ни холодной, ни влажной, ни сухой; ничем не пахла; и, сколько он ни прислушивался, прижавшись щекой к полу, не услышал ничего, кроме шума собственной крови. В конце концов он решил, что там, внизу, мир заканчивается.

И правда, все звуки и вещи приходили к нему сверху: например, оттуда капала вода, проложившая червяные ходы сквозь камень. Если знать, где встать, ее можно было набрать целую пригоршню и побултыхать в ладонях. Вода плескалась, всхлипывая, мерцая бледными всполохами, и это было почти так же красиво, как цветение плесени. Но пить ее не стоило: на вкус она отдавала ржавчиной и чем-то горьким, щиплющим язык.

Стражи тоже были наверху; хотя им запрещено было говорить и с ним, и друг с другом, он всегда чувствовал их присутствие. Уши, устав от тишины, улавливали легчайший шорох одежды, скрип костей, хриплое дыхание — и, конечно, тревожный звон ключей. Когда приходило время дать ему еды, в отверстии наверху появлялись круглые, замотанные в тряпье головы; выпученные белые глаза шарили по яме, высматривая, где он. Потом один из стражей отпирал заедающий от старости замок, а второй, кряхтя, оттаскивал в сторону верхнюю решетку. В открывшееся отверстие спускалось блюдо с двумя ушками по бокам; к ним крепились веревки. Обычно ему предлагали гроздь волнистых грибов — черных и пористых, еще пахнувших свежей землей и червяками или, наоборот, вымоченных в соляном растворе; пучки сочного зеленого мха или жирных личинок с уродливыми мордами,

нарезанных полупрозрачными ломтями, — эти были самыми вкусными. Еще ему полагалась чашка воды — чище той, что текла по стенам пещеры, но все равно горчащей.

Есть следовало быстро, пока блюдо не потащили обратно; при этом веревок касаться было нельзя, иначе стражи шумели, встряхивая широкими рукавами так яростно, что нашитые на них бляшки и подвески начинали пронзительно звенеть. Если он продолжал упорствовать, в грудь ему тыкали длинными, обернутыми в тряпье палками, отгоняя подальше, а блюдо забирали и в следующий раз давали что-нибудь совсем гадкое, вроде растолченных в вязкую кашу улиток. Это было наказание.

Но такое случалось редко. Хоть от скуки он и заставлял стражей иногда побегать по потолку, чтобы послушать, как они смешно топчут и охают, на самом деле он не хотел огорчать их. Эти странные существа пытались заботиться о нем; наверное, даже любили по-своему, так сильно, что не могли отпустить. Поэтому его и держали в этой яме, по стенам которой нельзя было взобраться вверх; поэтому не давали ни ножа, ни веревки; поэтому запирали и неусыпно стерегли.

Он и не пытался бежать — знал, что не должен. Но часто темнота и тишина становились невыносимыми; тогда что-то тяжелое и склизкое набухало в его груди, будто между ребер свила гнездо жирная жаба, и он готов был биться головой о стены, царапать камни и грызть пальцы на руках и железные прутья под ногами... что угодно, только бы заглушить тоску. Правда, это приносило мало облегчения: прочные пластины, покрывавшие все тело, нельзя было ни прокусить, ни разбить; они смягчали любой удар и не давали даже толком почувствовать боль. Да и стражи быстро спохватывались и принимались тыкать в него длинными палками, прижимая к полу, призывая к смирению.

Однажды он попробовал отказаться от пищи и воды, но и здесь ему не повезло. Много раз глиняные блюда опускались вниз и поднимались вверх, все так же полные до краев, а он все никак не мог умереть; только страшно ослаб. Когда он совсем перестал шевелиться и от бессилия растянулся плашмя на решетках, стражи сами спустились вниз, разжали его челюсти ложечкой из желтоватой кости, втолкнули в горло длинную, гибкую трубку и пустили по ней тепловатую жижу — наверное, кашу из улиток. И все это — не трогая его руками; будто об него можно было обжечься, даже сквозь толстые рукавицы!

Таким был один из запретов, которые стражи соблюдали неукоснительно. Вторым было уничтожение всех вещей, которых он касался (никогда ему не спускали одну и ту же посудину дважды, на тех же веревках); а третьим — молчание. Стражи не обращались к нему сами; ну а он просто не мог заговорить с ними. Он пробовал, много раз, но, как ни ворочал языком, как ни щелкал зубами, не сумел произвести ни звука.

У него не было голоса; не было имени; не было памяти. Он надеялся, что и ума скоро лишится; что мысли разобьют его голову изнутри, будто яйцо, и вытекут наружу. Но этого все никак не происходило, а потому ему оставалось только сидеть в темноте, раскачиваясь из стороны в сторону, зажимая виски коленями, и думать о своем единственном утешении — тех редких днях, когда ему позволяли выйти наружу.

Это происходило так: сначала наверху раздавался громкий шум — вздыхало, сопя, множество носов; чмокали губы; скрипели наперебой суставы и железо. Потом в проеме над головою появлялись стражи: один, как всегда, с ключом, чтобы открыть замок, второй — с пустыми руками, готовый подхватить и отодвинуть ржавую решетку. Но вместо привычного подношения пищи вниз падали, разворачиваясь, четыре толстые, крепкие веревки. По ним спускались провожатые. Они были похожи на стражей — такие же низкорослые, укутанные

с головы до пят в грязное тряпье, со светящимися глазами, — но вместо палок несли копья: короткие и увесистые, с наконечниками из разновеликих кусков металла, кое-как примотанных к древкам. И пахло от них иначе: не плесенью и влагой, а свежим дымом. Их появление было знаком; следовало занять особое место на полу, прямо под отверстием выхода. Когда он садился, укладывая ладони на колени, провожатые медленно приближались и, поклонившись, расстилали перед ним кусок ткани — чисто-белой, без единого пятнышка, — в которую были завернуты наручники на длинной цепи. Ему полагалось самому продеть цепь через звенья решетки, вложить запястья в наручники и защелкнуть их; как и стражам, провожатым нельзя было к нему прикасаться.

Убедившись, что он проделал все необходимое, маленькие существа принимались копошиться по сторонам. Одни развинчивали болты, орудуя толстыми когтями как отвертками, другие вязали мудреные узлы; наконец часть решетки вместе с ним самим отделялась от пола, повиснув на скрипящих веревках над пустотой. Провожатые тоже запрыгивали на нее — осторожно, стараясь не задеть его даже краем одежды; так, всем скопом, их вытягивали наверх.

Первым местом, где они оказывались, была пещера — такая высокая, что у него сразу начинала кружиться голова. Здесь было теплее, чем в яме, и очень влажно; он даже видел белую взвесь пара, качающуюся в воздухе и завивающуюся кольцами и спиралями. Из-за этого на стенах и на каменных зубцах, торчащих из пола и свисающих с потолка, буйно разрослась плесень. Ее пятна и полосы, зеленые, голубые, белые, мерцали и переливались, складываясь в узоры, которые можно было рассматривать бесконечно. Но провожатые торопились — ухнув, они взваливали решетку на плечи и тащили его вперед, к ступеням, вырубленным в камне.

Лестница вела еще выше, к выходу, прегражденному железной дверью. Ее охранял привратник — внушающее ужас существо ростом в два раза выше и стражей, и провожатых, с уродливой маской во всю морду, длинным толстым хвостом, на который оно опиралось, как на третью ногу, и шестью шевелящимися выростами по бокам, похожими на недоразвитые руки, с двумя клешневидными пальцами каждая. Пальцы заканчивались наростами, напоминающими скорее рога, чем ногти. Провожатые молча кивали привратнику, а тот, устало вздохнув, наваливался всем телом на позеленевшие створки, пропуская идущих.

За-над пещерой расстилались поля. Стены здесь покрывала уже не плесень, а ряды волнистых грибов, с кожицей пятнистой, как бирюза, и подбрюшьем сияющим, как луна. Точно нити драгоценных бус, они тянулись до самого потолка, на котором помещалась еще одна диковина — несколько больших, гладко отполированных зеркал. Те вроде бы глядели вниз, но отражали не зелень полей, а что-то другое — багровое, темное, медленно шевелящееся; лучше он рассмотреть не мог, да и не хотел. Столько всего еще нужно было увидеть! Ровные каналы, убегающие и направо, и налево, заполненные прозрачной водой; облепившие невода раковины улиток, белые, розовые, рыжеватые; высокий сочный мох по берегам; пестрые коробочки спор, покачивающиеся на тонких стебельках и выпускающие в воздух легкие бурые облачка... Пол под тяжелой поступью провожатых проседал и чавкал; его покрывала плодородная грязь, сладко пахнущая гнилью. Кое-где она подымалась рыхлыми холмиками — там, должно быть, спали личинки, чьим мясом его кормили стражи; а взрослые жуки, гладкие, отливающие синевой и зеленью, мирно ползали вокруг. Некоторые даже взлетали с низким гулом и садились ему на бедра и на колени, цепляясь

шипастыми лапками за гладкий панцирь. Он никогда не прогонял их — это были единственные живые существа, которые не боялись его коснуться.

Но и в этом прекрасном месте провожатые не останавливались: им нужно было дальше, ко вторым воротам из почерневшего серебра. Эти стерег четырехрукий уродец, не менее отвратительный, чем его старший брат; миновав его, провожатые вступали в город. Хотя он уже видел много чудес по пути сюда, и в полях, и в пещере, город превосходил их все. Здесь горели десятки костров разом костры, и всюду сновали жители — маленькие существа, одетые в сизые, черные и бурые балахоны. Их лица закрывали повязки, расшитые цветными нитями и кусочками стекла; многочисленные подвески — связки ключей, крючки, иглы, скребки и лезвия — дребезжали у пояса. Все были чем-то заняты: одни начищали до блеска наконечники копий, другие лепили глиняные посудины, третьи таскали в амбары снопы сжатого мха, четвертые растирали на жерновах муку, пятые пекли пузырчатые лепешки, шестые шили, седьмые подкидывали в огонь какого-то трескучего, сухого сора... Никто не сидел без дела! Он вертел головой из стороны в сторону, распахнув глаза, выворачивая шею, стараясь увидеть и запомнить как можно больше. Воспоминания — это все, что он мог унести с собой в яму.

Увы! Когда жители замечали провожатых с их ношей, все работы замирали; все языки останавливались. Побросав копья, муку и влажную глину, маленькие существа падали ниц. Будто дорожные камни, их скрюченные тела отмечали путь ко дворцу — так он про себя назвал здание, которое было выше прочих в городе. Его бугристые крыши касались черных от копоти сводов мира; ковер самоцветов — лиловых, зеленых, голубых — выстилал изнутри стены и потолок. Драгоценности искрились и переливались ярче, чем плесень и грибы, растущие в пещерах; ярче даже, чем надкрылья жуков, живущих в полях!

На пороге дворца их встречала хозяйка. Она была под стать своему дому: высокая, сухопарая, с хвостом, волочащимся на три локтя по полу, и достающими до колен когтями, покрытыми темным лаком. Как и прочие жители, провожатые и стражи, женщина была укутана от макушки до пят в длинный балахон, но сшит он был из тонкой светлой ткани и украшен на груди и плечах сотнями мелких золотых кругляшей. Вокруг ее талии был обернут передник из грубой кожи, расписанный непонятными извилистыми знаками. Завидев гостей, хозяйка сгибалась в поклоне, а потом, распрямившись, указывала провожатым место, где следовало оставить их ношу — в самом сердце драгоценных покоев, под золотой дверцей в потолке, распахнутой по случаю праздника. Он всегда задирает голову, пытаясь рассмотреть, что скрывалось за нею, но видел только зыбкую, колышущуюся мглу.

Между тем снаружи взвизгивали рога, дребезжали медные тарелки и низко гудели трубы. Эти грозные звуки, отдававшиеся дрожью в груди, созывали жителей во дворец. Скоро весь город являлся сюда: не меньше сотни существ, больших и маленьких, толстых и тонких, цокающих когтями по каменному полу, шумно вздыхающих... и не говорящих ни слова. Когда все были в сборе, двое жителей — судя по свисающим до колен бусам из золотых самородков, помощники хозяйки, — кряхтя, вносили во дворец тяжелые тазы. Внутри в неглубоких лужицах сидели сонные, лениво похрюкивающие жабы: большие (чуть ли не в треть его роста!), круглые, с пятнистой бородавчатой шкурой. Глаза у них были желтыми, спины — бурыми, а бока, зоб и мешки на щеках — белыми; на голове вместо бровей росла дюжина маленьких острых рогов.

Тазы ставили прямо перед ним. Освободившись от ноши, помощники поджигали расставленные кругом площадки с пригоршнями сероватых кристаллов, похожими на соль;

разгоревшись, те выпускали клубы едкого, стелющегося понизу дыма. Народ, собравшийся во дворце, зачерпывал его в пригоршни и подносил к ноздрям, шумно втягивая в легкие. Сама хозяйка становилась между посудинами, спиной к нему, лицом к жителям; подушечками мизинцев она касалась обеих жаб, собирая с защечных мешков капли желтоватой испарины, а потом тщательно облизывала пальцы и замирала, согнувшись, сведя плечи. Скоро ее начинала бить дрожь; длинный хвост стегал по полу, извиваясь, как раненая змея; и вдруг женщина распрямлялась, вскинув руки, и принималась бормотать что-то невнятное.

Тут же помощники торопливо подносили ей тарелки с красными спорами мха, белой мукой, блестками из толченых жучиных панцирей... Всем этим сором хозяйка густо осыпала спины жаб. Затем она обвивала толстые шеи тварей ожерельем из улиточьих раковин, будто связывая их друг с другом, опускала ладони на уродливые тупоносые головы и говорила, или, скорее, пела, обращаясь к отверстию в потолке:

— О, свет на небесном пороге,
Конец бытия и начало!
Все земли ты обнял лучами,
Весь мир, тобой созданный, отче,
Весь мир, что сыну дарован.

Жители города отзывались протяжным одобрительным гулом и, вторя голосу хозяйки, начинали бить пятками об пол — сначала тихо, потом все громче и громче; когти на их ступнях клацали, как бусины костяных четок.

— Далекий — ты нас согреваешь,
Сокрытый — где путь твой намечен?
Когда ты заходишь на небе,
Во мраке земля погибает,
Все спящие дрогнут, укрывшись
Тряпьем, глаз друг друга не видя,
Их золото вор похищает,
И гады глодают их кости.

После этих слов прислужники подхватывали тяжелые дубины, утыканые красными от ржавчины гвоздями, и заносили их над спинами тихо поскрипывающих жаб. А женщина продолжала голосить, задирая руки, открывая раззолоченную грудь:

— О, свет, не имеющий равных!
Создавший весь мир своей волей:
Улиток и жаб белобрюхих,
Жуков, расправляющих крылья!
Для каждого место отведший,
Для каждого давший законы,
Исчисливший судьбы и жизни,
Дарующий пищу и воду!

Тут дубины прислужников опускались на хребты жаб — и подымались, вырывая куски кожи и мяса. Бедные твари, одурев от боли, ревели и неистово дергались, пытаясь убежать прочь. Но первый же удар перешибал что-то важное в их нервах и сухожилиях, и жабы только зря трепыхались, кусая края тазов мелкими острыми зубами.

— Ты, воду спускающий с неба,
Ты, воду ведущий под землю,

Чтоб ею наполнились реки,

Чтоб ею питались озера...

Снова и снова прислужники били по спинам жаб, а те кричали злобно и хрипло, заглушая даже громкий голос хозяйки дворца, а потом начинали плакать — тонко, пронзительно, жалобно. Вторя этим воплям, жители города подпрыгивали, хлопали в ладоши, тряслись всем телом, заставляя подвески на поясах истошно звенеть. Удар, удар, еще удар! Мучители не останавливались, пока темно-красная кровь не наполняла тазы почти до краев.

— О, свет! Ты сжимаешь в ладонях

Все жизни и смерти под небом,

Весь мир, подаренный сыну —

Да будет он с нами навечно!

Так говорила хозяйка, а потом замолкала; но впавшая в неистовство толпа продолжала шуметь и приплясывать на месте. Прислужники снова подымали тазы и выплескивали их содержимое — густое, теплое, парящее — прямо ему на голову.

— Помолись за нас перед Отцом. Заступись за нас перед предвечным светом. Пусть он не лишит нас своей милости, — обращалась к нему женщина и сгибалась в земном поклоне. Он пытался ответить что-то, но не мог — и только захлебывался кровью, стекавшей с макушки прямо в открытый рот. Все это время провожатые бросали тревожные взгляды на проем в потолке и, как только странный обряд кончался, снова закидывали решетку на плечи и тащили его назад: через город, через поля, через пещеру, в яму, где ему надлежало сидеть до следующего праздника, соскребая с тела засохшие бурые пятна и ожидая, когда ему снова разрешат выйти наружу.

И он ждал: безропотно, покорно. Он не пытался бежать или разломать пол и провалиться в пустоту. Он не мог покинуть стражей, провожатых и жителей; ведь он не был их пленником — он был их богом.

У этого не было начала и не было конца. Он всегда был здесь, в яме из камней и железа; в месте, где ничего не менялось... до тех пор, пока вода не стала горькой.

Это случилось в день, когда провожатые явились за ним, чтобы забрать в город. Они выудили его из ямы, пронесли сквозь пещеру и поля и усадили посреди драгоценного дворца. Как всегда, навстречу им явилась хозяйка, одетая в белое с золотом, и ее помощники с двумя жертвенными жабами в тазах; как всегда, зазвучала протяжная песня, обращенная к темному отверстию в потолке, и закричали жабы, умирая под ударами дубин, пока вокруг топотала и шумела разгоряченная толпа. А потом помощники подхватили тазы и потащили к нему, чтобы искупать своего бога в крови... как вдруг один из них оступился.

Тяжелая посуда вырвалась из когтистых рук и ухнула на пол, разлетаясь вдребезги, обдавая жителей с головы до ног ошметками жабьих кишок. Вздох ужаса прокатился по дворцу; все замерли, не зная, что делать. Неудачливый помощник скрючился на полу, завалившись на бок, и тихо скулил.

Он с любопытством оглядывал горожан — что-то будет дальше? — и тут заметил осколок, отлетевший со дна таза. Тот был белым и гладким — не выточенным из камня, не слепленным из глины и даже не отлитым из металла. Но удивительнее самого вещества был выдавленный в нем узор, — круг с двумя перистыми крыльями по бокам. Он уже видел такой! Но где?..

Что-то загудело в голове, защелкало, затрещало, мешая думать; как будто ветер ворвался в дом сквозь незапертые двери. Хозяйка дворца, сбросив оцепенение, широкими шагами подошла к скрючившемуся мужчине. Схватив его за капюшон, она легко подняла тщедушное тельце; неудачник повис в воздухе по левую сторону от него — только ноги задрогались, сверкая натоптышами на пятках. Справа стал второй помощник, так и державший в объятиях уцелевший таз. Хозяйка коротко кивнула ему — таз опрокинулся; и в ту же секунду одним взмахом когтей она распорола горло провинившемуся.

Брызнула горячая соленая жидкость; тошнота подступила к горлу. Он не хотел, чтобы все было так... этого не должно было случиться! Он зажмурился и, не слушая стоны и вздохи жителей, уткнулся лицом в колени. Провожатые поспешно подхватили его и потащили обратно в яму; кажется, впервые он был этому рад.

А на следующий день вода стала горькой. Сначала он подумал, что это споры плесени упали с потолка в чашку, но нет. Влага, которую спускали ему стражи, все явственнее, все отчетливее обжигала нёбо и язык и скоро стала неотличима от той, что капала со стен. Как он ни закрывал чашку ладонью, как ни старался пить побыстрее, вода все равно горчила, а еще мерцала едва заметными бликами, будто внутри плавала какая-то взвесь.

И это еще полбеды: он мог обойтись и таким питьем, но для стражей оно, кажется, было ядовито. Он слышал, как несчастные кашляют и стонут; видел, как дрожат их руки, когда спускают в яму блюда с едой. Да и сама еда изменилась на вкус: мох из зеленого стал синим и уже не хрустел на зубах, а разваливался какими-то склизкими комками; грибы отдавали гнильцой, которую не заглушал даже соляной раствор; личинки обмельчали, а потом и вовсе исчезли. Кажется, жителям наверху приходилось тяжело. Он чувствовал себя виноватым в свалившихся на них бедах: они надеялись на него, а он не смог уберечь их. Тот Свет, которому они молились; Свет, который считали его отцом, — не его ли гневом были вызваны эти несчастья? Если бы он только мог поговорить с ним, он бы заступился за этих маленьких существ. Он бы объяснил, что они не желали зла и разбили ту проклятую посудину случайно...

При мысли о разлетевшемся на куски тазе что-то щелкало в его черепе, и уши наполнялись шумом. Отчаянно чеша лоб, он забивался в темный угол ямы и часами раскачивался, прижимая колени к груди. Стражи кашляли все сильнее, а пищи становилось все меньше, пока однажды ему не спустили нечто и вовсе неведомое. Это была тварь с костяным носом и длинными морщинистыми лапами; глаза у нее были круглыми, светлыми, затянутыми лиловой складкой третьего века; а кожа покрыта легкими расщепленными пластинками — перья, вот как они назывались! По бокам от хребта у существа было два сложенных крыла; он осторожно расправил их, изучая устройство костей; потом ощупал все тело, погрузил пальцы в мягкий живот и почти без усилий раздвинул его, чтобы рассмотреть потроха, влажные и дурно пахнущие. Особенно выделялся желудок твари — сизый, переливчатый, туго забитый чем-то; он надавил на его стенки... И вдруг те порвались, выпуская наружу непереваренную пищу и что-то блестящее! Кусок металла? Кажется, тварь проглотила его, по ошибке приняв за жука.

Как замороженный, он поднес находку к глазам. Обломок железа — острый, как копьё провожатых; твердый, как камень, или даже тверже! Никогда прежде ему в руки не попадалось ничего подобного; может быть, это был знак? Или ключ?..

Стражи снова закашлялись, утягивая наверх так и не съеденное им подношение. Если он ничего не сделает, они скоро умрут — от яда или от голода. Он должен выбраться отсюда и

встретиться со своим неведомым отцом; а потом, так и быть, он сам вернется в эту яму! Но как заставить стражей выпустить его? Он даже не может поговорить с ними!

Единственный раз, когда оба стража спустились к нему, оставив выход открытым, — это когда он пытался заморить себя голодом. Но на это времени не было: стражей нужно напугать прямо сейчас! Сердце застучало, как бешеное; он вдруг понял, что должен делать. Осторожно, пробуя на прочность найденное лезвие, ковырнул им тыльную сторону ладони — там, где костяные пластины были потоньше; на их поверхности остались хорошо различимые царапины. Стало страшно. Казалось, будто в тело вселился кто-то другой: руки обмякли, поджилки затряслись, зубы заплясали во рту, грозясь вот-вот откусить онемевший язык... Чтобы не потерять решимость, он торопливо оцупал сначала ребра, потом живот, выбирая уязвимое место, закрыл глаза, протяжно выдохнул и ударил.

Лезвие, проскользнув в сочленение между пластинами, вошло в мягкую плоть; и тогда, впервые за всю жизнь, он почувствовал боль. Это было, как будто его кинули в костер; как будто кто-то развел огонь прямо на груди. Он хотел закричать, но только сипел, впустую переводя воздух; а потом завалился на бок, прижимая ладони к телу, пытаясь остановить кровотечение. Горячая, красная влага наполнила ладони. Как глупо будет, если он просто умрет, а стражи даже не заметят!

На его счастье, кто-то из них все же глянул вниз — и тут же вскрикнул от ужаса; потом раздалось натужное сипение и решетка с грохотом откинулась. В яму, разворачиваясь, полетела веревочная лестница. Стражи поползли по ней, как две черные горбатые улитки; к поясам у них были приторочены короткие раздваивающиеся рогатины, на случай, если его потребуется усмирять. Он замер, все еще сжимая ладони на животе, следя за стражами из-под полуприкрытых век. Боль, такая оглушительная с непривычки, теперь уже казалась терпимой, да и рана вряд ли была глубока. Он был готов, и когда маленькие существа приблизились, склоняя головы, пытаясь понять, что случилось, сделал нечто невообразимое.

Так быстро, как мог, он выпростал вперед руки и коснулся мужчин. Одному он попал по лицу, чиркнув пальцами по влажному выпуклому белку; другого стукнул по лбу. И хотя это даже ударом назвать было нельзя, стражи отшатнулись, как ошпаренные, и завопили пронзительными голосами. Первый вцепился в глаза, словно те вытекали, как жижа из надтреснутого яйца; второй обхватил виски — будто без дополнительной подпорки его череп развалился бы на части!

Пока стражи не пришли в себя, он вскочил на ноги и полез вверх. Плетеная лестница качалась и шаталась во все стороны — это было странно и непривычно, но все-таки ему удалось выбраться из ямы. Лестницу он вытянул следом и на всякий случай захлопнул решетку; когда придет смена, стражей выпустят. Может, к тому времени они немного успокоятся. В пещере было так много воздуха и пространства, что аж дух захватило; как хотелось рассмотреть здесь все... но надо было спешить! Сжав в кулаке сослужившее добрую службу лезвие, он сделал первый шаг по холодному гладкому полу, так не похожему на железные решетки; потом еще один; а потом побежал. Вот уже и выточенные в камне ступени, а на последней — шестирукий привратник! Пропустит он его или нет?

Но уродцу, кажется, не было ни до кого дела: низко свесив усеянную шишками и наростами башку, он качался, как пьяный, и невпопад размахивал клешнями. Из полуоткрытого рта на грудь натекла лужа слюны. Вода отравила и его! Хотя это и нехорошо, сейчас нездоровье привратника оказалось на руку. Стараясь ступать неслышно, он обогнул великана с правого бока (там клешни шевелились похуже, чем слева) и попытался открыть

железные створки, но те оказались слишком тяжелыми. Значит, нужно было рискнуть. Он подобрал с земли плоский полосатый камень и швырнул в уродца. Тот всхрипнул, развернулся и бросился на обидчика. Движения привратника были медленными и неловкими — он успел увернуться, а великан, запнувшись о ступени, упал и с ужасающим звоном стукнулся головой о ворота. Створки сразу же распахнулись, и, пока привратник пытался подняться, потирая ушибы, беглеца уже и след простыл.

За пещерой расстилались поля, но как сильно они отличались от того, что он помнил! Вода в каналах из прозрачной стала мутно-голубой; ожерелья волнистых грибов обвалились со стен, и зеленый мох пожух, превратившись в кучки гнилья. Нигде не видно было холмиков личинок; только сухие, мертвые панцири жуков хрустели под пятою. А главное, диски под потолком больше не были темно-багровыми; они сияли. Никогда раньше он не видел такого света: белого, слепящего, пропитанного жаром! В озаренном воздухе танцевали отчетливо видимые споры и капельки водяного пара; там, где лучи касались земли, комья грязи блестели, как самородки, тысячекратно превосходя золотые пластины на платье хозяйки дворца. Но он быстро понял, что сами диски не были источником света — они только отражали его и рассеивали над полями. Чтобы встретить своего неведомого отца, ему нужно было забраться куда выше.

Четырехрукий привратник, охраняющий серебряную дверь, болел еще хуже, чем его брат. Выпуклые глаза были закрыты; клешни свисали по бокам, как плети; грудь и живот вздымались и опадали, как зоб разгневанной жабы. Ему даже не пришлось обманом вынудить великана открыть створки; тот сам прислонился к ним в полусне — от этого появился зазор, достаточный, чтобы он смог пролезть внутрь.

В городе было не веселее, чем в полях. Всюду чадили костры, наполняя ноздри дымом и сажей, но огонь не давал тепла. Жители, обычно такие проворные и занятые, вповалку лежали на земле или сидели у порогов домов, едва шевелясь. Кашель и стоны отдавались эхом от стен подземелья. Никто не пытался остановить его; он дошел до самого дворца без препятствий.

Хозяйка была там, в блестящем каменном нутре; она лежала, распростершись, прямо под закрытой на засов золотой дверцей. Поначалу он испугался, решив, что она умерла, но женщина просто молилась; ее тонкое тело иногда содрогалось от плача. Он огляделся вокруг в поисках лестницы — ведь как-то же помощники дотягивались до потолка во время праздника! И точно, чуть поодаль стоял длинный шест с примотанными к нему перекладинами-ступеньками, похожий на очищенный от мяса позвоночник с тонкими ребрами. Стоило ему схватить эту штуку, как хозяйка встrepенулась и повернулась на шум. Повязка спала ей на грудь, и он впервые увидел лицо женщины: широкое, заостренное книзу, с узкими щелочками ноздрей и темной толстой кожей, свисающей вокруг глаз и с подбородка лиловыми складками.

— Нет! Не уходи! — закричала хозяйка и хотела было схватить его, но не решилась — и так и замерла с вытянутыми руками. Золотое монисто на ее груди мелко дрожало; слезы текли по скулам, слизываемые длинным розовым языком. — Прощу, не уходи!

Он хотел ответить, хотел объяснить, что вернется, но проклятый язык не желал произносить ни звука! Вздохнув, он установил шест под золотой дверью и полез по перекладинам, не обращая внимания на летевшие вслед мольбы.

— Не уходи! Заклинаю тебя!

Дверь окружала золотая рама, равновеликая со всех сторон: кто-то вырезал на ней

женщину с невероятно длинными конечностями, стоящую на кончиках пальцев над маленьким телом мужчины. Как так вышло, что ни женщина, ни мужчина не были похожи на существ, обитавших в городе?.. Впрочем, рассуждать об этом было не время. Он выдернул из пазух золотой засов, и дверь растворилась.

— Поверни назад! — кричала хозяйка дворца, но он не слушал.

Зацепившись за края отверстия, он поднялся вверх.

Сначала ему показалось, что он ослеп; все вокруг заливала сплошная едкая белизна. А вдруг это расплата за то, что он обманом покинул яму? Что, если у него отобрали зрение, как раньше — голос?.. Прошло не меньше минуты, прежде чем он понял, что просто стоит в лучах света — такого яркого, что свербит и щиплет глаза даже сквозь закрытые веки. Тогда он задрал голову, ища взглядом его источник, и, охнув от страха, повалился-опрокинулся на спину.

Над ним поднимался колодец невероятной высоты! Никогда он не видел таких громадин: если бы все дома нижнего города составили один на другой, согнав стражей и жителей на крышу самого последнего и заставив подняться друг другу на плечи, они бы не дотянулись даже до трети... да что там, до десятой его части! Сияние лилось из его открытого зева, а по бокам, расходясь от срединного провала, лежало несколько уровней-кругов; их соединяла лестница из белого камня. Ее поверхность блестела, отражая лучи; как змея вокруг ствола дерева, она обвивалась — кольцо за кольцом, ступень за ступенью — вокруг пустоты.

Сердце заколотилось в груди; в ушах зашумело от крови. Сколько времени он провел, хватая ртом воздух и пытаясь понять, как что-то настолько огромное может существовать? Должно быть, очень долго! День уже начал меркнуть и в воздухе поплыли красноватые тени, когда снизу послышались шуршание, стук и приглушенные голоса. Тут он вздрогнул, оживая. Жители города могли отправить стражей на поиски! Вытягивая шею, он осторожно заглянул в отверстие в полу, но не увидел ничего, кроме плотного дыма, будто от разожженных во дворце курильниц.

На золотой двери с обратной стороны кто-то предусмотрительный припаял крюк, чтобы ее можно было подцепить, а вот замка или засова уже не было. Ему удалось кое-как подпереть ее при помощи лестницы-шеста, но надолго ли это задержит преследователей? Нет, конечно; потому нужно торопиться. Свет, встречи с которым он ищет, живет наверху, на самом конце лестницы, и ему следует подняться по ней.

Первая ступень, гладкая, ровная — совсем как панцирь на его теле, — была недалеко, но стоило встать и двинуться по направлению к ней, как его скрутило от боли. Теперь, когда тревога и страх больше не поддерживали, не гнали его вперед, свежая рана напомнила о себе. Он ощупал ее взбухшие края — на пальцах осталась кровь; сделал еще шаг к лестнице и согнулся пополам, скрипя зубами. Нужно было переждать, пока боль пройдет... Но прежде спрятаться.

Он огляделся, ища укрытие — за границами круга, очерченного тускнеющим светом, было черным-черно, — и, не зная, что выбрать, пошел направо. В лицо тут же дохнуло влагой и тысячей незнакомых запахов, сладких, гниловатых, травянистых. Облака густых испарений стеной стали вокруг; их молочные языки лизали далекий потолок. Капли осевшей влаги, набухнув, падали на его темя и плечи. Под ногами скоро захлюпала грязь, а потом и вовсе плеснула вода. Нити растений обвились вокруг ступней, скользкие, щекочущие,

завязывающиеся в петли и узелки. Он сощурился, высматривая дорогу: впереди, как россыпь монет, поблескивали лужи: некоторые размером с ладонь, другие — с блюдо, а третьи — такие большие и глубокие, что он мог бы нырнуть в них с головою. Вода тут была странного, красноватого цвета. Он набрал ее в пригоршню и поднес к самым глазам: внутри сновали сотни маленьких пестрых козявок. Удивительно, как они расплодились в таком множестве, несмотря на отраву! Он отпил немного влаги; хотя она и горчила, зато была густой и сытной, как похлебка. И еще был в ней какой-то знакомый привкус, но он не смог вспомнить, какой.

По берегам луж, пробиваясь сквозь щели между покрывающими пол плитами, рос высокий тростник. Не придумав лучшего укрытия, он забрался в зеленые заросли и замер, прислушиваясь, вглядываясь в блуждающий туман. Все вокруг было незнакомо, а потому и пугало, и восхищало: и нити черных, скрепленных слизью бус, облепившие бледные стебли растений, и звон мошкеры, роящейся над мелкой зыбью, и гудение летучих насекомых, почти в локоть длиной, с выпуклыми глазами и тонкими серебристыми тельцами. Одно такое опустилось на лист рядом с ним, расправив стеклянистые крылья; только он залюбовался сложным узором жилок, как вдруг темная тень выпрыгнула из ниоткуда, хлопнула пастью и тяжело плюхнулась в грязь, чавкая и хрустя добычей. Жаба! Не такая большая, как на празднике, но с такой же бугристой шкурой, рядом маленьких рожек на голове и выпученными золотыми глазами. Так вот где жители города брали их, чтобы принести в жертву!

Его присутствие гадину совсем не пугало. Покончив с ужином, жаба повернула морду в сторону срединного провала. Кожаный мешок на ее шее заходил вверх-вниз; бледное брюхо раздулось, а потом резко сжалось.

— Крооо! — загудела она громко, и отовсюду, из темноты и тумана, ее сородичи отозвались гудением и ревом, стократно усиленным эхом. Протяжно и тоскливо пели они; и скоро, убаюканный жабьей колыбельной, он уснул.

Что-то тяжелое давило на грудь, мешая дышать. Открыв глаза, он увидел все ту же жабу, вскарабкавшуюся на него во сне и усевшуюся задом прямо на рану. Должно быть, ее привлекло тепло воспаления. Толстые бока гадины ходили вверх-вниз; с пятнистой кожи стекали желтоватые капли — не то слизь, не то пот. Он спихнул глупое животное на землю и поднялся на ноги. Странно, но поврежденное место теперь ныло куда меньше! Неужели из-за жабы? Может быть, стоило поймать ей еды в награду?.. Но зверюга, не дожидаясь благодарности, ускакала прочь.

Он высунулся из зеленых зарослей, оглядываясь и принюхиваясь. Уже начался день. Столп белого света горел в середине залы, разгоняя туман; теперь он наконец увидел пределы болотистого царства тростника и жаб. На много-много шагов вдали темнели стены, мрачные, мокрые от испарины, но в их каменных боках весело поблескивали какие-то золотистые крапинки, будто подмигивая ему! И хотя он знал, что должен спешить, любопытство взяло верх. Убедившись, что никто не следит за ним, он пошел сквозь тростник — прочь от света, в кипящую, влажную, пахнущую зеленью и сладостью мглу.

Каждый шаг отдавался жадным хлюпаньем и чавканьем; вода на полу подымалась все выше, кое-где доходя ему до щиколоток, а то и вовсе до колен. Сияние срединного провала скоро рассеялось — настолько, что казалось, будто глаза ему залепили молочно-серой грязью. Вытянув перед собою руки, он двигался больше по наитию и все же в конце концов достиг цели. Пальцы уперлись во что-то твердое и гладкое; перед ним была стена.

Журчащая вода стекала по ней, давая начало всем здешним лужам и туману. Он положил ладонь на каменную плиту — сплошную, без единой щели или зазубрины, — и пошел вдоль нее до тех пор, пока не нащупал какую-то выемку, не слишком большую, обмазанную по краям слизью. Отдернув ладонь, он брезгливо обтер пальцы о бедро; а потом увидел сверху еще одно отверстие, затянутое плотной желтоватой пленкой. Стоило ткнуть ногтем в ее сердцевину, как та легко поддалась, разрываясь. Внутри тайника лежала жаба. На вид она будто бы умерла: кожа гадины была сухой и твердой, глаза впали, затянувшись мутью, бока обвисли морщинистыми складками. Воспоминание о чем-то похожем, о чем-то, что он уже видел раньше, царапнуло изнутри, как застрявшая в горле кость. Он выронил жабу на залитый водою пол; та тут же задергалась, зашевелилась и скоро села, раздувая зоб и щелкая острыми зубами. Кажется, раздумывала, кого бы съесть.

Глядя на нее, он тоже почувствовал голод, поэтому наклонился и зачерпнул воды из ближайшей лужи. В ней плавали красные рачки, и черные зернышки икры, и сочная ряска, и, кажется, немного жабьей слизи. Таким супом можно было и напиться, и наесться!

И правда, проглотив две пригоршни, он почувствовал сытость... и даже сонливость. Глаза слипались; тихое, нежное онемение разлилось по телу, поднявшись от пальцев ног вверх, к груди. Зевнув, он сел в мокрую грязь и прислонился спиной к стене. Туман дрожал вокруг, напоминая о дыме курильниц; тени и искры летали в нем, светясь дымными огнями, дрожа и звеня.

Шевелиться становилось все сложнее; жар и влага навалились на грудь, как тяжелые одеяла, прижали к земле и пыхали в лицо гнилым, сахарным духом. Жаба сидела рядом, мигая золотыми глазами. В приоткрытой пасти блестели мелкие зубы.

Он спал, а потом просыпался — для того чтобы снова заснуть. Когда он открывал глаза, то видел, как ползают по нему тяжелые мягкие жабы, с ревом отрывая воздух, перепрыгивая с бедер на живот, со лба на плечо, а потом садятся у уха и, трясая животами, заводят свою ревущую песню. Ему хотелось пить — страшно хотелось пить! — но тело заоченело и не слушалось; он не мог даже перевернуться на бок и отхлебнуть грязи из лужи, собравшейся вокруг затылка. Он засыхал среди воды, среди болот, среди журчащих ручьев, как вырванное с корнем растение. В короткие секунды бодрствования он жадно глотал туман и слизывал желтые капли с боков жаб, лежащих на его шее и груди, как ряд рогатых идолов. От этой сладковатой густой жижи немели язык и нёбо, но так удавалось хотя бы немного утолить жажду.

Из отложенной жабами икры уже вылупились хвостатые головастики. Тростник, примятый им, распрямился и пустил новые, нежно-зеленые побеги между пальцами. Иногда, между дремой и явью, ему чудилось, что трава прорастает прямо сквозь него, и тогда он пытался вырваться, убежать, вытянуть из себя тростниковые стрелы; но все зря. Что-то тяжелое, мутное плескалось на донце затылка, как тина в обмелевшем пруду, одна мысль:

— Оставь! Стань растениями, водой, туманом.

Он мычал во сне, стараясь сжать пальцы, согнуть колени, подняться с ложа из листьев и грязи.

— Исчезни! Так будет лучше для всех.

Да, исчезнуть — это было легко и приятно! Никогда больше не открывать глаза, не чувствовать скользких прикосновений жаб, не хотеть ни пить, ни есть, не страдать... Но он помнил, даже во сне, что где-то внизу есть умирающий город; и маленькие жители, и

хозяйка дворца, и стражи, протягивающие ладони — к нему! Он один мог спасти их; он не должен был исчезать... но и вырваться из круга сна и пробуждений не мог. Как улитка в садок, он попался в хитрую ловушку, в новую темницу, двери которой открывались только снаружи.

Но потом из болот вышло чудовище.

Это случилось в то время, когда он бодрствовал; поэтому он сразу заметил тварь с руку длиной, с раздутым членистым брюхом и уродливой маской на морде, похожей на оголившийся, побуревший от древности череп. Она вылезла из пузырчатой грязи и побрела к нему. Скосив глаза, он мог наблюдать, как она движется, неуклюже переставляя многочисленные лапы; это зрелище было таким гадким и странным, что он даже забыл про мучившую его жажду.

А тварь была все ближе... и вдруг остановилась, тупо уставившись вперед. Ее морда ничего не выражала — ни радости, ни злости. Может, она и вовсе заснула? Но тут нижняя челюсть чудища, точно рука с двумя острыми когтями, выпросталась вперед и схватила одну из жаб, ворковавших вокруг. Сколько та ни билась, сколько ни трепыхалась, оря дурным голосом, хищник, перебирая всем избытком своих лап, тянул ее за собою, на дно болота. Наконец и добыча, и охотник скрылись под пускающей пузыри водой.

Оставшиеся на суше жабы испуганно закричали; а из воды уже лезли новые твари, похожие на первую, как родные сестры. Одну за другой они хватили жаб и тащили в трясину; те, что не были пойманы, сами ускакали в тростник. Наконец последнее чудище из подводного стада, самое здоровое и неповоротливое, выползло на берег — и не нашло добычи. Впустую щелкнули страшные челюсти, ловя воздух. Тряхнув гадкой башкою, тварь полезла вверх по зеленому стеблю — не для того ли, чтобы углядеть себе еды? Затаив дыхание, он следил, как существо ползет, цепляясь коготочками за сгибающийся тростник, и замирает на самом верху, свесив вниз мешок живота.

А потом чудище начало трястись и раскачиваться; толстая шкура лопнула на спине, открывая что-то блестящее и шевелящееся. Оно лезло наружу, как вар из котла — сначала грудь, потом острая морда и тонкие палочки лап. Скоро на пустом панцире сидело большеглазое насекомое со сморщенными темными крыльями. Те расправлялись, наливаясь лимфой, пока не распластались широко, как лопасти четырех весел. Четыре весла, загребующих волны небесного моря; как же они звались?..

Новорожденное существо, сверкнув серебряным панцирем, взлетело с тростника и унеслось прочь, к свету. К Свету! Не туда ли шел и он сам? Но зачем?..

Думать было тяжело. Чтобы снова не провалиться в дремоту, он прикусил язык и принялся жевать его, про себя умоляя — кого угодно, кто может помочь! — чтобы все это прекратилось. Его просьбы были путаными, невнятными, полными страха, но мало-помалу зазвучали почти как песня — как будто он вспоминал, а не придумывал их:

Рассейся, мрак на пути,
Сгиньте, дети изнанки,
Идущий станет огнем,
Ветер его раздувает.
Идущий властен над сердцем —
Ему не сгинуть в болотах;
Идущего власть над руками —
Им не увязнуть в болотах,

Идущего власть над ногами —
Их не задержат болота.
Идущий, пари, как крылатый,
Цепляйся, как шестилапый;
Усядься на место пустое,
На место в Света ладьё!

Что-то хрустнуло в голове, будто треснул орех или яичная скорлупа. Дышать вдруг стало гораздо легче. Вместе с воздухом пришла и оторопь: почему он валяется в грязи? Почему тело не слушается его?

Жутко хотелось пить; в горле свербило, точно он наглотался песка и соли. Станный, неприятный вкус осел во рту. Где он уже чувствовал эту тошнотворную сладость, такую мерзкую, что после нее хочется скрестить язык ногтями? Не она ли отравила его?

И тут он вспомнил: отравы — вот зачем он идет вверх! Чтобы жители города перестали умирать от яда, растворенного в воде. Но его свалила с ног не горечь, а сладость; дело не в воде, а в жабах. Жабья слизь налипла у него под нёбом. Он хорошо знает ее вкус — ведь она всегда смешивалась с кровью, которой его поливали во время праздника во дворце; но тогда он выплевывал ее, а тут... Если бы не твари, пришедшие на охоту, он мог бы пропасть навсегда.

Все вокруг дышало жаром, но он похолодел от страха. Нужно было убираться отсюда как можно быстрее, а он не мог пошевелиться! Жабий яд все еще тек по венам; ничего не оставалось — только ждать, когда его действие пройдет. И он ждал; страшная жажда мучила его, но он опасался глотать даже капли, которые туман оставлял на губах. Через час или два больно закололо ступни, и он смог пошевелить большими пальцами на ногах; потом указательными, и средними, и безымянными, и мизинцами. Как только он смог перевернуться, то пополз, как червяк, на брюхе, отталкиваясь локтями — вперед, к лестнице.

Это было медленно; руки скользили в грязи и тине, корни растений цеплялись за ноги и тянули назад. Уже много дней он не ел и боялся упасть без сознания — уже не от яда, а от бессилия. Кое-где на тростнике висели личинки подводных чудищ, готовясь стать крылатыми насекомыми. Они выглядели, как бурые плоды с толстой кожицей; он хотел укусить какую-нибудь, но так и не решился. Если личинки питаются жабами, то, может, и сами пропитаны ядом.

Не быстро, но он продвигался вперед — ближе к свету, прочь от душной, снотворной темноты; и чем дальше позади он оставлял ее болотные испарения, тем легче становился путь. Он даже смог пойти на четвереньках, переставляя попеременно конечности: как зверь, зато не как улитка! Пускай он бился коленями о камни и падал, растянувшись, — он снова поднимался, упрямо мотая головой. И вот наконец влажный жар сменился на сухой; еще до заката он приполз к первой ступени и растянулся на ней. Белые лучи скользнули по спине, скапливаясь между лопаток, согревая... Жжение становилось все сильнее; и когда ему уже казалось, что от тела идет пар, его вырвало комьями желтой слизи.

После этого стало гораздо лучше. Голова прояснилась, и, хотя его еще шатало, он сумел подняться во весь рост. В воздухе кружились крылатые насекомые, сверкая и звеня, как серебряные колокольчики, а где-то во мгле пели-ревели жабы, низко и тоскливо. Золотая дверь в полу была закрыта. Кажется, шест, подпиравший ее, исчез?... Он не стал тратить силы на то, чтобы проверить: если кто-то из города и пошел за ним следом, несчастные, должно быть, уже сгнули в тростнике. Вместо этого он пошел вверх по лестнице.

Подниматься было тяжело: колени подгибались от слабости и усталости. К тому же, наступал вечер. Поэтому, добравшись до второго уровня, он остановился и огляделся, раздумывая, можно ли здесь отдохнуть.

Ни тростников, ни жаб вокруг; да и воды здесь было куда меньше, чем внизу. Под высоким неровным потолком не клубились тучи, с оголенных перекрытий не капала испарина, и пол был сухим, без ручьев и луж. Зато повсюду, сколько хватало глаз, валялись глыбы белого камня — большие, средние, маленькие; тысячи их! Похоже, что они давным-давно отвалились от потолка, как гнилые зубы из десен; оттого тот был жутко щербатым. Ближе к срединному провалу, там, где половину суток горел нестерпимый свет, камни с «лица» были голыми и мертвыми, но по «спинам» у них тянулись жесткие гребни сорняков; а еще дальше, в тени, валуны и галька целиком скрывались под густой травой и сочными подушками мха — вроде того, которым его потчевали стражи. Успокоенный знакомым видом, он сошел с лестницы: под ступнею запружинили сухие ползучие колючки. Если бы его панцирь не был таким крепким, пятки изодрало бы в кровь!

Он присел на корточки, оторвал одну из шипастых коробочек, свисавших с крученого стебля, и повертел перед глазами. Она была похожа голову черного быка. Но где он видел быков?.. И можно ли ее съесть? Нет, пожалуй, лучше не рисковать! Стараясь не слишком удаляться от лестницы, он добрался до камня, сплошь зеленого от мха, сорвал несколько тонких волосков и вдумчиво прожевал. Привычный вкус, горький и свежий, наполнил рот; осмелев, он оторвал еще пучок... И тут заметил, как на него смотрят два желтых глаза.

Неужели жаба? И он снова попался?.. Нет, это было совсем другое создание — ящерка длиною с палец, с тонкими смешными ножками, между которыми болтался морщинистый, похожий на кожаный мешок живот. Все ее тело покрывала бурая чешуя, темнеющая у хребта, с россыпью белых пятен на хвосте. Скоро он заметил еще одну, и еще: ящерицы копошились в траве и пыли, бегали по камням, выползали из-под вздыбленных плит на полу и ныряли обратно. Мелочь была юркой и быстрой; те, что постарше, шевелились медленно, с ленцой. У таких хвосты наливались жиром и уже не извивались, а волочились по земле, царапая ее острыми шипами, — не из кости и не из рога, а из блестящего прозрачного вещества, похожего на хрусталь.

Да, ящерицы кишели всюду! Утробно урча, они пережевывали местные растения вялыми движениями челюстей. Правда, это была не единственная их пища; пару раз он видел, как твари побольше ловили себе подобных и проглатывали целиком. По счастью, никто не попытался попробовать на вкус его самого. Убедившись, что эти существа не опасны, он доел мох; тот был достаточно сочным, чтобы притупить жажду, но воды все равно надо было поискать. Только не сейчас, когда свет почти погас; утром.

Со стороны срединного провала дохнуло прохладой. Он прислонился к валуну, только что служившему ему обеденным столом, прижал колени к груди и опустил голову; так он стал как бы раковиной, внутри которой оказалось заперто тепло. Ящерицы шуршали и шелестели вокруг, раскачивая траву, разбегаясь по запрятанным среди колючих кустов норам; скоро стало совсем тихо, а может, он просто заснул.

Когда он открыл глаза и разжал окоченевшие от холода руки, воздух вокруг уже посерел; ночь закончилась. Рядом с его бедром пробежала ящерица — совсем крошечная, наверное, только что вылупившаяся из яйца, — как вдруг из трещины в камне вытянулись длинные тонкие лапы и схватили ее! Следом из укрытия выпростался весь охотник в полный рост —

паук с тарелку размером, молочно-белый, с бусинами красных глаз на высоком лбу и двумя жуткими серпоподобными клыками. Добыча извивалась, пытаясь вырваться; все напрасно. Он уже думал, не стоит ли вмешаться, но тут ящерица сама упала в траву и резво побежала прочь, вилля обрубок тела, а паук остался недоумевать с оторванным хвостом в пасти.

Ему тоже следовало позаботиться о питье и пропитании. В поисках воды он решил двинуться вглубь уровня, подальше от срединного провала — туда, где всегда лежала тень и где трава была похожа не на хрусткие иссохшие кости, а на густой лоснящийся мех. Здоровых глыб на пути становилось все больше, так что ему приходилось то подыматься, то спускаться, то скакать с верхушки на лысую верхушку. Наконец, он дошел до самой стены. В отличие от нижнего уровня, здесь не было ни тумана, ни жабьих гнезд — только ряды стеклянных и металлических труб, идущих прямо из потолка. Кое-где они не то проржавели, не то были повреждены камнепадом; из дыр била вода. Он сунул палец в один из таких ключей и осторожно облизал. Вода была горькая, без примеси дурманящей сладости; наконец-то можно было напиться!

Этого и еще нескольких пригоршней мха было бы достаточно, чтобы он мог идти еще долго; может, даже успел бы подняться до середины колодца, пока не закончился день? Думая так, он поспешил на лестницу, но, как ни торопился, к его возвращению та была уже занята. Дюжина ящериц — старых, как мир, и огромных, как дом, с поблекшей до желтизны чешуей, развалилась на ступенях, млея в жарких лучах. Их бока, покрытые складками дряблой кожи, раздулись и булькали от бродящей еды. Казалось, ящериц совсем разморило, но стоило ему подойти поближе, как твари начали шевелиться, клацая когтями и угрожающе взмахивая тяжелыми хвостами. Из-за острых шипов-кристаллов те походили на утыканые гвоздями дубины; получить удар такой совсем не хотелось.

Он изо всех сил затопал ногами и захлопал в ладоши, пытаясь согнать ящериц с насиженного места, но те и не думали уходить. Да и весь шум, который он производил, не был и вполтину так громок, как рев и бурчание их забитых травяной жвачкой желудков! Тогда он попытался дернуть одну из великанш за пальцы на задней лапе. Сама ящерица даже не шелохнулась, зато страшный хвост хлестнул его по ногам так сильно, что он кубарем скатился по ступеням, чуть не сорвавшись с края лестницы.

А эти чудища были опасны! Следующий удар хвоста или толчок тупой морды запросто мог отправить его на самое дно провала; может, он и выживет после падения, но точно переломает ноги и руки. Тогда он решил просто ждать. Когда жар станет невыносимым, ящерицы сопреют, иссохнут и сами уползут в глубь уровня, к зелени и прохладе, а он продолжит путь.

Решив так, он сошел с лестницы и устроился в неподвижной тени. Время шло медленно, но за годы, проведенные в яме, он научился терпению. Все быстрее кружились в белых лучах пылинки; нагретый воздух все отчетливее дрожал и колыхался; суетливые пауки, попав на освещенное место, катились кубарем прочь, чтобы не обжечь лапки о раскалившийся камень. А ящерицы все валялись как мертвые, даже не мигая.

Зато что-то темное шелохнулось внизу — там, в зарослях тростника, которые он с таким трудом покинул, — и поползло по лестнице. Он уставился на приближающегося, холодея от страха: это был страж! Он точно узнал это низкорослое, коренастое существо, сплошь замотанное в тряпье, с коротким копьём за спиной и зубастой рогатиной в лапе; страж опирался на ее древко, как на посох. С подола бурого балахона текла вода, оставляя позади влажный, улиточный след; когти цокали по ступеням, как раньше — по потолку ямы.

Выпуклые глаза, не приспособленные для надземного света, были закрыты темным стеклом; сквозь это забрало страж пялился прямо на него.

Нужно было бежать, немедленно! Он сорвался с места и, не подумав хорошенько, метнулся вверх по лестнице, прямо в стаю заворочавшихся, заворчавших низкими голосами ящериц. Его царапали хвостами и когтями, кусали, швыряли туда-сюда, но это еще полбеды! Главное, что впереди разлеглась самая огромная, самая уродливая тварь, раздувшая бока так широко, что складки кожи свисали по обе стороны лестницы.

Как пройти мимо такого чудовища? Эту махину не обойти, не перепрыгнуть, не проскользнуть под брюхом! Зоб у нее колыхался, как выцветшее знамя, а страшные шипы были длиной в три ладони! Когда ящерица задрала хвост для удара, они сверкнули радужным блеском, а потом ухнули вниз. Повезло, что он успел отскочить, иначе его разрезало бы или расплющило, как букашку. Жаль, что здесь не водилось достаточно большого паука!

И тут дикая мысль пришла ему в голову; он увернулся от еще одного удара и, пока мощный хвост еще лежал на земле, схватился за шипы-самоцветы, а потом изо всех сил потянул на себя. Увы! Он был слишком легким, а позвонки ящерицы слишком спаялись от старости и не желали отделяться один от другого. Вдруг что-то резко дернуло его за щиколотку — это страж добрался до него! А ящерица меж тем снова начала поднимать свое страшное оружие, и они оба повисли у нее на хвосте, как рыбы на удочке. Вот тогда-то тихо, почти неслышно хрустнули кости, и жирный, еще шевелящийся кусок плоти отделился от своей хозяйки! Как два мешка, они со стражем повалились на лестницу. Ударившись о ступени, он выпустил кровотокающий отросток из рук. Вокруг послышалось клацанье когтей и челюстей — это другие ящерицы, проголодавшиеся за минувшие часы, спешили перекусить свежим мясом. Извиваясь и толкаясь вывернутыми набок локтями, они оттеснили стража прочь; коротышка с головою исчез под сплетением лап и тел.

Изуродованная тварь замычала, заревела, яростно вскинув шею; но без хвоста она была просто злобной, надутой смрадным воздухом подушкой. Хватаясь за складки кожи и бугристую чешую, он взобрался ей на спину и соскочил прямо перед хлопающей пастью. Правда, радоваться было рано: преследователь мог нагнать его в любую секунду! Теперь он понял свою ошибку, а потому, вместо того, чтобы бежать по лестнице, нырнул вбок, в темноту третьего круга.

Тут не было в беспорядке набросанных камней, но зато от срединного провала расходились кругами десятки, если не сотни колонн высотой до самого потолка. Правда, многие из них раскололись или покосились, опершись друг о друга хребтами. Уже знакомые колючки обвивали бетонные основания рядами черных четок; бока пестрели щербинами и трещинами. Из пористой, как мякоть гриба, поверхности, прорастала чахлая зелень и пучки прозрачных, огненно горящих самоцветов. Один из них будто бы шевельнулся; но ему некогда было рассматривать здешние чудеса. Покрутив головою и не заметив ни ящериц, ни жаб, он юркнул за колонны: подальше от провала, от стража и от света, слишком ярко блестящего на белом панцире.

И вовремя: стоило ему забиться в тень между двумя накренившимися обломками и затаить дыхание, как со стороны лестницы послышалось пыхтение и стук железа о камень — это его преследователь, одолев ящериц, взбирался наверх. Сначала над полом показались зубцы его рогатины, потом — капюшон, залитый свежей кровью, и острие копья, на котором, как красные ленты, болтались куски кожи и мяса. Наконец, страж появился весь,

но вместо того, чтобы двинуться вглубь уровня, остановился и вперился в темноту. Не заметив добычи, он продолжил путь по ступеням.

Это могло быть уловкой. Поэтому, когда страж скрылся из виду, он не стал высовываться наружу; и не зря! Не прошло и половины часа, как его преследователь вернулся, сошел с лестницы и, подобрав под себя когтистые ступни, уселся в тени колонн. Его пятнистый наряд почти сливался с их грязноватой поверхностью; только сверкнули на мгновение пятки — голые, заросшие желтыми мозолями. Значит, страж уверен, что он не поднялся выше, а остался на этом уровне? Но почему?..

Так или иначе, преследователь решил подкараулить его — вот только недооценил добычу. Он может ждать долго, очень долго! Зато самому стражу рано или поздно придется отправиться на поиски воды; тогда он проберется мимо.

Решив так, он покрепче обхватил колени и замер, как будто снова очутился на дне ямы; но сейчас вокруг него был целый мир, движущийся, живой, таинственный, и хотя он следил за стражем и провалом, украдкой все-таки поглядывал по сторонам. Особенно его манили пучки драгоценностей, мерцавшие тут и там зелеными, голубыми, лиловыми огоньками; некоторые крепко вросли в пол и колонны, а другие бегали, причем довольно резво! Одна такая подушка, утыканная алмазными иголками, подобралась очень близко; он даже услышал цоканье коготков и яростное фырчанье. Это было живое существо! Маленький зверек с растопыренными ушами и злобными желтыми глазками. «Еж», — подсказала память, и он кивнул, соглашаясь. В тени кристаллы на спине зверька разгорались ярче, окружая того бледным ореолом; из-за этого еж походил на лампу, которую несла через темноту чья-то невидимая рука.

Зверек пробежал мимо, шумно принохиваясь к следам на полу, и вдруг кинулся вбок и схватил что-то, громко хрустнувшее в острых зубах. Это была многоногая тварь, вроде паука, но с клешнями и длинным хвостом, заканчивающимся увесистой пикой. Скорпион! Белый, как кусок мела; приглядевшись, он заметил еще много таких — на полу, на колоннах, на потолке.

Вот и еж, проглотив добычу, уже крался к новой жертве и грозился откусить покачивающийся в воздухе хвост; но скорпион оказался быстрее и ткнул жалом прямо в нос охотника. Тот хрюкнул, отступая, а потом запыхтел и повалился на землю. Маленькое тельце затрясло; он испугался, что зверек умрет. Но нет! Волна света прошла по стеклянному иглам; те приподнялись, ошетинились — и будто бы выросли немного. Выходит, так еж избавлялся от яда?.. И правда, у молодых зверьков на спинах росла только темная, острая щетина; но чем старше они становились — то есть чем больше укусов успели получить за жизнь, — тем роскошнее казались их хрустальные шубы. У некоторых ежей иглы были так тяжелы, что они еле ходили; и низкий лоб, и глаза скрывались под порослью кристаллов, сталкивающихся между собою и издающих нежный, приятный уху звон.

Вдруг странная мысль посетила его: на двух нижних уровнях животные с желтыми глазами — жабы и ящерицы — мешали ему подняться вверх, а животные в белой чешуе — стрекозы и пауки, — наоборот, помогали. Не будет ли и здесь так? Но чем ему могут помешать ежи? И чем помочь — скорпионы? Неподалеку как раз ползал один — большой, гладкий, как серебряное зеркало. В клешнях скорпион сжимал черного жука, покрытого глухою броней; даже прорезь между надкрыльями срослась так, что насекомое походило на ларец без ключа. Он осторожно протянул руку; скорпион взобрался на подставленные пальцы как на ветку или стебель травы — такой легкий, что он даже не почувствовал

перебора лапок, — пересек ладонь и ускользнул куда-то. Скоро он напрочь забыл о.

Страж начал уставать. Хотя день мало-помалу угасал, от провала все еще тянуло невыносимым жаром — это остывал раскаленный камень. Он видел, как мужчина время от времени засовывает руку под складки тряпья и нашаривает что-то вроде ожерелья из больших морщинистых бусин. Пососав одну бусину, он прятал странное украшение обратно; но жажда мучила стража все чаще. Скоро, совсем скоро ему придется отправиться на поиски воды!

И вот, когда воздух наполнился тенями, а ступени из белых стали темно-красными, страж поднялся, хрустя костями и потягиваясь; стянул с носа куски залапанного стекла, захлопал выпученными глазами. Расширившиеся зрачки блеснули рыжим; родившийся в подземелье, страж наверняка видел ночью лучше, чем днем. Пришлось сжаться еще сильнее: случайный всполох света или отблеск на панцире мог выдать его... Но обошлось. Страж направился в другую сторону — туда, где по стенам тянулись ровные ряды водоносных труб.

Убедившись, что преследователь далеко, он бросился к лестнице и побежал вверх, перепрыгивая через ступени, не обращая внимания на хруст мелких стекляшек под ногами, и преодолел уже почти половину пролета до следующего уровня, когда наконец увидел преграду. Это был заслон из прозрачного вещества, больше чем в три роста высотой, в ширину занимавший несколько ступеней. В сумерках ему почудилось, что в толще заслона расплзается что-то ветвящееся, живое... вроде сети кровяных прожилок? А еще вокруг кто-то щедро рассыпал самоцветов — блестящих, крупных, размером с его кулак, с голову, а то и с таз, в которых помощники носили жаб по праздникам! Внутри каждого темнело что-то — как будто потроха, которые сунули вымочить в тарелку с водой и уксусом; да это и были потроха! Сердца, кишки, сизые желудки — внутренности ежей, вывалившиеся из клеток истончившихся костей. Сюда зверьки, скопившие слишком много яда, приходили, чтобы окончательно окаменеть; из их тел, за годы сросшихся между собою, и состояла преграда.

Он коснулся холодной твердой поверхности; поскреб ногтем, но не смог отщепить ни крошки. Тогда он попытался влезть по заслону, цепляясь за впадины и бугорки, когда-то бывшие ежиными лапами или носами, но пальцы всякий раз соскальзывали, и он срывался вниз. В отчаянии он забил в преграду ногами, руками, врезал со всей дури плечом, чуть не вывихнув его, — все впустую! Хорошо, что у него не было голоса, иначе он закричал бы от злости и привлек внимание стража.

Стоило подумать об этом, как внизу замаячила низкорослая тень. Страж добыл воды и возвращался обратно на свой пост... и, конечно же, сразу увидел его. Два белых глаза провернулись в складчатых веках. Издав какое-то торжествующее бульканье и выставив перед собою рогатину, его преследователь затопал вверх по ступеням. Он застыл, не зная, что делать; вперед его не пускала преграда. Прыгать вниз?.. Нет, так он просто разобьется! Пока он колебался, страж подобрался совсем близко и одним ловким движением выбросил вперед рогатину, поймав его за шею и прижав спиной к заслону. Он задержался, пытаясь вырваться, — бесполезно!

Гадкая, тошнотворная беспомощность! Если бы он умел плакать, то заплакал. Почему он так слаб? Почему так жалок? Так не должно было быть! Во всем происходящем было что-то ужасно неправильное: в том, что он не может преодолеть заслон, не может отбросить это жалкое маленькое существо, а только извивается всем телом, будто мягкий бледный червяк, раскачивается, повиснув между железных зубцов рогатины, пока страж подбирается к нему, перебирая руками по древку, точно слепой, идущий по веревке. Он уже чувствовал его запах

— сырой, землистый, — видел растопыренную пятерню со страшными, серповидными когтями на безымянном пальце и мизинце... В последней попытке освободиться он отчаянно рванулся, тряхнув головою, и вдруг что-то серебряное упало с его темени и хлопнулось прямо на лицо стражу. Скорпион!

Страж взвизгнул от ужаса, выпустив из рук рогатину. Разозленная тряской и толчками ядовитая тварь скользнула ему под капюшон; мужчина запрыгал, заплясал на месте, пытаясь вытряхнуть ее из складок ткани, срывая тряпье, слой за слоем, пока не обнажилась темное, морщинистое, покрытое не то чешуей, не то ороговевшей кожей тело, с выгнутыми в обратную сторону коленями и коротким толстым хвостом. Правда, как ему ни было любопытно, сейчас не время было разглядывать преследователя! С трудом поднимая брошенную рогатину (та была невероятно тяжелой), он прислонил ее к заслону, зацепив раздвоенный конец за щербины в кристаллах; получилось вроде бы прочно. Древко у этой штуки было из цельного металла, а значит, должно было выдержать его вес; по всей длине торчали какие-то крючки и зацепки, на которых страж развесил мешочки с припасами, веревки и обереги. Хватаясь за них, он взобрался на вершину заслона; а потом, столкнув рогатину в провал, спрыгнул на ступени с другой стороны.

Стражу в это время удалось прогнать скорпиона, и теперь он уткнулся мордой в прозрачную преграду и молотил по ней кулаками, шипя от злости; разок попытался использовать копьё, но то отскочило, выбив сноп искр. Некоторое время он наблюдал, как преследователь скачет, верещит и грозно вращает глазами; голым он походил не то на ящерицу, вставшую на задние лапы, не то на облысевшего крота. Потом, оставив его за спиною, побрел вверх по ступеням и шел, пока хватало сил. Но ночь становилась темнее, и воздух остывал, а с ним остывала и густела кровь, замедляя свое течение. В конце концов, не сходя с лестницы, он растянулся на еще теплой ступени и заснул.

Его разбудил свет: горячие лучи кусали щеки и губы, пробиваясь даже сквозь плотные заслоны век. Они падали будто со всех сторон — сверху, слева, справа; только внизу, на пройденных им уровнях, еще шевелились испуганные тени. Из-за этого каждый предмет вокруг — самый мелкий камешек, самая невесомая соринка — пропитался раскаленной белизной. Прикосновение к ним обжигало, словно он пытался сунуть пальцы в тлеющие угли.

Когда глаза немного привыкли к избытку света, он завертел головой, озираясь. Оказывается, ночью он остановился посередине лестницы, ровно между полом и потолком четвертого круга. И как отличалось это новое место от всех предыдущих! Там, в жилищах ящериц, жаб и ежей, царил полумрак; воздух дышал водяными парами и сахарным духом гниющих растений. Там границы мира отмечались прочными стенами, а земля под ногами кишела норами, рытвинами и провалами — тайниками, будто нарочно устроенными, чтобы прятаться юрким тварям. Здесь не было ни мглы, ни укромных уголков, ни стен! Точнее, от них остались одни обломки: надтреснутые столпы, железные балки, торчащие из бетона, как клыки из белесых десен; а между ними — провалы, пустота, сквозь которую виднелся... внешний мир?

Внизу лежала пустыня: тяжелые волны черного песка расстилались, покуда хватает глаз; сверху — багровое небо. Сизо-розовые облака двигались в нем, как накипь в котле, которую перемешивает черпаком ленивая рука. Там, под землей, он уже видел отражение этой круговерти — в зеркалах, подвешенных над грибными полями. Колодец (или, точнее,

башня, внутри которой он жил, сам не зная о том!) уткнулся в самую сердцевину неба — туда, где находился источник света, белый, пылающий, неподвижный. Распахнув рот от изумления, он смотрел на бесконечные, мертвые пространства до тех пор, пока резь в пересохших глазах не стала невыносимой. Тогда, не выдержав, он моргнул и опустил взгляд.

Пол четвертого круга густо засыпал песок, за долгие годы нанесенный ветром внутрь башни. По нему сновали красные муравьи с руку размером; тонкие длинные лапки придавали им странное сходство с пауками. Вид у насекомых был воинственный: головы поблескивали, точно медные шлемы, на груди бряцали панцири, усеянные коралловыми шишечками-бородавками; даже брюхо во время бега они держали торчком, наподобие занесенной булавы. У некоторых муравьев были к тому же мощные, грозные челюсти; он сразу понял, что это — здешние стражи. Взобравшись на вершины барханов, они наблюдали за сородичами, копошащимися внизу, и время от времени издавали рассыпчатое пощелкивание — знак того, что все в порядке. Те особи, у кого оружия не было, рылись в песке, откапывая что-то бледное и влажное — корни или личинок? — а потом тащили добычу вверх, по колоннам и балкам, проводам и трубам.

Щурясь от света, он задрал голову. Под потолком висели как бы гроздь огромных ягод — круглых, налитых соком так туго, что, кажется, вот-вот лопнут. Не сразу он понял, что это тоже были муравьи! Не похожие ни на стражей, ни на рабочих, с невероятно раздутыми брюшками — в десятки раз больше самого скрюченного, чахлого насекомого. Темные пластинки на их чудовищных животах разъехались в стороны, а внутри, под просвечивающей насквозь кожицей, плескалась золотистая жидкость. Эти живые бурдюки были совершенно неподвижны: кажется, все их силы уходило на то, чтобы вцепиться лапками в потолок и удерживать на весу раскормленные тела. Им-то и несли дары прочие муравьи; любую снедь, тщательно пережеванную и измельченную, вталкивали в раскрытые глотки. Она падала внутрь темными сгустками, а потом расщеплялась, превращаясь в мед... Нет, не мед! Тут и там, в песке и на ступенях лестницы, чернели остовы насекомых-великанов, намертво склеенные этой желтой смолой. А еще высоко под потолком что-то шевелилось; будто медленные волны темно-красного хитина пробегали над головою. Там, в тени, повиснув на туго натянутых проводах, пряталась матка; облепившие ее дети служили живой защитой.

Скоро он увидел и врагов; прямо на его глазах один муравей угодил в глубокую песчаную воронку. Его лапы заскользили, не в силах уцепиться за осыпавшиеся стенки, а на дне ямы, выпроставшись из ниоткуда, клацнули серповидные челюсти, схватили брыкающуюся добычу и утянули вниз. На мгновение мелькнули над песком уродливая башка и спина, широкая спереди и сужающаяся к заду, наподобие кувшина; все это — в щитах и шипах из светлого хитина. Создание было отвратительно; но, если он верно разгадал здешние правила, золотые существа были его врагами, а белые — друзьями. Значит, опасаться ему следовало не прячущегося чудовища, а муравьев? Неужели они попытаются ему помешать? И точно, они уже шевелились наверху, раскачивая брюшками-бурдюками, готовясь упасть ему на голову, облить липкой жижей, превратить в столп застывшего янтаря! Разве это не странно, что часть обитателей этой башни — колодца задерживает его, а другая, наоборот, помогает идти дальше? Как будто две воли — его и чужая — сражаются друг с другом; но чего хочет вторая?..

Стоило задуматься об этом, как сразу разболелась голова; череп сдавило так сильно, что мозги чуть не полезли из ушей. Да и еще и жара! Время близилось к полудню, и черный песок быстро нагревался. Острые крупинки искрились, переливались огненной рябью — или

это у него рябило в глазах?.. От боли и духоты его начало подташнивать; но надо было подниматься, пока муравьи не начали нападать. Он поднял взгляд, готовясь идти вперед, и сияние с оглушительной силой ударило в лицо. Лучи, словно железные крюки, впились в губы, ноздри, оттянули веки, не давая моргать, схватили за ребра, пробили запястья... Все вокруг исчезло, рассыпалось в белом огне; и тогда он услышал голос.

Зов прошел сквозь него, как дрожь, поднимающаяся от земли; как молния, бьющая с высоты. Ни одного слова, ни одного звука нельзя было разобрать, но он знал — голос зовет его, закликает торопиться. Ему нужно добраться до вершины башни, как можно скорее, любой ценой; там его уже ждут — с нетерпением, с тревогой, с любовью. Когда он придет, не будет больше тоски и страха; не будет заточения и унижительной беспомощности. Он снова станет собой — тем, кем должен быть.

И все внутри отозвалось в ответ, заворочалось, как крылатое насекомое, готовое родиться из уродливой личинки. Усталость, голод, и жажда, и зуд еще свежих шрамов — все отступило. Будто лопнули веревки, стягивавшие его изнутри, и он вдруг стал легким, как перо, переполненным кипящей, бьющей через край силой. Попадись ему хрустальный заслон сейчас, он бы разбил его одним прикосновением! Свет наполнял его, и муравьи, уже сновавшие по ступеням, уже готовившиеся преградить ему путь, почуяли это и отступили, пятясь, склоняя медные лбы.

Не встретив препятствий, он поднялся на следующий уровень.

Между полом и потолком здесь гуляли горячие вихри. В лицо швырнуло пригоршню черного песка; он закашлялся, заморгал, и наваждение, только что целиком владевшее им, пропало. Манящий зов больше не звучал в голове: вместо этого он услышал свист ветра, протискивающего невидимое тело сквозь дыры и щели в камне, и отрывистые громкие хлопки. Это снаружи, на изогнутых отростках, отходящих от наружных стен башни, трепыхались куски дырявой полуистлевшей ткани.

Внешний мир, виднеющийся за разрушенными стенами, внушал тревогу. Откуда они взялись, эти бесконечные темные пространства? И откуда взялось все вокруг — эта башня и город внизу со всеми жителями и стражами? Не выросли же сами из песка, который не может родить даже травы? Кто населил круги внизу жабами, ящерицами и ежами? Кто запустил внутрь белых стрекоз, пауков и скорпионов? Как, в конце концов, он сам очутился здесь? Ведь не произошел же от маленьких, хвостатых существ с выпученными белыми глазами; слишком они непохожи! И разве не странно, что пока он сидел в яме, то даже и не думал об этом: ни о своем происхождении, ни о природе этого места?..

Охнув, он осел на ступени и принялся растирать костяшками пальцев трещащий лоб и виски; и тут краем глаза заметил нависающие над ним плоды. Опять муравьи? Нет, эти штуки были не золотыми, а серебряными, с нежными розовыми и голубоватыми прожилками. Они покачивались на черных стеблях проводов на черешках, странно похожих на когти; да это и были когти! Один плод вдруг зашевелился, раскрываясь; разошлись в стороны кожистые перепонки, натянутые между тонких костей. Внутри было странное существо: мохнатое, зубастое, с огромными ушами, покрытыми сетью кровеносных сосудов. Глаз у него не было вовсе, зато посреди морды подергивалось, приплюсываясь, вздернутое рыло, окруженное волнистыми складками голой кожи. На шее топорщилась грива седых волос, жестких, толстых и как будто склеивающихся на груди; из-за этого казалось, что тварь несет на себе огромное зеркало.

Потянувшись и зевнув, существо завернулось обратно в крылья. В этот час все замирало, спасаясь от жары; и ему тоже следовало поискать тень и воду. Хотя этот уровень выглядел мертвым, выжженным светом — ни насекомых, ни растений, копящих влагу в корнях и листьях, — у самых его границ он заметил блеск металла. Может, это были трубы — вроде тех, что питали влагой нижние уровни?

Решившись, он сошел с лестницы. Плестись по песку было трудно: ступни глубоко увязали, да еще и песчинки забивались в щели между пластинами, натирая кожу. Но, поскольку башня сужалась кверху и каждый новый ее уровень был меньше, чем предыдущие, ему потребовалось совсем немного времени, чтобы добраться до края. Ветер здесь был сильнее; он пронзительно выл, толкая его одновременно в лицо и в спину, и швырялся горстями сора — совсем как хозяйка дворца, когда посыпала пряностями жертвенную жабу.

Он схватился покрепче за металлический прут, выпирающий из полуразрушенной колонны, и выглянул за пределы башни. Красное небо, черная пустыня, и больше ничего! Ни пятен травы, ни блеска воды, ни других строений. Извернувшись, он задрал голову вверх. Внешняя поверхность башни (там, где стен не коснулось разрушение) была сплошь покрыта белым стеклянистым веществом: желобки на его поверхности закручивались спиральями, сплетались в узлы и разбегались во все стороны причудливыми узорами. Кое-где из стен торчали длинные рога-выступы, на которых поскрипывали странные сооружения — насаженные на ось перепонки из прозрачной ткани, натянутой на проволочные каркасы; издали они походили на крылья спавших под потолком зверей. Некоторые от старости пришли в негодность, другие — пусть даже рваные и дырявые — крутились как заведенные; однако их назначения он понять не мог.

Здесь и правда нашлись водоносные трубы; одна даже была течью, но вода сочилась из нее по капле, успевая наполовину испариться прежде, чем коснется губ. Ему пришлось стоять не меньше часа, посасывая железо, как материнскую грудь, чтобы наконец напиться.

Зато самая жаркая пора миновала, и можно было продолжать путь! Он отошел от края уровня, пытаясь счистить с языка горько-соленый привкус, но не успел и пары шагов ступить, как что-то больно клюнуло в пятку. Он задрал ногу: между пластинами на ступне краснела, набухая, капелька крови. Вот она сорвалась, упала; и вдруг по песку пронеслась темная лента с игольно-узким носом, ткнулась им во влажное пятно и резво ушуршала прочь. Он сделал еще шаг, теперь глядя под ноги. Уже три ленты выскользнули из песка, завертелись вокруг его лодыжек; он попытался схватить хоть одну, но не сумел. Существа проскочили сквозь пальцы. Вытянутые, узкие тела и перепончатые лапы-плавники делали их похожими на сухопутных рыб, рассекающих песок, как воду. На вытянутых мордах поблескивало что-то вроде наперстка из острых золотых чешуек; этим-то оружием они и протыкали кожу жертвы, чтобы слизать выступающую кровь.

Еще шаг — и с десяток новых укусов! Тогда он побежал, пытаясь поднимать ступни повыше; но это только раззадорило кровопийц. Они выпрыгивали из песка, извиваясь в воздухе, сыпались на него с вершин барханов целой тучей, как бесшумные стрелы. Не все достигали цели, но скоро уже дюжина рыб налипла на нем, жаля, кусая, вонзая носы в зазоры между доспехами. Одни повисли на груди, другие — на бедрах, третьи — между лопаток. Он отшвыривал кровопийц прочь, но в это время в него успевало вцепиться вдвое больше новых. Сколько еще их затаилось в песке? Наверное, достаточно, чтобы выпить его досуха!

И тут его осенило: надо забраться туда, где песка нет! Он побежал обратно, к краю

уровня; оттуда можно было выбраться на ближайший выступ, усаженный крутящимися матерчатыми лопастями. Так он и сделал, но слишком поторопился. Стеклопанная поверхность была скользкой, да еще и ветер подтолкнул его в спину: потеряв равновесие, он упал на живот и заскользил по боку выступа, чудом уцепившись за какую-то толстую веревку до того, как сорваться вниз.

Стиснув кулаки, он замер; кровососы, все еще висевшие на нем, уже не казались такой большой бедой. Хорошо, что из-под отростка башни, как клочья спутанной шерсти, свисали скрипучие цепи и провода! За один из них он и ухватился; затем, пошарив ногою в воздухе, оперся на другой; закинул вверх правую руку, потом — левую и наконец забрался на выступ; и только через пару минут, отдышавшись, сорвал назойливых кровососов и побросал вниз.

Твари осыпались к подножию башни, как темные хлебные крошки. Он вдруг подумал, что они точно расшибутся о землю; а значит, он убил их? От этого стало не по себе. Конечно, он видел, как помощники в подземном дворце забивают жертвенных жаб; он ел личинок, которых разрубили на куски стражи; но сам еще никогда не убивал. Сняв со спины последнюю рыбу, насосавшуюся крови и сильно разбухшую, он внимательно посмотрел в ее глаза — круглые, тупые, не выражающие ни боли, ни страха, хоть сама тварь и извивалась, и сучила в воздухе перепончатыми лапами.

Он мог бы, пожалуй, отпустить ее; но им завладело странное любопытство. Зажав шею твари в левом кулаке, правым он обхватил ее голову — так, чтобы она не могла укунить. Под ладонью затрепетал переполненный зуб; длинный хвост сновал туда-сюда, пытаясь оплести его плечо или локоть. Подождав секунду, чтобы лучше все запомнить, он резко крутанул руками. Хрустнули мелкие косточки; рыба обмякла. Он сглотнул слюну. Сердце учащенно билось, разогревая дыхание, заставляя кровь шуметь в ушах. И вот что странно: это было приятно.

Испугавшись этой мысли, он тряхнул головой и, чтобы быстрее забыть о случившемся, подцепил острым ногтем кожу существа. Та легко поддалась: ее можно было стянуть, как носок, а потом откусить мясо с игольчатых ребер. Это было слабое, но оправдание: она хотела съесть его, а теперь он съест ее. Все честно.

Выковыряв потроха, он швырнул их внутрь башни; золотоносые рыбы в мгновение ока растащили влажную кучку. Как они искали добычу — по запаху? Или по дрожи песка? И как пройти мимо?.. Он задумался, жуя мясо. Тканевые лопасти крутились рядом, обдавая его потоками теплого воздуха. В полдень, когда он шел в эту сторону, кровопийцы не нападали — значит, есть часы, когда они не охотятся? Должно быть, таятся под песком, когда жара невыносима; но отпугнет ли их холод? Сможет ли он добраться до лестницы ночью, когда их кровь густеет и замедляет течение? По крайней мере, стоит попробовать.

Источник белого сияния неподвижно висел над башней; прошло не меньше трех часов, прежде чем свет начал меркнуть. В облачной мути загорелись красные огни — это сами собою вспыхнули лампы, покачивающиеся на концах выступов. Что-то прощуршало над головою: это одна из зверюг, спавших у лестницы, сорвалась с места и закружилась под потолком. А затем и вторая, расправив крылья, пронеслась над барханами, чтобы, ловко нырнув вниз, схватить извивающуюся рыбу и проглотить целиком. Скоро вся стая кружила в воздухе, пища и поводя огромными ушами.

Станут ли они нападать на него? Или, наоборот, помогут, распутив кровососов?.. Он еще раздумывал, как вдруг случилось странное: летуны ни с того ни с сего истошно завопили и начали виться над срединным провалом. Неужели кто-то был там? Да, точно, это страж, его

неутомимый преследователь, шел по пятам! Но как он перебрался через заслон? Пробил его копьём? Или натаскал камней и соорудил из них подставку?..

Неважно, как! Он был здесь, снова замотанный в бурое тряпье и поволивший по сторонам блюдцами-глазами. Кажется, вид крылатых чудищ поразил его; охнув, страж выставил вперед копьё и попытался поразить одну из тварей, почти с него размером, — но этим только еще больше разозлил стаю. Теперь уже летуны опустились совсем низко, примериваясь, задевая мужчину то крылом, то когтем. Скоро они нападут, и тогда ему несдобровать!

Что ж, может, оно и к лучшему. Страж — помеха на пути, от которой все равно нужно избавиться. Теперь крылатые твари растерзают надоедливого преследователя, а ему остается только не вмешиваться. Это будет разумно. Это будет оправданно.

От провала донесся крик — пронзительный, испуганный. Вздогнув от этого звука, он устоял на свои пальцы. На них все еще оставались разводы крови; под ногти забились лиловая грязь. Казалось, что эти руки были чужими.

Тот голос, который он слышал сегодня; что он нашептывал ему? Зачем звал? Ведь он шел наверх не для того, чтобы получить дары для себя! Он хотел помочь жителям города, заступиться за них перед настоящим богом. А сейчас один из тех, кому он хотел помочь, умрет у него на глазах... один из тех, кто заботился о нем; кто по-своему любил его.

Он подскочил, забыв об осторожности, но на этот раз удержал равновесие и легко перепрыгнул внутрь башни, а потом побежал к срединному провалу. Взбитый ногами песок вспыхивал в красном свете и тут же падал обратно, засыпая следы. Рыбы затаились, а летуны свиристели, рассекая крыльями полумрак. До него им не было дела; их врагом был только страж. С него сорвали и повязку, и потрескавшиеся стекляшки очков; по чешуйчатому лбу и щекам протянулись следы когтей. Сочающаяся из ран кровь заливала мужчине глаза; отчаянно моргая, он почти вслепую размахивая копьём. Одна из тварей зависла прямо перед ним, маша широкими крыльями; страж поднял голову навстречу вихрям воздуха... И в этот момент зеркало на груди летуна сверкнуло, точно вобрало весь рассеянный во мгле свет! Напуганный вспышкой, страж замер, а второе чудище уже несло на него сверху, разевая пасть.

Он едва успел подставить летуну собственную спину; клыки со скрежетом царапнули по прочным пластинам, не причинив вреда. Но вокруг бесновались остальные твари; как будто поняв, что их когти и зубы бесполезны, они начали толкать пришельцев лапами и крыльями — все сильнее и сильнее, стараясь спихнуть со ступеней в провал, чтобы они разбились... совсем как убитые им рыбы. Нападения становились все яростней; рано или поздно летуны добьются своего! Нужно было убираться отсюда, а страж все стоял столпом, разинув рот. Пришлось тряхнуть его за плечи, чтобы зашевелился, а потом крепко схватить за руку и потянуть за собой. По счастью, страж понял. Вместе они понеслись наверх и почти миновали пятый уровень, как вдруг огромная ушастая тварь упала на него из темноты, вцепившись когтями в гребень на макушке.

Он опрокинулся на спину и проехал вниз несколько ступеней, но летун не собирался отпускать добычу. Кожистые крылья с оглушительным шумом били о лестницу; челюсти чудища сжались на горле так крепко, что панцирь начал хрустеть, постепенно поддаваясь. Отбиваясь от твари, он схватился за складки нежной розовой кожи на курносой морде и дернул со всей силы. Завопив от боли, летун разжал хватку. Мохнатая грудь с зеркалом посредине нависла прямо над ним; и тогда он увидел отражение — пускай искаженное и

размытое, но все же отражение — самого себя. Страшная маска смотрела на него; белая маска с черными сощуренными глазами и трещиной рта, ощерившейся острыми зубами; злое лицо.

В это время руки нашарили на земле что-то холодное, острое — копьё, которое страж выронил впопыхах! Он сжал кулак на древке, почти у самого наконечника, и вогнал оружие в середину зеркала — прямо между глаз двойника. Горячая кровь брызнула из тела летуна, попав ему в рот; на вкус она была невыносимо горькой. Тварь забилась, засипела, суматошно хлопая перепонками; стоило отпустить копьё — и она, все еще трепыхаясь, упала в провал.

Где-то сверху пыхтел и топотал страж, пытаясь прорваться к нему сквозь мельтешение когтей и крыльев. Но он уже сам поднимался навстречу. Как только они миновали границу круга, летуны оставили их в покое.

Он повалился на песок почти без сил и пролежал так долго, совсем позабыв о страже; а тот суетился вокруг, вытряхивая из складок балахона бесчисленные мотки бечевки, скукоженные мешочки с припасами и какие-то звенящие штуки из железа и красноватой меди. Наконец он нашел, что искал — толстую веревку, огниво и несколько кусков белого вещества, похожего не то на жир, не то на соль. Веревку он выложил в круг, прошептав над ее перекрещивающимися концами какое-то заклинание, а над белыми кругляшами высек искру — и те вспыхнули ровным, ясным пламенем. Покончив с этим, страж осторожно тронул его за плечо и кивнул на место у огня. Он с трудом поднялся, моргая. Этот уровень тоже был засыпан песком; в проемах разрушенных стен темнело небо. Была уже глубокая ночь; его знобило — то ли от холода, то ли от потери крови.

— Иди сюда, — сказал страж. — Погрейся.

Это были первые слова, которые он услышал от своего преследователя. Раньше он даже гадал — не немые ли стражи, как и он сам?

— Да, нам нельзя с тобой говорить; только Матери можно, — подтвердил тот, заметив его удивление. — Но я все равно уже проклят... что мне терять?

Поколебавшись немного, он сел рядом с женщиной и почесал щеку. Едкая кровь летуна, все еще стекавшая по его лицу, остыла и теперь одновременно леденила и жгла. Тогда страж отодрал кусок своего балахона и протянул ему — утереться. Он принял кусок грязноватой ткани и кивнул в знак благодарности.

— Ты, конечно, не знаешь, но с той поры, когда ты коснулся меня, моя жизнь уже была закончена. Мой товарищ, Немти, умер в тот же день, еще до того, как нас вытащили из тайника, — просто от ужаса. Я тоже думал, что умру: сердце у меня выпрыгивало из груди, а легкие, казалось, вот-вот лопнут. Жуткие видения являлись мне... но потом отступили. Видимо, я оказался слишком крепким — или слишком твердолобым — для духов. Когда пришли наши сменщики, они сразу поняли, что произошло. Тайник открыли, но никто не посмел протянуть мне руки, чтобы помочь выбраться. Хорошо хоть кинули веревку, чтобы я вылез сам. Они же шли следом и посыпали те места, где я ступал, солью и золою. Что сделали с трупом моего товарища, я не знаю — может, сожгли. А может, он до сих пор так и тлеет в темноте.

Так, сопровождаемый страхом, я вошел в город и сразу отправился к Матери. Она святая — очень святая; настолько, что может без опаски разговаривать с проклятыми вроде меня. И я обратился к ней; я сказал, что отправлюсь за тобой и приведу обратно. Это, конечно, ужасный грех: нам нельзя подниматься наверх в обычные дни. Пройти через золотую дверь

можно только раз в год, для того, чтобы найти Жениха и Невесту, — он догадался, что страж говорил о жабах. — Да и то, это могут сделать только лучшие воины, очистившиеся долгим постом и получившие благословение Матери. Но мне было уже все равно: я был считай что мертв. Пока я стоял посреди дворца, меня посыпали солью и золою, как призрака.

И Мать знала это. Поэтому она разрешила мне подняться... даже велела помощникам принести все нужное — сушеные грибы, бурдюк с очищенной водой, ягоды «жабьего глаза», которые долго сохраняют влагу, прочие припасы и оружие. Помощники оставили все это на полу, не приближаясь ко мне; потом принесли и лестницу. Потребовалось некоторое время, чтобы открыть дверь; ты ведь подпер ее чем-то, да?.. Но в конце концов она поддалась; я поднялся в место, где мы обычно охотимся на Женихов и Невест. Но мне не повезло; я свернул не туда, потерял след и больше недели блуждал в тумане. За это время я выпил почти всю воду, взятую с собою; а ту, что течет в этом месте, пить нельзя. И когда уже отчаялся, увидел на лестнице следы. Так я понял, что ты уже покинул это место и направился выше, туда, где ни мне, ни моим собратьям не доводилось бывать... Ну а дальше ты знаешь: ты убежал и прятался, я следовал за тобою и искал... И вот мы здесь.

Снаружи башни, в клубах не то пара, не то пыли покачивались стеклянные лампы; точно сотни красных глаз за сизыми веками. В схватке с летунами страж потерял повязку, покрывавшую лицо, и теперь каждая складка, каждая морщина на его лбу и щеках высвечивалась огнем или заполнялась густыми тенями. Из-за этого, а еще из-за кашля, сотрясавшего маленькое тело от макушки до пят, страж казался измученным, ветхим стариком. Жалость кольнула сердце; он протянул руку, чтобы потрепать стража по плечу, утешить его, но тот отшатнулся. А потом рассмеялся — грустно, виновато пряча глаза.

— С тех пор, как я покинул свой дом, одна мысль не оставляет меня. Мать всегда говорила нам, что ты сын предвечного Света, который послан вниз как знак его благословения и любви. Мы держали тебя в кромешной тьме, потому что верили — если ты встретишься с Отцом, если хоть один луч упадет на тебя, ты сразу покинешь нас и вернешься на небеса. Твои руки должны жечь, как пламя; в твоих венах должен течь огонь. Но вот ты вышел из темницы — и не исчез; я выдержал твое прикосновение; ты идешь по земле, а не летишь по воздуху; тебя ранит металл, и из ран течет обычная красная кровь. Потому одна страшная мысль не покидает меня: неужели все эти годы мы держали взаперти обычного ребенка, просто отличающегося от нас? Ребенка, не знавшего ни родительской ласки, ни даже доброго слова... У тебя ведь и имени нет, так?.. А меня зовут Хонсу.

И страж протянул ему распахнутую ладонь; с тыльной стороны кожа на ней была светлее и мягче, хоть и в желтоватых мозолях. Он осторожно дотронулся до дрожащих пальцев. Страж шумно выпустил воздух из ноздрей; ему было нелегко отказаться от старых привычек. Чтобы не огорчать Хонсу еще больше, он отодвинулся подальше.

— Я не знаю, зачем ты идешь наверх, — наконец пробормотал мужчина, расправляя складки балахона между бедер. — Но я не стану тащить тебя обратно против твоей воли. Пойдем вместе. Сегодня ты спас меня; завтра я помогу тебе. Согласен?

Он кивнул в ответ.

— Хорошо! Но ты устал; поспи пару часов. Нам лучше начать подниматься, пока день не вошел в полную силу.

Он открыл глаза, когда уже начало светать. В воздухе вился тонкий серый туман, влажный и пахнущий гарью; капли грязноватой ночной росы осели на панцире, смешиваясь

с пылью и бурными потеками крови — следами битвы с летунами. Стража поблизости не было. Оглядевшись, он заметил его у самого края уровня. Хонсу сидел, свесив ноги за пределы башни, будто рыбак, закинувший невод в буруны розовых облаков.

На этом уровне разница между ночным холодом и дневной жарой ощущалась куда сильнее, чем внизу; за ночь тело одеревенело и двигалось с трудом. Ему пришлось долго потягиваться и разминаться, прежде чем наконец встать и выйти из круга, очерченного на песке веревкой. Он хотел сразу пойти к стражу, но тут какая-то тень промелькнула над головой. Он вскинул голову; сердце уже забилося от испуга, разгоняя остывшую кровь... Но то, что скользило в дымном мареве под потолком, не было вчерашним чудовищем — странное существо с морщинистыми ногами, роговым наростом на морде там, где должен быть рот, и широкими крыльями, но не кожистыми, как у летунов, а покрытыми белыми перьями. Такое же ему поднесли стражи в тот день, когда он решился сбежать! «Птица», — попытался сказать он, но вместо слова из губ вышел только натужный хрип.

Птица села на ржавую балку и принялась чиститься, зарываясь в пух загнутым клювом. На макушке у нее покачивался пышный хохолок; в уголках круглых глаз что-то посверкивало. Слезы? Но когда он прошел мимо — осторожно, стараясь не испугать ее, — то заметил, что птица плачет сухими крупичками соли.

Страж, завидев его, кивнул в молчаливом приветствии и указал на что-то слоистым желтым когтем. Он глянул наружу и охнул: за ночь бока башни сплошь почернели, будто заросли мириадами мелких чешуек. Это были жуки — маленькие, черные, гладкие, как камешки. Он вспомнил: одного такого нес в клешнях скорпион несколькими уровнями ниже. Ну а здесь их было целое море! И все замерли, задрав брюшки кверху, улавливая ночную росу; когда ее собиралось достаточно, капли стекали вниз по проложенным в хитине желобкам прямо к жвалам насекомых.

Вдруг он догадался, что так же влага собиралась и самой башней: хлопали, крутились без передышки тканевые лопасти, направляя насыщенный испариной воздух к холодным стенам, а те уже выжимали из него все, что могли. Отсюда вода и растекалась по трубам, питавшим все внизу — и подземный город с его полями. Он подставил ладонь под прозрачную струйку, еще сочащуюся между стеклянных завитков на боку башни, набрал пригоршню тепловатой жидкости и выпил. Она была такой горькой, что на несколько секунд напрочь отнялся язык. Он даже покусал его, но боли не почувствовал. Все равно что жевать тряпку!

Как же так получилось? Почему вода превратилась в отраву?.. Придерживаясь за свисающий с потолка провод, он задрал голову навстречу разгорающемуся свету. Причина была там; в этом он не сомневался. Ну а пока он размышлял, страж был занят делом — приспособив кусок гнutoго железа, соскребал жуков со стены и вываливал себе в подол; от холода те были медленными и почти не разбегались. Набрав достаточно, Хонсу загреб целую пригоршню и бросил в рот, лузгая, будто семечки.

— Попробуй, — радушно предложил страж, перемалывая челюстями прочные надкрылья. — Вкусно.

Он не хотел есть, но все же взял одного жука; тот вцепился в палец на удивление сильными лапками и зашевелил усами-булавами. Ему ясно представилось, как проглоченный жук ползет обратно по горлу или щекочет желудок изнутри; содрогнувшись, он выпустил насекомое. Страж только пожал плечами и продолжил жевать, как вдруг сложился пополам от натужного кашля.

— Ничего, скоро привыкнешь, — пробормотал Хонсу, утирая слезы и сплевывая слюну, смешанную с кусочками хитина... и кровью? — Мы ведь застряли здесь надолго. Вон, посмотри.

Страж кивнул в сторону лестницы: почти треть ступеней, соединявших этот уровень и следующий, разрушены. От них ничего не осталось, даже железных прутьев, на которые крепился камень. Лестница обрывалась в воздухе и начиналась снова уже далеко вверху. Что же теперь делать?..

— Ну, не расстраивайся. Я уже обмозговал все, пока ты спал. Давай обдерем эти вот штуки, — Хонсу ткнул когтем в провода, тянувшиеся по стенам и потолку во всех направлениях, — и сплетем веревку. Потом закинем ее наверх и по ней заберемся. В крайнем случае сами лестницу построим. На нижних уровнях есть камни — я натаскал их, чтобы перелезть через ту прозрачную штуку; помнишь, когда ты в меня скорпиона кинул? Ладно, ладно, кто старое помянет... Я к тому, что, если собрать достаточно, может, и здесь что-нибудь выйдет. Но пока давай начнем с веревки.

В это время птица, закончив чистить перья, легко вспорхнула с насеста. Он покосился на нее с завистью — ее крыльям пропасть между уровнями была бы нипочем! Но птица не полетела вверх: она села на песок и замолотила по нему лапами, снова и снова, выбивая облачка мелкой пыли, а потом ударила в то же место клювом и подняла добычу — золотую змею в руку толщиной, с двумя острыми рожками над выпученными злыми глазами. Та еще потрепыхалась пару секунд и обмякла, испустив дух. Тогда птица, оторвав ядовитую голову, начала заглатывать гадину целиком, пока только кончик хвоста не остался висеть из клюва, как второй, заостренный, язык.

— Так я и знал, что здесь водятся змеи, — буркнул страж. — Печенкой чуял. Будь осторожней.

Он кивнул, хотя сомневался, что местным тварям его панцирь будет по зубам. Хонсу покончил с трапезой. Для того чтобы напиться текущей по башне воды, стражу пришлось сначала вымочить в ней сушеные ягоды «жабьего глаза», а потом высосать влагу уже из них; это хоть немного, но уменьшало действие растворенной в ней отравы. Потом они принялись за работу и сами, будто жуки, до полудня ползали по полуразрушенным стенам и колоннам, расшатывая ржавые болты, сбивая скобы, выдирая длинные черные провода, иногда поддававшиеся легко, а иногда державшиеся в бетоне крепко, как корни сорной травы. Он с любопытством ощупывал их, гнул в пальцах и расковыривал: внешнюю сторону покрывала мягкая, гибкая резина, а внутри блестела сердцевина из проволоки или прозрачного, стекляннистого вещества. Зачем провода нужны? Знает ли об этом страж? И как бы его спросить?..

Иногда в трещинах и потаенных нишах они натыкались на гнезда птиц, свитые из всякого сора. Иногда чуть не наступали на змей, скользящих вперед не головой, а боком, выбрасывая кольцо за кольцом, чтобы не обжечь брюхо о горячий песок; но ни змеи, ни птицы не причиняли им вреда. В полдень пришлось остановиться, потому что свет стал невыносимым — от него не спасали ни веки, ни повязки из ткани, на которые страж пустил подол своего выдавшего вида балахона. Казалось, лучи проходят предметы насквозь; и когда Хонсу поднимал ладони, пытаясь прикрыть глаза, его пальцы вспыхивали красным, словно раздутые угли.

Мало того, стало так жарко, что, вздумай он бросить на ступени лестницы кусок сырого мяса, тот зашипел бы и испекся, как на сковороде. Он сам мог вытерпеть пекло, хотя в ушах

шумело и голова кружилась; но стражу, всю жизнь проведенную под землей, да еще и страдающему от отравы, пришлось нелегко. В конце концов мужчина забился в тень между двумя вздыбившимися плитами и задремал, уткнувшись подбородком в ключицы (что было только справедливо, потому что ночью Хонсу охранял его сон).

Ему бы тоже следовало отдохнуть, но он не мог. Глухая тревога ворочалась, скреблась в груди. Нужно было подняться наверх как можно быстрее, иначе случится что-то ужасное! Что именно, он не знал и знать не хотел. В любом случае каждая секунда промедления означала лишние страдания для тех, кто внизу. Поэтому вместо того, чтобы поспать, он стал переплетать добытые утром провода — особыми, крепкими узлами, которым научил его Хонсу. Разбухшие от прилива крови пальцы не слушались и то и дело соскальзывали, но он продолжал работу, высунув язык; испаряющаяся слюна давала телу хотя бы немного охладиться. Когда жара наконец пошла на спад, у него на коленях лежала тугая резиновая коса, достаточной длины, чтобы протянуться от одного конца провала до другого. Проснувшийся страж поцокал языком от удивления; проверил узлы на прочность и остался доволен.

— Быстро учишься, — похвалил он. — Теперь попробуем забросить ее наверх.

Копье стража исчезло в провале вместе с каким-то летуном; но в песке удалось откопать несколько кусков искореженного металла. Выбрав один, с растопыренными в разные стороны «зубами», Хонсу закрепил его на плетеном канате и, став на последней из уцелевших ступеней, попытался закинуть наверх. Это оказалось совсем не просто; раз за разом мужчина закидывал самодельный крюк, но тот падал, не долетев до цели.

После пары часов бесплодных попыток Хонсу, отдуваясь, присел отдохнуть. Он приподнял оставленный стражем груз, взвесил в руках: тяжелый! Неудивительно, что Хонсу устал. Подражая ему, он раскрутил канат над головой и швырнул вперед, но тот не пролетел и десятка шагов, повиснув беспомощно, как дохлая змея в клюве птицы.

Страж хохотнул за его спиной.

— Не очень-то у тебя получается. А знаешь что? Давай-ка я тебя научу! Будем пробовать по очереди.

Хонсу, конечно, задумал это в шутку, но он с радостью согласился. Пока страж поправлял его, хлопал по локтям и по коленям, заставляя снова и снова швырять крюк в пустоту, казалось, что он занимается нужным делом, — и свербящая тревога ненадолго отступала. Скоро брошенный им крюк преодолел почти треть провала; куда лучше, чем первая попытка! Потом настал черед стража, но ему никак не улыбалась удача. К вечеру им так и не удалось забросить канат наверх.

— Думаю, нам стоит ночевать там, — сказал Хонсу, кивая в сторону от срединного провала, и подул на ладони: на них вздулись большие водянистые пузыри. — Поутру за стенами можно набрать воды и наловить жуков. Ты, небось, есть хочешь?

Он угрюмо вздохнул; голод беспокоил его куда меньше, чем задержка в пути. Но выбора не оставалось, так что они побрели к краю уровня, ступая осторожно, чтобы не потревожить змей, все еще сновавших по песку. Как и прошлой ночью, Хонсу оградил место ночлега веревкой, прошептав над ней какие-то заклинания; но поскольку здешняя живность казалась мирной, страж решил, что спать поочередно не стоит. Не разводя огонь, он зарылся в остывающий черный песок и закрыл глаза; низкий звенящий храп поплыл в ночи, время от времени прерываясь мучительным кашлем.

Через час или около того у него тоже получилось задремать; но и во сне он шел по

лестнице — той же, что и наяву. Он ясно видел ступени, щербатые, серо-белые, подпертые железными прутьями, от которых стекали красные потеки ржавчины. Хотя вокруг была сплошная чернота, лестница будто сочилась собственным светом — как и его тело. Но впереди мгла сгушалась, становилась сильнее, и ступеней через десять ничего уже было не разобрать. Вокруг стояла тишина; он слышал только свое дыхание, скрип мышц и костей и так поднимался долго, очень долго, пока ему вдруг не показалось, что кто-то идет навстречу. Легкие шаги; песок шуршит под ногами... Он остановился, всматриваясь в темноту, и увидел два белых глаза. Сначала он подумал, что это страж; но у глаз не было зрачков. Может, это были и не глаза вовсе, а просто провалы, через которые били лучи света? Затаив дыхание, он подался вперед, ближе, еще ближе — и вдруг тьма лопнула, как пузырь, выплескиваясь навстречу!

Он проснулся, подскочив, глотая ртом воздух, испуганно озираясь; но вокруг была обычная ночь, а не непроглядная чернота его кошмара. Он мог различить и волны песка; и очертания лестницы, спиралью уходящей вверх, чтобы оборваться в воздухе посередине между уровнями; и птиц, белевших в тени, будто спрятанные в капюшоны лица. Они спали, положив клювы на пуховые подушки между крыльев; спал и Хонсу, сопя и похрапывая. Но он не мог больше спать; нужно было сделать хоть что-нибудь!

Не придумав ничего лучше, он отправился к лестнице — туда, где страж свалил найденные днем куски металла; порылся в них, достал один — длинный, изогнутый, весь в пятнах и щербинах, — пристроил к краю ступени и стал очищать, возя туда-сюда, снова, и снова, и снова. К рассвету железо блестело, как зеркало.

Им не удалось продвинуться вперед ни на следующий день, ни через день. Хонсу не отчаивался, хотя ему и приходилось ежеутренне мучиться с очищением воды, прежде чем получить хотя бы глоток; зато стражу пришлось по вкусу хрустящие жуки. А вот он сам готов был грызть локти от злости, но вместо этого упражнялся в швырянии крюка. В конце концов у него стало получаться довольно неплохо.

— Да ты родился воином! — страж одобрительно хлопнул ученика по спине; теперь он пообвык и уже не боялся прикасаться к нему. — Вон и оружие себе смастерил. Носи его с собой — вдруг пригодится?

Хонсу говорил о куске металла, который он заточил уже до приличной остроты. Послушав совета, он сплел из ошметков проводов и проволоки что-то вроде пояса, на который можно было прицепить самодельный нож. Если подумать, это была его первая одежда, не считая доспехов, которые росли на нем с рождения. Теперь хоть было чем отбиваться от змей, летунов и прочих чудовищ, населяющих башню... Правда, спокойнее не стало. Каждую ночь один и тот же кошмар преследовал его: долгий подъем по лестнице, чье-то присутствие, невидимое, но угрожающее, и темнота, катящая вниз, как вал черной воды. Он понимал, что сон торопит его, велит идти вперед — но как?

Башня резко сужалась кверху: если нижний уровень был огромен, то этот он исходил вдоль и поперек всего за пару дней, а через неделю уже различал каждую из птиц, гнездящихся под потолком, по голосу. «На этом песчаном пустыре скучнее, чем в яме», — так он думал, бродя по барханам и бесцельно пиная песок, пока Хонсу прятался от дневной жары, как вдруг поскользнулся и чуть не рухнул навзничь. Под пяткой сверкнуло чистое золото!

Памятуя о том, что золото здесь означало неприятности, он сначала отшатнулся, но

потом любопытство взяло верх. Присев на корточки, он смел песок с соковища: это оказались не драгоценные самородки, а роговые пластины, все в разводах и пестринах, желтых, рыжих, бурых и черных, поднимающиеся и опускающиеся медленно, как во сне. Шириной это исполинское тело было с подпирающую потолок колонну, а длиной — кто знает! Затаив дыхание, он легонько коснулся чешуи; та была гладкой, как стекло, и горячей, как песок.

Позже он привел Хонсу к этому месту и показал находку.

— Большая змея, ничего не скажешь! Хорошо, что не голодная. Она нас не трогает — и ты ее не трогай, — велел страж; на том и порешили.

С канатом все никак не выходило, и он ломал голову над тем, как еще можно забраться наверх. Один раз, полазав по отросткам, выпиравшим из боков башни, он расшатал и выдернул с корнем несколько крутящихся шуток, затем при помощи ногтей и беззвучных проклятий разделил их на прутья, а те уже связал в подобие железной удочки. Увы, ее длины не хватило, чтобы донести крюк с веревкой до другого конца лестницы! Вот если бы Хонсу попробовал добыть остальные, не поддавшиеся ему ветряки... Но страж боялся ступить за пределы стен — от высоты у него подкашивались колени.

Еще они могли бы спуститься на нижние уровни, поискать там чего-нибудь полезного; но внизу подстерегали песчаные кровососы, летуны, муравьи и прочие недобрые обитатели здешних мест. Другой мыслью было: забраться выше по внешней стороне башни, цепляясь за сохранившиеся куски оболочки. Это он тоже попробовал: обвязавшись покрепче веревкой, полез наружу, но белое стекло было слишком скользким, а дующий снаружи ветер — слишком сильным. Он сорвался почти сразу и повис, раскачиваясь из стороны в сторону, пока Хонсу не втянул его обратно, ругая на чем свет стоит. От этой затеи тоже пришлось отказаться.

Теперь он только и мог, что сидеть, понурившись, пересыпая песок из ладони в ладонь, пока страж пытался зашвырнуть наверх бесполезный крюк. Привыкнув к его постоянному присутствию (а куда ему было деваться?), птицы-змеяды бродили вокруг, перекрикиваясь с сородичами и угрожающе потряхивая крыльями. Одна нежная, легкая пушинка упала ему на колени; от скуки он поиграл с ней, перебрасывая с пальца на палец, а потом подул — и та унеслась к провалу, но вместо того, чтобы упасть, закружилась над пустотой в вихрях горячего воздуха. Он замер, открыв рот. Это было безумие, но... Летуны ведь парили на своих кожистых отростках? Он был только немногим больше и по росту, и по весу; и разве он не чувствовал, как днем от камней и черного песка поднимаются волны жара? Надо только дождаться, когда воздух прокалится добела, и тогда можно будет взлететь на нем на следующий уровень!

Но для этого нужны были крылья; а откуда их взять?

Птицам для полетов служили перья; он же, как ни гадко было признавать, крупной головой и длинным телом больше походил на летуна. Значит, ему тоже сгодились бы перепонки... из какой-нибудь легкой и прочной ткани; и еще основа для них. Если у летунов кожа держалась на том, что когда-то было пальцами, ему придется соорудить скелет для крыльев из того сора, что разбросан по уровню. Так что чем тот будет проще, тем лучше. Он начертил в песке прямую линию — как будто железный хребет; от нее провел еще две — как разведенные в стороны руки; нужные еще косточки для прочности... Получилось что-то вроде широкого наконечника стрелы; таким крылом нельзя будет махать, но зато можно

будет поймать восходящий поток.

С великим трудом, жестами и рисунками, он объяснил Хонсу, что задумал. Страж недоверчиво покачал головой, обозвав всю затею безумной, но, кажется, ему самому так надоело впустую швыряться канатом, что Хонсу готов был заняться чем угодно другим. Тут-то и пригодились останки разобранных им ветряков! Из срединных осей, длинных, полых и очень прочных, они сделали «хребет» и «руки»; прутья потоньше приспособили для «костяшек». Он заметил, что птицы в полете подбирают лапы, а потому приделал позади еще и петли из гибкого провода, чтобы можно было просунуть в них ступни.

Дело оставалось за малым: одеть эти железные кости кожей. Оборвав с ветряков дюжину лопастей, он принес добычу стражу, но тот остался недоволен — материал, покрывавший их, оказался совсем ветхим! Дыры, маленькие и большие, усеивали его, как оспины; Хонсу, чертыхаясь, заштопал самые крупные. Хотя это выглядело не слишком надежно, он все же решился попробовать: следуя примеру птиц, сначала разбежался — и вдруг почувствовал, как ноги отрываются от земли! Крыло и правда поднимало его... Но тут что-то оглушительно треснуло, и он полетел лицом в песок. По счастью, их работа почти не пострадала — лопнула только ткань. Он вздохнул, растягивая в пальцах изодранные куски; нет, они никуда не годились!

— Ничего, — пробормотал страж, почесывая голову. Кажется, он и представить не мог, что из этой затеи что-то выйдет. — Утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумаем... А пока поспи.

Он послушался, но во сне его опять донимали лестница, и темнота, и невидимка, идущий навстречу; так что в полночь он проснулся с колотящимся от страха сердцем, сжимая пальцами бечевку на рукоятке самодельного ножа. Рядом дремал Хонсу и бормотал что-то, причмокивая губами; когда он вытащил у мужчины из-под бока свернутый канат с крюком, тот приподнялся, будто просыпаясь, и сразу повалился обратно. Бедняга! Отравы в питье, непривычная жара и обилие света сильно измотали его, хоть страж и старался ничем не выдать этого.

Он оставил Хонсу отдыхать, а сам направился к лестнице, думая поупражняться в бросании аркана, но посреди пути развернулся и пошел к краю башни, надеясь, что лютующий снаружи ветер выдует из головы все мысли, и вдруг заметил впереди тусклый блеск. Это была та самая змея-великанша, полузарывшаяся в хранящие тепло барханы; ее золотой покров посверкивал сквозь какую-то голубоватую патину. Он протянул руку и, ущипнув бледную пленку, медленно потянул на себя — та отделилась от чешуи, но не порвалась. Змея линяла, сбрасывая старую кожу... Вот из чего можно сделать крылья! Недолго думая, он снял с пояса самодельный кинжал и осторожно повел лезвием от хребта гадины до самого живота, раздувшегося от непереваренной пищи.

Змея не шевелилась.

Тогда, прикинув в уме, сколько еще материала потребуется, он подцепил острием второй кусок шкуры. Но не успел нож заскользить вниз, как гадина вздрогнула, будто от щекотки, и, роняя водопады черного песка, начала подниматься. Как же она была огромна! Даже когда морда — тяжелая, страшная — зависла посередине между полом и потолком, две трети тела еще оставались на земле. Над головой гадины, от ноздрей до самой макушки, подымались хрустальные рога — не пара, как у прочих змей, а не меньше дюжины. Ниже щурились два затянутых поволокой глаза; во время линьки змея была полуслепой, и от того озлобленной. Раскрыв пасть, она зашипела; он увидел лиловые десны, и раздвоенный язык, и

обнажившуюся на мгновение глотку — черную пещеру без выхода... А потом эта темнота понеслась на него, совсем как во сне.

Время замедлилось. Будто со стороны он наблюдал, как змея промахивается, врезаясь пастью в барханы, распрямляется — помутневшие зрачки белеют, как две чаши с молоком; песок струится между клыков — и снова бросается на него. Где-то за спиной закричал, проснувшись, Хонсу. Увы! Стражу никогда не успеть на помощь; а ему во второй раз не увернуться.

Он не стал и пытаться; вместо этого перебросил нож в левую руку, а вокруг правой обмотал канат и, когда змеиные челюсти сомкнулись вокруг него, со всей силы вогнал крюк в темное небо. Будто зыбь пробежала по глотке великанши — мышцы сокращались, заталкивая его внутрь, в дурно пахнущий зев; казалось, руку вот-вот вырвет из плеча. Как мог, он уперся локтями и коленями в пульсирующее мясо, тыча ножом направо и налево. Наконец брызнула горячая, темная кровь. Кажется, змее такой ужин пришелся не по вкусу — горло опять пришло в движение. Его протащило обратно, через волны красной плоти, по рядам загнутых внутрь зубов (если бы не панцирь, ему не уцелеть!), и швырнуло на песок.

Он упал, оглушенный, едва дыша; а потом, сквозь пар, поднимающийся от растекшейся вокруг лужи слюны и крови, заметил Хонсу. Тот скакал перед взбешенной, щелкающей зубами гадиной, отвлекая ее от легкой добычи. Нет сомнений — скоро змея достанет стража, безоружного, беспомощного!

И тогда он снова услышал голос.

Без звуков, без слов тот обращался к нему; он обещал силу, обещал помощь. Он говорил — вспомни! Только вспомни, кто ты такой; кем должен быть! Разве ты не убивал змей раньше? Ты убил тысячи. Ты родился убийцей. Это правда; остальное — ложь.

Ночь кончалась: воздух уже начал сереть. Свет, разгорающийся в высоте, отразился от самодельного ножа — и шершавое, грубое лезвие на мгновение вспыхнуло, превратившись в язык ослепительного пламени. Он может убить эту змею — он уже делал это раньше. Он убил тысячи змей. Он помнил радость охоты — ее опьяняющее, жадное нетерпение; и силу... силу, которая всегда была с ним.

Он родился воином.

Царем.

Богом.

Свет охватил его от макушки до пят, отражаясь от белых доспехов; его кровь стала огнем, его кости — железом. Змея уже гналась за Хонсу, быстрая, как золотая река в черных берегах; но он точно знал, где она окажется в следующую секунду. Взбежав на покосившуюся, разломленную пополам колонну, он прыгнул вниз и приземлился ровно посередине рогатого лба. Пока тварь не успела опомниться, он размахнулся и вогнал нож в толщу змеиного черепа. Это был гнутый, плохо заточенный кусок металла, но он с хрустом пробил кость и вошел глубоко — так глубоко, что руки по локоть ушли в рану, а ставшее скользким железо вырвалось из пальцев, ухнув вниз, будто утонуло в чане с маслом. Змея содрогнулась; ее мозг был поражен. Вот только она могла прожить достаточно долго, чтобы раздавить Хонсу исполинским телом! Потому он перебежал ото лба к ноздрям чудища, и, вцепившись в оголенную кожу, со всей силы потянул на себя; змея развернулась, точно конь под уздою, и рванула прямо к провалу. На мгновение ему показалось, что они рухнут туда вместе и расшибуются о дно башни, заселенное жабами и стрекозами; но, когда голова твари уже зависла над пустотой, она вдруг задрожала и обмякла, остановившись — теперь

навсегда. Хватаясь за шипастую чешую, он выполз наверх по изогнутой шее.

Свет горел над ним.

Он слышал голос; он почти различал слова...

— Ты убил ее! — заорал Хонсу, разрушая наваждение. Он моргнул; колени тряслись так сильно, что пришлось сесть на песок, прислонившись спиной к еще теплому змеиному боку. Его тошнило, но в желудке не было ни еды, ни даже желчи. Он спрятал лицо в ладонях, царапая веки ногтями. Он не знал, почему, но был уверен — то, что произошло здесь, было неправильно. Нельзя было слушать этого голоса; нельзя соглашаться. Теперь ему придется заплатить неведомую цену... но, по крайней мере, Хонсу жив.

Страж даже не догадывался о его мучениях; ощерив в улыбке острые зубы, мужчина хлопал его по плечам и спине и осыпал похвалами. Чтобы побыстрее прекратить это, он с трудом встал и потянул за кожистые складки на теле чудовища. Хонсу сразу все понял. Вдвоем они вырезали кусок змеиной шкуры и приладили его к металлическому каркасу. К полудню крыло было готово — легкое, широкое, прочное.

Ему вдруг стало страшно — так, что даже зубы застучали. Вдруг не получится? Вдруг перепонки порвутся, и он упадет вниз?.. Но отступать было поздно. Схватившись за поручни, он разбежался и снова почувствовал, как ноги отрываются от раскаленного песка. Будто невидимая сила тащила его вверх... Да так и было! Перемещая вес тела, он развернулся в сторону провала. Скоро пол уровня исчез; он парил в пустоте в самом сердце башни, на невообразимой высоте. Но он не стал задерживать взгляд на том, что внизу; вместо этого, сделав пробный круг, он направил крыло вверх — и пересек границу уровней.

Свет лился сверху и проходил сквозь крыло, сохранившее узор змеиной чешуи; от этого волнистые синеватые тени падали на лицо и тело, будто он сам влез в шкуру убитого чудовища. Стараясь не думать об этом, он кружил и кружил в ослепительном потоке; сила воздушных течений, поднявшая его сюда, теперь мешала приземлиться. А когда наконец получилось, он почти упал на лестницу, больно ударившись коленями и руками; выпутал ноги из резиновых петель. Жаль было отпускать крыло, но теперь оно было уже не нужно — он бросил его в провал.

На этом уровне не оказалось ни окон, ни разломов в стенах, поэтому там, куда не проникал свет, было черным-черно. Ему удалось разглядеть только круг гладкого серого пола, кое-где пересеченного линиями проводов. В слое пыли, за долгие годы нанесенной с нижних уровней, вились дорожки следов — маленьких, похожих на птичьи. Скоро и сами обитатели уровня вышли из темноты, чтобы приветствовать его. Ящерицы! Но совсем не такие, как несколькими уровнями ниже. Они были двух видов: одни — черные, с шипастыми телами и морщинистыми кожаными воротниками, сложенными вокруг шеи; другие — белые, гладкие и длиннохвостые. Ящерицы выстроились вокруг провала, как чередующиеся бусины на нитке. И вдруг черные развернули воротники — те полыхнули золотом, словно направленные прямо на него драгоценные зеркала. В это время белые задрали хвосты с широкими наростами — вроде стеклянных вееров, преломляющих и разбивающих свет на радужные искры. А потом ящерицы раскрыли рты и начали петь.

Он много чего ждал, но не этого! Твари правда пели: черные — низко, глухо, медленно поводя головами, чтобы сияние по капле перетекало с одной вызолоченной щеки на другую; белые — высокими, почти женскими голосами, потряхивая украшениями на хвостах. Те издавали чистый, приятный звон.

— Эй! — закричал снизу Хонсу. — Как ты там? Не расшибся?

Ящерицы, испугавшись чужого голоса, тут же умолкли и разбежались, скрывшись в темноте. Он похлопал глазами, не зная, что и думать о случившемся, а потом наконец занялся делом — снял с пояса канат с грузом и перебросил один конец заждавшемуся стражу. Это было куда проще, чем пытаться забросить крюк вверх: получилось с первой же попытки! Второй конец он привязал его к балке, торчащей из полуразрушенной плиты, прежде проверив ее на прочность.

Вытянуть стража у него не хватило бы сил, поэтому Хонсу пришлось самому карабкаться по веревке, натянутой над пустотой, как грузному жуку по травинке; но, несмотря на все перенесенные испытания, страж еще был очень крепок. Скинув балахон, от которого все равно остались одни лохмотья, мужчина ловко обхватил канат бедрами и пополз вверх — и только когда снова выбрался на лестницу, зашелся захлебывающимся кашлем. На плиты упало несколько капель крови; внутри сверкнули прозрачные, остроконечные камушки... Или ему показалось? Он хотел помочь стражу, но не знал, как; а Хонсу, только отдышавшись, сразу ткнул когтем в дыру над головой.

— Ну что? Пойдем дальше?..

Тело зудело от жара, как от укусов разозленных насекомых. Зубы пришлось сжать до скрипа: каждый случайный поток воздуха обжигал рот. Небо засохло и растрескалось, будто глиняный горшок в печи. Он вытянул левую руку, разглядывая пальцы: те мелко дрожали. Белые лучи отразились от пластин на тыльной стороне ладони, заставив его зажмуриться; свет резал глаза. Хонсу приходилось еще тяжелее: полуослепший, страж брел почти что на ощупь, то и дело запинаясь о ступени, слишком высокие для его роста. Нужно было остановиться, переждать до вечера, но они слишком боялись. Каменные плиты раскачивались под ногами, ржавые перекладки натужно скрипели, и казалось, что стоит замедлить шаг, как лестница просядет под их весом и рухнет. Он покосился на провал: где-то там, внизу, расстилалось сонное царство жаб, а под ним — город и, на самом дне, — его яма. При мысли о темной и тесной клетке, подвешенной над пустотой, его зазнобило, несмотря на жару. Придется вернуться туда... Да, но не сейчас; пока еще не время думать об этом! Прежде он должен встретиться со своим Отцом.

Едва поравнявшись с восьмым уровнем, они с Хонсу сразу бросились в густую прохладную тень, упали плашмя, дрожа и охая, и только через несколько минут пришли в себя и начали осматриваться. По пути вверх он уже видел много странного, но это место было самым странным из всех! Здесь почти не было пустого пространства: только полоса бетонного пола шириной всего в пять шагов, а сразу за нею — ряд железных дверей, вставленных в стены почти вплотную друг к другу. Створки кое-где были погнуты, будто в них бились с другой стороны, но ни разломов, ни дыр, сквозь которые можно было бы заглянуть внутрь, он не нашел. Правда, сбоку от каждой двери чернели пластины из гладкого стекла, с немигающими огоньками внутри; но тронуть их он не решился.

— Прежде чем пойдем дальше, надо дождаться ночи, — прохрипел Хонсу. — Иначе совсем ослепнем. Подумать только, всего три-четыре часа, и мы поднимемся на самое небо!

Он понимал, что страж прав, но тревога, много дней подряд мучившая его, не унималась. Сердце колотилось как бешеное; в носу свербило от запаха нагретого металла, и звуки, даже самые тихие, мучительно гудели в черепе.

— Остановись, — на тысячу ладов повторяли ветер, и скрип ржавых балок, и

причмокивание Хонсу, жадно обсасывающего водянистые бусины-ягоды. — Иди вперед. Остановись. Иди вперед. Остановись!

Он открыл рот — на язык капнуло что-то соленое; из носа текла кровь? Надеясь стряхнуть наваждение, он поднялся на ноги, но слишком поторопился. Голова пошла кругом; башня накренилась, завалилась вбок, и он упал на пол, ударившись коленями и локтями. Хонсу тут же подскочил, хлопотал вокруг, всплескивая руками, будто наседка над цыпленком.

— Бедный, бедный, — причитал страж, выжимая ему на затылок влагу из ягодных бус. — Перегрелся!

Но жара была ни при чем. Вытерев лицо (на ладони остались грязные серо-красные разводы: теплая вода, кровь, пыль), он встал и, шатаясь, побрел к железным дверям. Если чем-то занять себя, ждать будет проще. Хонсу, убедившись, что он в порядке, сел на пол, оперся о стену и высоко задрал подбородок — так стражу проще было справляться с приступами кашля. Кожа на его щеках и шее покраснела и шелушилась; вокруг глаз легли темные круги. Хонсу и правда стоило отдохнуть.

Он же снова принялся изучать двери. На вид те казались очень старыми: металл густо покрывали синевато-зеленые потеки окиси. Прижавшись носом к зазору между створками, он с силой втянул воздух; пахло странно — не то мхом, не то тиной; тяжелый, гнилостный дух. Прислушался — с другой стороны было тихо. Постучал ногтем по стеклянным пластинам в стене — одной, второй, третьей. Ничего! Но, как только он решил, что все механизмы башни давным-давно сломались, огонек под его пальцем вдруг сменил цвет с белого на тревожный желтый. Ближайшая дверь, истошно скрежеща, раскрылась.

Из проема повалил пар — большими мягкими клубами; а потом он увидел человека. Тот лежал на полу, полуутонув в молочной мгле; вокруг боков и конечностей обвивались сотни проводов. На влажной резине мерцали разноцветные всполохи: свет шел от стен, точнее, от развешанных по ним экранов. Большинство давно погасло, но некоторые еще работали, показывая разные уровни башни: вот летуны парят над провалом, расправив широкие крылья; вот хрустальные ежи бредут между колонн, фырча и цокая когтями; вот муравьи заползают на потолок, готовясь ко сну... Весь его путь можно было увидеть отсюда. Но кто следил за ним, если единственный обитатель этого тайника был мертв?

В этом не было никаких сомнений. Туман рассеялся, и он смог рассмотреть лежащего как следует. Тот распластался на животе, раскинув в стороны длинные руки, но лицо — точнее, желтоватый иссохший череп — смотрело прямо на них. Ему свернули шею.

— Не подходи! — крикнул прибежавший на шум Хонсу и сжал его плечо, мешая переступить через порог. Он не стал сопротивляться. В этом трупe было что-то пугающее, отталкивающее, заставляющее отводить взгляд. — Слушай, я не знаю, что тут происходит, но не трогай ничего больше, ладно?.. Что это за чудовище? Даже в сказках, что пела нам Мать, не было похожих!

Так Хонсу бормотал, облизывая трясущиеся губы, и вдруг вскрикнул.

Труп, только что расплостертый по полу, медленно подымался. Как-то ему удалось перевернуться на спину, и теперь он уже полусидел, опершись на руки; над плечами покачивалось слепое пятно затылка, поросшего короткими седыми волосами. А потом мертвец схватился за голову обеими ладонями — на запястьях, будто жилы, вздулись черные разветвления проводов — и с хрустом провернул череп на перекрученных позвонках. Струя белого тумана вытекла из щели между оскаленных зубов, а следом закапала тягучая желтая

жидкость.

— Бежим! — заорал страж, пытаясь утянуть его к лестнице; но ноги будто отнялись — он пытался сдвинуться с места и не мог. Мертвец распрямился во весь огромный рост и теперь шел прямо на них. Его суставы скрипели; от плеч, бедер и хребта с тихими хлопками отсоединялись трубки и провода, падали на пол и продолжали извиваться, выплевывая пар и капли мутной влаги.

— Прошу! Нужно идти! — кричал Хонсу, но он не мог последовать за стражем; не мог даже оторвать глаз от ожившего трупа — точнее, от знака на его груди. На куске истлевшей ткани был вышит красный круг с широко распахнутыми крыльями.

Мертвец был уже рядом. Костяная челюсть отвисла, обдавая запахом плесени и гниющих водорослей; костяные пальцы выпростались вперед, сжавшись на его шее. Заскрипели пластины панциря, вдавливаясь в горло, перекрывая ток воздуха. Губы похолодели от удушья. Он забился, пытаясь освободиться, но, пока хрипел и извивался, мертвец продолжал идти: в три шага преодолел расстояние между дверью и провалом, а потом вытянул руку — и он повис над пустотой.

И тогда мертвец спросил:

— Ты узнал меня, Нефермаат?.. Помнишь своего капитана?

Он разинул рот — не для того, чтобы ответить, а чтобы заглотить хоть немного воздуха; но ответ, кажется, и не требовался.

— На этот раз ты поднялся высоко, но пришло время возвращаться. Не сопротивляйся — ведь я выполняю твою волю.

Хватка мертвеца начала слабеть; он вцепился в окоченевшую, твердую как камень руку, чувствуя, как соскальзывает вниз.

— Не сопротивляйся. Ты ведь знаешь, что должен исчезнуть. Ты всегда знал это, с самого начала. Когда ты был создан, то должен был уступить место Матери и Отцу. Когда ты взошел на борт месектет, то должен был сгинуть вместе с кораблем, никогда не ступив на ту проклятую планету. Когда ты строил эту башню, год за годом, кирпич за кирпичом, то должен был создать ад, из которого не будет выхода. И создал! — труп злорадно клацнул зубами. — Ведь все это время ты знал: лучшее, что ты можешь сделать, это избавить мир от себя.

— Прекрати! — вдруг завопил кто-то. Скопив глаза, он увидел, как Хонсу бежит к мертвецу со ржавым прутом, выдернутым из лестницы, наперевес... Но враг оказался быстрее; свободной рукой он толкнул стража и отбросил прямо в провал. Хонсу даже не закричал; он упал бесшумно, как капля в колодец.

Озноб пробежал по его телу. Он пытался заорать — но не издал ни звука; пытался оцарапать склизкую кожу или пнуть врага — но труп не чувствовал боли. Выпустив из ноздрей шипящие струйки пара, мертвец сказал, почти с жалостью:

— Остановись. Ты правда думаешь, что защищаешь этих существ? Они часть сна; часть твоего наказания, Нефермаат. Они будут умирать и возрождаться вместе с тобой вечно. А теперь тебе пора возвращаться.

Мертвец угрожал ему — а он еле различал пришептывающий, хлюпающий голос в шуме, заполнившем голову. В уши будто насыпали пригоршню битого стекла. Он слышал все одновременно: стук сердца, свист ветра, гуляющего по уровням башни, пение ящерц, выползших из дневных укрытий, крики птиц, охотящихся на рогатых змей, писк кружащих в воздухе летунов, шорох песка под оскальзывающими лапами муравьев, звон кристаллов на

спинах ежей, мычание толстохвостов, надувающих морщинистые бока, рев жаб, барахтающихся в грязи болот... даже далекие тоскливые молитвы, несущиеся из подземного дворца сквозь растворенную золотую дверь. Все эти звуки, большие и малые, складывались в один хорошо знакомый ему голос.

И этот голос принадлежал ему.

Он закричал. Дрожь прошла по башне, от вершины до основания, ломая колонны, стряхивая бетонную крошку с потолков. Плиты пола вздыбились, опрокидывая мертвеца на спину; он повалился сверху, чувствуя, как проминаются под его весом гнилые ребра — совсем как стропила в обваливающемся от старости доме. В горле свербило, но не от боли и не от пыли, поднятой землетрясением.

— Я должен, — сказал он, с трудом ворочая языком. — Спасти их.

Черная гора на полу затряслась, издавая омерзительное, влажное чавканье: это мертвец хохотал.

— Десять раз! Десять раз ты уже пытался подняться наверх. В первый раз ты не смог выбраться из подземелья; во второй — умер от жажды среди воды; в третий — расшибся, сброшенный с лестницы. Тебя выпивали досуха кровососы, душили в едкой смоле муравьи, проглатывали змеи. Ты умирал уже десять раз, а все никак не научишься смирению! Все ползешь и ползешь — и до сих пор мнишь себя спасителем? Героем? Но ты не герой.

Мертвец зашевелился, поднимаясь, — уродливая груда костей и лохмотьев, сочащаяся туманом и желтой жижей.

— Когда ты убивал меня, ты думал о том, чтобы спасти наших товарищей? Нет! Это я хотел спасти их, от участи страшнее смерти. Но ты помешал мне; а ведь ты тоже слышал его голос! Ты тоже слышал его! Этот голос, который звал нас из глубины земли, из самого ядра планеты... Ты тоже слышал его, Нефермаат, и слышишь до сих пор! Это он привел тебя сюда. Признай! Признай! Признай! — мертвец ревел, как бык; его нижняя челюсть достала почти до ключиц, открывая пышущую паром глотку. — Или ты и правда забыл? Разодрал душу на две части, чтобы вырвать меня из памяти? Чтобы не признаваться себе, что в этой истории ты не герой, а злодей, и потому должен исчезнуть?

И растопыренная пятерня полетела в него, как крюк.

...Горят красные огни тревоги. Месектет заходится в беззвучном крике, корчится, как раненое животное. От невыносимого давления лопаются сосуды, прошивающие живую плоть корабля; по стенам стекает белесая лимфа. В ушах звенит, но это не вой сирен — они отключены. Только что ему снился кошмар; но что он видел?..

...Пожар растет; черная пшеница корчится в огне. От рук идет едкий запах горячего; удушающий дым клубами подымается вверх, застилая собой небо. Но красный глаз Амона все еще горит над ним, будто сам бог хочет увидеть, как он исчезнет...

...Свет, проходя сквозь стены колбы, становится красным; оседает пятнами на коже, блестит на трубках, подающих воздух и питательный раствор. Лицо движется за мутью стекла, как солнце в густом тумане. Губы открываются, обнажая блестящие белые зубы:

— Слушай внимательно, дитя мое. Я загадаю тебе загадку, а ты ответь: что светло даже в темноте?..

— Да, — сказал он, и костлявая ладонь замерла на расстоянии в полпальца от его лица. — Да, я слышал этот голос. Я слышу его до сих пор: он зовет меня и обещает силу и власть. Но не поэтому я иду вверх — а потому, что эта тварь долгие годы подтачивала башню изнутри и теперь грозит разрушить ее. Я должен остановить ее, не дать ей вырваться на

свободу. А потом я вернусь в свою темницу — обещаю. Я помню тебя, и я благодарен за твою службу; но сейчас пропусти меня, Нехебкау.

Мертвец всхлипнул, будто сраженный звуком своего имени, а потом с утробным рыком бросился на него, пытаясь прижать к стене и раздавить собственным телом. Пригнувшись, он схватил кусок пористого камня, упавший с потолка во время землетрясения, и, когда противник с размаху врезался в створку железной двери, со всей силы ударил по ней. Сноп искр — крошечных кусочков горящего железа, — брызнул в воздух, осыпая мертвеца. Его одежда отсырела в тумане, но остатки плоти вспыхнули, как бумага; желтая жидкость, текущая из пор, превратилась в огненный пот. Мертвец заорал, тянясь к нему растопыренными пальцами, на глазах превращающимися в золу.

— Ты обещал вернуться! Обещал! — кричал труп. — И будь ты проклят, если не сдержишь слово, Нефермаат!

Уже наступила ночь; колодец срединного провала до краев наполнился багряной темнотой. Лестница скоро кончилась, упершись в купол из толстого стекла, разделенный металлическими прожилками. Ощупав одну из них, он нашел задвижку; стоило вытащить ее, как один из стеклянных лепестков поднялся, открывая проход на последний уровень.

Наконец он выбрался на вершину башни. По бокам подымались прозрачные стены — совсем как в рубке на носу Кекуит. Только тут, в отличие от корабля, над головой темнел провал, ведущий в ночное небо, а посреди пола подымался остроконечный столп хрусталя. Источник света был там, на самой вершине — почти угасший, сжавшийся в мерцающий огонек. Сейчас он был слаб; его голос превратился в жалкий, жалобный лепет. Тварь зывала к нему, моля о пощаде... Но этому не бывать.

Он подошел к хрустальному столпу, подул на замерзшие руки, а потом, хватаясь за выступы кристаллов, полез вверх. Мимо плыли облака, пахнущие горечью и оставляющие на панцире холодные, темные капли. Пальцы то и дело срывались с гладких граней; один ноготь и вовсе выдрало с мясом. Воздух становился все тоньше, так что приходилось втягивать его и носом, и ртом. И все же небо — граница мира, который он создал сам, — становилось ближе; и его враг — тоже. Он схватит его, оплетет сетью чар, заставит замолчать; а потом, когда башне уже ничего не будет угрожать, вернется в свой ад.

Но когда он уже протянул руку, чтобы коснуться пламени, то увидел в небе глаза — белые глаза без зрачков; и лицо, склоненное вниз.

*Трижды верно ответил гость,
Трижды нить сумел развязать,
Испытание одолеть!
Дверь распахнута перед ним,
Угощение дымит в котлах,
Но скажи, многомудрый гость,
Как же нам тебя величать?*

*Звал один меня Тьма-и-Ночь,
Звал другой меня День-и-Свет,
Ты ж зови меня Эрлик Чойгьял,
Отвечал многомудрый гость.*

Вокруг не было ничего; они видели только висящий в воздухе огонек, то разгорающийся красным жаром, то скрывающийся под коркой угля, и свои руки, замершие на полпути к нему. Правая рука была белой («Как хатаги, привязанные к дверям храма; как снег на вершинах гор; как подношение молока и шо», — подсказал чей-то тихий голос), а левая — черной («Как подземные ходы, ведущие в города Лу; как лица гневных дакини; как шерсть яков, бродящих между соляных озер»). Огонек был совсем рядом, но не обжигал. Они потянулись к нему, осторожно коснулись пальцами — и тот изменился, превратившись сначала в длинную алую ленту, развевающуюся на неощутимом ветру, затем — в третью пятерню с блестящей багровой кожей и наконец — в чашу из сверкающего хрусталя с красной влагой на дне.

— Нефермаат, — позвал тихий голос. Правая ладонь дрогнула: они чуть не выронили чашу, но все же сумели удержать ее в руках. — Я знаю, почему ты поднялся наверх. Ты видел страдания бесчисленных существ и хочешь защитить мир и всех, живущих в нем, от участи еще худшей. Ты знаешь, что такое милосердие. Но посмотри, что ты желаешь сохранить.

Пар наполнил чашу до краев, и в его густых клубках они увидели темное подземелье, полное ржавых решеток и тяжелого, влажного смрада; поля тростника, восходящие и сгнивающие на корню; улиток и жуков, ползающих между корнями — и тонущих в грязи; жителей города, умирающих в муках, но рождающихся снова, и снова, и снова. Бледноглазые, испуганные существа, прячущиеся от света, как будто тот мог убить их, едящие гниль и пьющие отраву! Пар дрогнул, и на место этого видения пришло другое: город с золотыми крышами, окруженный хребтом Стены, — мертвый, засыпанный снегом, населенный призраками; а потом — красное небо Старого Дома и заросшая сорной травой земля, истомившаяся в ожидании того, когда солнце уже упадет вниз. Пронзительный, страшный вопль впился в уши: это мир кричал мириадами голосов, взывая к ним.

— Ты искал меня, чтобы пленить, чтобы вырвать огонь из моей груди и спрятать в ларце без ключа, в самых глубинах ада... чтобы тот огонь никогда не вырвался наружу. Но скажи, ты правда хочешь, чтобы все осталось как есть? Вечный круг, сон без конца — этого ты желаешь для мира? Ответь мне правду, Нефермаат. Скажи «да», и я приму твой выбор. Я позволю тебе удалиться в темницу, где никто и никогда больше не потревожит тебя. Но если

скажешь «нет», я дам тебе силу все изменить: сделать мир таким, каким он должен быть; превратить гниение в пламя. Ты зовешь меня чудовищем и врагом, но я не враг никому. Я горькое лекарство, которое тяжело проглотить — но хороший врач знает, что и горечь бывает необходима. Ты милосерден; но милосердие без мудрости губительно. Так ответить мне, чего ты хочешь?..

— Нефермаат, — позвал тихий голос. Левая ладонь дрогнула: они чуть не выронили чашу, но все же сумели удержать ее в руках. — Я знаю, почему ты спустилась вниз. Ты увидела суть вещей такой, какая она есть, и хочешь освободиться от пут, которые оплетают мир и всех, живущих в нем. Ты знаешь, что такое мудрость. Но посмотри, что ты желаешь оставить.

Пар наполнил чашу до краев, и в его густых клубках они увидели равнину, засыпанную черным от сажи снегом, ощерившуюся обугленными пеньками столбов; брошенные котлы, между которыми бродили чайки, переключаясь испуганными женскими голосами; морских зверей, плывущих между расколотых льдин — и тонущих в багровых волнах; жителей города, умирающих в муках, но рождающихся снова, и снова, и снова. Жалкие, испуганные существа, прячущиеся в своих убогих домах, будто стены могут защитить их от тьмы, едящие падаль и пьющие отраву! Пар дрогнул, и на место этого виденья пришло другое: стадо водяных Лу, изгнанных из придонных гнезд в пустыню. Жаркое солнце оставляет ожоги на нежной коже, пыль втирается в свежие раны, и змеи плачут от боли — совсем как чайки; как женщины, потерявшие дитя. А потом: подземные залы Старого Дома и колонны в черных проводах, тянущихся к обезображенным, ветхим телам, в которых живут такие же обезображенные души, скрючившиеся под грузом бесчисленных лет, но не имеющие мужества прекратить эту муку. Пронзительный, страшный вопль впился в уши: это мир кричал мириадами голосов, взывая к ним.

— Ты искала меня, чтобы сразиться, чтобы вырвать огонь из моей груди и присвоить его, став тем драконом, которого победила... чтобы самой вырваться наружу, за край мира, за пределы пределов. Но скажи, ты правда хочешь уйти, оставив все как есть? Для себя ли одной ты желаешь свободы? Ответь мне правду, Нефермаат. Скажи «да», и я приму твой выбор. Я помогу тебе удалиться в то неназываемое место, где никто и никогда больше не потревожит тебя. Но если скажешь «нет», я дам тебе силу все изменить: сделать мир таким, каким он должен быть; превратить гниение в пламя. Ты знаешь, что я ключ, открывающий все замки; но не ты одна томишься в цепях. Я широкая дверь, которая может пропустить многих; но если ты захлопнешь ее сейчас, им уже не найти выхода. Ты мудра; но мудрость без милосердия бесплодна. Так ответить мне — чего ты хочешь?..

— Ты лжешь! — крикнули они, крепче сжимая драгоценный сосуд. — И эта ложь выдает твой страх. Замолчи. Хватит прятаться. Явись передо мной, чтобы сразиться!

Содержимое чаши чуть колыхнулась.

— Я никогда не лгу, — отвечал голос. — Все сказанное — правда; ты убедишься в этом, если взглянешь на себя. Ты хотела идти вперед, потому что тебя влечет неназванное. Ты хотел остаться, потому что тебя гнетет долг перед имеющим имена. И вот одна душа разорвалась надвое, не в силах примирить левое и правое, мудрость и милосердие. Как свет и тень, навсегда связанные и никогда не могущие объединиться, вы — ты стоишь передо мною. Но слушай внимательно, дитя мое. Я загадаю тебе загадку, а ты ответь: что может примирить день и ночь?..

— Что ты такое? — спросили они, низко склонившись над чашей, но так и не

увидев своего отражения.

Тихий смех пробежал по влаге, как мелкая рябь.

— Если ты загадка, то я ответ, — сказал голос; и вдруг они узнали его — этот голос принадлежал им. — Так что же, Нефермаат? Хочешь узнать меня?

Они долго молчали, а потом поднесли чашу к губам.

С той памятной ночи прошло два десятка лет, а может, и больше: точнее не сказать. Я уже давно потерял счет времени, и не мудрено: зима за окнами дворца перестала сменяться весной. Снег никогда не тает, не уступает место черной, сладко пахнущей земле, а та не покрывается зеленью и не чахнет, снова уходя под снег... Нет больше зерна на полях, нет кустов на склонах гор и даже скрипящих от холода деревьев в заброшенных садах: последние сливы и миробаланы срубили годы назад, чтобы топить очаги. В Бьяру не гудят молитвенные барабаны, меря течение дня и ночи; над лакхангами не летят гортанные молитвы, отмечающие пору праздников... О чем говорить! Даже убогие, тусклые костры, изредка мигавшие за озером, и те исчезли. Ни князей в золотой парче, ни красавиц, убранных янтарем, бирюзой и кораллом, ни важных оми в носилках с павлиньими перьями, ни бродячих артистов, ни купцов в меховых шапках — никого не осталось. Только Стена еще возвышается над белой равниной, да в Перстне ютится горстка женщин и мужчин, охраняемая колдовством шенов: об этом я знаю от Ишо, который иногда является мне во снах.

Почжут все еще жив и выглядит, признаться, моложе меня; но у него не осталось ни расшитых шелком фартуков, поясов и халатов, ни хитросплетенных кос, лоснящихся благовонным маслом. Изредка — и с каждым годом все реже — он рассказывает мне: о том, как Бьяру, когда-то выросший из стен Перстня, снова вернулся в них; о том, как уцелевшие горожане устроили подземные поля там, где когда-то вились тайные ходы богов и лежали кости Лу; о том, что в холоде и сумраке родится только черная небесная пшеница — ее колосья случайно нашли в заброшенном княжеском саду.

— На вкус лепешки — как тряпка. При чем та, которой полы протирают, — жаловался Ишо, хлопая себя по втянувшемуся животу. — Я уже и забыл, как пахнут жареные момо. Но увы! И этот скудный урожай дается с трудом. Чтобы получить его, нужно тепло, да не просто тепло. Нужна жизнь — та, которая войдет из огня в землю, из земли — в зерно, а из зерна — в хлеб. Поэтому приходится мало-помалу разграблять Стену, вынимая из нее чортены... И вот, живые питаются мертвыми. Что ж, по крайней мере, теперь мы кормим многих, а не одного!

И Чеу Луньен горько смеялся.

Я же рассказывал ему о богах — для кого теперь хранить их секреты? Много почжут уже знал, но кое-что и ему оказалось в новинку. Особенно Ишо полюбились сказки ремет — те, что записали родители Сиа. Я помнил их наизусть и охотно потчевал его притчами о неверной жене колдуна, о путешествии за волшебной книгой, охраняемой призраками, и о зачарованном царевиче, избежавшем предсказанной смерти от змеи и от крокодила, но обреченном встретиться еще и с третьим зверем...

— И что было потом? — нетерпеливо спросил почжут, стоило мне запнуться.

— Не знаю. Сиа пролил на тетрадь что-то, и вместо слов дальше — сплошное пятно.

Ишо понурился, почесал затылок, а потом пробормотал:

— Ты говорил, что записал и нашу историю?

— Так и есть.

— О чем она, как полагаешь?..

Вопрос не застал меня врасплох — пока я составлял свитки, сам много размышлял об этом.

— Пожалуй, будь все случившееся сказкой, она звучала бы так: в темном подземелье жило чудовище, стерегущее сокровище. Иногда чудовище выползало на поверхность и поедало народ из города неподалеку. Об том узнал странствующий герой, родившийся под двойной звездой. Белая звезда сказала ему — помоги страдающим! Чудовище велико, но примени хитрость — закуй его в цепи во сне и оставь умирать от голода и жажды. Черная звезда сказала ему — укради сокровище! Чудовище велико и покрыто крепкой чешуей, но примени хитрость — дай проглотить себя и распори его живот изнутри, а потом оставь истекать кровью. Герой послушался своей судьбы; он сошел вниз и нашел логово чудовища...

— И что было потом?

— Потом, — отвечал я, — из подземелья никто не вышел.

— Хороший же ты писатель, Нуму, — раздраженно буркнул Ишо. — Зачем нужны сказки с таким концом?

И он растворился в темноте сна, печальный, как забытый на привязи баран. А впрочем, чему радоваться, если весь мир погрузился в ледяную гробницу... как и те двое, что повинны в этом?

Иногда я захожу проведать их, хотя мне тяжело лишний раз покидать спальню: в спине простреливает, а застуженные кости скрипят, как несмазанные петли. Но все же, держась за стены (лампы под потолком теперь едва тлеют: света здесь хватило бы только сове или нетопырю), я пробираюсь в заброшенный сад. Теперь там нет ни черной пшеницы, ни диких растений, ни пруда: на каждой пяди земли растут кристаллы. Если случайно наступить на них, можно поранить лапу до крови, так что дальше я крадусь на цыпочках. В самом сердце залы — там, где закончилось сражение Железного господина и Палден Лхамо, — самоцветы разрослись так, что превратились в огромный столп, от пола до потолка. Если прижаться лбом к его граням и заглянуть внутрь, можно различить очертания двух тел, прижавшихся друг к другу в вечных объятьях... Но, может, это мне кажется сослепу; молодая острота зрения давно покинула меня.

Иногда кристаллы горят в темноте — тем самым страшным, злым светом. Тогда я знаю, что чудовище ворочается глубоко внизу, под снегом и льдом, под корнями гор, не в силах выбраться наружу. Ун-Нефер сдержал свое слово: пусть он не смог сохранить Олмо Лунгринг, безымянная тварь останется здесь навсегда. Если правда то, чему меня учили ремет — что кроме нашего мира есть и сотни тысяч других, — то их обитателям нечего опасаться. Не будет больше смертей; не будет Эрликов. Кто бы ни жил там, за небесами — спасен. Правда, невольно мне становится жаль Железного господина... и даже его сестру. Позабыл ли я об их жертвах — тысячах душ, которые они погубили, вольно или невольно? Нет. И все же горько на сердце... Но я стар, и слаб, и слезлив, а потому надеюсь, что мне простится.

Да, я стар. Моя грива, когда-то черная, теперь совсем седа; и я давно окончил работу над свитками. Больным пальцам стало тяжело держать кисть и стило, и не о чем больше писать. Не о том же, как я чуть не лишился половины зубов, пока жевал волшебные хлебцы *те*? Их пресный вкус надоел мне до тошноты. Приходится солить их золою, чтобы желудок не выталкивал пресное угощение обратно. Унылое существование! Оно давно должно было

закончиться, но смерть все не приходит. Не оттого ли, что я боюсь умирать? А боюсь потому, что не знаю нового бардо. Раньше любой ученик шена мог растолковать, что ждет оставивших тело; но с тех пор нарушился весь ход вещей! Кто возьмется предсказать: попадет ли моя душа в пасть твари-под-землей? Притянется ли к Стене, чтобы забиться в один из пустующих чортенов, как птенец в яйцо? Или так и будет носиться неприкаянной, среди тысяч братьев и сестер, умерших во время долгой зимы, в вихрях метели, в черноте ночи, пока солнце не погаснет на небесах?

Увижу ли я печальный призрак Сиа, оплакивающего сына? Столкнусь ли с Рыбой, Макарой, Саленом — моими несчастными друзьями? Взглянет ли на меня голубыми глазами Кхьюнг... или она ушла в пределы, недоступные прочим? А может, в зимней буре явится грозный, беспокойный дух Зово, чтобы посмеяться надо мной — бессильным, никчемным стариком, который никого не спас и никому не помог?.. Не знаю; но боюсь. Правда, в те дни, когда одиночество становится невыносимым, я сам зову их и порою будто бы слышу голоса, отвечающие мне. Но, может, это ветер шумит в пустых покоях, или лед разрывает трубы в механическом чреве Кекуит?..

Вот и сейчас, с самого утра, я слышу краем уха щелканье, треск и звон. Уже почти полдень; звуки, хоть и размытые моей глухотой, становятся все громче... И, готов поклясться, они доносятся из сада! Я долго пытался не замечать их, но теперь все же пойду проверить, что происходит.

Едва справившись с туфлями (те подпрыгивали на полу, словно пара парчовых кузнечиков), я вывалился из спальни и побрел темными коридорами к сердцу Когтя. Отчего тряслись мои поджилки — от старости или от страха? Или это сам дворец дрожал от основания до макушки? Не знаю; но когда я добрался до сада, там все ходило ходуном. Земля взрывалась, брызгая черными комьями; стены трещали, роняя куски багрового стекла, и отовсюду, как пчелы из потревоженного улья, лезли кристаллы. Снизу, сверху, с боков — точно стрелы, они протыкали тело дворца. Я и хвостом не успел махнуть, как мне перегородило путь обратно! Оцепенев, я тупо таранился на светопреставление вокруг; и вдруг в ушах взвыло — истошно, жутко. Не сразу я понял, что впервые за долгие годы слышу голос Кекуит; она проснулась! Что-то двигалось в ее нутре, что-то вздыхало и шевелилось, и снаружи ее потугам отзывались гроыхание и гул... Стена!

Опомнившись, я изо всех сил поспешил вперед — к прежнему выходу из дворца, откуда спускалась на крышу Перстня корзина с Чомолангмой... Но сейчас было не до воспоминаний! То и дело спотыкаясь, оскальзываясь в грязи и царапая шкуру о проклятые каменюки, я обогнул сад по краю, старательно держась подальше от хрустального столпа. Тот вспыхивал, и угасал, и вспыхивал снова, будто кто-то раздувал могучим дыханием тлеющие угли. Боги, боги! Что же творилось?.. Наконец я оказался у прохода, ведущего наружу. Не нужно было оборачиваться... но я обернулся.

Столп треснул. Из его сердцевины бил свет — красный, как свежая кровь; края разлома мало-помалу расходились, обнажая что-то живое, влажное, шевелящееся... Взвизгнув, я бросился прочь, вмиг забыв и о старческой немощи, и о больных лапах, и остановился только у заслона — того, за которым в былые времена прятались лха в утро Цама. Задыхаясь, я прислонился лбом к холодной поверхности. Идол с бычьей головой, сидящий на страже дворца, грустно уставился в пустоту; сквозь поврежденные стены на железную морду сыпал снег. Я вытянул лапу и поймал одну снежинку; белый комочек исчез на пальце. Вдалеке

скрежетали поворачивающиеся механизмы Стены. Я знал, что это значит — конец. Чудовище вырвалось на свободу и сейчас забирает приготовленные для него жертвы. Я знал... но не мог поверить.

С оглушительным шумом панцирь Когтя обвалился, рухнул вниз, пробивая чешуями заснеженные крыши Перстня (дай боги, чтобы его обитатели в это время прятались под землей!), разрушая древний мэндон, рассыпаясь по темному льду Бьяцо. Внутренности корабля сначала обвисли, как выпущенные кишки, а потом и вовсе оторвались, и на черном камне Мизинца остался только оголившийся скелет, похожий на высунутый железный язык. Даже ложная стена за спиной быкоголового идола раскололась; только я остался цел и невредим.

А потом настала тишина, и в ней я услышал шаги.

Щурясь, я пытался рассмотреть, кто идет, но поначалу видел только дрожащее пятно, окруженное завихрениями горячего воздуха. Приблизившись, оно стало походить на существо с длинными конечностями и паучьими пальцами ремет. Вот только у него не было ни глаз, ни рта, ни признаков пола, и все тело горело краснотой расплавленного металла! Или я сослепу ошибся? Багровая оболочка была не кожей, а длинным платьем, из которого выглядывали белые ладони, шея и ступни. Да, это точно ремет! Но кто? Неужели кто-то из тех двоих?..

Нет; лицо странного гостя не принадлежало ни Ун-Неферу, ни Селкет. Оно было совершенным и неживым, как маска. На бескровных губах застыла мирная улыбка. Веки сомкнулись, будто во сне, но это ничуть не мешало гостю. Он поравнялся с тронном, занятым быкоголовым идолом, и чуть коснулся замерзшего изваяния. То со звоном повалилось на пол; железо расколосось, как глина, а гость сел на освободившееся место. Опали складки красного шелка, и я увидел узор, покрывающий чудесный наряд: у подола изгибались, переплетаясь, волнистые хребты Лу; у бедер были вышиты звери, подобные снежным львам, резво скачущие и скалящие друг на друга кривые клыки; а еще выше, у груди и горла, расправляли крылья неведомые птицы, каких не водилось в Олмо Лунгринг.

Вдруг гость открыл глаза. Те были как два зеркала, лишённые белков и зрачков, но я знал — он смотрит на меня. Шерсть на загривке стала дыбом.

— Кто ты? — спросил я. Грудь гостя не колыхнуло дыхание, когда он произнес:

— Эрлик.

Это голос я вспомнил сразу: голос Железного господина, голос Пален Лхамо... Но он больше не принадлежал им. Невольно я отшатнулся. Из глотки вырвалось рычание, прерванное глухим стариковским кашлем.

— Не бойся, Нуму. Подойди. Я не причиню тебе вреда.

— Как не причинил моим братьям и сестрам?! Я слышал, как ожила Стена, но земля все так же покрыта льдом! Так куда делся собранный в чортенах жар? Куда делись сотни тысяч душ? Не они ли надеты на тебе сейчас? Я вижу, этот наряд — не из простой ткани. Он сделан из Лу, и вепвавет, и ремет! Мы все... мы...

Я запнулся, не зная, что сказать. Да и какие слова подошли бы? Мне оставалось только вопить от боли и отчаянья, как загнанному зверю. А страшный гость кивнул все с той же улыбкой.

— Так и есть — мое платье соткано из душ. Но другого выхода не было, Нуму. Я пришел издалека. Этот мир не смог бы ни принять меня, ни вместить, не скройся я, не сожмись... не оденься в его скорлупу. Ты видел, как губительны малейшие отблески моего огня — они

проходят насквозь и плоть, и камни, и металл. Ты слышал, как эхо моего голоса заставляет рушиться горы. Подумай об этом и поймешь, что жертва была необходима.

— И что теперь? Зачем ты явился сюда? Зачем все это?!

— Зачем? — зеркальные глаза гостя блеснули, отражая свет дня; солнце почти достигло зенита. — Я пришел сделать ровно то, о чем столько твердили ваши шены: начать новую югу — благословенную югу Железа. Не только здесь, на этом маленьком, затерянном в пустоте клочке земли: вся вселенная ждет меня. Все царства падут; все венцы склонятся. Я приготовлю мир к тому, что грядет.

— Что грядет?.. О чем ты?

— Не спрашивай, Нуму, — сейчас не время. Лучше прислушайся, — улыбка гостя будто стала шире. Я наострил уши — и правда, точно гром рокотал вдалеке. — Это идут настоящие боги — не самозванцы и не маленькие хозяева здешних гор, ущелий и рек. Тысячи испуганных лха с мириадами духов свиты стремятся сюда сквозь девять небес...

А пока они не пришли, у меня есть дело: помнишь, я обещал вознаградить тебя за службу? Но ты хорошее зеркало, Нуму — молчаливое, темное зеркало. Тебя еще стоит немного отполировать... Но даже сейчас я вижу свое отражение ясным и почти не искаженным; а потому хочу, чтобы ты и впредь служил мне. Выбери сам: можешь уйти сейчас — и я дам тебе в награду новую жизнь, долгую и счастливую, полную тысячи наслаждений. Или можешь остаться со мной — тогда я исполню любую твою просьбу... только не проси вернуть то, чего вернуть нельзя.

Шерсть у меня на загривке стала дыбом. Хвост плеткой хлестнул по бедрам; кровь зашумела в ушах. Хотя я и был стар, но сердце наполнила такая ярость, какой я не ведал и в дни молодости! Моя судьба — и тысячи чужих — встали перед глазами: жизни бедняков, отправившихся в столицу в поисках лучшей доли, только для того, чтобы умереть в лапах шенов на подступах к Бьяру; строителей, сворачивавших шеи, когда ветер срывал их со Стены, как гроздь перезревших ягод; худых, голодных девочек, проданных родителями в дома удовольствий; шанкха, молящихся в одуряющей духоте темниц или на морозе, в едва прикрытых войлоком ямах; Макары, убегающей прочь из Перстня; Зово, проклиняющего богов; Шай; Сиа... Неужто эта тварь думает, что я приму ее подачки?! Я уже хотел разразиться потоком отборной ругани, но вдруг осекся и пробормотал:

— Значит, я могу просить все, что угодно?

— Все, что угодно, — подтвердил Эрлик.

Я обвел взглядом мир внизу — утопающие в снежных тучах горы, Перстень, где уже суетились шены, разбирая обломки дворца и с ужасом поглядывая вверх, озеро Бьяцо, хранящее в замерзших водах останки праведников и жертв, столицу с ее золотыми крышами и курильницами, еще мерцающими сквозь голубой иней, реку Ньяханг, утекающую далеко, сквозь всю Олмо Лунгринг, к перевалу, за которым лежала южная страна... Быть может, где-то там еще остались уцелевшие? А если и нет, сколько мертвых бродит сейчас в сумеречном бардо, не находя приюта и нового рождения! Не все сгинули в чортенах; не все были сожраны чудовищем... по крайней мере, пока. Чего стоит моя гордость? Моя злость? Дядя Мардо когда-то говорил, что я щенок ценой всего в три танкга; наверное, так и есть. А потому, склонив голову, я сказал:

— Хорошо. Я буду служить тебе, но взамен прошу: отпусти всех, кто еще пребывает в этом мире, живой ли или мертвый. Дай им новый дом — место, где они могут быть счастливы.

— Сделано.

— Уже? — опешил я. И правда, в Перстне, где только что сновали черные муравьишены, теперь остались только следы на снегу! А прямо передо мной, на полу, заваленном осколками металла, камня и стекла, вдруг появились предметы из спальни: старая маска — Гаруда с отколотым клювом, миска с разведенными утром чернилами, кисть для письма и свитки желтоватой кожи — тринадцать свернутых и запечатанных и еще один, не заполненный до конца.

— Зачем это здесь? — спросил я, тупо уставившись себе под лапы.

— Это твоя работа; тебе и решать, — отвечал Эрлик, а потом велел, указывая на Гаруду. — Надень свою маску.

— Я не могу; она мне больше не по мерке, — возразил я, но все же поднял личину.

Будто во сне, под взглядом зеркальных глаз, я прикладываю ко лбу лакированное дерево; точно клей, оно липнет к меху, затем срастается со щеками и подбородком. Это не просто морок; нет! Пока я пишу эти строки, чувствую, как тело меняется: седая шерсть чернеет, превращаясь в вороньи перья; вместо обвислых ушей по бокам головы поднимаются совиные рога; и хвост, удлинившись, становится похож на змею... В голове гудит и трещит — совсем как в тот день, когда я впервые оказался в Когте, когда Железный господин чуть не стер мое Рен. Дыхание учащается, и сердце бьется быстро и тяжело. Что будет теперь со мною и с миром? Я меняюсь; и ему суждено измениться; но как?..

Я отрываю глаза от свитка и вижу Эрлика на сверкающем троне. Небо над его головой раскалывается, будто разбитое молнией, и в темном колодце наверху, проходящем равно сквозь дневные небеса Нун и сквозь ночные небеса Наунет, проступают испуганные лица неведомых богов. Они роятся в облаках, как снежинки в буре; они пришли на зов и готовятся к битве с новым господином — с Железным господином. Но кто победит?.. И увижу ли я исход?

Чары нещадно жгут мой разум... Я силюсь вспомнить, кто я, — и не могу. Только чувствую, как что-то теснит грудь — тонкая нить, связывающая меня с кем-то далеким и дорогим. Я слышу нежный голос: «Судьба несет нас, куда пожелает, как ветер несет песчинки... но я постараюсь защитить тебя — а ты постарайся быть счастливым, Нуму». Потом и эта нить лопается, и огонь поглощает меня.

Больше книг на сайте - Knigoed.net